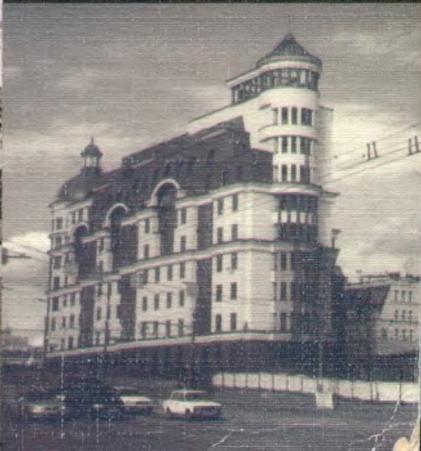

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ *в Европейской России:* СТО ЛЕТ ПЕРЕМЕН

О·Г·И / Полит.ру

ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

сто лет перемен

Памяти Вениамина Петровича СЕМЕНОВА-ТЦН-ШАНСКОГО

О · Г · И

Москва 2001

Автор идеи и проекта: П. Полян

Редакторы-составители: Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш

Карты по эскизам авторов выполнены: компьютерные — С. Сафроновым, карты ручной работы — Е. Олешкевич

Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. — М.: ОГИ, 2001 (Серия ОГИ / Полит.ру). — 560 с.

Вышедшая в 1910 году и ставшая классической книга В. П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России» подводит итоги сельского и городского расселения накануне XX века. С той поры прошел целый век.

Настоящая книга — это попытка проследить и понять вековые тренды, подвести итоги развития города и деревни в Европейской части России накануне уже XXI столетия. Это потребовало не просто сверки и сличения данных за начало и конец века, не просто верификации данных и прогнозов, сделанных самим В. П. Семеновым-Тян-Шанским, но и радикального, в соответствии с изменившимися требованиями, пересмотра концептуального и методического арсенала исследования. Эмпирически в книге рассматриваются основные демогеографические итоги уходящего столетия, стадии расселения, урбанизации и индустриализации, стабильные черты рисунка расселения, основные предпосылки и результаты экономического развития городов, преемственность и изменения в сельской местности, проникновение горожан в деревню и сохранение сельских черт городами, политическая и религиозная специфика города и деревни. Многочисленные карты, таблицы и статистические приложения позволяют провести сравнительный анализ состояния городов и деревни в начале и конце XX века.

Книга адресована научным работникам, преподавателям и студентам, а также политикам и лицам, принимающим решения.

ISBN 5-94282-030-9

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об этой книге (П. Полян, Т. Нефедова, А. Трейвиш)</i>	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕРЕВНЯ И ГОРОД: ОБЩИЕ СУДЬБЫ	19
1.1. «Город и деревня в Европейской России» В. П. Семенова-Тян-Шанского глазами современников и потомков (П. Полян)	21
1.2. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф (П. Полян)	33
<i>Россия: территориальные рамки. Динамика населения России и демографические катастрофы: периодизация. Начало века: стольпинские реформы и всплеск эмиграции. Первая демографическая катастрофа (1915–1922 гг.). Вторая демографическая катастрофа (1930–1936 гг.) Третья демографическая катастрофа (1941–1948 гг.). Население России во второй половине XX века. Тенденции конца восьмидесятых и девяностых годов. Вениамин Петрович Семенов- Тян-Шанский в демографическом контексте века</i>	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОРОД	
2.1. Города Европейской России в конце XIX века (Г. Лаппо)	65
<i>Развитие городов и формирование их сети к концу XIX в. Основные черты урбанистической ситуации в России в конце XIX в.</i>	
2.2. Истинные города В. П. Семенова-Тян-Шанского сегодня (Г. Лаппо)	79
<i>Критерии «истинного города». Истинные города, уже имевшие статус города. Истинные города, не имевшие статус города. Будущие города. Административные центры</i>	
2.3. Города как экономические центры: вековая эволюция (Т. Нефедова, А. Трейвиш)	95

<i>Еще раз об «экономическом городе» В. П. Семенова-Тян-Шанского. Смена городов-лидеров Европейской России по людности. Смена экономических лидеров. Экономические центры и районы. Неформальные лидеры в регионах. Что добавляют карты. Ведущие типы экономических центров и их эволюция</i>		
2.4. Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты (Г. Лаппо)	124	
<i>Стремительность урбанизации. Образование и создание новых городов. Промышленность — главный фактор урбанизации в Европейской России. Качество российской урбанизации. Рост числа и значения больших городов. Городские агломерации и опорный каркас расселения (П. Полян). Наукограды. Пространственное развитие урбанизации. Новейшие тенденции в расселении (1989–1998 гг.). Незавершенность урбанизации в Европейской России</i>		
2.5. Количественные характеристики урбанизации в регионах Европейской России за 100 лет (Р. Попов)	155	
<i>Основные этапы и результаты урбанизации. Типы урбанизации регионов Европейской России</i>		
2.6. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации (Т. Нефедова, А. Трейвиш)	171	
<i>Советские и постсоветские вызовы теориям урбанизации. Стадии российской урбанизации по изменениям в людности и миграционной аттрактивности городов разного размера. Географические различия в дифференциальной урбанизации. Крупные экономические районы: миграционные балансы городов. Регионы и городские агломерации: динамика населения. Дифференциальная урбанизация внутри городских агломераций</i>		
2.7. Динамика и состояние городов в конце XX века (Т. Нефедова, А. Трейвиш)	196	
<i>Городская динамика и миграции. Дегрессивные и растущие города в конце века. Оценка относительного благополучия городов. Здоровые и больные: сколько городов и горожан и чем они заняты? Здоровые и больные: где они расположены? Альтернативы формальным лидерам. Что добавляют местная экономическая статистика и личные наблюдения</i>		
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕРЕВНЯ		
3.1. Эволюция сельского расселения в первой половине XX века (Д. Лухманов)	225	

<i>Плотность сельского населения в начале XX века. Региональные вариации расселения в начале века. Изменения в сельском расселении в первой половине XX века. Плотность сельского населения к 1959 г.</i>	
3.2. Эволюция сельского расселения в 1959–1989 годах (Д. Лухманов)	240
<i>Современные результаты вековой эволюции сельского расселения. Плотность сельского населения, размеры и густота поселений к 1989 г. Сдвиги в распределении сельского населения по периодам. Региональные структуры расселения. Основные следствия структурных изменений расселения в 1990-м годах</i>	
3.3. Несельскохозяйственные сельские поселения: трансформация за век (Д. Лухманов)	272
3.4. Географические типы сельской местности Русской равнины (Т. Нефедова)	278
<i>Прошлый и нынешний облик типов местности В. П. Семенова-Тян-Шанского. Современная организация внегородской территории</i>	
3.5. Хозяйство российской деревни и население (Т. Нефедова)	285
<i>Аграрная Россия в начале XX века. Реформы начала века. Послереволюционные аграрные преобразования. Сельское хозяйство во второй половине века. Сдвиги в землепользовании и заселении. Региональный пример вековых изменений. Основные итоги пространственного развития сельского хозяйства к 1990-м годам</i>	
3.6. Сельское население и сельское хозяйство к концу XX века (Г. Нефедова)	316
<i>Сельское население: феномен роста. Хватает ли рабочих рук на селе? Аграрные реформы 1990-х. Возвращение к истокам. Выживут ли коллективные предприятия? Агропромышленная интеграция сверху и снизу. Региональные пути выживания сельской местности</i>	
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ: ПЕРЕМНЫ РОЛЕЙ И ОТНОШЕНИЙ	
4.1. Город, село и региональное развитие (А. Трейвиш)	337
<i>Волны модернизации, пространство и расселение. Вековые географические сдвиги в экономике и расселении России. Населенность российских районов и ее вариации. Динамика</i>	

<i>основных типов занятий по регионам европейской части страны. «Сельские» и «городские» занятия деревни и города</i>	
4.2. Российские пригороды. Горожане в сельской местности (Т. Нефедова)	374
<i>Пригороды как зоны стягивания населения. От отходничества до маятниковых миграций. Горожане в сельской местности. Изменение землепользования в пригородах и рынок земли. Природопользование в пригородах крупных городов. Градиенты, пороги, барьеры в пригородах на примере Москвы и Подмосковья</i>	
4.3. Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе (Т. Нефедова)	400
<i>Благоустройство городов разного размера в начале и в конце века. Уровень оборудования канализацией как индикатор городского образа жизни. Деревня в городе</i>	
4.4. Политическое поведение города и села в начале и конце XX века в зеркале думских выборов (А. Титков)	414
<i>Выборы в Государственную Думу 1906–1912 гг. Политико-географические особенности послереволюционного периода. Политические предпочтения города и села в голосованиях 90-х годов. Сравнение прошлого и настоящего: устойчивость политико-географической структуры. «Центр—периферия»</i>	
4.5. Конфессиональное пространство России в начале и в конце XX века (С. Сафронов)	443
<i>Преимственность распространения конфессий в начале и конце века. Основные конфессии России. Элементы конфессионального пространства. Сдвиги в пропорциях разных конфессий</i>	
Заключение (А. Трейвиш)	461
Список литературы	467
Приложения:	
Приложение 1	493
<i>Официальные и истинные (по В. П. Семенову-Тян-Шанскому) города Европейской части России в конце XIX века и современные города: население и торгово-промышленный оборот (Т. Нефедова, А. Трейвиш, консультант Г. М. Лаппо)</i>	
Приложение 2	533
<i>Население и иерархия 50 крупнейших городов за 100 лет (Т. Г. Нефедова)</i>	

Содержание

Приложение 3	536
Характеристики городов Европейской России в разрезе микрорайонов в конце XIX и XX веков (Т. Нефедова)	
Приложение 4	548
Городское и сельское население по регионам Европейской России в 1897, 1851 и 2000 гг. (А. Трейвиш)	
Приложение 5	551
Городские агломерации Европейской части России, 1959–1999 (П. Полян)	
Annotation-acknowledgement	554
Contents	555

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Название нашего довольно объемистого, но не всеобъемлющего труда кому-то может показаться слишком широким и даже претенциозным. В оправдание хотя бы перед другими специалистами, изучающими города и села страны со своих позиций, расскажем вкратце, как затевалась книга, что происходило с этой затеей в ходе ее воплощения и что из нее вышло.

Два главных, уже покойных, виновника ее появления — это двадцатый век и Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский (далее — В. П.), яркий представитель знаменитой династии русских географов. Его классическая монография «Город и деревня в Европейской России» (1910), посвященная расселению людей по этой ключевой части страны буквально на старте XX века, не могла не взволновать нас, географов — последователей В. П. и свидетелей бурного финиша того же столетия, а с ним и тысячелетия. Стоя на очередном перевале, мы не устояли перед соблазном сделать те или иные сравнения с размышлениями и результатами В. П., а главное — попытаться понять и заново подытожить развитие города и деревни в Европейской России на протяжении века. Хотя книгой В. П. пользовались историки и экономисты, социологи и политологи, политики и градостроители, она не была исчерпывающей. Не хватало многого, без чего раскрытие самой «природы» города и деревни не могло считаться полным тогда и тем более теперь. Но труд В. П. ценят не за то, чего в нем нет, а за то, что сделано, прежде всего за выявление сотен так называемых истинных (экономических) и мнимых городов старой России и за глубокий географический анализ их сетей.

Мы, в свою очередь, понимаем, что порой «влезаем» в сферу компетенции смежных дисциплин, а с другой стороны, подобно В. П., не можем осветить все стороны городского и сельского бытия одинаково добротнo. И все же надеемся, что в своей профессиональной сфере делаем некий шаг вперед, к осознанию обратимых и необратимых сдвигов в населении и расселении, их устойчивости / изменчивости, соотношения мощных эволюционных трендов и зачастую не менее весомых по их последствиям событий конъюнктурно-политических, кризисных, катастрофических (Россия есть Россия, а XX век — это XX век).

С самого начала В. П. невольно задал авторам этой книги некоторые «правила игры», которых они старались держаться. Первый ход напрашивался сам собой — повторить шаг за шагом исследование В. П., только на материалах сегодняшнего дня, спустя

столетие. Но от идеи такого «ремейка» и соответствующего ей построения книги мы позже отказались. Дело даже не в иных внешних границах и внутреннем административном делении изучаемой территории, к которому привязаны многие данные, и не в неповторимости по этой причине тех или иных расчетов В. П. (как раз тут участники проекта, приложив немало усилий, все-таки добивались сопоставимости на вековой дистанции — см. Приложения). Куда важнее оказались невиданная динамичность и качественная новизна геодемографических явлений XX века, что потребовало постановки и решения задач, начисто отсутствовавших у нашего вдохновителя.

Когда мы это поняли, книга сменила подзаголовок: вместо «сто лет спустя» стало «сто лет перемен». Тем самым подчеркнута попытка поставить во главу угла анализ процессов, тенденций, сдвигов. В то же время простое сравнение двух состояний, картин, разделенных столетним лагом, как естественный прием не могло быть отброшено по этой причине и присутствует в большинстве глав (иногда в усеченном виде).

Непостоянна сама исследуемая территория. Ее рамки трудно задать жестко, ибо она по воле истории и людского восприятия все время разная. Чаще всего это европейская часть современной России, но в ряде случаев — вся РФ или Европейская часть СССР, весьма близкая к той территории Российской империи, которую рассматривал В. П. Закавказье и нынешнюю Курганскую область он сам не относил к Европе, а мы, используя его данные и расчеты, обычно исключали Польшу и Финляндию (впрочем, последняя была во многом, в том числе статистически, обособленной от старой России, и у В. П. часто выпадала). Распад СССР и недостаток информации по его бывшим республикам к самому концу века роковым образом сузили поле нашего анализа. Лишь иногда нам удавалось восполнить эти новейшие пробелы, хотя бы оценочно и приближительно.

Не могли быть едиными способы и сетки внутреннего членения Европейской России. Общее требование тут одно: адекватность задаче и обеспеченность данными. Используемые в книге территориально-административные «этажи» варьируют от уровня поселения до уровня крупного экономического района и их групп (макрозон). Но чаще всего это уровни субъектов и городов Российской Федерации, по которым есть сколь либо надежная ретроспективная статистическая база (по Чечне и отчасти Ингушетии в силу известных причин нет таковой как раз за последнее десятилетие).

Книга состоит из четырех частей, дополненных заключением и приложением. Первая часть — это общий взгляд на население России и на ту драму, которую ему пришлось пережить. Во второй и третьей частях рассматриваются вековые сдвиги соответственно в городском и сельском расселении Европейской России, а в четвертой — их интеграция, переплетение и взаимодействие.

Первая часть (автор *П. Полян*) включает две главы. *Глава 1.1* представляет собой экскурс в обстановку написания, ключевые идеи «Города и деревни», их значение для современников и потомков, в общем это осанна автору того и вдохновителю этого труда — В. П. Семенову-Тянь-Шанскому, но осанна критическая. И еще — как бы расстановка фигур перед игрой. Игра же началась с того, что смешала фигуры, а то и просто

скинула их с доски. Поэтому в *главе 1.2* рассмотрены основные изменения, прежде всего демографического и этнического свойства, произошедшие с населением страны в течение века.

Вторая, самая обширная часть (из семи глав) посвящена городам. *Глава 2.1* «Города Европейской России в конце XIX века» (автор *Г. Ланно*), обозначая стартовые позиции, уводит нас в прошлое, причем на несколько столетий. При всей слабости сети старых городов им периодически приходилось держать экзамен на «профпригодность». Не без удивления сталкиваешься с тем, что кажущийся исконным городской динамизм — это только миф. Города Европейской России до реформ 1860-х гг. полторы сотни лет пребывали в застое; даже после их массивного декретирования, насаждения при Екатерине II, черепаший прирост населения вчистую проигрывал сельскому. И та скромная доля горожан, что была достигнута к концу XIX в. (около 13%), оказалась не более чем повторным выходом на рубежи, впервые «взятые» еще в начале XVIII в. В *главе 2.2* тот же *Г. Ланно* устраивает суровое испытание предложенной В. П. классификации поселений, тщательно проверяя, в какой степени оправдались конкретные прогнозы первого русского геоурбаниста. Вот, пожалуй, главный вывод: В. П. явно переоценил торговлю и недооценил промышленность и центральные (административные) функции как факторы роста российских городов.

Отсюда акцент на их промышленном развитии у *Т. Нефедовой* и *А. Трейвиша* в *главе 2.3* «Города как экономические центры: вековая эволюция». Другой акцент — региональный, ведь успех регионов — это прежде всего успех их городов. Благодаря им Урал, Поволжье, отчасти Северный Кавказ стали своего рода урбанистическими триумфаторами столетия. Но первая на пьедестале — все равно Москва: от бистолитичности российского пространства к концу века мало что осталось, и величия сегодняшнего Санкт-Петербурга «северною столицей» (в том числе в этой книге) — скорее реверансы в адрес ее великого прошлого. Поразительно, что уникальный вклад в промышленный, банковский, торговый и другие ключевые сектора экономики Москва сочетала с неизменной долей в населении европейской части, равной приблизительно 11%. Вместе с тем феноменален взлет некоторых «выскочек», например, Тольятти, некогда безвестного Ставрополя-на-Волге, а ныне третьего центра Европейской России по торгово-промышленному обороту.

В *главе 2.4* «Урбанизация в Европейской России: процессы и результаты» *Г. Ланно* и *П. Полян* провозглашают: за истекшее столетие урбанистическая революция в Европейской России, о которой вполголоса говорил В. П., свершилась. Рост городской сети и численности городского населения, усиление многофункциональности городов и переход к постгородскому (агломерационному) развитию — ее главные признаки. Однако в развитии городов было немало перекосов и диссонансов, оно часто сочеталось с чисто деревенскими и маргинальными проявлениями.

Урбанизация в Европейской России, разумеется, была географически неравномерной. Этим различиям и хронотипологии регионов посвящена *глава 2.5* «Количественная характеристика урбанизации в регионах Европейской России за 100 лет» (автор

Р. Попов, с участием А. Трейвиша). Хронотипы выделены прежде всего по времени так называемого урбанизационного перехода (термин Р. Попова), т.е. перешагивания регионом через 50-процентный порог доли горожан. РСФСР в целом одолела его в 1958 году. Еще в первой половине столетия это удалось шести регионам — Ленинградской области с Ленинградом, Московской с Москвой, Мурманской, Ивановской, Свердловской и Челябинской (три первые, преодолев отметку 90%, лидируют и сегодня). А южные республики РФ, по крайней мере четыре из них, так и не стали городскими в XX веке.

Попытка применить к российской эмпирике теории и методы западных урбанистов, сводящиеся к учету динамики урбанистической структуры горожан, сделана *Т. Нефедовой* и *А. Трейвишем* в главе 2.6 «Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации». Это позволило уточнить место городской системы России на эволюционной схеме «дифференциальной урбанизации». В частности, оказалось, что урбанизация в России начиналась как бы сызнова трижды, прерываясь катаклизмами XX века. К его концу она все же прошла обе стадии классической урбанизации и, несмотря на все отклонения, сбои и забегания вперед, оказалась ближе всего к состоянию так называемого поляризационного разворота от опережающего роста главных городов к росту средних и меньших с передачей миграционной аттрактивности вниз по иерархии. При этом прогрессирует деконцентрация городского и агломерированного населения. Тестирование на сей счет пяти экономических районов Европейской России дает широкий диапазон: от застрявшего на стадии зрелой урбанизации Центрально-Черноземного до воспарившего к ранней контрурбанизации Северо-Запада и залетевшего в нее обходным путем Северного Кавказа.

В главе 2.7 «Динамика и состояние городов в конце XX века» *Т. Нефедова* и *А. Трейвиш* оценивают их «самочувствие». В Европейской России нет регионов, в которых все города поголовно депрессивны, хотя есть такие (например, Ивановский), где все они теряли население в 90-х гг. Не ограничиваясь демографическими признаками, авторы выделяют благополучные и бедствующие города по набору социально-экономических индикаторов, исследуют их связь с профилем города, его размерами и т. п., приводят примеры близкого соседства далеких по состоянию городов. Обнаруженные ими «неформальные лидеры», конкуренты административным центрам регионов, по их мнению, смягают представление о России как о стране неискоренимой централизации.

Третья часть посвящена селу и состоит из шести глав. Ретроспективно-исторические главы 3.1 и 3.2 описывают эволюцию сельского расселения Европейской России в первой и второй половинах XX в. (автор *Д. Лухманов*). Еще в довоенное время намечилось оскудение нечерноземных областей и смещение центра тяжести сельского населения на юг и на восток. Положительной его динамика была лишь на Урале и на Северном Кавказе, ставшем к концу века чемпионом — самым заселенным сельским районом. В целом для сельского расселения характерны свертывание сети поселений и количественная депопуляция периферии областей; лишь в окрестностях самых крупных городов отмечена репопуляция. Это две стороны вековой тенденции — структурной и пространственной концентрации сельского расселения и его поляризации. В итоге на большей части Европейской России единое поле сельского расселения

практически распалось на два полярных типа поселений: жизнеспособных и деградирующих. Уникальные карты людности, плотности населения и поселений Европейской России в начале, середине и конце века выполнены по внутриобластным административным районам. Отдельную главу 3.3 Д. Лухманов посвятил сельским пунктам несельскохозяйственного профиля, в прошлом игравшим весьма значительную роль в формировании сети и функций сельского расселения.

В. П. писал не только о городах и селах как таковых, но и о ландшафтных типах сельской местности и об особенностях рисунка расселения в различных комплексных географических контекстах. Приведенные в его книге картографические примеры этих типов заново рассмотрены, представлены и проанализированы Т. Нефедовой в главе 3.4, но по состоянию на конец XX века. При всей характерности и ощутимости выявившихся при этом изменений еще больше впечатляет явная стабильность, преемственность многих черт этого рисунка, хотя неодинаковая в разных типах местности.

Главной экономической базой села было и осталось сельское хозяйство. В главе 3.5 «Хозяйство российской деревни и население» (Т. Нефедова) прослежены географические проявления этой взаимосвязи, вроде бы столь очевидной, что она как-то выпала из поля зрения В. П. В главе показано, что итоги пространственного развития сельского хозяйства сводятся к усилению западно-восточного и центрально-периферийного градиентов интенсивности и продуктивности и к появлению нового градиента между Севером и Югом. Жизнеспособное сельское хозяйство, как и расселение, сохранилось лишь в некоторых южных регионах и в пригородах, до крайности деградировав на обширных пространствах внутренней периферии (глубинки), особенно в Нечерноземной зоне.

Кризис и реформы 1990-х гг. привнесли столь серьезные изменения в прежние тренды развития сельской местности, что они потребовали специального рассмотрения. Подобно части книги о городах, «деревенскую» завершает глава 3.6 «Сельское население и хозяйство к концу XX века» (Т. Нефедова), показывающая противоречивые явления последнего десятилетия. Самым неожиданным был приток в сельскую местность мигрантов из-за пределов России, из ее северных и восточных районов, приостановка многолетнего процесса сокращения числа селян и даже его рост. Однако уже во второй половине 90-х гг. спад миграций на фоне естественной убыли стареющего сельского населения все вернул на круги своя: к депопуляции, оттоку из сел в города и пригороды, уменьшению занятости на сельскохозяйственных предприятиях. Реформы конца века привнесли разве что дальнейшее расслоение коллективных хозяйств и концентрацию производства в наиболее сильных. Спонтанные преобразования в деревне пошли по пути не фермеризации, а «личного подсобничества», совмещаемого с работой в колхозах, но зачастую при товарной направленности подворий.

Четвертая часть — комплексная и эклектичная — пытается охватить самые разные связи города и деревни. В главе 4.1 А. Трейвиш связывает перестройку расселения с мощными общественными сдвигами, с развитием страны по «догоняющей» модели, с расширением освоенной зоны. Мифы регионального развития сопоставлены с его реалиями, включая сдвиг на восток, который вывел демоэкономические центры тяжести

России в Предуралье. Далее показано, как по Европейской территории шла индустриализация, а вслед за ней — так называемая терциаризация занятий населения и как они связаны с урбанизацией. Если XIX в. завершил отделение города от деревни по функциям и занятиям, то век XX повел деревню в город, поближе к нему и вдогонку за его структурой, что подтверждает анализ «сельских» и «городских» занятий города и деревни. Проверка макрогеографических выводов В. П., представленных им в виде схемы-картоида «сгущений городской жизни», привела к заключению о поразительной стабильности самих этих сгущений и их роли очагов крупных структурных сдвигов.

Зонами взаимопроникновения города и деревни стали пригороды крупных центров — объект внимания *Т. Нефедовой* в главе 4.2. Почти весь век они активно стягивали население, создав свой особый мир, свойства которого определяют близость к городу и тесные связи с ним, а также специфически российская «агрорекреация» горожан в сельской местности. Именно в пригородах к концу века возродился реальный, хотя и теневой рынок земли, не зависимый от законов РФ и ее субъектов и порождаемый спросом горожан на дачные участки. Но там же возникли головокружительные перепады социально-экономических параметров, отражающих разные аспекты жизни пригородных зон.

Бурная урбанизация, наполнившая города вчерашними селянами, и дефицит жилья, инфраструктуры, сервиса сохранили в них признаки сельской местности, индикатором которых являются показатели обустроенности быта. Глава 4.3 «Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе» (*Т. Нефедова*) показала, насколько доля населения, живущего в мало-мальски городских условиях, ниже официальной доли горожан, горожан по статусу, как привычного показателя урбанизированности. Не только неустроенность, но и сельскохозяйственная деятельность присутствует в городах конца XX века. Исключением не является даже Москва.

Политико-идеологический «цикл» XX века подвинул нас включить в данное издание сюжеты, не рассматриваемые В. П. в его книге. Анализ политико-географического «расклада» и этнорелигиозного состава населения в главах 4.4 «Политическое поведение города и села в начале и в конце века в зеркале думских выборов» (*А. Тутков*) и 4.5 «Конфессиональное пространство России в начале и в конце XX века» (*С. Сафронов*) тем более важен, что мы имеем дело с традицией, оборванной на семь десятилетий и возродившейся уже в совсем других условиях. Сравнение первых двух и последнего десятилетия века поучительно: они близки друг другу как периоды политического и религиозного структурирования общества, становления партийной системы.

В заключительной главе (*А. Трейвиш*) подводятся некоторые итоги вековых перемен не только в расселении россиян, но и во всем развитии страны, сопоставляются его «кискусственные» и «естественные» компоненты. Насаждаемые сверху модернизация, централизация и унификация долго заменяли саморазвитие и добровольную интеграцию районов, поселений разного типа и самих людей. Российским реформаторам порой удавалось ускорить, даже обмануть время, но дорогой ценой, в том числе ценой «деформации» и утраты социального пространства. Автором делаются попытки извлечь из этого опыта определенные уроки.

Помимо глав с многочисленными картами, графиками и таблицами (в книге около 100 рисунков и 90 таблиц) издание дополнено пятью приложениями.

В Приложении 1 (составители *Т. Нефедова, А. Трейвиш*) дан список из 1 189 городов на территории современной Европейской России: всех рассмотренных В. П. Семеновым-Тян-Шанским, а также возникших в XX веке. Прослежена судьба каждого города, упомянутого В. П., указаны перемены его статуса и числа жителей, торгово-промышленный оборот.

В Приложении 2, составленном *Т. Нефедовой*, представлена смена рангов 50 крупнейших по населению городов Европейской России.

Следующие два приложения составлены в районном разрезе.

В Приложении 3 (*Т. Нефедова*) это внутриобластные микрорайоны из Руководства по районной планировке (Рекомендации..., 1988). Такая дробность членения территории близка к уездному делению, используемому на ряде карт в книге В. П. Привязка к 280 микрорайонам городов 1897 и 1996–98 гг. составляет базу наших карт, помещенных в главе 2.3.

В Приложении 4 (*А. Трейвиш*) приводится население официальных и истинных (по В. П.) городов в границах современных регионов на 1897 г., а также численность городского населения и населения городов размером более 100 тыс. жителей в 1951 и 2000 гг.

Приложение 5 (составитель *П. Полян*) приводит численность населения городов и пгт по 49 городским агломерациям за период с 1959 по 1999 гг.

Общая для всех глав библиография приводится в конце книги. Ссылки на «Город и деревню в Европейской России» В. П. Семенова-Тян-Шанского даются указанием страницы издания, а цитаты из него выделяются курсивом. Ссылки на остальные литературные источники даются в тексте традиционным способом (например: Лаппо, 1991).

Необходимые пояснения методического и статистико-информационного характера приводятся, если необходимо, в каждой из глав. Отсутствие указания на источники под таблицами означает, что они восходят к авторским расчетам.

Общий список аббревиатур не приводится, так как они не носят сквозного для всей книги характера (кроме оговоренной выше аббревиатуры В. П. — В. П. Семенов-Тян-Шанский) и поясняются в конкретных главах.

Авторский коллектив этой книги составили главным образом сотрудники Отдела экономической и социальной географии Института географии Российской Академии наук. С признательностью отмечаем, что Институт географии, наряду с издательством О.Г.И., явился и одним из спонсоров этой книги.

Отдельная благодарность — Институту страноведения г. Лейпцига, затратившему немалые средства на покупку статистических данных по городам России в Госкомстате РФ, на которые мы частично опирались. Для усвоения конкретных ситуаций «на местах»

крайне полезным было сотрудничество ряда авторов с журналом «Ваш выбор», выходящим в 1992–1996 гг. под редакцией А. Минеева и О. Глезер.

Авторы отдельно благодарят О. Глезер за редакторскую и организационную помощь, С. Сафронова и Е. Олешкевич, взявших на себя труд подготовки части представленных в книге карт по авторским эскизам, а также Н. Мерзликину и И. Авцину, выполнивших ряд необходимых технических работ. Слова признательности — и нашим зарубежным коллегам, прежде всего Г. Иоффе (Рэдфорд, Вирджиния, США), И. Браде и Ф. Хеншу, работа с которыми над совместными проектами стимулировала подготовку некоторых сюжетов.

Часть первая

**Деревня и город:
общие судьбы**

1.1. «ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ» В. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский родился в 1870 г. и прожил долгую, яркую и цельную жизнь в русской науке. Ученик А. И. Воейкова, В. И. Ламанского и своего отца, П. П. Семенова-Тян-Шанского, коллега и друг Л. С. Берга и Н. Н. Баранского, он был одним из создателей и признанным главой русской антропогеографической школы.

При жизни ему выпало немало. С одной стороны — любимая работа (научная и педагогическая), десятки томов написанных или отредактированных книг, в том числе 11 томов знаменитой серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», всероссийское и международное признание научного сообщества (в 1913 г. на Римском конгрессе Международного географического союза он был избран почетным вице-президентом) и, быть может, главнейшее: радость «вынашивания» и рождения своего «любимого детища», как он говорил, — первого в России Центрального Географического музея. С другой — банальная для 30-х гг. университетская травля «старорежимного профессора» и завершившийся закрытием разгром только что упомянутого музея. Но углубляться в детали личной судьбы и научной карьеры В. П. мы здесь не будем, а всех интересующихся отошлем к написанной автором этих строк и изданной в 1989 г. биографии В. П. (Полян, 1989).

Заметим лишь, что и лавры, и тернии выпадали ему, слава Создателю, не в смертельных дозах. Философический подход к жизни и семейное счастье позволяли ему стойко переносить невзгоды — правда, лишь до тех пор пока не грянула Великая Отечественная война: первая же жесточайшая блокадная зима унесла, вместе с сотнями тысяч других, и его жизнь.

Все же одну «главу» из биографии ученого мы не вправе здесь обойти, ибо от нее неотделим предмет нашего разговора — исследование В. П. о городе и деревне в Европейской части Российской империи. Речь пойдет о статистико-экономическом периоде его служебной деятельности и научного творчества, охватившем всю дореволюционную часть уходящего века.

В 1900 г. В. П. поступил на службу в Отделение статистики Министерства финансов (впоследствии это отделение перешло в Министерство торговли и промышленности). На протяжении 1909–1911 гг. В. П. вместе со своим другом и непосредственным начальником Н. М. Штруппом, а также К. Г. Голубковым подготовили и издали 12-томный

труд «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (один общий и 11 региональных выпусков). Этот поистине титанический и основанный на детальнейшей статистике труд потребовал целого десятилетия¹. Кроме самой идеи издания, В. П. принадлежит написание или редактирование общего выпуска и статистико-географических, картографических и ряда исторических разделов в каждом из региональных выпусков, а также создание большой (стенного формата) и многокрасочной торгово-промышленной карты Европейской России в 40-верстном (1 : 1 680 000) масштабе. Качество и степень новаторства работы были поистине выдающимися: первый опыт систематизации первичных статистических данных по внутренней и внешней торговле и промышленности Европейской России, первый (пусть и небеспорный) образец ее дробного экономико-географического районирования, первая комплексная торгово-промышленная карта России, построенная методом «картодиаграммы по картограмме».

Факторами сгущения торгово-промышленной жизни и бойкости в Европейской России, по мнению В. П., являлись историко-культурные условия и конфигурация транспортной инфраструктуры. Уже в начале столетия обозначились такие очаги ее сгущения, как Московская промышленная область, долина Волги вместе с Камой и Окой, а также берега морей в местах выхода к ним речных и сухопутных транспортных осей; несколько особняком стоят крупные бассейны полезных ископаемых, такие, как Донецкий кряж, Урал и горная Польша. В качестве наиболее перспективных очагов роста В. П. указывал на крупные узлы и пересечения железных дорог.

Работа сразу же получила известность в научных и практических кругах: она докладывалась в Российском Императорском географическом обществе и на международной выставке в Турине (где была удостоена золотой медали и «Гран-при») в 1911 г., в бюджетной Комиссии Государственной думы и на Государственном совете в 1912 г. и на X Международном географическом конгрессе в Риме в 1913 г. На повторение этого труда по данным за 1910 г. Госсовет ассигновал значительные средства, было обработано около одного миллиона карточек, в том числе (чего не было прежде) по всем ярмаркам России, но в революционное лихолетье все эти материалы погибли.

Родная сестра «Торговли и промышленности Европейской России по районам» (Семенов-Тянь-Шанский, 1909–1911) — работа В. П. «Город и деревня в Европейской России» (далее «ГД»). Книга вышла в августе 1910 г. тиражом 1000 экз. и была удостоена Малой золотой медали им. М. Н. Ахматова Петербургской академии наук. Вызвав немало откликов, эта работа В. П. все же не имела такого же «паблисити» и единодушного признания, как ее многотомная «старшая сестра». Рецензий было сравнительно немного, при этом В. Э. Дэн подчеркивал ее ярко выраженный урбанистический акцент (Полян, 1989, с. 27–31).

Тем не менее сегодня именно эта монография не просто знаменита, а, наряду с «Районом и страной» (Семенов-Тянь-Шанский, 1928), служит как бы визитной карточкой В. П. и по праву отнесена к разряду классики российской антропогеографии и социальной географии. «Что ни страница, то новая идея, читаешь и учишься мыслить географически», — писал о ней О. А. Константинов (Глезер, Полян, 1986, с. 150).

¹ Вся работа строилась на первичной статистике годового оборота прибыли и промыслового обложения торговых и промышленных предприятий (в общей сложности 600 тыс. карточек).

Книга В. П. возникла не на пустом месте, а как бы продолжила и развила линию, начатую антропогеографическими работами учителей В. П. — П. П. Семенова-Тян-Шанского (1880; 1892) и А. И. Воейкова (1906; 1909). Она содержит четыре разновеликие и разнозначимые главы: 1) Типы заселения сельских местностей в зависимости от физико-географических и исторических условий; 2) Схема возникновения и развития городов; 3) Современные признаки города и деревни в Европейской России и их пригодность для характеристики городской жизни; 4) Истинные современные города Европейской России и их типы в зависимости от физико-географических, исторических условий и типов заселения. Причем именно последняя глава занимает три четверти объема книги, главным образом за счет статистических таблиц и пояснений к ним. Венчает же книгу карта расселения и городов Европейской России — прообраз будущих дазиметрических карт В. П.

В теоретическом плане наиболее существенна, конечно, первая глава. Подробному разбору географических основ русской оседлости предшествует рассмотрение и типологизация различных форм колонизационных движений народов Евразии в разные эпохи. При этом на Русской равнине перед колонизацией, согласно концепции В. П., «открылось сказочное, богатырское раздолье трех дорог — лесной, лесостепной и степной». Широко бытующее представление о расселении славян по разветвлениям речной сети «справедливо только относительно тактики первобытного перемещения, которая неожиданно была водной» или, точнее, водно-волоковой (что отличает Россию от более гористой Западной Европы, где опорным каркасом коммуникаций служила сеть коротких грунтовых дорог). В контексте земледельческого характера русской колонизации это привело к сгущению славянских поселений не только и даже не столько в долинах рек (хотя бы и на высоких террасах), сколько на водоразделах: «...русский человек в данном случае уподобился лесу, который и на крайнем севере, и на крайнем юге Восточно-Европейской равнины жмется к речным долинам, а в средней ее полосе занимает водоразделы» (с. 13).

Из этого образа на страницах книги родилась ставшая классической типология русского заселения Европейской равнины, сочетающая в себе зональный и а зональный (т. е. зависимый и независимый от распределения почв и растительности) принципы. Сам В. П. постоянно подчеркивал методологическую значимость этого сочетания и свой приоритет в этом вопросе.

Сжатое представление об этой типологии дает сводная таблица 1.1.

Вторая глава содержит анализ изменений главных функций российских городов (военной, административной и торгово-промышленной). Автор осуждал произвольное «упразднение городов» и «возведение сел в городскую степень», в результате которого накопилось большое рассогласование списков городских поселений «де-юре» и «де-факто». «Для серьезного ученого исследования, — писал В. П. в рецензии на книгу Д. И. Менделеева «К познанию России», — нельзя ограничиваться помещением только официально признанных «городов» с населением свыше такой-то нормы, а следует присоединять и многие официально не признанные «городами», но имеющие совершенно городской характер поселения, как, например, Орехово-Зуево с его 50-тысячным населением»².

² Изв. ИРГО. 1906. Т. 42. Вып. 4, с. 915.

Таблица 1.1. Типы и подтипы заселения Европейской равнины по В. П. Семенову-Тянь-Шанскому*

Типы и подтипы заселения (подтипы выделены курсивом)	Средняя плотность населения (чел. / кв. км)	Средняя частота селений (кв. км на одно селение)	Средняя людность поселений (чел.)	Доля в территории Европейской России (в %)	Доля в населении Европейской России (в %)	Доля городского населения в общей численности (в %)
ЗОНАЛЬНЫЕ:						
1. Северный долинный тип	3	34	101	30	4	7
2. Центральный и Северо-Западный водораздельный тип	33	3	134	26	43	19
<i>А) Моренный подтип</i>	35	2	58	7	10	25
<i>Б) Увалистый подтип</i>	40	5	229	19	33	17
3. Южный долинный тип	31	11	426	37	49	11
<i>А) Долинно-овражный подтип</i>	45	9	414	16	32	10
<i>Б) Чисто долинный подтип</i>	20	13	461	21	17	14
4. Южный садоводческий тип	25	9	224	0,5	0,5	41
АЗОНАЛЬНЫЕ:						
5. Горнозаводской тип	10	29	291	6	3	32
6. Остальные мелкие типы (рыболовный, тракторный, железнодорожный, курортный)	Разбросаны довольно равномерно мелкими спорадическими пятнами по основным типам. Выделение их весьма затруднительно.			0,5	0,5	

Источник: В. П. Семенов-Тянь-Шанский, 1910, с. 35.

* Без Финляндии и Зауралья; квадратные версты пересчитаны нами в квадратные километры

Первой серьезной попыткой внести ясность в вопрос об истинных городских поселениях в России В. П. считал работу «Города в России в 1904 г.», выпущенную Центральным статистическим комитетом в 1906 г. Однако принятая в ней классификация признаков городов вызывает у него самое критическое отношение, чему, в сущности, и посвящена вся третья глава «ГД». Так, из 35 выдвинутых в ней признаков для различения городских и сельских поселений наиболее характерными В. П. считает лишь пять, причем основными, наряду с людностью, следующие: 1) долю населения, не занятого в сельском хозяйстве, и 2) бойкость торгово-промышленного оборота, исчисленную на одного жителя.

Сравнение этих признаков с современными критериями выделения городских поселений в СССР (минимальная людность, доля рабочих и служащих, а также членов их семей, в отдельных случаях — административное значение пункта (Демографический энциклопедический словарь, 1985, с. 98–99; Константинов; 1958)) указывает на их явную преемственность, за исключением признака «бойкости оборота», явно малоактуального в условиях социалистического планового хозяйства.

Минимально допустимой людностью городских поселений в Европейской России В. П. считал 1 000 человек (находя удачным и 20-тысячный минимум, предложенный А. И. Воейковым), а минимальным торгово-промышленным оборотом — годовой оборот в 100 000 рублей, из чего вытекает теоретический минимум торгово-промышленной бойкости истинных городов — 100 руб./чел.³

Для претендующих на городской статус поселений В. П. разработал свою классификацию и ряд шкал. Замечательным достоинством его классификации являлось выделение форм поселений, промежуточных между городом («истинным городом») и деревней, а именно «административных пунктов» (т. е. официальных городов, не состоятельных с экономической точки зрения) и «будущих городов» (т. е. с еще недостаточным, но весьма перспективным торгово-промышленным потенциалом). Сравнение же числа официально признанных городов в Европейской России (761 по данным переписи 1897 г.) с тем, что получил В. П. по своей методике (1237), показало расхождение величин в полтора раза. Если же вычесть 227 выявленных «административных пунктов» (около 30% из числа всех официальных городов), то получим уже более чем двойное отставание. Если по официальным данным городское население Европейской России составляло в 1897 г. 14,6 млн человек, или 13% всего населения, то по расчетам ученого — 16,3 млн человек, или 15%.

В. П. предложил три шкалы для классификации городских поселений.

Первая — по группам людности (в тыс. чел.): 1) свыше 1000 — столичные города; 2) 100–1000 — крупные; 3) 40–100 — большие; 4) 10–40 — средние; 5) 5–10 — мелкие и 6) 1–5 — городки. Одним из первых он подчеркнул и важность учета и анализа урбанистической структуры, ставшей впоследствии фундаментальным понятием географии населения (заметим, что в настоящее время наиболее устоявшейся считается следующая классификация городов по их людности (в тыс. чел.): «миллионеры» — с людностью свыше 1000, крупнейшие — от 500 до 1000, крупные — от 250 до 500, большие — от 100 до 250, средние — от 50 до 100 и малые — до 50). При этом В. П. не только ввел это понятие, но и успешно применил в ряде обобщающих статистических таблиц.

Вторая шкала — по бойкости торгово-промышленного оборота, т. е. по стоимости продукции, реализованной предприятиями (в руб.): 1) свыше 800 — весьма бойкие; 2) 500–800 — бойкие; 3) 100–500 — средние; 4) 50–100 — слабые; 5) до 50 — весьма слабые (естественно, две последние категории не должны встречаться в случаях истинных экономических городов).

³ Это дает 8–9-рублевый минимум в месяц, что, по оценке автора, соответствовало месячной покупательной способности рабочего или «средней домашней прислуги».

Третья шкала — по степени участия промышленности в торгово-промышленном обороте городов (в %): 1) свыше 40 — сильнопромышленные; 2) 25–40 — промышленные; 3) 20–25 — умеренно-промышленные и 4) менее 20 — торговые (слабопромышленные).

Географический анализ показал, что «...наиболее склонной к городской жизни оказалась средняя Россия, между великим моренным валом и северной границей чернозема, что примерно соответствует увалистому подтипу водораздельного заселения <...> Развитие фабрично-заводской промышленности (как, например, около Москвы, Ярославля, Шуи, между Муромом и Нижним) только осуществляет истинную городскую жизнь на подготовленном уже к ней материале» (с. 58). Вместе с тем «...города, как менее зависящие непосредственно от земли, могут следовать границам типов и подтипов заселения лишь очень приблизительно» (с. 79).

Рассматривая города водораздельного типа, В. П. останавливался на проблематике двух российских столиц — Москвы и Петербурга. Он сделал следующее обобщение, проиллюстрировав его фактом быстрой изменчивости представлений столичных жителей о дачных местностях: «Экономический же город в своем бесконечном свободном развитии, постепенно поглощая деревню, теоретически может охватить хоть площадь целого уезда (немаловажная поправка к «бесконечности» свободного развития! — П. П.) или даже более, причем городская жизнь будет сгущаться по мере приближения к центру и расплываться незаметно в сельскую по окраинам уезда или даже далее... К непосредственной сфере роста столичного и крупного города примыкает еще сфера его сильнейшего экономического влияния <...>, «в рамках которой» быстро вырастают вспомогательные более или менее значительные города, располагаясь концентрическими кольцами <...>. Эти явления можно уподобить планетным системам» (с. 85–87).

По существу, здесь описывается не что иное, как процесс формирования городских агломераций, что подтверждают и конкретные разборы полумистических «планетных систем» вокруг Петербурга и Москвы. Таким образом, «ГД» «...стоит у истоков и того, ныне столь существенного, направления в современной геурбанистике, которое изучает городские агломерации» (Лаппо, 1978).

Еще в 1942 г. В. В. Покшишевский писал о «ГД»: «Книга эта... представляется выдающимся исследованием: ни до, ни после В. П. русская географическая наука не имела подобной сводной картины, набросанной широкими мазками и вместе с тем в тех местах, где это было необходимо, ювелирно-детальной (расшифровка отдельных типов заселения <...>); не имеет это исследование аналогов и в зарубежной литературе, так как даже лучшие работы (например, известные книги Гассерта или Р. Монье о развитии городов) далеко уступают «Городу и деревне» В. П. в географичности, ширине и глубине установленных зависимостей... Отправляясь от скудных статистических данных, В. П. сумел нарисовать увлекательную и подлинно географическую картину роста русских городов, дав попутно образец введения в географию исторического материала и раскрыв также планировочные особенности городов разного генетического проис-

хождения... Мастерское сочетание массово-статистических и индивидуально-географических материалов делает эту работу примером полного владения автором сложным антропогеографическим материалом — вплоть до коммунально-технических характеристик» (Покшишевский, 1942).

Вместе с тем книга В. П. весьма уязвима для критики, и замечания, которые В. П. получил еще от своих современников, достаточно серьезны. Тем более уязвима она сегодня, когда, поверяя действительностью ее прогнозную часть, видишь, что многие из предсказаний В. П. скорее не оправдались.

Не выдержало испытания временем и самое дорогое для В. П. в этом исследовании — предложенные им типология и конкретная схема районов расселения. Сам ученый, полагаясь на слабый темп общественно-экономического развития традиционно неторопливой страны, явно рассчитывал на их более долгий век.

Это хорошо видно из следующей цитаты: *«В настоящее время в обоих подтипах длинного заселения <...> происходит усиленно поощряемое правительством выселение крестьян на водоразделы путем искусственно образуемых хуторских хозяйств (имеется в виду столыпинская реформа). Но для всякого, имеющего масштаб перед глазами, ясно, что это пока капля в море, которая еще на весьма долгое время не изменит здешней общей картины расселения настолько, чтобы о ней можно было серьезно говорить. Что сложилось веками под влиянием естественных условий (огромной разницы в уровне грунтовых вод на водоразделах и в долинах) и борьбы с кочевниками, того не изменишь в несколько лет, как бы энергичны ни были министерские предписания, тем более что ни у правительства, ни у крестьян нет тех громадных материальных средств, которые требуются для искусственного обводнения водоразделов, нет и достаточного знания естественных условий для успешного обводнения в каждом отдельном случае, а без того и другого никакое серьезное заселение водоразделов немыслимо. <...> Вот она, истинная историческая Русь, которую не переделаешь так то легко искусственными мерами в ближайшие годы даже XX века»* (с. 36–38).

Что ж, В. П. явно недооценил силу эволюционных преобразований. Недаром именно на это, и в частности на недооценку роста хуторской системы, указал ему в своем отзыве В. Э. Дэн, не отрицая при этом всех трудностей перехода от общинной системы землевладения к подворно-хуторской. А ведь цифры, которые приводил сам В. П. — более 1000 (!) новых хуторов в Витебской губернии, сотни в Псковской, Смоленской, Могилевской и даже Петербургской — особенно по тем временам — достаточно внушительны.

Но напомним: главная методологическая и историко-научная ценность «ГД» — в том, что автор впервые ввел в основание своей типологии географически богатое представление о «зональных» и «казональных» признаках. Как антропогеограф, он решительно отказался от готовой, но искусственной сетки губерний, что потребовало от него гигантских усилий: природные и расселенческие особенности территории пришлось исследовать на более низком (уездном) уровне с помощью топографических карт и лишь после того предложить схему типов и районов расселения. Но сегодня, повторим, этого уже недостаточно для районирования расселения.

В то же время, как отметил А. И. Алексеев, при утвердившемся в наши дни «статистическом крене» в исходных материалах экономико-географических исследований весьма уместно подчеркнуть столь важные достоинства антропогеографического подхода В. П., как приверженность к личным (полевым) наблюдениям, к точным и географически конкретным деталям.

Вместе с тем подчеркнем еще раз: то, что сегодня кажется нам преувеличенным, возможно, тогда и соответствовало истинному положению дел. Ведь общество, в котором жил и которое живописал В. П. в своем «Городе и деревне...», было обществом деревенским, обществом земледельческим (сельскохозяйственным) по преимуществу. При таком раскладе и с испокон века в расселении (по существу, сельском) природные факторы играли неизмеримо большую, чем в наши дни, роль, подчас, определяющую.

Можно сказать, что типология заселения Европейской России, по В. П., зафиксировала последний момент того «кидиллического» этапа, когда в городах проживал лишь каждый седьмой житель Европейской России. И в таком понимании возрастает собственно историческая ценность «ГД», а сама типология В. П. становится тонким инструментом в руках специалиста по исторической географии. Вместе с тем она стимулирует и выработку новых, более соответствующих реалиям сегодняшнего дня типологических схем расселения.

В то же время многие тезисы, впервые столь отчетливо сформулированные В. П. в «ГД», и сегодня не утратили своей справедливости. Так, в контексте проблем Нечерноземья актуально звучат слова: *«При оценке значения долинно-овражного подтипа заселения не следует забывать, что сейчас это самая хворая экономически и духовно часть России, а наиболее хворое в ней место — прямо к югу от Москвы (имеется в виду Рязанская губерния. — П. П.)»* (с. 36).

Другой пример. *«Увалистый подтип водораздельного заселения вместе со своим непосредственным соседом долинно-овражным подтипом южного долинного заселения, заключая в себе около $\frac{2}{3}$ населения Европейской России, составляет главную ось славянской колонизации на восток, проложившей себе путь по Сибири до Великого океана»* (с.35). Иными словами, именно В. П. мы обязаны и указанием на такое понятие (и явление!), как главная ось расселения России.

Но всего сильнее другое — суверенное обаяние «ГД», смелость и масштабность сформулированных в ней проблем и то научно-художественное мастерство, с которым книга написана.

Сам В. П. называл свою книгу «очерком по экономической географии». Л. С. Берг видел в ней замечательный антропогеографический труд. Но в любом случае «ГД» — это первая в мировой практике геурбанистическая монография, во многом предвосхитившая проблематику и отчасти методику этого направления — одного из ведущих в современной социальной и экономической географии.

Рис. 1.1.1. В. П. Семенов-Тян-Шанский с семьей

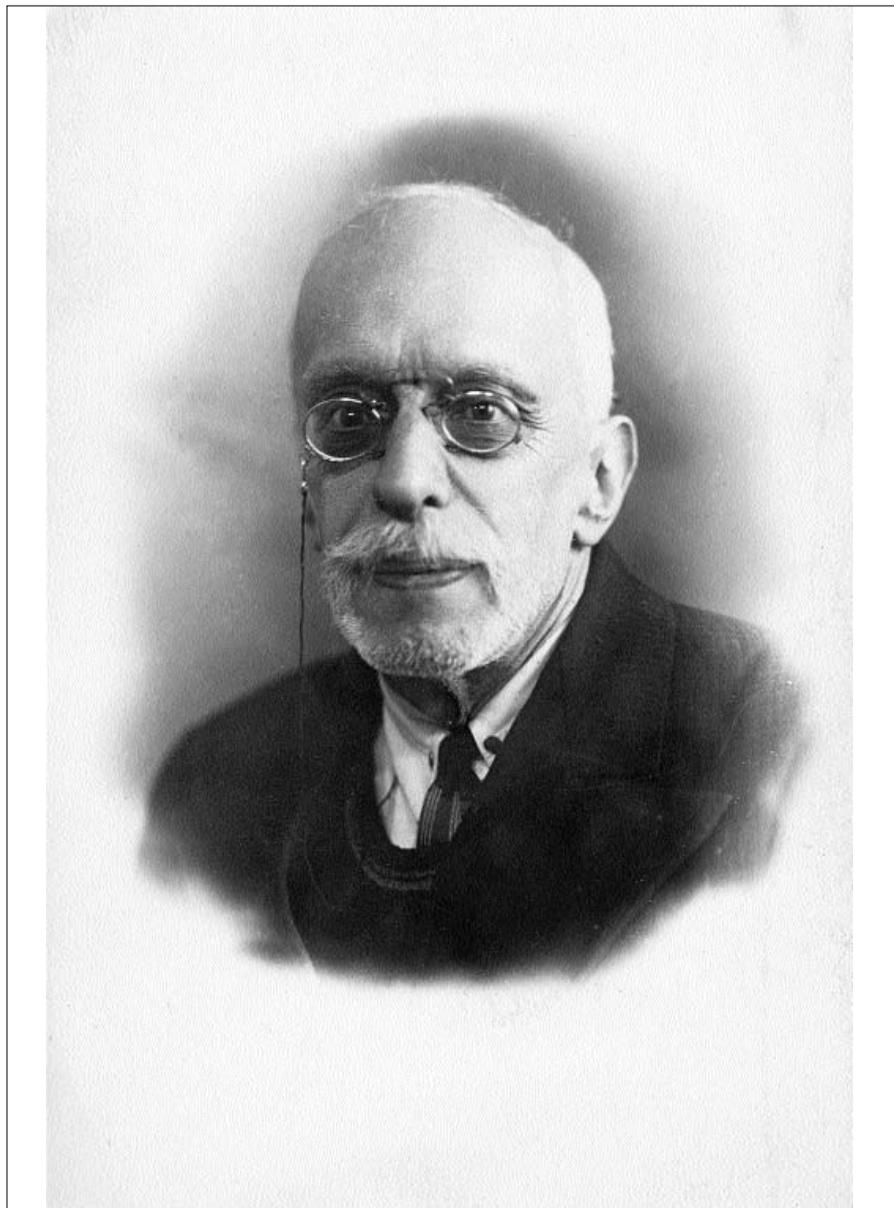

Рис. 1.1.2. В. П. Семенов-Тян-Шанский в последние годы жизни

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ СТАТИСТИКИ.
Томъ X, выпускъ 2 и послѣдній,
изданный подъ редакціей д. чл. В. О. Струве.

ГОРОДЪ и ДЕРЕВНЯ
ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

Очеркъ по экономической географіи съ 16 картами и картограммами

Веніаміна Семенова-Тянъ - Шанскаго,

Помощника Предѣлительствующаго Отдѣленія Физической Географіи
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Читаль въ соединенномъ изданіи Отдѣленій Статистики, Физической
и Математической Географіи И. Р. Г. О. 23 февраля 1910 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. О. Киршбаума, д. М. на Финансовъ, на Дворц. площ.
1910.

Рис. 1.1.3. Титульный лист книги «Город и деревня в Европейской России»

1.2. ДВАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ: ПУТЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ

Дтеперь обернемся на ушедший век и, помахав ему на прощание, взглянем на него глазами потомков Вениамина Петровича.

Увы, это должен быть грустный взгляд. Изменения за столетие произошли самые что ни на есть разительные и не самые радужные!

Были в XX веке и тихие, спокойные полосы — периоды плавного, эволюционного развития, были и периоды революционных «бури и натиска» (например, урбанистический), а были и самые настоящие общественные и демографические катастрофы.

Последних за столетие набежало столько, сколько никогда прежде не бывало: две мировые войны, одна гражданская, две революции, несколько голодоморов и геноцидов и, наконец, Чернобыль, — зарево и марево всех этих катаклизмов не рассеялось и по сей день.

Россия: территориальные рамки

Стоит начать с беглого очерка трансформации самого понятия «Россия», ее внешних границ и реального территориально-административного содержания. Впервые термин «Россия» прозвучал еще в XV в., но как обозначение государства официально утвердился лишь в начале XVIII в.

Та государственно-территориальная целостность, которую мы привычно ассоциируем с Российской империей, в своих общих чертах сложилась лишь во второй половине XIX в., когда к ней были присоединены такие регионы, как «замиренный» Кавказ, Дальний Восток или Средняя Азия. Но были в те годы и «потери», например, проданная в 1867 г. Аляска.

Неудачными с точки зрения экспансии были и войны начала XX века: в 1905 г. в войне с Японией Россия, согласно Портсмутскому договору, потеряла южный Сахалин и города Порт-Артур и Дальний на Дальнем Востоке, а в 1918 году Брестский мир стоил ей многочисленных земель на западе, включая и Украину.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. не только низложили монархию, но и практически положили начало процессу распада Российской империи: с августа 1917 г. по январь 1918 г. существовала Российская республика, а в январе 1918 г. была конституирована Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), которая в декабре 1921 г. стала одним из учредителей СССР, просуществовавшего до декабря 1991 г. Под эгидой СССР большевикам вскоре вновь удалось собрать в единое государство большую часть земель Российской империи, но уже без Польши, Финляндии и Прибалтики.

Вторая мировая война началась для СССР крайне неудачно. Потери территории и контроля над населением были поистине катастрофическими. Территории, оказавшиеся под оккупацией, к началу 1943 г. составляли 1,926 млн кв. км¹. Проживали на них в довоенное время 88 млн человек, или 46% населения страны². На подвергшихся оккупации территориях работало почти 2/5 несельскохозяйственных трудовых ресурсов СССР — 11,8 из 31,2 млн рабочих и служащих, зарегистрированных в СССР в 1940 г. (К 50-летию..., 1995, с. 25). Часть людей была эвакуирована (приблизительно 10–15 млн человек), часть служила в Красной Армии, но даже при всей приблизительности этих цифр получается, что под оккупацией побывало не менее 60–65 млн советских граждан³.

Части вермахта продвинулись вглубь СССР настолько, что в Берлине сочли разумным передать часть оккупированных территорий под гражданское управление. 17 июля 1941 г. Гитлер издал указ об управлении завоеванными территориями, конституировавший Имперское министерство по делам восточных земель⁴.

Тем же указом Гитлера на территории СССР были введены — и доселе невиданные — территориально-административные единицы. Это, во-первых, **«Округ Белосток»**, управление которым принял обер-президент Восточной Пруссии. Во-вторых, **«Дистрикт Галиция»** в составе Львовской, Станиславской, Тернопольской и Дрогобычской областей и со столицей в Лемберге, или Львове; Галиция была включена в состав **Генерал-Губернаторства** (эвфемизм, созданный для обозначения того, что осталось от

¹ Подсчитано Г. Куманевым (См.: Возрождение..., 1986, с. 7). По округленной немецкой оценке, под их властью находилось 2 млн кв. км с населением около 70 млн человек (Еурога., 1943, с. 18).

² По данным переписи 1939 г. — 84,9 млн человек, или 44,5% (К 50-летию победы..., с. 24).

³ Именно эта цифра приводится и в отчетности Комитета по Четырехлетнему плану за 12.02.1942, трудозадействованных было 21.924 тыс. человек, из них 95% (20.846 тыс.) — в сельском хозяйстве (ЦХИДК, ф. 700, оп. 2, д. 17, л. 126; весьма близкие цифры — 22 и 20,8 млн занятых — приводит, по состоянию на 17.09.1942 — и Р.-Д. Мюллер: см. Muller, 1990, s. 774). В литературе, впрочем, встречаются и другие оценки. Так, Г. Куманев минимальной цифрой попавших под оккупацию считает 70 млн человек (Куманев, 1991, с. 16), а Н. Г. Павленко — даже 80 млн (Павленко, 1989, с. 278). Не отстают и А. А. Шевяков, называя патетическую и, на наш взгляд, сознательно завышенную цифру в 78 млн, очищенную от военнослужащих. Самую же «скромную» оценку встречается у Р.-Д. Мюллера — 55 млн человек (Muller, 1991, s. 234).

⁴ Reichsministerium für besetzten Ostgebiete. Ядром министерства стала «Политическая служба по восточным делам» (Politisches Amt für den Osten), созданная 31.03.1941 и переименованная 20.04.1941 в «Центральный отдел по восточной политике» (Zentralabteilung für die Behandlung von Ostfragen). Руководство этими органами осуществлял лично рейхсминистр А. Розенберг, стоявший до этого во главе внешнеполитической службы НСДАП.

Польша после ее завоевания и расчленения) со столицей в Варшаве. В-третьих, **«Рейхскомиссариат Остланд»** в составе Эстонии, Латвии, Литвы и северной Белоруссии — со столицей сначала в Ковно, а затем в Риге (Оккупация, 1993, с. 232–233). В октябре 1941 г. к ним добавился еще и **«Рейхскомиссариат Украина»** — в составе остальной Украины, южной Белоруссии и Крыма и со столицей сначала в Ровно, а затем в Киеве⁵. На будущее планировались еще два рейхскомиссариата — **Кавказ и Москва**.

Бывшая советская Молдавия, Приднестровье и солидный кусок юго-западной Украины с Одессой во главе составили так называемую **Румынскую оккупационную зону**, состоявшую из трех «губернаторств»: Бессарабии (в составе Молдавии и Измаильской области), Северной Буковины (Черновицкая область) и Транснистрии (Одесская область).

Финляндия, под юрисдикцию которой попали территории к северу от Невы и Свири и Ладожского и Онежского озер, ограничилась созданием **Военного управления Восточной Карелии** и гражданскую администрацию на оккупированной территории создавать не стала.

Представлять себе всю эту нововведенную административную структуру на оккупированных территориях СССР тем более важно, что политика Германии в области труда осуществлялась и регулировалась, скажем, в каждом из рейхскомиссариатов достаточно автономно и не всегда одинаково.

Но в целом Вторая мировая, как бы в чудесном согласии с пактом Риббентропа—Молотова, принесла СССР новые территории вдоль чуть ли не всей западной границы: были аннексированы три прибалтийских государства, вскоре ставшие новыми советскими республиками; Восточная Польша была поделена между Белоруссией и Украиной, к Украине же присоединили Северную Буковину, а Молдова, отторгнутая Румынией в 1918 г., воссоединилась с крошечной Молдавской АССР на левобережье Днестра и вскоре стала еще одной союзной республикой. Война с Финляндией, не принеся СССР военных лавров, все же увенчалась отторжением Карельского перешейка с Выборгом и некоторых других финских территорий, поделенных между Мурманской и Ленинградской областями и Карело-Финской АССР (что было закреплено в 1940 г. ее преобразованием в Карело-Финскую ССР).

Все эти территории, кроме последнего случая, территорию РСФСР не затрагивали. Но территориальные приобретения СССР (и, в частности, РСФСР) продолжились еще до окончания войны: так, в 1944 г. в состав СССР была включена Тува, бывшая до этого суверенным государством (а фактически — протекторатом).

После окончания Второй мировой войны территориальные рамки СССР и, в частности, РСФСР изменились: в состав последней вошли часть бывшей Восточной Пруссии (в виде анклава — отдельной Калининградской области), а также Курильская гряда и южная часть острова Сахалин (из которых в 1947 г. была сформирована Сахалинская область). Еще одним крупным изменением состава РСФСР стала передача в 1954 г. Украине Крымской области.

⁵ Управлялись они гауляйтерами, т. е. заместителями нацистской партии, что принципиально ничем не отличалось от первых секретарей обкомов ВКП(б).

Учет населения

Прежде чем охарактеризовать население России, скажем несколько слов о технологии его учета и измерения, иными словами — о демографической статистике и прежде всего о переписях.

Первая (и единственная) Всеобщая перепись населения Российской империи состоялась 9 февраля (28 января по старому стилю) 1897 г. Сам В. П., вместе со своим отцом Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, принимал участие в ее подготовке и проведении (он возглавлял один из переписных участков в Петербурге, на Васильевском острове), а также в ее научном осмыслении, ярким доказательством чего, собственно, и служит книга «Город и деревня...».

Советская власть подхватила эстафету имперских статистиков, и уже 2 июня 1918 г. провела свою первую выборочную перепись — Перепись населения Петрограда. Перепись населения по состоянию на 28 августа 1920 г., охватившая лишь часть территории и населения страны, и Городская перепись, проведенная 15 марта 1923 г., также были не всеобщими. Первой полноформатной Всесоюзной переписью стала Перепись населения на 17 декабря 1926 г., во многом (например, по широте и демократичности программы или степени опубликованности) и по сей день остающаяся непревзойденным образцом. Зафиксировав население России (в современных границах) на уровне 93,6 млн человек, она стала надежной точкой отсчета для многих статистических рядов.

Перепись населения СССР на 6 января 1937 г. по праву называют «репрессированной переписью»: ее результаты серьезно разошлись с сильно преувеличенными партийными оценками численности населения СССР, в результате чего ошибочной была признана именно перепись; ее организаторов репрессировали, а полученные результаты засекретили (часть из них впервые была опубликована только в 1990 г.). Для «исправления» ее результатов 17 января 1939 г. была проведена новая перепись, но и она не дала «желаемой» численности, так что ее результаты были искусственно увеличены почти на 3 млн человек. Следующая перепись была проведена спустя целых 20 лет — 15 января 1959 г., после чего они проводились достаточно регулярно, в среднем каждые 10 лет (15 января 1970 г., 17 января 1979 г. и 12 января 1989 г.).

К сожалению, новая Всероссийская перепись населения, намеченная на январь 1999 г., из-за недостатка средств была перенесена на более поздние сроки и состоится осенью 2002 г. Для характеристики бурных событий последнего десятилетия века исследователям приходится довольствоваться несовершенными данными текущего учета и результатами проведенной в 1994 г. выборочной микропереписи, охватившей 5% населения России.

Население России размещено по ее территории крайне неравномерно. Россия в целом — относительно слабо заселенная страна (средняя плотность населения — 8,6 человека на кв. км). Но если Европейская часть России по плотности населения еще сопоставима со многими развитыми странами (здесь она примерно такая же, как в США), то в азиатской части, занимающей 75% территории страны, проживает всего 22% населения, а плотность населения чрезвычайно низка (2,5 человека на 1 кв. км). Демогра-

фический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств, да и вообще для создания достаточно развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры даже в пределах так называемой «*Главной полосы расселения*», сужающимся клином протянувшейся вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

Динамика населения России и демографические катастрофы: периодизация

Во второй половине XVI в. в тогдашней России проживало не более 7 млн человек, а к концу XVII в. — 10,5 млн. Если говорить о территории нынешней РФ, то за два столетия — от середины XVIII до середины XX в. — ее население выросло по меньшей мере в 7 раз (**табл. 1.2.1**). Трижды за два с небольшим века — в начале 1820-х, в конце 1880-х и в начале 1960-х — происходило удвоение численности населения этой территории.

Интересно, что собственно за XX век население России все таки тоже удвоилось, по преимуществу за счет могучего естественного прироста сельского (более 85%) населения страны, еще не знавшего абортот, презервативов и советской власти. На этом демографически мажорном фоне и разыгрались позднее все те ужасные события, которые мы обозначили как демографические катастрофы. Не будь их — население могло бы и утроиться. Демографического задела начала века на все столетие все же не хватило, и, несмотря на иммиграционную подпитку из стран ближнего зарубежья, население России на излете века стало попросту сокращаться.

Не следует, однако, думать, что динамика численности населения России — это упрямо и ровно растущая кривая. Российская история «позаботилась» о том, чтобы сделать эту кривую и волнообразной, и щербатой: войны, революции, эпидемии, голод и неурожаи — вот главные «враги» такой «гладкости» роста населения и, стало быть, «виновники» демографических кризисов.

Начиная с XIX в., по меньшей мере восемь раз темпы прироста населения опускались за нулевую отметку. Пять раз это происходило в XIX в., причем сплошь в первой его половине: дважды в 1811–1815 гг. — вследствие русско-турецких войн 1806–1812 гг. и наполеоновских войн; затем в 1830–1831 гг. — вследствие эпидемии холеры; потом в 1839–1940 гг. — вследствие сильного неурожая и, наконец, в 1848–1849 гг. — вследствие эпидемии холеры и неурожая. Еще дважды — уже во второй половине века — прирост населения вплотную приближался к нулю, но нуля все-таки не достигал: это происходило в 1855–1856 гг., вследствие Крымской войны, и в 1891–1902 гг., вследствие неурожая и голода.

Но XIX в., по счастью, не испытал столь обширных, столь глубоких и столь длительных демографических кризисов, как те, что на плечах социально-политических потрясений и катаклизмов принес с собой в Россию XX в.

Таблица 1.2.1. Рост численности населения на территории Российской Федерации

Год	Численность населения, млн человек
1745	15,4
1800	26,7
1850	42,4
1900	71,1
1910	85,4
1920	88,2
1930	100,6
1940	110,1
1950	101,4
1960	119,0
1970	130,1
1980	138,3
1990	148,0
2000	145,9

Источники: Народнонаселение, 1994, с. 397–398 (до 1950 г.); Численность.., 2000, с. 10.

Самый глубокий демографический кризис предыдущего столетия (1811 г.) характеризовался отрицательным приростом населения в один с лишним процент, что не идет ни в какое сравнение с аналогичным показателям для кризисов XX в., глубина провала для которых фиксировалась между 2,5 и 4%!

Концентрированной проекцией таких кризисов на демографическое развитие общества являются демографические катастрофы, т. е. периоды, когда резко сокращается рождаемость и повышается смертность (в том числе детская), и естественное движение населения по крайней мере на несколько лет подряд приобретает отрицательный знак. При этом образуются так называемые демографические волны, которые, раз возникнув, впоследствии многократно воспроизводятся и в последующих поколениях.

В XX же веке в России наблюдалось по меньшей мере три демографические катастрофы — все в первой половине столетия, каждая длительностью в 7–9 лет и каждая сопровождалась одной или несколькими вспышками голода:

- 1) 1915–1922 гг.: Первая мировая и Гражданская войны;
- 2) 1930–1936 гг.: коллективизация;
- 3) 1941–1948 гг.: Великая Отечественная война и послевоенная разруха.

Общие демографические потери во время этих катастроф можно оценить только условно и только экспертным или расчетным путем, с теми или иными допущениями. Для современной территории РФ оценки потерь населения в периоды катастроф составляют: для первой — 12 млн человек, или 13% предкризисной численности населения; для второй — 5 млн человек (или 5%) и для третьей — 21 млн человек (или 19%). Если учесть и косвенные потери, т. е. предположить, что темпы прироста сохранялись бы на уровне, предшествовавшем катастрофам, то расчетная величина потерь составила бы для первого кризиса — 18,6 млн человек, для второго — 6,5 млн человек и для третьего — 24,5 млн человек.

Начало века: столыпинские реформы и всплеск эмиграции

Впрочем, самое начало века, отмеченное и неурожаем, и голодом, ознаменовалось все же отнюдь не катастрофой, а грандиозной попыткой реформирования экономических основ жизни численно доминирующего сословия — крестьянства. Суть этой аграрной реформы, ассоциирующейся с именем П. А. Столыпина и имевшей самое серьезное влияние на эволюцию и характер будущего сельского расселения России, заключалась «всего лишь» в отмене многих существенных ограничений в правовом статусе российского крестьянства в целом и в ликвидации монопольного положения общины в деревне⁶.

Пространственным результатом Столыпинских реформ стало усиление оттока из перенаселенных районов, где по некоторым данным выселение достигало 30–50% естественного прироста (Рыбников, 1928). Отсюда уезжали и раньше, но Столыпинская реформа изменила потоки миграций. До этого они направлялись в основном в большие города и на юг страны, Столыпин повернул потоки на восток. Однако укоренилось (водворилось) за Уралом около половины прибывших, остальные либо возвратились назад, либо оставались к 1914 г. еще не устроенными (табл. 1.2.2).

При этом малоземелье Центральной России, лекарство от которого виделось в массовом переселении за Урал беднейших крестьянских масс, привлекаемых туда разными льготами и преференциями, осталось непреодоленным. Общее число переселенцев за 1906–1915 гг. составило более 3 млн человек, но из них как минимум каждый пятый вернулся назад. Позднее, когда Столыпин в столь быстром и массовом переселении почувал угрозу «чрезмерного ослабления плотности русского населения в западной половине Европейской России», он, скрепя сердце, отказался от своей мечты (Корелин, Шацилло, 1995, с. 27–30).

С аграрной перенаселенностью был связан и мощный поток трудовой эмиграции из России во второй половине XIX — начале XX в., носивший преимущественно экономический характер. За 1851–1915 гг. Россию покинуло 4,5 млн человек, в основном крестьян, ремесленников и чернорабочих. В то же время рост эмиграции еще какое-то время не сопровождался формированием и ростом российской диаспоры, поскольку подавляющее большинство дореволюционных эмигрантов сами были иностраннопод-

⁶ См. главу 3.5.

Таблица 1.2.2. Переселение крестьян за Урал и обратно в 1906–1914 гг.

Годы	Переселено, человек	Водворено в % от прибывших	Возвратилось в % от прибывших
1906–1910	2 612 843	45	22
1911–1914	1 159 308	57	39

Рассчитано по: Россия, 1995, с. 24.

данными — в основном, выходцами из Германии (более 1 400 тыс. человек), Персии (850 тыс.), Австро-Венгрии (800 тыс.) и Турции (400 тыс. человек) (Кабузан, 1996, с. 307). Начиная с 1870-х гг. европейское и, отчасти, азиатское направления российской эмиграции сменились на американское: за 1871–1920 гг. в Канаду, США и другие страны Нового Света переселилось около 4 млн человек (там же, с. 313).

Особенно выделялась при этом еврейская эмиграция. Если за 1870–1890 гг. в США переселились 176,9 тыс. российских евреев, то к 1905 г. их число достигло 1,3 млн (Ахиезер, 1994, с. 44–45). Всего, по данным Ц. Гительмана, из России за 1881–1912 гг. эмигрировало 1,9 млн евреев, из них 84% в США, 8,5% — в Англию, 2,2% — в Канаду и 2,1% — в Палестину. В этот период, напомним, российские евреи составляли около 4% населения Российской империи, но на них приходилось до 70% всей еврейской эмиграции в США, 48% всей иммиграции в США из России и 44% всей эмиграции из России⁷.

На затухающую амплитуду аграрно-расселенческих преобразований и на экспоненциальный рост населения наложилось начало Первой мировой войны и, соответственно, первой из демографических катастроф России.

Первая демографическая катастрофа (1915–1922 гг.)

Не обойти вопросов и о потерях российского населения в двух обогривших столетие мировых войнах⁸. При этом интерпретация этих потерь не как сугубо военных (так называемых безвозвратных потерь), а как потерь именно демографических, учитывающих как прямые жертвы среди мирного населения, так и многочисленные разновидности косвенных, спровоцированных войною потерь, неизменно сталкивалась со смесью недопонимания и сопротивления. А это в свою очередь искажало и деформировало правду истории.

⁷ Гительман, 1995, с. 18. Если в 1870-х гг. их доля среди всех российских иммигрантов в США составляла 42%, то в 1880-е гг. — уже 58%; в 1890-е и 1900-е гг. она снизилась до 36 и 44% (Попов, 1998, с. 30–31).

⁸ Впрочем, счет такого рода потерям был открыт еще во время войны с Японией в 1904–1905 гг., когда Россия потеряла более 50 тыс. человек убитыми и около 60 тыс. взятыми в плен (см.: Население России в XX веке, 2000, с. 24–25).

Первая демографическая катастрофа (1915–1922 гг.)

Так, оценка боевых потерь в годы Первой мировой войны (считая ее началом 1 августа 1914 г., а концом — 11 ноября 1918 г., а не 3 марта 1918 г., когда был заключен Брестский мир, не остановивший тем не менее ни боевых действий, ни оккупации 1 млн кв. км с 65–67 млн мирных жителей на ней) колеблется весьма значительно — от 0,5 млн до 4,0 млн человек.

Согласно данным текущего учета Центрального статистического комитета МВД Российской империи, общая численность населения России на 1 января 1914 г. составляла 185,2 млн человек, из них 178,9 млн жителей метрополии и еще около 6,3 млн человек, проживавших в автономиях, в частности, в Финляндии (3,3 млн человек), Хивинском ханстве, Бухарском эмиратстве и Урянхойском крае. По имитационно-прогностической модели, численность населения России должна была бы составить 195,2 млн человек, но в действительности она составила всего лишь около 110 млн человек, или на 43,5% меньше! Эти потери населения были обусловлены в первую очередь потерями территории: около 17 млн человек проживало на территориях, ставших в 1917 г. суверенными (Польша и Финляндия) и 50 млн на территориях, фактически оккупированных войсками Германии, Австро-Венгрии или Турции ко времени завершения войны. Все остальное (порядка 8–10 млн человек) приходится на косвенные потери (уменьшение рождаемости и увеличение смертности в результате военных действий). Суммарные демографические потери населения России от одной только Первой мировой войны оцениваются специалистами приблизительно в 10 млн человек. Но еще труднее выделить и определить демографические потери в результате Гражданской войны и интервенции в 1918–1922 гг.!

Кроме безвозвратных демографических потерь, следует не упустить из вида миллионные перемещения мирных жителей — эвакуированных, депортированных или самостоятельно бежавших из районов, прилегающих к зоне боевых действий.

Подчеркнем, что в годы Первой мировой войны именно Россия выступила главным (хотя и не единственным) инициатором и поборником «превентивных этнических чисток» и депортаций. И это не удивительно, поскольку именно ей принадлежит и «честь» многолетней научной и идеологической проработки этих вопросов. Ведущие российские военные статистики конца XIX века — А. Макшеев, Н. Обручев и, в особенности, В. А. Золотарев — разработали специфическую доктрину, которую правильно было бы обозначить как **«географию неблагонадежности»**⁹. Она исходила из реальной территориальной дифференциации «благонадежного» и «неблагонадежного» населения, а также из их соотношения на конкретной местности: к первой группе относилось преимущественно славянское население, ко второй — евреи, немцы, поляки, народы Кавказа, Средней Азии и т. д. Только те районы считались благоприятными по благонадежности, где русское население составляло не менее 50%. Градиент благонадежности, по Золотареву, сокращался по мере продвижения от центра к окраинам империи. На случай войны давались рекомендации по экстренному «исправлению» этого «положения», особенно в приграничных районах. В качестве наиболее эффективных средств назывались взятие гражданских заложников, конфискация или уничтожение имущества или скота, а также депортации по признакам гражданской и этнической принадлежности.

⁹ См.: Хольквист, 1998. Впрочем, аналогичные идеи имели хождение и популярность и в соответствующих кругах Германии и Австро-Венгрии.

Собственно говоря, и депортация евреев из Москвы в 1891 г. была лишь реализацией научно обоснованной военно-статистической концепции о еврейской избыточности в этом городе.

Тем более это справедливо по отношению к депортационным операциям на западной границе России по ходу Первой мировой войны. Одной лишь военной необходимостью, как справедливо замечает П. Хольквист, эти меры не объясняются: «Их смысл становится понятным, только если мы серьезно отнесемся к концепции о возможности трансформации структуры населения либо путем введения в нее определенных элементов, либо путем удаления их из нее» (Хольквист, 1998, с. 39–40).

На практике интернировали и вовсе без особого разбора, весь контингент именовался «гражданскими пленными». Высшей точкой этого беспредела стал приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича от 5 января 1915 г.: очистить 100-верстную полосу вдоль русских берегов Балтийского моря от всех германских и австро-венгерских подданных в возрасте от 17 до 60 лет, причем отказывавшиеся уезжать объявлялись немецкими шпионами. И лишь спустя некоторое время, под давлением общественности и ряда отрицательных последствий, эти репрессии были несколько ослаблены, но только выборочно, — главным образом, для представителей славянских народов (Нелипович, 1996).

По некоторым оценкам, депортации на западе затронули около 1 млн человек, половина из которых — евреи, а треть — немцы¹⁰. Общее же количество гражданского населения, стронутого той войной с мест своего постоянного проживания на территории России, составило, по оценкам П. Гатрелла, от 5 до 6 млн человек (Gatrell, 1999). Ими были буквально переполнены все западные и центральные губернии Европейской России, и у только что помянутого П. Гатрелла были все основания назвать свою книгу «All Empire moving» — «Вся Империя движется». В этой своеобразной массовой «прививке» насильственных перемещений и навязанной людям бездомности, во многом расшатавшей патриархальные устои не только города, но и деревни, — ключ к пониманию многих послевоенных и после революционных событий и процессов, которые так и хочется назвать роковыми.

В целом же приходится констатировать, что подход царского правительства к «враждебно-подданным» интернированным во многом предвосхитил страшные черты депортационной политики советского государства.

Не лишним будет указать и еще на одно событие, имевшее место в феврале 1917 г. (т. е. посреди этого катастрофического периода) и весьма примечательное в расселенческом отношении. Речь идет об отмене черты оседлости для евреев, подвергавшихся в царской России стабильной и планомерной дискриминации¹¹ и неоднократно становившихся жертвами физического насилия — погромов или принудительных высылки (как, например, депортации из Москвы и Ростова-на-Дону в 1891–1892 гг.).

¹⁰ Эта оценка принадлежит Эрику Лору, защитившему в 1999 г. в Гарвардском университете диссертацию о политике России ко отношению к инородцам во время Первой мировой войны (см.: Хольквист, 1998, с. 38–39).

¹¹ Например, запрет на приобретение или аренду земли, дискриминационные ограничения и «нормы» при поступлении в гимназии, реальные училища, университеты и т. п.

Пресловутую же «черту оседлости», включавшую Правобережную Украину, Польшу, Литву и Белоруссию, а также Бессарабию и Крым, ввела для них просвещенная императрица Екатерина II. Мало того, что евреям нельзя было жить за ее пределами, им и внутри этой «черты» были заказаны, с одной стороны, сельская местность, а с другой, большие города (так, в 1887 г. запрет был распространен на Ростов-на-Дону и на Таганрогский уезд). Так были заложены насильственные основы уникальной мелкогородской, или «местечковой», культуры российского еврейства, вынужденного тесниться не только географически, но и социально-экономически: мелкое ремесло да мелкая торговля — вот, собственно, и почти все, с чем у евреев мирилось царское правительство.

Однако начало века и особенно годы Первой мировой и Гражданской войн ознаменовались эпидемией антисемитизма и едва не обернулись катастрофой для российского еврейства. Начало погромной волны было положено еще при Николае II: в 1903 г. произошел двухдневный погром в Кишиневе с 48 жертвами, в 1905 г. была запущена столь эффективная, с точки зрения антисемитов, фальшивка, как «Протоколы сионских мудрецов». В том же году «Союзом русского народа» было инспирировано более 700 погромов, а вторая волна погромов накрыла Россию в 1911–1913 гг., в связи с инспирированным властями «делом Бейлиса». Всего же в 1881–1914 гг. от рук погромщиков погибло около 2000 евреев.

Но своей кульминации еврейские погромы достигли в годы гражданской войны, причем погромщиками были и белогвардейцы, и белополяки, и петлюровцы, и григорьевцы, и красноармейцы: от них пострадало не менее 700 еврейских общин на Украине и более 100 в России, причем одних только убитых насчитывалось около 70 тыс. (Пятецкий, 1993, с. 6). Никогда еще на территории России еврейские погромы и массовые убийства не принимали таких масштабов.

Кстати, именно погромы и высылки (депортации) привели к уже упоминавшейся массовой эмиграции российских евреев за границу, главным образом в Америку и Палестину, развернувшейся в 1891 г. и остановленной только началом боевых действий в 1914 г.

Февральская революция 1917 г. принесла российским евреям избавление от их многовековой и жестокой дискриминации: не только «черта оседлости» была ликвидирована, но и остальные гражданские права были им впервые предоставлены в полном объеме. Само по себе это стало предпосылкой весьма скорой и повышенной концентрации еврейского населения в крупнейших городских центрах и метрополитенских ареалах страны, что привело к тому, что народ, искусственно изолированный от большинства ядер крупногородской среды, за считанные десятилетия стал самым урбанизированным из всех народов огромной многонациональной державы, какой являлся СССР.

Судя по многочисленным воспоминаниям современников, реакцией городского населения на обстоятельства гражданской войны стало массовое бегство в сельскую местность, названное Л. Троцким «дезертирством в деревню» (Троцкий, 1927).

Даже столицы не избежали этой печальной участи, их людность упала, а сквозь тротуары и бульжные мостовые, к изумлению современников, начала пробиваться... травяная зелень! «Трава на петербургских улицах, — писал в 1920 г. О. Мандельштам (в статье «Слово и культура»), — первые побеги девственного леса, который покроеет место современных городов». Это пророчество хоть и не сбылось, но все-таки грозно прозвучало.

Вторая демографическая катастрофа (1930–1936 гг.)

Ядром второй демографической катастрофы века стала сталинская коллективизация, начавшаяся в 1930 г. Впрочем, не будет большой натяжкой уподобить и ее войне, — гражданской войне, развязанной правящей партией против зажиточных крестьян как наиболее дееспособной части наиболее массового социального слоя России – крестьянства. Районами сплошной коллективизации, откуда, начиная с 1930 г., осуществлялась и высылка, являлись основные зернопроизводящие районы страны.

Составной и неотъемлемой частью идеологии **раскулачивания**, в центре которой стояли недопущение кулака в колхозы, экспроприация его имущества, изоляция и депортация (а при сопротивлении — и уничтожение) кулачества как класса, явилась «кулацкая ссылка». Самых раскулачиваемых поделили при этом на три категории: 1) «контрреволюционный актив»: их заключали без суда в концлагеря и даже расстреливали (членов их семей могли отправить на спецпереселение, причем первоочередным порядком, но могли и оставить дома; позднее, в 1931–1932 гг., представителей первой категории как бы перевели во вторую, отправив и их на спецпереселение, и по возможности с семьями); 2) «остальные элементы кулацкого актива, богатые кулаки и полупомещики»: их выселяли в отдаленные местности СССР или отдаленные местности данного края; 3) оставляемые в пределах района кулаки: их сселяли в небольшие поселки на землях за пределами колхозных угодий. При этом ни Сибирь, ни Казахстан как регионы межкраевого вселения кулаков значительной роли тогда не сыграли. Большинство раскулаченных отправили на европейский Север и на Урал, причем в пропорции 3:1. Новыми «уральцами» стали поголовно все кулаки с Северного Кавказа, большинство крымских и половина белорусских кулаков. В Северный край было депортировано кулачество Украины, ЦЧО и Поволжья (не считая половины белорусских и части крымских кулаков).

Расселяли кулаков небольшими поселками под управлением комендантов (так называемые «трудовые поселки»), именуя их при этом «спецпереселенцами» (до 1934 г.), затем «трудпоселенцами» (в 1934–1944 гг.), а с 1944 г. — «спецпоселенцами». Права и обязанности спецпереселенцев и административное управление спецпоселками регламентировались особыми положениями и инструкциями центральных и местных органов власти, а с 20 мая 1931 г. — органов ОГПУ¹². Управлялись спецпоселки спецкомендатурами, во многих случаях фактически являвшимися неформальными низовыми органами советской власти на местах. Точное число спецпоселков в 1930 и 1931 гг. не-

¹² Все спецпоселки были переданы в ведение ОГПУ 20.05.1931.

Вторая демографическая катастрофа (1930–1936 гг.)

известно, ориентировочно их было более 2000, из них в одной только Уральской области — 574 (Ивницкий, 1996, с. 242–243). Считалось, что спецпоселки раскулаченных должны были состоять из 30–50 дворов и только в исключительных случаях превышать 100 и более дворов¹³ (правда, существовали спецпоселки в 250 и даже в 500 дворов).

Интересно, что идея спецпоселков оказалась почти что слепком с идеи северных «колониальных поселков», высказанной тогдашним наркомом внутренних дел Г. Ягодой применительно к «расселению» ГУЛАГа и в связи с установкой о переводе заключенных из тюрем в лагерь. 12 апреля 1930 г. он направил нескольким ближайшим сотрудникам проект преобразования лагеря («...только сборище заключенных, труд которых мы используем на сегодняшний день, не давая перспективы заключенным, не давая ее себе») в «колониационный поселок», где зэк жил бы вне работы свободнее (хоть в избе вместо барака), куда он мог бы даже выписать семью, где он поэтому охотнее и «добровольнее» бы трудился, но где и жил бы он зато подолье срока, в идеале до конца своих дней. В число жителей таких поселков предлагалось включать и ссыльных. Поселки, согласно проекту, числились бы под номерами и состояли из 200–300 дворов, управляясь комендантом, которому для поддержания порядка была бы придана охрана в 10–15 человек (Дугин, 1999а, с. 8–9).

Всего же к концу 1930 г. из районов сплошной коллективизации было переселено 78 тыс. семей кулаков третьей категории, насчитывавших 372 тыс. человек¹⁴. С учетом внутрикраевой миграции (по состоянию на 1 января 1931 г.) общее количество депортированных в 1930 г. кулаков составило 109 тыс. семей, или 530 тыс. человек, а с учетом переселений кулаков третьей группы — 161 тыс. семей и около 780 тыс. человек. Формально из этого числа следовало бы вычесть 18 473 «одиночек особого назначения», высланных из пограничных районов Украины и Белоруссии хотя и одновременно с раскулаченными, но совершенно по другой линии — в порядке «зачистки границ» и вне зависимости от социального статуса (среди них, понятно, были и середняки, и бедняки). Таким образом, суммарное число лиц, раскулаченных и депортированных в течение 1930 г., составляло около $\frac{3}{4}$ млн человек.

На местах, однако, оставалось не менее 1 млн уже раскулаченных кулаков, судьба которых была, в сущности, предreshена: их ждали голодная зима и неминуемая ссылка. Многих, естественно, это не устраивало, и по всей зоне сплошной коллективизации прокатились крестьянские волнения, убийства колхозных активистов и агитаторов. Но большинство все же бунту предпочитало иную форму протеста — бегство на отхожие промыслы.

Следующая волна депортаций фактически развернулась в середине марта 1931 г. Можно сказать, что главным изменением географии выселения кулаков в 1931 г., по сравнению с 1930 годом, было резкое расширение пространства раскулачивания, а в гео-

¹³ Так, в Северном крае верхним потолком людности спецпоселка считались 120 семей (Ивницкий, 1996, с. 232).

¹⁴ В целом это составило лишь около $\frac{1}{5}$ всех раскулаченных в 1930 г. (весной выселение было временно приостановлено в связи с начавшимся севом и «перегибами» в коллективизации и раскулачивании).

графии вселения — резкое сокращение удельного веса Северного края и увеличение удельного веса Сибири и Казахстана (при сохранении значительной роли Урала¹⁵).

В 1931 г. было раскулачено около 200 тыс. хозяйств, т. е. вдвое меньше, чем в 1930 г., зато выслано было вдвое больше: 163 тыс. семей, или 787 тыс. человек (Ивницкий, 1996, с. 194). С учетом внутрикраевого переселения, по данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, в течение 1930–1931 гг. было выселено 388 336 семей, или 1,8 млн человек¹⁶. С учетом приблизительно 250 тыс. кулаков третьей категории, переселенных в 1930 г., суммарное количество депортированных за два года кулаков составило около 2,05 млн человек!

Больше всего раскулаченных за 1930–1931 гг. «поставила» Украина — 63,7 тыс. семей. На втором месте — уже Западная Сибирь (52,1 тыс. семей), но в пяти регионах — Северном, Западно- и Восточно-Сибирских и Дальневосточном краях, а также в Казахстане — переселения были исключительно внутрикраевыми. Сюда же можно добавить Урал, где на внутрикраевое переселение приходилось около 95%, и Башкирию (около половины). Тем самым вся Азиатская и существенная часть Европейской части СССР стали зоной внутрикраевого характера «кулацкой ссылки». Это и не удивительно, если вспомнить, сколь обширными были соответствующие административные единицы.

В 1932 г. положение со спецпереселенцами-кулаками начало стабилизироваться (к началу 1933 г. практически весь этот контингент состоял из раскулаченных). Причем если в 1930 г. государство привлекали даже не столько они сами, сколько их конфискованное имущество и земли, то в 1931–1932 гг. и их самих стали рассматривать как вполне небесполезную «рабсилу», отчего — пытаясь внести экономическую рациональность в политическую стихию — стали больше беречь и даже защищать от произвола «работодателей».

Это нашло свое отражение и в географии вселения раскулаченных спецпереселенцев. Тут, как нам кажется, наблюдается аналогичная тенденция: от «политики» — к «экономике», от «сверхэкстенсивности» к просто «экстенсивности» и от размахистых и жестоко-романтических планов Г. Ягоды по колонизации насильственным трудом заключенных и спецпоселенцев Севера и других «отдаленных местностей» (подчас и вовсе не освоенных территорий, откуда и бежать некуда) — к более локализованному, более прагматичным и тактичным проектам конкретного регионального развития, что скорее соотносится с тактическими, нежели стратегическими задачами (см. ниже).

Поэтому отчетливое преобладание севера Европейской части в начале коллективизации в 1930 г. сменилось ориентацией на заселение Урала и Казахстана в 1931 г., а затем и Западной Сибири (Нарымский край) в 1931–1933 гг. Последнее, впрочем, может быть воспринято и как рецидив экстенсивного освоения.

¹⁵ На Урал в 1931 г. планировалось переселить 55 тыс. семей, из них 30 тыс. из Украины, 15 тыс. с Кавказа и по 5 тыс. из Белоруссии и Ивано-Вознесенской обл. (Ивницкий, 1996, с. 191–192).

¹⁶ Земсков, 1994, с. 118, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 89, л. 205 (в более ранней работе он приводит несколько иное число семей — 384 334: см. Земсков, 1990, с. 3). Число прибывших на место всегда было меньше количества высланных, чему виной высокая смертность при транспортировке и побеге.

Вторая демографическая катастрофа (1930–1936 гг.)

В 1932 г. на спецпоселение поступило 71 236 чел. (Ивницкий, 1996, с. 196) из других регионов (т. е. без учета внутрикраевого переселения), причем большая их часть (39,4%) несколько неожиданно была направлена в Среднюю Азию, опередившую Казахстан (16,2%) и Урал (14,2%). В 1933 г. число поступивших спецпоселенцев составило 268 091 человек (там же, с. 202).

Суммирование этой цифры с числом кулаков, депортированных в 1930–1932 гг. (с учетом кулаков третьей категории в 1930 г., но без учета внутрикраевого переселения в 1932 г.), дает гигантский итог приблизительно в 2 540 тыс. человек, из которых 81% приходится на первые два года.

Зимой 1932/1933 г. возник еще один миграционный фактор, непосредственно вызванный коллективизацией, оторвавшей от земли наиболее эффективного ее собственника: недополученный урожай и изъятие «хлебных излишков» в конечном итоге и привели к повальному голоду на юге страны, в частности, на Украине, Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, где голодало не менее 25–30 млн человек. Посланные в эти регионы комиссии ЦК находили на местах «подкулачников» и прочих виновников, исключали из партии мелких партийных и советских деятелей¹⁷, арестовывали десятки и сотни тысяч крестьян, в том числе и по печально известному «закону о колосках» от 7 августа 1932 г.¹⁸, а целые станицы и села заносили на «черную доску»: так, в декабре 1932 г. около 5 тыс. хозяйств из ряда кубанских станиц (в частности, Медведовской, Урупской и Полтавской, переименованной после этого в Красноармейскую) общей людностью более 11 тыс. человек — выселили, главным образом, в Северный Казахстан и на Урал¹⁹. На их место принудительно заселяли демобилизованных красноармейцев²⁰.

За период с осени 1932 и по апрель 1933 г. население СССР сократилось на 7,7 млн человек, в том числе на Украине на 4 млн человек и примерно по 1 млн человек потеряли Северный Кавказ, Поволжье и Казахстан (Ивницкий, 1996, с. 224).

Исключительно тяжелая ситуация сложилась в 1933 г. в Казахстане, где в результате голода и коллективизации поголовье скота сократилось на 90%. «Большой скачок»

¹⁷ Всех бывших коммунистов, исключенных за срыв хлебозаготовок, высылали, наравне с кулаками, в северные области (Ивницкий, 1996, с. 215).

¹⁸ См.: Ивницкий, 1996, с. 203–225. Этот закон предусматривал расстрел и не предусматривал амнистии.

¹⁹ См.: Зеленин, 1989, с. 11; Ивницкий, 1996, с. 211. Н.В. Палибин (возможно, ошибочно) приводит несколько другой перечень занесенных на черную доску станиц: Темиргоевская, Уманская и Полтавская. Описывая процесс выселения из Полтавской, свидетелем чего он являлся, автор подчеркивал, что в данном случае высылке, причем под угрозой расстрела, подверглись также колхозники-середняки и бедняки. См. приказ № 1 коменданта станицы Полтавской Славянского района Северо-Кавказского края Кабаева от 17.12.1932 о выселении за саботаж хозяйственных мероприятий советской власти всех жителей станицы, кроме «доказавших на деле свою преданность» (Палибин, 1988, с. 152–153, 193–196).

²⁰ Сама по себе практика принудительного расселения демобилизованных началась еще раньше, по крайней мере в 1929–1930 гг., когда прорабатывалась идея создания «красноармейских колхозов» вдоль границ СССР. Так, например, в 1931 г. ЦК ВКП(б) и Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) приняли совместное решение о направлении двух полков демобилизованных красноармейцев на строительство Вахшской ирригационной системы в Таджикистане (см.: Курбанова, 1993, с. 59).

в животноводстве (вплоть до поголовного обобществления скота, даже мелкого) и политика принудительного «оседания»²¹ кочевого и полукочевого казахского народа обернулись не только голодом и гибелью от 1 (по Зеленину) до 2 (по Абылхожаеву и др.) млн человек, но и массовой откочевкой казахов. Ею, по данным Зеленина, было охвачено не менее 400 тыс. семей, или около 2 млн человек, а по данным Абылхожаева и др. — 1 030 тыс. человек, из которых 414 тыс. вернулось в Казахстан, примерно столько же — осело в РСФСР и республиках Средней Азии, а остальные 200 тыс. ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. Разумеется, это был достаточно длительный процесс, начавшийся в конце 1931 г. и нараставший от весны 1932 к весне 1933 г. (Абылхожаев и др., 1989, с. 67–69). Покинутые же людьми места приходили в упадок, все постепенно разрушалось²².

По-видимому, это послужило одной из причин бросающейся в глаза концентрации в последующем этнически депортированных спецпереселенцев и административно высланных именно в Казахстане, а также в республиках Средней Азии.

Голодомор 1932–1933 гг. имел самые разные последствия и принес множество проблем. Не последней среди них была проблема заселения территорий, особо пострадавших от голода и раскулачивания, где в результате попросту не хватало рабочих рук. Такими регионами, в частности, оказались Украина, Северный Кавказ (главным образом Кубань) и Поволжье. Естественный прирост в них (а также в Центрально-Черноземной обл.) в 1933 г. был феноменально отрицательным как по городскому, так и по сельскому населению. Суммарный же «недород» населения составил по одной только УССР 1 459, по Северному Кавказу — 278 и по Среднему и Нижнему Поволжью — 175 тыс. человек²³.

Следует отметить, что, начиная с марта 1933 г., «монополия» раскулаченных крестьян на статус спецпереселенца закончилась, поскольку начались и участились (главным образом в западных и центральных районах) разнообразные «чистки» больших городов и приграничных территорий от «социально-опасных» и «деклассированных» элементов. Чистки нередко напоминали облавы, людей хватали на улицах и бросали в теплушки, уже подготовленные для отправки в Сибирь. В одном только Томске, по данным В. Макшеева, в мае 1933 г. собралось около 25 тыс. москвичей, ленинградцев, сочинцев и т. д. В обиходе появился и такой термин, как «новый контингент», призванный отделить «новичков» от «старого» контингента раскулаченных (Макшеев, 1997, с. 52–65).

К 1935 г. все пограничные районы в обязательном порядке были очищены от кулаков и прочих неблагонадежных. 17 января 1935 г. Г. Ягода писал Сталину о «политической нежелательности» возвращения восстановленных в гражданских правах трудпосе-

²¹ Правильнее было бы сказать — по «оседланию»!

²² За 1926–1939 гг. число казахов сократилось на 867,4 тыс., составив всего 3 100,9 тыс. человек (см.: Зеленин, 1989, с. 6). Ср. другую оценку — 1 321 тыс. человек — в: Абылхожаев и др., 1989, с. 65–67.

²³ См.: Осокина, 1991. Примечательно, что данные по естественному приросту в Казахстане в центральные статорганы не поступили.

Третья демографическая катастрофа (1941–1948 гг.)

ленцев в места, откуда они были выселены. При этом он предлагал внести уточнение о том, что восстановление в правах не подразумевает права выезда из мест вселения²⁴.

Анализ сведений, собранных В. Н. Земсковым, говорит о высокой динамичности и структурной неоднородности контингента спецпоселенцев ГУЛАГ. Так, по состоянию на 1 июля 1938 г., на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГ НКВД СССР числился 1 741 трудпоселок (позднее — спецпоселки), в которых проживало 997,3 тыс. трудпоселенцев (в более поздней терминологии — спецпоселенцев), или, в среднем, около 573 человек на поселок. Подавляющее большинство — это крестьяне, раскулаченные в 1930—1933 гг., но несколько десятков тысяч — «неблагонадежные элементы», выселенные из погранзон и крупных городов в середине 1930-х гг., особенно после убийства Кирова.

При этом доля трудпоселенцев в общем числе репрессированных (заключенных и трудпоселенцев) в конце 30-х гг. оставалась более или менее стабильной: в 1937 г. — 34,4%, а в 1939 г. — 31,6%. За этот же малый отрезок времени сократилась — и весьма резко — доля заключенных в тюрьмах (с 20,5 до 11,8%), тогда как доля заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа выросла с 45,1 до 56,6% (Земсков, 1991б, с. 74–75).

Третья демографическая катастрофа (1941–1948 гг.)

Что же касается потерь населения СССР и России во Второй мировой войне, то «динамика» официальных советских цифр выглядит следующим образом: при Сталине — 7 млн человек, при Хрущеве — 20 млн, при Горбачеве — 27 млн человек.

По сводным данным Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на 1 марта 1946 г., за годы оккупации погибло или было вывезено 14,1 млн человек мирного населения (к которым, впрочем, следует прибавить 642 тыс. умерших в Ленинграде блокадников). Огромный урон понесла Украина: даже без Крымской области на нее пришлось 52% погибших среди мирного населения, 34% погибших военнопленных и 49% угнанных на работы в Германию (соответствующие доли РСФСР — 11, 29 и 31%).

Задачу определения безвозвратных потерь СССР ставили перед собой многие исследователи, как из «стана» историков, так и из «стана» демографов. По-видимому, наиболее совершенный расчет содержится в коллективном труде демографов Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой (1990). Полная оценка всех людских потерь военного времени, по их мнению, может быть получена методом демографического баланса, при сопоставлении численности и состава населения на начало и конец войны. К середине 1941 г., по их расчетам, население СССР (в послевоенных границах) составляло 196,716 млн, а на начало 1946 г. — 170,548 млн человек, в том числе 159,456 млн человек — родившиеся до начала войны. Таким образом, страна не досчиталась 37,2 млн человек. Вычтя из этой цифры расчетную величину естественной смертности за 4,5 г. (11,9 млн человек), авторы получили искомую величину людских потерь — 25,3 млн че-

²⁴ См. Бугай, 1992, с. 42, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 3316, оп. 2, д. 1668, л. 1.

ловек. К ней, согласно методике, необходимо добавить повышенную смертность детей, родившихся в военные годы (1,3 млн человек). Следовательно, людские потери СССР военного времени оцениваются в 26,6 млн человек, что составляет 16% от послевоенного населения страны. Если же брать за основу не официальную (168 525), а альтернативную (167 937 тыс. человек) численность населения СССР по результатам переписи 1939 г. (в границах на 17 сентября 1939 г.), то сумму потерь надо уменьшить на 0,6 млн человек — то есть до 26,0 млн человек.

В общем объеме потерь более 76%, или 20,0 млн человек, приходилось на мужчин, причем наиболее пострадавшие когорты — родившиеся в 1901–1931 гг. (те, кому на начало войны было от 10 до 40 лет): на них приходится более 55% потерь! Вероятность остаться по окончании войны в живых для мужчин в возрасте (на начало 1941 г. и при уровне смертности 1940 г.) от 25 до 34 и от 15 до 24 лет была выше только по сравнению со стариками от 65 лет и старше!

Но наиболее смертоносным для советских граждан признаком в годы войны была принадлежность к евреям (а также цыганам), физическое уничтожение которых являлось одной из стратегических целей Гитлера. Так, по оценке М. Куповецкого, за годы войны еврейское население предвоенного СССР сократилось более чем на 36%, чему соответствует приблизительно 1,1 млн убитых или умерших. Важно отметить, что при этом не учитывается еще около 1,9 млн евреев, оказавшихся на территориях, аннексированных Красной Армией в 1939–1940 гг.: среди этой части еврейского населения потери были гораздо выше и составили 1,6 млн человек, или более 86%. Таким образом, суммарные потери еврейства на территории, соответствующей предвоенному СССР, чудовищны и оцениваются в 2,7 млн человек²⁵. Этот геноцид гитлеровцев против евреев стал крупнейшим за всю мировую историю преступлением против человечности и вошел в нее под названиями Холокост («Всесожжение», в переводе с древнегреческого), или Шоа («Катастрофа», в переводе с иврита).

Катастрофой стала война и для сети поселений Европейской России, как городских, так и сельских. По официальным данным, на оккупированной немцами территории СССР полностью или частично были разрушено или сожжено 1 710 городов и поселков и более 20 тыс. сел и деревень, уничтожено свыше 6 млн зданий, служивших кровом для 25 млн человек (К 50-летию победы..., 1995, с. 31).

Но и это еще не все. Вторая мировая война — это не только смерть и гибель людей, военнослужащих и гражданских. Это еще и неслыханные по своим масштабам перемещения людей: движения войск, эвакуация, депортации и компенсационные миграции, принудительная вербовка в Германию и принудительная репатриация из Германии, причем не одних только гражданских лиц, но и военнопленных.

Одних только эвакуированных за годы войны насчитывается до 15 млн человек. Операции военного времени по депортации так называемых «наказанных народов» — немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев и др. — затронули в 1941—1945 гг. более 2,3 млн человек, из них 1,2 млн пришлось на немцев. Около 8,7 млн советских граждан — в основном не по своей

²⁵ Куповецкий, 1995, с. 134–155 (см.: Kupovetsky, 1994, p. 25–35). См. также: Клокова, 1995, с. 79.

воле — пересекли государственную границу в западном направлении. С целью принудительного трудоустройства немцы вывезли в Рейх и в другие оккупированные ими страны 3,2 млн собственно «восточных рабочих», являвшихся гражданами СССР еще до 17 сентября 1939 г., кроме того 800–900 тыс. рабочих из аннексированных до войны польских и прибалтийских территорий. Еще не менее 1 млн человек приходилось на так называемых «беженцев» и «эвакуированных» — советских граждан, устремившихся в Германию вслед за отступающим вермахтом (точнее, перед ним). Беженцами, в основном, были люди, так или иначе сотрудничавшие с немецкой администрацией и по этой причине не питавшие иллюзий относительно своей будущности после восстановления советской власти, а эвакуированными, напротив, те, кого увозили насильно, очищая тем самым территорию, оставляемую Красной Армией, от населения, которое, в ином случае, могло бы быть использовано против немцев. Несмотря на столь принципиальную разницу между ними, беженцы и эвакуированные в отчетах и донесениях проходят как единый контингент. Еще 3,2 млн приходится на военнопленных, вывезенных немцами из СССР на запад, но не только и не обязательно в Германию, где их одновременное число никогда не превышало 1 млн человек (всего же из 5,7 млн советских военнопленных в плену умерло 3,7 млн!).

Многие коллаборанты пользовались в Германии значительными привилегиями. Еще более привилегированный статус имели советские немцы и финны, вывезенные, соответственно, в Германию (около 350 тыс. человек) и Финляндию (60 тыс. человек). Большая их часть после войны была насильственно репатриирована в СССР. Общее число советских граждан, насильственно репатриированных, согласно Ялтинскому и другим подобным соглашениям, в СССР, составило 5,7 млн человек. На западе сумели остаться порядка 0,5–0,7 млн так называемых «невозвращенцев», главным образом из числа прибалтов и славянских коллаборантов: они и составили костяк так называемой «второй волны» российской эмиграции (Полян, 1996).

Надо отметить, что демографические «беды» России с завершением войны не закончились. В 1947 г., в результате сильнейшей засухи и неурожая 1946 г., в СССР разразился очередной катастрофический голод. После снятия с государственного хлебного довольствия (по карточкам) 28 млн сельских жителей, людские потери, по разным оценкам, составили от 0,5 до 1,0 млн человек.

Десятки тысяч жизней унесла и вооруженная борьба украинских, белорусских и прибалтийских сепаратистов против советской власти, не утихавшая вплоть до середины 1950-х гг. В Западной Украине было физически уничтожено не менее 60 тыс. «активных» националистов, на десятки тысяч шел счет и в Прибалтике, особенно в Литве. Боевые потери советских войск составили, по официальным данным, не менее 26 тыс. человек (Россия в локальных войнах..., 2000, с. 491).

А вот международную «пригонку» населения к перекроенным после войны границам к проявлениям катастрофичности не причислишь, но и малозаметными не назовешь. Так, из вошедших в состав СССР восточной части Восточной Пруссии и южного Сахалина с Курильскими островами в 1944–1946 гг. в Германию было переселено 1 157 тыс. немцев, а в 1946–1956 гг. в Японию — 296 тыс. японцев и айнов (Марианьский, 1966, с. 193)²⁶.

²⁶ При этом корейцев, переселенных на Сахалин японцами, не тронули и оставили на острове.

В ходе окончательной демаркации новых границ с Польшей, Чехословакией и Румынией были произведены оптации, или взаимообмены территориями и населением²⁷.

Сальдо практически всех послевоенных обменов были не в нашу пользу и вели к тому или иному сокращению населения СССР. Та же тенденция сохранилась и в 1950-е годы, только речь шла уже не о миллионах и сотнях тысяч, а в лучшем случае о десятках тысяч человек²⁸.

Как бы то ни было, но предвоенная численность населения была достигнута и презойдена только на 11-й год после окончания войны — в 1956 г.

Население России во второй половине XX века

Характерно, что все три демографические катастрофы пришлось на первую половину века. В плане общей эволюции населения России они настолько резко и серьезно подорвали демографический потенциал страны, что лишили ее того демографического выигрыша, который ей, как и другим странам, сулили демографический переход и вызванный им временный, но ускоренный рост населения. А когда Россия вышла из затяжной полосы катастроф и равновесие между снижением рождаемости и смертностью восстановилось, было уже поздно наверстывать упущенные возможности роста населения России естественным путем.

На ту же первую половину века, а точнее на 40-летие между 1914 и 1953 гг. пришлось и все массовые принудительные миграции. Только за советское время в порядке внутренних принудительных миграций было депортировано около 6 млн человек, а в порядке международных, включая сюда угон немцами оstarбайтеров и насильственную репатриацию, — около 9 млн человек²⁹.

²⁷ Особенно впечатляющими были оптации с Польшей: 6 июля 1945 г. с ней было заключено Соглашение о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальности, проживающих в СССР, и на их выезд в Польшу, а также о праве на выход из польского гражданства лиц русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальностей, проживающих на территории Польши, и об их эвакуации в СССР. К 31 октября 1946 г. из Польши в СССР переселилось около 518 тыс. человек (в том числе на Украину — 482, в Белоруссию — 36 и в Литву — 14 тыс. человек). В то же время обратный поток был почти вдвое большим — около 1 млн человек (в том числе из Украины — 790, из Белоруссии — 231 и из Литвы — 70 тыс. человек). С. Максудов и В. Кабузан приводят еще более значительную цифру переселения польского населения в Польшу в 1945–1946 гг.: 1,5 млн человек (Кабузан, 1996, с. 234). Именно в ходе этого переселения Украину покинуло подавляющее большинство проживавших в ней поляков (прежде всего из Галиции, где до этого они были самой многочисленной нацией). Польское население Белоруссии и Литвы в основном не покинуло пределы СССР.

²⁸ Так, 28.04.1955 Совет Министров СССР принял Постановление № 858–517с «О репатриации из Советского Союза в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, ГДР, Корею, Китай находящихся на территории СССР граждан этих стран». Например, общее число репатрировавшихся в 1958 г. в Польшу составило, по некоторым данным, около 87 тыс. человек, а в 1959 г. — около 30 тыс. человек (см. Морозов, 1998, с. 31, со ссылкой на: RO'I, Jaacov. The struggle for Soviet Jewish emigration, 1948–1967. Cambridge University Press, 1991, p. 254.)

²⁹ Тут, впрочем, неизбежен двойной учет, скажем, остоваца и репатрированного (см.: Полян, 2001).

И тем не менее, начиная с середины 1950-х гг., население России уже не испытывало тех катастрофических ударов, которые буквально потрясли и перетрясли его в первой половине столетия. Увечья, нанесенные возрастной структуре населения, понемногу заживали, и естественные демографические процессы — рождаемость, брачность и смертность — тоже понемногу — приходили в эволюционную норму. Локальные войны, в которых принимали то или иное участие советские военнослужащие, например в Корее, Алжире, Египте, Йемене, Вьетнаме, Сирии, Ливане, Анголе, Мозамбике и Эфиопии, Камбодже, Лаосе, Бангладеш и Афганистане³⁰, а также военные акции в Венгрии и Чехословакии и пограничные конфликты на советско-китайской границе, хотя и сопровождалась потерями личного состава, но потери эти, за исключением потерь «ограниченного контингента советских войск в Афганистане», были демографически не столь уж существенными (см. табл. 1.2.3). Что же касается потерь в Афганистане, то они все-таки впечатляют, не говоря уже о морально-психологическом воздействии «Афгана» и «афганцев» на социальную и криминогенную ситуации в стране.

Таблица 1.2.3. Людские потери советских войск в локальных войнах и конфликтах (1959–1989, чел.)

Локальные войны и конфликты	Безвозвратные потери (убитые, умершие и пропавшие без вести)	Санитарные потери (раненые, контуженные, больные и обмороженные)
Война в Корее (1950–1953)	299	— *
События в Венгрии (1956)	720	1 540
События в Чехословакии (1968)	96	87
Пограничные военные конфликты с Китаем на Дальнем Востоке и в Казахстане (1969)	60	99
Оказание военно-технической помощи странам Азии, Ближнего Востока и Африки (1962–1979)	145	—
Оказание военной помощи Афганистану (1979–1989)	14 751	469 685
Всего, за 1950–1989	1 620	471 411

* — нет данных.

Источник: Гриф секретности снят, 1993, с. 407.

После смерти Сталина практически перестали практиковаться депортации, и новые масштабные проекты властей, требовавшие значительных перемещений крупных контингентов рабочей силы, обеспечивались несколько более цивилизованными методами

³⁰ На официальном языке они назывались «оказанием военно-технической помощи другим странам» или «ликвидацией пограничных военных конфликтов» (Гриф секретности снят, 1993, с. 394–407).

(в частности, оргнабором и так называемыми «комсомольскими путевками»). Так, в ходе начатого уже в 1954 г. освоения целины в Казахстане и Западной Сибири по одним только путевкам ВЛКСМ было отправлено на целину более 350 тыс. человек (Зеленин, 1998, с. 121).

В то же время дух принуждения так и не выветрился, что особенно ярко проявилось после реабилитации большинства депортированных континентов и разрешения части из них возвращаться в родные места. Политика партии и правительства по-прежнему была весьма дифференцированной, никакой уравниловки не было.

Части репрессированных народов было предоставлено право вернуться на их прежнее местожительство на Северном Кавказе и Нижней Волге: 25 января 1957 г. зам. министра внутренних дел Толстиков подписал приказ «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей, выселенным в период Великой Отечественной войны» (Бугай, Гонов, 1998, с. 288). Немцам, крымским татарам, а также туркам-месхетинцам (и прочим депортированным из Закавказья) возвращение в правовое поле гражданства было обставлено запретом физического возвращения на родные земли³¹.

У тех же депортированных народов, кому путь на родину был открыт, процесс возвращения начался практически сразу вслед за обретением государственности и прошел очень быстро, хотя и с неодинаковой скоростью (см. табл. 1.2.4):

Таблица 1.2.4. Доля численности некоторых из репрессированных народов СССР, проживавших в своих национальных образованиях (1959–1989, %)

Народы	1959	1970	1979	1989	1959–1989
Карачаевцы	84,3	86,1	83,3	83,0	– 1,3
Калмыки	61,2	80,4	83,3	84,2	+ 23,0
Чеченцы	58,2	83,1	80,9	76,8	+ 18,6
Ингуши	45,3	72,1	72,4	69,0	+ 23,7
Балкарцы	81,0	86,3	90,0	83,2	+ 2,2

Источники: Национальный состав, 1961; Национальный состав, 1990.

Быстрее всех на родину возвращались карачаевцы и балкарцы — более 80% в 1959 г., а вот калмыки (61,2%), чеченцы (58,2%) и особенно ингуши (45,3%) явно не торопились домой, хотя в случае с ингушами (да и с калмыками тоже) сказывалась их неполная территориальная реабилитация. Своего максимума показатель сосредоточенности этноса в своей республике у карачаевцев и чеченцев пришелся на 1970 г., у ингушей — на 1979 г., а у балкарцев и калмыков — на 1989 г.

³¹ Аналогичный запрет был фактически наложен и на корейцев, хотя они не входили в число спецпоселенцев.

Необходимо сказать и о так называемой **третьей волне** советской эмиграции, датируемой промежутком между 1948 и 1986 гг. Это, по сути, вся эмиграция периода «холодной войны», количественно укладываемая приблизительно в полмиллиона человек (что близко результатам «второй волны»). Качественно же она состоит из двух весьма непохожих слагаемых: первое составляют не вполне стандартные эмигранты — принудительно высланные и перебежчики, второе — «нормальные» эмигранты.

Количественно доминировали, разумеется, именно вторые. Суммарные показатели третьей волны, согласно С. Хайтману, таковы: за 1948–1986 гг. из СССР выехали около 290 000 евреев, 105 000 советских немцев и 52 000 армян (Heitman, 1987, p. 108). До 1980-х гг. евреи составляли решительное большинство эмигрантов из СССР, но в 1980-е гг. они уступила лидерство эмиграции немцам.

В середине 1960-х гг. по своим демографическим характеристикам Россия значительно сблизилась с большинством промышленно развитых стран мира. Однако длительная стагнация и даже рост уровня смертности в конце 1960-х и в 1970-х гг. вновь отбросил ее назад (см. **табл.1.2.5**).

В начале 1980-х гг. власти СССР, озабоченные картиной демографической стагнации и очевидными перспективами сокращения численности населения в Европейской части страны, предприняли попытки стимулировать рождаемость посредством «новой» семейной политики. В 1981–1983 гг. текущая интенсивность деторождения, действительно, повсеместно подскочила, но затем последовал ее даже еще более сильный спад. Вторая похожая волна роста пришлась на 1986–1987 гг.

В 1985 г. государство решило поправить и ситуацию в области смертности. В результате одиозной «горбачевской» антиалкогольной кампании смертность резко сократилась, а ожидаемая продолжительность жизни — возросла, притом с невиданными ранее в развитом мире темпами (наилучшие показатели были достигнуты к 1987 г.). Но, как и в случае с рождаемостью, снижение смертности оказалось кратковременным явлением, за которым последовало катастрофическое ухудшение ситуации.

Демогеография ожидаемой продолжительности жизни в период кратковременного подъема также характеризовалась очевидной зависимостью — регионы с более высокой смертностью получили больший относительный выигрыш от ее снижения, что лишний раз подтвердило огромную роль алкогольно-зависимой компоненты смертности в территориальном разнообразии уровня процесса.

Региональные различия демографических процессов, формирующих режим воспроизводства населения (рождаемости, смертности, изменений возрастной структуры и др.), достаточно инерционны и во времени меняются медленно.

Быстрые и наиболее радикальные перемены, связанные с переходом от традиционного высокого уровня смертности и рождаемости к низким уровням этих процессов (демографический переход), в основном закончились к середине 60-х гг. В последующие десятилетия ведущей тенденцией было формирование универсального, единого типа воспроизводства населения на всем пространстве России. Можно считать, что

Таблица 1.2.5. Изменения численности населения Российской Федерации (1950–1998, млн чел.)

Годы	Численность населения, млн чел. (на начало года)			Доля в общей численности, %	
	всего	городского	сельского	городского	сельского
1950	101,4	43,7	57,7	43,1	56,9
1955	110,5	54,3	56,2	49,1	50,9
1960	119,0	63,7	55,3	53,5	46,5
1965	126,3	73,2	53,1	57,9	42,1
1970	130,1	81,0	49,1	62,3	37,7
1975	133,8	89,3	44,5	66,8	33,2
1980	138,3	96,6	41,7	69,8	30,2
1985	142,8	102,8	40,0	72,0	28,0
1986	143,8	104,1	39,7	72,4	27,6
1987	145,1	105,7	39,4	72,8	27,2
1988	146,3	107,1	39,2	73,2	26,8
1989	147,4	108,4	39,0	73,5	26,5
1990	148,0	109,2	38,8	73,8	26,2
1991	148,5	109,8	38,7	73,9	26,1
1992	148,7	109,7	39,0	73,8	26,2
1993	148,7	108,9	39,8	73,3	26,7
1994	148,4	108,5	39,9	73,1	26,9
1995	148,3	108,3	40,0	73,0	27,0
1996	148,0	108,1	39,9	73,1	26,9
1997	147,5	107,8	39,7	73,1	26,9
1998	147,1	107,5	39,6	73,1	26,9
1999	146,7	107,3	39,4	73,1	26,9
2000	145,9	106,5	39,4	73,0	27,0

Источник: *Российский статистический, 1999, с. 53; Численность населения, 2000, с. 10.*

сформировалась некая относительно стабильная или, точнее, чрезвычайно медленно трансформирующаяся пространственная картина типов режима воспроизводства в России.

Среди ее основных характеристик выделяются такие, как, например, северо-восточный градиент смертности (при котором уровень смертности увеличивается при движении с юга на север и с запада на восток), концентрическая вариация уровня рождаемости, соответствующая историческому распространению социальных норм малодетных семей (наиболее низкий уровень наблюдается в центральных областях Европейской части страны, и затем он постепенно увеличивается к югу, северу и востоку), сохранение, по выражению С. Захарова, демографического арьергарда в лице национальных республик и округов Северного Кавказа, Калмыкии, Сибири и Дальнего Востока (в них, несмотря на прогрессирующие изменения, еще сохраняются черты архаичности в демографическом поведении людей: высокая младенческая смертность, повышенная рождаемость, молодая возрастная структура и т. п.).

В 80-е гг. расселение РФ в целом вступило в стадию так называемого «интегрированного расселения», когда сети городского и сельского населения интенсивно взаимодействуют друг с другом и по существу сливаются воедино на основе стабильных и ежедневных трудовых, торговых, бытовых, культурных, рекреационных и других видов связи. Интенсивно формировались городские агломерации (ГА) — компактные и плотно заселенные ареалы территории с развитыми транспортной инфраструктурой и «маятниковой миграцией». Из отдельных ГА складывается общий опорный каркас расселения страны (ОКР), контролирующей до половины общего и до двух третей городского населения страны. Расселение в целом из некогда сплошного (повсеместного) и равномерного трансформировалось в «пятнистое», город и село без преувеличений становятся «сообщающимися сосудами».

В то же время суженный режим воспроизводства населения, установившийся к началу 80-х гг. на подавляющем большинстве территорий, уже не обеспечивает простое замещение поколений и, соответственно, рост численности населения за счет естественного прироста в длительной перспективе.

Депопуляционные тенденции в России просматривались еще с 60-х гг., когда отрицательный естественный прирост стал характерной чертой вначале сельского, а затем и городского населения Центра России. Естественная убыль сельского населения была вызвана сильнейшим миграционным оттоком молодежи из села, что какое-то время поддерживало потенциал роста городского населения, даже несмотря на низкую интенсивность деторождения в городах. Но уже к концу 70-х гг. источники поддержания положительного демографического баланса и в сельской, и в городской местности исчерпали себя. Быстро стареющая возрастная структура населения на фоне низкой рождаемости, не уменьшающейся смертности и стабилизации миграционных потоков, подготовила тенденцию к отрицательному приросту почти на всем пространстве России. К началу 90-х гг. большинство российских регионов оказалось перед лицом неотвратимой реальности отрицательной демографической динамики.

Тенденции конца 1980-х и 1990-х годов

Конфликтогенность этого исторического периода скорее усилилась, чем ослабла. Но изменился ее акцент: время участия в международных конфликтах прошло (в 1989 г. СССР вывел свои войска из Афганистана), но им на смену пришли межэтнические конфликты внутри СССР, а затем — и внутри России. Кровавые события в Сумгаите, Шевченко, Ферганской долине, Тбилиси и др. местах привели к жертвам среди гражданского населения, но обошлись без потерь среди военнослужащих. Далее без потерь уже не обходилось, и их счет, даже по официальным данным, составил десятки тысяч людей (см. табл. 1.2.6).

Таблица 1.2.6. Людские потери советских (российских) войск и гражданского населения в локальных войнах и конфликтах на постсоветском пространстве (1992 — наст. время, чел.)

Локальные войны и конфликты	Период времени	Безвозвратные потери войск	Санитарные потери войск	Потери среди гражданского населения
Конфликт в Нагорном Карабахе	1988 – наст. время	51	— *	—
Конфликт в Южной Осетии	1991 – наст. время	46	142	—
Гражданская война в Таджикистане	1992 – наст. время	232	1 499	Ок. 30 000
Конфликт в Приднестровье	1992–1997	24	—	—
Конфликт в Абхазии	1992 – наст. время	67	—	—
Осетино-ингушский конфликт	1992	27	—	—
Первая чеченская война	1994–1996	5 551	51 387	—
Боевые действия в Дагестане	1999	290	937	—
Вторая чеченская война	1999 – наст. время	2 095 (на 7.04.2000)	6 171 (на 7.04.2000)	—
Всего, за 1988–2000		8 383	—	—

* — нет данных.

Источники: Россия (СССР) в локальных войнах, 2000, с. 492–494.

Собственно демографические процессы в России в 1990-е гг. развивались под воздействием трех важнейших факторов: 1) долговременно действующих, сформированных российским вариантом демографического перехода; 2) связанных с преодолением последствий непродуманной «демографической политики» государства в 80-х гг., серьезно дестабилизировавшей эволюционную направленность естественного развития и 3) связанных с адаптацией к меняющейся политической и социально-экономической ситуации под воздействием реформ. Во всяком случае было бы грубой ошибкой трактовать неблагоприятное в демографической сфере как прямое отражение политического и социально-экономического кризиса 90-х гг.

Возмущающее воздействие государственного вмешательства в демографическую сферу в 80-х гг. было в значительной степени погашено изменениями 90-х гг. По авторитетному суждению А. Блюма и С. Захарова (1997), есть все основания предполагать, что между изменениями демографических показателей в 80-х и 90-х гг. имеется жесткая зависимость.

В начале 90-х гг. Россия в целом пребывала на переломе, наподобие тех, что бывают в послевоенное время: резкий спад производства, падение жизненного уровня, близкая к критической масса социальных, этнических и политических конфликтов — все это, в некотором роде, есть неизбежная «разруха» после сокрушительного идеологического и экономического «поражения» СССР в многолетней «холодной войне» с капиталистическим миром. Казалось, эволюционная полоса геодемографического развития позади: лавинообразный рост числа беженцев и вынужденных мигрантов, например, — один из типических индикаторов неэволюционной фазы развития.

Однако качественно новые пропорции эволюционных и неэволюционных черт трансформации расселения обнаруживают себя и в расселении. В предшествующие три десятилетия между 1959 и 1989 гг., несмотря на все колебания, тренд динамики был ясен и стабилен: сельское население сокращалось, а городское и общее население столь же неуклонно и повсеместно росло.

В начале 90-х гг. совершенно иной, чем прежде, стала динамика численности населения РФ и ее регионов. На всей территории РФ произошла смена характера соотношения естественного и механического движения населения как факторов развития расселения.

Как видно из табл. 1.2.5, рубежным оказался год 1992-й. Начиная с этого времени, городское население стало ежегодно сокращаться (его максимум, таким образом, пришелся на 1991 г. и составил 109,8 млн человек), а сельское — расти, в 1995 г. достигнув того же показателя, что и в 1885 г. Но начиная с 1996 г. сельское население опять переменяло направление своей динамики: его прирост снова стал отрицательным. Несмотря на рост сельского населения в 1992–1995 гг., общая численность населения РФ в целом на протяжении всех 1990-х гг. неуклонно сокращалась.

Впрочем, ничего необычайно резкого и неожиданного не произошло. Темпы роста городского населения, начиная еще с 60-х гг., и без того неуклонно снижались (одновременно понижались и темпы сокращения сельского населения), так что смена знака сама по себе была неизбежной, и общегосударственный кризис лишь ускорил ее.

Среди внешнемиграционных процессов следует отметить мощный иммиграционный приток в Россию русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья (т. е. бывших советских республик) и усиление эмиграционного оттока в дальнее зарубежье, вызванное беспрецедентной для всей российской истории либерализацией законодательства о въезде и выезде во второй половине 1980-х гг. Оно сформировало так называемую четвертую волну российской эмиграции, «девятый вал» которой пришелся как раз на начало 1990-х гг. В первой половине 1990-х гг. эмиграционный поток из России колебался вокруг цифры в 90–100 тыс. человек³², позднее он несколько сократился. Поскольку этот период, в сущности, продолжается и сейчас, его количественные оценки нужно обновлять ежегодно. А всего за горбачевскую и ельцинскую эпохи пространство бывшего СССР покинуло около 1 млн человек.

Костяк «четвертой волны», как и волны третьей, составили эмигранты по этническому признаку. Речь идет в первую очередь об этнических немцах и евреях (в меньшей степени — о греках и армянах³³, в еще меньшей степени и в самое последнее время — о поляках и корейцах). Фактическое начало (точнее, возобновление) новой еврейской эмиграции датируется апрелем 1987 г., но статистически это сказалось с некоторым запозданием. Принципиально новым моментом явилось наличие третьего, наряду с Израилем и США, центра притяжения еврейского населения на постсоветском пространстве, а именно Германии, создавшей правовые предпосылки для иммиграции не только немцев, но и евреев из стран бывшего СССР.

Что же касается собственно немецкой эмиграции из СССР в ФРГ, то она началась еще в 1951 г., когда выехал 1 721 этнический немец. 22 февраля 1955 г. Бундестаг принял решение о признании ФРГ гражданства, принятого во время войны, что распространило действие «Закона об изгнанных» на всех немцев, проживавших в Восточной Европе. Уже к маю 1956 г. в немецком посольстве в Москве скопилось около 80 тыс. заявлений советских немцев на выезд в ФРГ (Кригер, 1997, с. 5). В 1958–1959 гг. число немецких эмигрантов составило 4–5,5 тыс. человек. Долгое время рекордным был результат 1976 г. (9 704 иммигрантов). В 1987 г. «пал» 10-тысячный рубеж (14 488 человек), после чего практически каждый год планка поднималась на новую высоту (человек): 1988 г. — 47 572, 1989 г. — 98 134, 1990 г. — 147 950, 1991 г. — 147 320, 1992 г. — 195 950, 1993 г. — 207 347 и 1994 г. — 213 214 человек. В 1995 г. планка устояла (209 409 человек), а в 1996 г. — двинулась вниз (172 181 человек), что объясняется не столько политикой воссоздания благоприятных условий для проживания немцев в Казахстане, России и т. д., сколько предпринятым правительством ФРГ ужесточением регламента переселения.

Тем не менее 1990-е гг. стали, по существу, временем самого что ни на есть обвального исхода российских немцев из республик бывшего СССР. Всего оттуда в ФРГ за

³² Вероятно, фактическая эмиграция несколько больше официальных данных, так как эмигрантами становятся и некоторые из тех, кто выезжает на короткий срок по туристской визе.

³³ Необходимо отметить, что ранее армянская эмиграция играла более существенную роль, чем теперь. В 1950-е гг. 12 тыс. человек эмигрировали во Францию, а за последующие 30 лет — 40 тыс. человек в США (см.: Heitman, 1987, с. 108).

1951–1996 гг. переселилось 1,5 млн немцев и членов их семей (табл. 1.2.7). К началу 1997 г. в Казахстане, по некоторым оценкам, осталось менее $\frac{1}{3}$ проживавших там ранее немцев, в Киргизии — $\frac{1}{6}$, а в Таджикистане немецкий контингент практически исчерпан. Интенсивность немецкой эмиграции из России гораздо ниже; мало того, отмечается заметная немецкая иммиграция из среднеазиатских государств в Россию (Бине, 1997, Кригер, 1997, с. 5).

Таблица 1.2.7. Динамика потока немецких переселенцев из бывш. СССР в Германию (1951–1996)

Периоды времени	Немецкие переселенцы из бывш. СССР (человек)	Их доля в общем числе немецких переселенцев в Германию (%)
1951–1955	1 956	3,3
1956–1960	14 086	4,8
1961–1965	3 593	3,9
1966–1970	3 593	2,9
1971–1975	21 591	17,5
1976–1980	41 613	15,8
1981–1985	8 664	3,8
1986–1990	308 537	28,1
1991–1995	972 866	87,5
1996	172 181	96,7
Всего за 1951–1996:	1 549 490	43,2

Расчитано по: Bundesaugleichsamt, Statistischer Bericht Az.: I/2 Vt 6838, 6. Dezember 1991; Info-Dienst Deutsche Aussiedler: Januar 1993, Nr. 38, S. 39; Januar 1994, Nr. 49, S. 15; Januar 1995, Nr. 63, S. 4; Januar 1996, Nr. 75, S. 3; Bundesverwaltungsamt, Jahrestatistik Aussiedler 1996 (сердечно благодарим д-ра Б. Дитц, Мюнхен, за предоставленные первичные данные. — П. П.).

Если в начале 1990-х гг., т. е. приблизительно на момент распада СССР, из России и Украины (а также Туркмении) выехало около 14–15% имевшегося там немецкого населения, то из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана — порядка 20–25%, а из закавказских республик — даже более 35% (Heinkel, 1994, с. 445–458). Эти различия достаточно показательны для того выталкивающего давления, которому подвергается немецкое население на территории бывшего СССР. И сегодня в общем потоке немецких репатриантов из бывш. СССР за 1992–1996 гг. доминирует Казахстан (в среднем 56,0%), хотя его доля при этом (так же, как и государств Средней Азии) неуклонно снижалась: доля же России, напротив, росла и составила в среднем 32,7%.

Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский в демографическом контексте века

Так уж сложилось, что В. П. стал очевидцем всех трех демографических катастроф XX века в России. Однако в первое десятилетие века, когда он работал над книгой «Город и деревня», он не только не мог их предвидеть, — он их даже помыслить себе не мог. Его собственная смерть в блокадном Ленинграде стала частицей того 600-тысячного мора, которым обернулась война для его родного города, и той чудовищной цифры в 27 миллионов человек, которой оцениваются сегодня общие потери населения СССР в результате войны.

А разве мог он представить себе чудовищные этнические последствия Второй мировой войны, в особенности Холокост — последовательное и поголовное истребление евреев? А ведь Россия, насчитывавшая в начале столетия самое многочисленное еврейское население в мире (более 5 млн человек), закончила век где-то посреди первой десятки стран и всего с 200–300 тысячами евреев среди своих жителей (в чем, правда, велика «заслуга» и суженного демографического воспроизводства и усиленной эмиграции среди оставшихся в живых).

В контексте же развития расселения и, в частности, тех его аспектов, на которых останавливался сам В. П., главным направлением спрогнозированных им изменений действительно стало мощное возвышение городских форм поселений, а вместе с ними — и азональных типов расселения (за исключением, быть может, рыболовного). Особенно это касается горнозаводского, железнодорожного и курортного типов, мощное наложение которых на зональные структуры не просто «смазало» сложившийся рисунок расселения, но коренным образом перестроило сами эти структуры. Сама азональная типология безусловно обогатилась за столетие: например, за счет «научкоградов», к числу которых можно отнести и большинство так называемых «закрытых городов».

Почти все столетие прошло под знаком ускоренной урбанизации, проявившейся в возникновении новых и росте старых городских поселений, включая сюда и поселки городского типа. Но городское и сельское расселение уже далеко не столь обособлены и автономны, как это было в начале века. На смену достаточно примитивным стадиям эволюции расселения — автономному и концентрированному расселению, в терминологии Ж. Зайончковской, пришла следующая стадия — интегрированное расселение.

Появились характерные для нее качественно новые урбанистические образования смешанного типа — городские агломерации, конурбации (слившиеся города), мегалополисы. Это, по сути, мощные узлы и ареалы концентрации как городского, так и сельского населения, на их основе формировался и опорный каркас расселения.

Конечно, произошло это отнюдь не повсеместно, а лишь в наиболее мощных узлах концентрации промышленно-городской жизни. Но и там, где до сих пор преобладает сельское расселение, характер его территориальной структуры так же претерпел внутреннее и весьма разительные трансформации³⁴.

³⁴ См. главы 3.1–3.5.

Часть вторая

Город

2.1. ГОРОДА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Первая Всероссийская перепись 1897 г. позволяет выявить уровень урбанизации в России конца XIX в., наличие и географию точек роста, в роли которых часто выступали не официальные города, а поселения иного типа и статуса — фабричные и кустарные села, слободы и станицы, пристанционные и горнозаводские поселки («города-заводы»). Но, прежде чем рассматривать урбанистическую ситуацию в конце XIX в., полезно дать краткий *исторический обзор* предшествующего развития, чтобы полнее представить его особенности.

Развитие городов и формирование их сети к концу XIX в.

Города конца XIX в. можно разделить на четыре «возрастные» группы, возникшие: а) до монгольского нашествия первой четверти XIII в.; б) в эпоху создания централизованного государства (XIV–XVII вв.); в) при формировании и укреплении Российской империи (XVIII в.); г) в XIX в. Города первых двух групп прошли испытание временем и в большинстве случаев подтвердили свое право быть, а не слыхть городами, проявив жизнестойкость, перенеся вражеские нашествия, внутренние войны и кризисы. Несмотря на катаклизмы, формирование их сети отразило итоги закономерной эволюции, саморазвития расселения, отвечавших потребностям страны. Города XVIII в., в особенно большом количестве учрежденные по административно-территориальной реформе 1775–1785 гг., еще продолжали проходить «испытательный срок». Некоторые, обнаружив свою «профессиональную непригодность», были выведены «за штат» или даже обращены в сельские поселения.

В развитии расселения чередовались периоды относительно плавных, постепенных, последовательных изменений и кардинальных сдвигов, взрывов, обвалов. Плавный процесс эволюции время от времени резко менял темп, прерывался крутым спадом или взлетом. Выскажем гипотезу о соотношении эволюционных и революционных стадий в расселении. Основной тренд, генеральное направление задает эволюция. Она определяет основной результат, несмотря на всевозможные потрясения. *Революции ускоряют или замедляют ход эволюции, но главное — они отчетливее выявляют ее результаты.* Эволюция еще «тянула» бы с подведением итогов; революция делает это решительно и энергично.

Татаро-монголы нанесли тяжелый удар по городам Руси. Но одни из них после всех разорений восстановились, продолжали жить и развиваться, а другие — по оценкам, около $\frac{1}{3}$ — канули в Лету. Так, Брянск возродился, а кто знает сегодня про расположенный неподалеку Вщиж, хотя до нашествия он занимал в иерархии городов более высокое место, чем Брянск? То же самое наблюдалось и после Смуты и польско-литовского разорения. Они вычеркнули из жизни множество городов, но это было подготовлено длительной и неумолимой эволюцией, определившей их угасание. Сказались изменение основных дорог, конкуренция других центров, улучшивших свое географическое положение, перекраивание политической карты.

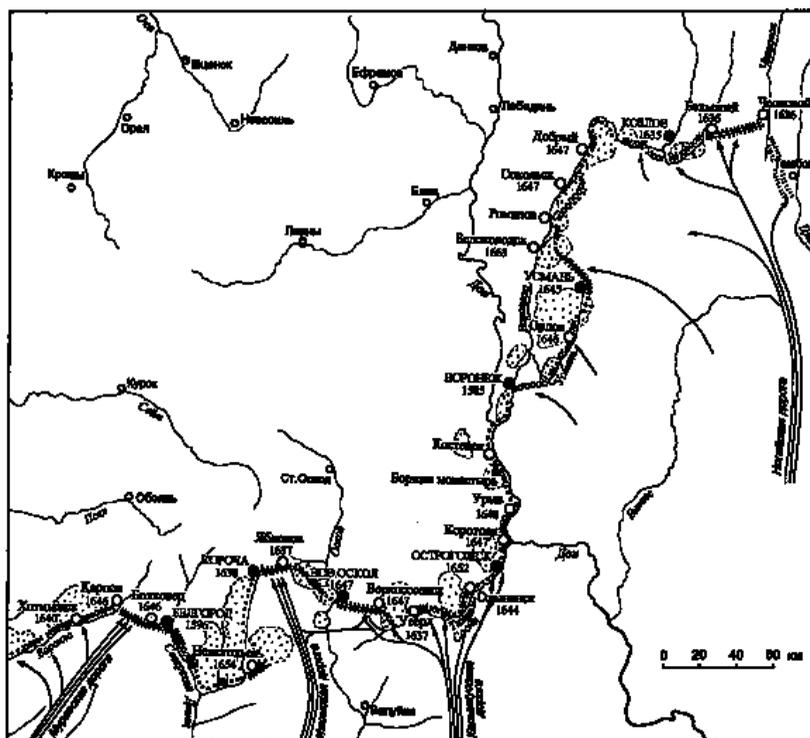
Пожар — этот бич деревянных российских городов — одни города отнюдь не лишил сил для возрождения, а для других мог стать концом карьеры. Знаменитый своей ярмаркой г. Макарьев не оправился после пожара 1816 г. С учетом весенней затопляемости Макарьева и явных выгод положения Нижнего Новгорода, туда в следующем году и была перенесена ярмарка. Насчитывая к 1999 г. всего 500 человек, пгт Макарьево и в нынешнем статусе оставлено разве что за былые заслуги.

Пример иного рода относится уже к XX веку. Это постепенное дозревание уральских «городов-заводов», возникших еще в XVIII в. Официальный статус города сразу после свержения монархии получили Нижний Тагил и Невьянск (1917 г.), а последним по времени — Горнозаводск Пермской области (1966 г.). Иначе говоря, процесс растянулся на полвека, причем он активизировался во время Великой Отечественной, когда потребовалась предельная мобилизация страны и повысился спрос на пункты, пригодные для размещения эвакуируемых из западных районов предприятий. За 1942–45 гг. городами стали десятки старинных горнозаводских поселений (34 только в пределах Уральского экономического района), в том числе такие, которые вряд ли получили бы этот статус в обычное время.

Города являлись средством закрепления территории в составе государства и ее хозяйственного освоения. Градостроительная активность с XVI в. ярко отражала процесс этой экспансии. После неудачной ливонской войны, когда не удалось попытке Ивана IV выйти на берега Балтики, Московское государство стало энергично расширяться на юг, юго-восток и восток. В конце XVI в. под защитой укрепленных линий (будучи оборонительными, например от набегов татар из Крыма, они стали и средством наступления, овладения Диким полем) произошло второе рождение городов, уничтоженных нашествием XIII в.: Ельца, Ливен, Курска и др. (рис. 2.1.1). Тем же способом Русь закрепляется на Волге, продвигается в Предуралье, создает первые опорные города в Сибири.

Основание и рост городов в связи с расширением Московского централизованного государства, ставшего затем Российской империей, шли непрерывно на протяжении веков. География городов по сути дела определяла переменчивая военно-политическая ситуация. Подвижка границ вызвала перестройку системы центров, меняла ее рисунок. Получалось, что в каждый исторический момент она создавалась как бы «вчера» и по истечении времени уже не соответствовала новой ситуации. На новом рубеже строились новые города-крепости, а на прежнем, оставшемся теперь в глубине, не все города были нужны. Возникала проблема отбора тех, что лучше других подходили на

Рис. 2.1.1. Древние города вдоль засечных линий в Черноземном Центре России (по В. П. Загоровскому, 1969)

- Города-укрепления черты ныне существующие
- превратившиеся в села или исчезнувшие
- ▨ Леса на черте
- ▤ Земляные валы
- xxxxxxx Засеки и линии надолб
- Контуры черты в местах естественных препятствий для татарской конницы
- ⋯⋯⋯ Тамбовский вал — продолжение Белгородской черты

роль не военных, а экономических центров территории. В результате часть городов теряла вслед за военным значением городской статус. Так что Россия была и страной новых городов, и страной исчезнувших городов тоже¹.

¹ Самая известная из укрепленных линий Московского государства — Белгородская — перекрывала ведущие из Крыма Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи и включала 26 городов-крепостей. Их заслон был особенно мощным там, где проходили названные дороги. Когда границы смещались к югу, начинался постепенный естественный отбор. Просуществовав более века, перестали быть городами к 1779 г. Карпов, Нежегольск, Усерд, Ольшанск, Костенск, Орлов, Сокольск, Романов (Неволин, 1859). В 1838 г. утратил роль уездного города Хотмыжск, в 1897 г. он уже числился заштатным городом с 1769 жителями. Коротояк, в то время уездный город (9390 жит.), в начале 1920-х годов преобразовали в село. К исходу XX в. из 26 городов Белгородской черты осталось 7, очень разных по величине и значению (рис. 2.1.1): Белгород, Короча, Новый Оскол, Острогожск, Воронеж, Усмань, Мичуринск (Козлов).

В дальнейшем при учреждении городов *стали действовать не только военные, но и административные факторы*. Город основывался как центр управления, политического и фискального контроля, которые вменялись ему в обязанность. То есть, как и прежде, города чаще появлялись в ответ на потребности государства, чем в ходе естественного развития производительных сил. Очень определенно сказал В. О. Ключевский: «...большая часть новых городов и городков Московского государства возникла не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по распоряжениям правительства» (1991, с. 191). Он же в дополнениях к книге П. Кирхмана (1867) по истории общественного и частного быта выявил отличие русского города от западноевропейского, складывавшегося на базе развития торговли и ремесла. В. О. Ключевский писал: «Не развитие промышленности и народонаселения в центральных областях, а чисто государственные соображения создали эти сторожевые поселения: здесь, как и на окраинах государства, торговый человек и земледelec шли по следам стрельца и под его защитой» (цит. по: Медушевский, 1991, с. 329).

В 1775 г. Екатерина II начала административно-территориальную реформу, в ходе которой имевшийся набор российских городов был подвергнут жесткому пересмотру с точки зрения их способности служить административными центрами. Часть признали непригодными для этого и «разжаловали» в сельские поселения. Одновременно лет за десять учредили сотни новых городов на базе экономических, дворцовых и монастырских сел, что явилось крупнейшим мероприятием подобного рода за всю историю России. Однако отобрать самые достойные пункты государство могло не всегда. Ему не хватало средств на выкуп промысловых сел у их помещиков, поэтому выбирали казенные землепашеские, хотя их крестьяне и не стремились в мещане. Опрос местных администраций в 1797 г. показал, что 63% вновь созданных городов «недействительны», их население занято только сельским хозяйством. Вообще каждый второй город был тогда аграрным по ведущей функции (Миронов, 1999, т. 1, с. 297–319).

Тот же Б. Н. Миронов (с. 315) отмечает, что, вопреки росту числа, размеров городов² и численности горожан, доля последних снижалась. По его данным, наличное городское население (с пригородами и более многочисленное, чем постоянное или приписное) в Европейской России без Польши и Финляндии составляло: 13% в 1742 г.; 11,6% в 1783; 9,1% в 1825; 9% в 1856. Затем начался рост, но к концу XIX в. он только вернул долю горожан к уровню 1742 г. Относительную дезурбанизацию XVIII — первой половины XIX в. автор сначала объясняет повышенной смертностью горожан, связанной с их социальным и возрастным составом, скученностью, худшими санитарными и иными условиями (пауперизм, алкоголизм и др.). Но все это было и после реформ 1860-х гг., обозначивших перелом в динамике доли городского населения. Более важной представляется вторая версия: слабый миграционный прирост в городах до крестьянской эмансипации и при господстве аграрной экономики.

В тех условиях «насаждение» городов сверху могло быть результативным скорее по форме, чем по существу. Ведь если сравнить XIX и XVIII столетия по числу учрежденных

² В XVIII в. средняя людность городов империи оставалась ниже 5 тыс. жителей, но затем за полвека выросла вдвое, а за весь XIX век — вчетверо, до 21 тыс. человек (там же, с. 289).

городов, то окажется, что XIX век сильно уступает предшественнику. За 1801–1900 гг. в Европейской России было учреждено 29 городов (**рис. 2.1.2**), тогда как в XVIII веке в 5,5 раз больше — 146³. Зато преобразование поселений в города в XIX в. было более обоснованным, чем во время губернской реформы Екатерины II. Однако формальный подсчет юридических городов вообще не способен точно отразить урбанистическую ситуацию XIX в. Дело в том, что уже действовали иные причины, вызывавшие зарождение городов. Менялся сам тип поселения, заслуживающего придания ему городского статуса.

Правда, правительство продолжало учреждать города, особенно на новых окраинах, для нужд управления. Выразителен пространственный аспект урбанизации XIX века: 15 городов из 29 в европейской части России появились на Северном Кавказе, окончательно вошедшем в состав империи по завершении Кавказской войны. Привлекая массу мигрантов из южно- и центрально-русских губерний, он превращался в крупнейший район товарного земледелия и животноводства, хотя обязательным элементом многих городов оставались крепости. Так были основаны Новочеркасск, Владикавказ, Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск). Но и на Кавказе города стали возникать по иным причинам: порты Новороссийск и Ейск, курорты Пятигорск и Кисловодск. В Кисловодске тоже построили крепость, но она должна была служить защитой для приезжающих на Минеральные Воды отдыхать и лечиться.

А самое главное, свою градообразующую силу проявила крупная фабрично-заводская промышленность, став причиной концентрации деятельности в удобных для нее точках. Правда, по ряду причин индустрия России в ходе промышленного переворота (1830–50-е гг.) и в пореформенное время развивалась в значительной степени вне городов. На пути ее проникновения в существующие города власти, население, общественное мнение создавали серьезные преграды. Сама целесообразность промышленного развития городов была предметом ожесточенных споров. И дело не только в аграрно-сельском менталитете. Важнейшая отрасль российской индустрии XVIII в. — металлургическая — развивалась вне городов из-за привязки железо- и медеплавильных заводов к рудным месторождениям. А в XIX в. авангардная отрасль русского капитализма, текстильная, имея свободу размещения, устремилась в сельскую местность из-за трудностей, которые ей чинились в городах.

Как замечает Л. Е. Иофа (1951, с. 289), «дворянские идеологи... с удовлетворением относились к факту внегородского развития промышленности, так как полагали, что это избавит страну от «язв пролетариата», от скоплений больших масс рабочих в городах». Сторонник промышленного развития городов Н. С. Мордвинов высказался так: «Но города у нас не могли до сих пор по надлежащему населены быть и процветать от двух наипаче причин: во-первых, от бывшего доселе несоразмерения казенных поборов местным удобствам каждого из них и, во-вторых, оттого, что в городах права собственности не уважались...» (1945, с. 221).

³ Подсчитано по статье Г. П. Махновой (1970). Из этих городов в настоящее время 17 имеют статус поселков городского типа, 18 — сельские поселения, два (Корчева и Молога) затоплены водами водохранилища, один (София) «растворился» в другом городе (Царское Село).

Интересно, что противниками промышленных городов были как славянофилы, так и западники, на что указал недавно А. Г. Вишневский (1998, с. 95). Славянофил И. Киреевский писал: «Мы должны желать..., чтобы правительство... не позволяло фабрикам заводиться внутри городов и особенно столиц, когда они с такою же выгодой могут стоять за несколько верст от заставы» (1911, с. 249). А западник Н. П. Огарев критиковал Запад за то, что там «город поглотил все», и продолжал: «В нашем мире борьба естественно решается в пользу сел, потому что наши города только правительственная фантазия, а в действительности они не имеют ни значения, ни силы. Торговля наша производится посредством подвижных рынков (ярмарок) <...> Зачем нам города? Вся наша жизнь в селах <...> Нет! Нет! ради истины и блага России — оставьте села быть селами!» (1859, с. 417).

Поскольку промышленность не пускали в города, ей приходилось создавать их самой. В 1844 г. получил городской статус крупный фабричный центр Подмосковья — Павловский Посад, а в 1871 г. — еще более известный Иваново-Вознесенск, «Русский Манчестер». Помимо этих текстильных центров, в 1867 г. стал городом центр тяжелой индустрии в восточном Донбассе Александровск-Грушевский (ныне г. Шахты). Но в ходе естественного развития производительных сил во много раз больше возникло эмбрионов будущих городов, фабричных и заводских сел и поселков — центров капиталистической индустрии.

Условия развития существующих и нарождающихся городов радикально поменяло *железнодорожное строительство*, которое во второй половине XIX в. велось очень активно. Особенно выделялось в этом отношении самое последнее десятилетие века (по протяженности введенных в строй железных дорог оно не имеет равных себе во всей истории железнодорожного строительства России). В результате произошло крайне резкое расслоение городов. Одни, оказавшись в стороне от железных дорог, сразу лишились перспективы, другие получили дополнительный стимул развития. Многие пристанционные поселки стали успешно конкурировать с городами как местные экономические центры.

В районах товарного капиталистического сельского хозяйства те же станционные поселки, станицы, слободы, крупные села развивали переработку сельскохозяйственного сырья, обзаводились элементами городской инфраструктуры. В изданном Министерством внутренних дел статистическом справочнике «Города Российской империи» (1904) появился новый термин «город-село», тотчас замеченный В. П. Семеновым-Тянь-Шанским (1910, с. 47).

На Урале, а также на Алтае и в Забайкалье горнозаводская промышленность давно породила десятки поселений, позже метко названных «городами-заводами». Еще в XVIII в. на Урале стали городами Алапаевск и Пермь, вне Урала — Петрозаводск, Липецк и Лодейное Поле. Они создавались в рамках крепостнического хозяйства, и работали на них крепостные, которых владельцы предприятий принудительно переселяли из разных районов России⁴. Официально городами их признавали редко, в порядке исключения.

⁴ Были и обратные случаи их перевода с Урала на другие заводы. Так, в Людиново Калужской губ. в 1755 г. владельцем Демидовым были вывезены крепостные рабочие многих уральских заводов.

Тем не менее XIX век стал в истории развития городов и их сетей переломным, знаменующая смену главных факторов реального градообразования. Ими стали индустрия и железнодорожный транспорт, преобразовавшие градообразующую базу старых городов и создавшие зародыши многочисленных будущих. Так были заложены предпосылки грядущих изменений в расселении, мощно проявившихся вскоре тенденций центростремительного и линейностремительного развития. Отныне рост и размеры городов стали определять прежде всего темпы и масштабы развития промышленности. Разная степень ее проникновения в ведущие — губернские и областные — центры России явно разделила их на две группы: вставшие на путь промышленного развития и «беспромышленные». Железные дороги и одновременность подключения к ним также внесли изменения в городскую табель о рангах. Например, через Самару (благодаря Сызранскому мосту) железная дорога прошла, а к Казани, Саратову, Астрахани только подошла, что сказалось на их судьбах. Отсутствие в течение некоторого времени железнодорожного переезда через Волгу у Казани вызвало заминку в ее торгово-промышленном развитии.

Все это заложило крупное противоречие в расселении: между организованной по принципу максимально возможной равномерности сетью административных центров и нарастающими тенденциями узловой и линейной концентрации экономической жизни на основе транспортного каркаса. В тень отходят некогда крепкие и процветавшие города: Болхов в Орловской губернии, Короча в Курской (ныне в Белгородской области), Великий Устюг в Вологодской.

Изменения в судьбах, в экономическом облике городов и их «субстратов» первая перепись населения 1897 г. отразила достаточно полно и достоверно. Представляет интерес рассмотрение урбанистической структуры страны в конце XIX в. на основе не только данных, относящихся к официальным городам, но и, пользуясь термином В. П., к городам «истинным», к тем экономическим центрам, которые городского статуса не имели (см. главы 2.2 и 2.3).

Почти все губернские и областные города соединили железнодорожные магистрали. Вне их в Европейской России остались Петрозаводск, Темир-Хан-Шура, Владикавказ, Ставрополь. Число таких административных центров было расширено образованием новых губерний: в 1850 г. Самарской, в конце века Черноморской с центром в Новороссийске; в начале XX в. обсуждалось создание и Елецкой. Среди губернских центров «неистинных» городов практически не было. Но этого нельзя сказать об уездных и тем более о заштатных городах. Для них В. П. ввел категорию «административных городов» (т. е. лишенных очевидных экономических перспектив). Среди официальных городов — центров уездов их на нынешней территории европейской части РФ оказалось 23. Чисто административными В. П. посчитал также 9 центров уездов (округов, отделов) без городского статуса. Среди них в праве считаться и стать истинным городом было «отказано» станице Баталпашинской, ныне городу Черкесску и столице Карачаево-Черкесии со 121,4 тыс. жителей (на 1.01.1999).

Официальные города, отнесенные В. П. к экономическим, чаще всего заполняли категории «малых городов» и «городков», причем весьма характерным было преобладание в их торгово-промышленном обороте торговли при крайне незначительном вкладе индустрии.

Если в конце XVIII в. реформаторы провели проверку всех имевшихся в то время городов на соответствие задачам, которые они по определению призваны были выполнять, то в конце XIX в. такого действия предпринято не было, и список официальных городов оказался перегруженным поселениями, фактически утратившими право называться городами. Вместе с тем, лишь единицы неофициальных экономических центров получали городской статус. Большинство из них, даже превосходя в экономическом отношении юридические города, городских прав не имели. И не очень к этому стремились.

Вообще-то уже с 1863 г. крестьяне имели право ходатайствовать о преобразовании их села в город. Но прошения удовлетворялись при условии поддержки двумя третями жителей и помещиком (в бывшем владельческом селе), наличии промышленных и торговых заведений и средств на содержание городского самоуправления. Соблюсти эти условия было непросто. Идею преобразования в города промышленных сел Павлово и Лысков на Оке и Волге, уральских «городов-заводов» Нижнего Тагила и Невьянска не поддержало нужное число их обитателей. Знаменитые Орехово, Зуево, Никольское оставались селами из-за хозяев-фабрикантов, боявшихся роста налогов. Б. Н. Миронов (1999, т. 1, с. 319–20), приводящий эти факты, заключает, что главным тормозом на пути роста числа официальных городов было не государство, а экономический интерес: нежелание содержать городские учреждения, менять тип землепользования, тем более, что с 1812 и особенно с 1860-х гг. русские крестьяне могли свободно заниматься любым промыслом⁵.

То, что все-таки должны были делать царские чиновники, сделали два десятилетия спустя советские управленцы. В 1918–1926 гг. они осуществили по сути дела городскую реформу, заметно изменившую состав и географию городов России⁶.

Основные черты урбанистической ситуации в России в конце XIX в.

В начале приведем общие данные, характеризующие распределение городов и поселков по административному статусу, особо выделив населенные пункты, которые насчитывали более 10 тыс. жителей (**табл. 2.1.1**). Кроме них, свыше 10 тыс. жит. имели и поселения иных категорий, а именно: пригороды — 3 поселения; «заводы» — 14; железнодорожные станции, порты и пристани — 2; села — 4; слободы — 11; станицы — 17; местечки — 3, т. е. всего 54 поселения.

⁵ Роль этого последнего фактора, по Б. Н. Миронову, выявляет сравнение с Финляндией, где сельских кустарей, торговцев и т. п. в сходных с российскими условиях было меньше, так как со времен шведского господства там остались обычные для средневековой Европы экономические привилегии городам и ограничения на сбыт конкурирующих крестьянских продуктов.

⁶ Ее начало еще Временное правительство, которое 3 апреля 1917 г. постановило преобразовать в города 41 поселение. С другой стороны, даже по завершении этой ревизии состава городов в 20-х гг. многие из них имели слабые предпосылки для экономического развития: 130 городов европейской части РСФСР (31% их числа) не имели железнодорожного сообщения (Города Союза ССР, 1927, с. 8–10).

Таблица 2.1.1. Городские поселения Европейской России в 1897 г.

Статус поселения	Число поселений	В т. ч. поселений с 10 тыс. жит. и более	Доля таких поселений, в %
Губернские и областные	37	35	94,6
Уездные	296	86	29,1
Безуездные	8	3	37,5
Зашататные	35	3	8,8
Посады	37	6	16,2
Всего	413	133	32,2

Итак, в конце XIX в. в России — стране по преимуществу крестьянской — и даже в ее более развитой европейской части существовала редкая сеть экономически слабых городов. Среди них резко выделялись немногочисленные крупные, особенно губернские и областные. Совокупность городов обладала определенным потенциалом развития, но далеко не все из них могли считаться «точками роста». Это отчасти подтвердили данные о последующей трансформации состава городов, зафиксированных переписью 1897 г. (табл. 2.1.2).

Как известно, главной ареной и мотором урбанизации, в основе которой лежит территориальная концентрация разнообразия (деятельности, воззрений, предпосылок развития), служат большие города. В России конца XIX в. имелось только два столичных города-миллионера и еще пять больших с населением более 100 тыс. жителей каждый — Саратов, Казань, Астрахань, Ростов-на-Дону и Тула. Для огромной страны этого было явно недостаточно. К тому же совсем отсутствовали города размером от 250 тыс. до 1 млн жителей.

В большинстве российских городов было много сельского, не только генетически (по происхождению из сел), но и в силу устойчивого преобладания сельских занятий населения, типов домов и усадебной застройки. После преобразования села в город его жители, перейдя в сословие мещан, по духу и занятиям в большинстве своем оставались крестьянами. Не случайно города, учрежденные сверху, Н. П. Огарев называл «правительственной фантазией». Для уральских «городов-заводов» был характерен тип рабочего-крестьянина. На предприятия Старопромышленного Центра тоже нанимались жители окрестных деревень: на фабрике рабочие, дома они по-прежнему крестьяне; даже переселяясь в фабричный поселок, они сохраняли крестьянские черты быта, досуга и мышления. А. Г. Вишневский (1988) писал об «урбанизации по-деревенски», имея в виду советское время. Но с куда большим основанием это можно отнести к России конца XIX в. Именно тогда А. Геттнер (1909) характеризовал российские города как недостаточно городские.

Таблица 2.1.2. Трансформация состава городов Европейской части РФ после переписи населения 1897 г.

Категории центров в 1897 г.	Число городов и посадов в 1897 г.	Число поселений и их юридический статус на 1.01.1998						
		города			пгт		села	
		всего	центры обл., краев, респ.	рай-центры	всего	рай-центры	всего	рай-центры
Губернские и областные центры	37	37	33*	—	—	—	—	—
Уездные центры	296	256**	15	223	21	15	16	10
Безуездные города	8	7***	1	3	—	—	1	—
Заштатные города	35	11****	—	10	10	8	13	3
Посады	37	15	—	13	3	2	19	2
Всего	413	326	49	249	34	25	49	15

Примечания:

* Новороссийск утратил ранг губернского центра после того, как была упразднена (в 1929 г.) возглавлявшая им Черноморская губ. То же случилось и с Выборгом. Новочеркасск передал свои функции Ростову-на-Дону, а Темир-Хан-Шура (с 1922 г. Буйнакск) – Махачкале.

** Два города (Корчева и Молога) затоплены водохранилищем; город Нахичевань вошел в состав Ростова-на-Дону.

*** Город Кола (Мурманская область) был в 1926 г. преобразован в сельское поселение; вновь получил городской статус в 1965 г.

**** Город Дедюхин, будучи с 1926 г. сельским поселением, вошел в состав г. Березники, частично затоплен при создании Камского водохранилища.

Эта их черта — давняя, как бы изначальная, и очень устойчивая. В. О. Ключевский писал о городах Московской Руси XVI века: «Когда-то скандинавские сказания называли полосу земли по водному пути «из варяг в греки» «страной городов»; и в XVI в. эта речная полоса не теряла права на такое название; к ней присоединились еще другие речные полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не заметить, что наибольшее количество городов, и наиболее значительных, лежит по большим рекам — Днепру, Оке, Волге; но назвать всю область Московского государства страной городов в XVI в. было бы слишком неточно, как по отношению количества городов к пространству страны, так и по характеру самих городов, из которых многие и очень многие только носили имя города, но имели вид и значение большого села» (Ключевский, 1991, с. 163).

Сельские черты российских городов не могли не бросаться в глаза бытописателям, в то время как в описаниях фабричных, заводских и кустарных сел просматривались городские черты. В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» (1951, с. 353–357) приводит выдержки из разных трудов того времени: «Дома в селе Кимры городские, и жители отличаются городскими привычками, например, „щегольством“»; «Жизнь таких центров, как Павлово, сложилась совершенно по-городскому, выработав несравненно более развитые потребности, более культурную обстановку, одежду, образ жизни и т. д., чем у окрестных, „серых“ земледельцев». С. Маковский (1999, с. 183), сетуя о том, что «Россия не богата памятниками древности», писал: «Ее города, похожие на села, и села, похожие на города, плохо помнят о прошлом». Тяжкие потрясения, разрушительный кагот событий-катаклизмов, проходя по многим российским городам неоднократно, и впрямь лишали их истории, отбивали память.

Промышленный рост городов связан с наплывом в них мигрантов, с расширением маргинального слоя. В течение XIX в. доля крестьян в городах европейской части империи выросла с 33% до 43–44% приписного (постоянного) населения и с 37–38% до 45% населения наличного (Миронов, 1999, т. 1, с. 322). В пореформенное время очень активно впитывала приток из села Москва. Характеризуя этот процесс, Ю. Г. Саушкин заключает: «...деревня Центрального района сформировала население Москвы» (1964, с. 79). Он подтверждает это ссылкой на А. С. Нифонтова (1954): «...около 75% жителей города родилось вне Москвы и около 70% их относилось к крестьянскому сословию».

А. Н. Островский (1960, с. 180–181) считал эту великорусскую народную силу «полудикой по своим хищническим и чувственным инстинктам». Выдвигая идею основания в Москве национального театра, великий драматург писал: «В Москве могучая, но грубая крестьянская сила очеловечивается, чему более всего помогает театр».

А вот еще одно подтверждение симбиоза городских и сельских черт в облике российского города, выраженного поэтически:

Совсем село — на город не похож —
И весь в садах. За речкой монастырь
Белеет в зелени. А дальше — рожь
Опять поля, опять простор и ширь!
(П. Булыгин, «В полях»)

Сельские черты городов, урбанизация по-деревенски — отнюдь не чисто русское явление. В. В. Покшишевский и Г. Н. Озерова (1981, с. 184) писали о «деревнях, перенесенных внутрь городов многих стран Африки». Так называемые сельские города встречаются по всей Восточной Европе: в Польше, Словакии, венгерском Альфельде, Болгарии. Переплетение города и села наблюдается и в иных условиях, на других стадиях эволюции расселения. Описывая процесс разрастания городов в развитых странах, Дж. Уэруэйн отмечал, что в пригородах люди живут «не в городе и не в деревне» (Уэруэйн, 1965, с. 404).

России с ее просторами и даже обжитым частям с довольно равномерным сельским населением всегда не хватало городов. Общие данные на сей счет приводит Б. Н. Миرون (1999, т. 1, с. 286). Среднее (условно-расчетное) расстояние между ближайшими городами и посадами в Европейской России, без Польши и Финляндии, достигало в 1857 г. 87 км, а в 1914 — 83 км (в Сибири — 516 и 495), варьируя от 50 км в Прибалтике до 150–300 на Севере и Урале. В основных же европейских странах в середине XIX в. дистанции составляли 10–28 км, в начале XX в. — 8–15 км. Впрочем, и в XV веке Запад Европы покрывала густая сеть городков, отстоявших друг от друга на 20–30, а местами на 10–15 км. Крестьянин за один день мог пешком добраться в город и обратно, горожанин — достичь соседнего города. В России такие поездки даже на лошади (до создания к концу XIX в. сети железных дорог) длились сутками, затрудняя сельско-городские и межгородские сношения.

С этим же связан универсализм русских крестьян, навыки самообеспечения всем необходимым. Дефицит городов вместе со свойствами климата и свободой промыслов также привел к распространению в дореволюционной сельской местности несельских занятий, к исполнению ею неформально, а то и официально городских функций. Правда, последнее типичнее для окраин империи. Так, на Северном Кавказе роль административных центров уездов, округов, отделов выполняли не только города, но и села, станции, укрепления. Там имелся 21 такой центр (включая такие известные селения, как Гуниб, Хунзах, Ботлих в Дагестане, Армавир на Кубани, Нальчик в Кабардино-Балкарии) и еще один (Усть-Цильма) — на Европейском Севере. В XX в. 9 подобных поселений стали городами.

Сложившаяся к концу XIX в. сеть городов не отвечала требованиям времени, плохо адаптировалась к менявшимся условиям. Ее трансформация была необходима. Многие понимали, что экономический бум, переживаемый Россией на рубеже веков, должен был ускорить и урбанизацию. Некоторые признаки такого ускорения уже появились. Однако в 1914 г. началась Первая мировая война, в 1917 г. грянула революция...

Самые общие итоги дальнейшего развития городов по крупным европейским районам современной России отражает **табл. 2.1.3.**

Общее число городов более чем удвоилось, а на Урале и Северном Кавказе, где урбанизация была совсем неадекватна демоэкономическим условиям и перспективам, оно увеличилось в пять раз. Отсюда рост доли этих районов по числу городов за счет центра и северо-западного «угла» страны, хотя Центральный район сохранил выдающееся место. Повсеместное уплотнение городской сети нигде не вывело ее на западно-европейские параметры даже многовековой давности: таковы уж размеры России. Кроме того, прежде сравнительно равномерный рисунок расселения стал совсем иным, чего не учитывает расчетная формула расстояний ближайшего соседства.

Обо всем этом подробнее — в следующих главах.

Таблица 2.1.3. Распределение городов и среднее (расчетное) расстояние между ними в конце XIX и XX вв. по крупным районам европейской части РФ

Крупные экономические районы	1897*			1999**		
	Число официальных городов	В % к итогу	Среднее расстояние, км	Число городов	В % к итогу	Среднее расстояние, км
Европейский Север	31	8,2	221	68	8,2	147
Северо-Запад	30	8,0	82	55	6,6	60
Центральный	140	37,1	59	252	30,4	44
Волго-Вятский	40	10,6	84	65	7,8	64
Центр.-Черноземный	40	10,6	65	50	6,0	58
Поволжье	45	11,9	106	94	11,3	76
Северный Кавказ	21	5,6	130	105	12,7	58
Урал	30	8,0	160	141	17,0	73
Всего	377	100,0	107	830	100,0	71

* Без Калининградской, Курганской областей и других участков, не относившихся к Европейской России.

** Без Калининградской и Курганской областей.

2.2. ИСТИННЫЕ ГОРОДА

В. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО СЕГОДНЯ

Критерии «истинного города»

Перебрав разные признаки истинного города (до 35 в работе «Города России в 1904 г.», 1906) и рассмотрев их применимость, В. П. пришел к выводу, что лишь два дают более или менее приближающееся к истине понятие о преобладающем городском характере поселения. Это его людность и процент населения, не занимающегося сельскими промыслами вообще, в связи с бойкостью его торгово-промышленного оборота (с. 56). В качестве минимальных критериев города он принял: людность не менее 1 тыс. жителей и торгово-промышленный оборот не менее 100 тыс. рублей.

Пункты с населением до 5 тыс. жителей В. П. назвал городками, с 5–10 тыс. — малыми городами, с 10–40 тыс. — средними, 40–100 тыс. — большими и более 100 тыс. — крупными. Отличия от почти общепринятых современных размерных групп очевидны: средний город «подросток» до 50–100 тыс. жителей, нижний порог большого — до 100 тыс., крупными теперь считают города в 5–10 раз большей людности. Их юридический статус мог быть любым: губернские, областные и уездные города, наделенные административными функциями, безуездные и заштатные города, посады, пригороды, слободы, заводы, порты, пристани, станции, села и др. По бойкости (торгово-промышленному обороту) выделялись: весьма бойкие с душевым оборотом 800 рублей и выше, бойкие с оборотом от 500 до 800 руб. и средние с оборотом от 100 до 500 рублей.

По этим признакам В. П. выделил из числа официальных городов Европейской России начала века 534 истинных, тогда как 227, или 30%, не удовлетворяли избранным критериям. К истинным городам он также отнес 1237 поселений, не имевших городского статуса. Если рассматривать итоги в современных границах европейской части РФ, то список В. П. будет содержать следующее число городов (**табл. 2.2.1**).

Понятие истинного города у В. П. свелось таким образом к чисто экономическому содержанию, обусловленному торговой и промышленной деятельностью. Автор делал упор на разнице между военно-административными и экономическими городами, подчеркивал изъяны административных городов, которые, по его мнению, вследствие их экономической недостаточности нельзя было считать истинными городами. При этом он допускал, на наш взгляд, односторонность, преувеличивая значение торгово-про-

Таблица 2.2.1. Истинные города в европейской части РФ по В. П. Семенову-Тян-Шанскому

Категории истинных городов	Всего	В т. ч. официальные
Столичные	2	2
Крупные	7	7
Большие	29	28
Средние	151	97
Малые	176	84
Городки	344	105
Всего	709	323

мышленной бойкости и явно недооценивая значение центральных функций, которые обычно и вполне естественно формировались вокруг стержневых административных обязанностей города.

Поэтому многие истинные города В. П. на практике оказались однобокими, лишены того разнообразия деятельности, которое во многом определяет сущность города. В то же время некоторые административные города он «развенчал» явно неправомерно. Имея достаточную людность, они наряду с административными выполняли транспортные, распределительные и культурные функции.

На недостаточность чисто экономических критериев определения города указывали разные авторы. Исследователь проблем исторической демографии В. Я. Водарский писал, что экономическая характеристика города как противоположности деревне, при всей ее важности, не может быть единственным критерием (1974, с. 98). Л. Е. Иофа отмечал: «трактовка феодального города по преимуществу как промышленно-торгового пункта во многих случаях не подходит... для окраинных русских городов». Определение города как поселения, где основным занятием населения является не сельское хозяйство, по его мнению, имеет главным недостатком то, что в нем слабо подчеркнуты социальная сущность города и его классовая природа. Оно ничего не говорит о том, что «город — в то же время одна из организационных форм размещения господствующего класса по территории» (Иофа, 1951, с. 7–8).

Разнообразие функций — результат концентрации населения, занимающегося разными видами деятельности, — зависит и от людности центра. Разнообразие невозможно в небольших поселениях. Для этого нужна «критическая масса» людей. Согласившись с суждением А. И. Воейкова о том, что общим минимумом для городов земного шара является людность 20 тыс. человек, В. П. однако установил в качестве нижней границы для истинного города России людность всего в 1 тыс. человек. Категория «городки» с числом жителей от 1 до 5 тысяч человек составила в пределах европейской части

современной РФ 48,5% общего числа истинных городов (344 из 709). Для поселений такой величины очень трудно определить перспективу на основе одной лишь торгово-промышленной бойкости.

Указывая на наличие переходных форм между городами и сельскими поселениями, В. П. выделил две их группы: 1) экономически слабые официальные городские поселения, названные *административными пунктами*; 2) села, пока еще не вполне удовлетворяющие всем экономическим признакам города, но способные, судя по этим признакам, в недалеком будущем обратиться в города; они и определены им как *будущие города*.

Однобокий подход В. П. Семенова-Тян-Шанского к оценке роли административной функции определил в целом слабую достоверность его прогноза в отношении, скажем, таких будущих городов, как Баталпашинск (ныне Черкесск) и Нальчик, развившихся в крупные многофункциональные центры — столицы автономных республик.

Достоверность прогноза, сделанного В. П., можно оценить и точнее, рассмотрев, в какой мере выделенные им истинные и административные центры сохранили или, наоборот, утратили городской статус и в какой мере «будущие города» действительно стали городами. В верхних категориях людности достоверность прогноза достигает 100%: такие города уже сложились и подтвердили свою городскую сущность вполне убедительно. Если поселение и не имело городского статуса, то фактически городом оно уже стало и состоялось как истинный город. Примерами могут служить Орехово-Зуево, Нижний Тагил, Бутурлиновка и др. Но чем ниже ступень иерархии, тем расхождения между действительностью и прогнозом больше. Разбор случаев, когда прогноз В. П. не оправдался, позволяет считать причинами этого следующее.

1. Недооценка центральных функций, связанных с административными. В административные пункты, не отвечающие критериям истинного города, зачислялись города — уездные центры со слабым развитием промышленности и торговли, тогда как обслуживание нужд населения и хозяйства окружающего района, принадлежащее к числу важнейших городских функций, во внимание не принималось.

2. Переоценка способности поселений к городскому саморазвитию, которое может начаться лишь по достижении некоей критической массы населения. Небольшие же центры — малые города и городки, пусть даже и весьма бойкие, — ею не обладали.

3. Явно завышена роль торговли. Если индустрия весомо закрепляла потенциал города в виде основных производственных фондов, то торговля делала это в гораздо меньших размерах. К тому же, мобильная по своему характеру, она перемещалась, покидая город при ухудшении конъюнктуры. В отношении поселений «сильно промышленных» (с долей индустрии в общем торгово-промышленном обороте более 40%) и «средне промышленных» (25–40% оборота) прогноз В. П. оказался достаточно достоверным.

4. Хотя В. П. и принимал во внимание транспортно-географическое положение поселений, все же он недооценивал его невыгоды у поселений, расположенных в глубинке,

удаленных от железнодорожных станций. На самом же деле такая удаленность явилась труднопреодолимым препятствием для их развития.

5. Проявилось действие и непредвиденных факторов. К ним можно отнести образование в советское время новых национально-территориальных единиц, что стимулировало форсированное развитие подчас экономически хилых поселений в большие города.

В итоге не все официальные города, определенные В. П. как истинные, сохранили городской ранг. А с другой стороны, не все административные города утратили городской статус. Рассмотрим, как сложились судьбы выделенных В. П. Семеновым-Тян-Шанским городов, выделив из них группы: а) истинных городов, имевших городской статус; б) истинных городов, его не имевших; в) будущих городов; г) административных центров.

Истинные города, уже имевшие статус города

В. П. отнес к истинным более 320 официальных городов. Если проследить их динамику на протяжении XX в., можно сделать вывод о крайней неравномерности их развития и роста. Столичные, крупные и большие города, естественно, сохранили свой статус. Изменения мало коснулись и средних городов, но в наибольшей степени проявились они у малых городов и городков. Отнесенные к данным категориям 32 города утратили этот статус: 17 стали поселками городского типа, а 15 — сельскими поселениями. Каждый десятый «истинный» город из числа официальных испытания временем не выдержал. На самом деле городов, не проявивших способности к развитию, еще больше. Из оставшихся городами — 74, то есть более 25%, насчитывают сейчас менее 12 тыс. жителей, а еще 10 — менее 5 тыс., что дает основание отнести их к поселкам городского типа¹. Однако городские права они по традиции сохраняют.

Конечно, В. П. Семенов в начале века не мог предусмотреть или хотя бы предчувствовать действие факторов, вызвавших столь кардинальные перемены в судьбах городов на фоне глубоких изменений всей России. Отсюда неизбежные расхождения его прогноза с реальностью. Укажем на самые значительные и часто повторяющиеся.

Очень заметно «прибавили» в своем развитии центры губерний и областей. Они еще более возвысились, поднявшись на основе комплексного развития, все без исключения усилили промышленную базу, успешно реализовали преимущества экономико-географического положения, которые выделяли их из числа городов. Важной составляющей их промышленной структуры стали отрасли и производства ВПК. Как правило, в крупных городах формировались отраслевые комплексы ВПК, включавшие наряду с промышленными предприятиями также конструкторские бюро, научно-исследова-

¹ Например, Чекалин, в прошлом Лихвин (1,2 тыс. жит.), Горбатов (3,1), Плес (3,1), Кологрив (4,0), Малоярославский (4,2), Новосиль (4,6), Холм (4,7), Мезень (4,7), Мосальск (4,7), Новоржев (4,8 тыс. жит.).

тельские институты и лаборатории, высшие и средние специальные учебные заведения, специализированные строительно-монтажные организации.

В. П. никак не мог предвидеть и бурное образование национальных автономий, требующих себе столиц, которое вызвало стремительное превращение многих малых городов в значительные многофункциональные центры.

Наконец, В. П. исходил из тенденций эволюционного, постепенного наращивания экономической базы путем саморазвития и соответствующего роста показателя торгово-промышленной бойкости и численности населения. В действительности этот плавный эволюционный процесс нарушался внешними по отношению к данному городу факторами, которые приводили к скачкообразным изменениям. В ходе индустриализации многие истинные города стали местом размещения крупных новостроек. Это коренным образом и быстро меняло их экономический облик и вело вверх по иерархической лестнице городов.

Яркие примеры стремительного роста, помимо губернских центров, показали Череповец, отнесенный В. П. к малым городам, Старый Оскол и Камышин (у В. П. — средние города), Соликамск и Глазов (у В. П. — городки). Но наиболее внушительен пример Тольятти, который иногда считают преемником Ставрополя-на-Волге, перенесенного на новое место из зоны затопления Куйбышевского водохранилища. Здесь новое строительство по сути дела не способствовало развитию Ставрополя, а скорее уничтожило его. Сохранилась его небольшая часть, вошедшая в состав нового города Тольятти.

В. П. учитывал выгоды положения того или иного города вблизи крупного центра, который стимулировал развитие своих поселений-спутников. Он определил в категорию средних городов знаменитые города-пригороды Петербурга — Царское Село, Гатчину и Петергоф, отнес сюда же не имевшие в то время городского статуса Колпино и Сестрорецк. В Московском регионе в ту же категорию вошли Серпухов, Коломна, Богородск (Ногинск), Егорьевск, Сергиев Посад, Павловский Посад, Клин. А отнесение к категории городков Дмитрова и Подольска оказалось неудачным. Судьбу Дмитрова резко изменило строительство канала Волга—Москва: в городе размещались штаб стройки и ее производственная база. Подольск же стал уверенно развиваться после строительства на рубеже веков завода компании Зингер. Сейчас это самый крупный из спутников столицы.

Очень большим оказалось расхождение между прогнозными предположениями В. П. об отнесении городов к определенным категориям и действительностью. Вот какой скачок совершили, например, города, ставшие столицами национальных образований (**табл. 2.2.2**).

Образование новых областей, которые не повторяли прежних губерний, явилось мощным стимулом развития в прошлом рядовых городов в областные центры. В них административные, культурные и организационно-хозяйственные функции выросли на солидном промышленном основании. Эти города показали весьма высокие темпы роста, хотя они выделялись по уровню развития и раньше (**табл. 2.2.3**).

Таблица 2.2.2. Изменение людности столиц ряда республик РФ за XX в.

Город (в скобках старое название)	Республика	Категория по В. П.	Численность населения, тыс. чел.	
			1897	1998
Сыктывкар (Усть-Сысольск)	Коми	малый город	4,4	230,4
Чебоксары	Чувашия	малый город	4,6	456,3
Йошкар-Ола (Царевококшайск)	Марий-Эл	городок	1,7	250,6
Саранск	Мордовия	средний город	13,7	318,1
Майкоп	Адыгея	средний город	34,2	166,2

Таблица 2.2.3. Изменение численности населения новых областных центров за XX в.

Город (в скобках старое название)	Категория по В. П.	Численность населения, тыс. чел.	
		1897	1998
Липецк	Средний город	20,3	475,4
Иваново (Иваново-Вознесенск)	Большой город	53,9	463,8
Брянск	Средний город	23,5	459,0
Белгород	Средний город	21,9	332,8
Волгоград (Царицын)	Большой город	56,0	998,8
Екатеринбург	Большой город	55,5	1272,2

Сложившаяся в основном во второй половине XIX в. железнодорожная сеть Европейской России вызвала резкое расслоение городов по качеству их транспортно-географического положения и, следовательно, по возможностям развития (см. главу 2.1). Из 74 официальных городов, входивших у В. П. в число истинных и в настоящее время не достигших 12 тыс. жителей, большая часть располагается «в глубинке»: 25 — более чем за 50 км от железной дороги, а 12 — на расстоянии свыше 100 км.

Если принять в качестве низшего современный критерий людности города 20 тыс. жителей, который В. П. вслед за А. И. Воейковым уже столетие назад признал обоснованным, то и век спустя 107 городов, т. е. $\frac{1}{3}$ тех официальных городов, которые В. П. отнес к истинным, этому критерию не удовлетворяют. Заметим, что, и утрачивая статус города, эти поселения, как правило, продолжали выполнять прежние административные функции. Из 17 бывших городов, а ныне пгт 13 — сегодня районные центры, а из 15 ставших сельскими поселениями роль райцентров продолжают выполнять 9.

Видимо, В. П. оказался в плену своих показателей, включив в одну группу средних городов Уральской части Горнозаводского типа Златоуст и Верхнеуральск — и в его время очень разные по функциям и людности. На 01.01.1998 г. число жителей в них составляло соответственно 199,6 и 9,9 тыс. жителей.

В заключение дадим сводную таблицу, отражающую перемены в статусе официальных истинных городов за прошедший век (**табл. 2.2.4**).

Истинные города, не имевшие статус города

Отнесение к истинным городам центров, не имевших официального статуса города, получилось у В. П. достаточно обоснованным. В отношении некоторых районов его прогноз оправдался на 100%. Так, например, все 14 истинных малых городов Увалистого подтипа в Старопромышленном Центре получили статус городских поселений (11 городов и 3 пгт). В Восточной части Чисто-долинного типа все 10 истинных средних городов (в основном в Среднем Поволжье) также полностью стали городскими поселениями, в т. ч. 9 — городами. Оправдался прогноз в отношении поселений Уральской части Горнозаводского типа. Получили статус города все 10 истинных средних городов. Из 27 малых городами стали 20, а 5 — поселками городского типа. Из 37 городков вышли в города 3 поселения, в пгт — 18. Вызреванию горнозаводских поселений Урала в города и пгт способствовала Великая Отечественная война. Здесь, в «опорном крае державы», было удобно использовать уже имеющийся производственный потенциал старинных городов-заводов.

В целом прогноз сработал для промышленных центров и гораздо хуже — для торговых. Две составные части показателя торгово-промышленной бойкости оказались далеко не равноценными. Чем выше категория людности, тем (как и у официальных городов) прогноз достовернее. Если в категориях больших и крупных городов расхождений нет, то среди средних они уже встречаются. Город Коротояк, уездный центр Воронежской губернии, отнесенный к числу средних городов Центральной части Долинно-овражного подтипа, стал селом. Город Короча Курской губернии (ныне Белгородской области), оказавшись вне железной дороги, заметно отстал в своем экономическом развитии и за столетие сократил свою людность с 14,4 до 6,1 тыс. жителей, более чем вдвое.

Приобретение городского статуса истинными городами, не являвшимися в 1897 г. официальными городами, растянулось почти на столетие. Всего статус города получили (или вернули) 131 поселение; 87 стали поселками городского типа; кроме того, 5 поселений, став городами, и еще один, став пгт, вошли впоследствии в городскую черту более крупных центров (Красное Село, Стрельна, Сормово, Радица с Бежицей, Сарепта, Мотовилиха). Как это происходило в разные периоды XX века, показано в **табл. 2.2.5** и **2.2.6**.

Таблица 2.2.4. Изменения статуса официальных истинных городов по типам расселения В. П. Семенова-Тян-Шанского*

Истинные города по В. П. Семенову	Северный долинный**		Центральный и Северо-Западный водораздельный		Южный долинный			Чисто-долинный		Южный садоводческий		Горно-заводской	ИТОГО***
	Северный	Долинный**	Моренный	Увалистый	Вятский	Белорусско-Полесский	Центральный	Восточный	Западный	Восточный	Садоводческий		
Столичные	-	-	1/-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
Крупные	-	-	-	2/-	-	-	-	3/-	1/-	1/-	-	-	7/-
Большие	-	-	1/-	6/-	-	1/-	6/-	3/-	2/-	2/-	1/-	2/-	24/-
Средние	7/-	-	9/-	24/-	3/-	3/-	21/-; 1	17/-; 1	-	5/-	-	2/-	91/-; 2
Малые	10/-	-	11/-	23/-	5/-	4/-	13/1; 1	9/-; 1	3/-	1/-; 1	1/-	2/-	82/1; 3
Городки	22/3; 4	-	6/2	41/3; 2	9/1	5/1	6/2; 1	12/4; 1	-	2/-; 2	1/-	4/-	108/16; 10
Всего	39/3; 4	-	28/2	97/3; 2	17/1	13/1	46/3; 3	44/4; 3	6/-	11/-; 3	3/-	10/-	314/17; 15

* Не все выделенные В. П. и показанные на его карте истинные города распределены им по типам расселения (тогдашние финские города Северо-Запада РФ, города восточной части Урала); поэтому итоговые цифры в данной таблице меньше, чем в табл. 2.2.1.

** Названия типов даны по В. П. (с. 65—176).

*** В числителе – число истинных городов, в знаменателе – число получивших статус города и – после точки с запятой – статус поселка городского типа.

Таблица 2.2.5. Число истинных городов, приобретших в XX веке официальный городской статус

Категории городов по В. П. Семенову	Периоды				
	до 1917 г.	1917–1926 гг.	1927–1941 гг.	1942–1945 гг.	после 1945 г.
Большие	–	2	–	–	–
Средние	4	19	6	1	12
Малые	1	16	13	9	11
Городки	2	11	7	1	15
Все категории	7	48	26	11	38

Примечание. Нет сведений о времени вторичного получения статуса города Почепом. Этот старый город, существующий с 1503 г., со временем утерял городской статус, а затем приобрел его вновь.

О достаточно высокой экономической зрелости рассматриваемой категории истинных городов свидетельствует тот факт, что 53 поселения (42,4%) получили ранг города уже в первой четверти XX века: частью до революции, частью в 1917 г. при Временном правительстве, частью в 1918–26 гг. Правда, результаты их дальнейшего эволюционного развития могли оказаться весьма скромными. Семь городов, получив статус как бы в виде аванса, так и не достигли полагающейся российскому городу численности населения 12 тыс. человек: у Любани всего 4,2 тыс.; Злынки — 5,4; Усолья — 5,7; Чермоза — 5,8; Спас-Деменска — 6,0; Спас-Клепиков — 6,8; Серафимовича (Усть-Медведицкой) — 10,5 тыс. человек.

В целом статус города или пгт обрели 61,7% негородских поселений, выделенных В. П. в качестве истинных городов. Различия в траекториях их развития под влиянием разных факторов (некоторые из них в начале века еще не могли быть известными) сказались на разбросе показателей людности. Вот как в настоящее время распределяются на категории по числу жителей 127 тогдашних истинных неофициальных городов, получивших в последующем статус города и сохранивших его до конца XX века: до 10 тыс. жителей — 6; 10–20 тыс. — 27; 20–50 тыс. — 54; 50–100 тыс. — 24; 100–250 тыс. — 12; 250–500 тыс. — 1; свыше 500 тыс. — 2.

Будущие города

В П. довольно щедро раздавал авансы поселениям, которые он отнес к категории «будущих городов». В общей сложности он включил в нее 196 поселений². Кроме того, пометку «в отдаленном будущем» имеют еще 11 поселений. Из этого общего числа действительно стали городами 47 поселений, 34 получили ранг пгт, причем четыре из них насчитывают сейчас свыше 12 тыс. жителей. Среди городов вы-

² Не все пункты, названные В. П., удалось даже найти в современных справочниках или на картах. Значительные трудности создает и переименование поселений (см. Приложение 1).

Таблица 2.2.6. Распределение истинных неофициальных городов по размерам и типам расселения В. П. Семенова

Истинные города по В. П. Семенову	ТИПЫ										ИТОГО**			
	Северный долинный	Центральный и водораздельный	Сев.-Западный	Долинно-овражный	Южно-долинный	Чисто долинный	Южный садоводческий	Горнозаводской	Уральский	Донецкий				
Большие города	-	-	1/1	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	2/2	
Средние города	-	2/2	8/5	1/1	2/2	4/3; 1	3/1; 2	3/3; 1	11/10; 1	7/5	-	10/9	1/1	52/42; 5
Малые города	2/2	3/3	14/11; 3	1/-	2/2	7/2; 4	11/3; 2	3/-	10/5	7/3; 1	-	27/20; 5	-	87/51; 15
Городки	19/6; 2	12/1; 4	84/16; 25	12/-; 3	3/-	12/1; 7	14/4; 7	-	16/1	9/3	1/1	37/3; 18	-	222/36; 66

* В числителе — число истинных городов; в знаменателе — число получивших статус города и — после точки с запятой — статус поселка городского типа.

** См. примечание ** к табл. 2.2.4.

деляются три типологические группы: а) транспортные центры, чаще всего железнодорожные узлы; б) промышленные центры; в) местные центры преимущественно сельскохозяйственных районов.

Наиболее удачен прогноз в отношении *транспортных узлов*. Практически все 12 получили городской статус, причем в основном до 1927 г. Их список с указанием даты преобразования в город и численности населения в настоящее время содержит **табл. 2.2.7**. Впрочем, такое транспортное положение не всегда вызывало значительный экономический подъем. Ни один из названных железнодорожных узлов не развился в большой город, а Дно, Ново-Сокольники и Лихославль далеки и от средних. В средние города — центры экономических микрорайонов развились Лиски, Узловая (главный транспортный узел Мосбасса), Рузаевка.

Наилучшие перспективы имеют Котлас и Минеральные Воды. Котлас — крупный воднотранспортный и железнодорожный узел — возглавляет группу поселений в весьма примечательном месте, где на Печорскую магистраль и Северную Двину выходит железная дорога из Кирова (Вятки). У него командное положение в группе городов, куда входят еще Великий Устюг, Корьяжма, Сольвычегодск, Красавино и ряд крупных поселков. Как центр на подступах к северным сырьевым районам, Котлас имеет шансы стать подлинным вторым городом Архангельской области. Минеральные Воды лежат на главной транспортной оси Северного Кавказа и располагают самым крупным на юге России аэропортом. Это ворота курортного района Кавказских Минеральных Вод и его «хозяйственный двор», где сосредоточены предприятия легкой и пищевой индустрии, промышленности строительных материалов.

В группе *городов — промышленных центров* выделяются своеобразные гнезда — Уральское, Московское, Ивановское, а также меньшие по величине Брянско-Люддиновское (знаменитый Мальцевский горный округ) и Омутнинское. Весьма достоверен и прогноз В. П. в отношении уральских городов-заводов. Из 35 этих поселений, включенных им в список будущих городов, 11 получили в разное время городской статус (**табл. 2.2.8**). Напомним, что наиболее крупные уральские города-заводы вошли в число истинных, экономически состоявшихся городов. Если при их выделении В. П. исходил из тенденций и результатов экономического развития, то при отнесении к будущим городам — из оценки потенциалов, что менее надежно при прогнозировании. И все же 60% названных им будущих городов Урала действительно стали городами или поселками городского типа.

Их унаследованная от прошлого производственная база реконструировалась и расширялась, а часто создавалась совершенно новая. У станции Магнитной, имевшей в 1897 г. 10,1 тыс. жителей, и так были шансы вырасти в городское поселение, но они стали безуспешными, когда здесь построили крупнейший в Европе металлургический комбинат, при котором и возник получивший статус города в 1931 г. Магнитогорск. Нечто подобное произошло и с Альметьево. Современный Альметьевск — не результат эволюции села Альметьево, а следствие открытия и освоения нефтяных месторождений «Второго Баку». Благодаря промышленным новостройкам стали городами Полевской, Ревда и Сатка.

Таблица 2.2.7. Транспортные узлы, отнесенные В. П. Семеновым-Тян-Шанским к будущим городам, получившие городской статус

Г о р о д	Область, край	Год получения городского статуса	Численность населения на 1.01.1998 (тыс. чел.)
Котлас	Архангельская	1917	66,8
Няндама	Архангельская	1939	25,7
Дно	Псковская	1925	11,7
Ново-Сокольники	Псковская	1925	10,2
Лихославль	Тверская	1925	13,6
Лиски	Воронежская	1937	55,7
Узловая	Тульская	1938	60,9
Миллерово	Ростовская	1926	39,9
Минеральные Воды	Ставропольский	1920	73,4
Рузаевка	Мордовия	1937	50,8
Кинель	Самарская	1944	33,3
Батраки (ныне Октябрьск)	Самарская	1956	27,1

Таблица 2.2.8. Города-заводы из разряда будущих городов В. П. Семенова, ставшие городами

Г о р о д	Область	Год образования	Численность населения на 1.01.1998 (тыс. чел.)
Березовский	Свердловская	1938	47,9
Нязепетровск	Свердловская	1944	15,1
Нижние Серги	Свердловская	1943	13,7
Ревда	Свердловская	1935	65,2
Краснотурьинск (Турьинские Рудники)	Свердловская	1944	65,5
Полевской	Свердловская	1942	70,7
Верхний Тагил	Свердловская	1966	13,4
Сатка	Свердловская	1937	49,7
Верхний Уфалей	Челябинская	1940	37,1
Магнитогорск	Челябинская	1931	425,5
Куса	Челябинская	1943	21,6

Будущие города

В Центральном районе городской ранг приобрели пункты самого разного профиля: текстильный городок Карабаново (1938, 17 тыс. жителей), машиностроительный центр Людиново (1938, 44,2 тыс.), центры керамического производства Конаково (или Кузнецово; 1937, 44,5 тыс.) и Киров (бывшая Песочня; 1936, 40,5 тыс.), бумажного дела — Кондрово (1938, 17,8 тыс.), промышленности стройматериалов и удобрений — Воскресенск (1938, 80,5 тыс. человек).

Многочисленна группа городов — местных центров, распространенных повсеместно (**табл. 2.2.9**). Подобной перспективой были, видимо, наделены Магнитная и Альметьево, но определила их судьбу большая индустрия. В иных случаях ранг резко повышали изменения федеративного устройства. Назрань с выделением Ингушетии как самостоятельного субъекта РФ из обычного местного центра, небольшого города (с 1967 г.), выросла в столичный республиканский, насчитывает уже 77 тыс. жителей и продолжает расти (в том числе за счет беженцев из соседних зон конфликтов).

Таблица 2.2.9. Группа будущих городов — местных центров, ставших городами

Г о р о д	Область, край, республика	Год образования	Численность населения на 1.01.1998 (тыс. чел.)
Урень	Нижегородская	1973	13,2
Луховицы	Московская	1957	32,7
Починок	Смоленская	1926	10,7
Дюртюли	Башкортостан	1989	30,2
Красный Кут	Саратовская	1966	17,0
Ершов	Саратовская	1963	25,2
Крымск	Краснодарский	1958	57,9
Кореновск	Краснодарский	1961	40,7
Гулькевичи	Краснодарский	1961	35,0

Группа будущих городов — местных центров у В. П. наиболее значительная, но доля поселений, ставших городами, в ней, по сравнению с другими двумя основными группами, наименьшая. Это объясняется тем, что главной составляющей их экономики была торговля, занятая обслуживанием локального рынка, которая не смогла проявить значительной градообразующей силы.

Административные центры

В. П. не считал возможным отнести к истинным городам 32 административных центра на территории нынешней европейской России. Надо заметить, что десять из них (9 на Северном Кавказе³ и Нижне-Чирская в Нижнем Поволжье) не имели официального статуса города, хотя и выполняли дающие на это право административные функции, будучи центрами уездов, округов и отделов. В. П. же называл административными центрами те поселения, которые, по его мнению, не имели перспектив экономического роста, и в большинстве случаев бывал прав. В наибольшей степени его прогноз разошелся с действительностью в случае с поселениями Северного Кавказа.

О Нальчике и Черкесске (бывшем Баталпашинске) уже было сказано выше. Анапа — известный город-курорт с 50 тыс. жителей. Город Святого Креста, получивший имя Буденновска, вошел в число средних городов (62,5 тыс. жителей). Но если его рост — результат труднопредсказуемого размещения индустрии (завод «Ставропольполимер» и др.), то развитие двух предшественниц современного г. Кропоткин — станции Хутор Романовский и узловой станции Кавказская — с учетом транспортного положения и роли центра перспективного сельскохозяйственного района можно было бы и раньше оценить более высоко, чем это сделал автор «Города и деревни». Кропоткин с 81 тыс. жителей — крупный железнодорожный узел и многоотраслевой промышленный центр. В крепкий местный центр с пищевой промышленностью, перерабатывающей сырье своего района, развился город Благодарный (34 тыс. жителей) на Ставрополье.

Что же касается административных центров Севера, Центра России и Поволжья, то они, за редким исключением, действительно не получили заметного развития и пребывают в состоянии устойчивой стагнации. Об этом убедительно свидетельствует их незначительная людность. Семь городов из сохранивших этот статус и все 14 поселков городского типа — бывших городов насчитывают менее 12 тыс. жителей каждый. Некоторые города по сравнению с 1897 г. даже сократили число жителей. Шацк насчитывал в конце XIX в. 13,9, а на 01.01.1998 — 7,3 тыс. человек. В Грайвороне было 7,7, а теперь 5,7 тыс. Город Тим в 1897 г. имел 7,4 тыс., пгт Тим сейчас — 4,3 тыс. жителей. Сократили свою людность и бывшие города (а ныне пгт) Сапожок (с 8,5 до 4,7 тыс.) и Пронск (с 7,8 до 4,8 тыс. жителей).

Основные причины стагнации — удаленность от железной дороги и перехват функций местного административного и организационно-хозяйственного центра более удачно расположенным поселением, которое притягивало к себе экономическую жизнь и получало статус города или пгт. Во то же время в большинстве случаев административные центры выполняют функции районного центра. Ими являются 12 городов, 9 пгт (бывших городов) и три сельских поселения⁴.

³ Медвежа, Благодарное, Баталпашинск, Прасковья, Александровское, Нальчик, Сунженская, Хост и Романовск — безуездный город Сочинского округа Черноморской губернии, ныне пгт Красная поляна.

⁴ Александровское Ставропольского края, Красноборск и Яренск (центр Ленского района) в Архангельской области. Александровское в конце XIX в. насчитывало 12 тыс. жит., сейчас вдвое больше — 26,2, но продолжает быть селом.

Одно время (1926–1965 гг.) селом была и Кола — старинный предшественник Мурманска. В 1965 г. ее «реабилитировали», но восстановление городского статуса произошло на новой основе: современная Кола — спутник Мурманска, разместивший у себя пищевые и прочие предприятия, снабжающие своей продукцией областной центр.

Среди поселков городского типа, являющихся райцентрами, — Погар в Брянской области и Мокшан в Пензенской имели размеры, приближающие их к городам (около 12 тыс. человек). Другие — Лаишево, Перевоз, Кадом — мало отличались от сохранивших городской статус Шацка, Мглина, Городища; стоявшее в том же ряду Княгинино, не имея 7 тыс. жителей, в 1998 г. стало вновь городом.

Нынешний статус административных центров В. П. Семенова-Тян-Шанского таков: столицы республик — 2; районные центры — 13; города, не несущие административных функций, — 2. Одно поселение Хост (Хоста) вошло в состав крупного города — Сочи.

Разброс людности этих городов в наше время весьма значителен: от 231,8 (Нальчик) до 3,5 тыс. жителей (Сольвычегодск). Бывшая вотчина Строгановых, опорная база продвижения предприимчивых землепроходцев за Урал, Сольвычегодск сохранил статус города, видимо, за свои прошлые заслуги. Экономическое значение его сегодня невелико, хотя имеются и перспективы развития в значительный туристический центр.

К числу особых случаев, помимо Нальчика и Черкесска, следует отнести город Полярный. Его предшественник г. Александровск, основанный в 1898 г. у существовавшей с 1723 г. Екатерининской гавани на берегу Кольского залива, получил название в честь императрицы Александры Федоровны, жены последнего российского императора. Отсюда отправлялись полярные экспедиции Седова и Русанова, организовывались исследования ресурсов моря. В первые годы советской власти Александровск был лишен прав города. Затем, в 30-х годах, здесь обосновалась главная база Северного ВМФ, а в 1939 г. был образован город Полярный, который в 1996 г. отнесен к категории закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО).

Всего 18 городов, или $\frac{1}{3}$, сохранили городской статус. Прочие административные центры образовали следующие категории поселений: поселки городского типа — районные центры (9); пгт без административных функций (6); села — районные центры (3); сельские населенные пункты без административных обязанностей (15). Два пгт насчитывают даже менее 3 тыс. жителей, которые обязаны иметь по закону как минимальную людность. Среди них знаменитый Макарьев (0,5 тыс. человек), остающийся в числе пгт, видимо, в силу былой славы некогда главного в России ярмарочного центра (см. главу 2.1).

Еще раз напомним: административные города у В. П. — как бы остаток от истинных, а выделение этой категории опиралось на критерии и показатели, которые делали его в ряде случаев сомнительным. Сейчас же, по истечении столетия, вполне очевидно, что ряды административных центров с полным правом могли пополнить такие города, как Холм (4,7 тыс. жителей), Кологрив (4,6), Новоржев (4,8), Новосиль (4,6) и Горбатов (3,1 тыс. жителей).

Истинные города В. П. Семенова-Тян-Шанского сегодня

Уже говорилось, что вдохновивший нас труд В. П. Семенова-Тян-Шанского получил в отечественной литературе самую высокую оценку. И наши критические замечания по поводу проведенного им анализа городского расселения Европейской России на рубеже XIX–XX вв. никак ее не снижают. Это касается и проверки городов на истинность, на соответствие их юридического ранга выполняемым обязанностям. В. П. руководствовался идеей эволюции расселения, показал процесс «вызревания» в города поселений разного типа и происхождения. Своим исследованием он обнаружил корни значительной части современных городов России. Книга В. П. сохраняет свою ценность как объективный источник данных о генезисе сотен российских городов (см. Приложение 1).

2.3. ГОРОДА КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ: ВЕКОВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Еще раз об «экономическом городе» В. П. Семенова-Тян-Шанского

Предмет этой главы — перестройка сети центров Европейской России, выявляемых по экономическим индикаторам, которые В. П. считал главными для истинного города. Напомним: он стремился учесть, кроме людности города¹, процент населения, живущего не за счет сельских промыслов, и торгово-промышленную «бойкость», причем долю несельских занятий считал самым верным признаком. На деле, имея данные по уездам, но не по всем пунктам, он был вынужден заменить его цензовыми торгово-промышленными оборотами (ТПО) за 1900 г., собранными для многотомной «Торговли и промышленности Европейской России по районам» (1900–1911). Повторим также, что душевой ТПО должен был превышать 100 рублей в год — среднюю покупательную способность домашней прислуги и рабочих, низших классов горожан, мало отличавшуюся от ТПО на душу всего населения страны. Города с меньшим ТПО истинными не признавались, невзирая на их людность и статус. Отсюда недооценка административных и переоценка «истинности» экономических городов (см. главу 2.2). В. П. сам это чувствовал и пытался внести гибкость в свой подход хотя бы за счет двух слагаемых ТПО².

Истинных городов в старой Европейской России, без Польши и Финляндии, было в 1,6 раза больше официальных, население которых по переписи 1897 г. превысило 12 млн человек, около 13%. Города В. П. (вместе с «неистинными» официальными) уве-

¹ Людность, — писал он, — может быть главным признаком города в странах, где каждая деревня носит наполовину промышленный и полугородской характер, но не для России, где (как в Венгрии, на Балканах и т. п.) много крупных чисто сельских поселений. Его правоту подтверждает современный историк Б. Н. Миронов (1999, т. 1, с. 318): если бы российские села, дорастая до 2 тыс. жителей, уже считались городами (как во Франции), то в 1897 г. городов было бы более 5,6 тыс., их наличного населения — свыше 30 млн человек, а его доля достигла бы почти трети — как в тогдашней Австрии (во Франции и в США — около 40%). Но это была бы явная натяжка.

² Сноска В. П. на с. 72 гласит, что из числа экономических городов исключены «фабричные усадьбы», где при немалом населении и миллионной промышленности почти нет торговли, которая, обслуживая не одних только фабричных, «...указывала бы на то, что вокруг данных фабрик действительно образовался город, имеющий связи с окружающей местностью». Потому, к примеру, Людиново и Песочное (г. Киров Калужской обл. в старинном Мальцовском заводском округе) отнесены В. П. к будущим, но не к состоявшимся истинным городам.

личивали его до 17,7 млн и 16,7%. Прибавка на неполные 2 млн душ и 3 процентных пункта (12% и 15,2%) в европейской части РФ, без Калининградской и Курганской областей, еще скромнее. А ведь кроме городов тогда тоже были полугородские поселки, слободы, местечки, заводы, рудники, большие села с функциями административных центров. По нашим подсчетам, их общая людность (до 1 млн человек) превосходила население сугубо сельских экономических центров. В XX веке при повсеместной урбанизации 60 городов конца XIX века все же потеряли этот статус, а из почти 500 новых лишь 155 выросли из экономических; 218 «истинных» городов ими все же не стали, обычно довольствуясь званием пгт или села. Мы попытались проследить судьбу всех городов, официальных и экономических, и показать, что с ними произошло за век (Приложение 1).

Как уже отмечалось, неточности прогноза не лишили смысла работу В. П. Она еще тогда удвоила число экономических центров по сравнению с теми из них, что имели статус города, причем на неформальные центры приходилось более $\frac{1}{5}$ населения всех экономических городов европейской части РФ и $\frac{1}{4}$ их общего ТПО. К «валовым» цифрам дело вообще не сводится, важна также и география. В Ивановской, Нижегородской, Ростовской, Волгоградской, Пермской, Свердловской, Челябинской областях всех истинных городов было в 3–6 раз больше, чем экономических со статусом; в Архангельской, Орловской и республиках Волго-Вятского района — столько же, а в Калмыкии, ряде других республик и округов нынешней РФ их (как, впрочем, и городов по статусу) не было совсем.

Понятно, что больше всего реальных центров приурочено к самым бойким ареалам и что их мало в местах хилых, застойных, захолустных, где часто велика доля «забракoванных» им статусных городов. Это уже материал для локальных и региональных диагнозов, к которым В. П. подошел вплотную. Кроме того, он дал полный список тогдашних центров-лидеров Европейской России и ее районов практически любого масштаба. Одни из них остались таковыми, другие нет. А смена лидеров — простой, но яркий признак сдвигов в размещении населения и экономики. Кстати, людность и ТПО экономических городов В. П. приводит не в официальных границах, а с учетом пригородов, что представляет известное преимущество для сравнения с современными разросшимися центрами.

Смена городов-лидеров Европейской России по людности

Сначала все-таки посмотрим, как менялся ранг крупнейших городов по числу их жителей ровно за 100 лет. Приложение 2 содержит списки на даты ряда переписей, но только тех городов, что занимали первые 50 мест в 1897 и 1997 гг. Состав их довольно стабилен. Лишь 11 лидеров прошлого века вообще выпали из списка, и это чаще всего произошло уже к 1959 г. Самые заметные потери: Елец, занимавший в 1897 г. 25-е место, Новочеркасск (19-е), Козлов, он же Мичуринск (33-е), Серпухов (36-е). Соответственно 11 городов к 1997 г. список пополнили, т. е. он обновился на $\frac{1}{5}$.

Перестановки городов, не покидавших списка, были весьма активными на ранних этапах. За 1897–1926 гг. (правда, это самый длинный отрезок) перемена мест в среднем

по списку составила 6,7, а в первой двадцатке — 7³. Следующий период (1926–1939 гг.) был несколько менее бурным (5,4 мест у пятидесяти и 4,4 у двадцати первых городов). В 1939–59 гг., включающих военные, скорость перемещений продолжала затихать (4,5 и 3,2 места). Но с 1959 г. последовал новый всплеск перестановок: сдвиги во всем списке составили в среднем 5,7 места. Первая двадцатка была стабильнее (1,7), но это не считая Тольятти, который за 20 лет вырос в 7 раз, сразу заняв 18-ю строку). Последние 20 лет отмечены стабилизацией иерархии крупнейших городов Европейской России: 3 ступени на город, а у двадцати самых крупных — 1,4.

За весь век сильно выросли уральские центры: Екатеринбург переместился с 29-го места на 4-е, Челябинск с 48-го на 7-е, Пермь с 27-го на 9-е, Уфа с 22-го на 8-е. Есть и другие «выскочки». Кроме волжского Ставрополя с 6 тыс. жителей в 1897 и 1926 гг., чей преемник Тольятти занял 14-е место в европейской части РФ, это Набережные Челны (23-е место) и Чебоксары (29-е). Улучшили свои позиции Ульяновск, Рязань, Брянск, Киров, Липецк. Последние три центра сменили 40-е места на 20-е. Областные центры, особенно из самого сердца России, есть и среди «потерпевших»: Тула, ушедшая с 6-го места на 22-е, Курск (с 10-го на 30-е), Орел (с 13-го на 37-е), Калуга (с 21-го на 38-е) и др. Меняли позиции и крупнейшие города начала века. Саратов откатился на десять мест (с 3-го на 13-е), Ростов-на-Дону был 5-м, а стал 10-м, Воронеж отошел с 9-го на 12-е, Оренбург — с 11-го на 21-е место. Санкт-Петербург уступил только Москве, но «с разгромным счетом».

О росте городов в XX в. говорится также в главе 2.4. Здесь же мы отметим еще раз факт поэтапной стабилизации (при наличии ряда исключений), нарастающей с верхних этажей иерархии. Первые два места неизменны с 1926 г., первые три — с 1939, первые пять — с 1979 г. Не особенно изменилась и концентрация населения в крупнейших городах Европейской России. Скажем, в 15 из них в 1897 г. проживали 39% горожан, а теперь — 34%.

Смена экономических лидеров

Обратимся теперь к экономическим параметрам лидирующих городов. Учсть все центры современной экономической деятельности так же полно, как в «Городе и деревне», мы не можем, имея данные лишь об официальных городах европейской части РФ⁴. Их ТПО рассчитан как сумма объемов промышленной продукции, розничной торговли и платных услуг в ценах 1996 г. Такое суммирование методически не вполне корректно и не идентично показателю В. П., но сведений о полном

³ Эта мера интенсивности сдвигов исчислена как частное от деления суммы изменений места каждого города за период (по абсолютной величине, т. е. и вверх, и вниз по списку) на число городов.

⁴ База данных «Паспорта городов России» на 1996 г. приобретена в ВЦ Госкомстата России Институтом страноведения г. Лейпцига для проекта «Изменения в системе городского расселения России», выполнявшегося с нашим участием (руководитель — Изольде Браде). Она содержит сведения о 940–980 городах РФ (число, по которому имеется тот или иной показатель, варьирует) из наличных 1095 с населением 87–89 млн человек из 95 млн; до 800 из них — европейские.

обороте в оптовых ценах по всем городам все равно нет. Их нет и для 1393 пгт Европейской России (1996). Однако доля пгт в численности современных горожан (11%) вдвое ниже, чем неофициальных экономических центров в начале XX века; скромнее, надо полагать, и их вклад в экономику, главные фокусы которой давно имеют статус города. Рассчитанная нами (неполная из-за пробелов в базе данных) сумма городских ТПО за 1996 г. составила 79% от итога по соответствующим регионам; на долю неучтенных городов, пгт и сел осталось немногим больше, чем вне экономических центров В. П. (21 и 17%).

Вековая дистанция также дает надежду на то, что, при всех неизбежных издержках и погрешностях, мы сможем увидеть, как изменился состав ведущих торгово-промышленных центров. Поскольку прямые сравнения абсолютных стоимостных показателей начала и конца века из-за роста масштабов деятельности и разных цен невозможны, мы используем относительные: процент от общей суммы ТПО на данный год, от уровня лидера ряда или от среднего⁵. Сразу отметим и изменение состава оборота. В 1900 г. в ТПО преобладала торговля, а на промышленность приходилась треть. В 1996 г. доля промышленности составляла 52,5%.

Прежде всего о столицах. Санкт-Петербург, где сто лет назад обитал каждый седьмой горожанин Европейской России, где и была сосредоточена четверть хозяйственного оборота, потерял вместе со столичностью и экономическое лидерство; ныне его доли колеблются около 5%. Доля Москвы на удивление постоянна: она концентрирует те же 11% населения и четверть ТПО. В XX в. Россия утратила такое важное свойство, как бисточность, но зато повысилась значимость региональных (областных и т. п.) центров по сравнению с губернскими, хотя сравнение не вполне корректно, так как их теперь больше: 54 вместо 38. В целом же концентрация экономической деятельности в этих центрах была и остается выше концентрации населения (**табл. 2.3.1**), и уровни изменились мало: доля национальных и региональных столиц в населении всех городов за 100 лет чуть выросла, а их вклад в ТПО несколько уменьшился.

Персональные списки экономических лидеров 1897–1900 и 1996–98 гг. (**табл. 2.3.2**) отличаются от списков по людности. Сто лет назад Иваново было 17-м по людности и 6-м по ТПО, а Саратов — третьим городом, но лишь восьмым экономическим центром. Экономически не блещут современные миллионеры Екатеринбург, Казань, Ростов-на-Дону, но это случилось с ними в кризисные 90-е гг. и в основном за счет индустриального спада. Уральский лидер, слегка уступая Перми, все же замыкает первую десятку (по торговле он в первой пятерке), а вот северокавказский — выбыл из рядов 15 лидеров.

Сравнивая списки в таблице 2.3.2, находим всего семь совпадений: Москва, С.-Петербург, Н. Новгород, Самара, Казань, Ярославль, Екатеринбург. Выбыли Иваново, Тверь,

⁵ В 1900 г. среднегодовой ТПО в расчете на одного городского жителя европейской части РФ составлял 555 тогдашних рублей (нижним пределом, как мы знаем, служила сумма в 100 руб.). В 1996 г. аналогичная цифра (17, 4 млн руб.) почти вдвое превышала официальный годовой доход среднего горожанина, хотя в 91 городе (около 12% их общего числа) она была ниже 4 млн руб. — среднего прожиточного минимума жителя этой части страны, в 38 случаях (5%) — менее 2,5 млн (ПМ в самом «дешевом» регионе), а в 4 случаях — даже менее 1 млн руб.

Таблица 2.3.1. Доля основных центров в населении и торгово-промышленном обороте городов Европейской России в 1897–1900 и 1996–98 гг., %

Центры и их группы	Население		ТПО	
	1897	1998	1900	1996
Москва	11,2	11,2	24,4	25,0
Санкт-Петербург	13,7	5,6	25,6	4,7
Другие центры регионов (губернские, обл., краевые, республ.)	22,5	32,2	19,8	32,6
Итого столицы и региональные центры	47,4	49,0	69,8	62,3
Неофициальные экономические города	20,2	...	23,2	...

Таблица 2.3.2. Смена торгово-промышленных городов-лидеров Европейской России

Город	1897–1900			Статус	Город	1996–1998			Статус	Рост населения за 100 лет, раз
	ТПО в % от Москвы	Доля пром-сти в ТПО, %	Население в % от Москвы			ТПО в % от Москвы	Доля пром-сти в ТПО, %	Население в % от Москвы		
1. С.-Петербург	104,7	30	121,8	столица	1. Москва	100,0	26	100,0	столица	8
2. Москва	100,0	27	100,0	губерн.	2. С.-Петербург	18,6	39	50,2	обл. ц.	3
3. Ростов-на-Д.	11,3	22	14,1	губерн.	3. Тольятти	13,0	66	8,6	обл. под.	121
4. Н.Новгород	6,8	20	9,2	губерн.	4. Челябинск	9,5	73	13,1	обл. ц.	55
5. Казань	6,5	23	12,4	губерн.	5. Самара	8,4	61	14,0	обл. ц.	13
6. Иваново	5,9	82	5,2	уездный	6. Уфа	7,0	69	13,1	респ.	22
7. Астрахань	5,6	11	10,9	губерн.	7. Н.Новгород	6,9	64	16,4	обл. ц.	14
8. Саратов	5,5	44	13,2	губерн.	8. Липецк	6,6	64	5,7	обл. ц.	23
9. Ярославль	4,3	52	6,9	губерн.	9. Пермь	6,4	52	12,3	обл. ц.	22
10. Самара	3,6	30	8,6	губерн.	10. Екатеринбург	6,3	43	15,3	обл. ц.	23
11. Таганрог	3,6	27	4,9	уездный	11. Череповец	5,5	87	3,9	обл. под.	47
12. Воронеж	3,1	21	7,8	губерн.	12. Казань	5,0	57	13,0	респ. ц.	8
13. Тверь	3,0	68	5,2	губерн.	13. Волгоград	4,9	69	12,0	обл. ц.	18
14. Тула	3,0	46	11,1	губерн.	14. Ярославль	4,8	68	7,5	обл. ц.	9
15. Екатеринбург	2,8	17	5,4	уездный	15. Магнитогорск	4,5	84	5,1	обл. под.	42

Тула. Их давно теснят промышленные акселераты: Тольятти, Челябинск, Уфа, Липецк, Череповец и другие, выделявшиеся так же и ростом населения⁶. Общая доля 15 лидеров по ТПО снизилась с 66% до 52%, но концентрация все равно выше, чем по населению (39 и 34%). Петербург — и впрямь «великий город с областной судьбой»; имея половину московского населения, он недотягивает до 20% ТПО столицы, хотя доля региональных центров в целом подросла (табл. 2.3.1). Обороты северной столицы как бы разобрали собратья по областной судьбе.

Любопытно, что число городов со статусом пониже (уездных, а ныне райцентров областного подчинения) в списках одинаково: по три. Но главное — утрата экономической бисточности, которая по ТПО, и особенно за счет торговли, гораздо заметнее, чем по населению. Обращает на себя внимание рост вклада промышленности в ТПО у всех лидеров, кроме Москвы. Отчасти это феномен недоучета оптовой торговли в используемых показателях, а в основном результат гипериндустриализации крупных городов, не устраненный новейшей кризисной дезиндустриализацией, когда промышленная продукция России упала более чем вдвое, а торговые обороты — лишь на $1/6$ ⁷.

Вообще-то уже пора сказать, что сравнение ровно за сто лет хотя и красиво, но не всегда верно по существу. Ведь экономика городов отражает и вековые тренды, и итоги острого кризиса 1990-х гг. Одни его тенденции устойчивы и необратимы, другие временны и преходящи. При этом один и тот же процесс мог носить разный характер в разных районах и центрах страны⁸. Так или иначе важно сравнение 1897–1900 гг. с докризисными 1989–91. Попробуем скорректировать списки лидеров на базе наших прежних исследований (Трейвиш, 1998; Браде и др., 1999).

В табл. 2.3.3 приведено по 15 центров-лидеров общероссийского производства в избранные годы последней трети XX в.; из них 10–12 — европейских. Москва еще держит первое место, но ее доля, как и вклад Петербурга, давно падает. Н. Новгород с 3–4-го места оттеснен на 11-е, но его былой «сосед» Челябинск удержал позиции, что удалось также Самаре и Уфе. Текстильное Иваново уже к 1970 г. ушло с 6-го места на 17-е, а к 1996 г. — аж на 52-е. На фоне падения рейтинга Екатеринбурга, Ростова и других центров машиностроения впечатляет успех Тольятти. В списке 1970 (год пуска АвтоВАЗа) его еще нет, в 1980 г. он на 15-м месте, в 1996 — на 3-м. Поднялись города-металлурги Липецк, Череповец. Суммарный вклад 15 центров снизился с 28% в 1970 до 20% в 1991 гг., что говорило о деконцентрации, но в 1996 он снова вырос до 23%. За годы кризиса усилилась подвижность системы центров. Прежде переста-

⁶ Десять городов с наиболее бурным за 100 лет ростом, вообще говоря, следующие: Йошкар-Ола (157 раз), Тольятти (121), Чебоксары, Челябинск, Сыктывкар, Подольск (51–97 раз), Череповец, Магнитогорск, Воскресенск, Махачкала, Глазов (30–47 раз).

⁷ Число работников в промышленности РФ по статистике сократилось за 1990–98 гг. на 8 млн человек, или на 36%; в торговле и общественном питании — выросло на 1,3 млн или на 17%.

⁸ Как известно, кризисная перестройка индустрии усилила роль энергосырьевых экспортных отраслей при взлете цен на их продукцию, сжатию внутреннего спроса и резком спаде на «верхних этажах» производства. Отсюда его новый сдвиг на восток (см. главу 4.1). Если столицы и ряд окраинных центров продолжают идти к постиндустриальной структуре, то в срединном поясе России крупные города остаются промышленными; после обвала в начале 90-х гг. падение доли индустрии там замедлилось.

Таблица 2.3.3. Смена городов-лидеров РФ по объему промышленной продукции в 1970–1996 гг. (в ценах соответствующих лет)

Города	Место в стране по объему производства*				Доля в общем объеме российского производства в %			
	1970	1980	1991	1996	1970	1980	1991	1996
Москва	1	1	1	1	8,5	6,8	6,4	3,9
С.- Петербург	2	2	2	2	5,0	4,2	3,4	2,5
Тольятти	н/д	15	14	3	н/д	0,9	0,8	1,9
Челябинск	3	4	4	4	1,5	1,4	1,2	1,5
Омск	7	6	7	5	1,1	1,3	1,1	1,3
Новокузнецк	9	16	18	6	1,0	0,9	0,7	1,2
Липецк	30	24	35	7	0,5	0,6	0,5	1,2
Самара	6	7	10	8	1,2	1,2	1,0	1,1
Уфа	10	5	12	9	1,0	1,3	0,9	1,1
Череповец	26	23	22	10	0,6	0,7	0,6	1,1
Н. Новгород	4	3	5	11	1,5	1,5	1,2	1,0
Сургут	н/д	91	59	12	н/д	0,2	0,3	0,9
Норильск	32	40	41	13	0,5	0,5	0,4	0,9
Красноярск	8	13	8	14	1,1	1,0	1,1	0,9
Магнитогорск	18	21	20	15	0,9	0,8	0,6	0,9
Волгоград	5	10	15	16	1,2	1,1	0,8	0,9
Пермь	12	12	3	17	1,0	1,1	1,3	0,7
Ярославль	11	17	16	18	1,0	0,8	0,7	0,7
Казань	15	8	11	23	0,9	1,2	1,0	0,6
Екатеринбург	н/д	11	6	24	н/д	1,1	1,2	0,6
Новосибирск	16	9	9	26	0,9	1,2	1,0	0,6
Ростов-на-Дону	17	14	19	45	0,9	0,9	0,6	0,3
Чебоксары	14	29	32	51	1,0	0,6	0,5	0,2
Иваново	17	18	13	52	1,0	0,8	0,9	0,2

* Первые 15 мест занимают современные лидеры, остальные строки – те города, которые прежде входили в число 15 лидеров производства.

Города как экономические центры: вековые перемены

новки у 15 и даже у 30 лидеров составляли в среднем 3–5 мест за десять лет, а за шесть последних — 11 и 14 мест.

Розничная торговля России в 1996 г. была на $\frac{1}{4}$ сосредоточена в Москве, отчасти из-за того, что сюда отнесены обороты мелкооптовых рынков. Через них и вообще через этот мощный транспортно-распределительный центр «челноки» снабжали многие города и веси, так что оборот на столичную «душу» превысил 22 млн рублей (неденонмированных). В С.-Петербурге он составил 8 млн, а ниже всего был даже не в бедных республиках, а в центральных областях: менее 4 млн. Провал вокруг столицы, связанный с перехватом ею окрестной торговли, как и ряда сервисных функций, давно известен и ярко выражен в пригородах, откуда за многим по-прежнему едут в Москву.

Сеть крупнейших торговых центров намного стабильнее промышленной, но и она «раскачивается» (табл. 2.3.4). Среднее число ранговых перемещений составляло в 1970–

Таблица 2.3.4. Смена городов-лидеров РФ по объему розничного торгового оборота в 1970–96 гг.

Города	Место в стране				Доля в товарообороте РФ, в %			
	1970	1980	1991	1996	1970	1980	1991	1996
Москва	1	1	1	1	11,7	12,2	10,3	25,6
С.-Петербург	2	2	2	2	4,9	4,6	4,2	4,5
Тольятти	45	45	14	3	0,3	0,3	0,6	1,6
Екатеринбург	4	4	3	4	1,1	1,0	0,9	1,3
Новосибирск	5	5	5	5	1,0	0,9	0,8	1,2
Омск	12	12	7	6	0,7	0,7	0,8	1,1
Самара	6	6	6	7	0,9	0,9	0,8	1,1
Красноярск	16	16	11	8	0,6	0,6	0,6	1,0
Пермь	10	10	13	9	0,7	0,7	0,6	0,9
Челябинск	8	8	8	10	0,8	0,8	0,7	0,8
Уфа	13	13	10	11	0,7	0,7	0,6	0,8
Иркутск	21	21	22	12	0,4	0,5	0,4	0,8
Нижний Новгород	3	3	4	13	1,1	1,1	0,9	0,8
Казань	9	9	9	14	0,8	0,8	0,7	0,7
Воронеж	15	16	16	15	0,6	0,6	0,6	0,6
Ростов-на-Дону	7	8	12	18	0,8	0,8	0,6	0,5
Волгоград	11	11	15	28	0,7	0,7	0,6	0,5

1980 гг. 2 места у 30 лидеров (среди первых 15 смен почти не было), в 1980–1991 — 3, а в 1991–1996 гг. — 5 мест. К началу 90-х гг. стало заметным выдвижение Тольятти и ряда восточных городов, но в целом отмечалось падение доли крупных центров. Нивелирование вниз из-за обвала в их снабжении типично для потребительского кризиса переходной экономики (Региональные исследования, 1990; Нефедова, Трейвиш, 1994). Рынок затем сказался на них по-разному. Одни опять возвысились, а другие (как Н. Новгород) заметно сдали. И снова бросается в глаза продвижение Тольятти, занявшего третье место после столиц⁹.

В целом за последние 30 лет, при явной стабилизации иерархии главных центров страны по людности, функциональные сдвиги значительны и связаны прежде всего с кризисной перестройкой экономики. В индустрии это привело к выравниванию лидеров за счет «провала» столиц, ряда макрорегиональных центров и появления новых «звезд». В то же время финансово-коммерческую активность явно сосредоточила Москва. На ее долю приходилась $\frac{1}{5}$ всех предприятий страны (по данным Единого государственного регистра на 01.01.1998) и такая же доля штаб-квартир крупнейших компаний; доля Петербурга — 5%, $\frac{1}{4}$ налогов и торговых оборотов, $\frac{2}{5}$ банков и капитала. Заметно повысил свой торговый рейтинг разве что Тольятти. А его падение у Нижнего Новгорода, Казани, Ростова-на-Дону, если только это не «игра» статистики, может говорить об утрате ими части межрегиональных функций.

В принципе торговой бойкостью отличаются столичные, приграничные и курортные города, где ее во многом определяет спрос приезжих людей (места, где они зарабатывают и где тратят деньги, полностью никогда не совпадают). Из них в наши списки попали только столицы, прочие центры из числа названных типов невелики. Виной тому индустриальный характер, глубинное положение главных центров России вдали от морей и границ (см. главу 2.4) и централизация городского развития. Из 15 промышленных лидеров лишь 5 не являются столицами регионов, а из торговых — только один.

Экономические центры и районы

В книге В. П. 100 страниц из 220 уделено размещению экономических городов по зонам заселения, выделенным по трем признакам: рубежам природных зон, типу сельского и мелкогородского расселения, прежде всего в отношении к гидросети, и различиям в организации территории по оси запад — восток. Губернскую сеть, как «канцелярскую», В. П. отверг и на карте-вкладке показал 6 поясов Европейской России от сплошной тундры до Крымско-Кавказского Средиземноморья, разбитых на подтипы и части (районы) исходя из других признаков районирования. Он дает списки всех истинных городов по каждому из 14 своих районов, приводя их людность в пределах городской черты и с учетом пригородов, рост за последние 40 лет, душевой ТПО и долю в нем индустрии. Подобрал такие данные для восьми сотен современных городов, по-

⁹ Этот феномен, как и московский, связан не только с высокими доходами горожан, но и с торговлей на всю страну автомобилями, запчастями и т. п.

пробуем сравнить их распределение по размерам в соответствии с районированием В. П. (табл. 2.3.5)¹⁰.

Впечатляет давнее обилие городов в сердце России. На территории, соответствующей Центральному району и западу Волго-Вятского (Московская часть по В. П.), административно-экономических центров в начале века было больше, чем современных городов. Чаще всего это неформальные городки (до 5 тыс. чел.), из которых потом сложилось почти столько же небольших и средних городов (от 10 до 100 тыс. жит.). В обеих частях долинно-овражного подтипа, т. е. главным образом в лесостепи, экономических центров тоже больше, чем ныне городов, и так же много крошечных, особенно торговых, которые В. П. переоценил: реальных городов из них не вышло. Другое дело — южная степная полоса чисто долинного расселения, где центров стало почти вдвое больше (лучший результат), и горнозаводские районы. В Уральской части в 1987 г. имелось 83 центра (в основном поселения при заводах) и лишь 12 статусных городов. Из них всех получилось 97 современных.

¹⁰ Список всех истинных и статусных городов с их демоэкономическими характеристиками на начало века, а также современных, приведен в Приложении 1. Там они привязаны к современному делению на экономические районы и субъекты РФ. Из его принципиальных отличий от физико-географического в своей основе районирования В. П. укажем следующие:

- в северный тип сплошной тундры, долинных и береговых поселений попадает только Ненецкий АО;
- в северный тип сплошного леса и долинных поселений, помимо всей остальной территории Северного района, В. П. включил восток Ленинградской обл., Новгородский и Старорусский районы Новгородской обл., Ярославское Пошехонье, северные окраины Нижегородской и Кировской областей;
- Моренный подтип Центрального и Северо-Западного водораздельного типа заселения — это по сути Северо-Западный район за вычетом вышеупомянутых частей Ленинградской и Новгородской областей;
- Московская часть Увалистого подтипа в полосе леса — это Центральный район без Смоленской и запада Брянской обл., южных степных окраин, но с западными районами Нижегородской обл., включая ее столицу;
- Вятская часть того же подтипа — Волго-Вятский район без северных окраин Нижегородской и Кировской областей, Мордовии, юго-востока и запада Нижегородской обл., плюс крайний юго-запад Пермской обл.;
- Белорусско-Полесская часть на территории РФ охватывает Смоленскую обл. и запад Брянской;
- Центральная часть долинно-овражного подтипа южного долинного типа расселения — это Центрально-Черноземный район, плюс Орловская и южные степные окраины Тульской и Рязанской обл.;
- Восточная часть этого подтипа — Северное Поволжье без заволжских окраин и большая часть Башкирии;
- в Западную часть чисто долинного подтипа зоны ковыльных степей у В. П. включена большая часть Украины, а в пределах РФ — Ростовская область, но без Ростбасса, относимого к горнозаводскому типу;
- Восточная часть того же подтипа — южное Поволжье, заволжские части Саратовской и Самарской областей и Оренбургская обл.;
- Южная часть подтипа — весь равнинный и горный Северный Кавказ без прибрежной Новороссийско-Сочинской полосы, которая входит в Крымско-Кавказский средиземноморский тип садоводческих поселений;
- горнозаводской Уральский подтип заселения включает Пермскую и Свердловскую области, запад Челябинской и восток Башкирии. Сам Челябинск и восточную окраину Свердловской обл. вместе с Курганской В. П. не относит к Европейской России, что отчасти соответствует отвергнутому им губернскому делению.

Таблица 2.3.5. Число городов в 1897 (официальных и экономических) и 1998 гг. (официальных) и их размерные распределения по основным типам и подтипам расселения В. П. Семенова на территории современной Европейской России

Физико-географические типы расселения	Год	Городов		В том числе с населением, тыс. чел.:								
		По статусу	Всего	< 5	5–10	10–20	20–50	50–100	100–250	250–500	500–1000	> 1000
1. Тундровый тип	1897	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1998	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
2. Северный долинный тип	1897	47	70	55	8	4	3	—	—	—	—	—
	1998	91	91	3	10	30	29	9	4	5	—	—
3. Центральный и Северо-Западный водораздельный тип												
3.1. Моренный подтип	1897	27	43	21	13	5	2	1	—	—	—	1
	1998	52	52	3	6	15	16	8	3	—	—	1
3.2. Увалистый подтип	1897	104	218	136	41	19	16	4	1	—	—	1
3.2.1. Московская часть	1998	209	209	4	20	57	59	37	20	7	3	2
3.2.2. Вятская часть	1897	17	31	23	4	—	4	—	—	—	—	—
	1998	34	34	—	—	14	8	4	4	3	1	—
3.2.3. Белорусско-полеская часть	1897	17	22	8	7	6	1	—	—	—	—	—
	1998	23	23	—	6	6	4	5	—	1	—	—
4. Южный долинный тип												
4.1. Долинно-овражный подтип	1897	55	81	25	26	17	10	3	—	—	—	—
4.1.1. Центральная часть	1998	67	67	2	6	14	27	8	4	5	1	—
4.1.2. Восточная часть	1897	56	96	52	21	12	6	3	2	—	—	—
	1998	86	86	—	7	13	29	17	11	1	5	3
4.2. Чисто долинный подтип	1897	5	18	5	7	1	2	2	1	—	—	—
4.2.1. Западная часть	1998	18	18	—	—	3	7	4	2	1	—	1
4.2.2. Восточная часть	1897	15	39	10	11	14	1	2	1	—	—	—
	1998	51	51	—	—	20	19	4	3	3	2	—
4.2.3. Южная часть	1897	14	36	9	15	7	4	1	—	—	—	—
	1998	68	68	—	2	5	33	17	7	3	1	—
5. Южный садоводческий тип	1897	3	6	2	2	2	—	—	—	—	—	—
	1998	7	7	—	—	—	3	2	1	1	—	—
6. Горнозаводской тип												
6.1. Донецкая часть	1897	1	5	2	1	2	—	—	—	—	—	—
	1998	8	8	—	—	—	4	2	2	—	—	—
6.2. Уральская часть	1897	12	83	47	20	12	3	1	—	—	—	—
	1998	97	97	—	6	24	41	14	7	2	—	3

Различия в концентрации населения и ТПО по районам В. П. значительны, хотя в большинстве случаев торговля и промышленность поныне сильнее сосредоточены в больших и крупных центрах (**табл. 2.3.6**). Исключение составляют Северо-Запад (моренный тип, где это новое явление, видимо, связано с дезиндустриализацией Петербурга), а также Черноморское побережье (южный садовый и современный курортный тип, где к тому же нет центров-гигантов). Концентрация населения и ТПО примерно равны на крайнем западе Европейской России (Смоленская область, запад Брянщины) и в горно-заводских районах.

Таблица 2.3.6. Концентрация населения и ТПО в больших и крупных городах разных типов местности в 1897–1900 и 1996–98 гг.

Физико-географические типы расселения	Доля населения в городах (%):				Доля ТПО в городах (%):			
	>100 тыс. жит.		>500 тыс. жит.		>100 тыс. жит.		>500 тыс. жит.	
	1897	1998	1897	1998	1900	1996	1900	1996
1. Тундровый тип	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Северный долинный тип	—	54	—	—	—	59	—	—
3. Центральный и Северо-Западный водораздельный тип								
3.1. Моренный подтип	80	78	80	69	88	72	88	66
3.2. Увалистый подтип								
3.2.1. Московская часть	40	76	36	51	60	91	58	81
3.2.2. Вятская часть	—	75	—	22	—	83	—	21
3.2.3. Белорусско-полесская часть	—	38	—	—	—	40	—	—
4. Южный долинный тип								
4.1. Долинно-овражный подтип								
4.1.1. Центральная часть	—	67	—	18	—	75	—	16
4.1.2. Восточная часть	25	79	—	60	42	92	—	66
4.2. Чисто долинный подтип								
4.2.1. Западная часть	39	74	—	45	66	81	—	42
4.2.2. Восточная часть	20	73м	—	37	31	86	—	51
4.2.3. Южная часть	—	53	—	12	—	67	—	21
5. Южный садоводческий тип	—	67	—	—	—	64	—	—
6. Горнозаводской тип								
6.1. Донецкая часть	—	51	—	—	—	45	—	—
6.2. Уральская часть	—	65	—	42	—	69	—	38

Для современных читателей деление В. П. не очень удобно. Поэтому те же данные и основные территориальные пропорции дадим в привычном разрезе экономических районов (табл. 2.3.7, 2.3.8). Их доли в населении и ТПО городов Европейской России менялись согласно динамике лидеров. Северо-Запад с утратой столичности Пе-

Таблица 2.3.7. Концентрация населения и ТПО в больших и крупных городах в границах современных экономических районов в 1897–1900 и 1996–98 гг.

Экономические районы	Доля населения в городах (%):				Доля ТПО в городах (%):			
	>100 тыс. жит.		>500 тыс. жит.		>100 тыс. жит.		>500 тыс. жит.	
	1897	1998	1897	1998	1900	1996	1900	1996
Северный	—	61	—	—	—	63	—	—
Северо-Западный	78,3	75,7	78,3	64,9	91,8	81,7	91,6	68,8
Центральный	44,1	72,2	39,7	44,8	65,3	87,3	63,4	72,8
Волго-Вятский	—	69,2	—	28,0	—	73,7	—	31,5
Центрально-Черноземный	—	69,6	—	21,6	—	79,6	—	18,6
Поволжье	30,2	79,7	—	59,7	46,2	93,3	—	70,3
Северный Кавказ	14,8	60,7	—	19,2	36,3	68,9	—	23,2
Урал (без Курганской области)	—	69,6	—	44,7	—	74,5	—	43,5

Таблица 2.3.8. Изменение доли населения и ТПО современных экономических районов Европейской России

Экономические районы	Доля в общей численности населения городов, в %		Доля в торгово-промышленном обороте городов, в %		Душевой ТПО, в % от среднего по городам Европ. России	
	1897	1998	1900	1996	1900	1996
Северный	1,7	5,0	1,0	5,7	65	113
Северо-Западный	18,5	8,7	27,7	6,5	151	76
Центральный	29,3	29,8	41,9	36,0	128	120
Волго-Вятский	4,6	6,6	3,7	5,2	77	78
Центрально-Черноземный	9,8	5,7	3,8	5,5	46	96
Поволжье	13,6	14,9	9,4	15,7	69	105
Северный Кавказ	11,8	11,7	7,3	6,5	76	57
Урал (без Курганской области)	10,7	17,6	5,2	18,9	46	108

тербурга, депопуляцией периферийных центров терял позиции и в населении, и в экономике. Доля Центра с Москвой по населению постоянна, но снизилась по ТПО. Южнее, в Черноземье, все наоборот: относительная потеря населения, долгое время покидавшего трудоизбыточный район, и прибавка доли в обороте за счет позднего, но быстрого роста его центров. Такой рост, опережающий рост населения, еще заметнее в Поволжье и на Урале.

Рельефны перемены уровней «бойкости». ТПО в расчете на городскую душу слегка снизился относительно среднего в Центре (Московской старопромышленно-торговой части). Северо-Запад, где сто лет назад он был самым высоким, резко сдал. Третий район с относительной потерей бойкости, во многом за счет особого характера и остроты кризиса 1990-х гг., — Северный Кавказ. Гораздо активнее стали Центральное Черноземье, Поволжье, Север и Урал. Индустриальный Урал в 1900 г. шел предпоследним, сразу за аграрным ЦЧР, будучи в упадке под натиском молодого Донбасса. По расчетам В. П., тот в 3,5 раза превышал среднюю бойкость всей европейской части империи¹¹, а по нашим, — его душевой ТПО достигал 134% от тогдашнего уровня городов европейской части РФ; украинский и российский Донбасс (вместе) был бы в ней вторым после столичного Северо-Запада.

Современный Урал — второй в Европейской России по масштабам городского ТПО и третий по «бойкости». В любом случае данные табл. 2.3.8 отражают вековой процесс выравнивания уровней активности (продуктивности) макрорайонов. Кризис в конце века его даже ускорил, особенно за счет промышленной компоненты (см. главу 4.1).

Неформальные лидеры в регионах

□ билие выделенных В. П. экономических центров говорило о наличии в Европейской России неформальных региональных лидеров, которые иногда превосходили официальные (административные). Попробуем выявить подобные ситуации в 1897–1900 и 1996–98 гг. по субъектам современной РФ. Объединим обе столицы с их областями и исключим из анализа оба автономных округа и Калмыкию, где к 1900 г. не было ни официальных, ни крупных «истинных» городов, а также Чечню и Ингушетию, по которым нет свежих данных. При отсутствии у региона прямой предшественницы-губернии примем за его старый формальный центр самое большое поселение. Неформальными будем считать центры, опережавшие его по какому-то показателю (назовем их абсолютными лидерами), и те, где он достигал $\frac{2}{3}$ от показателя формального центра (лидеры условные, потенциальные).

Судя по данным **табл. 2.3.9**, внутренняя централизация в регионах действительно усилилась. Число тех из них, где есть центры крупнее официального или сопоставимые

¹¹ Правда, горный Урал эту среднюю тоже немного превосходил. Но в последней графе сводной таблицы В. П. (с. 179–180) данные относятся не к одним городам, а ко всей территории с уездами, что заметно снижает показатели: 91 рубль по Европейской России без Финляндии и зауральских уездов и (согласно нашим расчетам) 98 рублей по современной европейской части РФ вместо 555 рублей в городах.

Таблица 2.3.9. Центры современных регионов Европейской России*

Крупные районы	Всего регионов**	Регионы с наличием неформальных центров — абсолютных и условных лидеров***								Число неформальных центров — абсолютных лидеров					
		По численности		По объему ТПО		По пром. продукции		По душевому ТПО		По объему ТПО		По пром. продукции		По душевому ТПО	
		1897	1998	1900	1996	1900	1996	1900	1996	1900	1996	1900	1996	1900	1996
Север	5 (1)	1	1	1	3	2	5	5	5	1	2	1	4	7	18
Северо-Запад	3	0	0	1	0	1	1	3	3	0	0	1	1	10	7
Центральный	12 (1)	1	0	1	0	5	1	12	11	0	0	15	0	54	23
В.-Вятский	5 (1)	0	0	0	0	3	0	4	5	0	0	2	0	10	7
Ц.-Чернозем.	5 (1)	1	1	1	1	1	1	5	4	1	1	0	2	12	10
Поволжье	7	0	1	0	2	1	3	7	7	0	1	1	3	14	17
Сев. Кавказ	8 (3)	2	0	3	1	4	3	6	7	6	1	9	5	28	19
Урал	6 (1)	1	0	2	0	5	1	6	6	2	0	1	1	19	42
ИТОГО	51 (8)	6	3	9	7	22	15	48	48	10	5	30	16	154	143

* Без Калининградской и Курганской обл., Калмыкии, Чечни, Ингушетии, Ненецкого и Коми-Пермяцкого АО.

** В скобках — число регионов, сменивших за столетие формального лидера (если это имело место).

*** Абсолютными лидерами названы центры, превосходящие формальный по данному показателю; условными — те, у которых его значение составляет $\frac{2}{3}$ и более от уровня формального лидера.

с ним по населению, ТПО, индустриальному производству, как и число самих лидеров, сократилось за столетие в 1,5–2 раза. Случаи, когда это касается людности, сейчас вообще наперечет: Череповец в роли абсолютного лидера Вологодчины, Тольятти и Старый Оскол как условные лидеры Самарской и Белгородской областей — да и то с натяжкой; из второй части таблицы они вообще исключены для экономии места¹².

Мало и неформальных торгово-промышленных лидеров, причем обычно разрыв между соперниками невелик. Исключения раньше составляли Ростов и Таганрог, резко опережавшие Новочеркасск, а теперь Череповец и Тольятти, берущие верх над областными центрами прежде всего за счет мощной индустрии. Промышленное лидерство — явление в целом более распространенное. В 1900 г. современная Владимирс-

¹² Из шести старых случаев этого рода два связаны с регионами, появившимися на карте позже. Это Мурманская область, где тогда было два крошечных однопорядковых города, и Брянская, где заводские села Радица и Бежица, объединенные В. П. в один «истинный город», немного опережали по размерам Брянск, в состав которого они потом влились. В двух южных регионах данный феномен был устранен путем смены центра: Новочеркасск, уступавший Ростову по населению, и Темир-Хан-Шура (Буйнакск), уступавшая Дербенту и Петровск-Порту (Махачкале), впоследствии сдали более крупным соперникам функции формальных центров.

кая область насчитывала 13 центров (от Гусь-Хрустального до Судогды), превосходивших более многолюдный губернский город Владимир по размерам ТПО. Это уникальный случай экономического полицентризма, определявший итог по Центральному району, всей Европейской России и не наблюдаемый более на самой Владимирщине. Из 9 «несоточных» центров Кавказа 7 находились в Дагестане и Ростовской области, чьи столицы уступали им и по населению. Говорить о резком сокращении числа неформальных промышленных центров в других районах трудно. На Севере и в Поволжье их прибавилось, причем этот процесс к концу века ускорился (Браде и др., 1999).

Ясно, что центрам, не могущим тягаться с местной столицей по размерам, легче соперничать с ней по душевой бойкости. Неформальные лидеры такого сорта представлены, как и век тому назад, в 48 регионах из 51. Самых центров стало меньше в Западной и Центральной России, где в той же Владимирской области было 16 «бойких неформалов», а остался один (Кольчугино). Однако регионов с самим фактом их наличия большинство, и в некоторых имеется по 4–6 (Ленинградский с Питером, Смоленский, Тверской, Тульский, Нижегородский) — достаточно, чтобы областной центр, даже гигантский, не погряз в самодовольстве при полном отсутствии местных конкурентов. На окраинах Европейской России, кроме южной, таких конкурентов прибавилось, а на Урале их стало гораздо больше: 16 в Свердловской области, 13 в Пермской, 6 в Башкирии. Относительное благополучие формальных и неформальных центров сравнивается также в главе 2.7.

Что добавляют карты

От идеи составления справочной карты со всеми истинными, официальными и потенциальными городами (вроде той, что вложена в книгу В. П.) мы отказались. Показ же на ней тематической информации чреват перегрузкой и потерей наглядности. Суммирование городских данных в разрезе внутриобластных административных районов кардинально не решает проблему перехода от уровня собственно городов к районному. Их тоже слишком много для мелкомасштабной карты, хотя во многих и вовсе нет городов. Переход же к областям и т. п. слишком резок и смажет многие различия, тогда как районы самого В. П. режут 23 из 57 субъектов нынешней Российской Федерации.

Мы выбрали промежуточный вариант, сгруппировав города по *микрорайонам из «Руководства для районной планировки»* (Рекомендации... , 1988). В каждом субъекте РФ таких районов, объединяющих по несколько административных, выделено до 10, и дробность членения территории близка к уездному делению, используемому на ряде карт в книге В. П. Всего на рассматриваемой территории 280 микрорайонов, к которым привязаны города 1897 и 1996–98 гг. Микрорайоны «уложены» и в сетку районирования В. П. (рис. 1 Приложение 2).

На рис. 2.3.1–2.3.4 и в Приложении 3 ТПО и население городов по микрорайонам дано в процентах от московских. Карты на 1897 г. подтверждают вывод о большей рас-

средоточенности городского населения, чем его деятельности. Очагами концентрации ТПО служат районы вокруг Петербурга, Москвы, а также Ростова-на-Дону, Саратова, Казани, промышленные восточно-подмосковные (Орехово-Зуевский, Коломенский, ареал Владимир–Иваново–Ярославль–Кострома). На современной карте ТПО тоже выделяются микрорайоны при региональных столицах, но их стало больше, возникли новые очаги торгово-промышленной деятельности на востоке Татарстана и в Предуралье, сгустки (агломерации) при городах-миллионерах. Самаро-Тольяттинский район почти сравнялся с Петербургским, усилился Екатеринбургский. Карта концентрации современного городского населения тоже демонстрирует немало мощных городских систем. Однако при сравнении с 1897 г. бросается в глаза значительно большая контрастность демографического «рельефа» в конце XX в.

Продуктивностью производства и торговой бойкостью в расчете на одного жителя во времена В. П. выделялись прежде всего мощная полоса Промышленного Центра, Петербург, ряд местностей в ближнем Предуралье, на западе Предкавказья и в Архангельской области (**рис. 2.3.5, 2.3.6 и Приложение 3**). В 1996 г. от Центра осталась по сути дела одна Москва; по сравнению с прошлым особенно впечатляют провалы вокруг нее и в Питере. Очаги периферийной активности сместились в промышленные металлургические центры (Череповец, Липецк, Магнитогорск, города Кольского полуострова), многопрофильный Самарской луки и добывающие ареалы на востоке и северо-востоке Европейской России. Высокий душевой ТПО связан порой с крайней малолюдностью центров при значительном объеме продукции (район Рязанской ГРЭС, нефтяной на юге Пермской области и большинство северных).

Плотность торгово-промышленной деятельности на единицу площади (**рис. 2.3.7, 2.3.8**) местами выросла на Севере, Северо-Западе и Кавказе. Но главное, если в начале века в этом отношении резко выделялась первая по возрасту и значению обширная экономическая платформа Центральной России, то теперь усилилась вторая, Волго-Уральская. В Центре с его густой сетью городов плотность ТПО, в отличие от его душевого уровня, тоже высока. Обе платформы — это крупные составные части главной широтной демоэкономической полосы всей страны, в рамках которой произошел явный сдвиг на восток (см. главу 4.1).

На картах плотности ТПО и удельной бойкости видны некие ложбины, окаймляющие либо разделяющие эти и меньшие по размерам структуры. Вспомним, что местности к югу, юго-востоку от Москвы В. П. называл «самыми хворыми» в России. Там, в частности на юге Рязанщины, показатели резко падали. Впрочем, эту полоску можно было считать фрагментом большой дуги, шедшей от берегов Каспия через Предкавказский «перешеек» современной РФ (тогда лишенный экономических городов) и южное Черноземье к средней Волге и дальше на север — северо-восток. На картах 1996 г., особенно с душевым ТПО, такой дуги уже не видно, она как бы разбита на отдельные «окна», хотя те по-прежнему часто приурочены к глухим окраинам и межрайонным стыкам.

Рис. 2.3.2. Торгово-промышленный оборот городов в процентах от Москвы, 1996 г.

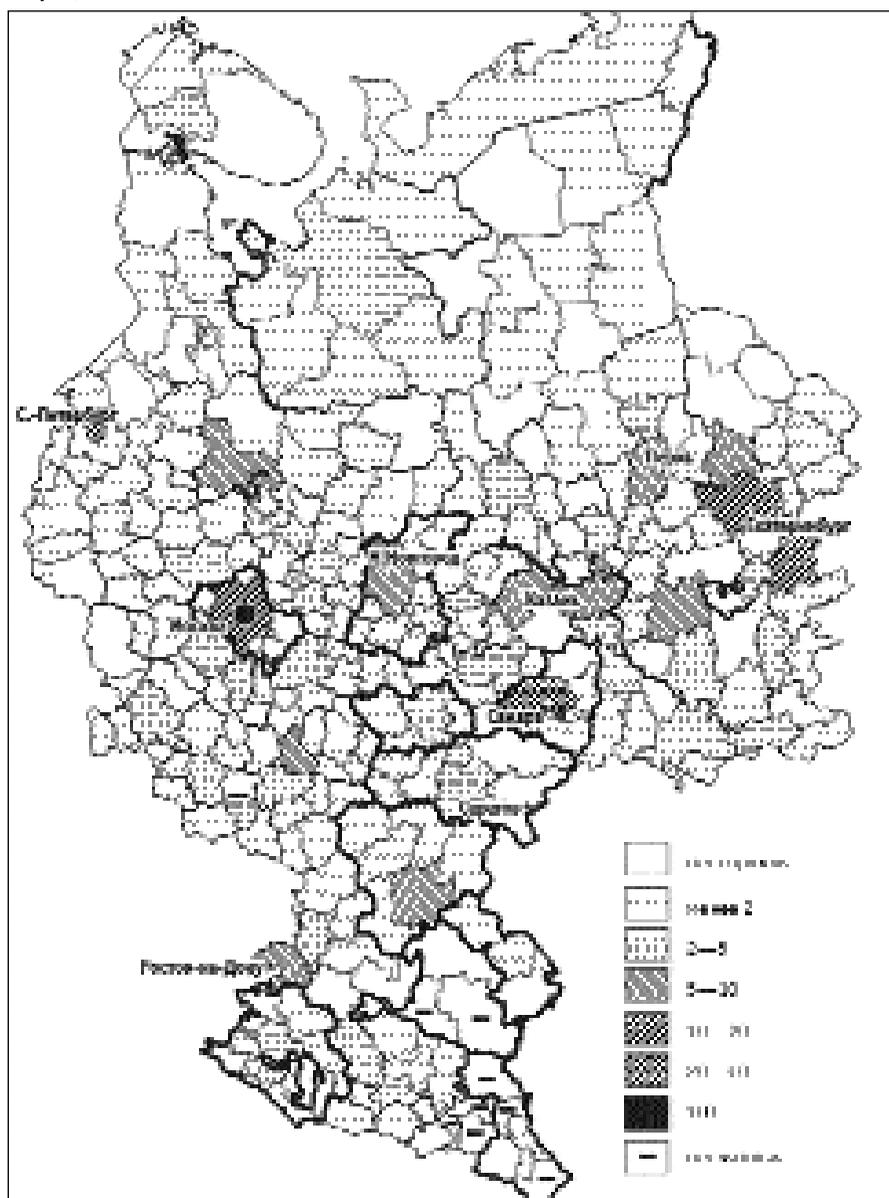

Рис. 2.3.3. Население экономических и административных городов в процентах от Москвы, 1897 г.

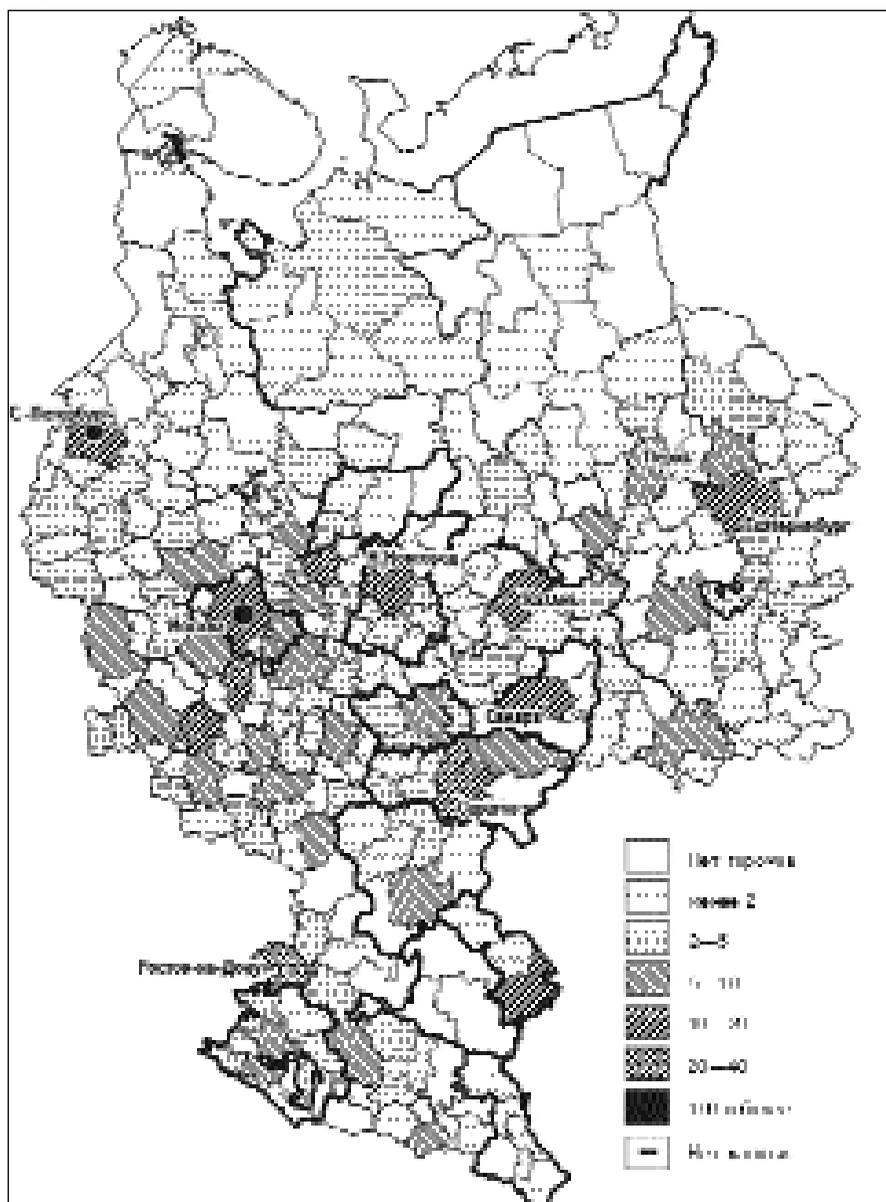

Рис. 2.3.4. Население городов в процентах от Москвы, 1998 г.

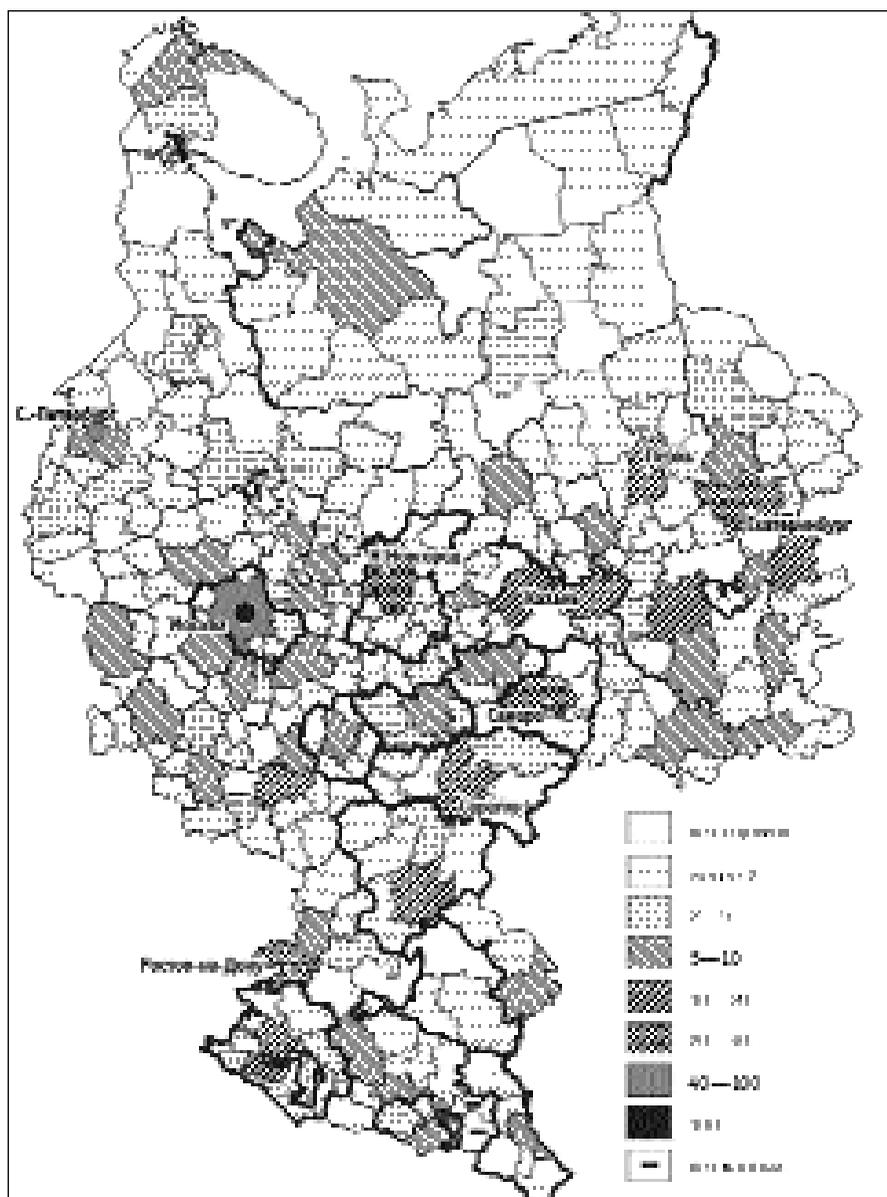

Рис. 2.3.5. Торгово-промышленный оборот на 1 городского жителя в 1897 г., руб.

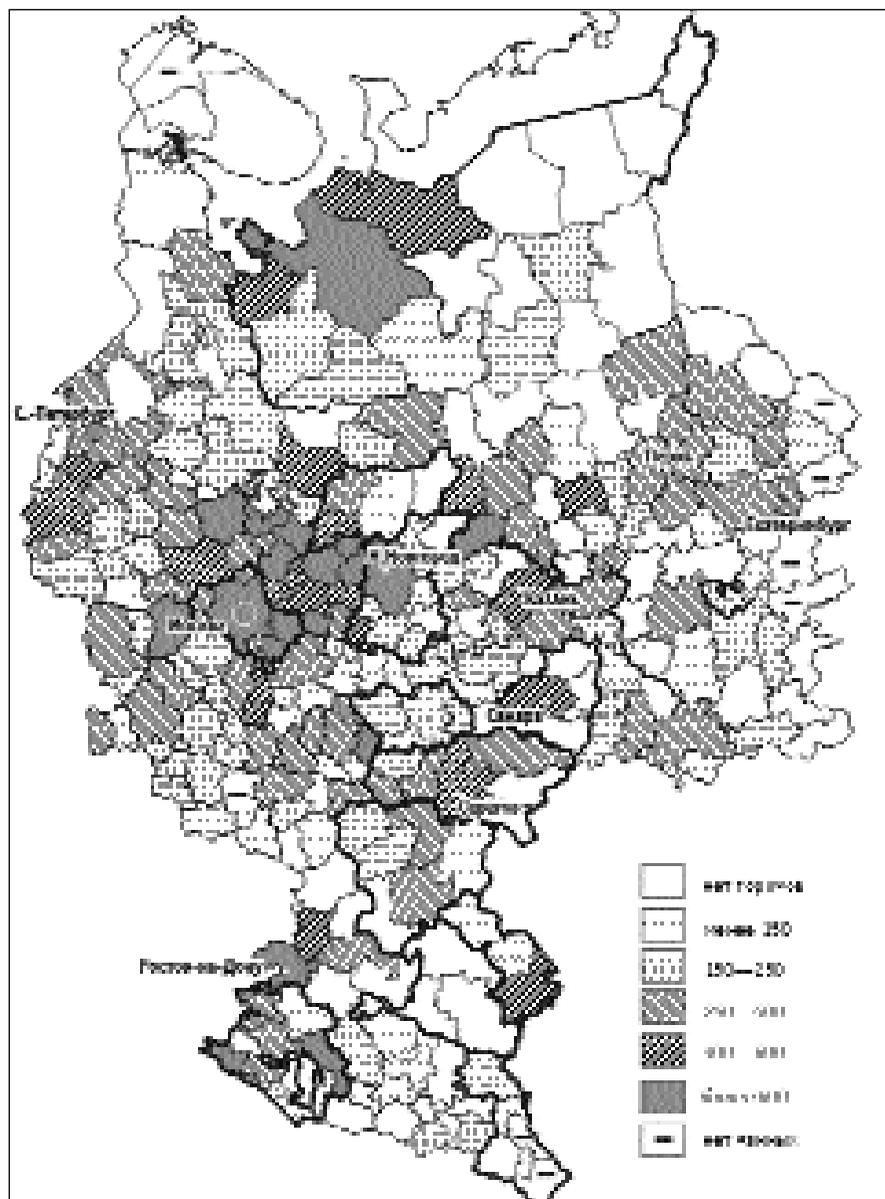

Рис. 2.3.6. Торгово-промышленный оборот на 1 городского жителя в 1996 г., тыс. руб.

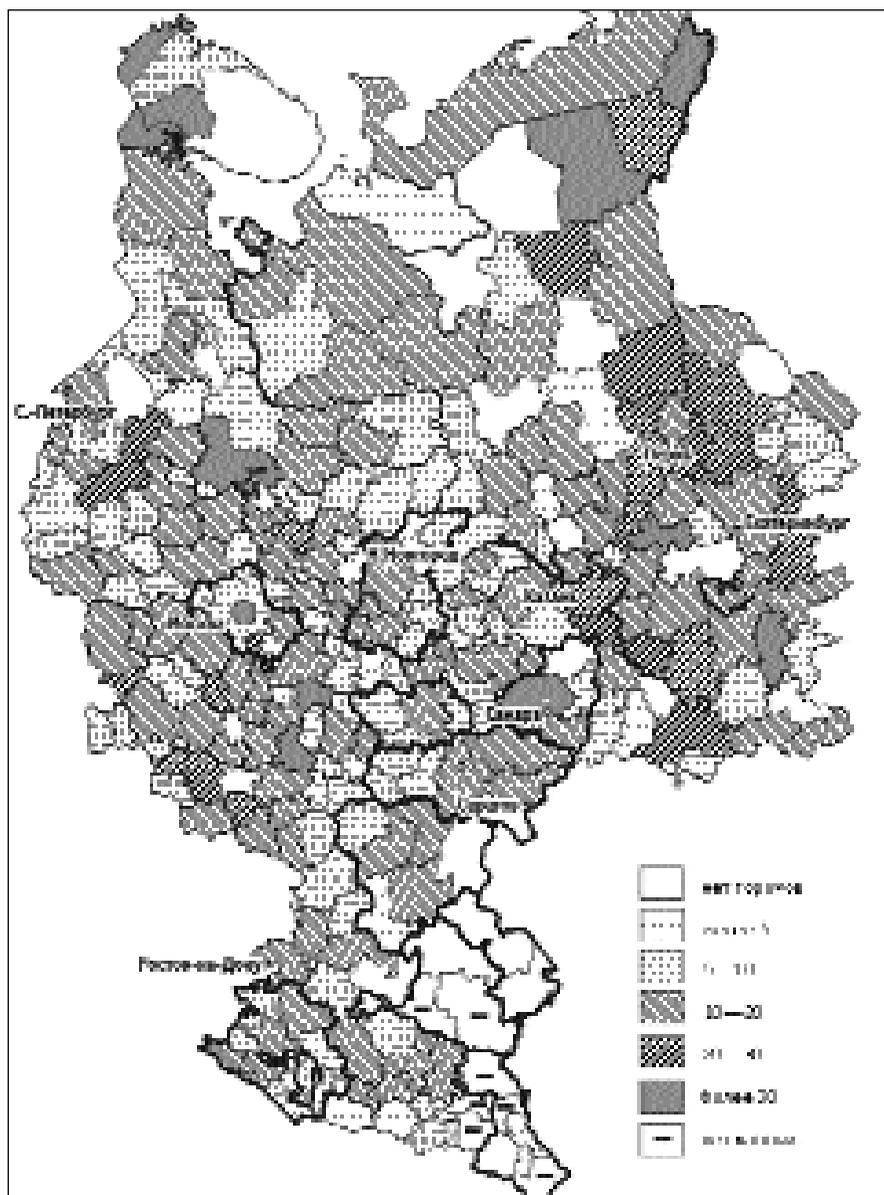

Рис. 2.3.7. Плотность торгово-промышленного оборота на 1 кв. км территории в 1897 г., в % к средней по Европейской России

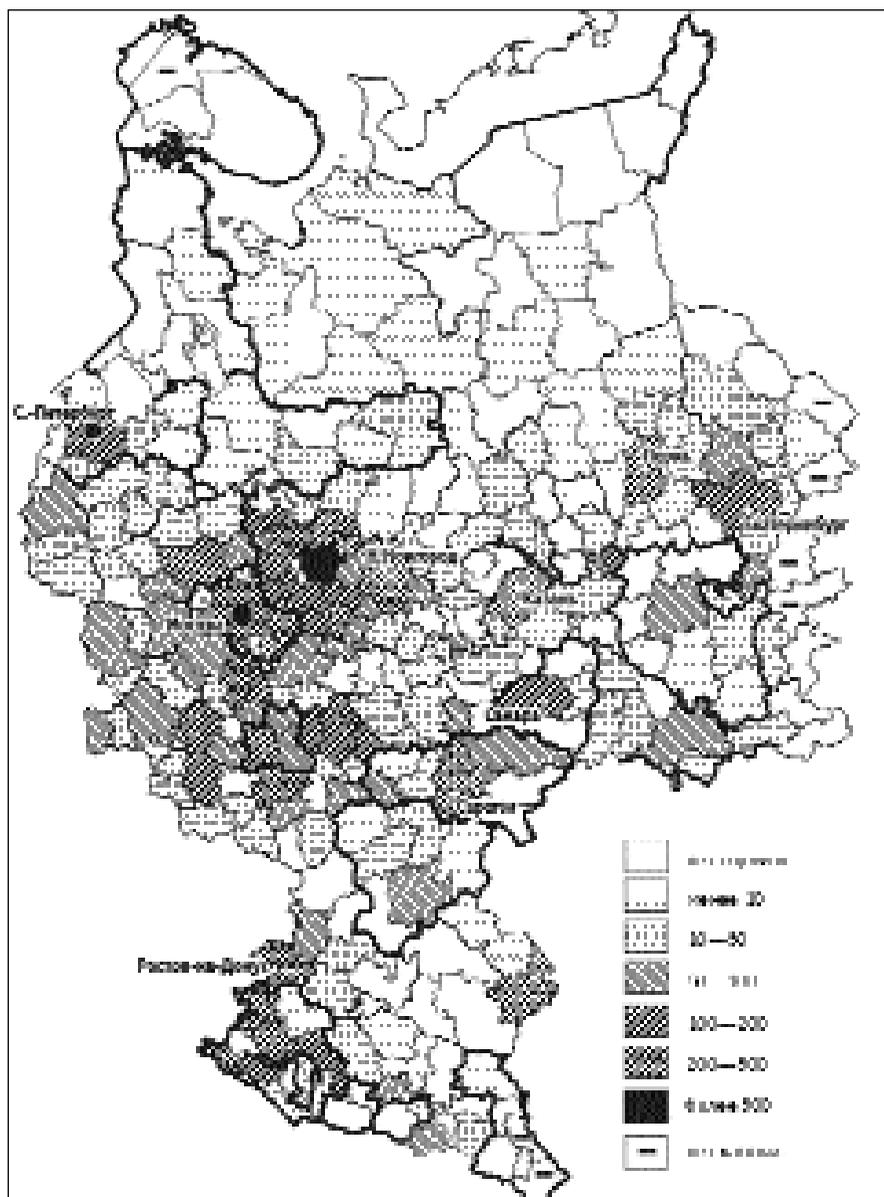
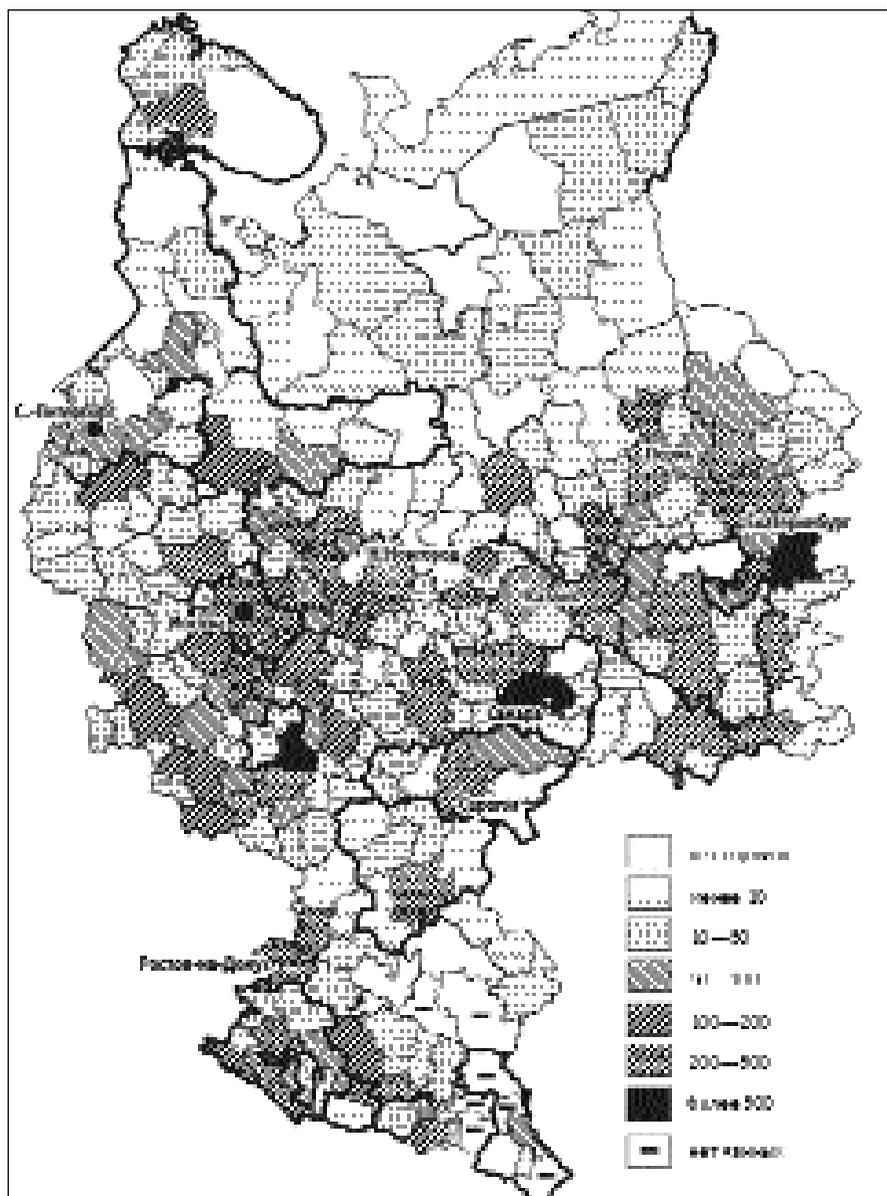

Рис. 2.3.8. Плотность торгово-промышленного оборота на 1 кв. км территории в 1996 г., в % к средней по Европейской России

Ведущие типы экономических центров и их эволюция

Использование показателя ТПО для оценки развития городов в XX в. оправдано тем, что он в целом соответствует индустриальной эпохе. Видимо, 1900 год ближе к ее началу, а 1990-е — к концу, хотя соотношение компонент ТПО этого не подтверждает; напомним, что доля индустрии в 1900 г. была ниже $\frac{1}{3}$, а в 1996 г. — выше $\frac{1}{2}$ ¹³. По классическим схемам, если промышленность (часто вместе со строительством) дает главную долю доходов, занимая до 50% работников, то это апогей эпохи, гипериндустриальная стадия, наблюдавшаяся в развитых странах примерно до середины XX века. Торговля и транспорт сопутствуют ей в более широких временных рамках, начиная с периода формирования национальных рынков и сохраняя большую стабильность при переходе к постиндустриальной эпохе.

Как это влияло на состав экономических центров России, проще всего выявить по их функциональным типам, которые должны отражать «историческое развитие русских городов, начинавшихся как крепости, административно-военные пункты или аграрные поселения и со временем превращавшихся в промышленно-торговые» (Миронов, 1999, т. 1, с. 302). Б. Н. Миронов дает и классификации официальных городов Европейской России, без Польши и Финляндии, в XVIII–XIX вв. По его укрупненной схеме, из 612 городов 1897 года 219 (35,8%) относились к доиндустриальному типу (в XVIII в. именно он был в большинстве), так как на сельское хозяйство, администрацию и армию приходилось более 50% самодеятельного населения или первые отрасли доминировали в составе работников; 390 (63,7%) — к индустриальному с главенством промышленности, торговли, транспорта и финансов¹⁴; в трех городах (Петербург, Одесса, Киев) лидировал третичный, сервисный сектор. В конце XIX века сосуществовали умирающие доиндустриальные, бурно развивающиеся индустриальные и зарождающиеся постиндустриальные города (там же, с. 303).

Их типологии и потом чаще всего опирались на данные о составе занятых, хотя с ними было непросто (см. главу 4.1). В пору расцвета таких исследований в СССР и за рубежом использовались материалы переписи населения 1959 г. по городам размером более 50 тыс. жит. и столицам регионов (Хорев, 1965; 1968, с. 46–51; Harris, 1970, р. 54–115). Современная городская статистика тоже скудна; так, из «паспортов» 1996 г. обычно можно извлечь лишь долю работающих в промышленности. Тем не менее, при-

¹³ По советской статистике, вклад промышленности в валовой общественный продукт страны в 1928 г. составлял 35%. В ходе индустриализации он превысил 60% и держался на этом уровне до 80-х гг.; вклад торговли всех видов оставался на порядок меньшим (около 6%). К середине 1990-х гг. кризис и переход к показателю ВВП снизили долю индустрии в России до $\frac{1}{3}$, подняв долю торговли до $\frac{1}{6}$. Если же брать соотношение первой в оптовых и второй в розничных ценах, как в показателе ТПО, то получится, что промышленность до индустриализации превышала розничный оборот (без стоимости услуг) всего на 10–11%, затем долгие годы — в 1,9–2,4 раза, а изменение пропорции (до 1,6–1,8) заметно только со второй половины 90-х гг.

¹⁴ Вообще-то финансы относят к третичной или даже к четвертичной сфере экономики (вместе с деловыми услугами и отраслями «информационного блока»). Впрочем, эта деятельность никогда не была массовой и погоды, как говорится, не делала. Названия мироновских типов также могут вызывать сомнения, но мы будем им следовать во избежание еще большей путаницы.

влекая косвенные данные и оценки, попробуем представить смену макротипов больших и средних городов (людностью от 10 тыс. человек в 1897 г., которую В. П. считал минимальной для тогдашнего среднего города, а затем свыше 50 тыс.) в европейской части РФ (табл. 2.3.10).

Их распределение по типам в конце XIX в. мало отличается от такового для всех городов европейской части империи: та же треть доиндустриальных и почти вдвое больше индустриальных городов, будь они официальными или «истинными» экономическими, хотя среди последних выше доля промышленных и гиперпромышленных, где собственно индустрия занимала соответственно более 50 и более 60% работников. В основном они концентрировались в старопромышленном Центре и на Урале. Кроме того, в отличие от Б. Н. Миронова, мы отнесли к типу сервисных 4–5 российских центров: С.-Петербург, его пригороды (Царское Село, Петергоф, «истинный» город-курорт Териоки, ныне Зеленогорск) и Пятигорск, где занятость, вслед за посещаемостью, носила сезонный характер, так что летом возрастала численность врачей, прислуги и т. п. (Белозеров, 1997, с. 23). Москва же и у нас осталась в группе торгово-промышленных центров.

К концу 1950-х гг. в макротип индустриальных попали почти все большие и средние города. Даже в столицах доля занятых в промышленности, строительстве, торговле и на

Таблица 2.3.10. Основные функциональные типы больших и средних городов Европейской России (без Калининградской и Курганской областей) в XX веке

	1897*		1959**	1996**
	Статусные	Истинные	Статусные	
Общее число городов	128	164	148	246
Их распределение по типам, в %:	100,0	100,0	100,0	100,0
Доиндустриальные (военно-административные и аграрные)	34,4	33,0	—	—
Индустриальные (торгово-промышленные и транспортные)	62,5	64,1	96,6	88,6
В т. ч. промышленные и гиперпромышленные	13,3	20,1	41,9	12,6
Постиндустриальные (сервисные)	3,1	2,9	3,4	11,0

* Центры с населением свыше 10 тыс. человек.

** Города с населением свыше 50 тыс. человек и центры регионов меньшего размера (в 1996 г. за вычетом примерно 5% городов: чеченских, ингушских и ряда др.).

Источники: материалы переписей населения; база данных «Паспорта городов России — 1996» Вычислительного центра Госкомстата России; выборочные сведения из научной литературы (Монофильные... 2000 и др.); экспертные оценки авторов.

транспорте превышала 50%. Промышленную группу составили 62 города (42%), включая 13 лидеров регионов: Горький, Воронеж, Куйбышев, Казань и др. Правда, их и еще 45 городов РСФСР Ч. Харрис отнес к типу диверсифицированных административных, считая, что в сочетании с индустриальным он отражает природу советской командной экономики (Harris, 1970, p. 61); лишь пять из них, размером до 90 тыс. жителей с долей промышленности в составе занятых ниже 40%, он определил как центры местного масштаба. Это несколько иная типология, но важен факт: индустриализация делала административные центры разного ранга центрами специализированного производства. Это расширяло спектр их ролей и в то же время сообщало ему однобокость; между прочим, в 1897 г. структуру $\frac{9}{10}$ городов можно было считать смешанной (Мионов, 1999, т. 1, с. 297). Из 27 гипериндустриальных городов 1959 года 17 находились в Центре (10 под Москвой), 6 на Урале, 2 в Ростовской области. Как и в конце XIX в., чемпионом был Гусь-Хрустальный с 73% занятых в промышленности.

Число значительных постиндустриальных центров за 60 с лишним лет не изменилось. Этот тип покинул Петербург, но остались курорты: Сочи, Кисловодск и тот же Пятигорск. К ним мы добавили подмосковный Калининград (в тогдашних границах он лишь немного не дотягивал до 50 тыс. жит.) как первый из плеяды научно-технических центров. Другой подтип представляла столица Калмыкии Элиста (23 тыс. жит.), где в промышленности было занято менее 9%, вместе со «спутниками» — 44%, но и в агросекторе — только 22%. Случай сам по себе спорный, но это — модель выхода из аграрной структуры к сервисной напрямую, как бы в обход промышленной. Доиндустриальных центров в 1959 г. формально не осталось. Города с повышенной, подобно Элисте, долей занятых в сельском хозяйстве были в Средней Азии, но не в России. Имелись еще военные (военно-морские) базы, однако статистика их обходила и обходит.

Основной сдвиг к концу века состоит в снижении доли центров индустриального макротипа, прежде всего промышленных, и такое сочетание тенденций в принципе говорит об усилении многофункциональности. В группе промышленных городов уже нет ни одной региональной столицы, а население самых крупных — Северодвинска, Подольска, Балакова, Каменска-Уральского — не превышает 250 тысяч. Исчезает подгруппа гипериндустриальных центров: их восемь, и максимальная доля индустрии (у Выксы, Новотроицка, Верхней Салды) ниже 70%.

Постиндустриальный тип по числу представителей сблизился с промышленным, выросло разнообразие его подтипов. С учетом тенденции мы включили сюда Москву, чья структура формально находилась на пороге сервисной, а также семь ее ближних и дальних спутников; из питерских — сюда после долгого перерыва вернулся г. Пушкин (он же Царское Село), хотя сам Петербург остался среди центров индустриального макротипа. Конечно, это и южные курорты: Сочи, три города Кавминводской группы. Число их соседей, следующих «элистинской модели», пополнилось рядом городов, включая такие, как Ставрополь и Махачкала. Возник новый подтип северных и некоторых других центров с нетрудоемкой добычей нефти и т. п. (с большим ТПО); по ведущей экономической функции они, конечно, индустриальные, а по составу занятых — уже скорее сервисные.

Динамику городских и сельских занятий, их региональные различия полнее освещает глава 4.1. Беглый анализ функций центров известного размера уже позволяет утверждать, что на рубеже XIX–XX вв. страна переживала затянувшийся, осложненный низкой урбанизацией и другими факторами переход от доиндустриальной или аграрной эры (если оставаться в рамках экономики и учесть ее сельскую компоненту) к промышленной. Вместе с тем довольно долгая эволюция в этом направлении успела вывести $2/3$ центров из доиндустриального бытия. Основным стал торгово-промышленный тип, возникла группа промышленных (более многочисленная среди «истинных» городов). Зародились сервисные, но их развитие надолго задержали социальные бури века и форсированная индустриализация, воздействие которой на состав центров, видимо, имеет немного аналогов в мире.

Оно сказывается и к исходу XX века, отмеченному постиндустриальным переходом, хотя, судя по нашей типологии, это пока менее зрелая его фаза по сравнению с фазой индустриального перехода, выявляемой по данным столетней давности. Добавим, что современные сдвиги сопровождаются активизацией перестроек в системе экономических центров, но на фоне стабильности иерархии городов по критерию численности их жителей. Это связано с замедлением урбанизационных процессов, с завершением «классической» экстенсивной стадии количественного роста городского населения.

2.4. УРБАНИЗАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ: ПРОЦЕССЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С опоставление урбанистической ситуации в России в конце XIX в. и в конце XX в. дает основание считать, что за столетие в стране совершилась урбанистическая революция. Ее результаты весомы, но значительны и недостатки. Российские города отягощены изъятиями, полны противоречий, продолжают порождать все новые проблемы, страдают от социальной патологии.

Однако уже тысячелетиями города используются человечеством как проверенное средство организации территории, что с точки зрения географии особенно важно. Города — среда большей части населения России, как и всех развитых стран. В трудной ситуации, в какой к концу XX века оказалась наша страна, именно города с наибольшим потенциалом являются точками роста. Их усилиями поднимутся и отрасли, и районы.

Стремительность урбанизации

Урбанизация в XX в. стартовала с очень низких отметок, что и зафиксировано Первой Всероссийской переписью 1897 г. На территории европейской части РФ имелось 376 городов и 37 посадов, доля городского населения не превышала 15%. Сеть городов была редкой, а сами они — крайне разнородными. К концу XIX в. экономический бум, строительство железных дорог создали основу для быстрой урбанизации. Но города, оказавшиеся вдали от дорог, теряли шансы на развитие и в дальнейшем могли утратить городской статус. Весьма ощутимым был отрыв и Петербурга и Москвы от остальных городов.

Столетие резко изменило урбанистическую ситуацию, удвоив число официальных городов и на порядок увеличив их население (**табл. 2.4.1**). Раньше $\frac{3}{4}$ экономических и $\frac{2}{3}$ статусных городов были весьма малы: до 10 тыс. жителей. Теперь же распределение, как говорят статистики, скорее нормальное: преобладают города умеренных размеров, от 10 до 100 тыс. человек. Малых — по современному представлению, т. е. насчитывающих до 50 тыс. жителей, — по-прежнему большинство (68%), но проживает в них всего 17% населения всех городов; сто лет назад их доля достигала 45% у официальных городов и 54% у экономических. На группу до 20 тысяч теперь приходится менее 5% горожан, в несколько раз меньше, чем раньше. Число больших горо-

Таблица 2.4.1. Города в 1897 (официальные и неофициальные) и в 1999 гг. по категориям людности в современной Европейской России (без Калининградской и Курганской областей)

	Год	Всего	Число жителей, в тыс. чел.								
			< 5	5–10	10–20	20–50	50–100	100–250	250–500	500–1000	> 1000
Число истинных городов В. П.*	1897	709	386	159	90	50	17	5	–	–	2
Их население, в тыс. чел.*	1897	8902	991	1114	1231	1509	1112	641	–	–	2304
Из них городов по статусу**	1897	323	121	83	55	40	17	5	–	–	2
Число всех статусных городов**	1897	377	142	107	64	40	17	5	–	–	2
Их население, в тыс. чел.**	1897	7280	430	713	864	1238	1120	613	–	–	2303
Число современных городов***	1999	830	12	67	211	278	133	69	31	14	10
Их население, в тыс. чел.***	1999	74607	43	501	3166	9018	9067	10475	11038	9215	22084

* По данным из книги В. П. Семенова, включая города, показанные на его карте, но не вошедшие в списки.

** Население по (Россия..., 1898). Источник, а главное дата определяют расхождения с данными в таблице 2.2.1 из главы 2.2 в части распределения городов по категориям: В. П. исходил из собственной экстраполяции их людности на «настоящее время», более близкое к году издания его книги (1910).

*** По статусу; данные из (Численность населения..., 1999); 5 городов Чеченской республики не распределены по категориям людности и не включены в итоговую цифру населения.

дов (с населением свыше 100 тыс.) увеличилось с 7 до 124, или почти в 18 раз, их население выросло с 2,9 до 52,8 млн человек, а его доля — с 40 до 71%. Немалый вклад в урбанистическое преобразование России внесли новые города. Их около 500, или 59%, т. е. большинство.

У некоторых исследователей советской и российской урбанизации ее качественная сторона вызывает серьезные сомнения вплоть до утверждения о том, что урбанизация была у нас «ненастоящей», что ее подменила индустриализация. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Одна из самых характерных черт советской урбанизации — очень высокие темпы. Это проявилось в нарастании и числа городов, и численности городского населения. Поражают высокие темпы роста больших новых городов. Такие центры, как Магнитогорск, Тольятти, Нижнекамск, Дзержинск, практически «проскочили» стадию малого города. В соответствии с параметрами своей экономической базы они сразу закладывались как большие, как бы рождались такими. Рост старых и возникновение новых городов происходили повсеместно, в разных частях Европейской России (и страны в целом).

Образование и создание новых городов

На протяжении всей своей истории Россия неустанно, непрерывно строила и учреждала новые города. В значительной мере это связано с расширением государственной территории и ее хозяйственным освоением. Примечательно, что самый старый русский город носит имя Новгород. За ним следовали Нижний Новгород, Новая Ладога, Новочеркасск. Казань на первых порах своего существования называлась Новый Булгар, Архангельск — Новые Холмогоры. И в XX веке Россия убедительно подтвердила свое право называться страной новых городов, в названия которых включались соответствующие слова и приставки — от Новониколаевска (Новосибирска) до Нововоронежа и Новоуральска.

Показательна смена главных факторов градообразования. В XV–XVII вв. в ходе расширения государственной территории города создавались как крепости. В XVIII в. города учреждались «по видам управления», как опорные центры территорий, например, во время Екатерининской административной реформы. В XIX в. города стали возникать в результате естественного развития экономики. Правда, немногие из них были удостоены городского статуса: Александровск-Грушевский (ныне Шахты), Иваново-Вознесенск (Иваново), Златоуст, Соль-Илецк, Павловский Пасад.

В XX в. города тоже строились по воле начальства, но теперь в целях реализации экономических программ, причем масштабы строительства новых городов и преобразования в них сельских поселений сильно возросли. Возникает вопрос: нужно ли было ударными методами создавать так много новых городов, что чревато нерациональным «размазыванием» ограниченных средств по огромной территории? Не целесообразнее ли было развивать существующие города, как это происходило в большинстве других стран?

На самом деле во всем мире новые города были особой любовью архитекторов, всегда мечтавших создать город, свободный от старых известных недостатков, и думавших, что градостроительными средствами, рациональной планировкой можно решить острые социальные проблемы. Архитекторы России — не исключение. Но существовали и более веские причины, которые требовали создания большого количества новых городов. В начале XX в. число городов в России и в европейской ее части не соответствовало размерам огромной страны, потребностям в центрах-организаторах. И далеко не все старые города могли служить точками роста, ибо среди них велика была доля экономически хилых и не имевших перспектив. Промышленность (главный градообразователь в период индустриализации) строго экзаменовала города на способность к развитию. Экзамен выдерживался не всеми.

Новые города для России были необходимы для:

а) оснащения территории центрами обслуживания, как градостроительная инфраструктура;

б) более полного использования выдающегося потенциала крупных центров и одновременно для решения их сложных градостроительных проблем¹;

в) вовлечения в использование разнообразных ресурсов (ведь страна была вынуждена ориентироваться на свои собственные ресурсы);

г) создания множества отраслевых промышленных центров, не всегда находивших себе в старых городах нужные условия.

Правда, все бывшие губернские и областные города совершили настоящий скачок в промышленном развитии, тем самым усилив присущую им многофункциональность. Десятки уездных и безуездных городов тоже выросли во много раз, что подтверждают примеры Челябинска, Липецка, Череповца, Старого Оскола, Орска и др.

Новые города часто дополняли скопления, возглавляемые крупными и крупнейшими центрами, их «свиту», что определило переход к следующей стадии эволюции расселения — постгородскому, агломерационному развитию. Это имело для России особо важное значение. Примерно $\frac{1}{3}$ возникших в XX веке новых городов составили категорию городов-спутников. Новые города также активно участвовали в линейностремительных процессах. Формирование цепочек городов на транспортных магистралях, служивших осями урбанизации, осями развития, — не менее характерная черта их пространственного хода в России (хотя гораздо менее изученная, чем агломерационные процессы). На севере новые города создали ареалы освоения, определили характерную для территорий с экстремальными условиями очаговую форму организации производительных сил.

Образование новых городов шло постоянно. Лишь немногие годы не были отмечены такими событиями. Пики же образований городов приходятся на годы, предшествовавшие переписям населения, что отчасти объясняется стремлением привести административный ранг поселения в соответствие с его экономическим значением. Правда, это касалось только довоенных переписей. Максимальное число новых городов появилось в 1938 г., в канун переписи 1939. Процесс образования новых городов не прекращался и даже ускорился во время Великой Отечественной войны, когда в Европейской России было создано почти полсотни новых городов, преимущественно на базе городов-заводов и пристанционных поселков. По периодам новые города распределились следующим образом (**табл. 2.4.2**).

В среднем число новых городов в послевоенные годы снижалось. Интересно, что за 14 предвоенных лет (1927–40) и за 13 послевоенных (1946–58) возникло одинаковое число городов: соответственно 116 и 115. В конце 1960-х гг. начался спад. Число новых городов снизилось до 1–3 в год, лишь иногда показатель был выше — 4 города в 1971 г., 5 в 1981 и даже 7 в 1989.

¹ В прошлом кроме Петербурга и Москвы города-спутники в своем непосредственном окружении имели лишь единичные крупные центры (например, Ростов-на-Дону, возле которого крымские армяне создали город Нахичевань, вошедший в черту Ростова в 1930-х гг.). Сейчас наоборот: исключением может считаться отсутствие спутников (в ранге города) у крупных центров.

Таблица 2.4.2. Образование новых городов в Европейской России по историческим периодам в XX веке

Периоды	Число образованных городов, всего	Темпы градообразования в среднем
1901–1916	7	около 2 за два года
1917–1926	65	6–7 в год
1927–1940	116	более 8 в год
1941–1945	48	9–10 в год
1946–1958	115	около 9 в год
1959–1991	135	4 в год
1992–1998	23	3 в год

Промышленность — главный фактор урбанизации в Европейской России

Урбанизация России в советское время развивалась на волне индустриализации. Именно промышленность, особенно тяжелая, породила большую часть новых городов. Но она заставляла их расти так стремительно, что рост часто опережал развитие. Усилиями промышленности страна оказалась усеянной городами-акселератами и «полуфабрикатами». С другой стороны, к созданию ряда новых городов было привлечено внимание всей страны. Магнитогорск, Тольятти, Набережные Челны стали вехами в развитии как советской экономики, так и градостроительства.

Распространенность монофункциональных центров, занятых каким-то одним делом, также типична для советской урбанизации. Монофункциональные города экономически неустойчивы, менее эффективны, чем разносторонние, и социально ущербны (в частности, из-за одностороннего использования трудовых ресурсов). Они образуют группу остропроблемных городов, чье экономическое и социальное неблагополучие остро проявилось в постсоветское время. Их обилие — существенный недостаток урбанистической структуры Европейской России, в чем особенно повинны промышленность и транспорт. Наиболее характерны узкоотраслевые горнодобывающие (среди них выделяются угольные), энергетические, металлургические, химические, центры отдельных видов переработки древесины, машиностроения, пищевой или легкой индустрии (самые распространенные — текстильные). Узкой специализацией могут отличаться также порты, железнодорожные и железнодорожно-водные узлы.

Часть подобных городов унаследована от прошлого, как, например, текстильных в Старопромышленном Центре. В разных частях России «моногорода» образуют своего рода территориальные корпоративные группы. Ивановская и соседние с ней области

выделяются семейством текстильных городов. На Севере, Северо-Западе, в северной части Центрального района распространены деревообрабатывающие и целлюлозно-бумажные, в российской части Донбасса и в Мосбассе — угольные города-шахтеры.

Распространение узкоотраслевых городов в Европейской России объясняется несколькими причинами. Прежде всего, сказываются экстремальные природные условия на Крайнем Севере. Еще одна причина — закрытый характер городов, развившихся на основе отдельных подразделений военно-промышленного комплекса. Ведомственность вообще во многих случаях препятствовала комплексному развитию. Именно в ЗАТО это проявилось особенно сильно (рис. 2.4.1). Влияет и развитость агломераций, условия которых позволяют городам быть узкоспециализированными (тогда недостатки этого ослабляются возможностью использовать потенциал соседей и прежде всего центрального города как места приложения труда, повышенного спроса, средоточия услуг).

Рис. 2.4.1. Закрытые города Европейской России в 1998 г.

Монофункциональные города отличает жесткая привязанность к породившему их предприятию. Это придает поселению *поселковость*, делая его селитебным приложением к фабрике или заводу. Планировочная структура их предельно проста. Центр, если он выражен, расположен прямо у проходной. У жителей городской труд часто сочетается с сельским образом жизни.

На промышленные производственные ритмы накладываются ритмы сельскохозяйственные. Застройка — усадьбы с палисадниками, сараями, огородами. На улице штабеля дров, копны сена, бродят козы, бычки, куры, гуси. Участок улицы перед домом — продолжение двора. Предприниматель строил фабрику в сельской местности, учитывая транспортные условия, наличие топлива, а также стоимость рабочей силы, характер расселения, трудовые навыки жителей, связанные, скажем, с кустарными промыслами. Обосновывавшаяся на селе фабрика оставляла своих рабочих крестьянами по внефабричным занятиям, образу жизни, суждениям и привычкам. Такие поселки еще В. П. называл фабричными усадьбами.

Сохранению этого типа поселений, независимо от статуса и в известной мере от людности, очень способствовала монофункциональность. В современном городе-заводе тоже слабы внутренние контакты и сужены внешние связи. Даже при значительных размерах он в сущности остается поселком. В ряде случаев средние и даже большие (по статистике) города складывались как конгломерат поселков, возникших достаточно обособленно при разных промышленных предприятиях. Так, город Копейск Челябинской области (73,2 тыс. жит.) состоит из 22 поселков, вытянувшихся полосой в 55 км.

Следует заметить, что город — по самой своей природе — стремится к постоянному обогащению функциональной структуры. Даже узкопрофильные центры, будучи не более чем эмбрионами города, это стремление также проявляют. Курс на многофункциональность — отчетливая тенденция в развитии российских городов.

В этом процессе огромную роль играла та же промышленность. Она служила тем стержнем и ядром, вокруг и под воздействием которого разворачивалась функциональная структура. Промышленность обростала проектно-конструкторскими бюро, научными и учебными заведениями². С ее помощью создавались дома культуры, театры, музеи, библиотеки (не говоря о жилье, объектах коммунального хозяйства), ведь развитие социальной сферы индустриального города финансировалось через индустрию. Развитие по такой схеме дало в XX в. неплохие результаты, что показывают примеры Иваново, Липецка, Кургана, Брянска, Белгорода, Волгограда, Челябинска, к тому же выдвинутых именно промышленностью на роль областных центров.

Поэтому при рассмотрении функциональных проблем городов необходимо обращать внимание на их эволюцию: а) происхождение; б) отход от монофункциональности,

² Так возникли текстильный институт в Иваново, НИИ источников света в Саранске (где определяющее значение получило производство осветительных средств), аэрокосмический университет в Самаре, авиационные и авиационно-технические училища, институты в Рыбинске, Ульяновске, Уфе, различные филиалы и отделения («Стальпроекта» в Липецке, Московского института стали и сплавов в Старом Осколе и т. д.).

обогащение структуры; в) итоги ее развертывания, характеризующего важный сдвиг в урбанизации. Часто стадия б начиналась с создания производств-противовесов (машиностроения в текстильных центрах; текстильных, трикотажных и обувных в центрах угледобывающих, металлургических и химических). Иногда новые отрасли и виды деятельности оттесняли отрасль-родоначальника на второй план, меняя профиль города (Балашиха и Фрязино под Москвой, Димитровград в Ульяновской области, Ярцево у Смоленска и др.).

Вторжение промышленности в старые города имело положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, их хозяйственная база усиливалась, диверсифицировалась, а функциональное разнообразие влекло за собой и социальное. С другой стороны, промышленность вызвала чрезмерно быстрый рост городов, их населения и территории. Вокруг исторических центров формировались периферийные жилые зоны на основе типовых проектов, шаблонных планировочных приемов. Это приводило к возникновению унылых по своему облику районов, бедных объектами социальной инфраструктуры, испытывающих дисбаланс мест жительства и мест приложения труда, большие транспортные трудности. Индустрия плодила новые города и новые районы старых городов, лишённые полноценной городской среды, наделяла города «промышленным флюсом», перекашивая, деформируя их функциональную структуру. Как отрасль приоритетная, она подчас сокращала ресурсы для развития других видов деятельности.

Все старые города, а особенно экономически слабые, застойные, нуждались с точки зрения социальной политики во всестороннем укреплении и оздоровлении. Но с позиций экономики тотальный подъем, скажем, на основе размещения промышленных новостроек был нерационален. Развитие малых городов не могло не быть выборочным. Ведь даже после ревизии, осуществленной советскими администраторами до 1926 г., когда многие десятки городов были преобразованы в сельские поселения, 130 городов Европейской части РСФСР (31% общего их числа) не имели железнодорожного сообщения (Города Союза, 1927, с. 10).

Этим объясняется обилие в урбанистической структуре Европейской России городов людностью менее 12 тыс. жителей. К началу 1999 г. их было 135 (15,8%), т. е. каждый шестой не удовлетворял порогу людности, установленному для города законодательством. Большею частью это старые города: 98 из них унаследовали свой статус с дореволюционных времен. А 16 заслуживают название городов-карликов, имея менее 5 тыс. жителей. Среди них такие знаменитости, как Плес, Горбатов и Сольвычегодск. Самые малые — Чекалин (в прошлом Лихвин) в Тульской области и Высоцк в Ленинградской — насчитывают по 1,2 тыс. жителей.

Особым направлением использования потенциала сложившегося расселения явилось преобразование в города сельских по статусу поселений, которые выполняли городские функции.

Сельские черты российской урбанизации и влияние миграций «село—город»

Дефицит городов давно заставлял власти России прибегать к созданию городов путем *преобразования сельских поселений*. В ходе административной реформы 1775–1785 гг. при Екатерине II таким образом было учреждено 162 новых города; в пределах Европейской части — 146 (подсчитано по Г. П. Махновой, 1970). В более скромных масштабах это практиковалось в XIX в.: Грайворон, Сухиничи, Мариинский Посад, Николаевск (ныне Пугачев). В XX в. преобразование чаще было юридическим закреплением фактического превращения в город, нежели выдачей «аванса», как это было в XVIII веке. Тем не менее усилий промышленности оказалось недостаточно для создания нужного количества городов, и их тоже производили административным порядком. Сельское происхождение современных городов выдают их названия, не претерпевшие изменений: Жуковка, Козловка, Алексеевка, Бутурлиновка.

Сельские черты присущи российским городам разных типов и категорий. Это не удивительно в стране, где даже столица давно заслужила прозвище «большой деревни». Сельские черты российской урбанизации устойчивы и постоянно воспроизводятся, будучи обусловлены несколькими процессами.

Происходило *включение в состав городов пригородных сельских поселений*. В одних случаях их земли использовались под новую застройку, они исчезали, заменяясь городскими районами³. Но в других случаях сельские поселения становились составной частью города, не меняя своего облика, застройки, планировки и занятий обитателей. Во многих больших, крупных и даже крупнейших городах застройка некоторых районов традиционно велась *по образу и подобию сельской*: одноэтажный дом, палисадник, хозяйственный двор, сад, огород. В результате «сельские вкрапления» в большие города оказывались весьма распространенными и обширными. А численно преобладающие в нашей стране малые города вообще правомерно считать элементом сельской местности. Их сельский облик, сельские занятия и образ жизни значительной части жителей наиболее очевидны. Поистине «*деревня в городе*»⁴.

Сельские черты урбанизации выражаются не только в наличии «сельских городов» и «деревень в городах». Ими по сути пронизана вся урбанистическая структура. Приток огромных масс людей из сельской местности наполнил города, особенно большие. Оказавшиеся в городе вчерашние селяне не сразу приобщаются к новому образу жизни, усваивают городские ценности, что имеет следствием возникновение и расширение слоя маргиналов, не совсем горожан и уже не селян. По некоторым оценкам, жители, ведущие полугородской образ жизни, составляют почти четверть городского населения.

В начале XX в. немецкий географ А. Геттнер (1909) писал о том, что большинству городов России недостает настоящей городской жизни. Его суждение, пусть в ослаблен-

³ Так было в Москве, которая в 1960 г. вместе с 5 городами и 12 пгт поглотила 150 сел и деревень. От них остались названия (Тропарево, Никулино, Беяево, Коньково, Ясенево, Теплый Стан, Алтуфьево, Владыкино, Выхино и т. д.), церкви и усадьбы.

⁴ См. главу 4.2.

ном виде, остается справедливым и столетие спустя. Если в сельской местности вследствие высокой доли несельскохозяйственных, так называемых служебных, поселений значительна доля «скрытого городского населения», то так же правомерно говорить и о «скрытом сельском населении», которое официальной статистикой причисляется к городскому.

Все это вовсе не значит, что миграция в крупные центры формировала там только маргинальные слои населения. Она пополняла все слои, в том числе интеллектуальную элиту. Малый город и село, провинция в целом постоянно питали интеллигенцию российских столиц и других крупных городов, поставляя им таланты в области культуры, науки, искусства. В. Н. Топоров (1995, с. 336) отмечал, что писательская среда Петербурга десятилетиями создавалась за счет притока извне: «Длительное время, во всяком случае до послереформенной эпохи, Петербург был трудным местом для рождения писателей». Д. С. Лихачев (1991) выразился еще категоричнее: «Гении рождаются только в провинции».

В то же время урбанизация немыслима без рекреации, без отдыха от городских проблем и ритмов, смены ландшафтного окружения и занятий. В России давно известна такая форма этой смены, как второе жилище, дача. Стремление обзавестись им и собственным загородным участком, продиктованное разными причинами, нарастало в советское время и особенно в кризисное постсоветское. Р. Медведев (1998) пишет: «...к концу 1995 г. число садовых и огородных наделов превысило 30 млн. Это означало, что такой участок практически получила чуть ли не каждая городская семья. Доля продукции личного хозяйства составила в среднем около 20%, уменьшаясь у жителей крупных и более обеспеченных городов и увеличиваясь до 50% в маленьких и бедных провинциальных городах».

Подобная деятельность горожан способствует сохранению сельского менталитета, присущего немалой их части (Алексеев, Симагин, 1999). Думается все же, что он не присущ всем людям, имеющим дачу, сад, огород. Для многих горожан, полноценно занятых в городских сферах деятельности, работа на участках — или временная необходимость (так было и во время гражданской и Отечественной войн), или своего рода хобби — активная форма отдыха, наблюдение за природой, порой связанное с профессией.

Качество российской урбанизации

Этот вопрос заслуживает особого внимания, поскольку с ним связана принципиальная оценка самой сущности урбанизационных процессов. Его правильное решение имеет большое значение для определения потенциала сложившегося расселения, выявления и использования предпосылок дальнейшего развития. Бывает, что изменения в городах, в городском расселении России и Советского Союза, оцениваются только как количественные, не сопровождаемые качественными переменами.

С этим согласиться нельзя. Конечно, количество не сразу и не всегда переходило в качество. Но итоговые сдвиги в урбанистической ситуации весьма существенны. Они

состоят в резком увеличении числа и приоритетном развитии больших городов, появлении городов новых типов (столиц национальных республик, городов-центров науки и высокотехнологичных наукоемких производств), в изменении характера расселения, перешедшего к новой агломерационной стадии, характеризующейся интегральностью городского и сельского расселения. Все это свидетельствует о переменах принципиального значения, о появлении в расселении нового качества.

Рост числа и значения больших городов

Россия вошла в XX век, имея два города-миллионера и еще пять, перешагнувших 100-тысячный рубеж, все в Европейской части. Для огромной территории этого было крайне мало. Арена урбанизации в стране была чрезвычайно сужена. Известно, что именно крупнейшие города в силу присущих им свойств, а не города вообще, способны выполнить историческую миссию урбанизации, обеспечить прогресс общественного развития⁵. Среда больших городов выделяется многоконтактностью, творческой атмосферой. Все это вместе и делает большие города подлинными двигателями прогресса. Поэтому умножение числа больших городов, их укрупнение и достижение ими некоей критической массы, после чего они становятся генераторами нового, имело решающее значение.

Перед началом индустриализации в Европейской части России насчитывалось 17 больших городов (**рис. 2.4.2**). При всех изъянах советской урбанизации наращивание числа больших городов знаменовало важнейший качественный сдвиг. Пусть промышленность в них и играла непомерно большую роль, сами они были перегружены рядовыми производствами, населены жителями, еще не ставшими горожанами, удручали невыразительной стандартной застройкой, говорившей о бедности и несформированности городской среды. Все равно они послужили основой для нового витка урбанизации.

Формирование сети центров с многофункциональной структурой, концентрирующих прогрессивные элементы производительных сил, интеллектуальный потенциал, — главный итог урбанизации. О ней правильнее судить не по числу городов, размерам и доле городского населения, а по сформированности больших городов, их роли в прогрессе и в территориальной организации общества.

Россия должна была по своим исходным данным стать страной больших городов, и она ею стала. Более 30 лет назад американский географ Ч. Гаррис (Harris, 1970, p. 1) заметил, что в СССР больших городов уже больше, чем в США, Японии и т. д. В РСФСР находились 50% всех и 56% больших советских городов, выше была их доля в населении,

⁵ Четверть века назад, когда проблемы урбанизации стали особенно активно обсуждаться в философской, экономической и географической литературе, В. М. Долгих, Ю. А. Левада и А. Г. Левинсон писали: «...если все виды потребления продуктов городской культуры могут быть глобально рассеянными и становятся таковыми, то само производство культуры, которое нельзя смешивать с тиражированием культурных благ, необходимо требует высокой концентрации „сил, потребностей, наслаждений“» (1974, с. 74).

говорить, на чистом месте⁷. Тем не менее *очевиден акцент на использовании потенциала старых городов*, особенно таких, которые всей предшествующей историей заслужили право на лидерство. Его подтвердили почти все старые губернские и областные центры, только два из 35 городов этой группы в европейской части РФ освобождены от подобных обязанностей: Новороссийск в связи с упразднением Черноморской губернии, возглавлявшейся им с 1896 г. по 1929 г., и Новочеркасск, сдавший функции областного центра Ростову-на-Дону. Из 33 остальных 29 — современные областные центры, 4 (Казань, Уфа, Петрозаводск и Владикавказ) — столицы национальных республик. Девять старых городов возглавили новые области, не имевшие предшественниц-губерний (Ивановская, Брянская, Белгородская, Липецкая, Волгоградская, Свердловская, Челябинская, Курганская, Мурманская). Десять старых, но в прошлом небольших и экономически хилых городов сумели развиться в многофункциональные столицы республик. Лишь одну из них — Калмыкию — возглавил город-новостройка Элиста.

На 47 новых центров приходится чуть более 17% совокупной численности населения больших городов Европейской России, в том числе на города-новостройки — около 11%. Прирост их населения сильно уступал увеличению крупногородского населения за счет старых городов. Примечательна ведущая роль лидеров, выделяющихся разнообразием функций и масштабами деятельности. В центрах регионов (областей, краев, республик) сосредоточено $\frac{3}{4}$ населения больших городов (39 543 из 53 179 тыс. человек). И даже если исключить Москву и Петербург, то эта доля останется высокой (66%).

Центральные функции, пусть и не закрепленные официально, свойственны и *вторым по людности городам регионов*. Среди больших городов таких 18, в том числе 10 новых (Набережные Челны, Магнитогорск, Новомосковск и др.). К большим городам, наряду с центрами агломераций, принадлежат и города-спутники, их 26. За редким исключением (Энгельс у Саратова и некоторые подмосковные города) это новостройки: Дзержинск у Нижнего Новгорода, Новокуйбышевск у Самары, Волжский у Волгограда и др.

Большие города-новостройки в Европейской России по своему генезису — преимущественно индустриальные, определяющая роль промышленности проявляется в них очень сильно. Чаще всего это своеобразный «специализированный комплекс»: металлургический в Магнитогорске, автостроительный в Набережных Челнах, химический в Дзержинске и в Березниках. Но его последовательно дополняют и другие отрасли и функции. Результатом такой последовательной трансформации в ряде случаев явилась смена функционального типа города. Так, Дзержинск вошел в число наукоградов, Тольятти, став третьим по объему продукции промышленным городом России, развивается в многофункциональный центр с растущим значением науки и высшего образования.

Большие города, не являющиеся центрами регионов, вообще представляют разные функциональные типы. Это порт Новороссийск, научный центр Обнинск, курорты Сочи, Пятигорск и Кисловодск, промышленно-транспортные центры Сызрань, Армавир, Мичуринск и т. д.

⁷ Отнесение города к числу возникших на чистом месте (на самом деле оно могло быть хотя бы частично занято малыми поселениями разного типа, смежными угодьями и т. д.) представляет собой достаточно сложную задачу и требует в каждом конкретном случае тщательного анализа.

Карта больших городов Европейской России в конце XX века наглядно показывает неравномерность их территориального распределения (**рис. 2.4.3**). Экономические районы обеспечены ими в разной степени. Наибольшая концентрация больших городов отмечена в Центре и Урало-Поволжье. Там же сосредоточена и большая часть наукоградов (**рис. 2.4.4**). Вместе с тем даже в пределах староосвоенной территории видны обширные пространства, лишенные больших городов: к западу от Москвы, на стыке Центрально-Черноземного района, Поволжья и Ростовской области, в восточной части Северного Кавказа.

Многофункциональность придает большим городам порой завидную устойчивость. Они обладают адаптивной и инновационной способностью, лучшими стартовыми возможностями для развития по новым направлениям, обусловленным изменившейся ситуацией.

Городские агломерации и опорный каркас расселения⁸

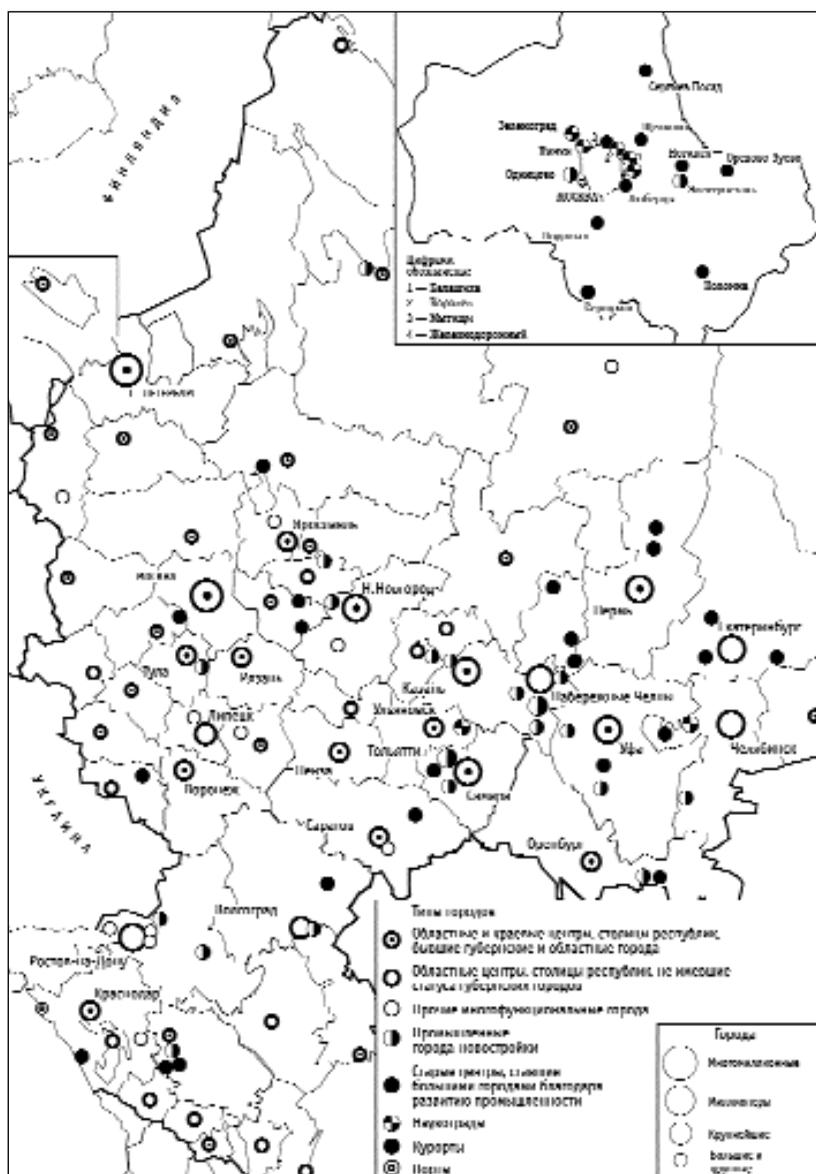
Еще большей взаимодополнительностью функций и пространства характеризуются городские агломерации (ГА), под которыми понимается компактная и относительно развитая совокупность взаимодополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких мощных городов-ядер и объединенных многообразными и интенсивными связями в сложное динамическое единство. Географически ГА — это пространство реальных и потенциальных взаимодействий, в который вписывается недельный жизненный цикл большинства жителей современного крупного (людностью не менее 250 тыс. чел.) города и его спутниковой зоны, оконтуриваемой, как правило, 1,5-часовой изохроной от границ города-ядра⁹. Это позволяет сочетать выгоды концентрации разнообразных функций и услуг в крупных городах с дисперсным характером их реализации и потребления и тем самым поддерживать динамическое равновесие между разнонаправленными экономическими, социальными и экологическими условиями, факторами жизнеобитания и интересами людей.

ГА являют собою иную, высшую по отношению к индивидуальным городам, пространственную форму урбанизации и являются очагами концентрации населения, причем не только городского, но и сельского. Они олицетворяют третью стадию эволюции расселения, согласно выдвинутой Ж. А. Зайончковской схеме, когда городское и сельское расселение «...интегрируются на общей формирующей их основе, обеспечивающей более интенсивные и короткие производственные связи для хозяйства и доступность всех видов деятельности и набора услуг для населения... Расселение из сплошного, относительно равномерного (на освоенных землях, конечно) превращается в пятнистое... Город и село становятся „сообщающимися сосудами“, управление которыми возможно

⁸ Раздел написан П. М. Поляном.

⁹ Соответствующая методика делимитации городских агломераций, оценки их развитости и морфологическая типология в свое время были предложены и разработаны в многочисленных, в том числе совместных, работах авторов этого раздела (здесь сошлемся лишь на монографии — Лаппо, 1978 и Полян, 1988).

Рис. 2.4.3. Большие города в конце XX века на территории Европейской России и в Московской области

только на основе регулирования системы в целом» (Зайончковская, 1985). Двумя предшествующими стадиями являются автономное и концентрированное расселение (в пору концентрированного расселения ГА являются как бы провозвестниками и форпостами следующей расселенческой стадии).

ГА — основные узловые элементы опорного каркаса расселения как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Его линейными элементами являются, соответственно, транспортные магистрали и полимагистрали¹⁰.

Как пространственная форма расселения ГА представляет собой ареал с особой средой и особым режимом обитания ее жителей. Среди свойственных ей особенностей и закономерностей — повышенная подвижность населения (как маятникового, дневно-го, цикла, так и недельного) и соответствующая развитость инфраструктуры. Весь торгово-промышленный, информационно-образовательный и культурно-зрелищный потенциал агломерационных центров является принципиально доступным для жителей внешней зоны ГА, как городских, так и сельских, равно как и рекреационные ресурсы внешней зоны доступны для жителей их крупногородских ядер¹¹. Усиленное развитие автомобилизации в 1990-е гг. только усилило эту потенциальную возможность.

Разница в условиях проживания между городскими и сельскими поселениями спутниковой зоны ГА постоянно нивелировалась (Полян, 1987), и гораздо более значимым признаком, нежели поселенческий статус, является внутреннее положение поселения в рамках ГА, в особенности по отношению к транспортным коммуникациям. Это позволяет рассматривать население спутниковой зоны ГА как некую особую, смешанную, интегрированную внутри своего агломерационного ареала совокупность, в чем-то отличную и от городского, и от сельского населения как таковых. Ареал ГА для них — это единое пространство, еще в условиях советской плановой системы проявлявшее незаурядную способность к самоорганизации на рыночных принципах: именно в рамках ГА правдами и неправдами пробивали себе дорогу рынок труда, рынок первичного и вторичного жилья, рынок развлечений и рекреационных услуг, наконец, рынок пригородных сельскохозяйственных товаров (то есть собственно «крестьянский рынок»). Нередко оконтуриванию, или «обарьериванию» этой зоны способствовали, как, например, в случае Москвы и Подмосковья, фактические ограничения на право жительства (режим прописки и его современные модификации).

Поэтому реальные различия между городскими и сельскими жителями ГА зачастую меньше, чем различия между сельскими жителями ГА и сельскими жителями периферийных, внеагломерационных, территорий. На этом основании представляется резонным рассматривать пригородное сельское население ГА в качестве особой — третьей — категории населения, совмещающей в себе черты и городского, и сельского населения, но и имеющей достаточно выразительную специфику.

Рассмотрим коротко эволюцию сети ГА в России, точнее, в европейской ее части. Первая российская перепись 1897 года зафиксировала в стране всего 4 крупных горо-

¹⁰ См. раздел «Пространственное развитие урбанизации» в этой главе.

¹¹ См. пример Московской агломерации в главе 4.2.

да — Санкт-Петербург, Москву, Одессу и Ригу, из них только первые два имели в своем окружении достаточно пригородных поселков, чтобы считаться агломерациями, но, с учетом сети и скоростей пригородного железнодорожного сообщения в конце XIX века, явно неудовлетворительными были бы другие формальные критерии.

Первые «истинные» ГА в СССР были выявлены лишь по данным Переписи 1926 года, зафиксировавшей уже 9 крупных городов: с точки зрения строгих критериев делимитации, первыми российскими ГА стали Московская, Ленинградская и Ростовская (в то время как Харьков с Киевом и Одессой, как и Баку с Тифлисом и Ташкентом были еще далеки от порога агломеративности).

Первые пятилетки, бум индустриализации и урбанизации не мог не отразиться и на формировании сети ГА. К сожалению, разработанность переписи 1939 года не позволила применить к ней строгую методику делимитации ГА, но на качественном уровне число ГА СССР составило на эту дату от 15 до 20. Среди них — и агломерации, расположенные в Европейской части РСФСР (по алфавиту): Горьковская, Ивановская, Куйбышевская, Ленинградская, Московская, Ростовская, Свердловская, Сталинградская, Тульская, Челябинская и Ярославская.

В годы войны не менее половины из них оказались в зоне интенсивных боевых действий. Притормозив процесс агломерирования в западных районах страны, война вместе с тем буквально форсировала этот процесс в тыловых районах, в том числе в Поволжье и на Урале, куда были эвакуированы многие предприятия и миллионы людей из оккупированных или угрожаемых оккупацией районов.

По данным переписи 1959 года было выявлено, в целом по СССР, 42 ГА, из них почти половина (20) пришлась на Европейскую часть РСФСР (см. Приложение 5). Число ГА тем самым удвоилось, причем большинство новичков пришлось на восточные районы Европейской части (лишь Воронежская и Калининская ГА в военное время располагались в зоне боевых действий). Следующая перепись (1970 года) позволила выявить уже 63 ГА. И на этот раз почти половина агломераций-новичков (10 из 21) пришлись на Европейскую часть РСФСР. За следующий межпереписной период доля агломераций-новичков из Европейской части РСФСР еще более выросла (13 из 21, причем в азиатской части РСФСР не оказалось буквально ни одного новичка).

В целом 20-летний отрезок между переписями 1959 и 1979 гг. явился наиболее изученным периодом формирования сети ГА СССР (Полян, 1988). За это время общее количество ГА увеличилось вдвое — с 42 до 84, из них число ГА-«миллионеров» — с 16 до 34. Из 84 ГА на РСФСР приходилось 50. 42 из них расположены в Европейской части.

Эти данные характеризуют сеть ГА, выделенных с помощью разработанной нами методики делимитации ГА по данным 1979 года. В них, в частности, не учтены так называемые потенциальные ГА, уже имеющие крупногородское ядро, но не отвечающие некоторым другим критериям принятой методики (например, числу городских поселений в спутниковой зоне, значению специального коэффициента развитости ГА и т. п.). К потенциальным ГА, по состоянию на 1979 год, относились Курганская, Магнитогорская, Оренбургская, Орловская,

Саранская, Сочинская и Череповецкая в Европейской части России и Комсомольская, Томская, Тюменская, Улан-Удинская, Читинская и Хабаровская в ее азиатской части.

Вместе с тем кристаллизация новых ГА наиболее вероятно именно из числа потенциальных ГА на предшествующую дату. С этой точки зрения наиболее перспективными на вхождение в число реальных ГА можно было бы считать Тюменскую, Хабаровскую и Орловскую, но все же это не более чем качественная экспертная оценка.

Поскольку применение методики делимитации ГА в ее полном объеме к данным за 1989 и 1999 гг. оказалось технически невозможным, мы вынуждены ограничиться здесь упрощенной методикой их описания, в качестве допущения которой служит условное «замораживание» на уровне 1979 г. коэффициентов развитости уже выделенных ГА и, соответственно, сети ГА. Иными словами, этой упрощенной методикой игнорируются возможные изменения в составе и людности городских поселений конкретных ГА на протяжении последних 20 лет.

Это следует учитывать при пользовании Приложением 5, где приведены простейшие сводные данные по 42 ГА Европейской России. Но прежде, чем перейти к беглому анализу содержащихся в ней данных, необходимо внести еще одну коррективу к этому приложению и к самому числу российских ГА. В этом случае она связана не с методикой делимитации ГА, а скорее с методикой ведения боевых действий российскими военными на российской земле. Фактическое число ГА должно быть сокращено еще на единицу.

В результате первой (1994–1995) и второй (1999–?) российско-чеченской войн были разрушены и тем самым стерты с расселенческой карты России не только десятки сел, но и такой выдающийся северо-кавказский центр, как Грозный, население которого даже по самым смелым прогнозам сегодня не превышает 100 тыс. чел. Какое уж там ядро высокоэффективного и интегративного агломерационного пространства, когда сам город представляет из себя скопище руин и государственные мужи просчитывают, не лучше ли перенести будущую столицу Чечни в Гудермес?!..

Костяк этой сети из 42 ГА на территории Европейской России сформировался к 1979 году, причем за 1939–1959 и 1959–1979 гг. их количество удваивалось. Весьма динамично росла и численность населения ГА: в 1959 г. она составляла 24,2 млн чел., то в 1970 г. — 37,1 млн, а в 1979 г. — 52,1 млн чел., что соответствовало 40–50-процентному приросту в эти межпереписные периоды. Позднее темпы роста агломерированного населения резко сократились (что, отчасти, связано и с упрощенной методикой его учета): к 1989 г., когда людность ГА достигла как минимум 56,9 млн чел., прирост составил около 10 %, а за 1990-е гг. 4,8-миллионный прирост сменился убылью в 1 млн чел., из которой половина — результат уничтожения Грозного и беспрецедентного выпадения Грозненской агломерации из списка ГА.

Сокращение абсолютных и относительных показателей агломерированного населения Европейской России в течение 1990-х гг. — яркий символ процесса дезинтеграции расселения, пришедшегося на это время. Динамика населения по агломерациям в 1990-х годах и внутриагломерационные изменения в кризисный период конца века подробнее рассмотрены в главе 2.6.

Наукограды

Качественный сдвиг в урбанизации проявился в возникновении городов новых типов, в частности наукоградов — городов науки и высоких технологий, находящихся в авангарде научно-технического прогресса.

Наукограды уже сыграли выдающуюся роль в становлении и развитии таких сфер, как авиастроение, освоение Космоса, электротехника и электроника, атомная энергетика. Их основа создана развитием фундаментальной науки, которая имела ряд научных центров в качестве своих плацдармов. Велика роль наукоградов и в создании «ядерного щита» страны, в разработке новых видов вооружений. С ними нужно связывать и возрождение России как великой державы, способной играть в мире роль одного из лидеров.

С распадом СССР для наукоградов наступили тяжелые времена. Оборонный заказ сократился, за его выполнение своевременно не платят, да и получаемая плата неадекватна квалификации персонала. Отношение к наукоградам властей и идеологов рыночных реформ не соответствовало ни их заслугам, ни интересам страны, ни роли, на которую способны наукограды. Правда, части из них (оборонным городам-ЗАТО) в 1992 г. предоставили налоговые льготы. Это сделало их как бы внутренними оффшорами, где фирмы, не имеющие отношения к профилю города, укрывали свои доходы (например, от подакцизного производства спирта, водки и т. п.). Лишь в ноябре 1997 г. вышел Указ Президента РФ о мерах по развитию наукоградов именно как городов науки и высоких технологий. В Обнинске был начат эксперимент по реализации предусмотренных указом и последовавшим за ним распоряжением правительства мер, обобщению и распространению опыта.

Два года назад возник «Союз развития наукоградов России», некоммерческая организация, объединившая почти 70 научных и научно-производственных центров¹². Подавляющая часть их (54) находится в Европейской России, причем $\frac{2}{3}$ в Центральной (рис. 2.4.4). Наиболее крупные территориальные группировки — Московская (29) и Уральская (10). Очевидно тяготение наукоградов к крупнейшим городам-лидерам (в европейской части — к Москве, Петербургу, Нижнему Новгороду, Екатеринбург, Челябинску; в азиатской — к Новосибирску, Красноярску).

Среди наукоградов — подмосковные центры фундаментальной науки: Дубна, Протвино, Пущино, Троицк, Черноголовка. И все 10 (в Европейской России 7) городов — участников программы ядерных вооружений во главе с Саровом и Снежинском. С разработками в области ядерной энергетике связаны Обнинск, Димитровград, Заречный (Свердловская обл.), Сосновый Бор, с космической программой — Королев, Юби-

¹² Согласно Уставу, он имеет целью «содействие объединению усилий органов местного самоуправления городов с высокой концентрацией интеллектуального и научно-технического потенциала — наукоградов и академгородков, научных, образовательных, производственных организаций и предприятий, ученых и специалистов для обеспечения устойчивого развития этих городов и поселений, формирования и реализации их роли как точек роста российской экономики на локальном, региональном и федеральном уровне на базе науки, образования и высоких технологий, содействие расширению цивилизованных интеграционных процессов России со странами ближнего и дальнего зарубежья».

лейный, Химки, Реутов, Звездный. На электронике и приборостроении специализированы Зеленоград, Фрязино, Радужный (Владимирской обл.), Лыткарино; химические производства с их научными звеньями — основа для Дзержинска, Дзержинского, Редкино, создание специальных видов вооружения — для Климовска. В число наукоградов входят все три центра с космодромами. Два из них — Мирный (космодром Плесецк) и Знаменск (Капустин Яр) — находятся в Европейской России.

Литература о наукоградах в последнее время расширилась¹³. Однако разные центры освещены в ней неравномерно. Показательно, что шесть наукоградов сохраняют номерные обозначения (в европейской части их три: Дмитров-7, Осташков-3, Пермь-6). Не завершено и формирование Союза наукоградов, пока в нем нет таких известных центров, как Сосенский, Каспийск или Глазов. Из городов при атомных электростанциях, имеющих предпосылки для развития в технополисы, представлен Сосновый Бор, но нет Курчатова, Десногорска, Нововоронежа и др. В общей сложности семейство наукоградов в Европейской России насчитывает порядка 3 млн жит. А их научный, научно-технический потенциал (в ряде наукоградов доля работников с высшим образованием достигает 90%, среди них специалисты с мировым именем), и особая социальная среда (в том числе до сих пор низка бытовая преступность). Таким образом, есть основания для надежды, что их вклад в подъем науки, техники и экономики России может быть решающим.

Пространственное развитие урбанизации

В урбанизации России на протяжении всего столетия сочетались *продолжение оказавшихся устойчивыми прежних пространственных тенденций и появление новых*. Линейно-остремительные тенденции в городском расселении заметно усилились, и в качестве осей развития продолжали использоваться транспортные магистрали. По-прежнему большое значение имели опорные центры осваиваемых территорий, сети городов охватывали все большие пространства. Вместе с тем отчетливо проявилась смена эволюционной стадии урбанизации. Новый виток центростремительных процессов (переход от точечной концентрации к ареальной) придал ключевое значение агломерациям — качественно иным, интегральным формам расселения. Качественный сдвиг произошел не только в урбанистической, но и в территориально-урбанистической структуре России.

Развитие урбанизации шло *в соответствии с географической логикой*, под влиянием территориальной дифференциации природных, исторических, экономических, национально-демографических, культурных условий. Эта логика проявлялась всегда, независимо от общественного строя, который на протяжении XX века в России менялся дважды. Будучи страной огромных пространств (Европейская Россия по площади примерно равна зарубежной Европе с десятками ее государств), она использовала урбанизацию, наряду с магистрализацией транспорта, как средство преодоления пространства.

¹³ Весьма информативна книга А. К. Круглова (1998), обстоятельно характеризующая становление и развитие атомной промышленности страны, работы М. И. Кузнецова о наукоградах Московской области.

В распределении по территории больших городов, в формировании на их основе крупных городских агломераций это выразилось очень сильно. Центры и агломерации, где экономические, культурные и иные связи концентрируются в ограниченных по размерам ареалах, особенно уместны для России, так как служат средством сжатия территории, экономии времени, сил и средств на осуществление связей. Большие города демонстрируют как приверженность «правилу пространственного ритма», известной регулярности размещения, так и стремление сблизиться друг с другом для удобства взаимодействия. Будучи главными фокусами связей, они, в целях минимизации последних, стремятся образовать сравнительно компактные сети (особенно в обширных странах).

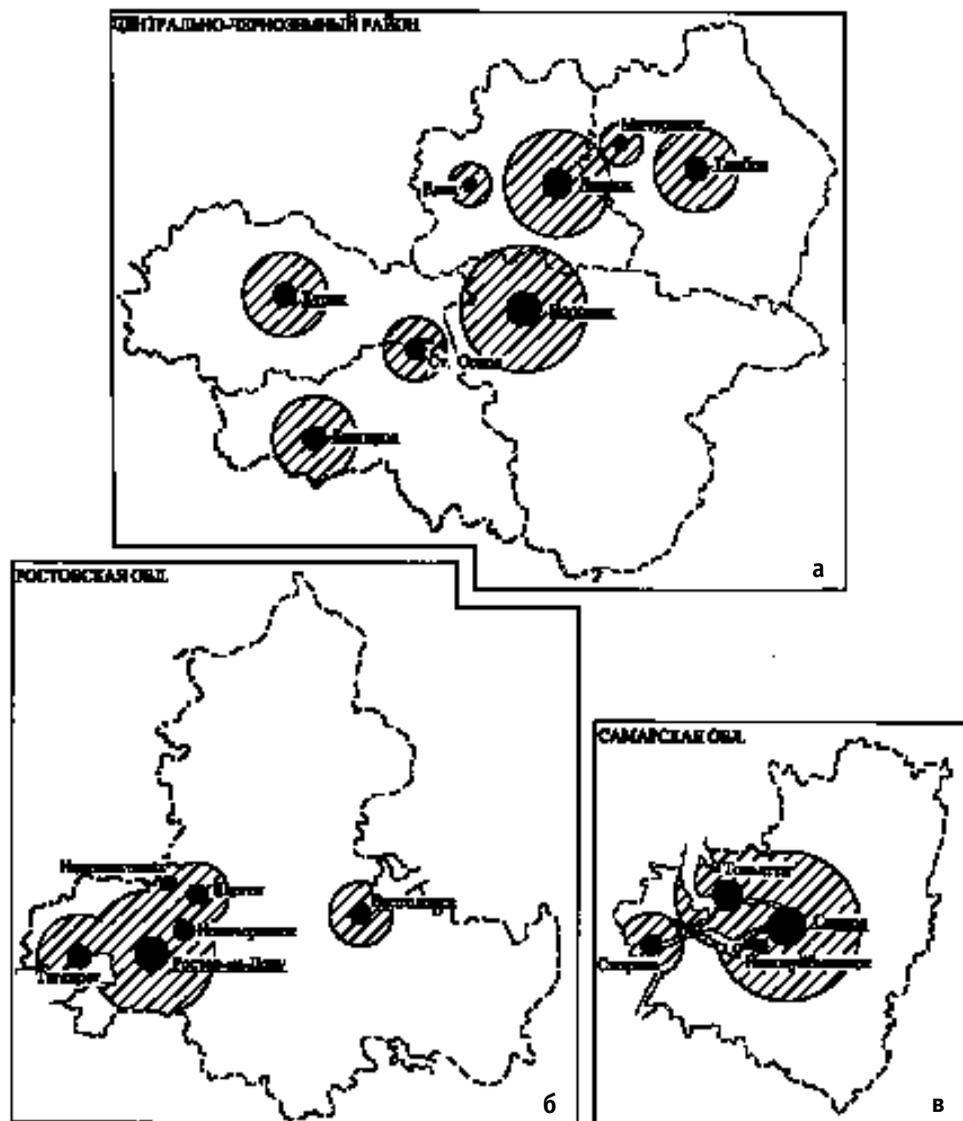
Это явление, которое П. Хаггет (1968) назвал *имплозией*, заметно на разных уровнях — от всей страны до отдельных регионов. По подсчетам О. К. Кудрявцева (1985, с. 68–69), среднее фактическое расстояние между ближайшими большими и между крупнейшими городами СССР (287 и 707 км) составляло 54% от теоретических, предполагающих равномерное размещение этих центров по территории. Учет только ее заселенной половины уменьшает теоретические дистанции, но фактические расстояния все равно меньше. В России среднее расстояние ближайшего соседства между городами людностью от 0,5 млн жителей — около 270 км, или 38% от теоретического, рассчитанного для всей территории, и 56% для заселенной зоны. Такое же соотношение и в Европейской России. Получается почти двойная экономия расстояний на имплозии крупных городов.

Показательно, что она имеет место и там, где нет особых природных контрастов, например в Центрально-Черноземном районе (**рис. 2.4.5а**), а также свойственна некоторым полицентрическим регионам с несколькими большими городами (**рис. 2.4.5б и в**). Формирование их сгустков ухудшает обслуженность остальной территории, но улучшает взаимодействие между ними самими, что дает общеэкономический эффект. Это явление может рассматриваться как одна из форм экономического сжатия пространства.

Эти две противоположные тенденции — к равномерному распределению по территории и к пространственной концентрации, сулящей экономические и социальные выгоды, — соединились в реальном расселении, проявившись в *равномерной неравномерности* (в немецкой литературе распространен термин «концентрированная децентрализация»).

На взаимосвязи двух сопряженных тенденций — центростремительной (развитие больших городов и городских агломераций) и линейностремительной (развитие магистралей и полимагистралей, а шире — коридоров развития) — сложился *опорный каркас расселения* (**рис. 2.4.6**). Он явился средством территориально-хозяйственной и территориально-культурной интеграции, механизмом межрайонного взаимодействия. Наряду с агломерированием и имплозией больших городов опорный каркас обеспечивает экономическое сжатие территории, формирование единого политического, экономического, культурного, научного, информационного пространства.

Рис. 2.4.5. Сближенность больших городов в некоторых регионах:
Центрально-Черноземный район, Ростовская область, Самарская область

С XVII в. и до революции сеть городов активнее формировалось по краям империи. Эта тенденция сменилась *континентализацией*. В известной мере в стране продолжалась урбанизация по периметру, о чем свидетельствует развитие Мурманска, Архангельска, Северодвинска, Новороссийска, Сочи, Махачкалы, Каспийска. Но рост глубинных центров по стратегическим причинам был более значимым. **Табл. 2.4.3.** показывает, что центры РФ и СССР далеки от морей, и эта удаленность выросла почти втрое. Средняя дистанция от всех рубежей меньше. По отношению к условному радиусу территории России (мера внутренних расстояний) она близка к показателям Индии и Китая, но больше, чем в странах Америки. А вот в Германии, чья площадь и типичные дистанции скромны, относительное тяготение центров вовнутрь страны, напротив, выражено сильнее.

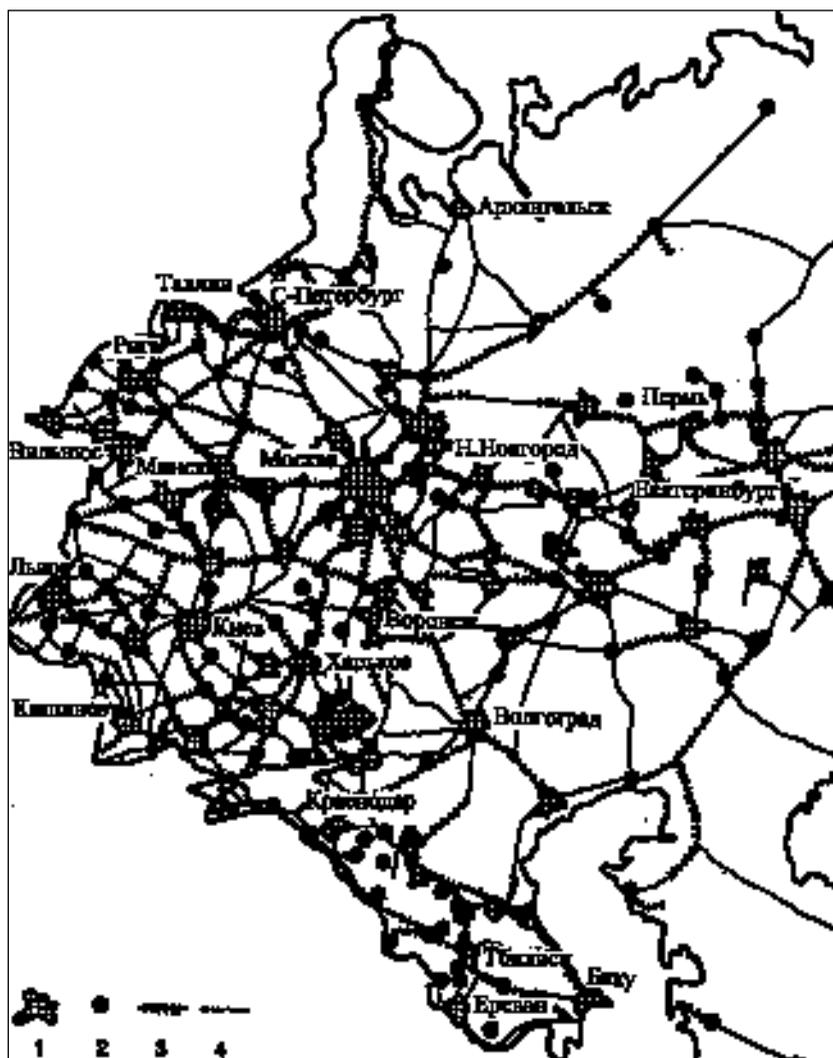
В России примечательна концентрация крупнейших городов в Урало-Поволжье, срединном поясе, связавшем староосвоенную европейскую зону с районами более позднего и совсем недавнего освоения за Уралом. Здесь расположена четверть больших и половина городов-миллионеров России (7 из 13), треть городов-ЗАТО. Здесь выше всего доля населения, живущего в городах размером свыше 500 тыс. жителей. Стремительно выросли самые крупные из послевоенных новых городов, автомобильные столицы Тольятти и Набережные Челны. Урбанизация усилила скрепляющую роль Урало-Поволжья в территориальном устройстве России как евразийской державы. Оно широким

Таблица 2.4.3. Средние взвешенные на людность городов расстояния от 20 крупнейших городов до морских побережий и внешних рубежей в ряде стран мира

Страны и годы	Средние кратчайшие расстояния		
	до моря	до морской или сухопутной границы страны	
	в км	в км	в % к приведенному радиусу*
Российская Федерация, 1989	733	293	12,6
СССР, 1989	718	312	11,7
Российская империя, 1897	275	256	9,6
Германия, 1991	214	74	22,0
США, 1990	213	83	4,8
Канада, 1985	428	93	5,2
Бразилия, 1985	120	94	5,7
Индия, 1985	267	125	12,2
Китай, 1985	262	222	12,8

* Приведенный радиус — это радиус круга с площадью, равной площади данной страны. Расчеты А. И. Трейвиша.

Рис. 2.4.6. Демоэкономический каркас Европейской территории бывшего СССР (автор А. И. Тревиш)

1 — крупные городские и промышленные агломерации, 2 — большие города и значительные промышленные узлы, 3 — основные полимагистрали, 4 — прочие полимагистрали

фронтом сочленяет Запад и Восток России, связывает ее северные и южные районы. Это одна из «колониционных баз», о которых В. П. писал еще во время Первой мировой войны (В. П. Семенов-Тянь-Шанский, 1915, с. 425–458).

Кардинальные сдвиги в расселения привели к его *центростремительному сжатию*. Прежде достаточно равномерно распределенная по территории сеть городов утратила эту черту из-за формирования агломераций. По выражению Ж. А. Зайончковской, расселение стало пятнистым. «Пятна» соединялись набиравшими силу цепочками городов. Ареалы, концентрирующие основную часть городского и примерно треть сельского населения, соединительные цепи, а местами сплошные урбанизированные полосы определяют общую картину расселения в России в конце XX века.

В пределах Европейской России асимметрия расселения по направлениям Север—Юг и Запад—Восток урбанизационными процессами была несколько ослаблена, зато асимметрия типа центр — периферия на уровне крупных районов и регионов резко усилилась. Правда, есть и тенденция формирования «вторых городов», полицентрических сетей. Однако, во-первых, они не повсеместны (полноценные «вторые города» сформировались в 12 регионах, а в 7 существовали и ранее); во-вторых, по силе своего проявления они значительно уступали центростремительным процессам.

Сначала эти процессы определяли быстрый рост городов-центров. Позже их рост сопровождался развитием и ростом спутников, городских и сельских. *Насыщение ими зоны тяготения к городу-центру* усиливает его потенциал и отражает контактность центра с территорией, что особенно важно для столицы. Подобная насыщенность также может служить показателем конкурентоспособности города при обсуждении и решении вопроса о выборе или переносе столицы, а он в России имеет длинную историю.

Еще декабристы предлагали на эту роль Нижний Новгород. В Великую Отечественную войну основным дублером Москвы была Самара (тогда Куйбышев). После распада СССР, когда новые государственные границы приблизились к Москве на западе и ее положение по отношению к территории страны стало еще более эксцентричным, а также по мере роста неприязненности российской периферии к Москве, вопрос опять приобрел остроту¹⁴. А коли так, он требует внимания. Сперва сделаем два общих замечания. Во-первых, учтем, что перенос — дело очень дорогостоящее, и свежий опыт Германии это подтверждает. Во-вторых, на свете есть десятки крупных государств со столицей на самом краю. Да и Россия двести лет жила со столицей в Петербурге, расположенной в углу империи.

Что касается выбора, то он осуществляется из числа конкурентов путем сопоставления их преимуществ и недостатков. Здесь очень важен *коммуникационный аспект*. Столицей должен быть город, которому *удобно осуществлять связи со страной*. Его доступность для возможно большего числа городов и районов имеет огромное значе-

¹⁴ Вот пример прогнозного суждения: «Придет время, когда Москва утратит свое „срединное“ значение, станет недостаточной в геополитическом смысле, слишком „западной“. И тогда вопрос о Новой Столице в Сибири получит не просто общегосударственное, но общекионтинентальное, общемировое значение» (Дугин, 1999б, с. 928).

ние, и важнее не сами расстояния, а затраты времени на их преодоление. Очевидно, что в этом отношении Москва оснащена наилучшим образом. Колоссальная централизация административной и хозяйственной жизни в России и СССР дает действующей столице и колоссальные инфраструктурные преимущества. Ее разветвленный транспортный узел (13 автомагистралей, 11 железнодорожных, 4 основных гражданских аэропорта, порт пяти морей) не имеет равных в стране. Это делает связи Москвы со странами и регионами наиболее удобными, эффективными и надежными.

Важен и расселенческий аспект. Москва находится в центре главного в России ареала концентрации городов, а значит и экономики, науки, техники, образования, культуры, в центре ареала с колоссальным человеческим потенциалом. В радиусе 500 км вокруг Москвы, на 735 тыс. кв. км (18% территории Европейской России), собрано 320 городов (немногим менее 30% всех городов страны). Ни один из потенциальных претендентов на столичную роль не имеет сколько-нибудь близких показателей. И пока ситуация не изменится, чего в обозримом будущем не предвидится, серьезных конкурентов у Москвы быть не может.

Вместе с тем повторим: города, созданные и выросшие в ходе урбанизации, сильно изменили территориальную организацию страны. И хотя они не свободны от недостатков, но в совокупности обладают мощным потенциалом и в состоянии стать точками роста, так необходимыми современной России.

Новейшие тенденции в расселении (1989–1998)

Начало реформ породило надежды на то, что слом командно-административной системы, устранение ведомственных барьеров, развитие местного самоуправления, рынка и другие процессы, связанные с демократическими преобразованиями, придадут городам и их системам новые импульсы к саморазвитию и большую свободу. Многие полагали, что цена на землю приобретет значение регулятора, способствуя более рациональному использованию ценной городской и пригородной территории, естественной перестройке функциональной структуры городов, освобождая большие города от несвойственных их рангу производств и увеличивая эффект агломераций.

Какие-то сдвиги в этих направлениях действительно происходят, но весьма выборочно и в скромных размерах. Общие тенденции вызывают тревогу, свидетельствуя о том, что надежды на быстрые прогрессивные преобразования не оправдались. Эволюция расселения, которая на протяжении всего XX века демонстрировала удивительную способность пробивать себе дорогу сквозь всяческие потрясения, сейчас подвергается новым испытаниям. Длительный спад экономики бьет по народнохозяйственному потенциалу множества городов, разваливает их социальную сферу. Расслоение общества, нарастающие контрасты в положении самых богатых и самых бедных так же чреваты социальными взрывами. Обнищание и социальная патология (прежде всего рост преступности) отбрасывают страну в прошлое. Над Россией нависла угроза деградации, демодернизации.

Многие новые тенденции, начиная с 1992 г., стали отрицанием прежних, казавшихся долговременными и устойчивыми. Наступил перелом в динамике городского и сельского населения: рост численности горожан сменился спадом, а сельское население после долгого сокращения стало увеличиваться. Правда, определенную роль в этом сыграла своего рода «административная рурализация» (выражение А. Алексева и Н. Зубаревич): за 1991–98 гг. в Европейской России в сельские населенные пункты было преобразовано 168 пгт с общим числом жителей почти 620 тыс. чел.

Прежний приоритетный рост больших городов сменился неустойчивой динамикой их людности. В целом можно сказать, что их рост прекратился. Если в прошлом они неуклонно поднимались вверх по иерархической лестнице, то теперь могут и опускаться по ней вниз. В частности, вообще из числа больших выпали: Воркута, Жуковский, Кирово-Чепецк и Кузнецк. Накопленный десятилетиями многогранный потенциал больших городов недоиспользуется и даже сокращается в своих наиважнейших составляющих — науке, культуре, проектно-конструкторской деятельности.

Затормозились агломерационные процессы, причем на довольно низких отметках. Доля спутников в общей численности населения крупных агломераций России составляет примерно 30%. Это в два раза ниже, чем в метрополитенских ареалах США.

Хотя общее число городов Европейской России продолжает расти, заметно снизилась интенсивность их образования. В последние годы образование новых городов чаще бывало следствием инерции процессов предшествующего периода. В 1994 г. произошла легализация городов — закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). С 1995 г. они появились в статистических справочниках, хотя возникли десятилетия назад; самые старые — сразу же по окончании Великой Отечественной войны и с началом войны холодной. Сходит на нет и образование новых пгт, которые обычно поставляли «кандидатов в города» (табл. 2.4.4).

Совершенно новое явление — преобразование пгт в сельские поселения, начиная с 1991 г. ставшее рутинным (табл. 2.4.5). Причины тут неоднозначны. Видимо, сказались льготы для жителей сельской местности и надежды на получение земельных наделов. Обращает на себя внимание неравномерность процесса. Одни субъекты РФ им почти не затронуты, в других он приобрел необычайный размах. Так, в Карелии число пгт за последние семь лет сократилось в 4 раза, а в Усть-Ордынском автономном округе после соответствующих преобразований 1992 г. не осталось ни одного городского поселения, не исключая и административный центр. Размеры поселка на решение о его преобразовании в сельское поселение не влияли. Даже крупные пгт с людностью, позволявшей им получить статус города, к тому же районные центры, тоже становились селами. Например, в 1992–1993 гг. в Ростовской области стали селами пгт Багаевский (14,1 тыс. жит.), Зимовники (16,7), Орловский (17,8), Матвеев Курган (14,1 тыс. жит.), в 1997 г. — пгт Холмский (17,5) в Краснодарском крае.

Произошло расслоение городов на «фаворитов» и «неудачников»¹⁵. Первых меньше, большинству трудно адаптироваться к переменам, и они просто выжидают, не проявляя активности и способности влиять на события. В особенно трудном положении оказались

¹⁵ См. главу 2.7.

Таблица 2.4.4. Образование городов и поселков городского типа в Европейской России в 1989–1998 гг.

Годы	Города		Поселки городского типа	
	Число новых городов	Численность их населения в год образования, тыс. чел.	Число пгт	Численность населения (тыс. чел.)
1989	4	120,1	12	50,7
1990	5	93,6	7	31,8
1991	5	84,4	4	20,0
1992	1	17,5	6	27,7
1993	1	15,9	–	–
1994	1 + 14*	17,7 + 619,9*	3 + 11*	8,8 + 97,7*
1995	–	–	3 + 1*	13,5 + 2,5*
1996	2	26,6	–	–
1997	1	22,8	2	2,8
1998	4	94,9	1	1,2
1989–1998	24 + 14*	493,5 + 619,9*	38 + 12*	156,5 + 100,2*

*ЗАТО

Таблица 2.4.5. Преобразование поселков городского типа в Европейской России в сельские населенные пункты (1991–1998 гг.)*

Годы	Число	Численность населения (тыс. чел.)
1991	21	92,5
1992	41	220,6
1993	10	51,0
1994	32	64,1
1995	20	66,6
1996	12	37,1
1997	18	55,9
1998	14	30,8
1991–1998	168	618,6

* В 1989–1990 гг. в Европейской России подобных преобразований не происходило.

две многочисленные категории. Первая — города глубинки, удаленные от крупных центров и магистралей. Их упадок связан и с развалом обслуживаемого сельского хозяйства. Вторая категория — монофункциональные промышленные центры: текстильные, угольные, горнорудные. Узкая специализация «городка одного завода» отнимает у него свободу экономического маневра. Остановка предприятия-кормильца лишает работников зарплаты, а городской бюджет налоговых поступлений. Реформаторы не учли обилия таких городов как важную особенность российской действительности. А ведь для них социальные последствия экономического спада были просто губительны.

В лучшем положении большие многофункциональные города. Многообразие функций, концентрация предприимчивых людей, выгоды географического положения, свойства среды сыграли положительную роль, снабдив эти города наилучшими (по сравнению с другими) стартовыми возможностями. Тут и произошли наиболее заметные изменения, особенно в непроизводственной сфере, включая высшее образование (возникновение новых типов негосударственных вузов и др.), издательскую деятельность и вообще сферу информации, различные услуги. Большие города оказались привлекательными и для инвестиций, в том числе зарубежных. Вместе со своими спутниками, среди которых немало наукоградов, они могут сыграть роль локомотивов, которые сообщи вытащат страну из экономической пропасти.

Незавершенность урбанизации в Европейской России

Урбанизация в Европейской России и тем более во всей России не завершена. Процессы переходного периода остановили ее на полдороге (см. главу 2.6). По-прежнему страна испытывает дефицит городов, в том числе больших, способных стать лидерами отраслевого и регионального развития. Многим еще нужно привести свою градообразующую базу в соответствие новым условиям, сделать ее более разнообразной, развить рыночную инфраструктуру, полнее используя выгоды географического положения, улучшить городскую среду, поднять уровень жизни обитателей и сделать их истинными горожанами.

Незавершенность урбанизации проявляется и в состоянии опорного каркаса — как его транспортной, так и урбанистической составляющих. После распада Советского Союза стало целесообразным усиление транспортных магистралей от Москвы на Северный Кавказ через Воронеж. Давно ощущается потребность в создании удобной прямой железнодорожной связи между Европейским Севером и Уралом. Транспортный каркас также улучшат создание прямого выхода на запад из Центрального Черноземья, завершение Заволжской рокады и Предуральской рокады. Возникла потребность в сооружении новых портовых комплексов на Балтике, Черном и Азовском морях, на Северном Ледовитом океане.

Дальнейшее освоение ресурсов Европейского Севера (Кольский и Тимано-Печерский регионы, арктический шельф) выдвигает проблему рационализации урбанистического каркаса. Нежелательность создания крупных поселений у мест добычи полезных иско-

паемых в экстремальных природных условиях заставляет прорабатывать идею развития городов — плацдармов освоения и мест переработки северного сырья, расположенных на подступах к собственно сырьевой зоне. Полоса таких плацдармов может сформироваться по линии Петрозаводск — Вологда — Котлас — Сыктывкар — Соликамск.

При развитии урбанистического каркаса следует думать об ослаблении негативных последствий центростремительности, приведшей к господству моноцентризма во многих регионах. Раньше областей, где издавна существовал «второй город», было 7–8 (Псковская, Ивановская, Ярославская, Тамбовская и ряд других). К настоящему времени формирование «второго города» дало значительные результаты в более чем десяти регионах (Набережные Челны в Татарстане, Дмитровград в Ульяновской области, Старый Оскол в Белгородской, Новомосковск в Тульской). В других появились кандидаты на эту роль (в Архангельской области — Котлас, в Брянской — Клинцы, в Курганской — Шадринск, в Воронежской — Борисоглебск, в Чечне — Гудермес). Примечательно, что в качестве подобных кандидатов нередко выступают города-новостройки.

Урбанизация как средство создания полноценной городской среды и рационального территориального устройства России необходима. Направления ее дальнейшего развития обусловлены потребностями страны и соответствуют географической логике. Однако условия коренным образом изменились (см. главу 2.6). Если раньше урбанизация без затруднений удовлетворяла свои потребности в людских ресурсах, поскольку в России существовал демографический достаток, то потом пришло время остро демографического дефицита. В частности, сельская местность, долго поставлявшая население в растущие города, делать это в прежних масштабах уже не в состоянии.

Отсюда следует непреложный вывод: *развитие урбанизации, трансформация городов могут осуществляться лишь на высококачественной основе*. Только высокие технологии на производстве, прогрессивная функциональная структура городов, эффективные системы расселения, полноценная городская среда и — самое главное — *высокое качество самого населения — человеческий потенциал* — обеспечат успешное решение этой задачи.

2.5. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРБАНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 100 ЛЕТ

Основные этапы и результаты урбанизации

Быстрая урбанизация XX века на территории современной Европейской России (в составе сначала Российской империи, а затем СССР) затронула в большей или меньшей степени каждый из регионов. Конечно, она не была равномерной, на ее ход во времени и в пространстве влияли различные демографические, экономические и политические факторы.

Можно выделить следующие основные этапы этого процесса:

1. В конце XIX — начале XX вв. сельское население превышало городское. В 1897 г. численность горожан и селян соотносились как 12 и 88%, а в 1926 г. — как 18 и 82%. Урбанизационные тенденции набирали темп, но Первая мировая и Гражданская войны не дали им проявиться в полной мере.

2. Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. начался резкий рост как абсолютной численности, так и доли городского населения (в 1939 г. последняя составила уже 34%). Основной причиной явилась проводимая в то время политика форсированной индустриализации, вызвавшая значительный приток мигрантов в города.

3. В военное время рост городского населения замедлился, но его доля продолжала увеличиваться быстрыми темпами за счет убыли сельского. Такая динамика сохранялась и в первые пять лет после войны. До 1951 г. число сельских жителей падало быстрее, чем росло в городах, что привело к снижению общей численности населения Европейской России.

4. В начале 1950-х гг. убыль сельского населения уменьшилась, и демографический баланс населения страны вновь стал положительным. Процент городского населения продолжал расти, но темпы этого роста уменьшились: до середины 1950-х годов они составляли примерно 1% в год, а затем — 0,3–0,5%.

5. В 1958 г. в России и в ее европейской части был зафиксирован так называемый *урбанизационный переход*¹ — доля городского населения перешагнула через порог в 50%; в Советском Союзе в целом это произошло спустя три года. Приблизительно с то-

¹ Строго говоря, общепринятого термина для его обозначения не существует. Обычно просто говорится о «переходе значения доли городского населения через отметку 50%». Для удобства позволим себе пользоваться термином «урбанизационный переход» (без прямой аналогии с демографическим).

го же времени темпы прироста данного параметра вновь вернулись на прежний уровень — 1% в год. В дальнейшем (1960–80-е гг.) наблюдался плавный, близкий к линейному рост численности и доли городского населения — примерно на 1–1,5% ежегодно. Некая «осечка» произошла в 1972 г., когда доля городского населения впервые за послевоенный период сократилась по сравнению с предыдущим годом. Однако это незначительное (на 0,5%) снижение оказалось разовым и на общий тренд не повлияло.

6. В течение 1980-х годов рост доли горожан продолжался, но его темпы в очередной раз снизились до 0,5% в год. По аналогичному сценарию росла и абсолютная численность.

7. С начала 1990-х гг. число горожан стабилизировалось и менялось уже мало. Лишь в конце периода обнаружилась слабая тенденция к снижению этого параметра. Остановился и рост доли городского населения: в 1993 году она достигла 73,6% и к 1999 г. практически осталась неизменной (73,5%).

Тренды изменения доли городского населения в отдельных регионах, разумеется, не всегда совпадали со средним, хотя общая канва — быстрый рост, его замедление, стагнация — сохранялась почти везде. Различия носили количественный характер и касались времени начала урбанизации, ее темпов и уровней, достигнутых на разных этапах. Эти параметры взаимосвязаны. Как отмечает Ж. А. Зайончковская (1999), с конца 1930-х гг. в стране обычно имела место четкая обратная зависимость между достигнутым уровнем урбанизации и ее темпами: чем ниже доля городского населения, тем быстрее ее прирост, и наоборот. Урбанизация замедлялась с приближением к пределу, к стадии некоего насыщения. Но значит ли это, что она стирала различия между регионами, что ее аутсайдеры, повторяя путь лидеров с ускорением, приближались к лидерам?

Прежде всего отметим, что понятие уровня урбанизации, или урбанизированности, многогранно и часто трактуется по-разному. Для его оценки предлагались комплексные показатели, учитывающие такие параметры, как доля горожан, доля крупных городов в структуре поселений, людность этих центров, площадь региона и т. д. Их набор и сочетание зависит от расчетных методик, различающих «урбанизированность населения» и «урбанизированность территории» (Полян, 1980). Бытует и упрощенное, узкое толкование урбанизированности как синонима доли городского населения. У него свои минусы, но как первое приближение оно тоже приемлемо и в этом качестве используется в этой главе.

Общее представление о вековых сдвигах в урбанизированности европейских регионов Российской империи, СССР и его наследников дают карты (рис. 2.5.1–2.5.3)², на которых показаны доля горожан и население больших городов в 1897, 1951 и 1997 гг. К городам конца XIX века добавлены «истинные» города В. П. Семенова-Тян-Шанского с иным статусом³, что делает городское население более сопоставимым с данными на другие даты, включающими жителей поселков городского типа. Нижний порог для больших городов принят не постоянным, а переменным, привязанным к среднему размеру городов

² Автор карт А. И. Трейвиш.

³ См. главы 2.1–2.3.

Рис. 2.5.1. Урбанизированность регионов европейской части Российской империи (без Польши и Финляндии) в 1897 г.

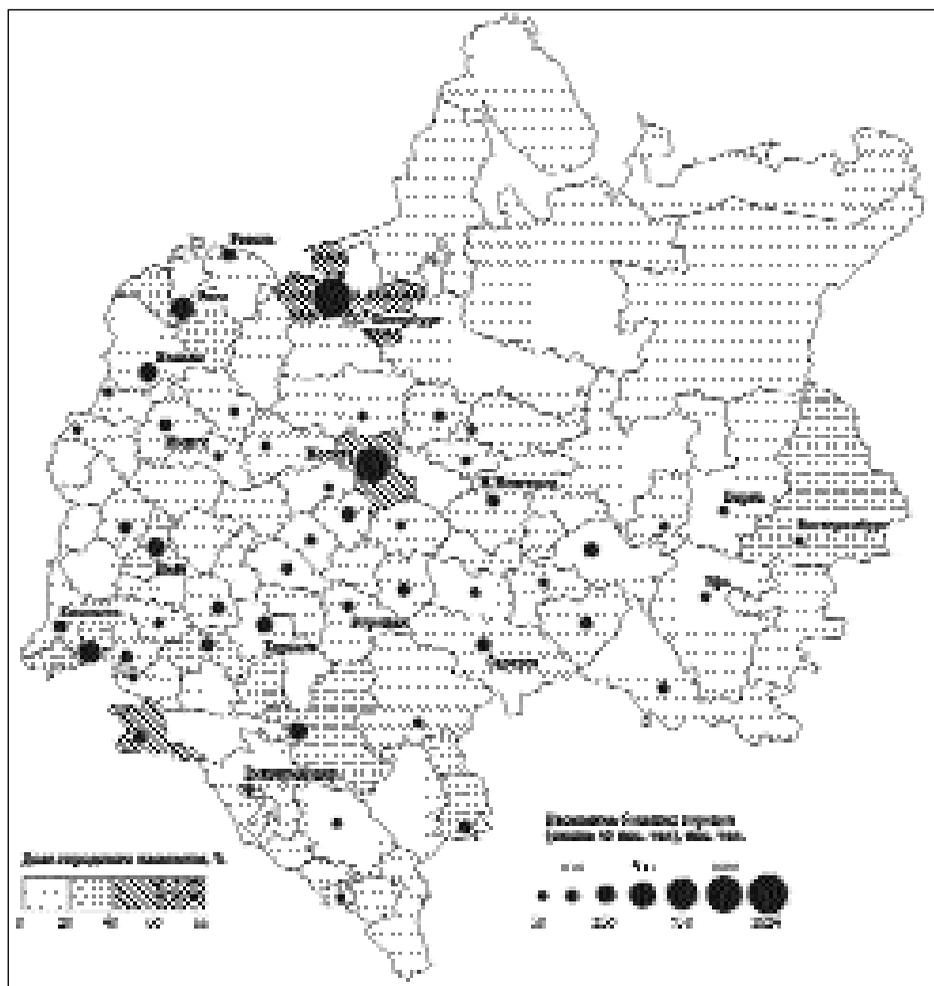

Рис. 2.5.2. Урбанизированность регионов европейской части СССР в 1951 г.

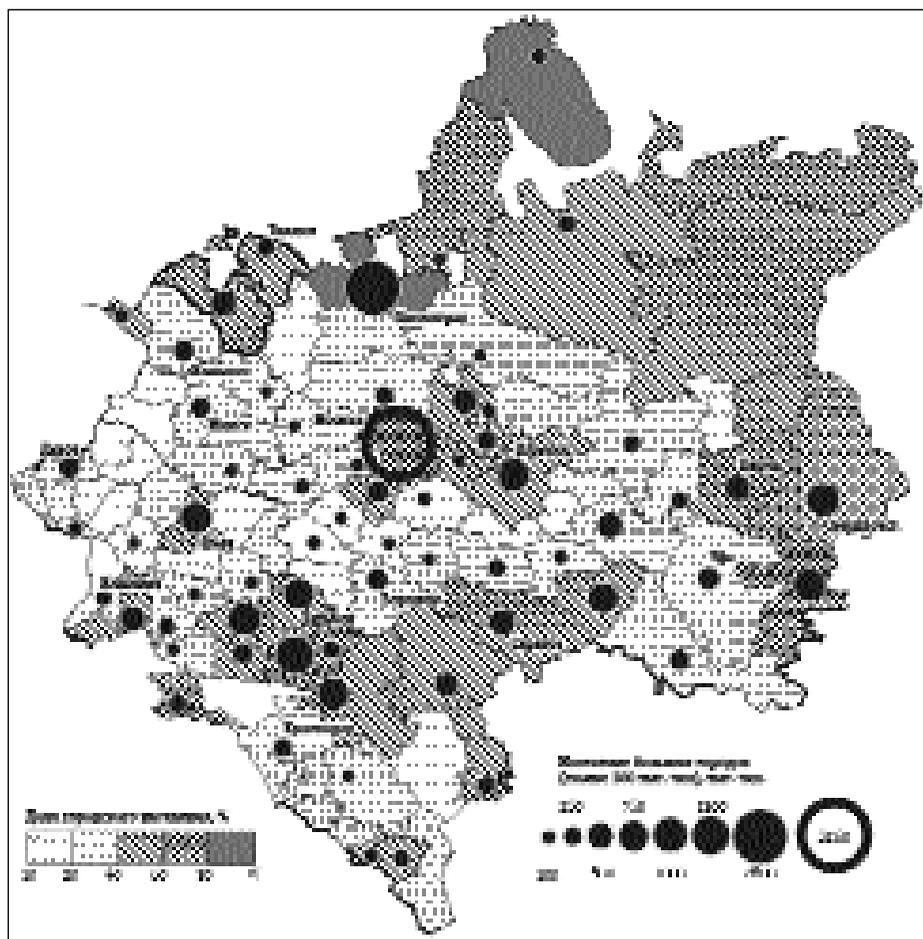
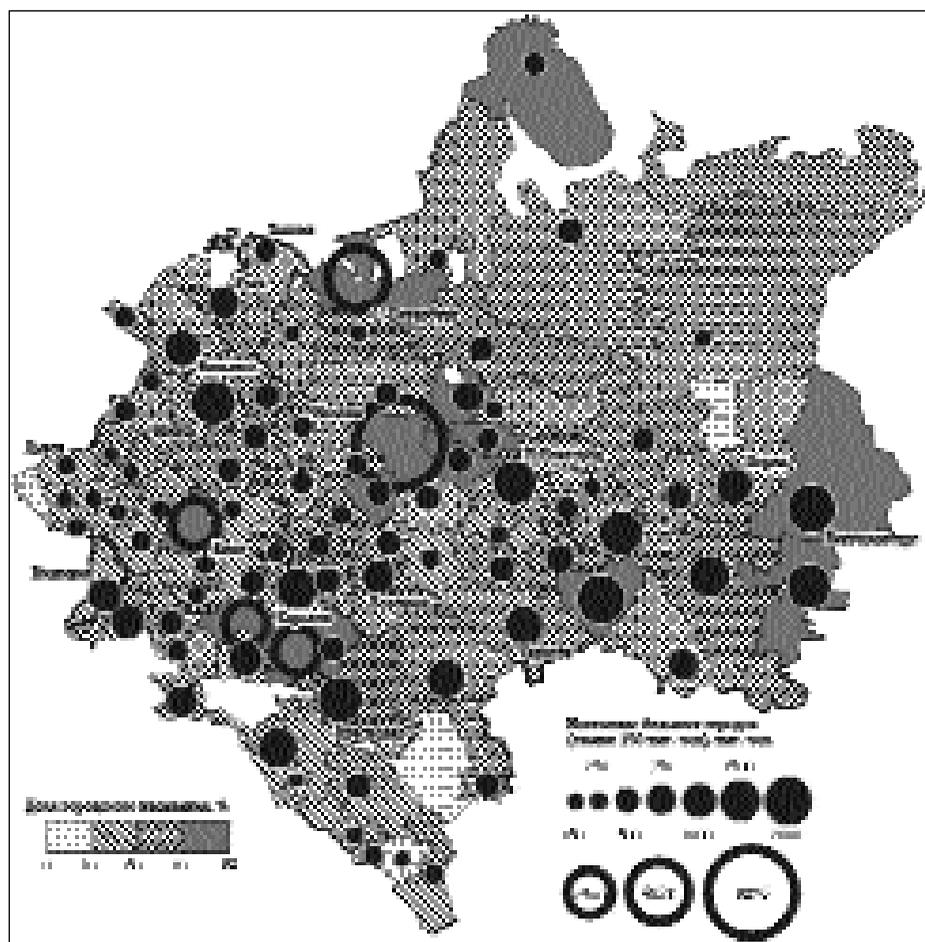

Рис. 2.5.3. Урбанизированность регионов европейской части России и постсоветских государств в 1997 г.

страны⁴. Регионы — республики, области, края и др. — имеют современные границы, за исключением Чечено-Ингушетии, взятой в ее прежнем единстве; столичные Ленинградский, Московский, Минский и Киевский регионы объединены с их центрами.

В 1897 г. по доле горожан (около $\frac{2}{3}$) и населению больших городов резко выделялся столичный Петербургский регион. Следом за ним шел, конечно, Московский со вторым и последним в империи городом-миллионером. Имея немногим меньше горожан, он все же сильно уступал первому по урбанизированности (47–48%). Вокруг простирался обширный пояс с ее весьма низкими значениями; в 27 регионах из 86 доля городских жителей не достигала и 10%. На этом фоне выделялись некоторые окраины: западные (будущая Латвия и Киевский регион), восточные (Свердловская область) и южная полоса Новороссии, где не очень давняя урбанизация сразу создала такие значительные города, как Одесса и Ростов-на-Дону. В примыкающей к этой полосе Харьковской области (как, кстати говоря, в Ивановской и в Эстонии) доля горожан подходила к рубежу в 20%, а в Крыму превысила 40%, и он был третьим регионом по этому признаку.

В середине века первым по численности горожан и жителей больших городов стал Московский регион; к нему примкнул ряд старопромышленных областей, становившихся городскими. Однако по доле городского населения лидировали Ленинградская и Мурманская области (85–87%). Возникла новая северная зона урбанизации с высокими удельными, но весьма скромными абсолютными параметрами. Расширились другие очаги, особенно Уральский и Донецкий; между ними по Волге протянулась некая соединительная полоса с долей горожан выше 40%, доходившая тогда до Куйбышева. На западе успехи урбанизации куда скромнее. Там находилась половина регионов, где горожане не составляли 20% населения, и тех, где не было больших городов-стотысячников — отчасти из-за военных потерь и разрушений, сильно задержавших рост городов в недавних прифронтовых и оккупированных зонах.

В 1997 г. доля городского населения в 64 регионах (из 91) превысила 60%, осталось всего пять случаев отсутствия больших городов. На фоне такой экспансии урбанизации пока что различимы ее старые очаги (Московский с окружением, Мурманский, Ленинградский, Киевский, Восточно-Украинский, Уральский) и более молодой Самарский. Заметно отстают отдельные «слабые» регионы России (вроде Коми-Пермяцкого округа), ее юг (Кавказ, Калмыкия), половина Украины и Молдова, сохранившие сельский характер; в четырех из них доля горожан, притом уже не растущая, осталась ниже 40%. Распределение жителей больших городов не просто уплотнилось. По сравнению с 1897 г. явно упала роль западных «ворот» (Петербурга, Риги, Одессы), усилились столичные и промышленные регионы. Тем не менее на карте видна большая западная дуга, идущая от Петербурга через Прибалтику, Минск и Киев на юг Украины и России. Оттуда на северо-восток, к Вол-

⁴ В 1897 г. последний составлял 21 тыс. человек, а большой город, по классификации В. П., начинался с 40 тысяч. К концу 1950-х гг. средний советский город насчитывал 49 (российский — 59) тыс. человек, и большими считались города людностью более 100 тыс., т. е. опять же те, что были почти вдвое крупнее. К моменту распада СССР его города имели в среднем 76, а города РСФСР — свыше 90 тыс. жителей; в дальнейшем у западных республик эта цифра немного снизилась (в России к 1999 г. до 87 тыс.). В связи с этим в качестве минимального размера больших городов взяты: 40 тыс. человек в 1897 г., 100 тыс. в 1951 г. и 150 тыс. в 1997 году.

ге и Уралу, тянется другая. Еще две полоски связывают их с центральноросийским очагом: от Москвы на юг, к Донбассу и Ростову, и от нее же на восток вдоль Волги. А вот между столицами России по-прежнему присутствует зона своеобразного провала.

За столетие урбанизация не раз меняла расстановку сил, разрушала одни и создавала другие мегаструктуры, пусть не особенно устойчивые. А некоторые исходные региональные контрасты видны и теперь. Их можно измерить и с помощью стандартных коэффициентов вариации. Тогда получится, что вариация доли горожан на рассмотренной территории в середине XX века по сравнению с концом XIX выросла, а к 1997 г. резко, в несколько раз, упала, то есть урбанизация сперва поляризовала регионы по этому параметру, а затем стирала различия. Что касается населения больших городов, то контрасты продолжали нарастать и во второй половине столетия, хотя гораздо медленнее, чем в первой.

Трех лет явно недостаточно, чтобы выявить региональную специфику урбанизации. Следует проследить ее траектории (тренды) детальнее, с учетом прохождения характерных для этого процесса переломных точек, типичности или нетипичности урбанизационного поведения разных регионов и их групп на тех или иных этапах.

Типы урбанизации регионов Европейской России

Для сопоставления региональных трендов урбанизации особенно важна синхронность либо асинхронность урбанизационного перехода — одного из ключевых моментов процесса. Регионы, ставшие «городскими» одновременно, и потом, как правило, отличались сходной динамикой урбанизации. Именно этот признак, т. е. время упомянутого перехода, уместно положить в основу соответствующей типологии регионов современной Европейской России. Дополнительными, уточняющими места регионов и их групп внутри основных типов, будут урбанизированность в начале 1950-х гг. (как некий отправной, условно «начальный» результат) и в конце 1990-х (как максимальное достигнутое значение). Акцентирование внимания на этом отрезке объясняется тем, что урбанизационный переход у большинства регионов произошел именно во второй половине века. Впрочем, в тех случаях, когда это необходимо, можно рассмотреть и более ранние события.

Распределение регионов по времени урбанизационного перехода приведено в **табл. 2.5.1**. Теперь обратимся непосредственно к характеристике урбанизационных типов и их основных представителей (см. также карту и график, **рис. 2.5.4–2.5.5**).

1. Регионы с ранним урбанизационным переходом (до 1941 г.)

Первый тип составили самые урбанизированные регионы Европейской России, где процесс успел набрать значительные обороты и городское население превысило сельское еще в первой трети века или, во всяком случае, до Великой Отечественной войны. В начале 1950-х гг. их урбанизированность была максимальной (в среднем более 75%), после чего темпы ее роста закономерно уменьшались.

Табл. 2.5.1. Время урбанизационного перехода в регионах Европейской России

N п/п	Год(ы) урбанизационного перехода	Регионы
1	Не позднее 1897 г.	Ленинградская (с Санкт-Петербургом)*
2	Не позднее 1926 г.	Московская (с Москвой)*, Мурманская
3	Не позднее 1939 г.	Ивановская, Свердловская, Челябинская
4	Не позднее 1950 г.	Пермская, Самарская, Карелия
5	1952	Тульская, Ярославская, Астраханская, Саратовская, Сев. Осетия
6	1953	Владимирская, Ростовская
7	1956	Архангельская, Волгоградская
8	1957	Коми
9	1958	Нижегородская
10	1964	Удмуртия
11	1965	Тверская
12	1967	Кировская, Оренбургская
13	1968	Новгородская, Костромская
14	1969	Калужская, Ульяновская, Татарстан
15	1971	Кабардино-Балкария
16	1972	Вологодская, Смоленская, Башкирия
17	1973	Брянская, Рязанская
18	1975	Воронежская, Липецкая, Пензенская, Краснодарский край
19	1976	Псковская, Орловская, Марий-Эл
20	1977	Белгородская, Ставропольский край
21	1981	Тамбовская
22	1982	Курская
23	1983	Мордовия, Чувашия
24	1984	Адыгея
25	Переход до сих пор не состоялся	Дагестан, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Чечено-Ингушетия*

* Чечено-Ингушетия рассматривается как единый регион, Московская и Ленинградская области — вместе с их центрами. Прочие основные (без автономных округов) российские регионы взяты в современных границах и для удобства везде именуются их нынешними названиями.

Стремительностью урбанизации выделяется Мурманская область. Основание в 1916 г. порта Романов-на-Мурмане (будущего Мурманска) оказалось достаточным импульсом для скорого вхождения этой малонаселенной территории в число городских. Доля горожан уже по переписи 1926 года превысила там 53%, а в начале 1960-х гг. она подошла к стадии урбанизационного насыщения. С той поры тенденция к росту сменилась балансированием вблизи 90-процентной отметки (в 1999 г. — 91,9%). Лидерство самого северного региона Европейской России по темпам урбанизации тесно связано с типичным для этих широт редкоочаговым расселением. Сельских поселений мало, сеть их редка, а вся расселенческая структура формируется городами и поселками — центрами добывающей промышленности и базами Северного флота.

Естественно присутствие среди наиболее урбанизированных регионов Московской и Ленинградской областей. Их «пристоличный» статус подразумевает такие факторы роста, как разнообразие видов деятельности, миграционная и инвестиционная притягательность, а динамика урбанизации в значительной мере определяется развитием центров-мегаполисов с крупнейшими агломерациями. «Завязанность» этих регионов на центры не меньше, чем у Мурманского, при всей разнице в масштабах, и в 1999 г. они почти не уступали ему по доле горожан: 91,3% (Московский) и 91,1% (Ленинградский). Урбанизационный переход у них произошел гораздо раньше, еще до революции (в Ленинградском регионе — даже в XIX в.), но темпы роста доли горожан на ранних этапах были ниже; все-таки сказалась большая численность сельского населения.

Между урбанизационными трендами самих столичных областей также есть разница: северная Ленинградская в этом отношении ближе к Мурманской. Уже к 1939 г. она перешла через порог в 80% городского населения. Московская же весь век ее догоняла и этой отметки достигла на двадцать лет позже, притом исключительно за счет расширения границ Москвы в 1960 г. Отсюда искусственный скачок за год на 4% (зависимость урбанизированности от такого рода административных действий характерна для регионов с большим удельным весом региональных центров). Затем, однако, Московская область сокращала отставание от Ленинградской за счет более быстрого, прежде всего миграционного, прироста горожан и в 1997 году наконец вышла вперед. Дольше сохранялась и инерция этого роста. Если у Ленинградского, как у большинства других регионов первого типа, стагнация наступила приблизительно в начале 1980-х гг., то у Московского — лишь десятилетие спустя.

Еще три области рано вышли в лидеры благодаря высокой индустриализированности. Две из них представляют Урал (Свердловская и Челябинская) и один — Европейский Центр (Ивановская). Урбанизационный переход в них зафиксирован несколько позже, в 1930-х гг., но доля горожан все равно превысила 70% у Свердловской и Челябинской областей через двадцать лет после перехода, а у Ивановской — через тридцать. Последняя, поначалу отставая от уральских по урбанизированности, опережала их по темпам роста и в середине 1970-х гг. сравнялась с Челябинской на отметке 80%. С этого времени дальнейший рост показателя там прекратился (у Челябинской области небольшой всплеск отмечен в 1991–94 гг.). Более динамично развивавшаяся Свердловская область продолжала наращивать долю горожан, остановившись только в начале

Рис. 2.5.4. Типы урбанизации динамики регионов Европейской России в XX веке

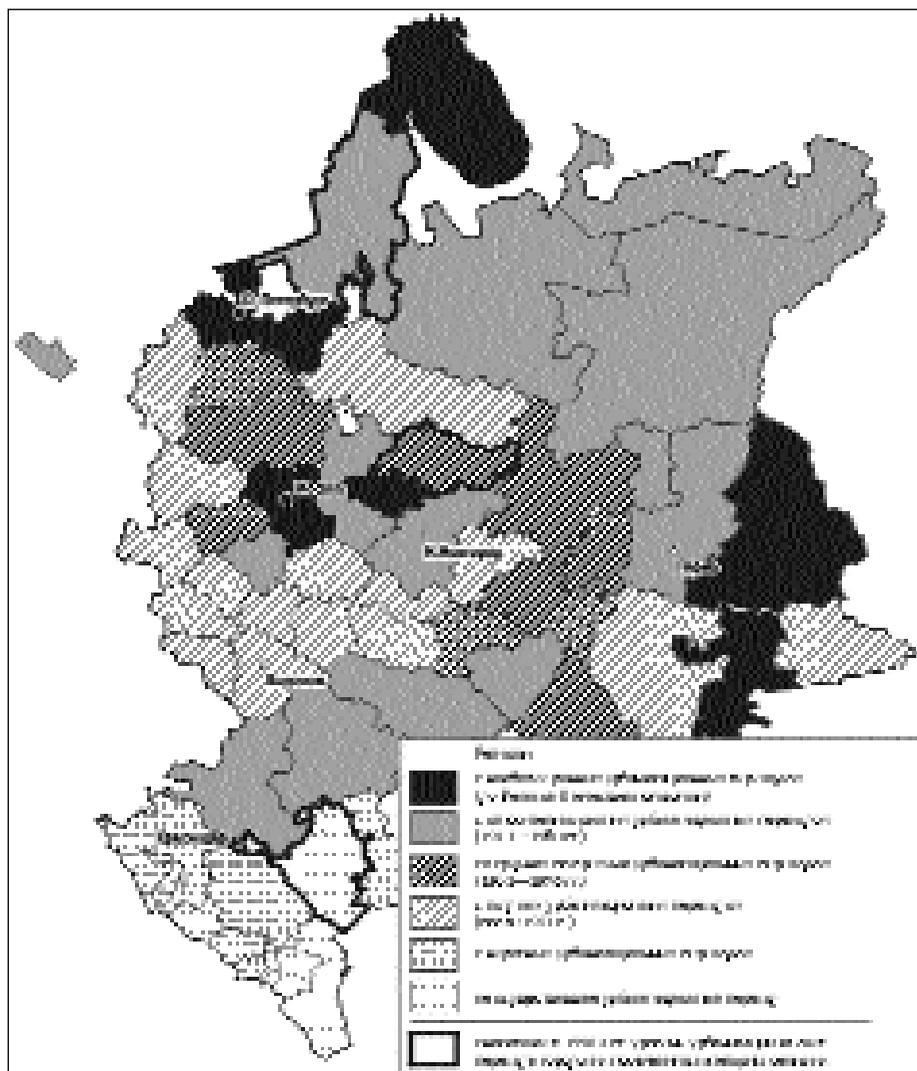
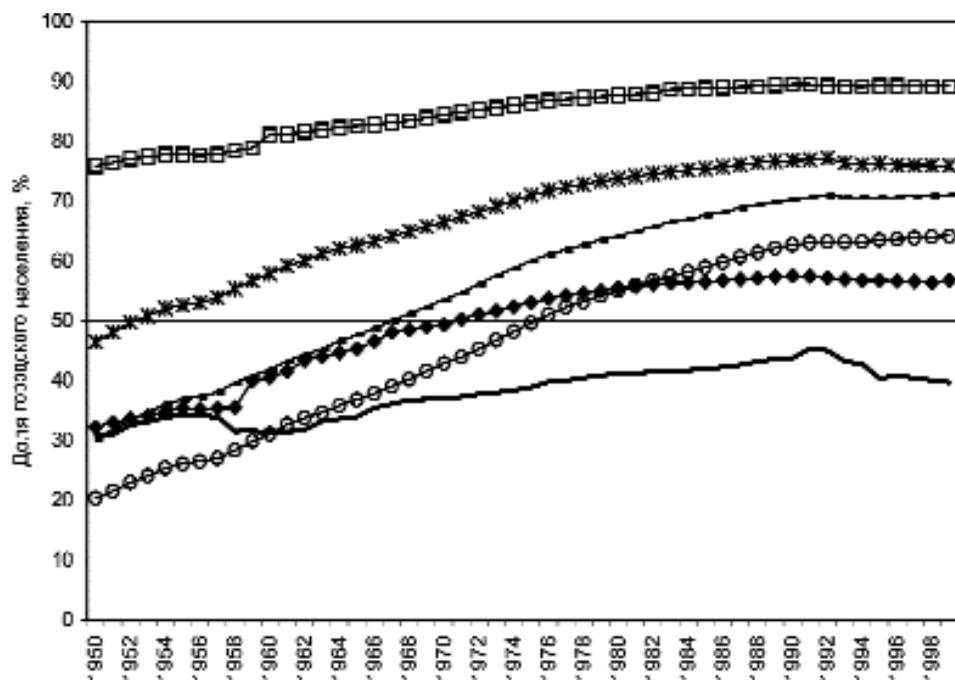

Рис. 2.5.5. Время урбанизационного перехода районов разных типов

1990-х гг. на уровне 87,5%. Взять высоту в 90% ей, видимо, уже не удастся, но у всех трех регионов она остается выше 80%.

2. Регионы с относительно ранним урбанизационным переходом (1941–1960 гг.)

Это тип с трендами, близкими к среднему по Европейской России. Урбанизационный переход у его представителей состоялся в 1940–50-х гг. — позже, чем у регионов предыдущего типа. Однако благодаря высоким темпам роста урбанизированности к 1980-м гг. (в отдельных случаях — к 1990-м) она вышла на уровень 75–80%.

В основном сюда попали индустриальные регионы Центра, Севера, Поволжья и Урала: географический охват данного типа весьма широк. Из областей Центральной России наиболее характерны Тульская и Ярославская, чью урбанизацию (как и в случае с близкой им Ивановской областью) предопределило раннее вступление на путь промышленного развития. Урбанизационный переход зафиксирован в первой половине 1950-х гг., рано наступила и стагнация: доля горожан стабилизировалась на уровне 80% в самом начале 1980-х. Кстати, одним из следствий «опережающей» урбанизации является наблюдаемое в последние годы снижение абсолютной численности горожан (еще более характерное для северных регионов, включая Мурманский). Их доля пока не проявляет тенденции к снижению, поскольку продолжало сокращаться и число сельских жителей, но предел урбанизированности виден, и в скором времени у регионов-лидеров может начаться его понижение.

По характеру тренда к названным центрально-русским регионам близка Карелия, хотя у нее есть отличительные черты, например, фактическое отсутствие урбанизационного роста в 1950-х гг. Еще любопытнее другая: в 1993 г. на ровном фоне стабилизации доля горожан вдруг упала сразу на 8%, после чего продолжила стагнировать уже на новом уровне. Дело в том, что в том году целый ряд городских поселков Карелии административным путем перевели в категорию сельских поселений. И республика не уникальна, в начале 1990-х гг. по стране прокатилась мощная волна таких акций. Вскоре, с изменением экономической конъюнктуры, она заглохла, но там, где имел место чрезмерный ее размах (в том числе в Карелии), она успела заметно трансформировать урбанистическую структуру.

Тренды Пермской, Владимирской и Нижегородской областей наиболее эталонны, а владимирский почти копирует среднюю траекторию всей Европейской России. По своему урбанизационному поведению они отличаются от вышеупомянутых областей главным образом тем, что у них стабилизация доли городского населения вблизи отметки 80% наступила только в 1990-х гг.

Своеобразны Архангельская, Ростовская и Волгоградская области, где стабилизация доли горожан была зафиксирована в начале 1980-х гг. на уровне 70–75%, более низком, чем у прочих представителей второго типа. Две последних области отличала и менее плавная динамика урбанизации; она носила скорее ступенчатый характер, присущий многим южным регионам. В свою очередь, северную Архангельскую область

сближают с соседней Карелией крайне низкие темпы роста доли горожан в 1950-х гг., связанные со свертыванием системы ГУЛАГа после 1953 г.⁵ Третий из относящихся к данному типу регионов Севера — Республика Коми — неожиданно обнаружил сходство с Самарской и Саратовской областями Поволжья, где в середине 1950-х гг., используя заключенных, строили крупные гидроузлы, и урбанизация тоже шла по особому сценарию. Если в Архангельской области доля горожан в это время лишь замедляла темпы роста, то тут она даже уменьшалась — непродолжительно по времени, но довольно существенно по амплитуде.

3. Регионы со средним по времени урбанизационным переходом (1961–1970 гг.)

У регионов этого типа доля городского населения в начале 1950-х гг. составляла в среднем около 30%, а потом выросла за полвека примерно до 70%. Соответственно позднему урбанизационному переходу позже, в 90-х гг., наступила и стагнация, причем у Калужской, Тверской, Ульяновской областей доля горожан и к концу века окончательно еще не стабилизировалась, сохраняя тенденцию к росту.

Наивысшие темпы выказывали Татарстан и Калужская область, где доля городского населения достигла 74%. Чуть медленнее рост и скромнее итог (до 70%) у Новгородской, Тверской, Кировской, Костромской, Ульяновской областей и Удмуртии. Наименее типична Оренбургская область: по соотношению темпов на разных этапах она разительно отличалась от всех прочих. До 50-х гг. урбанизация протекала там почти с той же скоростью, что в регионах первых двух типов с ранним урбанизационным переходом, но затем наступил резкий перелом: рост стал даже более медленным, чем у остальных регионов ее типа. К середине 1980-х гг. область смогла увеличить свою урбанизированность лишь до 65%, и это значение оказалось ее пределом.

Костромская область, как и Карелия, испытала на себе влияние административного «разжалования» городских поселений в сельские. Результатом явилось скачкообразное снижение доли горожан в 1993 году на 3%.

4. Регионы с поздним урбанизационным переходом (не раньше 1971 г.)

Среди многочисленных представителей этого типа уже немало аграрных регионов Центрально-Черноземного, южной части Центрального районов, но много и нечерноземных, отставших по развитию городов от своих соседей. Помимо позднего урбанизационного перехода их объединяют высокие темпы урбанизации — максимальные среди всех типов. Примерная общая схема такова: в 1950-х г. доля горожан не выше 20%,

⁵ По современным данным (Население России в XX веке, 2000, с. 312–313, 360–361), к 1939 г. из 1,3 млн советских заключенных более 300 тысяч (24%) находились на Европейском Севере и 230 тыс. (17%) — на Волге, Каме и Урале. Довоенная перепись занизила население за счет «спецконтингентов» на 3–5% в Архангельской области, на 12% в Карелии, почти на 23% в Коми. Система лагерей влияла на городские поселения, на которые так или иначе опирались их организация, снабжение, переработка добываемого сырья. После смерти Сталина, массовых амнистий и реабилитаций центры основных районов ГУЛАГа пережили своеобразный шок.

в 1990-х — уже около 60%, иногда до 65–70%. Исключение составили Башкирия, Брянская, Вологодская и Пензенская области, у которых при более ранней урбанизации начальные значения были повыше и колебались в диапазоне 25–30%. Стагнация в основном наступила в 1990-х гг., но в этом отношении исключением явилась Орловская область, достигшая своего урбанизационного предела на десять лет раньше прочих.

Поскольку данный тип — самый представительный, а урбанизационные тренды большинства его регионов довольно однообразны, нет смысла подробно останавливаться на каждом из них. Стоит отметить лишь те немногие регионы, которые проявили в своем развитии какие-либо нестандартные тенденции.

Такова Адыгея — регион, позже всех перешедший через 50-процентную черту. Это случилось в 1984 году, с тех пор новых «городских» регионов в Европейской России вообще не появлялось. Естественно, что достигнутый уровень урбанизированности у нее один из самых небольших (менее 55%). Урбанизационный ход ее весьма неровен, так что по многим параметрам (включая и географическое положение) республика тяготеет к регионам пятого типа, который будет рассмотрен ниже, но вместе с тем он все-таки более традиционен.

Для Пензенской области характерно довольно сумбурное протекание урбанизации в 1980-х гг., когда до тех пор ровный рост осложнился заметными флуктуациями. В 90-х гг. такой характер у ее кривой сохранился, причем — и в этом состоит другая особенность региона — продолжился рост (хотя налицо его замедление), так что о стагнации говорить пока нельзя. В этом отношении к Пензенской области близки как черноземные Белгородская, Курская и Тамбовская, так и более северные Вологодская и Псковская, где доля горожан также продолжает понемногу увеличиваться.

5. Регионы с неровным урбанизационным переходом

Этот тип наиболее своеобразен и одновременно «географически компактен» — почти все его представители (кроме Астраханской области) расположены на территории Северо-Кавказского экономического района.

Своеобразие пятого типа заключается в том, что объединяющим признаком для его регионов стало не время урбанизационного перехода, как у всех остальных (оно как раз сильно разнится — от начала 1950-х до конца 70-х гг.). В первую очередь их роднит то, что ход урбанизации и, в частности, рост доли горожан практически на всем протяжении рассматриваемого периода был крайне неровным и сопровождался многочисленными флуктуациями, резкими перепадами. Их происхождение по большей части индивидуально и не объяснимо какими-либо общими закономерностями. Этапы урбанизации у данного типа также отличны от обычных для Европейской России: с 1950-х гг. шло довольно ровное урбанизационное развитие с очень небольшими темпами роста, затем (у разных регионов в разное время) наблюдался резкий переход на новый уровень и далее — длительная стагнация уже до самого конца столетия.

Есть и другое обстоятельство, объединяющее регионы пятого типа. Если отвлечься от доли горожан и обратить внимание на динамику абсолютных величин компонентов населения, то бросается в глаза, что у всех этих регионов численность сельского населения росла либо держалась примерно на одном уровне. В большинстве других регионов она, наоборот, снижалась, причем существенно (см. главы третьей части).

Раньше всех — еще в 1952 г. — «городскими» стали Астраханская область и Северная Осетия. Ими же в середине 1970-х гг. был достигнут максимальный для данного типа уровень урбанизированности — 67–68%. И именно в этих регионах рост сельского населения, характерный для типа в целом, был наименее выражен. Сходство определяется общими чертами расселенческой структуры Астраханской области и Северной Осетии. В обоих регионах тон урбанизации задают их центры, сосредоточивших практически одинаковый процент населения: 47 и 49% всех жителей, 70 и 71% горожан. Такая зависимость региона от одного главенствующего города провоцирует во многом случайный характер урбанизационного перехода, а образование каждого нового города существенно влияет на всю урбанистическую структуру (нечто подобное, только в большем масштабе и не всегда в столь отчетливой форме, наблюдалось в случаях с другими моноцентричными областями: Московской, Ленинградской и Мурманской).

Говоря о Северной Осетии, надо отметить и такую индивидуальную особенность ее урбанизационного тренда, как отмеченный в 1993 г. резкий скачок на 8% доли городского населения. Причина, конечно, в наплыве во Владикавказ и другие города республики беженцев из Южной Осетии, где в то время обострился осетино-грузинский конфликт.

По характеру тренда к Астраханской области и Северной Осетии близка Кабардино-Балкария, но ее урбанизированность на всех этапах была ниже на 10–15%. Урбанизационный переход произошел там только в 1971 г. Еще слабее урбанизированы Краснодарский и Ставропольский края. Их нынешний «потолок» — 53–54% городского населения, а 50-процентный рубеж они миновали только в 1975 и 1977 годах соответственно.

6. Регионы, не осуществившие урбанизационный переход

На территории Европейской России остаются четыре региона, где горожане до сих пор составляют менее половины населения. Это Карачаево-Черкесия, Дагестан, Чечено-Ингушетия и Калмыкия. Почти все они, как и регионы предыдущего типа, относятся к Северному Кавказу, наименее урбанизированному из экономических районов Европейской России. Исключение составляет Калмыкия, но и она, формально входя в Поволжский район, по многим параметрам тяготеет скорее к Северо-Кавказскому.

Одно из следствий незавершенности урбанизации — чрезвычайная замысловатость урбанизационных кривых, каковые у данного типа еще сложнее, чем у предыдущего. В этом отношении резко выделяется Чечено-Ингушетия, где ход процесса особенно далек от среднероссийской схемы. Здесь имелись два всплеска — в 1950-х и 1990-х гг., между которыми наблюдался продолжительный период стагнации на уровне 40%, а во второй половине 90-х гг. последовал беспрецедентно резкий урбанизаци-

онный спад. Последнее, впрочем, относится уже к периоду «смуты» в республике: ее раздела, двух войн и фактической независимости Чечни, когда она выпала из правового, экономического, политического, а также из статистического поля России. Поэтому все данные по ней за 1990-е гг. (да и по Ингушетии с ее до сих пор не уточненными границами) носят сугубо оценочный характер. Однако эти новейшие события не объясняют всей необычности чечено-ингушского тренда в более ранний период.

Траектории трех других преимущественно сельских регионов все-таки отдаленно напоминают урбанизацию регионов пятого типа, но это сходство гасится флуктуациями, выраженными в еще большей степени. Кроме того, в Калмыкии в 1992 г. наблюдался резкий спад численности и доли городского населения, сменившийся через два года ростом. Это еще один регион Европейской России (наряду с Карелией и Костромской областью), на котором сказались последствия политики перевода городских поселений в разряд сельских. Но здесь они стали особенно разрушительными для структуры расселения. Так, из шести пгт, существовавших в Калмыкии в 1991 г., к середине десятилетия не осталось ни одного.

Таким образом, проведенная типология подтверждает тезис о сохранении, а порой и об усилении различий в ходе выравнивавшей их количественные параметры (прежде всего долю горожан) урбанизации. Даже если высокие темпы «догоняющих» регионов позволяли им приблизиться к уровню лидеров, что и доказали многие представители второго и отчасти третьего типов, это могло происходить по-разному, с характерными для отдельных регионов и их групп отклонениями от «стандарта». Тем более это касается регионов, которые, судя по их траекториям, не могли или не особенно стремились следовать за лидерами, во всяком случае не дублировали их трендов. Таковы представители последних из выделенных типов. Можно также отметить, что различия в ходе урбанизации часто носили макрорегиональный и макрозональный характер, разводя в разные стороны, к примеру, регионы Европейского Севера, Юга и условной Средней полосы.

Все это, впрочем, не означает, что урбанизация большинства территорий Европейской России совершенно уникальна (в этом случае лишается смысла любая типология). Напротив, повторим еще раз, что отклонения от средней траектории не отменяют ее существования, тем более, что есть немало регионов со сходным и почти одинаковым характером урбанизации.

Основные стадии урбанизации России и ее районов можно также попытаться интерпретировать с помощью универсальных, пригодных для многих стран и континентов эволюционных теорий, моделей и схем. Но это уже тема следующей главы.

2.6. РОССИЙСКИЕ ГОРОДСКИЕ СИСТЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ТЕОРИЙ УРБАНИЗАЦИИ

В 1980-х гг., когда урбанизация замедлилась, в СССР (Кюммель, 1987; Эволюция.., 1989; Зайончковская, 1991; Грицай и др, 1991) обратили внимание на ее универсальные стадийные схемы, уже появившиеся на Западе (Gibbs, 1963; Friedmann, 1966; Northman, 1975; Berry, 1976; Hall, Hay, 1980; Klassen., 1981). Урбанизация предстает в них как смена ряда стадий. У «отца» направления Джиббса их пять: города, вписанные в ареалы сельского расселения, отстают в росте (1); они выходят вперед при замедлении роста села (2) и потере им жителей из-за их оттока (3); кульминация стягивания населения в большие города и агломерации при его сокращении в малых (4); деконцентрации населения, снова растущего в малых поселениях, в том числе вне агломераций (5)¹.

На асинхронность стадий в разных странах и районах указал сам Джиббс. Позже канадец Бурн, поляк Корчелли и швед Вернерид (Bourne et al., 1983) выделили страны с концентрацией населения (большинство развивающихся), деконцентрацией (развитые) и неустойчивым равновесием, включив сюда СССР и Восточную Европу, где ослабевали центростремительные сдвиги, а местами начинались центробежные, хотя порой не вполне «естественные». Так, в Польше кризис 80-х гг. замедлил типичные для 4-й стадии Джиббса миграции в города, затронув их сильнее, чем село (см. Грицай и др., 1991, с. 36). В Эстонии стадия 3-я была датирована 1930-60-ми гг.; в середине 80-х гг. доминирующей считалась 4-я (Кюммель, 1987)².

Однако, то ли по объективным причинам, то ли в силу инерции мышления, нехватки данных и критериев, эти исследования не были развернуты широко. Многие в приложении стадийных концепций к советскому расселению остались спорным. Тем временем ранние модели, так или иначе упиравшие на дихотомию город—село, сменили новые, в чем-то более строгие, получившие общее название теории дифференциальной урбанизации (Richardson, 1980; Fielding, 1989; Geyer and Kontuly, 1993). Впрочем, суть та же самая: концентрация и деконцентрация населения, чередуясь, дифференцируют потоки

¹ Для агломераций как таковых Л. Клаассен и Г. Шимеми (Klassen et al., ..., 1981, p. 8–28) предложили 4 стадии: урбанизация (рост центрального города за счет пригородов), субурбанизация (пригород растет быстрее центра), дезурбанизация (население центра сокращается быстрее, чем в пригороде, а рост, если он есть, приурочен к периферии) и реурбанизация (центр снова растет либо его население сокращается медленнее, чем в субурбии).

² Были и признаки перехода к 5-й стадии. К 1989 г. сельское население Эстонии перестало сокращаться; города росли, но (чуть ли не впервые в советской градостроительной практике) отставая от прогнозных наметок проектировщиков, а не опережая их.

миграций и рост поселений. На российском материале эту теорию, кажется, еще и не пытались проверить.

Принципы выделения новых универсальных стадий представлены на **рис. 2.6.1**. Каждой из них присущи свои соотношения балансов миграций или индексов динамики трех категорий центров: главных городов (в оригинале «приматных»: *primate*), средних (промежуточных) и малых (городов либо поселений с любым статусом). Их критерии варьируют. Дж. Филдинг считал средними для Франции города размером 10–100 тыс. чел. Для развивающихся стран пороги зачастую выше (50–400 тыс. по Geyer and Kontuly, 1993). Шесть стадий попарно формируют эпохи: *урбанизации*; так называемого *поляризованного разворота, реверсии* (*polarization reversal*); *контрурбанизации*. Границы стадий обозначены любым пересечением пары кривых.

1. Начальная крупногородская стадия урбанизации (U–I): ускоренный рост главных городов за счет малых и особенно средних.

2. Зрелая крупногородская стадия (U–II): рост главных городов и потери населения малыми достигают апогея, но средние тоже начинают расти, привлекая мигрантов.

3. Начало поляризованной реверсии (PR–III): по темпам роста лидируют средние поселения, главные стремительно теряют свою привлекательность, а малые — ее наращивают³.

4. На зрелой стадии средних городов (PR–IV) вперед рвутся уже малые города, хотя еще и не могут обойти средние, а индекс главных городов становится отрицательным.

5. Контрурбанизацию открывает начальная стадия роста малых городов (CU–V). Они растут быстрее всех, а средние центры теряют привлекательность; с ними, пройдя нижнюю точку, сближаются крупные.

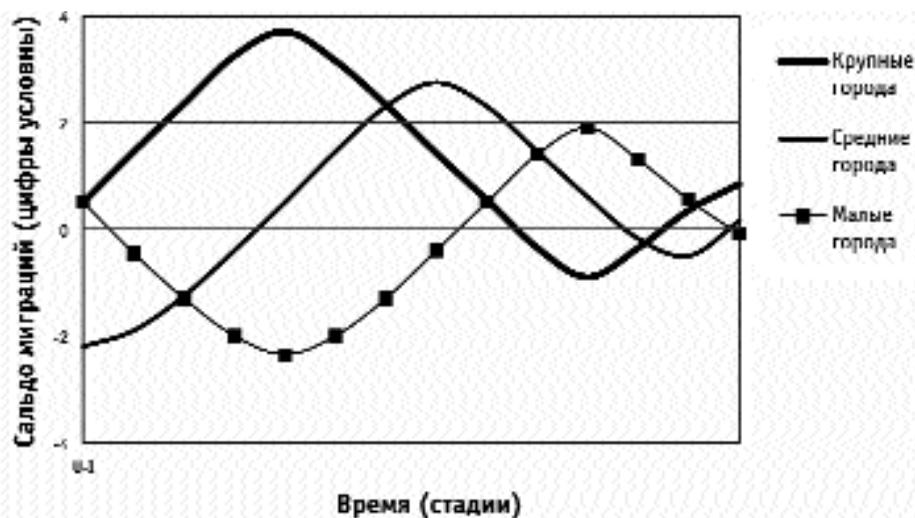
6. На последней стадии большого цикла (CU–VI) средние города отстают от малых и крупных, хотя уже не очень сильно и ненадолго.

Затем кривые возвращаются к исходной диспозиции «большие—средние—малые», хотя со временем происходит сжатие графика по обеим осям: стадии становятся короче (сжатие по оси времени, ускорение), сокращается амплитуда кривых (по вертикальной оси). «Новая урбанизация» после шестой стадии уже не та, что перед первой. Подвижность населения, частая смена так называемых миграционных циклов (из крупных городов, в крупные города при их джентрификации и т. п.) теперь сочетаются с устойчивостью иерархии сложившейся системы поселений.

Реальная урбанизация не всегда укладывается в четко обозначенные ступени, но теоретики считают, что ее эволюция непременно проявит себя в смене ведущих тенденций. Не исключены форсмажорные события, скажем, неожиданная децентрация на-

³ Подобная диспозиция, как и прочие, теоретически должна иметь место раньше, при повороте к урбанизации, а не к контрурбанизации, от сельской эпохи к городской, или от стадии 1 к стадии 2 по Дж. Филдсу. Почему при этом лидерами роста становятся средние города, понять нетрудно. Ведь это постепенный (в общем случае) переход от дисперсного расселения к концентрированному либо наоборот, когда рост как бы перемещается вверх или вниз по иерархии поселений, оказываясь на время максимальным в ее средней части.

Рис. 2.6.1. Основные стадии урбанизации по Kontuly, Dearden, 2001

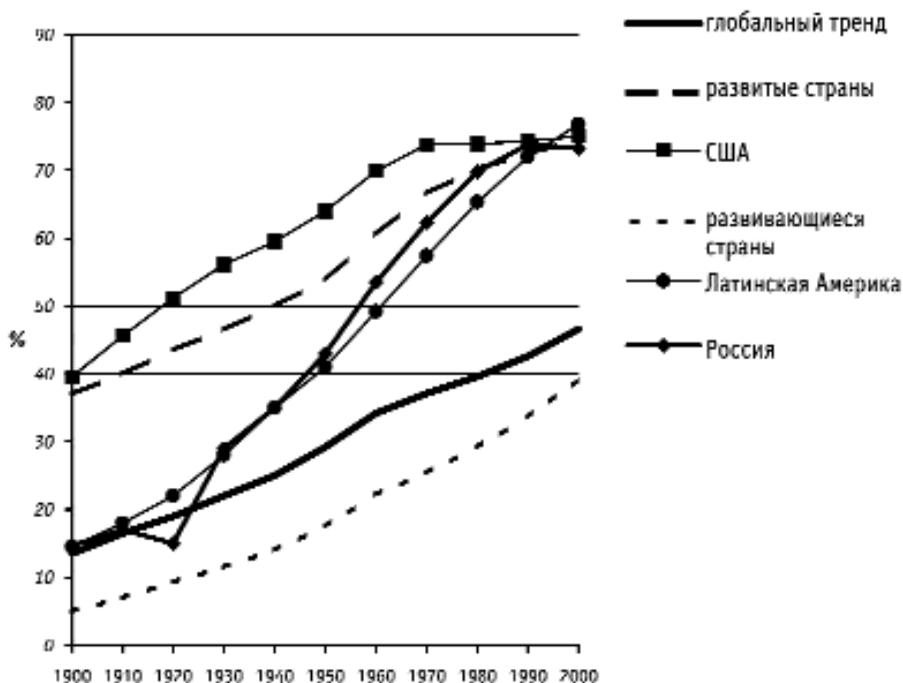
селения в смутные времена (как в Германии к концу Второй мировой), когда расселение как бы забегает вперед, а потом возвращается к нормальной стадии (Kontuly, Dearden, 2000). Это важно для СССР и России, хорошо знакомых с такими потрясениями.

Советские и постсоветские вызовы теориям урбанизации

В 1900 г. Россия уступала тогдашнему Западу по доле горожан в 2–3 раза. Только через 20 лет, после войн и революций, начался городской бум, страна вступила в гонку по схеме, упомянутой в главе 2.5: ниже уровень урбанизации — выше ее темпы. Развитые страны она формально догнала около 1980 г., чуть раньше Латинской Америки, чей путь очень похож на российский (рис. 2.6.2). С 1991 г. городское и все население России сокращается, не в первый раз за столетие, но уже в основном под влиянием внутренних факторов, коренящихся в ее истории (Perevedentsev, 1999). Это происходит даже быстрее, чем в Европе — ввиду не столько низкой рождаемости, сколько высокой смертности. А в Третьем мире население продолжает быстро расти. Если поздняя и быстрая урбанизация России близка к наблюдаемой на мировой периферии, то демографическая обстановка теперь все же напоминает западную.

Российская урбанизация наследует советской. До 58% городов возникли после 1917 г., треть — после 1945 (Лаппо, 1997, с. 407). Индустриализация с ее аппетитом на рабочую силу создавала города и заставляла их расти во всех районах. Только они, как молодые акселераты, выросли быстрее, чем успевали созреть, порождая массу проб-

Рис. 2.6.2. Российская урбанизация на фоне мировой

лем с жильем и т. п. (Лаппо, Полян, 1996). В начале 1930-х гг. власти стали ограничивать миграционный приток, промышленный, а потом и постиндустриальный рост главных городов. Такая политика, направленная против городов-гигантов по существу стимулировала то, что называют рассредоточенной концентрацией.

Ч. Харрис (Harris, 1970, p. 1), назвав Советский Союз страной больших городов, мог сказать так и о России. Накануне распада СССР она располагала 51% его населения, 57% горожан и 62% жителей городов размером более 500 тыс. Правда, доля этой группы (так же, как городов-стотысячников и миллионеров) оставалась ниже среднемировой, намного ниже американской и восточно-азиатской. Несмотря на тенденцию к ускоренному росту верхних этажей городской иерархии, она не выглядела на мировом фоне суперцентрализованной.

Вместе с тем, низкое качество небольших промышленных и полугородских поселений породило дискуссию насчет гипер- или гипоурбанизированности страны. Сами термины и аргументы спорны, но было очевидно, что советская система городов развита недостаточно и урбанизация здесь не завершена (Пивоваров, 1991, с. 9). А если это так,

то события 1990-х гг. следует рассматривать скорее как кризисную паузу, чем как новую эру. Уже одно то, что урбанизация сникла вместе с распадом советской системы, может казаться с этой точки зрения подозрительным.

Есть и другая точка зрения. Так, О. и Ю. Медведковы (Yuri Medvedkov and Olga Medvedkov, 1999) считают S-образную кривую российской урбанизации (рис. 2.6.2) вполне универсальной, а заметный на ней поворотный пункт 1991 г. — переходом к «конечной фазе урбанизации». Она должна была начаться независимо от политических потрясений, ставших всего лишь спусковым крючком для многих перемен. Авторы также отметили, что крупнейшие города уступили по темпам роста более скромным. За 1991–96 гг. города с населением более 250 тыс. жителей потеряли 3 млн человек, в т. ч. миллионеры — 2 млн. Все меньшие выросли на 2,5 млн человек, из них 2 млн — прирост в категории 50–250 тыс. жителей. Вроде бы, наглядный пример поляризационной реверсии (PR) по схеме дифференциальной урбанизации.

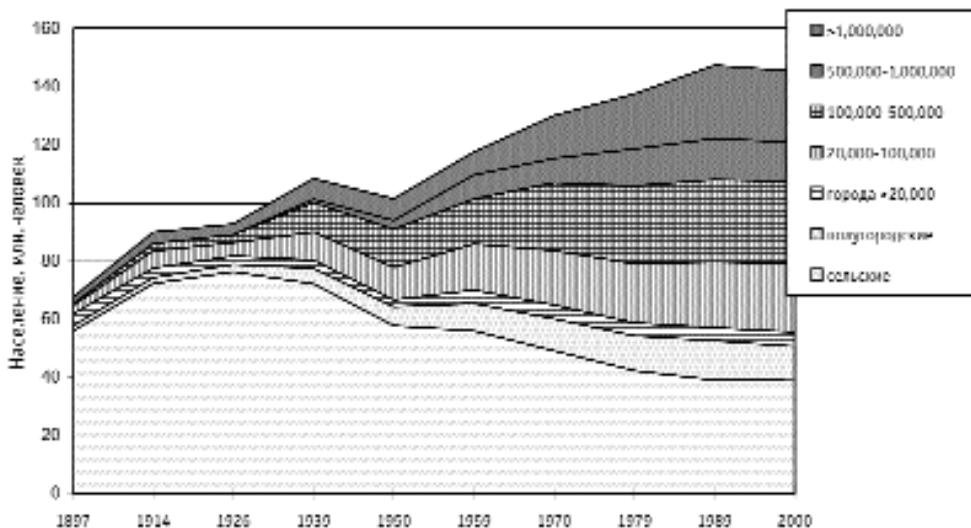
И все же сомнения остаются. Многие небольшие города находятся в зонах незрелой, маргинальной урбанизации. Медведковы пишут, что не вся Россия соответствует «конечной фазе», есть места явно отстающие, и это «может сделать несостоятельной всю гипотезу». Кроме того, в 1996–2000 гг. росли самые малые и... снова самые крупные города (+0,3 и +1,2 млн), а все группы в среднем диапазоне 20–500 тыс. теряли жителей (-2,4 млн). Сельское население после четырех лет роста (1991–94) опять сокращается. В общем налицо скорее неустойчивая динамика, нежели последовательный переход к контрурбанизации. На Западе он начался тогда, когда контрасты центр—периферия в уровне и образе жизни уже существенно сгладились. А нынешний российский кризис усилил и без того резкий отрыв немногих преуспевших центров от обширной периферии, подверженной обнищанию, деградации и новой рурализации (Родоман, 1998 и др.).

Итак, новейшие изменения в городской системе России можно рассматривать и как некий кризисный сбой в ходе незавершенной урбанизации, и как естественный переход в новую стадию согласно универсальной модели. Вопрос уже поднимался (Браде, Нефедова, Трейвиш, 1999), и первым напрашивался ответ, что обе гипотезы верны, ибо подкрепляются реальными фактами. Но это не ответ, пока не уточнены соотношения моделей и этих фактов (частей реальности) на разных этапах. Попробуем разобраться.

Стадии российской урбанизации по изменениям в людности и миграционной аттрактивности городов разного размера

Данные о динамике населения доступнее статистики миграций, и мы начнем с них. Эта динамика по стандартным категориям представлена на **рис. 2.6.3**. Выделение периодов 1914–26 и 1939–50 гг., пусть отчасти оценочно и с помощью интерполяций, дает общее представление о тренде и двух катастрофах первой половины XX века. После них рост населения и процесс укрупнения городов возобновлялись, все

Рис. 2.6.3. Иерархия поселений по размеру и статусу в динамике

заметнее наращивая средние и верхние этажи их иерархии. Нижний этаж (до 20 тыс. жителей) оставался тонкой прослойкой, хотя вместе с полугородским он тоже теснил сельский, пополняясь за его счет и в то же время теряя поселения, выроставшие в более крупные. А вот соотношение индексов динамики здесь «на глаз» выявить трудно.

Для этого нужно сначала уточнить категории главных, средних и малых поселений, которые на большом отрезке истории не могут быть одинаковыми. Средний размер городов России, удваиваясь за полвека, в XIX в. вырос с 5 до 21, в XX — до 87–90 тыс. человек (см. главу 2.5). Мы приняли переменную, скользящую шкалу промежуточной категории, задающую и планки двух других (в тыс. человек): до 1897 г. — 5–20; для 1897–1926 гг. — 10–50; для 1926–59 гг. — 20–100; для 60-х гг. — 40–200 (рассчитано по каждому городу); для 1970–79 гг. — 50–250 тыс. человек.

Современный минимум в 250 тысяч для главного города соответствует типичным размерам центров регионов РФ и агломераций. К 2000 г. их имелось 74, в среднем классе — 263, в малом — 755 городов и 1875 пгт. В 1897 г. главных центров, по шкале XIX в., было 85, средних — 306, малых — 430, а по критериям для первой четверти XX в. — соответственно 27, 168 и 626. Понятно, что для дат, когда шкала менялась, индексы роста рассчитывались «назад» и «вперед» по-разному. К началу 1950-х гг., согласно тогдашней шкале, имелось 69 главных, 350 средних и 1600 малых центров. Население городов по возможности взято в их границах на данный год, а не по ретроспективным расчетам, учитывавшим последнее расширение. Методика расчета индексов динамики населения допускает пе-

реход городов в течение периода из одной категории в другую, т. е. применяются текущие (динамические, по западной терминологии) размерные группы переменного состава.

Рис. 2.6.4 отражает колебания индексов по периодам начиная с середины XIX в. Это позволяет выявить первый переход от начальной крупногородской стадии U–I к более зрелой U–II, явно начавшейся после реформ 1860-х гг. С той поры и до «больших войн» XX в. большие и средние центры росли быстрее малых и сельских, указывая на продолжение стадии U–II⁴. Отрезок 1914–1926 гг. вместил мировую и гражданскую войны, революцию и разруху, когда Москва и Питер потеряли, по оценкам, до половины жителей⁵. Индекс всех главных городов сравнялся с сельским, уже близким к нулевой черте. Средние центры пали совсем низко, а малые и полугородские оказались чуть устойчивее. Все это — то ли преждевременная, то ли возвратная, но в любом случае кризисная децентрализация (контрурбанизация).

В 1926–1939 гг. с началом индустриализации бурно росли все города, а на селе шло сокращение. Кривые вернулись к порядку «большие—малые—средние», то бишь к начальной крупногородской стадии U–I. К 1940-м гг. она снова перешла в стадию U–II («большие—средние—малые»). Но грянула Великая Отечественная с ее громадными жертвами, и все кривые круто пошли вниз. А потом все сызнова: малые и полугородские поселения впереди средних. В 50-х гг. страна в третий раз и во второй раз в XX в. проходит стадию U–I, за которой в более спокойных позднесоветских условиях опять следует стадия U–II.

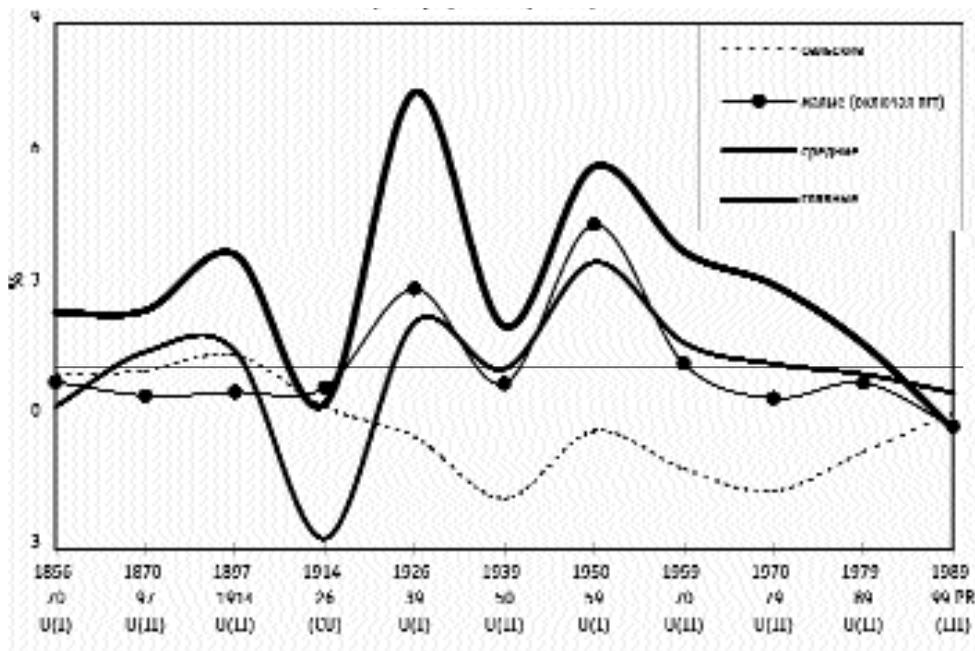
Таким образом, урбанизация в России имела целых три «запуска». Сначала в XIX в., с середины которого отмечена более зрелая стадия U–II. Ее прервал первый катаклизм века, после чего советский индустриальный бум запустил урбанизацию с исходной стадией U–I, вскоре перешедшей в U–II. В третий раз запускать U–I пришлось после Второй мировой войны. Поэтому весь график имеет вид очень частых и крутых волн. Эволюционный тренд, сам по себе волнообразный, здесь осложнен кризисными чередованиями стадий U–I и U–II, а также синхронными подъемами и спадами у центров всех категорий.

После третьего «запуска» зрелая крупногородская стадия U–II длится два-три десятилетия, хотя при этом рост главных городов постепенно замедляется. Позднесоветская урбанизационная инерция напоминает промышленную, выявляемую по структуре

⁴ По Б. Н. Миронову (1999, т. 1, с. 288–9), население Европейской России непрерывно концентрировалось в больших городах с середины XIX в. В XVIII в., по его данным, они как раз отставали, зато быстро росла доля городов размером 5–20 тыс. жителей — средних по меркам того века (как и следующего), когда средняя людность одного города составляла 4,65 тыс. человек. Возможно, это был преурбанистический поляризационный разворот, тем более, что рост наличного городского населения тогда вообще отставал от деревенского, несмотря на трехкратную прибавку числа городов. До 1860-х гг. не росла, даже сокращалась и доля горожан: 1742 г. — 13%, 1783 — 11,6%, 1856 — 9%. Лишь потом начался столь типичный для эпохи урбанизации подъем этой доли: 12,9% в 1897, 13,8% в 1910 и 15,3% в 1914 гг. (см. также главу 2.1).

⁵ Погибших и просто разбежавшихся по стране от голода и т. п. К декабрю 1926 г. Москва восстановила свое население успешнее Ленинграда. В новой-старой советской столице перепись зафиксировала 2 млн жителей вместо довоенных 1,8 млн, а в Ленинграде — 1,6 млн: до былого максимума ему не хватало 550 тыс. человек.

Рис.2.6.4. Изменение темпов ежегодного прироста населения в поселениях разного размера и статуса

занятий, когда сервисный сектор почти не рос после того, как превзошел индустриальный в 1970-х гг. (см. главу 4.1). Наконец, не то в 1980-х, не то уже в начале 90-х гг. начинается поляризационный разворот (PR). Теперь он кажется более естественным и своевременным. Правда, настораживает несвойственный ему спад темпов роста малых центров.

Обратим внимание и на сельскую кривую. По Джиббсу, ее пребывание ниже линии нуля — признак его стадий 3 и 4. В России это долгий путь от первых пятилеток до реформ 1990-х гг. Однако 5-ю стадию деконцентрации населения Джиббс датирует не выходом сельского и мелкогородского населения на положительную динамику, а прохождением ими нижних поворотных пунктов, когда спад в этих группах устойчиво ослабевает. Наше сельское население, судя по графику, прошло такой пункт еще в 70-х гг., а мелкогородское, сохраняя слаболожительные индексы, как бы попыталось догнать средние центры в 80-х. В общем картина нестандартна и требует более детального анализа.

Как известно, динамику населения определяют его естественное и механическое движение. В России естественная убыль в широких масштабах отмечена с 1992 г., причем городской кризис начала 90-х, продовольственные проблемы и ценовые шоки выз-

вали даже кратковременный миграционный отток из крупных городов, хотя и далекий от массового бегства из них в 1917–21 гг. А сельская местность вдруг начала принимать мигрантов, но в основном дальних — из бывших союзных республик и с окраин России.

Важным фактором стали административные преобразования: сотни пгт пожелали вернуться в сельское звание, дающее льготы по ряду услуг и по размерам личных земельных участков. Это сделало их главной сокращающейся категорией, терявшей и в числе, и в людности, причем даже больше главных городов (**табл. 2.6.1**). Некоторые поселки все же пополнили группу малых городов, а она росла и за счет более крупных при участившихся случаях сокращения их людности, став в итоге аккумулятором переходов из класса в класс на нижних этажах системы поселений.

Теоретики дифференциальной урбанизации полагают, что ее стадии лучше всего выявлять по сальдо миграций, но допускают его замену индексами динамики населения. Большой разницы в датировке, по их мнению, быть не должно. Демографический фон страны лишь поднимает или опускает кривые вдоль оси ординат, не меняя их взаимной дислокации и проекций точек пересечения на ось времени. Это, конечно, не совсем так. К тому же теория вовсе не учитывает влияния административных перестроек

Таблица 2.6.1. Число поселений разных размеров и статуса и численность населения в них, 1989–1994–2000 гг.

Статус и людность	1989	1994	2000
Число поселений			
Города, более 250 тыс. чел.	78	76	74
Города, 50–250 тыс. чел.	252	264	263
Города, 20–50 тыс. чел.	360	361	361
Города, менее 20 тыс. чел.	349	358	389
ПГТ	2193	2066	1875
Сельские поселения	152900	нет данных	нет данных
Население, тыс. чел.			
Города, более 250 тыс. чел.	54,2	53,4	52,6
Города, 50–250 тыс. чел.	24,4	25,8	25,6
Города, 20–50 тыс. чел.	11,6	11,6	11,7
Города, менее 20 тыс. чел.	4,3	4,5	4,9
ПГТ	13,5	12,2	11,2
Сельские поселения	39,1	39,9	39,4

Источники: Численность... 2000, с. 16–22; Население России 1999, 2000, с. 16.

и «передач» центров из одной категории в другую — различных по направлению на разных стадиях. Поэтому анализ нетто-миграций, притом по стабильным группам, все же крайне желателен.

Сравнительно достоверные и подробные данные о миграциях появились в основном во второй половине века; сводные цифры для городского и сельского населения имеются год за годом с 1960-х гг. (рис. 2.6.5). Сравнения с более ранними отрывочными сведениями позволяют заключить, что 1950–70-е гг. были периодом весьма масштабного перетока россиян из деревни в город. Впрочем, на графике видно, что города и потом оставались привлекательными для мигрантов за вычетом краткого провала в начале 90-х гг. До этого кризисного отрезка их рост зеркально отражал отток из сел, бывший главным мотором классической урбанизации, независимо от характера кривых (резкие перепады либо некие волны, не всегда объясняемые эхом войн и т. п.). А 90-е годы — иные. На них повлиял и недолгий кризисный отток из городов, и приток дальних мигрантов, питавший город и село. Внешний баланс всей России стал позитивным с 1975 г. Пройдя пик в середине 90-х гг., он остался важным для динамики населения, хотя заниженным статистикой.

Что касается балансов по городам, то у нас они есть с 1970 г. для отдельных дат (рис. 2.6.6). На этот раз стадия зрелой урбанизации U–II, типичная для 70-х гг., сменяется разворотом к повышенной аттрактивности средних и малых городов (PR–III) уже с 1980 г., т. е. раньше, чем показали сдвиги в людности (рис. 2.6.4). Впрочем, отличие обусловлено скорее методом расчета, чем самим признаком. Индексы динамики населения измерялись как среднегодовые за декаду для всего населения данной размерной группы городов, а сальдо миграций (в % к населению каждого города) исчислено как простое среднее по каждому городу, входящему в группу. Кроме прочего, это позволяло уменьшить влияние по существу случайной выборки городов, предлагаемой статистикой в разные годы⁶. Если тем же способом рассчитать для тех же лет сдвиги в населении по группам городов, то разворот тоже окажется смещенным на начало 1980-х гг.

Есть и другая проблема. В теории показатели малых городах на стадиях поздней урбанизации и ранней реверсии должны быть отрицательными, а на наших графиках они положительные. Но в этом отношении довольно уязвима сама теория дифференциальной урбанизации. Ведь грань между городом и селом разнится по странам статистически, функционально и ландшафтно.

Для западных исследователей она бывает несущественна⁷. У нас данных о миграциях по пгг нет, как нет их по сельским размерным категориям. Но если учесть общий от-

⁶ Данные по миграциям охватывают от 340 до 1065 конкретных городов; они получены в ВЦ Госкомстата России для совместной работы с Институтом страноведения г. Лейпцига (см. также главу 2.3).

⁷ На Западе сплошь каменные сельские поселения трудно отличить от малых городов. В России же малые города и поселки сплошь и рядом неотличимы от сел. Например, для Дж. Филдинга (1989) не так важно, село это или малый город, ибо, оперируя данными по сельским и городским коммунам Франции, он рассматривает как малые все коммуны, где живет менее 10 тыс. человек. Однако во второй половине 1950-х гг., когда Франция вошла в стадию PR, положительный прирост имели именно и только городские коммуны, а все сельские отдавали население. И картина оставалась таковой примерно до 1970-х годов.

Рис. 2.6.5. Ежегодный миграционный баланс городского, сельского и всего населения с 1960 по 1999 гг.

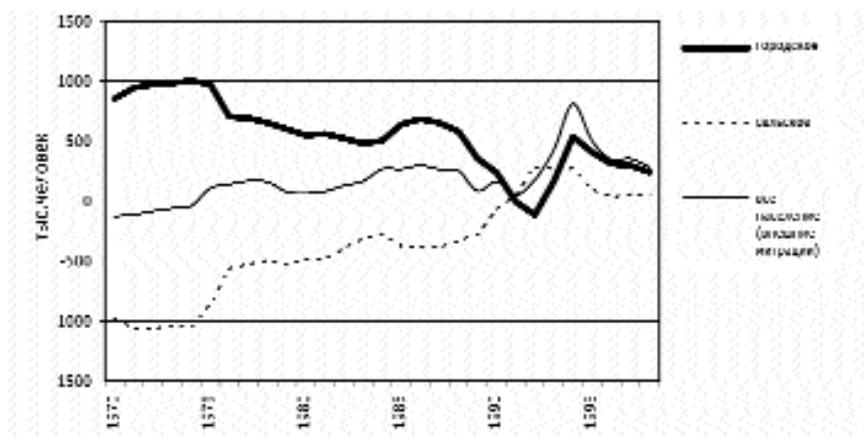
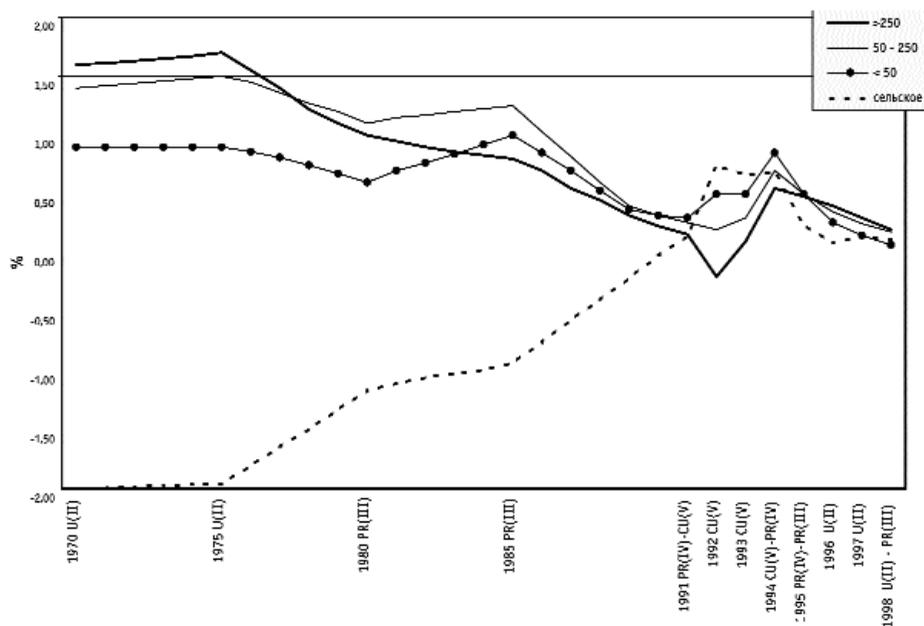

Рис. 2.6.6. Миграционные балансы в городах разного размера и на селе по отдельным датам за период 1970–1998 гг., в % к числу жителей

ток из сел в 1980-х гг. и сложить сельскую кривую с мелкогородской на рис. 2.6.6, то стадия PR-III в России станет похожей на предписание универсальной схемы. Она все-таки началась в 80-х гг. и, видимо, еще до горбачевской перестройки, сперва чем-то напоминая «неуверенную терциаризацию» структуры занятий⁸. Зато это говорит о ее естественном эволюционном характере.

Начало 1990-х гг. отмечено как бы перескоком к ранней контрурбанизации (CU-V), если исходить из формального порядка кривых. Правда, село и малый город были полюсами притяжения мигрантов три года (1992–94), т. е. при первых ударах кризиса, когда отмечался отток из больших городов и приток репатриантов из СНГ, достигший апогея в 1994–1995 гг. Эти переселенцы, в основном горожане, тоже направлялись в села и малые города. Почему? Ответ можно сформулировать в виде двух принципов: «жилье вместо работы» и «дешевизна вместо заработка». Ведь эти миграции были в значительной мере стрессовыми. Переселенцы могли чаще рассчитывать на какую-то поддержку властей, бесплатное жилье, кредиты в сельской и полусельской местности (Миграции и урбанизация., 1999, с. 67–100, 199–240, 241–268). Однако обследования показали, что там они адаптируются хуже, чем в больших городах, и многие хотят в них перебраться. Значит, эта контрурбанизация может обернуться урбанизацией, только задержанной необычной шоковой обстановкой. В известном смысле ее можно назвать, по аналогии с рождаемостью в те же годы, отложенной урбанизацией.

На самом деле лишь главные города и лишь в 1992 г. показали чистый отток мигрантов. Теория ожидает того же от городов среднего размера, если расселение последовательно переходит в стадию деконцентрации. В России этого нет. Тут деньги легче заработать в большом городе, и чем он больше, тем легче. Здравый смысл вообще подсказывает, что если в бедной стране есть процветающие центры, то они привлекут население.

Так и вышло. В 1996 г. новая перестройка кривых на рис. 2.6.6 обозначила откат маятника назад к стадии зрелой урбанизации, но уже на общем фоне низкой миграционной мобильности при сохранении административных и появлении новых экономических барьеров для мигрантов в главных городах. В конце концов показатели главных и средних центров так сблизились, что стало вероятным возвращение к докризисному порядку реверсии (PR), которая, пожалуй, и является «нормальной» эволюционной стадией для России конца XX века.

Географические различия в дифференциальной урбанизации

Попробуем выявить степень синхронности или асинхронности в прохождении все тех же стадий городскими системами разного масштаба. Теоретики дифференциальной урбанизации считают, что районы функциональные (экономические или выделяемые по трудовым связям) в этом случае предпочтительнее административных. Их «типоразмеры» могут быть разными; тут важно учесть общие размеры и уровень освоенности территории.

⁸ См. главу 4.1.

Городские суперсистемы типа мегалополисов, урбанизированных поясов и т. п. ближе к уровню крупных экономических районов, чем регионов — субъектов РФ. Что до местных систем, вмещающих суточные и недельные циклы жизнедеятельности, то это скорее масштаб городской агломерации (ГА), как зоны потенциальных поездок такого рода (Лаппо, 1978, 1997; Полян, 1988; Пивоваров, 1994 и др.). Пять-шесть десятков ГА, включая в себя треть всех городских поселений страны, выглядят островками или небольшими архипелагами в океане ее периферии, но они все равно «системнее» 89 субъектов. Те, хоть и покрывают всю территорию (как и 11 экономических районов), зачастую куда обширнее, чем требуется для сколько-нибудь интегрированных систем расселения.

Крупные экономические районы: миграционные балансы городов

Попробуем представить основные макрорегиональные варианты урбанизации на территории Европейской России с помощью анализа миграций по тем же размерным категориям городов. Наши крупные районы априори различны по уровню экономического и городского развития, по зрелости городских сетей, однако это не всегда соответствует различиям в их эволюции по критериям дифференциальной урбанизации (табл. 2.6.2).

Центральный район (рис. 2.6.7а), возглавляемый столичным гигантом, имеет еще 11 главных городов, областных центров. Зрелая крупногородская стадия U–II задержалась тут явно потому, что все эти центры долго стягивали мигрантов, в том числе из села, с учетом которого все нижние этажи расселения имели бы негативный баланс вплоть до 90-х гг. С 1991 г. главные города, сохраняя общегрупповой приточный баланс, отходят на последнее место по аттрактивности. В Москве кризисные миграционные потери отмечены в 1991–93 гг., в Иваново — только в 1991 г., в Калуге и Владимире — в 1992. Тренд 90-х — это нечто среднее между ранней и зрелой стадиями разворота. Порядок кривых соответствует PR–IV, но в теории он предполагает отток из главных городов, а его нет или он очень краток. Да и показатель села теперь почти не отличается от мелкогородского.

Северо-Запад — район сверхмоноцентричный. В его единственном главном городе Петербурге живет 69% горожан (доля Москвы в Центре вдвое ниже). Ни в собственном его регионе, ни в Новгородском и Псковском нет городов крупнее 250 тыс. жителей, но именно их центры и другие города промежуточной категории обогнали Ленинград еще с 1970 г. (рис. 2.6.7б), а в 80-х гг. он уступил и малым городам. В середине 90-х те вышли вперед, и их отрыв от двух других групп был большим, чем в Центральном районе. Миграционный отток из Петербурга задержался на год дольше по сравнению с Москвой, и «перехлест» городской эволюции в стадии PR–IV и CU–V был более явным, хотя тоже недолгим. В общем район выглядит более продвинутым и зрелым с точки зрения данной теории.

Таблица 2.6.2. Стадии дифференциальной урбанизации в некоторых экономических районах

Экономические районы	Доля городского населения, %		Стадии урбанизации по признаку соотношения миграционных балансов в главных, промежуточных и малых городах			
	1998	1998	1970	1980	1991	1998
	Всего городов / главных					
Центральный	83	251 / 12	U-II	U-II	PR-III / IV	PR-III / IV
Северо-Запад	87	62 / 1	PR-III	PR-III / IV	PR-IV	PR-III / IV
Урал	74	150 / 11	U-II	PR-III	PR-IV	PR-III
Ц.-Черноземный	62	50 / 5	U-I	U-II / PR-III	PR-III / IV	U-I
Северный Кавказ	55	104 / 7	PR-III	PR-III	CU-V	PR-IV
РФ в целом	73	1095 / 75	U-II	PR-III	PR-IV	U-II / PR-III

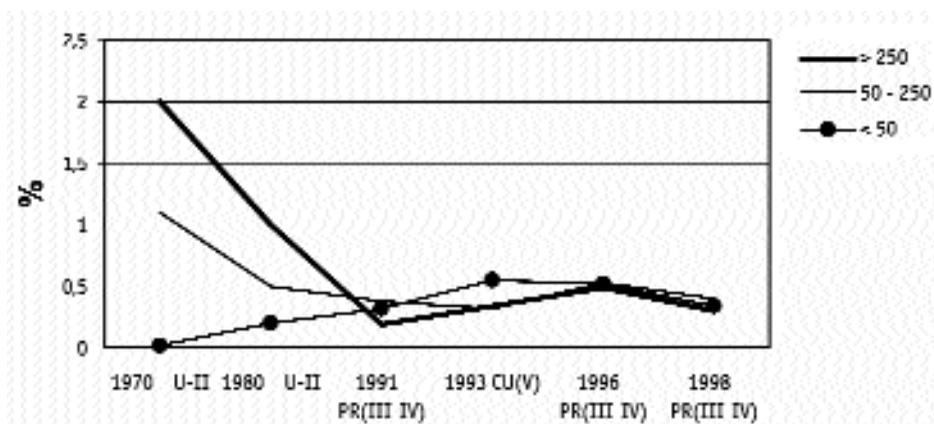
Старопромышленный и полицентричный Урал, расположенный в срединном поясе России, демонстрирует усредненную урбанистическую траекторию, весьма близкую к общенациональной. Пожалуй, это даже более законченная модель последней, так как здесь совсем не видно преждевременной контрурбанизации. Меньшие города не были лидерами удельного миграционного прироста, а главные не имели отрицательного баланса (рис. 2.6.7в). Урал — «чистый» пример прохождения стадии PR-III с кратким отклонением к следующей, PR-IV. Что, в свою очередь, с учетом его срединности и типичности, подтверждает верность общероссийской стадияльной идентификации.

Центральное Черноземье явно отстает. На рис. 2.6.7г мы сначала видим его даже не на зрелой, а на ранней стадии урбанизации U-I. Впрочем, миграционные потери села еще в 1970-х гг. достигали там 1–3% в год (Зайончковская, 1991, с. 83), общий баланс на нижних этапах расселения в целом был откровенно негативным. А это все же признак стадии U-II. Позже сельские миграции уже не влияли на общую картину в такой степени, как в Центральном районе. Следующая стадия поляризационной реверсии (PR-III или PR-IV), хотя и без миграционных потерь в главных городах, вполне типична для России в разгар кризиса. А вот реурбанизация (U-II) с 1996 г. нетипична (как ни странно, это также случай Восточной Сибири). В то же время сближение кривых малых и средних городов сулит возврат к «нормальному» поляризационному развороту.

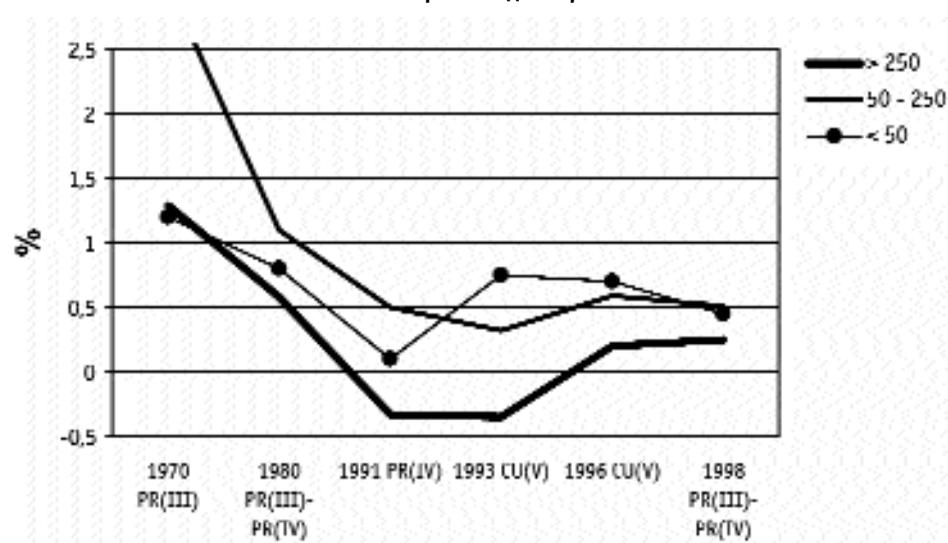
Эволюция Северного Кавказа, наименее городского района России, просто удивительна, поскольку выглядит опережающей, а не отстающей (рис. 2.6.7д). В 1970-х гг. лидером роста была промежуточная категория — признак PR, обусловленный тем, что сюда входят курорты (Сочи, центры Кавминвод) и столицы регионов. Правда, реверсия далека от параметров, предписанных теорией. Городских отточных групп здесь не было, село теряло мигрантами около 1% жителей в год. Но если считать главным признаком порядок кри-

Рис. 2.6.7. Миграционные балансы городов в отдельных крупных районах Европейской России, 1970–1998 гг., в % к числу жителей

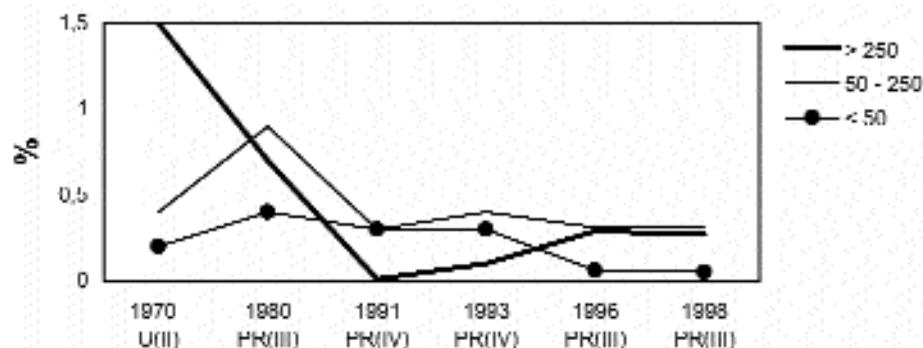
а. Центральный район

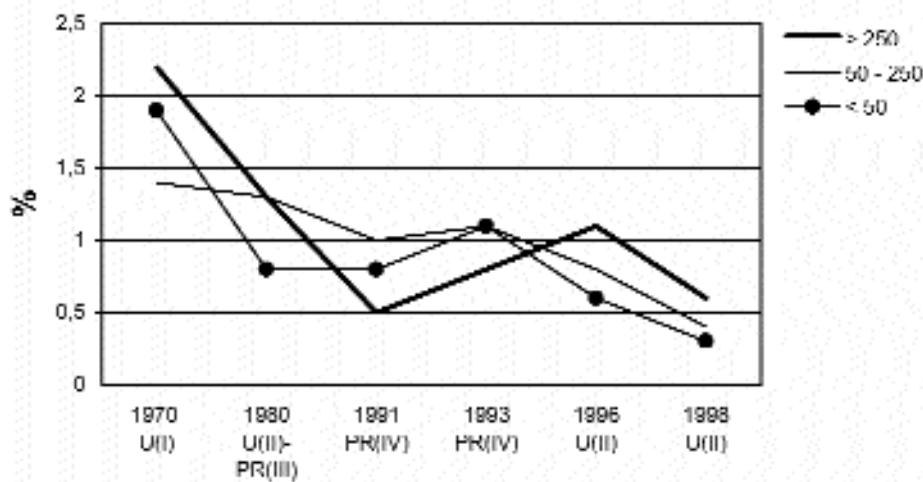
б. Северо-Западный район

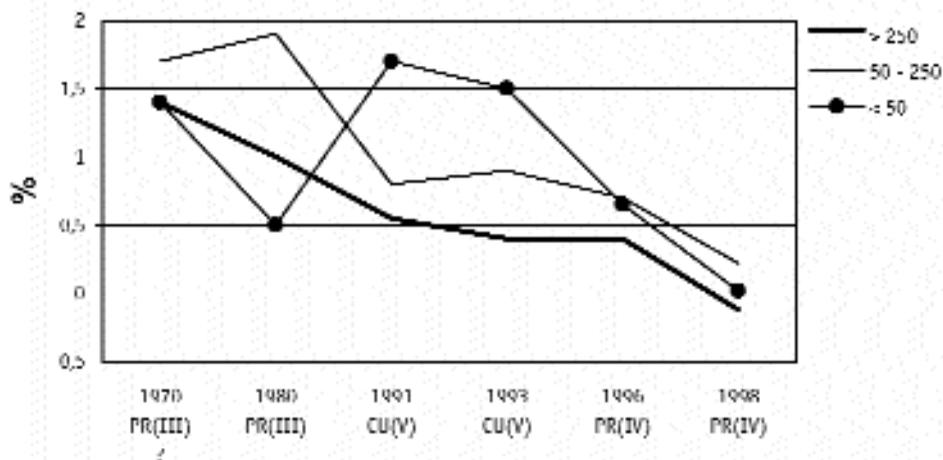
в. Урал

г. Центрально-Черноземный район

д. Северный Кавказ

вых, то придется заключить, что район первым «перепрыгнул» в стадию контрурбанизации (CU–V) в 1991 г. Нижние этажи его расселения привлекают переселенцев из СНГ, беженцев из ближних горячих точек. В возвращении к стадии PR–IV к концу века ничего странного уже нет. Зато уникален отток из главных городов в 1998 г. за счет Махачкалы, не говоря о Грозном, хотя он из-за отсутствия данных вообще исключен из расчетов.

Итак, некоторые районы отходят от общероссийского и теоретического трендов, причем кавказская «продвинутость», в отличие от северо-западной, никак не вяжется с отсталостью района. Острый кризис как-то объясняет события 1990-х гг., но не раннее вхождение в стадию PR. Возможно другое — скачок от ранних стадий сразу к поздним, подобное сдвигам в структуре занятий районов поздней урбанизации, идущих от аграрной экономики к сервисной минуя крайности индустриализации (см. главу 4.1).

А проходил ли Северный Кавказ стадию урбанизации? Судя по динамике людности его главных и средних городов (за исключением сальдо миграций), вроде бы да: 3,1 и 2,7% в 1960-х гг. В 70-х порядок поменялся: 1,6 и 2%. Однако в 1970 г. он еще стоял на пороге урбанизационного перехода, горожане не составляли там половины населения (см. главу 2.5). Притом в Ростовской части переход состоялся в 1953 г., как на Владимирщине, а в Дагестане и у его соседей горожан и теперь всего только 40%.

Все крупные районы тоже неоднородны. Попробуем проследить дифференциальные стадии, скажем, у трех разных типов субъектов РФ, выделенных в главе 2.5 по срокам урбанизационного перехода (**табл. 2.6.3**). Его пионеры (два столичных, два уральских, Ивановский и Мурманский регионы) начали разворот к 1980-м гг., в начале

Таблица 2.6.3. Дифференциальная урбанизация в трех типах регионов Европейской России

Типы (группы) регионов по времени урбанизационного перехода	Категории городов, стадия урбанизации	Среднее сальдо миграций на 10 000 жителей городов и стадии урбанизации по их соотношению в главных, промежуточных и малых городах				
		1970	1980	1991	1992–94	1996–98
С ранним переходом (до 1941 г.)	Главные	11,6	5,6	-4,1	-2,7	1,9
	Средние	5,4	7,8	2,7	3,9	4,9
	Малые	3,5	2,4	0,5	4,1	3,1
Со средним по времени переходом (1961–70 гг.)	СТАДИЯ	U–II	PR–III	PR–IV	CU–V	PR–IV
	Главные	25,3	19,6	2,6	2,0	2,2
	Средние	15,4	8,7	4,1	6,0	4,5
	Малые	11,2	0,6	3,8	9,0	4,5
	СТАДИЯ	U–II	U–II	PR–IV	CU–V	CU–V / PR–IV
	Главные	18,4	9,9	-0,5	-5,3	3,0
С «неровным» и незавершенным переходом*	Средние	19,3	12,6	8,7	11,5	5,7
	Малые	14,3	0,2	20,0	11,0	4,1
	СТАДИЯ	PR–III	PR–III	CU–V	PR–IV	PR–IV

* Без Чечни, Ингушетии и Астраханской области

90-х он перешел в более зрелую фазу. Далее — обычное для кризисной России забегание в контрурбанизацию и возвращение к стадии PR, причем с положительным сальдо в главных центрах. В регионах, перешагнувших рубеж 50% городского населения в 1960-х гг. (их девять, от Новгородского до Оренбургского), урбанизация наблюдалась и в 1970, и в 1980 гг. Затем они почти догнали пионеров: в 1991 г. средние и малые города там стали привлекательнее крупных. Правда, не было оттока из главных городов. И к этому не вполне обычному PR они все-таки тоже возвращаются после недолгой децентрации мигрантов «вниз» по иерархической лестнице городов.

У отставших регионов с неровным и незавершенным переходом (часть Северного Кавказа без Ростовской области, Чечни и Ингушетии) концентрации «вверх» по лестнице не было и нет, что теория трактует как... отсутствие урбанизации. Похоже, схема непригодна для регионов, столь сильно и хронически запаздывающих, что это меняет классическую последовательность процесса. И не странно ли, что в 1996–98 гг. регионы самых разных уровней развития урбанизации дружно сошлись к одной и той же стадии PR(IV)? Хотя мы и говорили об органичности разворота для России конца XX в., но такое можно объяснить разве что кризисным нивелированием всех эволюционных различий.

Регионы и городские агломерации: динамика населения

Европейские авторы часто берут вместо городов территории (коммуны, районы и т. п.), благо они там крошечные. И наблюдают то же самое: при урбанизации быстро растут места с большим населением, затем со средним, а при контрурбанизации — малонаселенные. Как вели себя на разных стадиях регионы России? Сравнив динамику городского населения за 1926–99 гг. по группам регионов-субъектов с разным числом горожан, тут же выясняем, что вплоть до 1990-х гг. регионы поменьше обгоняли в росте средние (250–1500 тыс. чел.), а те — самые мощные. В 1990-х годах прирост населения в крупно- и среднезаселенных регионах стал нулевым, а в малонаселенных — отрицательным (за счет оттока с Севера и Востока России). О том же говорят данные миграционных балансов на отдельные даты.

Аналогичный результат получен для городских агломераций (ГА)⁹. Рост трех категорий ГА (свыше 1 млн чел., 0,5–1 и до 0,5 млн) снижался равномерно без признаков изменения стадии, причем стадии если не контрурбанизации (что в данном случае звучит нелепо), то децентрализации: малые ГА росли быстрее средних, средние опережали крупные. Итог не зависел от динамической или статической группировки, т. е. от того, разрешалось ли конкретным ГА по мере их роста переходить из класса в класс в течение всей эпохи или одной декады. Без 16 новых ГА, возникших за 40 лет, картина остается такой же.

Налицо прогрессирующая деконцентрация городского населения по регионам и по сети агломераций, характерная едва ли не для всего столетия бурной урбанизации России. Конечно же, это та самая закономерность, по которой «ниже уровень — выше темпы роста»¹⁰. Но не противоречит ли она всей логике дифференциальной урбанизации, ожидающей при этом лишь укрупнения главных городов, ядер агломераций? Противоречие есть, и оно имманентно самому явлению. Ведь урбанизация сопряжена с пространственной диффузией, с появлением во все большем числе стран и районов своих лидеров, крупных городов и ГА. Иначе России, Восточной Европе, странам Третьего мира никогда не удалось бы приблизиться к Западу по массе и доле горожан.

Вспомним, что до 1960 г., как и в 1897, Россия располагала двумя столичными городами-миллионерами, теперь же их дюжина. За первую половину века население столиц выросло в 3,2, а десятки догонявших их будущих гигантов — в 4,3 раза; рост за вторую его половину составил 1,8 и 2 раза. В 1959 г. агломераций с 2 млн горожан и более было две (те же столичные), а в 1999 г. стало пять. Внутри крупнейших категорий, и не только в них, давно шло подтягивание новичков к старым лидерам, децентрализация роста.

Впрочем, широкая диффузия нашей урбанизации могла быть отчасти результатом политики «рассредоточенной концентрации» и советского надзора за ростом крупней-

⁹ По данным о населении ГА согласно их делимитации и банкам данных П. М. Поляна для межпереписных периодов за 1959–89 гг. и собственным расчетам по текущей статистике на 1999 г. (см. Приложение 4).

¹⁰ См. главу 2.5.

ших городов-центров ГА, о которых сказано в начале главы¹¹. Сдерживая рост старейших очагов урбанизации, они, вместе с шествием по стране промышленных новостроек, способствовали постоянному появлению и ускоренному росту новых очагов. И все же раньше не было такого разрыва между гигантскими сгустками, теряющими население из-за его старения, спада миграций, и еще растущими «малышами». Стягивание горожан в агломерационные зоны после 1979 г. вообще прекратилось, их доля в населении стала падать (Лаппо, 1997, с. 359–360). На этом фоне стал особенно заметен рост некоторых малых и новых ГА. Однако природа разрыва — кризисная или эволюционная — не вполне ясна.

Дифференциальная урбанизация внутри городских агломераций

Теперь попробуем выявить закономерности динамики городского населения внутри агломераций по поселениям разного размера и разной удаленности от главного центра. В силу сложности задачи реализуем ее хотя бы на отдельных примерах.

Крупнейшая Московская агломерация, хотя и включает 150 городских поселений, фактически лишена субцентров второго ранга (Шупер, 1983). Самый крупный из них — Зеленоград с его 207 тыс. жителей — относится к ближайшему поясу городов-спутников и административно подчинен Москве. Однако именно его промежуточная размерная группа возглавляла рост подмосковных городов в прежние десятилетия, что свидетельствовало о наличии затяжной стадии поляризационного разворота (PR–III), перешедшей в стадию контрурбанизации (CU–V) в 90-х гг.

Большинство других российских ГА остаются гораздо более промышленными по своим функциям. Тем не менее, например, Нижегородская демонстрирует эволюцию, очень близкую к столичной. А Ростовская ведет себя иначе. Вначале ее средние города, включая Таганрог, росли быстрее малых. Затем вперед вышел сам Ростов-на-Дону, тогда как средняя группа, включающая угольно-металлургические центры Ростбасса, отстала от остальных. Примечательно, что такая реурбанизация наблюдалась в городском сгустке сельского Северного Кавказа с его необычной опережающей контрурбанизацией. В Ростовской же ГА эта стадия закономерным образом началась лишь в 1990-х гг.

Некоторые варианты теории дифференциальной урбанизации постулируют связь каждой стадии как с размером, так и с расстоянием «подчиненных» городов от их главного центра. Мы попытались проверить это на примере Московской агломерации, сгруппировав ее города в пять зон, в основном соответствующих поясам подмосковных районов. Зона 1 включает ближайшие, срастающиеся с Москвой спутники (до 20 км от

¹¹ Эту версию подтверждает хотя бы поверхностное сравнение с динамикой американских ГА. По В. М. Харитонову (1983, с. 54), там в 1950–60-х гг. лидером роста была их вторая размерная группа (из шести) с 1–3 млн человек, что как бы соответствует стадии PR. Контрурбанизация 70-х гг. сделала негативной динамику ГА-гигантов (более 3 млн), а пик рост сместила в предпоследнюю группу (100–250 тыс.).

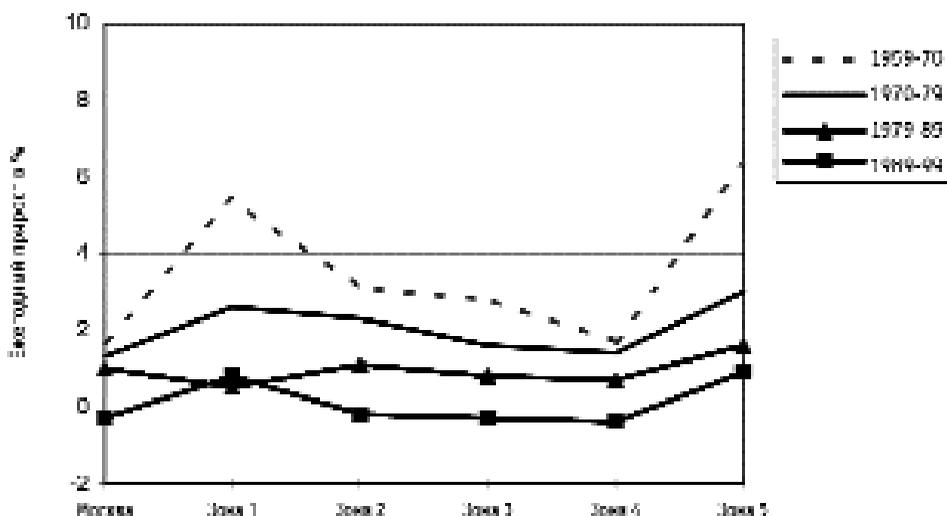
границ столицы). Самая дальняя 5-я — включает окраины ГА, выходящие за пределы Московской области вдоль магистралей, или «карманы», по Б. Б. Родоману (80–120 км).

Рис. 2.6.8 показывает, что именно эти две крайние зоны быстрее всего росли в 60-х гг. Потом рост везде замедлился, проявилась тенденция к нивелированию. Первая зона в 80-х гг. уступила как более дальним, так и Москве в ее современных границах. Однако в 90-х начался некий новый цикл, как бы повторяющий картину 60-х, но только с гораздо более низкими, часто негативными индексами динамики.

Согласно теории, средние города как лидеры поляризационного разворота должны расти тем раньше, чем они ближе к главному городу; затем рост охватывает и более удаленные города данной группы. Именно это происходило в Московской агломерации. В 1960-х гг. ее рост возглавили ближайšie к столице города среднего размера, а чем дальше они размещались, тем медленнее росли. Впоследствии полюс роста отступил во вторую зону. Впрочем, резкий взлет дальней пятой зоны в 1970-х гг. вызван отсутствием там подобных городов раньше, тогда как малые города в среднем подрастали всего лишь на 5% в год в 1960-х и на 3% в 1970-х годах. В последнем десятилетии происходит то же самое, что показал график — новый цикл фокусирования роста в ближайших пригородах Москвы и в самой дальней пятой зоне «заобластных карманов».

Что касается малых городов, то дальние (в зонах 5, 4, а потом и 3) раньше росли быстрее. Это отчасти связано с усилиями планировщиков локализовать рост новых, скажем научных, центров на периферии области. А в последнее десятилетие века по-

Рис. 2.6.8. Динамика городского населения в Московской агломерации по зонам удаленности

рядок опять тот же, что на рисунке 2.6.8: 1% роста в 1-й и 5-й зонах, в срединных же его почти нет.

Ускоренный рост населения в самых ближних и самых дальних пригородах Москвы отмечался ранее (Московский., 1988) и считался проявлением барьерного эффекта оседания мигрантов и трудоемких предприятий у внешнего рубежа весьма притягательных для них, но ограничиваемых в развитии ареалов¹². Ограничения имелись и в Москве, и в Московской области, граница которой тоже служила «барьером-накопителем». Ныне, при сохранении административных (особенно в Москве), куда эффективнее новые рыночные регуляторы. Взять хотя бы резкие контрасты цен на жилье. В 1995 г. в городах вроде Мытищ и Пушкино они были вдвое ниже московских, но выше, чем в более крупных региональных столицах соседних областей. Велики и перепады цен на земельные участки внутри Московской области и между нею и соседями, хотя этот рынок по сути дела теневой (Миграции., 1999, с. 248; Нефедова, 1998).

Отсюда усиление барьерной экономической роли административных границ и новый центростремительный цикл (реурбанизация) на рис. 2.6.8. Впрочем, возникает коварный вопрос: как эта деконцентрация, отмечаемая при анализе динамики размерных групп городов в 90-х гг., может сопровождаться новой концентрацией, выявляемой по различиям в динамике тех же городов, расположенных на разном удалении от Москвы?

Вообще-то многое в формальных методах теории дифференциальной урбанизации начинает вызывать сомнения. Ведь очевидно, что Москва и ее спутники как были, так и остаются притягательными для мигрантов, обходящих все препоны, благо спрос на рабочие руки всегда велик в стареющих городах. И власти, как ни запирали въездные ворота, вынуждены были удовлетворять его то в виде найма по лимиту, то глядя сквозь пальцы на нынешних гастарбайтеров. Просто раньше их регистрировали несколько лучше. И если бы все они регистрировались теперь, то их наличное число вполне могло бы превысить 400 тысяч — официальную убыль населения Москвы за 1990-е гг., вызванную превышением смертности стареющих москвичей над рождаемостью.

Даже по статистике сальдо миграций в эти годы было чаще всего позитивным, а к концу 1990-х гг. город вернулся к чистому притоку, характерному для предыдущей декады (**табл. 2.6.4**). В Подмосковье приток регистрируемых мигрантов постоянно превышал их регистрируемый отток. Что же касается взаимного обмена города с областью, то до 1990 г. он подпитывал население Москвы, а последующий разворот в обратном направлении продолжался до 1996 г., т. е. длился дольше, чем трехлетний период отрицательного общего миграционного прироста в столице.

Все это, да еще невиданный бум частного строительства в окрестностях главных городов подталкивало (даже специалистов) к выводу о том, что Россия вошла в стадию субурбанизации хотя бы за счет «новорусских» пригородов. Это согласуется с социальным разделом дифференциальной теории, включающим тезис о сочетании центрбежного потока обеспеченных, а затем средних слоев населения (их оттока из больших городов) с центростремительным, состоящим из бедных, менее образованных людей

¹² См. главу 4.2.

Таблица 2.6.4. Миграционные балансы Москвы и Московской области, в тыс. чел.

	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Москва	84,5	62,5	45,5	-13,4	-23,5	-16,5	10,8	24,4	35,6	47,8	60,6
Московская область	27,1	34,5	42,6	12,1	11,4	22,0	53,8	43,6	44,3	39,6	37,8
Обмен Москвы с областью	16,6	10,2	3,3	—	—	—	—	-6,3	-4,2	2,4	7,0

Расчитано по: Миграции в Московской... 1999; Численность и миграции... 1998, 1999, 2000.

(пополняющим эти города). Оно характерно уже для зрелой стадии урбанизации и особенно при поляризационном развороте (Berry, 1976; Geyer and Kontuly, 1993).

Но не будем спешить. Растущие в наших пригородах особняки, даже оборудованные по самому высшему и всепогодному разряду, обычно используются в режиме дач. У владельцев есть машины, но прописаны они в городе, где в основном и живут. Чтобы убедиться в этом, можно просто сравнить число освещенных окон в элитных подмосковных поселках летом и зимой. Исключение — дальние зажиточные мигранты, строящиеся в дачных пригородах вместо главного города, но привлекаемые именно им.

Впрочем, есть другой поток: бедных, чаще пожилых горожан, живущих круглый год за городом и сдающих квартиры внаем ради добавки к пенсии или компенсации потери зарплаты (ибо, покинув главный город, они обычно теряют и работу). Именно тот факт, что новые рабочие места, кроме собственно строительных, мало реагируют на коттеджный бум, свидетельствует, по западным меркам, как минимум, о незрелости нашей субурбанизации. Бедная «дезурбанизирующаяся» группа официально тоже приписана к главным городам, где оставляет и средства существования (ту же квартиру). Что же касается богачей, то в пригородах и дальних зонах концентрируются не столько они сами, сколько их капиталы. Другое дело, что второе жилье, русскую дачу как собирательное понятие можно считать сезонной суб- и контрурбанизацией, обусловленной многими факторами и гораздо более массовой, чем, например, автомобилизация¹³.

Выход для российского «энвайронментализма», открытый широким социальным слоям и усиленный склонностью к агро-рекреационным занятиям в условиях дефицита или дороговизны продовольствия, явно задерживает контрурбанизацию западного типа как поддающееся учету передвижение в сельские пригороды и малые города на постоянной основе. В наших пригородных зонах статистически регистрируемый рост малых поселений есть прежде всего результат их наполнения дальними мигрантами, привлекаемыми главными городами с их рынками труда, а не смены места постоянного жительства крупногородского населения.

Процессы, наблюдаемые в конце XX в., не являются чем-то принципиально новым. Это все то же наращивание «планетарных систем» В. П. Семенова-Тян-Шанского, тех колец, в которые издавна собраны спутники главных российских метрополий. Оно в прин-

¹³ См. главу 4.2.

ципе неоднородно, рост передается от одной «орбиты» к другой. И пока это в основном результат стягивания населения, вовлечения его в орбиту главных центров, которому на протяжении веков препятствовали те или иные барьеры, создаваемые управлением.

Они, как давно установлено, закрывали не столько въезд в центры, сколько выезд из них. В России было и осталось опасно потерять свою причастность к ним. Например, для пенсионера, выезжающего из Москвы «на природу», важна сама возможность вернуться в столицу, чтобы в глубокой старости не оказаться слишком далеко от детей и медицинских центров. Ни старая, ни новая система с присущими ей колебаниями цен на жилье и т. п. этого не гарантируют. В несвободе передвижения, заданной не столько законами, сколько социальными контрастами пространства, состоит одно из главных отличий «полубедной» и полупериферийной (в целом) России от развитых стран, где подвижность населения в суточном, недельном и жизненном циклах на самом деле гораздо выше.

Справедливости ради отметим, что мотивации людей в этих циклах и выборе места жительства различаются меньше. Да и внедрение рыночных механизмов все же влияет на поведение россиян. Так, к субурбанизации их теперь толкает двойная выгода: возможность на законном основании благоустроить второе дачное жилье до уровня первого городского, сдав это первое внаем по высокой цене (особенно в Москве), плюс относительно дешевизна загорода. Все это стимулирует «западоподобные» процессы, о которых сказано выше. А сдерживают их слабая инфраструктура и сервис, включая дефицит телефонов даже в ближних окрестностях Москвы, все еще плохие местные дороги, низкая автомобилизация и дефицит достойных мест приложения труда.

О переходе к суб- и контрурбанизации в массовом масштабе можно будет говорить тогда, когда за город на основное место жительства потянется российский средний класс. Не исключено, что в наших условиях привлекательными в этом отношении окажутся скорее малые города и их окрестности, чем чисто сельская местность. Тогда и выявить этот процесс, если его начнет фиксировать статистика (сейчас она просто бессильна), можно будет с помощью теории и схем дифференциальной урбанизации.

Эту теорию, родившуюся и проверенную сперва в развитых странах, все чаще пытаются приложить к мировой периферии и полупериферии. Но, во-первых (простейший вариант), она, если и повторяет те же эволюционные стадии, то с задержкой, а значит, уже не буквально, хотя не исключено ускорение и догоняющее развитие. Во-вторых, вероятны отклонения от универсальной последовательности стадий или, во всяком случае, от их западных характеристик, обусловленные местной спецификой и особыми причинами, нарушающими классический, или нормальный, ход событий. Что считать нормальным или аномальным — в каждом случае отдельный вопрос. Российский случай не уникален, но он и не самый легкий. Все же попробуем в заключение подчеркнуть его специфику.

Повторим, что в XIX–XX вв. страна трижды прошла через раннюю и зрелую стадии крупных городов из-за потрясений и кровопусканий, имеющих мало аналогов в истории. В итоге урбанизация заняла полтора столетия, что можно расценить по-разному:

как норму для «догоняющей» страны и как задержку. Если верно последнее, то это связано и с моделью дисперсной концентрации, рано и настойчиво насаждавшейся в СССР на всех уровнях, и с заменой дезурбанизационных устремлений дачно-огородными.

Как бы то ни было, в позднесоветские годы, а именно в 1980-е (датировка зависит от меры и метода) Россия вступила в стадию разворота, который мы склонны считать главным трендом 1990-х гг., несмотря на глубокий кризис, вызвавший краткое забегание вперед, вплоть до стадии мелкогородской деконцентрации. К концу декады балансы миграций обозначили откат назад к урбанизации, но динамика людности этого не показала. Чтобы понять, откуда это расхождение, нужно вспомнить о естественной убыли населения стареющих главных российских городов и о барьерах для мигрантов, роль которых вновь усилилась.

Мы полагаем, что это и есть разные части новейшей российской реальности, объясняемые или универсальными моделями урбанизации, или спецификой страны, или экстраординарными событиями недавних лет. Для начала XXI века мы считаем вероятным в качестве общероссийского тренда (при более или менее «нормальных» условиях) зрелую среднегородскую стадию PR-IV. В ее пользу говорит и ускоренное экономическое, промышленное развитие альтернативных (неформальных вторых, третьих) региональных центров (Браде, Нефедова, Трейвиш, 1999), способное привлечь в них новые контингенты мигрантов. Правда, по мере того, как система городов становится более зрелой и устойчивой, сдвиги и смена стадий обычно делаются менее выразительными и подверженными краткосрочным колебаниям вокруг состояния условного гомеостатического равновесия.

Разумеется, региональные и местные различия всегда вносят свои коррективы. Пока что их выборочный анализ привел к простому выводу: прохождение универсальных стадий зависит от уровня общего и городского развития территорий, хотя эта зависимость может быть нелинейной. Если на Северо-Западе, в Центре, на Урале, а также в Московской ГА мы имеем близкие к классическим примеры дифференциальной урбанизации, зависимой от размеров и удаленности городов, то на Северном Кавказе происходило нечто иное, не учтенное в известных нам работах по теории урбанизации.

Так обычно и бывает с идеальными схемами. Но это не значит, что они совсем «не работают», что их нельзя приложить к реальной российской действительности.

2.7. ДИНАМИКА И СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ В КОНЦЕ XX ВЕКА

В конце этой части книги попробуем выявить группы городов по их реакции на новейшие перемены. Современное неравенство порождает условия почти постоянные или унаследованные (размеры, местоположение, инфраструктура, состав населения и экономики, отразившие былые инвестиционные приоритеты) и способность вписаться в рынок в 1990-х гг. От мэра или директора предприятия-лидера также зависят экономическая политика, имидж города, его бюджет, заработки жителей. «Самочувствие» центра часто определяет региональный фон, но он усредняет и упрощает разнообразие локальных ситуаций. В регионах есть свои центры-локомотивы, полюса и образцы роста, а есть очаги кризиса и застоя. Похоже, что на смену типичной для начала кризисного десятилетия регионализации развития, власти, общественного интереса, идут их локализация и «урбанизация».

Городская динамика и миграции

Быстрый рост городов считался нормой в годы урбанизации России, хотя порождал массу проблем. Но темпы падали, иссякали потоки сельских мигрантов, города реже возникали «с нуля». Новые и привилегированные центры (столичные, связанные с наукой и высокими технологиями), обладая мощной строительной базой, лучшими рабочими местами и повышенным на фоне окружения уровнем жизни, все равно росли. Один из примеров — «атомграды», дораставшие до 50 тыс. жит. и более, хотя этого и не требовала трудоемкость основного производства, не говоря о правилах безопасности.

В 90-х гг. города России не только поделились на численно близкие группы растущих (стабильных) и демографически дегрессивных, но и поделили страну на две макрзоны: юго-западную и северную, северо-восточную (**рис. 2.7.1**). Помимо размера города (см. главу 2.6), динамика его населения связана с демографией зон и общим сдвигом миграций на юг и запад (Зайончковская, 1997). В 1996 г. их среднероссийский баланс в расчете на 10 000 резидентов составил +37 человек, а в городах европейской части +51 чел. Вот основные причины этих сдвигов.

1. География кризиса, доходов, цен. Она направила потоки мигрантов в дешевые края, подходящие для ведения натурального подсобного хозяйства. Дороговизна Севе-

ра и Востока выталкивала оттуда пенсионеров и бюджетников; «длинный рубль» как мотив приезда туда из-за инфляции терял изрядную долю смысла.

2. Давний имидж южнорусских регионов как теплых, благодатных краев. К тому же там любое небольшое городское поселение совмещает ряд плюсов городской и сельской жизни.

3. Соседство приточных регионов с местами выхода многих репатриантов, беженцев и обычных экономических мигрантов из горячих точек России и стран СНГ. Это опять-таки касается южного и западного приграничья.

4. Политика региональных властей. Люди стремились туда, где некоторое время удавалось сдерживать рост цен и сохранять социальные гарантии, т. е. в регионы «Красного пояса» (Ульяновская и Белгородская области, северокавказские края). Важна и миграционная политика, прямо влияющая на потоки переселенцев, но тоже разная и переменчивая.

Итак, притягательны регионы и города к западу, юго-западу и к югу от Москвы. Сама она с 1994 г. снова аттрактивна¹, как и почти все центры субъектов РФ, даже тех, откуда горожане вообще-то чаще уезжают; лишь в 10–12 случаях баланс негативен. Велика доля этих центров в миграционном приросте депрессивных Брянской, Ивановской, Кировской, Пензенской, Курганской областей. Но есть регионы, где мигрантов привлекают не столичные, а другие города. В 1996 г. их чистый приток в Сочи был вдвое больше, чем в Краснодаре; его так же опережали Новороссийск и Армавир. Конкуренцию Ставрополю составили курорты Кавминвод, Оренбургу — западные нефтяные центры области и металлургический Орск.

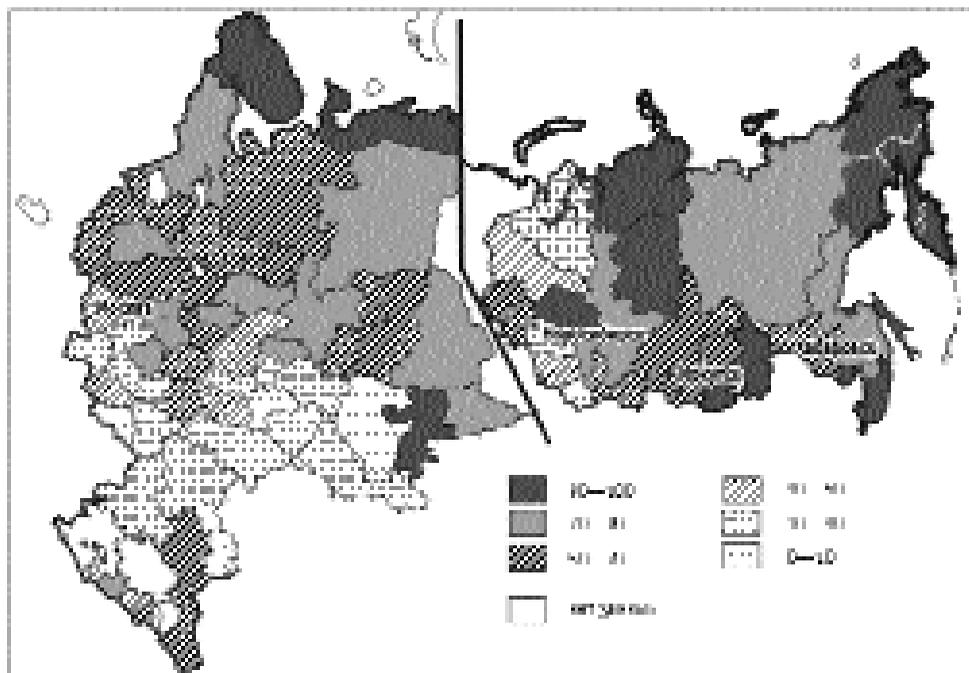
В целом менее 30% городов поменяли в 90-х гг. знак миграций с плюса на минус или наоборот, у большинства из них знак все тот же. Вместе с тем в стране немного регионов с одними отточными либо приточными городами, и контрасты особенно сильны в средней европейской полосе, где часто соседствуют города с полярной динамикой.

Дегрессивные и растущие города в конце века

Если раньше город не рос, то это наверняка означало его неблагополучие и могло использоваться для выявления депрессивных (переживавших общий упадок) советских городских поселений. Так, Р. Роулэнд (Rowland, 1980; 1994) выделил города и поселки размером от 15 тыс. жителей (ценз задала тогдашняя доступность данных) с убылью населения в течение трех межпереписных периодов: 1959–1970–1979–1989 гг., назвав их демографически дегрессивными. Их число колебалось в России от 100 до 125 ($\frac{1}{7}$ – $\frac{1}{8}$ всех городов данного размера), причем 40% постоянно попадали в список дегрессивных и 70% потеряли часть жителей за все 30 лет. Сперва это были небольшие угледобывающие и пристанционные поселения, чаще сибирские (города там быстро росли, но рано проявилась поляризация их динамики). К ним добавлялись текстильные, лесопромышленные и другие городки, а то и большие города в европейской части. Однако достижение порога в 250 тыс. чел. пока гарантировало городу продолжение роста.

¹ См. главу 2.6.

Рис. 2.7.1. Доля городов с убылью населения в 1991–1997 гг., в %

В 1990-х гг., когда урбанизация снижалась, демодепрессивных городов стало куда больше. Выделим их так, как это делал Роулэнд, хотя некоторые отличия в методе неизбежны. По техническим причинам мы начали отсчет не с 1989, а с 1990 г. и размерный ценз отнесли ко всему периоду. У Роулэнда пункт должен иметь 15 тыс. жителей на начальную дату, но в его списках есть ставшие такими позже. Людность в 1959–70 и 1970–79 гг. взята им в границах поселений на конечные даты, а в 1979–89 гг. — в текущих, так как его источник не давал ретроспективных пересчетов. Вклад таких изменений полностью не элиминирован и в 90-х гг. (кроме больших городов, для которых статистика предлагает «новые» цифры, и ряда других очевидных случаев). Пункты упраздненные либо вошедшие в черту больших городов, если это случилось ближе к 2000 г. (как с пригородами С.-Петербурга в 1999 г.), оставлены в нашем списке, а их динамика оценена по имеющемуся отрезку. Это касается и поселений-ЗАТО, данные о которых появились с середины 90-х гг. (у Роулэнда они отсутствуют). Наконец, депрессивными мы сочли пункты, где число жителей сократилось, а сохранившие его с точностью до сотни человек, как в источнике данных для **табл. 2.7.1**, к ним не относим (Роулэнд в этом вопросе непоследователен).

Таблица подтверждает, что эта «инновация» надвигалась на Европейскую Россию с востока. На Урале и за ним доля депрессивных городов еще в 60-х гг. была в 2–3 раза

Таблица 2.7.1. Динамика городского населения и дегрессивных городов и пгт размером от 15 тыс. жит. в России и ее основных районах и зонах

Страна, район или зона	Индекс динамики наличного городского населения, в %				Число пунктов с населением более 15 000 чел.				
					все	в том числе дегрессивные			
	1959 –70	1970 –79	1979 –89	1990 –2000	1990–2000*	1959 –70	1970 –79	1979 –89	1990 – 2000*
РОССИЯ**	132	118	114	98	938–929	102	124	108	527
Европейский Север	132	122	116	91	51–48	2	7	4	41
Центр и Запад***	128	115	111	97	248–240	11	28	27	169
Юго-Запад****	146	122	114	101	145–151	5	7	11	39
Волга*****	141	121	113	101	118–122	5	14	20	48
Урал	121	112	110	98	147–145	35	33	20	90
Сибирь и Д.Восток	130	120	121	95	223–216	44	35	26	140

* Включая ЗАТО и поселения, упраздненные или подчиненные крупным городам к концу периода.

** Включая Калининградскую обл. (вне районов), не имевшую дегрессивных городов в 1959–2000 гг.

*** Центральный и Северо-Западный районы.

**** Центрально-Черноземный и Северо-Кавказский районы.

***** Волго-Вятский и Поволжский районы.

Источники: Rowland, 1994, p. 357 и расчеты автора по: Численность... 1990; Численность... 2000.

выше средней. С 4–5-кратным расширением круга таких городов в 90-х гг. их доля в России поднялась до 56%. На Дальнем Востоке она достигла 90%, в Сибири и европейской части близка к средней, только на Севере это 80%, а на Северном Кавказе — всего 20%. Но именно там находятся чемпионы дегрессии — чеченские города (население Грозного за две войны сократилось как минимум втрое). Зато в соседней Ингушетии наличное население городов выросло в 3–5 раз. Появление этих полюсов усилило вариацию городской динамики по сравнению с 80-ми гг., но она ниже, чем в 70-х и ранее, когда быстрый рост многих новых центров уже сочетался с дегрессией некоторых старых².

Сосредоточим внимание на Европейской России (рис. 2.7.2–2.7.4).

В 1979–89 гг. главные полосы дегрессивных и стагнирующих городов протянулись от буроугольных и химических центров Тульской области через Московскую до текстильной Ивановской, по индустриальному Уралу и по Средней Волге. Менее плотны

² У большинства городов-стотысячников давно происходит стабилизация и нейтрализация индексов динамики. В 90-х гг. в 85 городах население росло и в 86 сократилось, причем на 10% и более — только в семи (Грозный и 6 северных), а такой же рост отмечен в 10 центрах (Назрань и ряд городов от Белгорода до Кызыла). Зато в 26 случаях изменения составили от -1% до +1%, тогда как прежде в этот диапазон попадали всего 2–3 центра.

Рис. 2.7.2. Дегрессивные городские поселения размером от 15 тыс. жителей и более в 1979–89 гг.

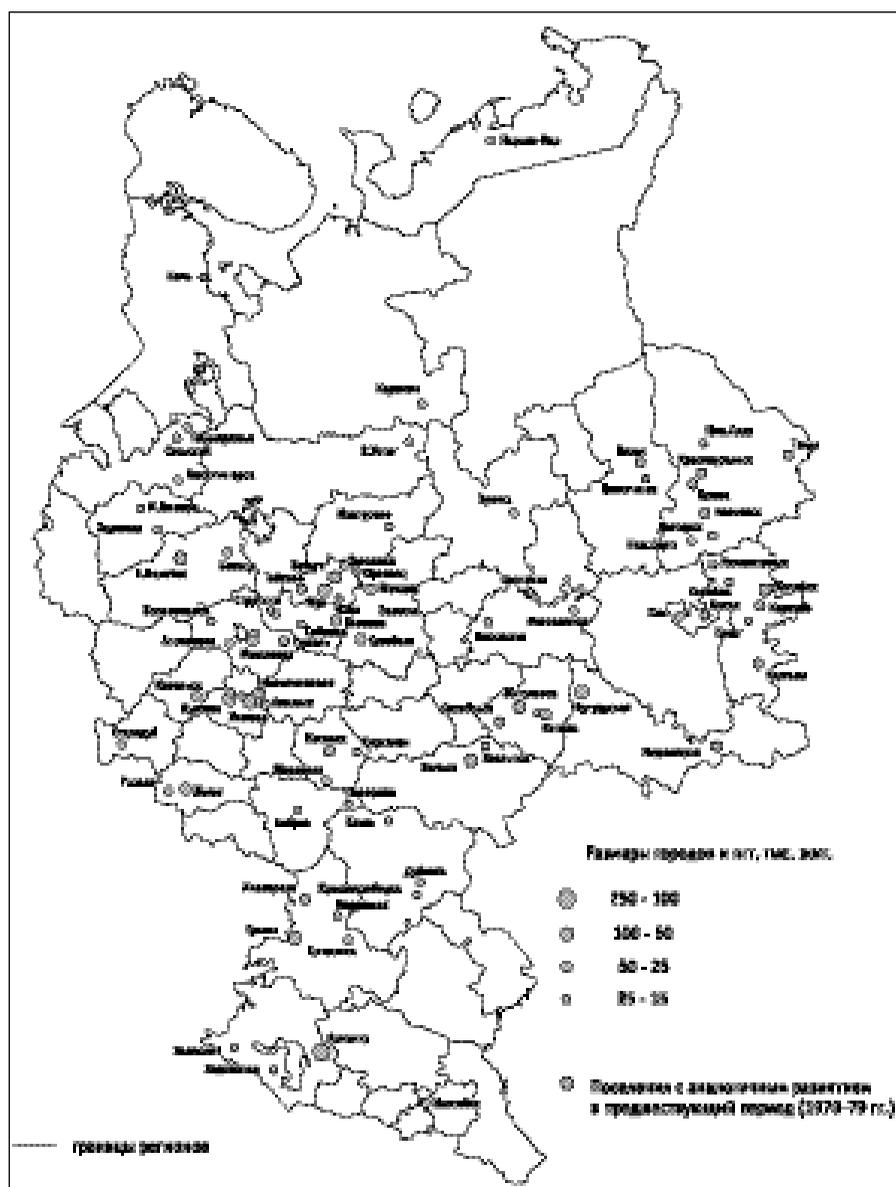

Рис. 2.7.3. Дегрессивные городские поселения размером от 15 тыс. жителей и более в 1990–2000 гг.

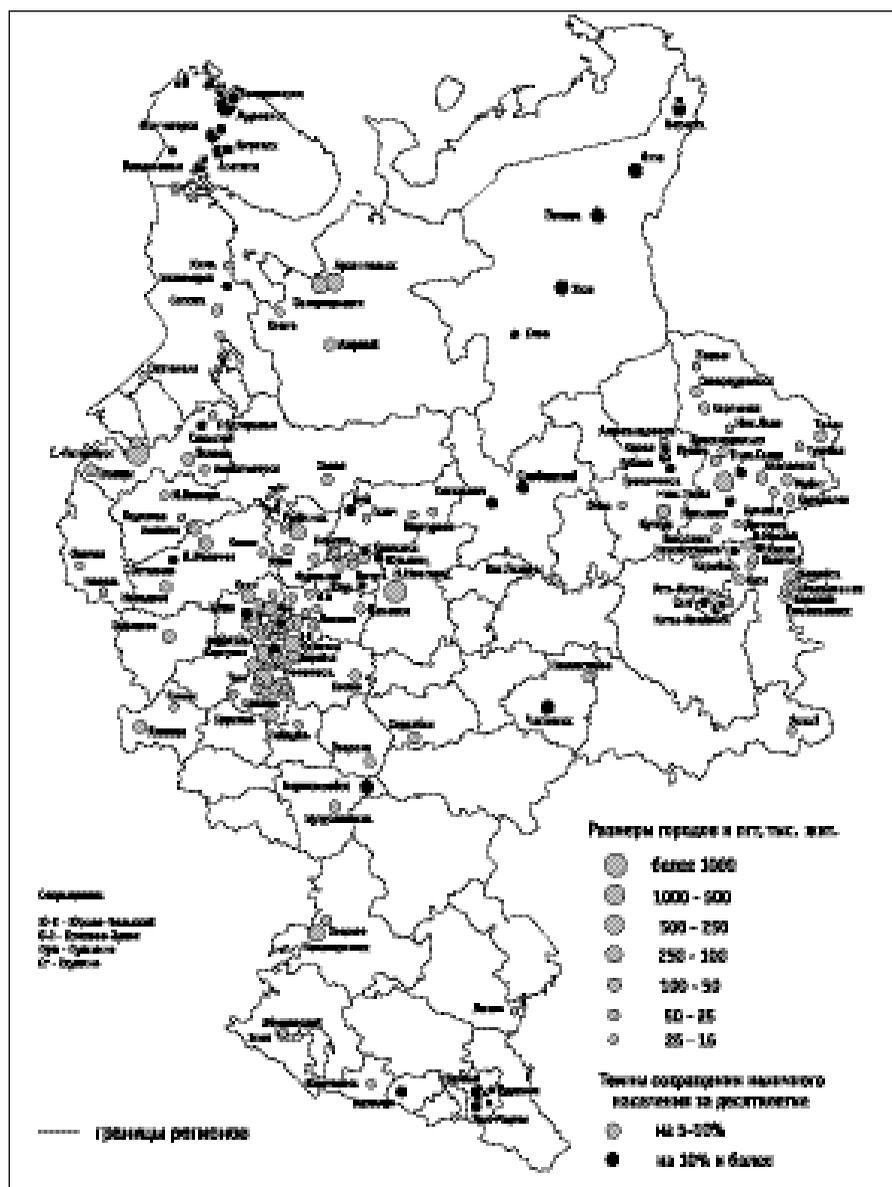

Рис. 2.7.4. Заметно растущие городские поселения размером от 15 тыс. жителей и более в 1990–2000 гг.

«межстоличная» полоса, откуда население долго и последовательно выкачивалось, область стыка Центра с Поволжьем и Предкавказская «горловина». Обычно это типичные представители внутренней периферии (например на Тамбовщине). Однако ни один областной центр тогда не попал в состав дегрессивных поселений, большей частью малых и средних.

Показать все пункты заданного размера, где население сокращалось в 90-х гг., на мелкой карте трудно. Произведен отбор центров с заметными потерями: 5–10% и более 10%. Дегрессивных поселений все равно прибавилось, но общая картина не слишком изменилась. Расширились, уплотнились центральная и уральская зоны, другие упомянутые структуры, а между ними число дегрессивных городов почти не выросло. Главные отличия внесены Севером (см. также табл. 2.7.1) и переменной знака динамики у крупных центров, включая С.-Петербург, Тулу, Нижний Новгород. У Москвы индекс по статистике немного не дотянул до -5%. Фактически он еще скромнее: миграционный приток восполняет естественную убыль москвичей в большей мере³. Умеренная дегрессия (официально в среднем -3%) характерна для региональных центров Европейской России. Зато впечатляет дегрессия их окружения. Под Москвой терял население 61 пункт из 80, в том числе 27 — на 5% и более, что связано с еще большим, чем в столице, превышением смертности над рождаемостью.

Итак, никакой размер не гарантирует центру даже стабильной людности. Возникает впечатление, что старый тип дегрессивного промышленного городка сменяет тип крупного центрального вместе с его спутниками. На поверку же они часто совпадают. Все большие дегрессивные города Подмосковья — индустриальные (Орехово-Зуево, Коломна, Подольск, Серпухов), а наукоградов среди них мало (Жуковский). Такая же картина на Урале. Средняя людность дегрессивного поселения на рис. 2.7.3 составила 53 тыс. чел., а заметно растущего — 68 тыс. (2000 г.), т. е. последние все-таки покрупнее.

Сеть городов с ростом населения за 90-е гг. на 5% и более местами выглядит как негативный отпечаток дегрессивной. Север их почти начисто лишен⁴. А вот Северный Кавказ (за вычетом Ростовской области) просто усеян растущими центрами разного размера, статуса и профиля: региональными и местными, промышленными, портовыми, курортными, пригородными. Особо отметим юный г. Михайловск (50 тыс. жит.), образованный в 1999 г. из с. Шпаковского — райцентра, пригорода Ставрополя и самого крупного прежде сельского поселения России. Обычно это следствие миграционного притока, который в середине декады мог в 2–4 раза перевешивать негативный естественный баланс, хотя в Дагестане, Ингушетии и соседней Калмыкии последний и в городах оставался позитивным.

К Средней Волге с Башкирией приурочен другой сгусток растущих городов, включая самый большой из самых динамичных Тольятти, нефтяные и химические центры, столицу

³ См. главу 2.6.

⁴ В Мурманской области нет ни одного растущего поселения заданного размера, в Архангельской — три из десяти (причем только рост центра Ненецкого округа Нарьян-Мара превысил 5%, но зато существенно), а в Республике Коми — два из одиннадцати (Сыктывкар и Сосногорск с весьма скромным ростом).

демографически активной Чувашии. Многие молодые во всех отношениях города здешних республик, подобно кавказским, выделялись на российском фоне естественным приростом, пусть небольшим, к которому добавлялся более умеренный миграционный, в основном местный сельско-городской.

В Центральном Черноземье сеть растущих городов пореже и соединяет в себе черты вышеописанных районов. Почти все города привлекали дальних мигрантов, но заметно росли удачливые экономические центры и те, где некоторый перевес рождений над смертями дополнял приток извне. Таковы, между прочим, города при АЭС: Курчатова и Нововоронеж. Рост вообще характерен для центров энергетики (Удомли, Десногорска, Новомичуринска, Волгореченска) и ряда наукоградов, в том числе закрытых (Обнинска, Зеленограда, Сарова, Новоуральска и др.): сказывается возраст градообразующей базы, жилья, инфраструктуры, да и самих жителей. Их рост наглядно демонстрирует инерционность социодемографических процессов, на которые слабо влияют самые тяжелые фобии XX века.

В окружении столиц все сложнее. Под Петербургом много депрессивных городов во главе с ним самим, но есть растущие промышленные центры (Сосновый Бор, Кириши) и типичные пригороды (Всеволожск). В Подмоскovie зона роста начинается у западного порога столицы и тянется на юго-запад — через Обнинск к Калуге. Так или иначе, заметно отличие от восточного вектора депрессии, хотя не очень многочисленная группа здешних растущих центров весьма разнородна по составу.

Что же стоит за разной динамикой городов в современной России?

Во-первых, *фоновые региональные различия в потенциале естественного прироста и миграций село—город*, связанные с уровнем и давностью урбанизации. Восточные и южные окраины Русской равнины в этом отношении отличаются от ее центра: города моложе, село многолюднее, и урбанизация продолжается на сугубо местной базе, даже без внешней миграционной «подпитки». Как это ни парадоксально (для дилетанта), депрессивные сгустки приурочены к более зрелым, «продвинутым» в ряде отношений районам, и наоборот.

Во-вторых, *межрайонные и межгосударственные миграции*, включая репатриацию из стран СНГ. Из-за них, скажем, Жигулевск и Козельск вместо прежней убыли населения показали рост в 90-х гг. За это десятилетие динамика тоже менялась, чаще в сторону спада (**табл. 2.7.2**). Поселений, терявших население как в первой, так и во второй половине декады, больше, чем росших постоянно, а в главных районах депрессии (Урал, Центр, Север) перевес достиг 2–10 раз. Почти половина тех пунктов, что росли в начале 90-х гг., затем снижали людность, утратив «инерцию» естественного и, что важнее, миграционного (после пика первых «шоковых» переселений) прироста. Случаев обратного перехода от сокращения к росту в Европейской России в 8 раз меньше. Это соотношение еще выразительнее там, где можно подросших за всю декаду городов. В Ростовской, Пензенской, Ульяновской, Оренбургской областях пункты со сменой тенденции на «негативную» составили численно ведущую категорию, что, среди прочего, говорит об их неустойчивой аттрактивности и подводит к весьма неутешительному прогнозу о перспективах роста населения.

Таблица 2.7.2. Типы динамики населения городов и пгт размером от 15 тыс. жит. по крупным районам Европейской России в 1990–2000 г.

Районы	Всего поселений**	В том числе с типами динамики за 1990–1995–2000 гг.				
		РОСТ*	С—РОСТ	СТАГ	Р—СОКР	СОКР
Северный	48	3	3	5	5	32
Северо-Западный	46	10	1	4	6	25
Центральный	202	26	3	11	38	124
Волго-Вятский	42	6	0	6	12	18
Центрально-Черноземный	42	14	1	3	14	10
Северо-Кавказский	113	48	1	12	39	13
Поволжский	81	31	2	13	21	14
Уральский***	143	31	9	11	27	65
ИТОГО	717	169	20	65	162	301

* РОСТ — постоянный рост и переход к нему от стагнации, С—РОСТ — переход от сокращения к росту, СТАГ — стагнация (стабилизация) людности и переход к ней, Р—СОКР — переход от роста к сокращению, СОКР — сокращение и переход к нему от стабильной людности.

** Исключая города-ЗАТО и другие поселения, по которым недостает данных за весь период

*** Включая Курганскую область

Источники: Rowland, 1994, p. 357 и расчеты А. Трейвиша по: Численности... 1990; Численности... 2000.

Третий фактор — это *общее состояние города и региона*, их «самочувствие» на фоне кризиса. Но есть ли связь между демографической дегрессией и общей депрессией? Дегрессивных городов нет на весьма благополучной Белгородчине, их мало в Татарии, Башкирии, Краснодарском крае и... в республиках Волго-Вятского района, чье состояние довольно плачевно. Зато там демографически полнокровна и активна сельская местность. На юге к этому добавлялся внешний миграционный приток, дела же в экономике порой шли совсем плохо. В центральной полосе городской дегрессии в полном смысле депрессивно северо-восточное Ивановское крыло, а убыль населения статистика фиксирует и в Москве (по ее же данным, очень благополучном субъекте РФ), и в Нижнем Новгороде.

Любой отдельный фактор проясняет не все, хотя может доминировать. Ситуация в каждом городе не обязательно уникальна, она бывает и типовой, но зачастую резко отличающей город от его ближайшего соседа. Как выживают города разного типа и размера и почему в кризисных условиях конца XX века одни чувствуют себя лучше других?⁵ Как объективизировать их выделение? Об этом — в следующих разделах.

⁵ Одна из попыток такой оценки — статья В. Л. Каганского (1997) о вторых городах, где выделен ряд «активных» городов — опознанных, т. е. входящих наряду с регионами в образ современной России, и менее заметных массовому сознанию. Правда, это авторская выборка, и в нее включены на равных города со знаком минус (беспокойные, социально напряженные) и со знаком плюс (моторы, полюса относительного процветания).

Оценка относительного благополучия городов

Обратимся к паспортам городов России, собираемым Госкомстатом, пусть даже с пробелами и запозданием⁶. Имеющиеся в нем показатели легли в основу семи разнородных базовых параметров для выделения благополучных и депрессивных, «сильных» и «слабых» городов. Они выражены и шкалированы в баллах (естественно, в едином направлении: выше балл — лучше ситуация).

1. *Незанятость населения*, учитывающая: а) официальную безработицу («полная» оценивается по регионам в целом путем выборочных опросов по методике Международной организации труда), хотя в подлинно депрессивных городах типа ивановской Южи даже этот заниженный показатель достигал почти 40%; б) долю всех не занятых в официальной городской экономике, включая пенсионеров, детей, домохозяек, теневиков, челночников-комьютеров и т. п., что повышает этот показатель в городах-спутниках, особенно пристольичных.

2. *Среднегодовой промышленный спад* за 1991–96 гг. (за неимением индекса общей экономической динамики). Вклад этого признака в сводную оценку дифференцирован по доле индустрии в составе работников города. Полностью он учтен там, где в ней занято более 40% (таких городов около трети, в том числе ряд региональных столиц: Тула, Ижевск, Ульяновск), если ее доля составляла 20–40%, значение фактора понижалось вдвое, а для центров непромышленных (ниже 20%; преобладают торговля, транспорт, услуги, туризм, наука, управление) он не учитывался. Из 940 городов лишь в полусотне, чаще в небольших, индустрия росла, причем в верхней части этого списка преобладали города Сибири.

3. *Начисленная зарплата работающего населения* (взамен персональных доходов), отнесенная к *среднерегиональному прожиточному минимуму (ПМ)*. Он, конечно, варьирует по городам внутри регионов, но этих данных нет, а так все же лучше, чем без всякой поправки на цены. Иначе лидерами будут одни северные и восточные города. С учетом ПМ к ним добавилось Альметьевск, Тольятти, Кириши, Череповец, Нижнекамск и др.; обе столицы попали только во вторую сотню (данных о невыдаче зарплаты в городах тоже нет, так что все это — скорее как должно было быть, чем как было на самом деле).

4. *Уровень потребления товаров и услуг*, точнее душевой объем розничный торговли и платных услуг, отнесенный к тому же ПМ по тем же мотивам. Здесь впереди Москва, некоторые региональные центры, успешные промышленные и часто курортные, в том числе небольшие (рядом с Тольятти — Анапа, Пятигорск, Геленджик, Минводы), т. е. города, где обороты этой сферы во многом определяет спрос приезжих.

5. *Капиталовложения* в расчете на одного жителя города. Этот параметр варьирует от десятков миллионов старых (до тысячекратной деноминации) рублей в Вуктыле, Чудово, Малоярославце до смехотворно малых сумм. Гораздо ровнее и ближе к среднегогородскому уровню (2 млн руб.) держатся региональные столицы, хотя и тут различия налицо: в Москве около 5 млн, в Петербурге — 1,4 млн руб.

⁶ Напомним, что мы располагаем ими благодаря участию в проекте немецкого Института страноведения и что они содержат данные по 85–89% городов РФ за 1996 г.

Здоровые и больные: сколько городов и горожан и чем они заняты?

6. *Обустроенность городского жилья* как средняя ряда показателей: обеспеченности канализацией, водопроводом, телефоном. Она высока у столиц, их пригородов, некоторых курортов, науко- и атомградов (Обнинск, Пущино, Нововоронеж, Сосновый Бор) и вообще у новых городов. Противоположный полюс формируют в основном малые запущенные города в русской глубинке или в экономически слабых этно-регионах.

7. *Экологическая обстановка* оценена по объему выбросов в атмосферу, отнесенному в данном случае к 1 га городской территории. Контрасты тут огромные, но вклад признака взят с половинным весом, учитывая вытеснение экологических проблем из ряда самых приоритетных более прозаическими заботами о пропитании и т. п.

Для получения *итоговой оценки* благополучия города частные индексы ранжированы в 10-балльном диапазоне, после чего рассчитана их средняя арифметическая для каждого города. Это привело к усреднению и сглаживанию «острых углов», но ряд сузил не так уж и сильно: итоги варьируют в диапазоне от 1 до 7 баллов. Корреляционный анализ показал, что сильнее других на сводную оценку повлияли уровни потребления, зарплат, инвестиций и безработицы (именно в этом порядке)⁷.

Здоровые и больные: сколько городов и горожан и чем они заняты?

□ценку «7» имеют считанные города: Москва, Тольятти, атомграды Сосновый Бор и Десногорск, да еще якутский Нерюнгри вне Европейской России. В ее пределах оценены 756 городов, и 6 баллов получили 46, или 6%. Это очень разные города, от С.-Петербурга до настоящих крошек с каким-то большим плюсом, фактором силы (например, с нефтедобычей у Жирновска Волгоградской области, таких же городков Коми, Башкирии и т. п.).

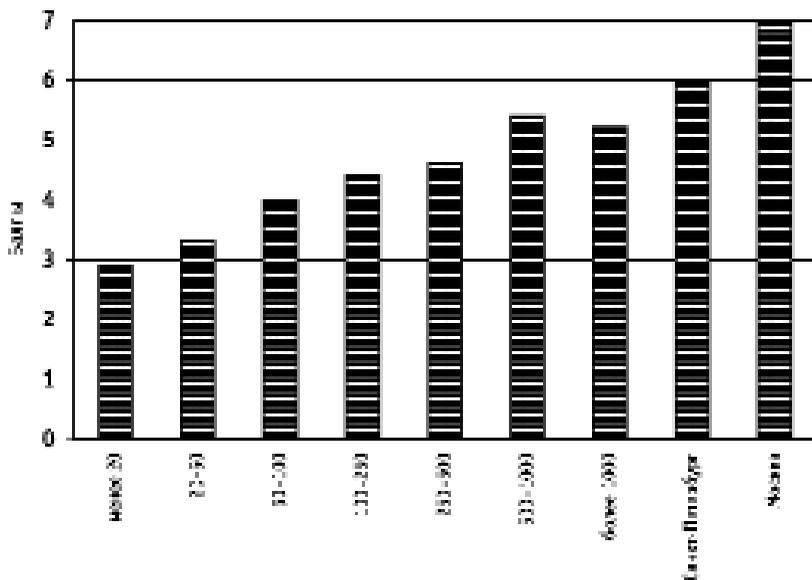
Частотное распределение центров по баллам благополучия оказалось статистически нормальным и даже симметричным. Средние 3–4 балла имеют 442 города, или 58% от их общего числа в Европейской России, где их больше, чем по стране в целом (50%): центры Сибири более контрастны. Городов с баллом «1» столько же (48, или 6%), сколько и отличников с 6–7 баллами, «двоечников» насчитывается 148, «хорошистов» (в нашей шкале это соответствует скорее оценке 5) — 125. Конечно, у нас и здоровые города здоровы лишь условно, но тем вероятнее, что больные — действительно больны. Распределение по числу жителей, напротив, резко скошенное: центры с оценкой 6–7 населяет треть охваченных анализом горожан и еще треть — города с баллом «5». В центрах с 1–2 баллами живет около 6% горожан⁸.

⁷ Парные корреляции между семью признаками невысоки, обычно в пределах 0,1–0,3. Чуть выше (0,4 по всем городам) связь между инвестициями и зарплатами и между зарплатами и душевым уровнем потребления.

⁸ Если исключить две столицы, доля населения центров с 6–7 баллами снизится до одной шестой, но зато поднимется доля следующей группы с баллом 5.

Из этих цифр уже видно, что оценки состояния городов растут с повышением класса людности (рис. 2.7.5). У городов размером от 500 тыс. жит. средний балл выше 5 (правда, нестоличные города-миллионеры выглядят чуть похуже), а у малых городов до 20 тыс. жит. он ниже 3. Их потребительские рынки зачастую просто убоги, они безденежны почти так же, как деревня. Официальная безработица достигала там в среднем почти 9%, в центрах со 100–500 тыс. жит. она снижалась до 4–5%, у миллионеров и Петербурга — до 2–2,5%, в Москве — до 1% (табл. 2.7.3.; напомним, все это на 1996 г.). Малые и средние города с 28% населения сосредоточили 47% безработных. С инвестициями все наоборот: на малые и средние центры пришлось 19% от их общей суммы, а на группу от 500 тыс. жит. (41% населения) — 53% вложений. Что у малых городов в целом лучше, так это экология⁹.

Рис. 2.7.5. Средний балл благополучия городов по группам их людности

Конечно, конкретные случаи бывают всякие. Есть не очень благополучные крупные города, хотя их балл не опускается ниже 4 даже в центрах депрессивных регионов, вроде Ивановского, а есть удачливые малые. Но поскольку малых и средних городов много (2/3 списка), велика вероятность встретить среди них полярные типы. Статистическая дисперсия баллов у таких городов вдвое выше, чем в группе от 100 до 250 тыс. чел., и вчетверо выше по сравнению с еще более крупными. В целом *налицо связь между размером города и его состоянием* к исходу века, характерная, судя по всему, и для советского времени.

⁹ По всей видимости, там часто спокойнее и криминальная обстановка, показатели которой не вошли в оценку благополучия из-за их ненадежности (разной степени регистрируемости преступлений и т. п.).

Здоровые и больные: сколько городов и горожан и чем они заняты?

Таблица 2.7.3. Некоторые показатели городов разного размера в 1996 г.

Показатели	Города с населением, тыс. чел.							Столицы		Сумма или среднее
	менее 20	20–50	50–100	100–250	250–500	500–1000	более 1000	Петер-бург	Мос-ква	
Средний уровень регистрируемой безработицы, %	8,9	7,8	6,0	4,8	4,2	2,8	2,2	2,4	1,1	4,2
Доля в общем числе безработных, %	9,8	20,8	16,2	15,6	16,5	9,8	6,0	2,6	2,7	100,0
Душевой объем инвестиций, млн руб.	1,3	2,1	2,0	2,5	1,9	1,9	2,7	1,4	4,9	2,1
Доля в общем объеме инвестиций, %	2,5	10,4	10,0	15,2	13,8	11,6	13,4	2,9	20,1	100,0
Средняя месячная зарплата, тыс. руб.	626	694	765	885	774	843	807	785	964	703
Душевой товарооборот, млн руб. в год	3,4	3,6	3,9	4,7	5,2	6,4	5,7	7,8	22,6	6,8
Доля в объеме товарооборота, %	2,2	6,1	7,0	10,0	13,1	13,6	10,0	5,5	32,5	100,0
Доля в общем населении городов, %	4,4	11,4	12,1	14,5	17,0	14,3	11,8	4,8	9,7	100,0
Доля в числе работников промышленности, %	3,5	10,7	12,6	16,7	17,8	16,7	12,4	3,0	6,5	100,0

Статистический анализ подтвердил поставленную выше под сомнение сопряженность динамики населения города с его состоянием, причем она самая прямая: *чем благополучнее центр, тем заметнее его рост (в 1991–98 гг.), и наоборот — депрессии обычно сопутствует депрессия населения*, начиная с оценки 3 балла и ниже (**рис. 2.7.6**). Частные отступления от этого правила не отменяли его¹⁰. Связь с миграциями менее линейна, но тоже очевидна. Их сальдо в расчете на 10 000 жителей у трех лучших групп городов Европейской России выше +50, хотя максимум (+69) отмечен в группе с баллом 4 (видимо, сказываются барьеры для мигрантов в городах-гигантах, о которых сказано в главе 2.6). С ухудшением состояния сальдо падает не очень резко, но вплоть до оттока (-12) у группы с баллом 1. При этом распределение в европейской части мало отличается от общероссийского, хотя уровень нетто-миграций на западе страны выше (**рис. 2.7.7**).

Экономический профиль города определяется по нашим данным не очень детально. Разумеется, можно выделить столицы республик, краев, областей. Их балл — в среднем 5, и разброс его значений невелик. Нельзя сказать, что это вызвано каким-то одним блестящим параметром, разве что безработица явно ниже средней. По динамике производства, зарплате, инвестициям, взятым в отдельности, их могли обгонять другие ти-

¹⁰ Заметим здесь, что все наши средние оценки не взвешены на население городов. Москва и Десногорск при этом оказываются равнозначными случаями, а сочетание благополучия той же Москвы с ее видимой депрессией — рядовым исключением из указанной статистической закономерности.

Рис. 2.7.6. Динамика населения городов с разными баллами благополучия в 1991–1997 гг.

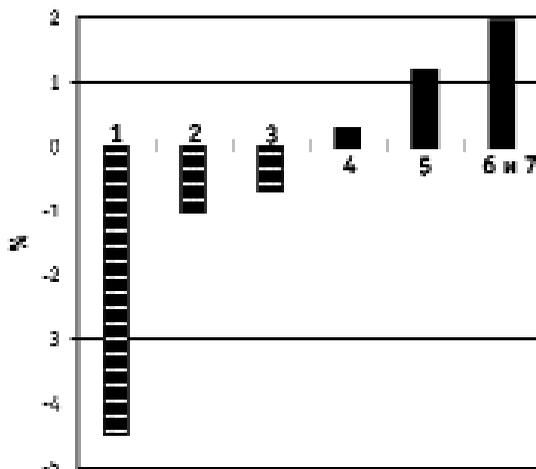
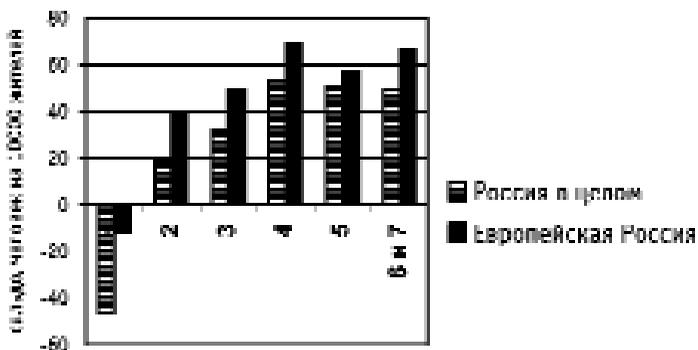

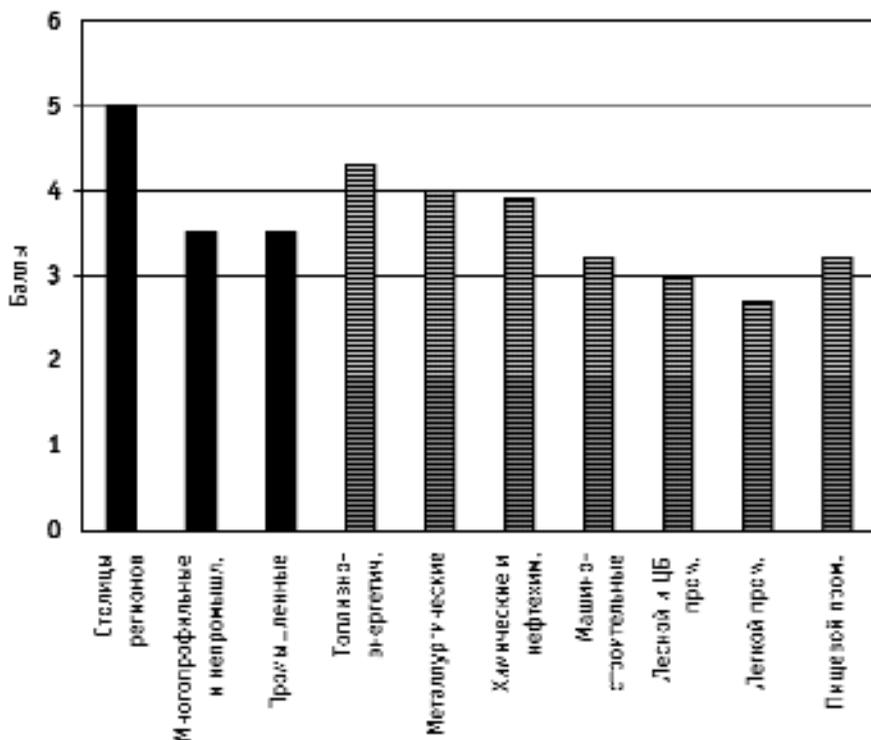
Рис. 2.7.7. Сальдо миграций городов с разными баллами благополучия

пы городов. Дело скорее в умеренном, но дружном улучшении всех признаков. Столицы снова привлекательны для мигрантов, хотя динамика их населения сложилась как слабонегативная (-0,6%).

Средний балл многопрофильных или непромышленных (в индустрии занято до 20%) и промышленных центров (более 40%, а в среднем по группе 51%), которых набралось почти поровну, оказался абсолютно идентичным: 3,5 (рис. 2.7.8). Однако за

Рис. 2.7.8. Благополучие городов России, принадлежащих к разным экономическим типам

этим стоят разные комбинации частных параметров. В городах индустриального типа выше зарплата, а у их антиподов — объемы торговли и услуг: лишний пример несовпадения мест производства и потребления в России. Промышленная динамика к середине 90-х гг., как ни странно, была чуть лучше в непромышленных центрах, и инвестиций на душу населения они получили чуть больше. Они также привлекательнее для мигрантов, и динамика их населения положительна, тогда как у «индустриалов» отрицательна. А вот безработица почти одинакова (7–8%, или вдвое выше, чем в столичных центрах).

Немаловажным фактором оказалась промышленная специализация, определяемая с помощью индексов локализации производства по стандартным агрегированным отраслям. В соответствии с известными представлениями о стабильных и депрессивных отраслях самыми благополучными оказались центры топливно-энергетического комплекса и металлургии (средний балл выше 4), а самыми угнетенными — центры легкой индустрии (2,7 балла). Самый сильный спад производства также отмечен в центрах вто-

рого типа; продукции на одного работника у них раза в три меньше, чем у первых, а зарплата вдвое ниже. Лучше два признака: экология и... нетто-миграции, не включенные в оценку благополучия. В текстильные городки, как и в пищевые (близкие по депрессивности к лесопромышленным и машиностроительным), едут мигранты, так что их население почти стабильно, а у местных агроцентров даже растет. Напомним: их привлекали скромные, дешевые поселения, пусть бедные и депрессивные, зато спокойные. В «процветающие» топливные города тянутся немногие, а из угольных — просто бегут. То же с центрами лесного профиля, хотя их состояние очень разное. Значит, дело не в отраслях, а в территориях, в общем оттоке с севера и востока на юг и запад.

Здоровые и больные: где они расположены?

Колебания средних оценок самочувствия городов по крупным районам не особенно выразительны (табл. 2.7.4). Не считая двух столиц, лучшие показатели (выше 4 баллов) отмечены на юге, в Центральном Черноземье и равнинном, русском Кавказе, а в его национальной, горской части он хуже всего (2,7 балла; при их традиционном объединении в общий район все сглаживается). Прочие умещаются в диапазон от 3 баллов в Волго-Вятском районе до 3,6–3,7 на Севере и Урале. Там и в Поволжье выше пестрота внутренних различий (и особенно высока на востоке страны, остающемся за рамками данного анализа).

Уточним картину на уровне регионов — субъектов РФ. Правда, средние баллы городов тоже варьируют не очень сильно и мало где выше 4,5. Это Белгородская и Самарская области, Башкирия, Татария (хотя в базе данных много ее малых городов пропущено). Худшие средние баллы (до 2,5) имеют Ивановская область и республики Северного Кавказа.

Но что такое эти средние и какие различия сильнее — внутри- или межрегиональные? Расчеты показывают, что скорее первые. Коэффициент вариации средних баллов по 73 регионам всей России — всего 0,18. А внутри половины регионов, порой при малом числе городов, он выше 0,40; в десяти — достигает 1,0. Самый пестрый регион — Калмыкия, где очень резко выделяется Элиста, а однородны Рязанская (тут все середнячки), Ростовская область, Башкирия.

Все же это исключения из правила, а правилом является вариация на уровне 0,34, обычно означающая, что сравнительно здоровые города, имеющие 5–6 баллов, соседствуют с неблагополучными «троечниками», «двоечниками» и полными бедолагами. Примеры такого соседства найти нетрудно: Архангельск и Северодвинск, Вологда и застрявший со своим целлюлозно-бумажным комбинатом на 2 баллах Сокол, костромские Нерехта (типичная для ивановской депрессивной воронки) и сосед Волгореченск при Костромской ГРЭС, Волгоград с Волжским (по пятерке) и Котельниково (двойка, обвалившийся судоремонт), кавминводская группа с 5–6 баллами и какой-нибудь недалёкий Зеленокумск.

Здоровые и больные: где они расположены?

Таблица 2.7.4 Некоторые показатели городов по экономическим районам Европейской России в 1996 г.

Показатели	Се- вер*	Севе- ро- Запад **	Центр ***	Волго- Вят- ский	По- вол- жье	ЦЧР	Сев. Кавказ (респ.) ****	Сев. Кавказ (края и обл.)	Урал	С.- Петер- бург	Мос- ква	РФ в це- лом
Оценка благополу- чия в баллах	3,7	3,4	3,2	3,0	3,4	4,1	2,7	4,2	3,6	6	7	—
Вариация баллов благополучия	0,50	0,51	0,38	0,46	0,58	0,32	0,36	0,30	0,51	—	—	—
Доля в населении городов, %	3,2	3,8	14,8	5,6	12,0	4,7	1,3	7,6	14,6	4,8	9,7	100,0
Доля в числе городов	5,9	7,9	23,1	5,9	9,0	4,7	3,4	6,3	14,4	0,1	0,1	100,0
Средний уровень офиц. безработицы, %	6,0	6,5	6,4	6,6	3,9	4,0	4,0	2,9	4,7	2,4	1,1	4,2
Доля в общем числе безработных, %	4,7	5,6	20,9	9,5	11,3	4,7	1,0	5,1	15,8	2,6	2,7	100,0
Душевой объем инвестиций, млн руб.	2,6	1,2	1,1	1,5	2,0	1,8	1,0	1,3	1,9	1,4	4,9	2,1
Доля в общем объе- ме инвестиций, %	4,1	2,3	7,9	4,2	12,0	4,2	0,6	4,8	13,7	3,4	23,3	100,0
Средняя месячная зарплата, тыс. руб.	932	587	571	500	597	563	380	549	731	785	964	703
Душевой товаро-обо- рот, млн руб. в год	5,5	3,9	3,8	4,3	5,2	5,3	3,2	5,9	2,2	7,8	22,6	6,8
Доля в объеме товарооборота, %	2,6	2,2	8,4	3,6	9,3	3,7	0,6	5,0	10,4	5,5	32,5	100,0
Сальдо миграций на 10 000 жителей	-4	70	51	31	41	87	—	68	28	29	41	29

* Без Карелии и Мурманской области, по которым нет данных.

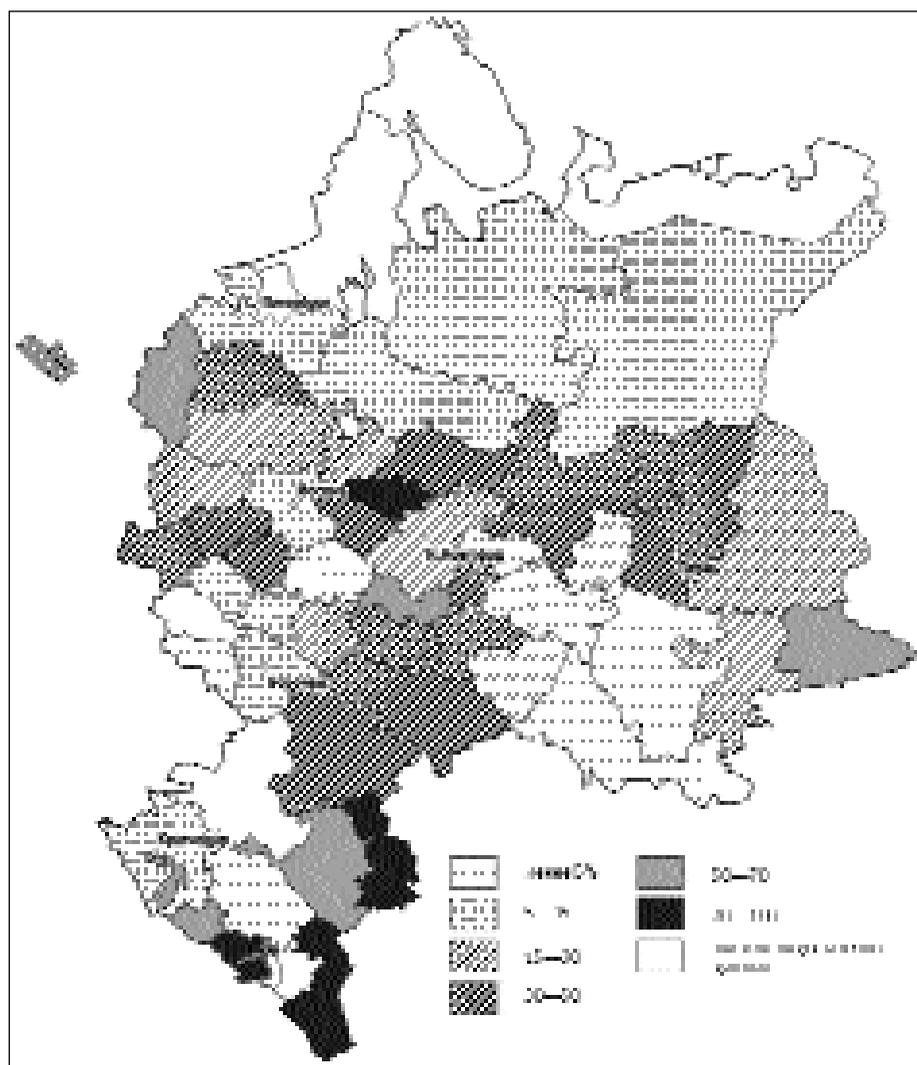
** Без С.-Петербурга.

*** Без Москвы.

**** Без Чечни.

Весьма наглядную картину дает простая мера — доля слабых, нездоровых городов. Она высока в ряде южных регионов, особенно в Осетии (и, конечно, у ее соседей, для которых нет данных), и в Астраханской области, где, кроме Астрахани, было всем городам плохо (рис. 2.7.9). В центре страны, понятно, выделяется Ивановская область, где больше всего (14) больных городов с 1–2 баллами, включая самый крупный из них Кинешму, и нет ни одного «отличника». Ареалов относительного городского благополучия тоже два: Волго-Уральский и идущий полосой из Центра на юг, к Ставрополю.

Рис. 2.7.9. Доля неблагополучных городов в Европейской России, 1996 г., в %

Альтернативы формальным лидерам

Этот вопрос уже затрагивался в главе 2.3, где отмечено, что централизация в регионах по многим признакам за столетие усилилась, оставив глубокий след в расселении. В 79 из 86 субъектов РФ, где есть хотя бы два городских поселения, первое по числу жителей служит местной столицей, превосходя второе в среднем шестикратно. Признаком современной силы этих столиц служит хотя бы тот факт, что они все вместе концентрируют 43% доходов муниципальных бюджетов на 31% населения регионов (Novikov, 1998). Средний балл их «здоровья» составил 5,0, будучи самым высоким во всех применявшихся группировках.

А как же новая, рыночная реструктуризация пространства и городской иерархии в конце XX века? По концентрации штабов 100 крупнейших российских компаний (рейтинг журнала «Деньги» на 01.01.1997) уникальна Москва. Это 22 штаб-квартиры, т. е. пятая их часть, но с капиталами в $\frac{3}{4}$ от суммарного по сотне фирм. Во всей Тюменской области, в разных центрах которой находятся 6 штабов из списка, сумма капитализации в 13 раз, а в Татарстане (4 штаба) — в 30 раз меньше. В Питере их 5, но это в 55 раз меньше капиталов, чем в Москве. Правда, одно дело офисы, другое — реальный сектор. Доля Москвы в промышленном производстве упала так резко, что она теперь и не выделяется среди ведущих регионов. Тут устойчиво росла разве что пищевая индустрия, использующая емкий рынок. Напомним, что во всей России, по данным на 1996 г., в 15 довольно мощных регионах (таких, как Вологодская и Самарская области, тюменские округа, Красноярье и др.) столица уступала другому индустриальному центру или центрам по объему продукции, еще в 10 — имела почти равного ей конкурента, но в большинстве — по-прежнему лидировала (см. табл. 2.3.10 в главе 2.3). Однако индустрия определяет уже не все и не везде.

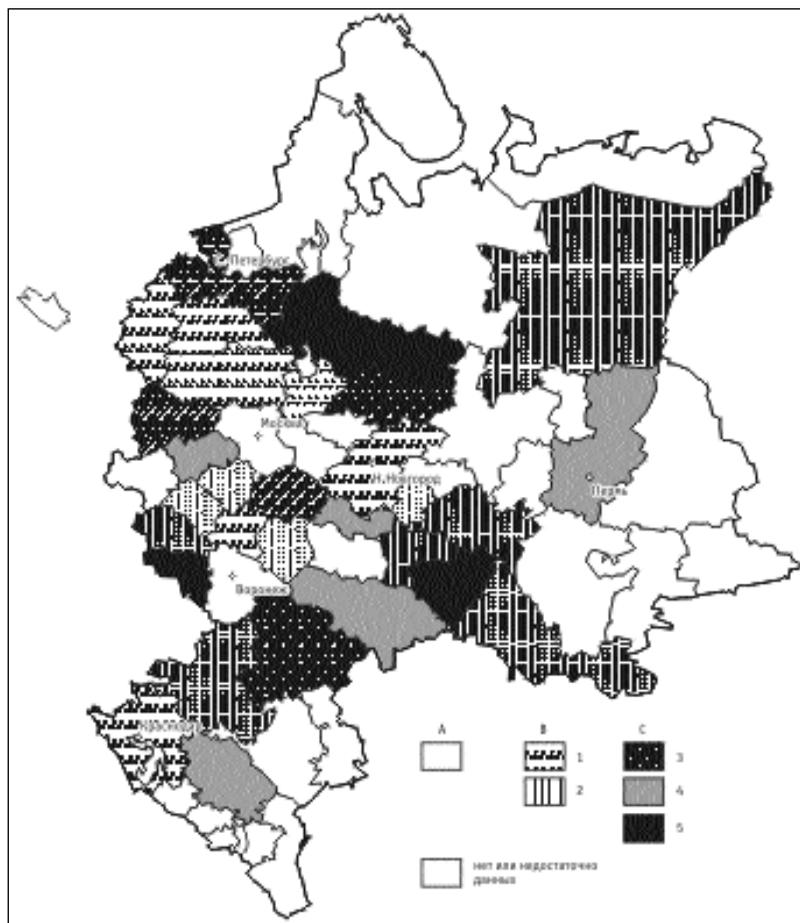
Попробуем сравнить формальные «столицы» и их дублеров, конкурентов в регионах Европейской России по здоровью (все те же баллы) и масштабам (населению). Получается следующая схема (**рис. 2.7.10**).

В 21 регионе из 52 проанализированных, то есть у 40%, столица является самым крупным и лучшим по состоянию городом, опережая любой другой, как минимум, на балл и будучи центром силы и власти, эталоном и полюсом роста в количественном и качественном отношении. Примеры очевидны, причем сюда же отнесен Московский регион.

В 17 регионах есть центры, сопоставимые с официальным по благополучию. Но они резко, на порядок и более, уступают ему в размере (7 случаев), или это типичные вторые центры с населением до 50% от «столичного». Первый подтип представлен целой полосой регионов, протянувшихся чуть севернее Москвы от Пскова до Нижнего Новгорода; примеров второго много на юге, хотя они есть и в других концах России. Столица в этом случае — уже не вполне монополюсный лидер.

В 13 регионах формальный центр уступал другим по здоровью на балл и больше, хотя в пяти случаях он гораздо крупнее своего условного соперника, как, например, Пи-

Рис. 2.7.10. Типы регионов по благополучию формальных и неформальных столиц

- A — в регионе нет города благополучнее столицы
- B — в регионе есть центры, сопоставимые со столицей по уровню благополучия:
 - 1 — мелкие (менее $\frac{1}{10}$ населения столицы),
 - 2 — средние (от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ населения столицы),
- C — столица уступает по благополучию другим центрам:
 - 3 — мелким,
 - 4 — средним,
 - 5 — значительным (более $\frac{1}{2}$ населения столицы)

тер, чье состояние хуже, чем у Соснового Бора. Еще в пяти «парах» (Калуга—Обнинск, Ставрополь — Пятигорск и др.) конкурентом ему служит меньший, но далеко не малый и качественно лучший центр. Наконец, в трех регионах Европейской России он близок к столице по размеру. Это Череповец (он больше и благополучнее Вологды), Старый Оскол и Тольятти (они поменьше, да получше Белгорода и Самары).

В общем то или иное основание для конкуренции центров имеется в 60% регионов РФ, где в роли местного эталона качества экономики и жизни может выступать не только формальный лидер, пусть превосходящий абсолютной мощью все другие¹¹. Этих других, сравнимых с ним хотя бы качественно, по стране набирается до 85, и их хватило бы почти на все регионы при равномерном размещении. Но на самом деле местами наблюдаются скопления (по 8 в Ростовской и Пермской областях), а все их население (8,5 млн чел.) сильно уступает населению формальных лидеров (35 млн даже без Москвы и Питера). Зато «неформалы» лидируют по ряду относительных показателей. В 1996 г. средний душевой объем инвестиций был у них втрое выше; индекс динамики населения за 1991–97 гг. составил +2%, тогда как официальные центры потеряли в среднем 0,5%.

Все это несколько смягчает оценку России, особенно западными авторами, как страны неизбывной централизации. Правда, дать на сей счет прогноз нелегко. Где-то укрепление неформальных центров может стать устойчивым процессом, где-то нет. А устойчивость, особенно общего имиджа, attractiveness города, — важнейший фактор. Отчасти он уже есть у таких городов, пусть небольших, как новгородское Чудово, костромской Волгореченск, калужские Обнинск и Малоярославец, куда стартовые инвестиции притягивают следующие их волны и новых инвесторов. С другой стороны, ко многим городам подходит известное пессимистическое клише: *богатые богатеют, бедные беднеют*.

Это показала даже «вторая волна» кризиса, вроде бы ударившая с августа 1998 г. по рыночным структурам и центрам их скоротечного роста. Если советские директора, лишаясь госзаказа, не спешили увольнять своих рабочих, то новые хозяева вели себя как западные, сразу выбрасывая за борт лишних клерков, брокеров, риэлтеров. Падение вздутых цен на московское жилье также говорило о провале «острова процветания». К тому же девальвация рубля и сокращение импорта в принципе несли облегчение и даже взлет периферийным центрам отечественного производства. Однако спустя пару лет стало ясно, что не все из них смогли использовать этот шанс, а на нищую, безденежную глубинку монетарный кризис не оказал ни особо шокирующего, ни стимулирующего влияния. Нового «нивелирования вниз» не произошло. А уникальные элитные центры, «глобальные города», прежде всего Москва, обнаружили известную непотопляемость в бурях кризиса и приспособляемость к любым условиям. Впрочем, это им свойственно, что называется, по определению.

¹¹ Нечто вроде внутриобластного сепаратизма либо покушений на статус региональной столицы замечалось в 90-х гг. в биполярных регионах, от Псковского и Белгородского до Кемеровского. Споры по поводу дележа налогов шли повсеместно, а не только в этих, вообще-то не типичных для России регионах.

Что добавляют личные наблюдения

Учитывая противоречивый, переходный характер самой российской реальности, нужно признать особую роль посещений, бесед с жителями городов и их начальством, свидетельства местной прессы. Ведь статистика не способна уловить многие, особенно теневые и полутеневые, изменения экономики городов. Например, она фиксирует далеко не все мелкие фирмы, цеха и т. п., возникающие на фоне еле-еле дышащих крупных и средних промышленных предприятий и активно пользующиеся их технологическим и кадровым потенциалом. Этот характерный для конца века «симбиоз» крупных и мелких предприятий в городах в чем-то сродни симбиозу бывших колхозов и личного подсобного хозяйства в деревне¹², да и цель та же — избежать риска и налогов. Отсюда недооценка реальной активности населения и малого бизнеса как в городах, так и в деревне.

Приведем несколько примеров благополучных и бедствующих городов середины 90-х гг. в разных регионах Европейской России.

Волгореченск — типичный островок благополучия в депрессивной *Костромской области*. Прибыльность предприятий раза в три выше среднеобластной, инвестиций он получал почти вдвое больше. Зарботки опережали средние московские. Однако на 18–19 тыс. жителей и 7–8 тыс. занятых приходилось 800–900 официально безработных (10–11%, что немало для региона) вследствие известной однобокости профиля. Город зависел от гигантской *Костромской ГРЭС*. Он и возник в 60-х гг. как поселок при ней, сперва административно подчиненный Костроме, но с 1994 г. стал городом областного подчинения, что втрое увеличило его бюджетные доходы: помимо части налога на добавленную стоимость и налога с прибыли, на месте должны оставаться платежи за землю, воду, экологические и др. Более $\frac{9}{10}$ налогов давала ГРЭС (в бюджете области ее вклад доходил до трети), хотя, увязая в неплатежах, часто рассчитывалась с городом натурой. Еще энергостроители задали особые социальные параметры: у многих высокая квалификация, доходы, машины, опыт работы за рубежом. Город и привлекал сравнительно здоровой социальной средой, низкой преступностью, новым жильем, неплохим расположением. Газпром решил построить здесь завод (трубы для газификации и изоляционные материалы по крупновской технологии) на 750 рабочих мест. Это еще больше усилило отрыв Волгореченска от соседей, включая Кострому.

Ближайший райцентр Нерехта — город-антипод. Он больше Волгореченска: 28 тыс. жителей (еще недавно их было за 30 тысяч). И старше: известен с 1214 года, давний центр ремесла и полотняной мануфактуры. Градообразующая база разнообразнее, но лидируют в ней легкая индустрия и машиностроение, пережившие хронический кризис. Район выделялся в Костромской области по показателям спада производства (более 75%) и безработицы (официально 13%). Льняной комплекс на юге области вообще-то потенциально эффективен, но его мощности недоиспользуются. Многие зависело от оборонных заказов, так как даже каблучная фабрика делала детали армейской

¹² См. главу 3.6.

обуви. Их отсутствие тоже вызвало остановку производства и задержки зарплаты, притом самой низкой среди городов региона, а вслед за тем — пенсий и социальных пособий, ибо соответствующие внебюджетные фонды пустыли по тем же причинам и все сильнее зависели от внешних субвенций.

Такое состояние типично для текстильных городков, формирующих *Ивановскую зону депрессии*. Местами положение там совсем отчаянное. Символом бедствия можно было считать **г. Южа** на юге Ивановской области (Город, где голодают., 1997). По размерам копия Волгореченска, он еще раньше Нерехты, с 70-х гг., перешел в разряд депрессивных. И еще сильнее зависит от «кормилицы» — прядильной фабрики, загруженной в разгар кризиса на 20% мощности и задолжавшей городу 4 млрд рублей. Безработными официально числились 38% трудоспособных жителей. Зарплаты, пенсии, пособия не выдавались месяцами. Журналисты отмечали признаки голода и социального одичания. Местная власть могла помочь горожанам разве что участками под огороды, а областной центр нередко задерживал перечисление бюджетных дотаций, на которых подобные места держатся по сей день.

Экономическое благополучие *Белгородской области* сводится к трем буквам — *КМА* (Курская магнитная аномалия), за которыми треть железорудного сырья России. И к трем эксплуатирующим этот дар гигантам: Лебединскому и Стойленскому горнообогатительным и Оскольскому электрометаллургическому комбинату. Т. е. к промышленно-городскому узлу **Старый Оскол — Губкин**.

Вместе эти центры почти не уступают региональной столице по населению: 300 тыс. жит. против 340 в Белгороде. Но именно их рудно-металлургический комплекс, обросший массой попутных и побочных производств (от тонкодисперсного мела на базе вскрышных пород до молока, сыра, мебели, джинсов), давал в середине 90-х гг. 55% промышленной продукции, свыше 60% доходов областного бюджета и 95% экспорта. За пару дней в Старом Осколе приезжий непременно слышал речи о том, что экономической столице региона надо бы стать его формальным центром. В Белгороде, мол, только лежащие заводы да учреждения (больницы, театры, институты), которые все равно финансируют оскольские доноры, но не пользуются ими, так как у них все свое и лучшее. Здесь даже издают больше газет. Недовольство промышленных магнатов вызывало и то, что 20% наполняемого ими бюджета губернатор-аграрник тратил на сдерживание цен, распыляя средства по безнадежным колхозам.

В пригородных зонах, скажем под Петербургом, есть свои полюса благополучия и бедствия. Первые — это опять две ключевые аббревиатуры: КИНЕФ (Киришинефтеоргсинтез) и ЛАЭС (Ленинградская атомная электростанция) и два адреса: **Кириши** и **Сосновый Бор**. Эти средние города (55–60 тыс. чел.), притом растущие, давали в се-

редине 90-х гг. более половины промышленной продукции и прибыли Ленинградской области. При высокой для российского региона децентрализации ее бюджета, его рас-средоточенности в основном по городам областного подчинения (из-за отсутствия в нем центра: функционально это Питер, но формально он им быть не может), особого местного благополучия там не наблюдалось.

Конечно, в Киришах, ставших городом с 1965 г., когда был пущен КИНЕФ, и в еще более молодом Сосновом Бору (дата рождения города и Ленинградской АЭС — 1973) жилье, инфраструктура и сервис далеко не худшие, но висят на балансе предприятий. И эта проблема типична для центров-доноров (тех же Волгореченска и Оскола): с них не спешили снять этот груз, а заботы о нем, конечно, не были приоритетными. Пуск в Киришах дочернего завода моющих средств по американской технологии обошелся в 300 млн долл., но миллиона на достройку фабрики детского питания не хватало. Типовой является и проблема ножиц зарплаты между рабочими и бюджетниками, у которых она вдвое ниже. Так, на содержание медицинских учреждений отрывали часть зарплаты у врачей, и им в этом дорогом городе жилось хуже, чем в других, дешевых. Не забудем и экологию. На ЛАЭС такие же реакторы, как в Чернобыле, после катастрофы в котором новости Петербургского телевидения долго завершала сводка о радиационной обстановке в Сосновом Бору (обычно нормальной). А Кириши прославились в 80-х гг. успехом «зеленых», добившихся остановки биохимзавода (правда, не очень долгой).

Зона неблагополучия и бедности — восток Ленинградской области. Это «алюминиевая тройка»: **Бокситогорск, Тихвин, Волхов**. Их ресурсы давно истощены, фонды изношены, Бокситогорск и Тихвин стали завсегдатаями дегрессивных списков. Еще хуже ситуация в **Подпорожье**, где искал работу каждый шестой трудоспособный (в вышеупомянутых районах, а также в Сланцевском — каждый десятый). Зато в очень бойкую зону превратился Карельский перешеек и его главный центр **Выборг**, через который шел поток людей и грузов из России в Финляндию, страны ЕС и обратно. Правда, в конце 90-х гг. разразился скандал по поводу владения здешним ЦБК со спиртоводочным «привкусом». Впрочем, если собственность делят, значит она кому-то нужна. Кстати, за схваткой в Выборге последовала похожая в **Качканаре**, одном из самых лакомых кусков Свердловской области...

Благополучие «богатых» городов воспроизводится за счет внешних инвестиций (мотивом притока которых служит само благополучие), активности удачливых предприятий. У них есть свои типовые проблемы, но не идентичные проблемам слабых и дотационных поселений. Города-доноры, как и доноры-регионы, пытаются координировать свои действия, объединяться для защиты похожих интересов. Труднее ждать таких действий от городов с симптомами и синдромом нищеты. При подобии проблем у них разные (областные) источники помощи и гораздо меньше самостоятельности, инициативы.

Следуя формуле Льва Толстого, можно было бы сказать, что все несчастные города несчастливы по-своему, если бы в причинах и следствиях их бед не проступали отраслевые и демосоциальные закономерности. Одно из самых страшных последствий — ка-

чественный износ человеческого капитала, упадок духа и надежды, присущие городам вроде Южи с долгим депрессивным стажем. Чисто количественная дегрессии населения по-разному сочетается с качественной социально-экономической. Но связь между ними есть, и это тоже симптом, особенно для малого города в демографически «полнокровном» регионе.

* * *

Напоследок добавим, что город у нас есть нечто большее, чем просто город, особенно если сам он большой, а тем более столичный. Вспомним о том, что советская эпоха началась переворотом в Петрограде (потом по стране долго гуляла кровавая война) и закончилась событиями 1991–1993 гг. в Москве (на которые страна тоже взирала со страхом и недоумением).

В городах XX века, в отличие от дореволюционных и от деревни (см. главу 3.5), фактически исчезло общинное, социальное самоуправление. Его заменило управление сверху, включая всю систему советской власти, взяв на себя роль организатора жизни и быта, контролера и цензора повседневного поведения обывателей. Распад системы, сопряженный с резким ослаблением контроля, обнажил всяческие социальные патологии, но резко усилил степень индивидуальной свободы, немислимой при более жестком «низовом» контроле (в том числе в западных городах с их коммунальной традицией). Правда, воспользоваться ею могут далеко не все.

Города разного ранга — это и теперь командные центры территорий, часто обширных, аморфных и обезлюдивших в ходе векового стягивания населения в города и поближе к ним. Порой это единственное место, где теплятся товарное производство и обмен, где есть некие учреждения и где еще можно встретить к вечеру трезвое лицо мужского пола. Однако общая деградация глубинки захватывает и малые центры. Быть может, нижние звенья городского расселения — как раз ее главные жертвы (об этом как-то говорила Ж. А. Зайончковская; близкие суждения есть у других экспертов), сильнее деревни страдающие от распада внешних связей, системы разделения труда. Усиленная кризисом замкнутость, «запертость» населения и даже элиты вела к регионализации и локализации общественной жизни, обостряя различия в ней от места к месту, сужая спектр социальных ролей и возможностей.

Хотя налицо быстрое расслоение городов, аттрактивных, судя по балансам миграций, стало немногим меньше, только большой приток или отток уже редки. Город привлекает меньше приезжих, удерживая собственных жителей. По-настоящему исчезающих городов, в отличие от сел и поселков, даже сейчас почти нет. В половине регионов центром и моделью роста служит не только «столица», что делает сомнительным клише о ее противостоянии всей своей периферии как «деревне». На самом деле это экономически сильный город с его бизнес-группами. Рычаги его влияния — денежные, а у столицы региона — административные. Они тоже позволяют улучшать социальную инфраструктуру,

поднимать балл благополучия, имидж столицы и шансы ее лидера на выборах главы области (Смоленской, Саратовской, Нижегородской и др.). Есть и случаи побед ставленников неформальных центров (так, мэр Череповца стал главой Вологодчины).

Регионализация власти и собственности в России очевидны, а дистанция между ними так мала, что рождает аналогию с феодальными уделами (Латынина, 1998 и др.). Однако где-то царит губернатор, а где-то глава компании, что куда ближе к индустриальным «доменам» Форда и Круппа почти вековой давности, т. е. к «дикому капитализму». Кризис 1998 г. укрепил позиции политиков-бизнесменов, оттеснявших бизнесменов-политиков с помощью искусственных банкротств и т. п. Начавшийся затем подъем может активизировать попытки реванша предпринимателей, рвущихся к политической власти.

И все же ни одного перехвата местной шапки Мономаха, т. е. «столичного» статуса, одним центром у другого де-юре пока что не отмечено¹³. Видимо, не только из-за сохранения в регионах властной вертикали, но и в связи с тяжестью этой шапки.

¹³ Если не считать Манала – новой столицы Ингушетии, строящейся неподалеку от действующей столицы Назрани.

Часть третья

Деревня

3.1. ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Эволюция сельского расселения России в целом и ее европейской части совершенно изменила густоту и людность сельских поселений, их социальное состояние, функциональную структуру и в меньшей мере рисунок расселения. В. П. Семенов-Тянь-Шанский как истинный географ концентрировал внимание на последнем, тем более, что динамика населения дореволюционной русской деревни и ее сложившиеся к тому времени типы казались весьма устойчивыми, едва ли не вечными. Но уже в первой половине века потери сельского населения были весьма существенны, а к концу века депопуляция резко изменила всю сельскую местность.

На протяжении XX в. распределение сельского населения Европейской России по крупным регионам довольно заметно изменилось (**табл. 3.1.1, 3.1.2, 3.1.3**).

**Таблица 3.1.1. Доля крупных регионов
в численности населения Европейской России, в %**

Регионы*	Территория	Все население			Сельское население		
		1897	1959	1989	1897	1959	1989
Северо-Западный	38,0	10,8	12,0	12,8	9,1	8,3	8,8
Центральный	11,1	26,3	27,2	26,8	25,3	20,2	18,4
Центрально-Черноземный	3,8	12,3	7,9	6,9	12,9	12,2	10,7
Приволжский	21,6	29,5	26,3	20,8	30,8	30,1	24,5
Уральский	15,6	9,9	15,0	18,0	10,4	12,1	12,8
Северо-Кавказский	9,9	11,2	11,6	14,8	11,5	17,1	24,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Северо-Западный регион включает современные Северный и Северо-Западный районы, Приволжский — Волго-Вятский и Поволжский. Центральный, Центрально-Черноземный и Уральский взяты в соответствующих границах экономических районов на начало 1959 г. для удобства сопоставления с группами губерний 1897 г. Различия в площади принятых для расчета губерний не превышают 5%.

Источники: *рассчитано автором по материалам переписи населения 1897 г. (Россия. Энциклопедический словарь, 1898) и всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг.*

Таблица 3.1.2. Населенность и заселенность сельской местности крупных регионов Европейской России

Регионы	Плотность сельского населения (чел./кв. км)			Густота расселения* (количество сельских поселений на 100 кв. км)		
	1897	1959	1989	1897	1959	1989
Северо-Западный	3,0	1,9	1,5	3,4	2,9	1,6
Центральный	28,6	16,4	10,9	18,9	17,1	10,2
Центрально-Черноземный	42,0	28,5	18,5	10,7	9,9	5,8
Приволжский	17,9	12,5	7,5	5,8	5,8	3,2
Уральский	8,4	7,0	5,4	2,9	5,3	2,2
Северо-Кавказский	14,6	15,6	16,6	—	—	—
В среднем*	12,6	9,0	6,6	6,1	6,0	3,3

* без Северного Кавказа: данные 1897, 1959 и 1989 гг. практически несопоставимы из-за существенных различий в методике учета сельских поселений.

Источники: рассчитано автором по материалам переписи населения 1897 г. (Россия. Энциклопедический словарь, 1898) и всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг.

Таблица 3.1.3. Изменение численности населения крупных регионов Европейской России за 1897–1989 гг.

Регионы	Все население		Сельское население	
	млн чел.	%*	млн чел.	%*
Северо-Западный	7,6	214	-2,5	51
Центральный	13,8	185	-8,7	38
Центрально-Черноземный	0,08	100	-3,9	44
Приволжский	5,1	128	-9,9	42
Уральский	14,1	329	-2,0	65
Северо-Кавказский	9,7	239	0,8	113
Всего	50,4	181	-26,0	53

*Население 1989 г. в % к 1897 г.

Источники: рассчитано автором по материалам переписи населения 1897 г. (Россия. Энциклопедический словарь, 1898) и всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг.

Основными факторами, в наибольшей степени воздействовавшими на изменение структуры, рисунка и функционального лица сельского расселения в XX веке, были:

- индустриализация страны в годы, предшествовавшие Первой мировой войне;
- Первая мировая и Гражданская войны — не столько сами военные действия, сколько их влияние на промышленность, транспорт, сельское хозяйство;
- коллективизация, создание совхозов и практически одновременные с этим активные индустриализация и транспортное строительство;
- Вторая мировая война, тяжело отразившаяся как на районах, бывших театром военных действий, так и на тыловых;
- особенности послевоенного восстановления хозяйства;
- политические изменения двух последних десятилетий и их влияние на экономику страны.

Кроме того, на всем протяжении XX в. немаловажное влияние на эволюцию сельского расселения оказывали постоянные административно-территориальные преобразования — от переноса столицы до перекраиваний границ низовых систем сельского расселения.

Плотность сельского населения в начале XX века

К началу XX в. численность сельского населения Европейской России составляла около 48,5 млн человек, проживавших примерно в 240 тыс. сельских поселений¹. Как и в настоящее время, различия в населенности территории (плотности сельского населения) были весьма существенны². Но они отличались от современных. К числу наименее населенных губерний относились Архангельская (0,4 чел./кв. км), Астраханская, Вологодская, Олонецкая, Черноморская (1–5 чел./кв. км); к числу наиболее заселенных (более 35 чел./кв. км) — Воронежская, Калужская, Курская, Московская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская. Среди них Курская губерния выделялась особенно высокой плотностью — около 50 чел./кв. км.

К территориям с наибольшей заселенностью, или густотой расселения (где сельских поселений было больше 20 на 100 кв. км), относились Калужская, Московская, Псковская, Смоленская, Тульская и Ярославская губернии; с наименьшей густотой расселения и явным его «очаговым» рисунком — Архангельская и Астраханская (меньше

¹ Современные Северный, Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский и Уральский экономические районы.

² Здесь и далее «населенность» территории означает численность населения, приходящуюся на единицу площади (1, 100, 1000 кв. км); «заселенность» — количество населенных пунктов, расположенных на аналогичной единице площади. Синонимы (соответственно) — «плотность населения» и «густота расселения». В российской дореволюционной статистике густота расселения характеризовалась, как правило, обратным по отношению к принятым в настоящее время показателям: размером территории, приходящимся в среднем на одно поселение.

одного селения на 100 кв. км), Вологодская, Олонецкая, Самарская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии (1–4 поселения на 100 кв. км).

Различия в средней людности поселений в очень генерализованном виде были таковы: Север и Северо-Запад — около 5 человек, Центр — 150 чел., Урал и Поволжье — около 300 и Черноземье — около 400 чел.

Главные пространственные особенности населенности сельской местности Европейской России к началу XX в. выглядели следующим образом. Границы ядра наибольшей плотности населения проходили по линии Смоленск — Нелидово — южнее Вышневолочка — Рыбинск — Кострома — Нижний Новгород — Чебоксары — восточная граница современного Татарстана — Саранск — западнее Пензы — Борисоглебск — украинская граница (все Черноземье находилось внутри ядра наиболее высокой плотности и, по существу, было его основой). Еще один, очень небольшой ареал с четко заметными на периферии зонами постепенно убывающей плотности находился в Псковской губернии.

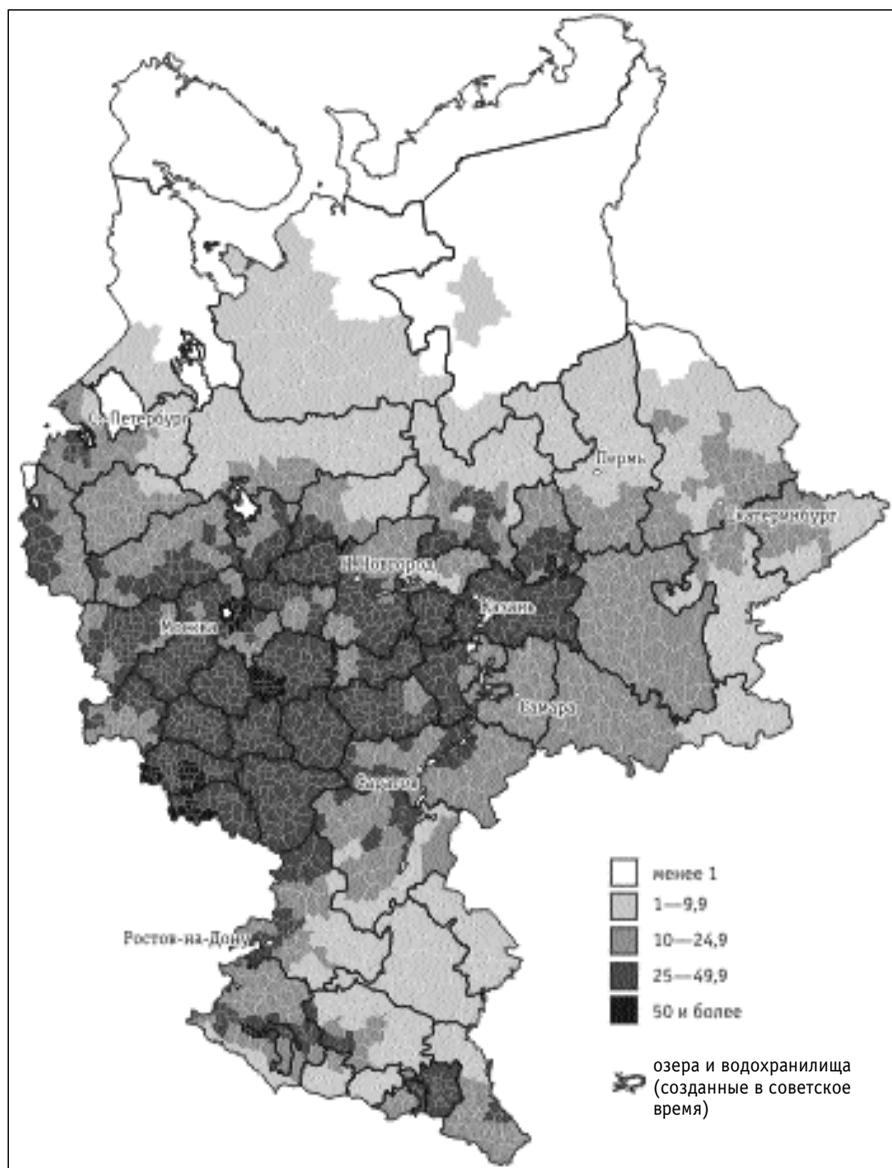
Концентрические, разной ширины и протяженности зоны отделяли ареал наиболее высокой плотности от очень мало заселенного Севера. Граница проходила по линии Ладжское озеро — Коноша — Великий Устюг — (севернее) Вятки — Соликамск — и дальше — по направлению на Тюмень. С некоторым огрублением эту линию можно рассматривать как рубеж, отделявший северное очаговое расселение, почти целиком приуроченное к рекам и берегам северных морей и в начале века практически не захватившее еще водораздельные пространства (за исключением некоторых приозерных ареалов), от расположенного южнее условно «сплошного» расселения (рис. 3.1.1). Условно — потому что наиболее населенными местностями в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях еще долго оставались речные долины и относительно небольшие участки сельскохозяйственных земель на водоразделах. Расселение на последних — это большей частью небольшие деревни, основанные выходцами из более крупных долинных сел³.

В предгорьях и горах Кавказа, на побережье Черного и Азовского морей и на границе с украинским Донбассом плотность сельского населения, как правило, составляла 10–20 чел. на кв. км, повышаясь к северу и югу в предгорьях до 20–30 чел. и снижаясь к востоку. В степных районах — от Сальска на юго-восток, на пространстве всей современной Калмыкии до правобережья низовий Волги, в восточном Ставрополье — т. е. на всем пространстве, которое считалось «территориями кочующих народов» и «территорией Внутренней Киргизской Орды», плотность населения, по весьма приблизительным подсчетам, составляла 1–2 чел. на кв. км, повышаясь на периферии этого ареала до 4–5 чел⁴.

³ Подробнее о принципах эволюции сельского расселения в регионах русского севера см.: Кулаков, Манакова, 1994; Лухманов, Солдатова, 1997.

⁴ Сколько-нибудь правильно судить о количестве поселений на Кавказе по материалам Переписи 1897 г. невозможно: в разных случаях под названием «станция», «стан», «аул» понималось от одного до десятка самостоятельных расположенных поселений; хутора, даже насчитывающие порой несколько сот жителей, в случае их близости друг к другу объединялись порой в одно поселение; горные селения из одного-двух дворов, принадлежащие одному обществу, то регистрировались как самостоятельные поселки, то объединялись в один населенный пункт и т. п.

Рис. 3.1.1. Плотность сельского населения в 1897 г.
(в границах современных административных районов) чел. / кв. км

Региональные вариации расселения в начале века

К середине — концу 20-х гг. под влиянием широкого освоения новых земель в Предуралье (особенно — в его южной, степной части), в Поволжье и в степных районах Северного Кавказа при общем малоземелье в Нечерноземье и перенаселенности Центра, а также интенсивном промышленном и транспортном строительстве обозначились следующие региональные особенности сельского расселения. Не ставя перед собой задачи полного детального описания всех особенностей сельского расселения этого и последующих периодов, ограничимся лишь характерными примерами.

На севере Европейской России сельское расселение в начале века было на 70–80% несельскохозяйственным. Сельское население и раньше занималось в основном лесозаготовками, лесным и морским промыслом, отходничеством. Строительство стратегических железных дорог от С.-Петербурга на Мурманск и на Вологду—Вятку, развитие Архангельского и Мурманского портов и эвакуация в Архангельск, Рыбинск, Вологду и Вятку ряда предприятий из Прибалтики в 1914–15 гг. потребовали значительного количества неквалифицированной рабочей силы и строительных материалов, которые можно было бы добывать на месте. Это привело к превращению многочисленных деревень, расположенных вблизи городов, в «поселки-спальни» рабочих новых предприятий истроек и к обезлюдению массы мелких деревень, жители которых уходили в города. Усилилась «несельскохозяйственность» сельского расселения и изменилась его структура. Появились цепочки новых, ранее почти не свойственных Северу, транспортных поселений, соединивших основные, до этого почти изолированные очаги расселения. Существенно расширилось лесопромышленное расселение. В эти годы сложились основы того расселения, которое характерно для Русского Севера и в настоящее время.

В значительно более сельскохозяйственных Вятской и Пермской губерниях основные и довольно тесно связанные между собой очаги сельского расселения находились южнее железнодорожной магистрали Вятка—Пермь—Тюмень. На севере и на востоке преобладало сельское несельскохозяйственное расселение — лесохозяйственное в Вятской и при заводское (горнопромышленное) — в Пермской губернии. Строительство сравнительно небольших отрезков железных дорог (Пермь—Екатеринбург, на Алапаевск, на Турьинские рудники) связало отдельные «специализированные» очаги расселения и тем стимулировало формирование разнофункционального, обслуживающего нужды промышленно развивающегося региона сельского расселения — сельскохозяйственного, промыслового, заводского, транспортного. В этих губерниях густота расселения и плотность населения в целом заметно убывают с запада на восток. При этом, если в Вятской губернии степень населенности сельской местности прямо связана с размещением сельскохозяйственных земель, в Пермской она определялась расположением горнопромышленных предприятий и являлась их «фоном».

Центрально-промышленный район — наиболее развитая в начале XX в. часть Центральной России. Изрезанность рельефа, традиционное малоземелье и крайняя нерав-

номерность промышленного развития определяли мелкоселенность, большую густоту поселений и высокую плотность сельского населения. Средняя людность поселений, в целом следуя за размерами сельскохозяйственных угодий и изменением доли крупных лесных массивов, увеличивалась с севера на юго-восток и юг — к Приволжью и Черноземью. В том же направлении уменьшалась густота расселения. Плотность сельского населения была почти неизменной на всем пространстве региона: например, Московская губерния в то время почти не отличалась по плотности сельского населения от своих соседней: около 40 чел./кв. км, практически столько же в Рязанской, Тульской и Калужской губерниях и несколько ниже — во Владимирской, Ярославской, Тверской и Смоленской. Отставание административных преобразований от фактических изменений структуры расселения привело к тому, что значительное количество по существу городских поселений считались еще сельскими; заводские окраины промышленно развитых городов, органически по всем связям уже вошедшие в их черту, также нередко считались сельскими волостями.

Среди сельских поселений очень высокую (до 20% и выше) долю составляли транспортные и поселки промышленных рабочих (особенно в Иваново-Вознесенском районе и в Подмоскowie), а также деревни кустарей и промышленников — на севере региона.

Центральное Черноземье было наиболее населенным регионом преимущественно сельскохозяйственного расселения. Основные его формы — почти непрерывные ленты довольно крупных сел в долинах рек и немногочисленные пятна у крупных промышленных центров (Тамбова, Воронежа, Белгорода). На водораздельных пространствах — значительно более мелкоселенное, но в целом сплошное расселение. Большое число мелких предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья, расположенных в крупных селах, и удовлетворительная для того времени сеть железных и гужевых дорог формировали системы сельского сельскохозяйственного и несельскохозяйственного расселения. В последующем это определило явно выраженную по направлению «центр—периферия» эволюцию типов и форм сельского расселения, в настоящее время в наиболее чистом виде наблюдаемую именно в этой части Европейской России.

В *Поволжье* существенное влияние на типы и формы сельского расселения оказывали крупные ареалы нерусского населения — татар, мордвы, мари, казахов и калмыков, а также более молодые (с XVIII в.) ареалы расселения немцев-колонистов (в основном — в Самарской и Саратовской губерниях). Развитое сельское хозяйство при сравнительно небольшой плотности населения в центральных частях региона привлекало сюда массу сезонных сельскохозяйственных рабочих. Часть из них здесь и оседала, создавая новые, периферийные по отношению к первоначально почти целиком приречному расселению, населенные пункты на сухих водоразделах. Так в дополнение к крупноселенной и хорошо организованной сети сел и поселков вдоль Волги и ее притоков стала возникать масса небольших, но быстро растущих деревень. Генетически и организационно они были тесно связаны с ранее возникшими полосами сельского расселения, тяготеющими к основным центрам переработки сельскохозяйственного сырья и транспортным путям, ведущим к ним.

Своеобразное расселение формируется в этот период в низовьях Волги: сельскохозяйственное вдоль реки (особенно по ее правобережью), рыбопромысловое в сочетании с сельскохозяйственным — в низовьях (от Астрахани до Каспия, в дельте — почти целиком рыбопромысловое), скотоводческое, преимущественно кочевое, опирающееся на очень редкую сеть постоянных поселений, — на всем пространстве приволжских степей: от Камышина и Александрова-Гая до Ставрополя и низовьев р. Урал (правобережье низовьев Волги — Калмыцкая степь, левобережье — восточнее железной дороги, идущей через Кайсацкую на Астрахань, — земли Букреевской Орды)⁵.

Северный Кавказ уже в начале века был чрезвычайно пестрым по формам сельского расселения регионом. В Области Войска Донского, на Кубани и отчасти на Ставрополе наряду с довольно регулярной сетью очень крупных и относительно редко расположенных станиц и тесно связанных с ними сравнительно небольших поселков (хуторов, заимок, выселков), обеспечивающих нужды сельского хозяйства на периферии сельскохозяйственных земель, можно было видеть громадные пространства, почти не освоенные постоянным сельским расселением. На территории Терской области и в Дагестане — цепочки небольших поселений в горных долинах и крупные очаги в виде пятен и полос в межгорных понижениях и предгорьях. Сельское расселение почти отсутствовало в одном из ныне наиболее плотно населенных ареалов — в прибрежной полосе между Новороссийском, Туапсе и Сочи. Небольшие, в основном рыболовецкие, деревушки располагались на восточном берегу Азовского моря (от Ейска до Темрюка). Они тяготели к таким уже сложившимся центрам, как Екатеринодар, Тихорецкая, Кавказская, Лабинская, Ставрополь, и к соединявшим их железным дорогам. Освоению Приазовья и Причерноморья способствовало завершение в конце XIX в. строительства Новороссийского порта, в результате чего Новороссийск стал одним из важнейших экономических центров на Северном Кавказе, и прокладка железных дорог на Ейск и Туапсе, связавших их с основной магистралью — Владикавказской железной дорогой. Это вызвало появление многочисленных, в основном небольших, поселений, основанных «киногородним» населением, привлеченным транспортным и промышленным развитием региона⁶.

В Терской области и отчасти в Дагестане быстрый рост численности аборигенного населения и катастрофическое малоземелье стимулировали нарастающий отток населения с гор (особенно — высокогорий) и увеличение населенности предгорий и равнин, особенно пригородов немногочисленных промышленных и транспортных центров. Происходит оформление экономически и социально взаимосвязанного равнинно-горного сельского расселения. В его ареалах плотность населения, густота расселения и людность поселений дифференцированы в соответствии с местами их размещения: от крупных селений на равнине, где почти всегда располагался и административно-хозяйственный центр системы, до средних поселений в расширениях горных долин, мелких — в их узких местах и сезонных мельчайших — в высокогорьях.

⁵ См., например, исследование генезиса, эволюции и особенностей функционирования ярко выраженного рыболовецкого расселения в дельте Волги (Крючков, 1962).

⁶ История формирования сельского расселения в типичном для Северного Кавказа регионе — Северной Осетии — хорошо изложена в работе Бадова и др. (1998).

Изменения в сельском расселении в первой половине XX века

О тделить те изменения в сельском расселении, которые явились непосредственным следствием участия России в Первой мировой войне, от тех, которые были вызваны промышленно-транспортным развитием России и параллельно проводившимися реформами российской деревни, почти невозможно. Война ускорила индустриализацию и транспортное освоение части регионов, что привело к более быстрым и болезненным, чем при естественных темпах переустройства, структурным изменениям сельского расселения. Оформилась до этого довольно нечеткая категория сельских не-сельскохозяйственных поселений, ускорился отток населения из зон, удаленных от крупных промышленных центров — особенно находящихся вне транспортной доступности, увеличилась системность сельского расселения в целом. Общая же картина сельского расселения — региональные особенности плотности населения и густоты расселения — на западе Европейской территории почти не изменились, на востоке — особенно на Урале — появились новые очаги расселения, возникшие в местах, до этого почти не заселенных.

Основная черта структурных изменений сети сельских населенных мест того времени — это начало формальной и неформальной (с запозданием получения статуса городских поселений) урбанизации сельской местности, выразившейся в усилении значения наиболее крупных и удачно расположенных сел, обычно — волостных центров, пристанционных, фабричных, торговых и пристанских поселков.

Гораздо более важные по форме и по существу изменения в сельском расселении произошли в течение 20–30-х гг.

Изменения в расселении в начале 20-х гг. (до массовой коллективизации) были прямым следствием общего разрушения хозяйства, вызванного Гражданской войной. Не работали транспорт и промышленность. Сельское хозяйство, особенно в северных и центральных губерниях, почти полностью потеряло свое товарное значение. Невозвращение массы мужчин в родные деревни привело к массовому забрасыванию мельчайших, имевших и до этого очень ограниченные возможности выживания, деревень. Призыв к переселению из «непроизводящих» губерний в «производящие» — преимущественно в Черноземный Центр и на юг России — вызвал вначале медленный, а потом все более мощный и быстрый отток населения из северных губерний. Далеко не всем переселенцам удалось устроиться на новых местах — на Кубани, Ставрополье и других равнинных территориях Северного Кавказа. Значительное число беженцев оседало по дороге в промышленных городах Центра и около них. Те же, кто, не найдя счастья в чужих краях, были вынуждены вернуться в свои губернии, старались поселиться на новом, более надежном месте. Так началось обезлюдение водораздельных территорий на юге Архангельской губернии, в наименее перспективных для ведения сельского хозяйства волостях Вологодской губернии и в ряде других мест.

В южных губерниях новоселы устраивались, как правило, в почти не освоенных и малозаселенных частях региона. Стали возникать небольшие группы малолюдных деревушек на периферии старых ареалов крупноселенного расселения, около возрождающихся промышленных центров, иногда — на окраинах районов старожильческого постоянного расселения. В таких местах началось вытеснение кочевников с мало-мальски пригодных для распашки земель.

Все это проявилось при коллективизации, непосредственно в сельской местности затронувшей вначале относительно крупные доступные поселения и быстро распространившейся на мелкоселенную периферию — часто не только хозяйственно, но и генетически связанную с формальными и неформальными центрами расселения. По большому счету, коллективизация означала, с одной стороны, скачкообразный выброс миллионов крестьянских масс в неосвоенные районы Северного и Уральского регионов, а с другой — еще более массовую инъекцию сельской рабочей силы на объекты промышленности и строительства, т. е., в конечном счете, в города.

Вызванный коллективизацией голод 1932–1933 гг. усилил эти тенденции. Массы людей, особенно жители наименее плодородных частей северных, центральных и при-волжских губерний, вымирали целыми деревнями. Уцелевшие, бросая все, тоже устремились в города⁷.

Началось разрушение межселенных связей в сельском расселении, связей, сложившихся к середине второго десятилетия и более или менее исправно и последовательно функционировавших. Резко увеличились различия в качестве жизни крестьян не только от губернии к губернии, но и внутри них. Географическое положение, и до этого определявшее благополучие внутригубернских ареалов расселения, стало ведущим фактором изменений в заселенности сельской местности. Все большее значение как места относительно благоприятных условий жизни получают местные центры — не только уездные, но и волостные. Становится все более очевидным и важным, что центральные функции — это следствие относительного удобства расположения поселения, а большая, по сравнению с соседями, людность — один из признаков большего демографического потенциала, большего разнообразия в использовании окружающих земель, большей включенности в межселенные связи и т. п.

Первоначально почти повсеместно возникала следующая пространственно-организационная схема коллективизации: «одна деревня — один колхоз» (в крупных деревнях — 2–3 колхоза), включавшая и ближайшие дочерние поселения (заимки, хутора, выселки). Но вскоре эта схема стала трансформироваться. Слишком сложно оказалось руководить массой мелких колхозов, подчас совершенно нежизнеспособных. В то же время концентрация учреждений социальной инфраструктуры (школ, фельдшерских пунктов), складов, магазинов, мелких предприятий по первичной обработке сельскохозяйственного сырья и лучшее качество рабочей силы в наиболее крупных поселениях (преимущественно в волостных центрах) подсказывали необходимость перехода к кустовой схеме не только в мелкоселенных, но и в среднеселенных губерниях — в Черноземье, в Поволжье, в Предуралье.

⁷ См. главу 1.2.

Переход к многоселенной (от 2–3 поселений в Центре, Черноземье и Поволжье, до 10–15, а иногда и более, в северных областях) схеме организации колхозов привел к созданию типовой расселенческо-функциональной структуры: центральный поселок колхоза (совхоза) — поселок отделения совхоза (бригада колхоза) — вспомогательные, рядовые поселения (фермы, станы, жилые — без каких-либо хозяйственных функций). Эта схема, в общем сохранявшаяся до самого последнего времени, вскоре стала подчеркивать жизнеспособность каждого из типов поселений: наибольшую — у центральных поселений и наименьшую — у деревень с чисто спальными функциями. Градиент ухудшения качества жизни от центра к периферии начал проявляться во всем — от возможностей получить какое-либо социальное обслуживание по месту жительства до ощущения отторженности от присутщего более крупным деревням (с сельсоветом, школой, магазином и т. п.) образа жизни. Развитие внутривосхозяйственных дорог, появление передвижных форм социального и культурного обслуживания, интернатов при школах и т. п. не улучшило положения — достаточно сказать, что если в колхозах и велось до войны какое-то жилищное строительство, то только в центральных поселках. В периферийных же даже существовавшие до этого мельницы, хозяйственные постройки, коллективные сады и т. д. забрасывали.

В предвоенные годы хорошо прослеживался процесс концентрации сельского (особенно сельскохозяйственного) населения в поселениях-центрах и деградации периферии.

Создание машинно-тракторных станций (МТС), усиление через них политического влияния на хозяйственную деятельность, оттеснение на второй план низовых органов советской власти, неуклонная депопуляция периферии — все это вело к постоянной реорганизации низовых систем расселения и к рассогласованности колхозно-совхозных схем расселения с административными (сельсоветскими). Кроме того, расширение сети МТС до нескольких в сельском районе, размещавшихся обычно вблизи наиболее крупных сел, у железнодорожных станций, и концентрация в этих селах предприятий хозяйственной и социальной инфраструктуры стали стимулом разделения районных систем расселения на менее крупные — межхозяйственные. Возникли новые типы центров и новая периферия.

В равнинных регионах, где рельеф и гидрография не имели преимущественного значения в определении рисунка местных дорог, такая полицентричность подчеркивалась и разделением транспортных потоков на несколько местных схем, ориентирующихся на свои собственные узлы. Впоследствии подобная внутрирайонная автономизация стимулировала неоднократное перекраивание границ административных районов — иногда вопреки логике исторически сложившихся взаимосвязей между поселениями.

Региональные особенности эволюции сельского расселения в предвоенные годы проявились больше всего в том, что Черноземный Центр постепенно перестал быть наиболее населенной частью Европейской России. Эта роль переходит к окружению новой столицы — Москвы.

Увеличивается расселенческая освоенность Предуралья и Южного Урала, продолжается быстрая концентрация населения в сельских несельскохозяйственных поселениях, особенно в зонах новостроек — промышленных центров, заполняются населенными пунктами свободные места на равнинах Северного Кавказа, более плотно заселяется Причерноморье, появляется сеть постоянных поселений в степях Нижнего Приволжья. В Среднем Поволжье еще более заметными становятся различия между ареалами разного по генезису расселения: наиболее устойчивыми оказываются поселения, основанные немецкими колонистами, наименее — возникшие в результате крестьянских внутренних миграций в первой четверти XX в. Заметно повышается значение и доля лесохозяйственного расселения на Русском Севере. Значительно большая устойчивость сельского несельскохозяйственного расселения по сравнению с чисто сельскохозяйственным, новое транспортное, гидротехническое и промышленное строительство формируют новый рисунок сельского расселения — более устойчивый и четкий вдоль каркасных линий и вокруг узлов и заметно деградирующий в межмагистральных пространствах и вдали от крупных промышленных центров.

Однако изменения в сельском расселении, произошедшие в 20–30-е годы, имели скорее внутрирегиональный, чем межрегиональный характер, они касались не столько количественных, сколько качественных характеристик расселения и приобретали все более локальный характер. Повсеместно происходило «расслоение» сельского расселения, при котором функции каждого «слоя» все больше определяли качество жизни, а тем самым и потенциал этого слоя, скорость и формы его изменений.

Наиболее значительные изменения в структуру и рисунок сельского расселения на значительной части Европейской России в XX в. внесла Великая Отечественная война.

Ни в XVIII, ни в XIX вв. сельская местность России не была ареной такой битвы и такого движения почти непрерывных фронтов и оперативных зон. Сельские поселения служили мишенью для уничтожения, а выжившее население вынуждено было покидать свои дома. Хотя перемещение войск в значительной степени определялось сетью дорог, а вне путей сообщений — возможностью маневра, разрушения в той или иной степени коснулись всей местности, бывшей театром военных действий, и, частично, районов ближайшего тыла⁸.

Понятно, что сплошная или почти сплошная линия фронта существовала только в тех местах, где противостоящие армии готовились к боевому взаимодействию. На остальной территории наибольшему разрушению подвергались поселения в полосе передвижения крупных войсковых масс и в зонах, служивших первоочередными целями для уничтожения, — вблизи промышленных центров, магистралей, в районах концентрации фронтовых резервов, в местах действия партизанских отрядов и т. п.

Таким образом, выгодное географическое положение и в этом случае играло значительную, но отрицательную, роль в судьбах поселений. В ходе военных действий была

⁸ Помимо боевых действий страшную угрозу для селитбы представляли собой карательные «зондер-акции» немецких оккупантов, направленные против партизан, и, как правило, кончавшиеся сжиганием деревень. В годы войны на оккупированных территориях отмечался и стихийный отток городского населения в сельскую местность.

уничтожена большая часть прижелезнодорожных поселений, особенно наиболее крупных из них, большое количество деревень и сел, находившихся вблизи городов и в примагистральных зонах. Были целиком или почти целиком уничтожены крупные поселения, использовавшиеся при обороне как опорные пункты, многие населенные пункты, располагавшиеся на берегах крупных рек, вблизи аэродромов, военных городков и т. п. В то же время оставались и практически не затронутые войной (если говорить о разрушениях) сельские ареалы, главным образом в межмагистральных пространствах, в заболоченных местностях, в опольях и т. п. Даже в районах наиболее интенсивных боев, например, в Курской и Белгородской областях, вблизи Старой Руссы, в низовьях Дона и т. п. разрушение сельского расселения не носило сплошного характера.

Для сельского расселения в целом последствия войны проявились в преимущественном разрушении его каркаса. Послевоенное восстановление расселения вызвало значительные перемещения сельского населения из глубинки к линиям и узлам каркаса. Потребность в рабочей силе для восстановления городов, промышленности и транспорта привлекала в города не только мобилизованное население, но и тех, кто просто искал источник средств своего существования. Несмотря на ограничения, на отсутствие паспортов у сельских жителей и другие формальные препятствия, потребность в рабочей силе была так велика, а условия жизни в деревне так тяжелы, что миграция сельского населения и разрушение сельского расселения приняли необратимый и катастрофический характер.

Плотность сельского населения к 1959 году

Картина населенности сельской местности Европейской России, сложившаяся примерно к середине века, а точнее к моменту Всесоюзной переписи населения 1959 г.⁹, в общих чертах выглядит следующим образом (рис. 3.1.2).

Южная граница низкой плотности сельского населения на *Севере* изменилась сравнительно мало. Но почти везде на смену редкоочаговому расселению на берегах рек и северных морей пришло расселение в ареалах тяготения к быстро растущим городам, в зонах лесозаготовок и вдоль транспортных магистралей.

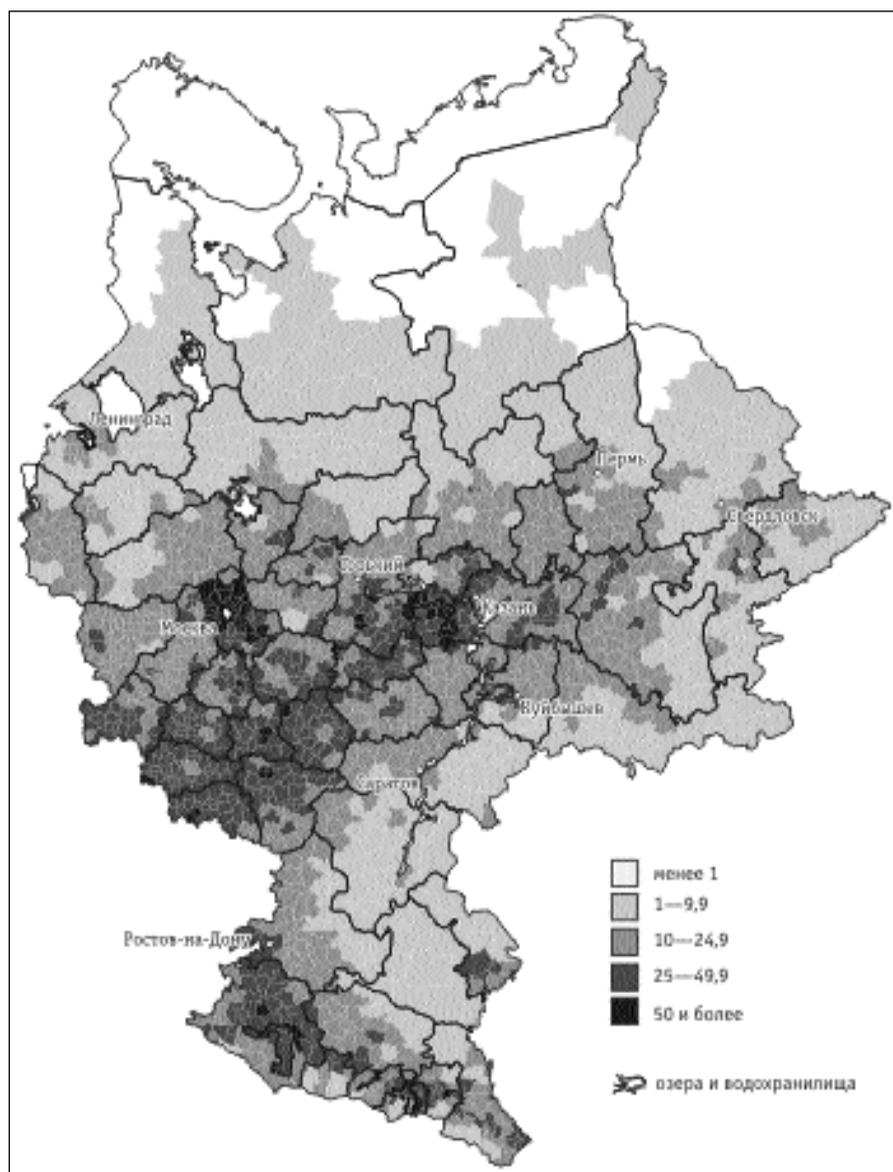
На южном «полюсе» — на *Северном Кавказе* — отдельные очаги весьма плотного заселения объединились в крупную зону, простирающуюся от Ростова-на-Дону на Краснодар и захватывающую равнинную, предгорную и низкогорную части собственно Северного Кавказа вплоть до Каспия. Заметно сузился клин малонаселенной степной зоны на востоке Ставрополя и в Калмыкии, тянувшийся вплоть до правобережья низовий Волги.

Появились ареалы более высокой плотности населения в Предуралье и на Урале¹⁰. По плотности сельского населения этот регион стал более пестрым, чем в начале века. На восточной и юго-восточной периферии Европейской России, на ее границах с Казах-

⁹ То значительное влияние, которое на расселение оказала эвакуация населения в годы войны, остается здесь из-за отсутствия данных без рассмотрения. Тем не менее известно, что заметная часть эвакуированных не вернулась к местам прежнего жительства.

¹⁰ Свою роль в этом сыграла и безвозвратная эвакуация.

Рис. 3.1.2. Плотность сельского населения в 1959 г.
(в границах современных административных районов) чел. / кв. км

станом — от Южного Урала до Волги плотность сельского населения почти повсеместно снизилась: отсюда в первую очередь черпали рабочую силу промышленно развивавшиеся Западная Сибирь и Казахстан.

Однако самые существенные изменения произошли в *Центральной части* Европейской России. Здесь обширная и довольно однородная территория наиболее высокой для Европейской России плотности сельского населения уменьшилась почти вдвое — в основном за счет снижения населенности сельской местности в северо-западной и западной частях Центра.

Плотность сельского населения в Центральном, Центрально-Черноземном районах и в Поволжье уменьшилась почти на треть, хотя количество сельских поселений сократилось мало (а в отдельных частях Поволжья оно даже выросло).

В послевоенные годы именно в этой части Европейской России сельская местность урбанизовалась наиболее быстро. Статус городских поселений получили множество районных центров — далеко не всегда очень крупных и сугубо несельскохозяйственных поселений, а также многие поселки железнодорожных станций, поселки при фабриках и заводах, ряд курортных и некоторые другие.

Восстановленное к этому времени железнодорожное хозяйство и расширившиеся (особенно на Северо-Западе и на Урале) зоны лесозаготовок (включая и первичную переработку древесины) усилили долю и значение несельскохозяйственного расселения, сделав его в некоторых местностях — особенно вблизи и «внутри» городских агломераций — преобладающим элементом сельского расселения¹¹.

Таким образом, уже в первой половине века в результате революционных преобразований деревни и демографических катаклизмов была задана практически повсеместная концентрация сельского населения и расселения, последствия которой наиболее ярко выявились именно во второй половине века.

¹¹ Пожалуй, наиболее интересные статьи об эволюции сельского расселения (как довоенного, так и послевоенного) опубликованы в сборниках «Вопросы географии»; см., например, География населения, 1962; Стариков, 1971; Расселение..., 1986; Ковалев, 1986; Современное село, 1988 и другие.

3.2. ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В 1959–1989 ГОДАХ

Современные результаты вековой эволюции сельского расселения

Для современной эволюции сельского расселения в Европейской России типичны следующие виды концентрации населения и расселения.

— Изменение доли крупных регионов в распределении населения и сельского населения Европейской территории России (**табл. 3.1.1**). Особенно заметно постоянно увеличивающееся значение Северного Кавказа по сравнению с другими регионами. Немаловажным, хотя и не определяющим тенденцию, является и то, что это одна из немногих местностей, где сохранился стабильный и довольно высокий естественный прирост населения.

— Относительная (за счет уменьшения численности сельского населения на территории ареалов расселения) концентрация населения сельской местности в малых городских поселениях — центрах низовых систем расселения, еще недавно бывших сельскими поселениями и, в меньшей степени, в узкоспециализированных малых городах и поселках городского типа — не административных, но почти всегда социально-инфраструктурных центрах. Генетическая основа большей части таких поселений — это сельские районные (еще раньше — уездные и волостные) центры, пристанционные поселки, торгово-промышленные городки, слободы, поселки фабрично-заводских рабочих и т. п.

— Концентрация в наиболее быстро развивающихся частях регионов. Для сельского населения это, как правило, не рост его численности, а меньшие по сравнению с периферией темпы уменьшения и одновременная концентрация в наиболее крупных поселениях. Пример этого — результаты изменения численности в ядре Центрального региона (**табл. 3.2.1**). По сравнению с двукратным и более уменьшением численности сельского населения в соседних с Московской областях, в самой столичной области оно сократилось лишь на $\frac{1}{4}$. Только в Московской области хорошо прослеживается постоянная концентрация сельского населения — это единственная область Центра, где увеличилась средняя людность сельских поселений.

Таблица 3.2.1. Эволюция сельского расселения в областях, ближайших к Московской

Области	Плотность сельского населения (чел./кв. км)			Густота сельского расселения (нас. пункт/100 кв. км)			Среднее число жителей в сельских поселениях		
	1897	1959	1989	1897	1959	1989	1897	1959	1989
Московская	39,2	38,9	28,8	23,3	19,3	13,0	170	202	222
Ярославская	26,1	16,0	7,5	30,3	23,7	14,7	85	67	51
Владимирская	28,3	20,6	12,0	17,0	13,6	8,0	165	152	149
Рязанская	39,6	24,9	11,9	12,5	11,5	7,0	315	216	169
Тульская	40,8	28,7	13,8	19,6	20,2	12,9	210	142	107
Калужская	35,2	19,7	11,1	20,4	16,6	10,6	170	120	105
Смоленская	25,5	15,6	7,5	25,6	18,2	10,0	98	85	74
Тверская	25,6	12,1	5,7	16,8	17,0	10,3	142	71	54

Источники: рассчитано автором по материалам переписи населения 1897 г. (Россия. Энциклопедический словарь., 1898) и всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг.

Приведенные в табл. 3.2.2. и 3.2.3 среднероссийские данные остаются верными для большинства регионов: почти повсеместно наименее устойчивой является категория средних поселений, в то время как доля и мельчайших, и наиболее крупных поселений выросла¹.

За 1959–1989 гг. численность сельского населения сократилась почти на $\frac{1}{4}$, а количества сельских поселений на — 40–45%. В целом уменьшение количества деревень за 30 межпереписных лет с 294 тыс. до 153 тыс. сопровождалось изменением не только степени заселенности территории, но и существенной трансформацией структуры и форм расселения. Произошло то, что можно назвать *концентрацией и поляризацией* сельского расселения.

Концентрация — т. е. все увеличивающееся сосредоточение населения в сравнительно немногочисленных (почти всегда наиболее крупных и жизнеспособных) поселениях — проявилась как в структурном отношении, когда заметно возрастает значение поселений определенного типа, так и в территориальном, когда все более выраженной становится очаговость сельского расселения. В староосвоенных регионах Европейской России следствием структурной концентрации является поляризация расселенческого ландшафта, выражающаяся в увеличении доли мельчайших и крупных населенных пунктов и в одновременном «провале» в средних.

¹ Заметное уменьшение доли мельчайших поселков за 1959–1969 гг. почти целиком произошло в связи с изменением подхода к определению самого понятия «населенный пункт» за этот период: так, во время переписи населения 1970 г. жители большинства отдельно стоящих домов, расположенных вблизи более крупных поселков, были включены в их население.

Таблица 3.2.2. Изменение доли сельских поселений разной людности (Россия, 1959–1989 гг.)

Годы	Все поселения (%)	В том числе с людностью (чел.)					
		1–10	11–50	51–200	201–500	501–1000	Свыше 1000
1959	100,0	14,1	28,4	35,1	14,3	5,2	2,9
1970	100,0	11,9	28,8	32,4	16,0	6,8	4,1
1979	100,0	13,4	30,9	28,5	15,3	7,1	4,8
1989	100,0	19,8	29,2	23,5	14,5	7,5	5,5

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Таблица 3.2.3. Изменение распределения сельского населения по населенным пунктам разной людности (Россия, 1959–1989 гг.)

Годы	Все поселения (%)	В том числе с людностью (чел.)					
		1–10	11–50	51–200	201–500	501–1000	Свыше 1000
1959	100,0	0,4	4,3	19,7	24,0	19,4	32,2
1970	100,0	0,3	3,6	15,1	22,4	20,9	37,7
1979	100,0	0,3	3,4	12,7	20,3	20,6	42,7
1989	100,0	0,4	3,0	10,0	18,2	20,7	47,7

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Данные, приведенные в табл. 3.2.3, более детально позволяют интерпретировать концентрацию как совмещение трех разнонаправленных тенденций: устойчивого уменьшения значения в структуре расселения населенных пунктов с числом жителей от 50 до 500 чел., сокращения (при некотором расширении их численности) значения мельчайших и небольших поселений и увеличения «веса» относительно крупных (более 500 жителей каждый).

Увеличение значения и доли численности населения наиболее крупных и многофункциональных поселений — городов, сельских районных и низовых центров — затрагивает всю региональную систему расселения. Приведенные в табл. 3.2.4 и 3.2.5 примеры показывают, что современные тенденции перераспределения населения сходны даже в столь контрастных по природным, экономическим и социально-демографическим условиям регионах, как Вологодская область и Северная Осетия. Отметим только, что в Северной Осетии, как и почти во всех других горных регионах (с их специфическим населением, в значительно большей степени привязанным к своей «малой родине»,

чем в большинстве центральных регионов России), эти процессы отличаются сравнительно невысокими темпами. Из-за традиционно низкой подвижности местного населения большая часть прироста городского населения обеспечивается за счет внешней миграции. Общий характер процесса может быть дифференцирован для отдельных регионов только по степени его выраженности, но не по «рисунку»².

Таблица 3.2.4. Примеры концентрации населения в контрастных по формам и типам расселения регионах России

Население	Вологодская область				Республика Северная Осетия			
	Распределение населения по типам поселений, %			Численность населения в 1989 в % к 1970 г.	Распределение населения по типам поселений, %			Численность населения в 1989 г. в % к 1970 г.
	1970	1979	1989		1970	1979	1989	
Все	100,0	100,0	100,0	105,0	100,0	100,0	100,0	117,7
Городское	47,5	58,7	66,7	147,3	64,5	67,9	70,2	128,0
Сельское	52,5	41,3	33,3	66,6	35,5	32,1	29,8	98,9
Городское	100,0	100,0	100,0	–	100,0	100,0	100,0	–
Столица	28,8	30,7	32,7	–	66,4	68,8	68,2	–
Райцентры	66,4	64,2	61,9	–	27,9	26,3	27,3	–
Прочие	4,8	4,9	5,4	–	5,7	4,9	4,4	–
Сельское	100,0	100,0	100,0	–	100,0	100,0	100,0	–
Райцентры	3,0	5,3	7,8	–	10,4	11,8	12,7	–
Центры сельсоветов	14,5	22,5	36,2	–	76,4	81,4	81,2	–
Прочие	82,5	72,2	55,0	–	13,2	6,8	6,1	–

Источники: рассчитано автором по материалам статуправлений Вологодской области и республики Северная Осетия.

Современная эволюция расселения, проявляющаяся весьма по-разному в разных по условиям расселения частях регионов, в ряде случаев свидетельствует о заметно выраженной цикличности ее процессов.

Примерная модель подобной цикличности наблюдается в таких регионах Северной и Центральной России, как Вологодская, Ярославская и им подобные (позициям А...Е в табл. 3.2.6 соответствуют схемы с таким же обозначением на рис. 3.2.1). Отметим, что сказанное выше относится, главным образом, к равнинным регионам.

² В свете результатов, полученных с помощью методов дифференциальной урбанизации, меньшая выраженность (а тем более отсутствие) процесса концентрации населения в его главных центрах имеет важное значение — см. главу 2.6.

Таблица 3.2.5. Поляризация структур сельского расселения в типичных регионах России

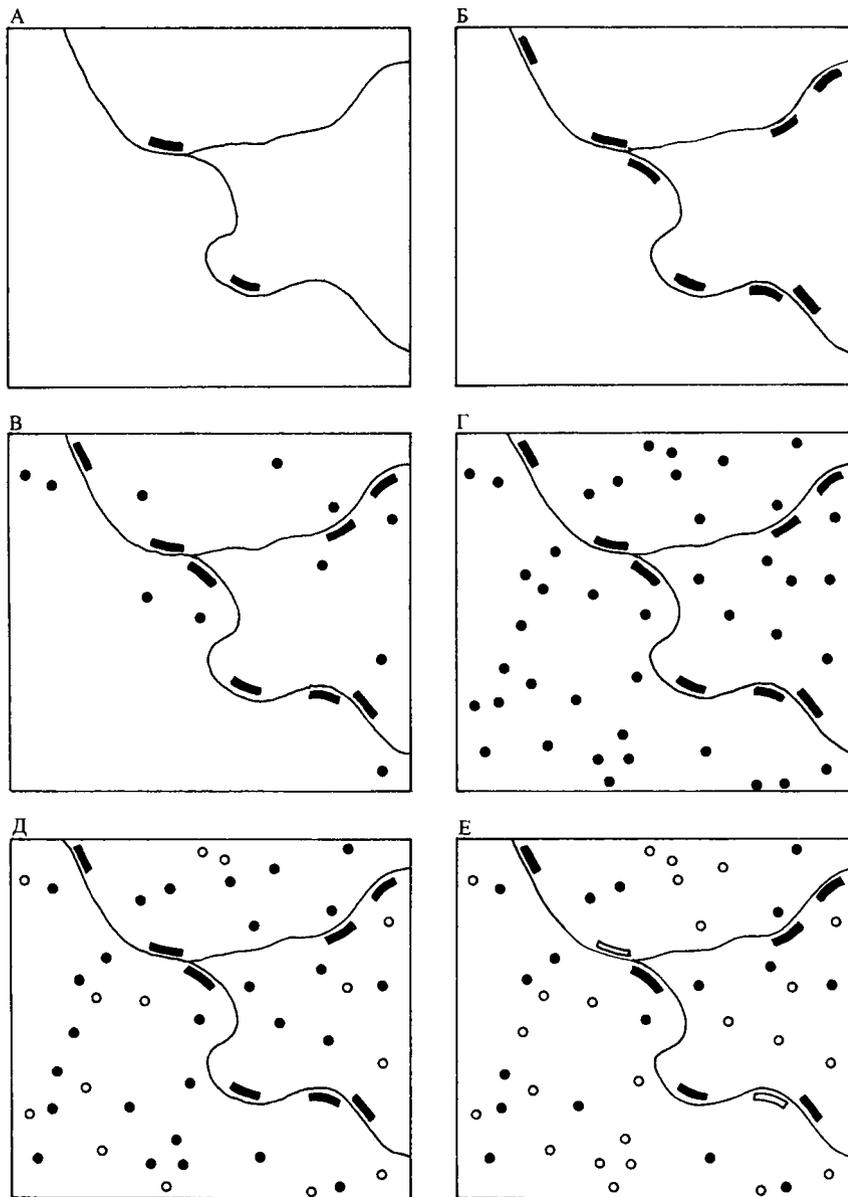
Регион	Все поселения	Из них с числом жителей (чел.)					
		10 и менее	11–50	51–200	201–500	501–1000	более 1000
1989г. в % к 1959г.							
Вологодская область	57,2	184,9	48,1	23,0	63,9	105,1	157,8
Северная Осетия	61,9	108,6	56,1	27,1	77,8	71,1	91,1
Динамика поселений различной людности в % к среднеобластной							
Вологодская область	100,0	323,3	84,1	40,2	111,7	183,7	275,8
Северная Осетия	100,0	175,4	90,6	43,8	125,7	114,9	147,2

Источники: рассчитано автором по материалам статуправлений Вологодской области и республики Северная Осетия.

Таблица 3.2.6. Примерная схема причинно-следственных связей в цикле «освоение—деградация» в регионе старого освоения

Причины	Следствия
Начало освоения территории постоянным расселением	А. Единичные постоянные поселения в речных долинах
Освоение речных долин и прилегающих к ним ближайших территорий	Б. Группы долинных поселений
Экспансия расселения в связи с необходимостью расширения жизненного пространства и диверсификации пространства	В. Первичные системы расселения, состоящие из коренных долинных и дочерних приводораздельных поселений
Хозяйственная и демографическая автономизация долинного и приводораздельного расселения при сохранении генетических внутрисистемных связей	Г. Максимум освоенности территории расселением и его внутрисистемной специализации
Депопуляция наименее удобно расположенных поселений. Концентрация населения в центральных поселениях систем	Д. Появление первых заброшенных поселений и локальных территорий, обычно на дальней периферии низовых систем расселения
Массовая депопуляция поселений, удаленных от местных центров, поляризация структур расселения по функциям и людности	Е. Разделение массивами заброшенных земель, лишенных постоянных поселений, ранее единого поля расселения, на отдельные части

Рис. 3.2.1. Территориальная динамика расселения в староосвоенных районах

Специфика эволюции расселения в горных регионах, содержащих как собственно горное, так и равнинное расселение, конечным результатом которой также является концентрация населения и поляризация расселения, выглядит несколько по-другому.

Одним из важных следствий концентрации населения становятся изменения характера хозяйственно-производственного давления на территорию. Образуются, с одной стороны, хорошо выраженные локальные очаги антропогенного воздействия, с другой — куда менее интенсивно используемые межцентровые пространства. В них происходит в лучшем случае смена типа землепользования, в худшем — нерегулируемая и в нынешних условиях практически неизбежная хозяйственная деградация³.

Первый вариант изменений характерен для сельских районов, тяготеющих к крупным городам. Здесь уже давно одной из типичных форм расселения стало расселение рекреационное, или дачное. Возник совершенно новый тип сельского расселения с резко различной сезонной плотностью населения (максимальной летом и минимальной зимой).

Во многих районах, тяготеющих к большим городам, лишь наиболее крупные сельские поселения сохранили свою прежнюю сельскохозяйственную функцию. «Неперспективные» деревни, напротив, стали по преимуществу местами отдыха горожан, порой даже полностью перешли в их владение⁴. А некоторые растущие сельские поселения становятся, по существу, поселками-спальнями для людей, работающих в близлежащих городах и крупных сельских центрах. Притянув сначала значительную часть сельского населения и послужив таким образом одной из главных причин запустения деревни, крупные города со временем сделали источником *репопуляции* сельской местности, правда, с совершенно иным качественным содержанием.

Второй вариант изменений характерен для куда большего числа сельских районов, а свое наиболее яркое выражение он получает в *депопуляции*. Депопуляция деформировала типичные формы и структуры расселения: интенсивный миграционный отток сопровождался почти повсеместным изменением сети сельских поселений и исчезновением значительной их части. Депопуляция затронула (правда, в разной степени) и малые, и средние, и крупные сельские поселения. Более того, начавшись в сельской местности, сегодня она захватила и малые российские города.

Депопуляция приводит также к тому, что во многих регионах при почти неизменной сетке низового административного деления постоянно возрастает доля первичных систем расселения с небольшой численностью населения. Учитывая, что именно они являются и первичными микрорайонами обслуживания населения, это ставит на первое место проблему реорганизации всех систем обслуживания и особенно сетей школ и медицинских учреждений, требующих определенного минимума клиентуры для удовлетворительного функционирования.

³ См. главу 3.5.

⁴ См. главу 4.2.

Плотность сельского населения, размеры и густота поселений к 1989 г.

Пространственный рисунок основных зональных характеристик сельского расселения, сложившийся на территории Европейской России к концу XX в., в общих чертах выглядит следующим образом.

Плотность населения. В результате почти повсеместного сокращения «собственно сельского» населения (т. е. населения, живущего в сельских «по статусу» поселениях) его плотность (рассчитанная по административным районам) на всем, кроме Северного Кавказа, пространстве Европейской России значительно снизилась (рис. 3.2.2, см. также рис. 3.1.1 и 3.1.2 в предыдущей главе). В «главной полосе расселения» даже территории, на которых на 1 кв. км приходится от 10 до 25 человек, пестрят крупными очагами с более низкой плотностью и только на ближней периферии немногих центров сохраняются сельские местности с более высокой плотностью населения. Наиболее крупный такой ареал включает почти всю Московскую область, второй (по размерам территории) — это значительная часть Чувашии. Другие, заметно меньшие по площади ареалы высокой плотности сельского населения — это один-три, редко больше, смежных сельских административных районов, прилегающих к городской черте некоторых областных центров (С.-Петербурга, Липецка, Воронежа, Курска и ряда других).

Компактную и хорошо очерченную зону высокой плотности сельского населения можно видеть в настоящее время только на западе и юге Северного Кавказа, где она занимает пространство, осью которого является линия Ростов-на-Дону—Дербент с ответвлениями на Краснодар и Ставрополь. Обрамленная и с севера, и с юга территориями с постепенно снижающейся плотностью (в горах и в сухих степях), эта зона представляет собой наиболее четко дифференцированное и структурированное условиями расселения поле последовательной смены всех современных типов и форм расселения — от редкой сети не очень крупных поселений в сухих степях к крупноселенному и довольно густому расселению в предгорьях и на давно и хорошо используемых для сельского хозяйства равнинах Прикубанья и Ставрополя и до цепочек небольших горнодолинных поселений.

На карте плотности всего населения главная полоса расселения усеяна очагами концентрации городского населения (рис. 3.2.3).

Густота расселения. Более чем на $\frac{2}{3}$ сократившееся количество сельских населенных пунктов (а в отдельных регионах Урала и Предуралья сеть сельских поселений уменьшилась более чем вдвое) привело к тому, что от хорошо выраженного обширного ареала наиболее густого расселения (местностями такого типа для условий России можно считать все те, где количество сельских поселений составляет более 10 на 100 кв. км), занимавшего еще в конце 50-х годов более четверти всей освоенной сплошным расселением территории, остались лишь отдельные очаги (рис. 3.2.4 и 3.2.5).

Рис. 3.2.2. Плотность сельского населения в 1989 г., чел. / кв. км

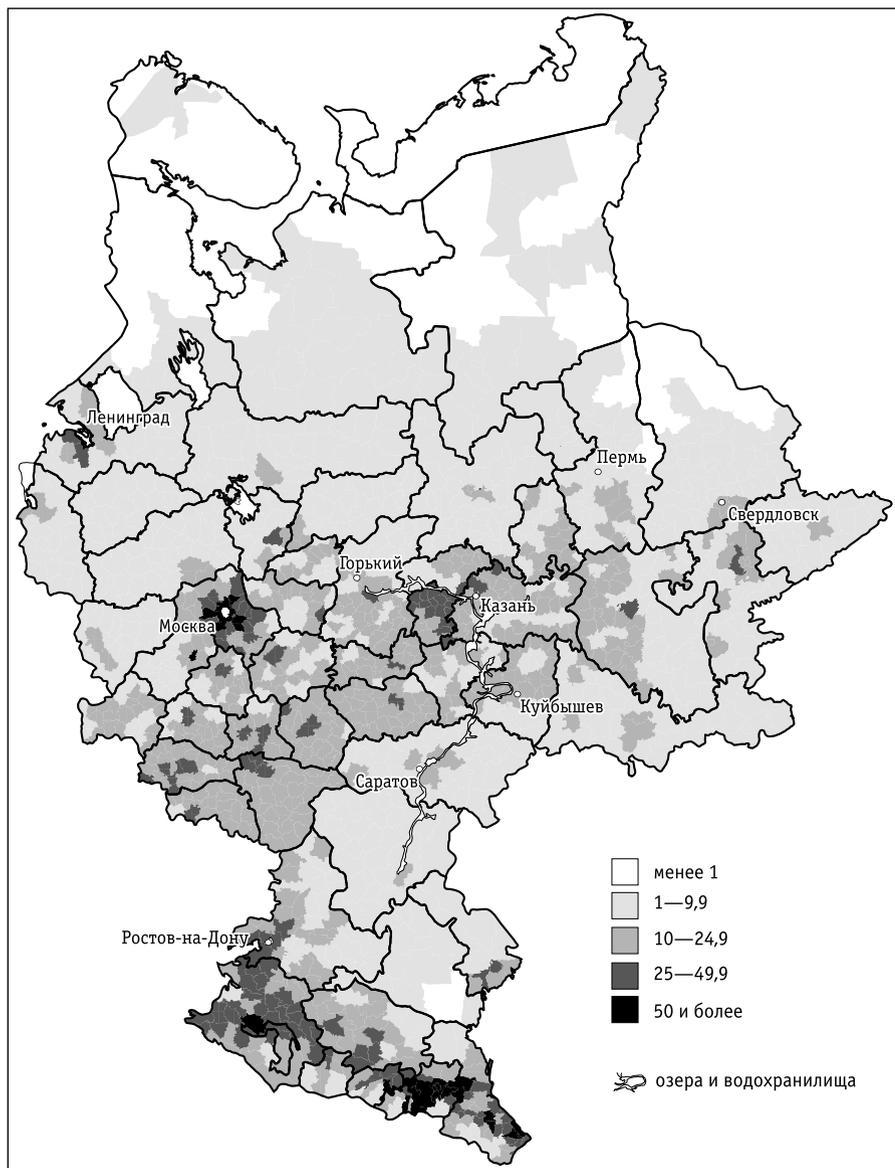

Рис. 3.2.3. Плотность всего населения в 1989 г., чел. / кв. км

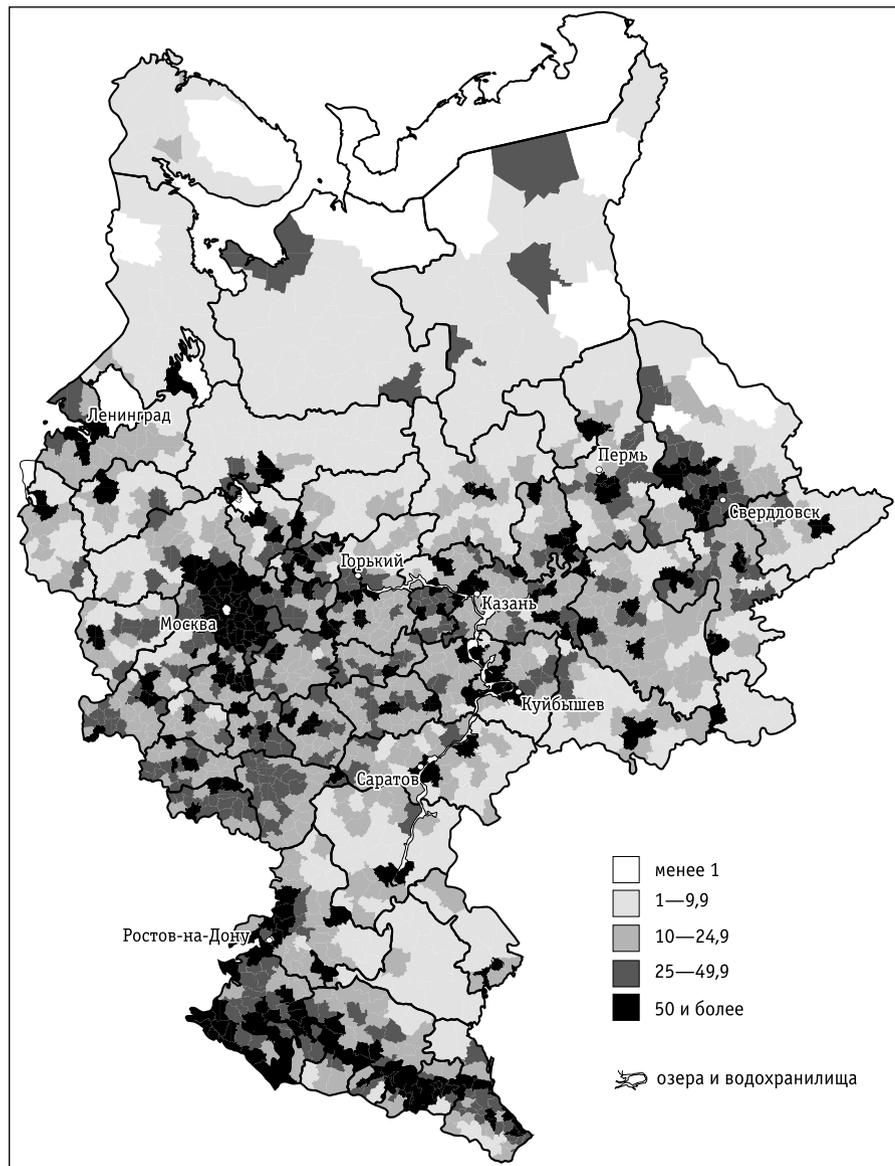

Рис. 3.2.4. Густота поселений в 1959 г. на 100 кв. км

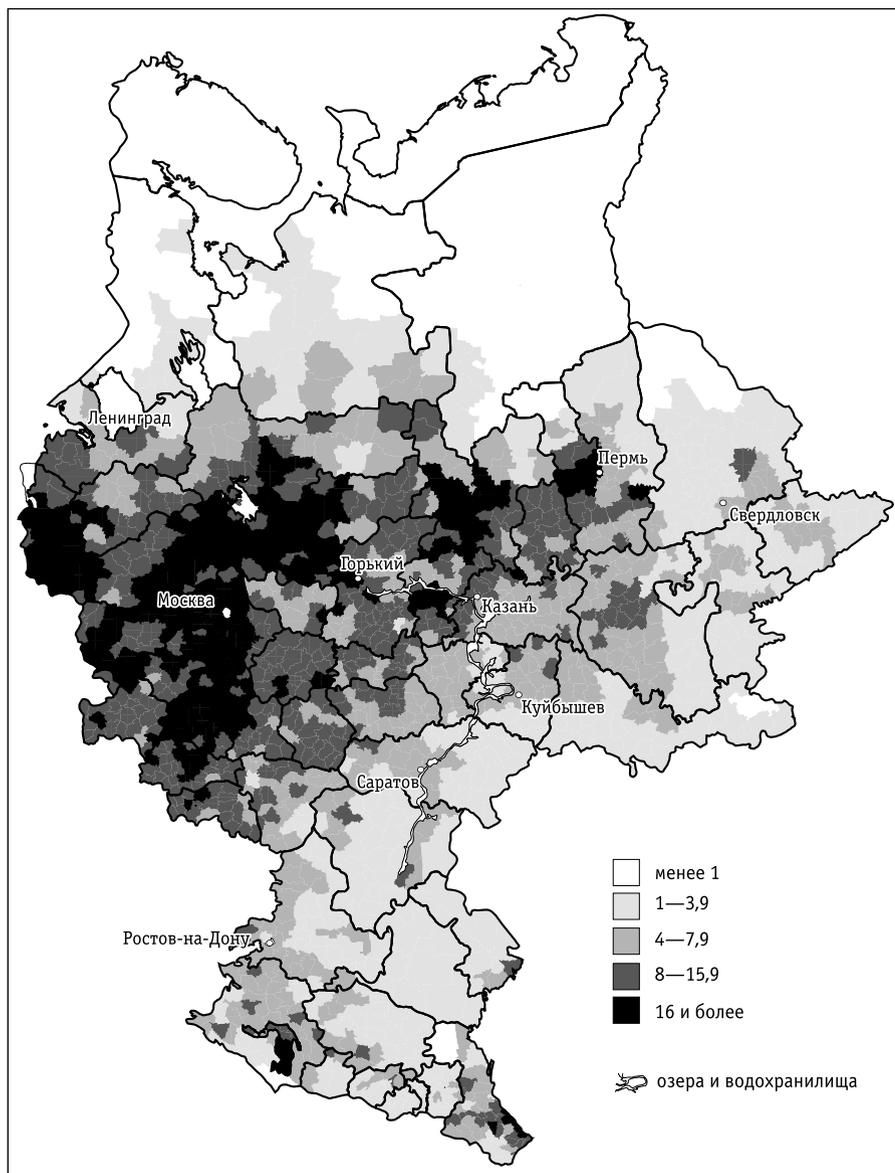
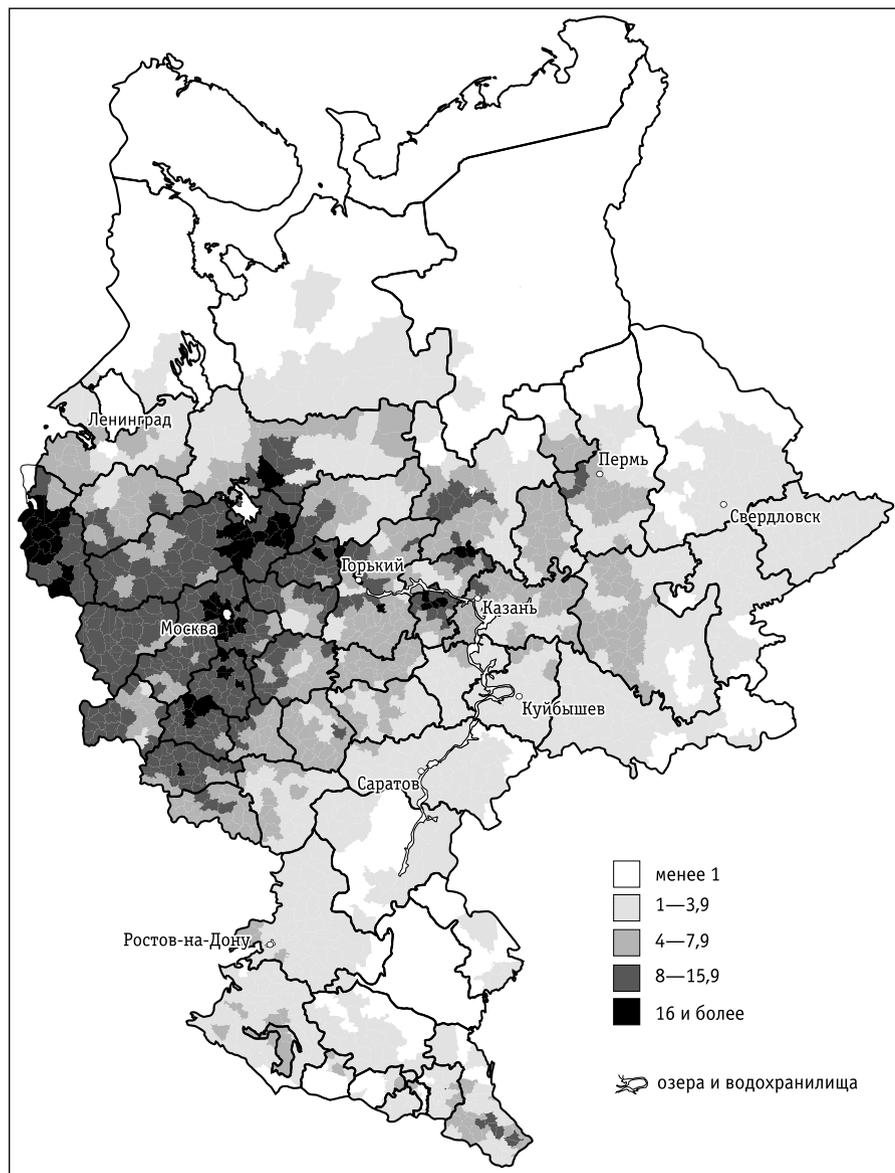

Рис. 3.2.5. Густота поселений в 1989 г. на 100 кв. км

При общем сохранении зональности «рельеф» густоты сельского расселения стал более дробным в Центральном регионе и на примыкающих к нему территориях и менее дифференцированным — на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье. В районах Севера, остающихся наименее заселенными, фактическая, не «размазанная» по всей территории густота расселения несколько выросла за счет появления новых поселений и концентрации населения вдоль магистралей и около опорных центров — городов. При этом уменьшилось количество поселений в глубинке и на периферийных частях побережья северных морей.

Средняя людность сельских поселений. С некоторыми оговорками эта характеристика может служить интегральным показателем населенности, заселенности и, при оценке возможностей социального обслуживания населения, одним из критериев условий размещения и функционирования систем учреждений обслуживания (табл. 3.2.7, 3.2.8).

Крупноселенность — это тип расселения, наиболее приспособленного для создания оптимальной для сельской местности бытовой и социальной инфраструктуры. «Избыточная» для ведения сельского хозяйства концентрация населения компенсируется отчасти тем, что вторым массовым звеном в расселении являются поселения с числом жителей от 200 до 500. Мелкоселенность, при которой до $\frac{1}{5}$ всего населения проживает в деревушках, где число жителей не превышает 25 человек, да еще в условиях характерного для северного и центрального Нечерноземья бездорожья и при все менее и менее действенной социальной инфраструктуре (исчезновение низовых ее звеньев — начальных школ, фельдшерских пунктов, магазинов и т. п. идет быстрее, чем исчезновение мелких поселений) остается для значительной части территории России необходимым, хотя иногда и вынужденным типом расселения, обеспечивающим хотя бы использование мелкоконтурных и малосвязанных между собой сельскохозяйственных земель, лесов, пастбищ и т. д.

Таблица 3.2.7. Типичные региональные структуры сельского расселения. Количество сельских населенных пунктов различной людности (%)

Средняя людность сельских поселений в области	Типичный регион	Все населенные пункты	В том числе с людностью (чел.)				
			1–25	26–100	101–500	501–1000	более 1000
40	Псковская	100,0	72,5	20,5	6,1	0,7	0,2
75	Костромская	100,0	62,5	21,8	13,0	1,9	0,8
150	Владимирская	100,0	42,5	28,2	20,9	5,8	2,6
250	Липецкая	100,0	21,0	31,0	33,0	9,0	6,0
400	Волгоградская	100,0	8,6	16,3	47,2	15,7	12,2
650	Дагестан	100,0	5,1	15,3	43,7	16,6	19,3
1500	Ставропольский край	100,0	2,1	7,2	37,6	14,1	39,0

Источники: рассчитано автором по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Таблица 3.2.8. Численность сельского населения, проживающего в пунктах с различной людностью

Средняя людность сельских поселений	Типичный регион	Все население	В том числе с людностью (чел.)				
			1–25	26–100	101–500	501–1000	более 1000
40	Псковская	100,0	18,5	23,7	34,5	12,8	10,5
75	Костромская	100,0	7,7	15,0	40,7	16,8	19,8
150	Владимирская	100,0	3,0	9,9	33,3	27,2	26,6
250	Липецкая	100,0	0,9	6,0	27,6	21,9	43,6
400	Волгоградская	100,0	0,3	2,4	25,8	27,3	44,2
650	Дагестан	100,0	0,1	1,4	17,6	17,7	63,2
1500	Ставропольский край	100,0	0,1	0,3	6,8	6,7	86,1

Источники: рассчитано автором по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Как и плотность населения и густота расселения, средняя людность сельских поселений — показатель, хорошо зонированный на территории Европейской России (рис. 3.2.6). Зона наибольшего и почти повсеместного распространения мелкоселенного по преимуществу расселения — это Северо-Запад (Псковская и Новгородская области) и традиционный Русский Север (Вологодская, Костромская, Кировская области), запад и север Центрального региона, некоторые части Калужской, Тульской, Владимирской и Пермской областей.

Нельзя не отметить один из феноменов, говорящих о вполне определенной устойчивости некоторых характеристик сельского расселения: при всех изменениях, которые оно претерпело за прошедшие 100 лет, сравнение данных за этот период показывает, что ареал мелкоселенных регионов изменился весьма мало, так же как не очень изменился и сам интегральный показатель мелкоселенности (табл. 3.2.9).

Конечно, абсолютные изменения людности, произошедшие в связи с существенными изменениями структур расселения (переход от сравнительно однородных, с небольшим диапазоном разброса по людности структур к резко поляризованным, в которых за последние 50–60 лет «вымыты» почти весь средний слой поселений) достаточно заметны, но общая региональная тенденция совершенно очевидна: положение областей в ранжированном по убыванию средней людности их перечне изменилось мало. За 100 лет в группу наиболее мелкоселенных территорий России никто новый не вошел и никто из нее не вышел.

Южнее и восточнее средние размеры сельских поселений заметно увеличиваются, переходя сначала в полосу областей, в которых средняя людность поселений колеблется

Рис. 3.2.6. Средняя людность поселений в 1989 г., человек

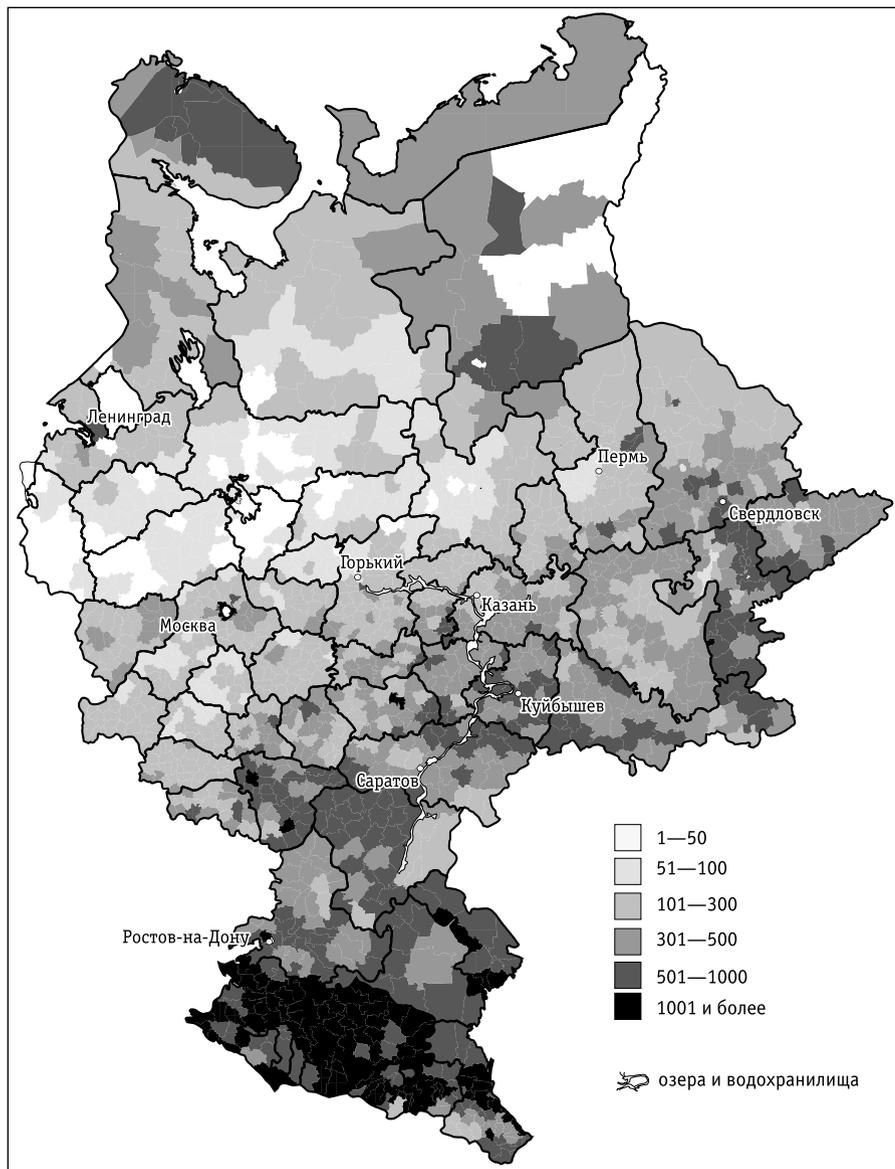

Таблица 3.2.9. Средняя людность сельских поселений в мелкоселенных регионах России (1893 и 1989 гг.)

Губернии (1893 г.) Области (1989 г.)	Средняя людность (чел.)	
	1893 г.	1989 г.
Тверская	142	54
Вятская (Кировская)	131	107
Новгородская	112	65
Смоленская	98	74
Архангельская	97	114
Костромская	95	73
Вологодская	88	67
Ярославская	85	51
Псковская	61	39

Источники: рассчитано автором по данным Сборника статистических сведений по России 1896 г. (опубликовано в: Россия. Энциклопедический словарь, 1898) и Всесоюзной переписи населения 1989 г.

в пределах 200–300 человек, и далее — в широкий, тянущийся с юго-запада на северо-восток пояс классических среднеселенных областей. Примеры таких регионов — Липецкая область (переход от мелко- к среднеселенности), Волгоградская область (равнинное среднеселенное расселение) и Дагестан — горный регион с местными вариантами перемежающихся средне- и крупноселенных ареалов и хорошо проявляющейся высотной зональностью расселения, в среднем создающей впечатление типичной среднеселенности (табл. 3.2.7 и 3.2.8).

Ареал характерного и очень хорошо выраженного и стабильного в течение десятилетий крупноселенного расселения — это значительная часть Северного Кавказа, особенно — север и восток Краснодарского края, Ставрополье (вплоть до его восточной границы), предгорья и низкогорья Большого Кавказа, равнинные и предгорные районы Дагестана и почти все побережье Каспийского моря.

Средняя людность поселений — пожалуй, наиболее устойчивая во времени характеристика расселения. Мы уже говорили о стабильности ареала мелкоселенного расселения. Несколько меньшая, но все же достаточно заметная устойчивость средней людности наблюдается и в типично среднеселенных (например, таких, как Воронежская, Самарская, Саратовская, Тамбовская области) регионах и в некоторых крупноселенных — особенно на равнинах Северного Кавказа.

Уменьшается численность населения, сокращается количество поселений, поляризуется структура расселения, но при всем этом средняя (особенно рассчитанная для достаточно крупного региона — области, края) величина людности поселений меняет-

ся весьма незначительно, и нужны почти революционные изменения или степени заселенности территории (как на Севере, где средняя людность поселений заметно возросла), или численности населения при практически неизменной сети поселений (как, например, в некоторых местностях Северного Кавказа, особенно — в национальных республиках), чтобы показатель средней людности заметно изменился.

Людностью сельских поселений (точнее, долей поселений той или иной людности в общей структуре расселения региона) во многом определяется и возможность населения пользоваться основными учреждениями обслуживания непосредственно в местах жительства. Мелкие населенные пункты в редких случаях могут служить базой для размещения школ, лечебных учреждений, отделений связи и т. п.

Только в тех регионах, где небольшие поселки в значительной степени изолированы от более крупных и существуют самостоятельными анклавами (например, в ареалах горно-долинного расселения), в них вынужденно размещаются некоторые первичные учреждения социальной сферы. В остальных случаях центры обслуживания становятся нормой только в поселениях с людностью, превышающей 300–500 человек, и лишь в мелкоселенных регионах этот ценз несколько снижается (**табл. 3.2.10**).

Сдвиги в распределении сельского населения по периодам

Выше говорилось об основных чертах динамики сельского расселения за весь тридцатилетний период, прошедший между первой послевоенной (1959 г.) и последней (1989 г.) переписями населения. Рассмотрим те изменения, которые были характерны для каждого межпереписного периода: 1959–1969 гг., 1970–1978 гг. и 1979–1988 гг.

Постоянное уменьшение удельного веса Европейской России в численности сельского населения всей страны и неизменность ее доли в количестве сельских поселений (**табл. 3.2.11**) сопровождалось постепенным увеличением их средней людности (**табл. 3.2.12**).

Основная причина этого — все более и более заметное от одного межпереписного периода к другому увеличение доли крупных поселений в общей структуре расселения регионов и рост их средней людности почти в каждом регионе. Исключение составили только традиционно мелкоселенные Северо-Запад и Центр. Первый — в связи с жестко обусловленными природно-хозяйственными ограничениями, исключающими появление хотя бы относительно крупных поселений, второй — в связи с перманентным преобразованием крупных сельских поселений в городские и быстрым расширением городов, поглощающих пригородные, обычно крупные, несельскохозяйственные сельские поселения (**табл. 3.2.13** и **3.2.14**).

Увеличение количества наиболее крупных сельских поселений (людность свыше 3 тыс. человек, и особенно свыше 5 тыс., позволяла претендовать на статус городского поселения) особенно заметна в мелкоселенных регионах, где всегда ощущался недостаток местных

Таблица 3.2.10. Обеспеченность сельского населения основными учреждениями социальной сферы в местах жительства (в % от общей численности населения)

Регион	Всего в регионе	В т. ч. в населенных пунктах, число жителей которых составляет				
		1–50	51–100	101–300	301–500	501–1000*
Школы (включая начальные)						
Новгородская	55,5	3,1	14,4	53,1	82,2	90,0
Рязанская	73,5	4,4	14,3	54,8	85,3	92,6
Воронежская	90,9	2,5	11,6	45,3	85,7	96,1
Ставропольский край	93,3	4,3	7,2	30,0	55,3	83,1
Респ. Северная Осетия	97,9	20,1	46,9	42,5	88,1	97,2
Лечебные учреждения (включая фельдшерские пункты)						
Новгородская	74,7	23,7	48,9	82,0	89,8	100,0
Рязанская	86,0	27,8	51,9	83,0	95,6	96,4
Воронежская	92,3	15,0	24,3	61,3	86,7	96,8
Ставропольский край	96,6	23,6	37,2	73,0	83,1	92,3
Респ. Северная Осетия	95,3	35,5	55,2	85,3	100,0	100,0
Отделения связи						
Новгородская	66,7	16,1	37,0	65,3	81,8	100,0
Рязанская	70,6	15,0	30,5	46,8	78,6	85,2
Воронежская	89,4	11,3	15,3	36,2	83,9	96,0
Ставропольский край	92,4	9,4	10,7	24,0	36,5	79,9
Респ. Северная Осетия	97,4	13,7	28,6	49,3	94,0	95,2

* Населенные пункты с числом жителей более 1000 человек все без исключения имеют школы, лечебные учреждения, отделения связи.

центров, и на Северном Кавказе — в традиционно крупнонаселенном регионе, особенно — в его равнинных частях. Уменьшение средней людности крупных сельских поселений на Северо-Западе (в основном за счет Ленинградской области) и в центре (особенно в Московской области) — свидетельство быстрого преобразования наиболее крупных сельских поселений в городские. То же — и в Центральном-Черноземном регионе, где в последние десятилетия почти все сельские районные центры стали городскими поселениями.

Впервые после 1939 г. перепись населения 1959 г. стимулировала работы по учету сельских поселений. Подход к определению самого понятия «сельский населенный пункт» был во многом заимствован из опыта предыдущих переписей (1926 г., 1939 г.

Эволюция сельского расселения в 1959–1989 гг.

Таблица 3.2.11. Изменение доли Европейской территории России в численности сельского населения и количестве поселений за 1959–1989 гг. (в %; вся Россия = 100,0%)

Территория	Средняя людность (чел.)			
	1959	1970	1979	1989
Вся Россия	193	226	240	255
Европейская часть	168	183	215	224
Азиатская часть	253	365	445	498

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Таблица 3.2.12. Изменение средней людности сельских поселений в России (1959–1989 гг.)

	1959	1970	1979	1989
Сельское население	83,1	81,0	79,5	76,4
Сельские поселения	87,5	88,0	88,9	88,5

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Таблица 3.2.13. Изменение количества крупных (с числом жителей более 3 тыс.) сельских поселений и их средней людности (1959–1989 гг.)

Регион	Количество поселений				Средняя людность (чел.)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Северный	16	22	33	34	3820	4270	4820	5190
Северо-Западный	7	6	9	29	4210	3760	3950	3930
Центральный	93	90	100	101	6020	5150	4850	4630
Волго-Вятский	50	42	31	41	3870	4040	4360	4510
Центрально-Черноземный	169	144	111	94	4240	4530	4600	4840
Поволжский	121	118	115	113	4150	4500	4660	5020
Северо-Кавказский	418	492	495	518	6020	6180	6330	6530
Уральский	97	118	117	148	3980	4070	5010	5000

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Таблица 3.2.14. Изменение средней людности сельского поселения и доли поселений с числом жителей более 500 чел. (1959–1989 гг.)

Регион	Средняя людность всех сельских поселений (чел.)				Доля сельских поселений с числом жителей свыше 500 чел. (%)			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Северный	91	104	107	117	2,7	4,3	4,7	5,7
Северо-Западный	75	71	71	76	1,3	1,9	2,3	2,9
Центральный	122	117	109	107	2,9	3,9	3,9	4,4
Волго-Вятский	158	171	180	188	6,9	8,1	8,7	9,8
Центрально-Черноземный	289	371	355	321	18,6	20,3	19,5	17,6
Поволжский	391	359	415	404	17,3	22,2	25,5	25,0
Северо-Кавказский	475	775	895	965	19,6	32,9	37,6	39,5
Уральский	222	253	287	307	10,7	14,8	15,7	15,6

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

и частично даже 1897 г.), что привело к регистрации не только постоянно обитаемых поселений, но и временных (таких, как фермы, станы, пасеки, отгонные пастбища и т. п.), на которых население проживало зимой, а также выделения в особый тип отдельно стоящих домов и их групп, даже находившихся в непосредственной близости от более крупных поселений⁵. Впоследствии, при переписях 1970, 1979 и 1989 гг., жители таких мест обитания приписывались к более крупным поселениям: сельскохозяйственные — к центральным поселкам колхозов и совхозов, дома путевых обходчиков — к железнодорожным станциям, дома лесников — к лесничествам, и т. п.

Опыт обработки и структурирования данных о сельских поселениях, полученных в результате переписи 1959 г., показал, что принятая методика выделения сельских поселений требует упрощения и ужесточения — слишком много неопределенности внесла недостаточная четкость принятых дефиниций и человеческий фактор — плохая подготовленность исполнителей на местах, различия в понимании одинаково пишущихся видовых названий поселений (например — хутор, ферма) и т. п.

Все это привело к появлению в мае 1962 г. Указа Верховного Совета РСФСР «Об упорядочении наименований, регистрации и учета населенных пунктов». Работа, проведенная в соответствии с этим указом, стала одновременно и первым этапом подготовки к переписи населения 1970 г.

⁵ Так, для сопоставимости данных о количестве сельских поселений в 1959 и 1970 гг. их количество по данным 1959 г. необходимо было уменьшить на 4,1 тыс., на Северном Кавказе — на 3,3 тыс., на Урале — на 0,5 тыс., но и это не гарантирует достаточную точность расчетов динамики цикла сельских поселений за 1959–70 гг.

В то же время, изменение методов учета поселений усложнило сравнение данных 1959 и 1970 гг., а принятая к 1970 г. методика регистрации сельских поселений существенно исказила реальную картину расселения: из списков исчезли многие реально существующие мелкие населенные пункты — особенно в крупноселенных регионах, в ареалах горного расселения, в районах преобладающего лесопромышленного и хуторского расселения.

К 1968–1969 гг. (времени составления списков поселений и схем их размещения для переписи 1970 г.) наиболее значительные действительные (не формально-статистические) изменения количества сельских поселений произошли в областях Севера и Северо-Запада, Урала и на юге России. Так, ревизия сельских поселений, проведенная на местах, «по факту», привела к тому, например, что в Кировской области было исключено из списков свыше 1000 мелких поселений (при этом около 70 тыс. человек было из них переселено). В Краснодарском крае между переписями 1959 и 1970 гг. были объединены общим названием 187 поселений (по два, иногда и по три поселения со слившейся застройкой), а более 2 тыс. пунктов, не имевших «самостоятельного значения» (в основном те, которые в 1959 г. назывались «мелкие населенные места при различного рода предприятиях и организациях») были включены в состав ближайших крупных поселений. Так же поступили и со многими служебными транспортными поселениями (сторожками, домами обходчиков, бакенщиков и т. п.).

В Московской области за 1959–1968 гг. было ликвидировано более 600 мелких сельских поселений, 1180 слились с городскими поселениями, около 80 было преобразовано в городские поселения.

Всего на территории Европейской России в период с января 1959 г. по январь 1970 г. было объединено с более крупными или учтено в их составе, а также списано как «нежилые» более 70 тыс. сельских поселений. Кроме того, около 3 тыс. поселений было преобразовано в городские или включено в городскую черту.

Данные о динамике сельских поселений и их населения за 1959–1988 гг. сведены в **табл. 3.2.15.**

К 1970 г. сельское население уменьшилось почти везде, кроме Северного Кавказа. Именно рост числа сельских жителей в этом регионе обусловил сравнительно небольшое уменьшение сельского населения в целом по Европейской России. На $\frac{1}{4}$ уменьшилось число сельских жителей в Поволжье, почти на $\frac{1}{5}$ в Волго-Вятском регионе. Уменьшение количества сельских поселений было еще более значительным. И здесь лидирует Поволжский регион и почти такую же позицию занимает Центр⁶. Хотя значительное (практически на $\frac{1}{3}$) уменьшение количества сельских поселений на Северном Кавказе — в существенной степени результат изменения методов регистрации поселений в Краснодарском и Ставропольском краях, но и в действительности в этих регионах многие из мелких постоянно обитаемых сельских поселений превратились в сезоннообитаемые.

⁶ Напомним, что если данные об изменении численности сельского населения можно считать достаточно достоверными, то данные о динамике количества сельских поселений (особенно за 1959–1969 гг.) нужно рассматривать лишь как тенденцию.

Таблица 3.2.15. Динамика численности сельского населения и количества поселений по регионам Европейской России (1959–1989 гг., в % к 1959 г.)

Регион	Население				Населенные пункты			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Северный	100,0	82,9	69,8	64,8	100,0	72,5	59,3	50,5
Северо-Западный	100,0	81,1	68,8	64,1	100,0	85,6	72,8	63,4
Центральный	100,0	78,1	61,9	52,1	100,0	64,1	54,8	46,8
Волго-Вятский	100,0	79,2	64,3	53,4	100,0	73,7	57,1	45,2
Центрально-Черноземный	100,0	85,7	67,6	55,5	100,0	80,7	66,5	60,5
Поволжский	100,0	74,9	56,2	50,5	100,0	63,0	47,3	42,5
Северо-Кавказский	100,0	109,0	106,9	108,6	100,0	66,8	56,9	53,5
Уральский	100,0	84,0	70,5	63,9	100,0	69,1	55,4	47,0
Европейская Россия, всего	100,0	90,9	79,0	70,9	100,0	70,3	57,8	49,7

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Изменения в количестве сельских поселений в Центре обусловлены очень высокими темпами урбанизации как в Московской, так и в соседних с ней областях, «втянувшей» массу сельских поселков (и, как правило, не маленьких) в границы горпоселений.

Таблица 3.2.16. Динамика распределения сельского населения и населенных пунктов по регионам Европейской России (1959–1989 гг., в % к итогу)

Регион	Население				Населенные пункты			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Северный	5,2	4,6	4,6	4,7	9,0	9,3	9,2	10,0
Северо-Западный	4,1	3,5	3,5	3,7	8,5	10,3	10,6	11,8
Центральный	23,8	20,0	18,7	17,5	38,9	35,5	36,9	36,7
Волго-Вятский	11,6	9,9	9,5	8,8	11,5	12,0	11,3	10,4
Центрально-Черноземный	13,1	12,1	11,2	10,2	5,9	6,8	6,8	7,2
Поволжский	19,8	19,8	15,0	14,6	8,0	8,5	7,7	8,1
Северо-Кавказский	15,4	18,1	20,8	23,6	5,1	4,8	5,0	5,5
Уральский	14,0	12,0	16,7	16,9	13,1	12,8	12,5	12,3
Европейская Россия, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Изменения в 1959–1969 гг. привели к некоторому перераспределению доли регионов как по численности сельского населения, так и по количеству сельских поселений (табл. 3.2.16).

По доле населения уменьшился вес почти всех регионов, кроме Поволжья (до 1970 г. его доля в численности населения Европейской России оставалась стабильной) и Северного Кавказа, приблизившегося по численности сельских жителей к Поволжью и к Центру, потерявшему около 15% сельского населения. Другую картину демонстрируют итоги динамики сельских поселений: по их доле в общем числе населенных пунктов выросло значение Севера и особенно Северо-Западного и Центрально-Черноземного регионов. Уменьшение доли Северного Кавказа и Урала за этот период весьма незначительно.

В перераспределении доли крупных регионов в численности сельского населения и количестве сельских поселений в 1970–1978 гг. произошло следующее. По населению: сохранили свои позиции Север и Северо-Запад; уменьшена доля Центра, Волго-Вятского региона, Центрального Черноземья и особенно Поволжья (последнего — почти на $\frac{1}{4}$); в то же время еще вырос удельный вес сельского населения Северного Кавказа и особенно — Урала (почти на 40%). По доле сельских поселений большинство регионов практически сохранили свои позиции — свидетельство близких темпов динамики количества поселений.

За 1979–1988 гг. наиболее заметными особенностями перераспределения сельского населения между регионами являлись: а) продолжающееся и заметное увеличение доли Северного Кавказа; б) сохранение удельного веса Севера, Северо-Запада, Поволжья и Урала и в) небольшое, но все же характерное снижение доли Центрального, Центрально-Черноземного и Волго-Вятского регионов⁷.

Перераспределение удельных весов регионов по количеству сельских поселений шло за счет некоторого увеличения доли Севера, Северо-Запада, Черноземного Центра,

⁷ При подготовке к переписи населения 1989 г. была проведена очередная ревизия сельских населенных пунктов, в целом — более радикальная, чем перед переписью 1979 г. Ее результаты видны из следующих примеров.

В Псковской области в течение межпереписного десятилетия постепенно (но в основном — в конце 80-х годов) были исключены из списков почти 1,3 тыс. сельских поселений. В списках переписи при этом осталось около 400 небольших поселений с сохранившейся застройкой, но без «зимнего» населения и около десяти поселений — с временно проживающим «зимним» населением. Два сельских поселения за межпереписной период получили статус городских, десять были включены в городскую черту. Из «исключенных из списков» 211 были объединены с другими, 1050 — фактически ликвидированы как обезлюдившие.

В Рязанской области количество сельских поселений за 1979–1988 гг. уменьшилось почти на 300: около 30 были объединены с другими, 171 поселение ликвидировано, 108 поселений не имело населения на момент переписи, но было оставлено в списках.

В Горьковской (Нижегородской) области количество сельских поселений за 1979–1988 гг. уменьшилось на 510, т. е. почти на 10%. Все они перед переписью 1989 г. были исключены из списков «в связи с выездом или переселением жителей». Кроме того, среди 4850 сельских поселений учтенных переписью 1989 г., 270 (около 6%) не имели «зимнего» населения. За все прошедшее десятилетие в области возникло только два новых сельских поселения.

Поволжья и Северного Кавказа, стабилизации Урала и Центра и уменьшения доли Волго-Вятского региона.

В региональном плане, если просуммировать весь интервал между переписями 1959 и 1989 гг., произошли следующие структурные изменения:

Север и Северо-Запад — сохранение своего места по доле населения в течении всего периода — особенно в 1970–1988 гг., после некоторого понижения этой доли в предыдущее одиннадцатилетие. По количеству населенных пунктов доля этих регионов немного выросла: менее существенно — на Севере, заметнее — на Северо-Западе.

Центр, Центральное Черноземье, Волго-Вятский и Поволжский регионы: уменьшение доли населения среди всего сельского населения Европейской России — постоянное, во все периоды, в Центральном регионе, довольно резкое — после 1970 г. — в Поволжье. Изменение доли сельских поселений не так ярко выражено, и если для Центра и Волго-Вятского региона — это уменьшение доли, то для Центрального Черноземья — увеличение, а для Поволжья — в целом стабилизация.

Уральский регион. Его доля в численности населения несколько выросла после 1970 г. и в дальнейшем стабилизировалась; доля в количестве населенных пунктов уменьшалась в каждый из межпереписных периодов примерно одинаковыми темпами.

Северный Кавказ. В то время как по доле сельских поселений он сохраняет все время одно и то же место среди всех регионов — количество поселений, расположенных в нем, постоянно составляет около 5% всех поселений Европейской России, — доля сельского населения, проживающего в регионе, приблизилась к 25% всего сельского населения рассматриваемой территории, и по этой величине он к 1989 г. стал занимать то же место, что Центральный регион в 1959 г. Если в то время численность сельского населения Северного Кавказа равнялась примерно $\frac{2}{3}$ населения Центра — наиболее населенного региона, то в 1989 г. превысила его более чем на $\frac{1}{3}$.

Региональные руралистические структуры расселения

Соотношение долей сельских поселений разных градаций людности иногда называют руралистической структурой по аналогии с урбанистической. Региональные (республиканские, краевые, областные) структуры сельского расселения могут быть расклассифицированы по количественному соотношению в них поселений следующих трех категорий людности: до 200 жителей, от 200 до 1000 жителей и свыше 1000 жителей. При всей условности такого деления оно позволяет выделить основные характерные как для России в целом, так и для ее Европейской территории типы структур (табл. 3.2.17).

К началу 1959 г. около $\frac{2}{5}$ всех областей Европейской России были среднеселенными (по табл. 3.2.18 — типы III и IIIa). Количество регионов других типов было почти одинаковым. Мелкоселенные области отсутствовали в Поволжье, на Северном Кавказе

Таблица 3.2.17. Распределение населения по населенным пунктам разной людности в типичных региональных структурах сельского расселения

Типы структур	Доля проживающих (%) в сельских поселениях		
	до 200 жителей	200–1000 жителей	более 1000 жителей
I. Мелкоселенные	60–85	12–35	2–15
II. Мелко- и среднеселенные	35–50	40–50	10–20
III. Среднеселенные	10–35	45–65	15–25
IIIa. То же со значительной долей крупных сельских населенных пунктов	5–25	45–65	25–40
IV. Средне- и крупноселенные	5–10	35–55	40–65
IVa. То же со значительной долей мелких и средних населенных пунктов	10–25	35–55	30–45
IVб. То же со значительной долей крупных населенных пунктов	5–15	25–35	55–65
V. Крупноселенные	1–5	10–30	Более 65

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

и на Урале, все крупноселенные находились на территории Северного Кавказа. Изменения, произошедшие за 1959–1988 гг., выразились в основном в некотором увеличении среднеселенности в Центральном регионе, крупноселенности на Урале и в Поволжье, а на Северном Кавказе — в еще большей концентрации населения в особо крупных сельских поселениях: количество поселений, в каждом из которых проживает более 5 тыс. человек, к 1989 г. достигло 255 — 57% от всех сельских поселений такой людности в Европейской России (в 1959 г. было менее 200, в 1970 г. — 232, в 1979 — 242).

Отметим, что в целом для Европейской России существовавшие в 1959 г. структуры расселения оказались достаточно устойчивыми: мелкоселенные регионы остаются мелкоселенными, крупноселенные — крупноселенными. Наиболее устойчивой является категория (как часть областной структуры расселения) малых поселений, наиболее динамичной — средних. По-видимому, основной причиной относительно высокой устойчивости той части структур, которая представлена малыми поселениями (особенно четко это проявилось в среднеселенных областях с относительно невысокой плотностью расселения), является в большинстве случаев функциональная необходимость сохранения этого элемента расселения: большая часть малых сельских поселений в значительной части регионов (кроме Северо-Запада, Центра и Черноземья) — это служебные пункты несельскохозяйственного профиля (транспортные, промышленные, рекреационные), в наименьшей степени связанные с общим для регионов изменением демографической ситуации.

Основные выводы, к которым подводит анализ динамики областных структур расселения, таковы. Во-первых, тип динамики структур расселения определяется в значительной

Таблица 3.2.18. Распределение региональных структур расселения различных типов по крупным районам в Европейской России

Регионы	Годы	Типы структур				
		I	II	III, IIIa	IV, IVa, IVб	V
Северный	1959	2	–	3	1	–
	1989	1	1	2	2	–
Северо-Западный	1959	2	1	–	–	–
	1989	2	–	–	1	–
Центральный	1959	4	5	2	1	–
	1989	4	3	4	1	–
Волго-Вятский	1959	1	1	2	1	–
	1989	–	2	2	1	–
Центрально-Черноземный	1959	–	–	5	–	–
	1989	–	1	4	–	–
Поволжский	1959	–	–	4	4	–
	1989	–	–	2	6	–
Северо-Кавказский	1959	–	–	–	3	6
	1989	–	–	–	2	7
Уральский	1959		2	6		
	1989		1	6	1	
Итого	1959	9	9	22	10	6
	1989	7	8	20	14	7

мере характером происходящих изменений в функциональной структуре расселения, обусловленных как вертикальными (внутри структуры), так и горизонтальными (по территории) изменениями типа хозяйства, эффективностью использования земель, развитием транспортных, хозяйственных и социально-бытовых связей и т. п.

Во-вторых, зависимость между динамикой численности населения и динамикой структур расселения для регионов типа областных и крупных (экономических) может быть определена только в самом общем виде: незначительное уменьшение или увеличение численности населения не влечет за собой сколько-нибудь заметной трансформации структуры. Значительное уменьшение численности обуславливает почти повсеместную поляризацию структур за счет уменьшения удельного веса поселений средней величины, опережающего по темпам динамику поселений других категорий людности. Значительное увеличение численности населения приводит к существенной перестройке структуры с дифференцированными (по категориям людности посе-

лений) темпами увеличения их удельного веса — обычно наибольшими у наиболее крупных.

В-третьих, в большинстве случаев группа малых поселений является относительно более устойчивой (обычно после достижения определенного стабильного, как бы оптимального, уровня).

Выше говорилось, что основные траектории эволюции региональных структур сельского расселения определяются в целом по роли в расселении малых, средних и крупных поселений. Конечно, существует масса вариантов сочетаний в регионе поселений каждой из этих категорий; сами понятия «малое», «среднее» и «крупное» поселение воспринимаются по-разному на Северо-Западе, в Центре, на Северном Кавказе, но о некоторых присущих каждой из траекторий особенностях эволюции можно говорить, подобрав примеры типичных регионов.

Таковыми примерами могут служить:

— Псковская область — классический мелкоселенный регион (к мелкоселенным можно отнести все регионы, в которых средняя людность сельских поселений не превышает 70–80 человек);

— Ставропольский край — не менее классический крупноселенный регион, бывший в 1959–1970 гг. переходным от среднеселенного к крупноселенному; регион со стабильно растущей из года в год средней людностью сельских поселений;

— Курская и Воронежская области — среднеселенные регионы с хорошо выраженными особенностями изменений структур расселения, присущих разным вариантам территорий такого типа: увеличением доли мелкоселенности в Курской области и стабильно значительной долей крупных поселений в Воронежской.

Динамика и величины интегрального показателя структур расселения — средней людности — выбранных в качестве примера областей показаны в **табл. 3.2.19**.

Таблица 3.2.19. Изменение средней людности сельских поселений в типичных регионах Европейской России (1959–1989 гг.)

Области	Средняя людность (чел.)			
	1959	1970	1979	1989
Псковская	54	45	41	39
Курская	316	318	252	201
Воронежская	425	520	575	530
Ставропольский край	615	1005	1320	1515

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

Региональные руралистические структуры расселения

По приведенным в табл. 3.2.20 данным об изменении распределения сельских поселений по людности хорошо прослеживаются не только основные особенности эволюции мелко-, средне- и крупноселенных структур расселения, но и некоторые стороны механизма этой эволюции. Отметим, что общее количество сельских поселений в каждой из рассматриваемых областей изменилось за межпереписное тридцатилетие достаточно заметно: в Псковской области количество поселений уменьшилось с 12 590 в 1959 г. до

Таблица 3.2.20. Изменение распределения сельских поселений по людности в типичных регионах Европейской России (в %, 1959–1989 гг.)

Годы	Все сельские поселения	В том числе имеющие людность (чел.)						
		1–10	11–50	51–100	101–200	201–500	501–1000	Более 1000
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ								
1959	100,0	10,6	53,5	25,9	7,7	1,9	0,3	0,1
1970	100,0	19,3	56,2	16,9	5,3	1,6	0,4	0,2
1979	100,0	28,5	51,5	11,2	4,0	2,0	0,6	0,2
1989	100,0	43,3	43,7	6,0	3,1	3,0	0,7	0,3
КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ								
1959	100,0	5,5	9,3	14,3	23,1	30,0	12,3	5,9
1970	100,0	1,4	9,8	17,3	24,6	29,1	12,5	5,3
1979	100,0	2,7	16,6	20,6	23,4	23,9	9,0	3,8
1989	100,0	4,3	26,9	21,3	19,1	19,2	6,5	2,7
ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ								
1959	100,0	16,0	11,6	12,1	17,9	20,9	10,2	11,3
1970	100,0	16,5	10,9	8,9	15,8	20,7	12,2	14,9
1979	100,0	6,8	11,5	12,5	17,2	21,0	15,0	16,0
1989	100,0	7,6	16,2	13,0	14,3	19,4	15,4	14,1
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ								
1959	100,0	20,3	13,2	9,2	13,9	21,4	9,7	12,3
1970	100,0	8,2	7,9	6,3	12,1	29,1	13,7	22,6
1979	100,0	0,8	6,1	5,3	11,9	28,4	15,1	32,4
1989	100,0	0,6	3,0	5,7	10,5	27,1	14,1	39,0

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

8140 в 1989 г. (т. е. на 35%), в Курской — с 3680 до 2815 (на 24%), в Воронежской — с 3595 до 1830 (на 49%) и в Ставропольском крае — с 2090 до 875 (на 58%).

Эти изменения сопровождались в мелкоселенной Псковской области более чем четырехкратным и из периода в период постоянным увеличением доли мельчайших поселений, некоторым уменьшением доли поселений, насчитывающих от 10 до 50 жителей и резким сокращением (в 4 раза) доли поселений, которые в Северном и Центральном регионе можно считать средними — т. е. имеющими от 50 до 200 жителей. В какой-то степени это компенсировалось увеличением доли относительно (для условий Псковской области) крупных поселений — с числом жителей больше 200 человек.

В результате постоянной поляризации структуры расселения доля населения, проживающего в достаточно жизнеспособных сельских поселениях области, выросла с 18,2% в 1959 г. до 46,4% в 1989 г. (табл. 3.2.21).

В Ставропольском крае — типичном крупноселенном регионе — к мелким могут быть отнесены поселения с числом жителей, не превышающим 50 чел. Все такие поселения имеют «вспомогательное» значение — как правило, это бывшие хутора и выселки, никогда не имевшие каких-либо центральных функций, ставшие при организации советов и колхозов местами размещения бригад и ферм и легко теряющие население. Их доля в общем числе сельских поселений края, довольно высокая еще в 1959 г. ($\frac{1}{3}$ всех поселений), сократилась к 1970 г. до 16%, к 1979 г. — до 7%, а к 1989 г. они составляли менее 4% всех поселений края. Часть из них действительно исчезла, но многие превратились в сезоннообитаемые — большей частью в полевые станы, а некоторые из расположенных на дальней периферии колхозных и совхозных земель — в летние фермы.

В то же время очень быстро и устойчиво росло количество крупных поселений, насчитывающих более 1000 жителей в каждом. Уже в 1959 г. в них проживало более 72% всех сельских жителей края и эта доля постоянно росла, достигнув к 1989 г. 86% — одного из самых высоких показателей в России.

Основные следствия структурных изменений расселения к 1990-м годам

Наиболее существенным следствием всех происходивших в течение XX в. структурных и пространственных изменений в размещении сельского населения явилось то, что на значительной части Европейской России (кроме разве что ее южных областей и некоторых несельскохозяйственных районов Севера) единое поле сельского расселения практически перестало существовать. Оно распалось на две части, резко отличающиеся одна от другой в демографическом и экономическом отношении и по культурно-бытовым характеристикам.

Первая, более жизнеспособная часть представлена населенными пунктами, сохраняющими хозяйственно-организующие, производственные и социально-обслуживающие функции. Чем они разнообразнее, чем шире возможности выбора работы и удов-

Таблица 3.2.21. Концентрация сельского населения в средних и крупных сельских поселениях (типичные регионы, 1959–1989 гг.)

Области	Годы	Численность сельского населения, %				
		Все население	В т. ч. в поселениях с людностью (чел.)			
			201–500	501–1000	Более 1000	Все поселения более 200 чел.
Псковская	1959	100,0	10,2	3,3	4,7	18,2
	1970	100,0	10,4	6,8	5,6	22,8
	1979	100,0	14,6	9,3	7,6	31,5
	1989	100,0	23,1	12,8	10,5	46,4
Курская	1959	100,0	30,0	27,0	27,9	84,9
	1970	100,0	28,9	27,5	27,4	83,6
	1979	100,0	30,2	24,3	23,8	78,3
	1989	100,0	30,0	22,1	22,2	74,3
Воронежская	1959	100,0	15,5	16,8	58,5	90,8
	1970	100,0	12,7	16,5	64,4	93,6
	1979	100,0	11,8	18,3	63,2	93,3
	1989	100,0	12,2	20,6	60,6	93,4
Ставропольский край	1959	100,0	11,3	10,7	72,1	94,1
	1970	100,0	9,6	9,7	78,3	97,6
	1979	100,0	7,1	8,1	83,0	98,2
	1989	100,0	5,8	6,7	86,1	98,6

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

летворения социально-бытовых потребностей всех членов семьи, тем устойчивее положение самого поселения в местной системе расселения.

Вторая, деградирующая часть сельского расселения — вспомогательные поселения, потерявшие или теряющие какие-либо возможности демографического, экономического и социального развития. Производственные связи между частями уже сильно нарушены и, скорее всего, будут нарушаться и дальше вследствие происходящей в последнее время дезинтеграции крупных сельскохозяйственных предприятий — складывавшегося десятилетиями основного типа низовых («первичных») систем сельскохозяйственного расселения. В результате на периферии (и в пространственном, и, особенно, в структурном отношении) систем расселения формируется «ничейная» сеть мелких, действительно

неперспективных поселений, отмирание которой формально возвращает рисунок и структуру расселения к ее весьма давнему, изначальному состоянию.

Одним из важных следствий этого распада следует признать заметное ухудшение условий адаптации населения к самому процессу происходящих сдвигов в расселении. Дело в том, что скорость распада и, соответственно, перетекания населения из «умирающей» части системы расселения в «живую» опережает те естественные темпы приспособления к меняющейся ситуации, которые доступны среднему человеку. Касается это как переселяющегося населения, так и остающегося.

Другое, не очевидное, но важное следствие — это разрушение стереотипов поведения, характерных для жителя поселений со сложившимися общностями. Происходит поляризация поселений по потенциальным возможностям выживания и развития. Она хорошо заметна при сопоставлении центральных и периферийных ареалов расселения на всех территориальных уровнях: на уровне областей — между пригородными зонами областных центров и периферийными районами, на уровне районов — между прицентровыми и периферийными низовыми системами поселений, внутри них — между центральными и вспомогательными («рядовыми») поселениями.

В пространственном отношении сельская Россия может быть разделена (весьма условно) на три типа территорий, каждый из которых имеет свои особенности динамики населения и расселения.

Сильнее и раньше всего депопуляционные и деструктивные процессы проявились в регионах с наибольшей долей мельчайших деревень, в субрегионах, где привлекательность городов, как мест приложения труда, была особенно велика, и в ареалах с самым неудачным географическим положением, например, на периферии межстоличного региона и в зонах влияния бурно развивающихся промышленных центров (в Прикамье, на Урале и т. п.). На территориях такого типа среднее звено расселения уже настолько размыто, что практически остались только два вида поселений, резко различающихся между собой по качеству населения: немногочисленные наиболее крупные и масса мелких с числом жителей, не превышающим, как правило, 20–25 человек. Первые, в развитие которых в свое время были вложены немалые средства, пока еще способны функционировать в качестве опорных точек хозяйственного развития территории; судьба вторых вряд ли может измениться к лучшему, если ничто не изменится в условиях их существования.

Второй тип образуют ареалы расселения с достаточно четким преобладанием средних (по числу жителей) для данной местности населенных пунктов. В отношении этих регионов нельзя говорить о массовом исчезновении поселений. Здесь сохраняется общая устойчивость расселения, велика доля населенных пунктов, которые имеют функции сельскохозяйственного центра либо, будучи несельскохозяйственными, являются опорными точками освоения и эксплуатации несельскохозяйственных ресурсов территории (включая и необходимую для этого инфраструктуру). Однако генеральная тенденция последних лет такова, что и здесь возможна потеря структурной устойчивости, переход к концентрации жителей в крупных сельских поселениях при общем уменьше-

нии численности населения. Так уже произошло в отдельных черноземных регионах, в Поволжье, в Южном Предуралье.

Третий тип эволюции свойствен изначально крупноселенным регионам. Структура расселения здесь всегда была более дифференцирована (поляризована), чем в мелкоселенных и среднеселенных местностях. Относительно немногочисленные мелкие сельскохозяйственные поселения, возникающие большей частью как сезоннообитаемые или отраслевые филиалы основных мест расселения, всегда остро реагировали на различные как общие, так и местные изменения экономической, социальной и политической ситуации. Некоторая (небольшая) часть из них по мере освоения территории улучшила свое географическое положение и превратилась в довольно крупные поселения, другие, особенно из состава ближней периферии старожильческих крупных сел, по мере развития межселенных транспортных связей и с изменением структуры землепользования, просуществовав какое-то время как постоянно обитаемые, прошли обратный путь — превратились в сезоннообитаемые, а впоследствии большей частью исчезли.

При достаточно устойчивом сохранении общей зональности основных характеристик расселения (плотности населения, густоты расселения, средней людности сельских поселений, форм их взаимного расположения) внутри каждой из таких зон главным признаком расселенческой структуры стало ее кольцевое строение, тем более ярко выраженное, чем более заметны структурные и пространственные признаки концентрации и поляризации расселенческого и демографического ландшафта.

3.3. НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗА ВЕК

Практически почти все, сказанное до сих пор, относилось к особенностям «поведения» в различные периоды и в различных регионах общей массы (сети) сельских поселений — как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных (промышленных, транспортных, лесохозяйственных и лесоохранных и т. п.), а также поселений смешанного типа — в основном крупных сел и поселков с многоотраслевой функциональной «начинкой».

Это не исключает необходимости хотя бы коротко выделить наиболее существенные особенности судеб несельскохозяйственного расселения и его влияния на общую картину эволюции сельского расселения.

Наиболее характерными типами сельских несельскохозяйственных поселений являются (будем следовать принятой в государственной статистике рубрикации):

- промышленные,
- транспортные,
- лесохозяйственные,
- прочие (в основном это поселения при рекреационных и санаторно-лечебных учреждениях).

К началу XX в. несельскохозяйственные поселения уже занимали значительное место в сельском расселении. Унаследовав от прошлого транспортные, ремесленно-промышленные, лесохозяйственные, рыболовные и военные поселения, а также характерные для быстро развивающейся промышленности «поселки-спальни» шахтеров, горняков и фабрично-заводских рабочих, несельскохозяйственное расселение и по своей структуре, и по формам локализации все больше приобретало те черты, которые определяли его типы вплоть до середины века, а отчасти сохранились и до настоящего времени.

Основной особенностью трансформации сельского несельскохозяйственного расселения в начале века является его нарастающая системность и комплексность.

Так, поселки кустарей и ремесленников, особенно в окрестностях обеих столиц, да и в целом в районах северной и центральной России, объединяются в небольшие системы с появлением одного заказчика-«фирмы», торгующего предметами их рукоделия

в магазинах крупных городов и исподволь формирующих их специализацию и индустриализацию. Рыбопромысловые поселения все больше сплачиваются вокруг перерабатывающих заводов, лесопромышленные становятся специализированными исполнителями заказов городского, транспортного и промышленного строительства. Появление крупных промышленных предприятий, строящихся, как правило, вне городской черты, стимулирует как смену видов деятельности жителей ближайших деревень, так и быстрый рост при заводских поселков строителей и рабочих.

Структурная и пространственная динамика сельского несельскохозяйственного расселения в XX в. сводится, в основном, к следующему.

Первые десятилетия XX века — становление, развитие и «системное» оформление населенных пунктов, связанных с обслуживанием нужд речного и железнодорожного транспорта, быстрое увеличение количества поселений — жилых городков около крупных заводов и фабрик и, в связи с этим, изменение функций значительной части пригородных сел и деревень, усиление несельскохозяйственной «составляющей» наиболее удобно расположенных и, как правило, наиболее крупных сел — превращение их в местные административные, инфраструктурные и производственные центры пока еще мало структурированной массы несельскохозяйственных поселений. Особую роль играло бурное развитие железных дорог, потребовавшее и при самом строительстве, и при эксплуатации становления особой, не существовавшей ранее, системы мелких (иногда в 1–2 дома) служебных поселений. Еще в конце первой половины XX в. (и перепись 1939 г. это хорошо выявила) даже в густозаселенной части Европейской России продолжают существовать как отдельные поселения не только поселки станций и разъездов и дома обходчиков, но и дома при водокачках, поселения железнодорожных рабочих при депо и мастерских, подчиненные железным дорогам поселки при местах добычи стройматериалов и т. п.

1930-е годы — возникновение крупных ареалов чисто несельскохозяйственного расселения, особенно лесохозяйственного и лесопромышленного, со своей, примыкающей к общегосударственной, транспортной сетью, меньших по размерам, но так же достаточно автономных ареалов расселения на торфоразработках, значительного числа небольших поселений при месторождениях нерудных ископаемых (обычно — в районах нового промышленного и транспортного строительства), увеличение удельного веса несельскохозяйственных поселений — «спален» промышленных новостроек. Тогда же начали возникать и, для некоторых местностей, стали заметным элементом поселения (часто — всего из нескольких домов) при домах отдыха, пионерских лагерях, лесных школах, некоторых специализированных больницах и т. п. Нигде не образуя заметных очагов, да и в целом немногочисленные, такие поселения наиболее характерны для «пристоличных» местностей и юга России. Новыми, начиная с конца первой четверти XX в., явились и такие немногочисленные строго локализованные поселения, как поселки гражданского населения (семей военнослужащих) при войсковых частях, пограничных отрядах и, конечно, всевозможные спецпоселения и лагеря, ставшие в 30–50-е годы в некоторых местностях севера России массовым типом поселений.

1940–1950-е годы — восстановление сложившейся перед войной системы несельскохозяйственных поселений, особенно наиболее пострадавших и важных транспортных, и начало реконструкции систем расселения, связанных с эксплуатацией железных дорог и водных путей. Заметная часть промышленных поселений включается в городскую черту, долго сохраняя за собой еще вполне сельский облик. Возникают новые поселения, связанные с нуждами морского флота (особенно — на Севере) и авиации: многие аэродромы выносятся за городскую черту. В лесопромышленном расселении происходят заметные территориальные сдвиги с расширением зон лесодобычи.

1960–1980-е годы. Типичные черты эволюции несельскохозяйственного расселения в этот период — быстрое и неуклонное сокращение наиболее массовой составляющей несельскохозяйственного расселения — мельчайших лесопромышленных, транспортных и отчасти промышленных (включая и поселения при торфоразработках), увеличение доли и абсолютного количества рекреационных поселений (особенно дачных), появление практически нового типа поселений при трубопроводах, заметное увеличение количества «гарнизонных городков» вне основных «пятен» и «полос» сельского расселения, перепрофилирование сельскохозяйственных поселений в пригородных зонах в несельскохозяйственные, концентрация все большей части сельского несельскохозяйственного населения в наиболее крупных пунктах и т. п.

Переход на более совершенную систему управления железными дорогами, строительство вторых путей, электрификация и внедрение тепловозов, быстрое расширение городов, втянувших в свою черту массу служебных поселений, привели в 60–70-е годы к резкому (в 3–5 раз) уменьшению количества транспортных поселений, особенно в Центральной России (то же произошло и со служебными поселениями на реках).

Развитие автомобильного транспорта и значительное укрупнение лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий вызвало существенное сокращение количества мелких лесопромышленных поселений. Так, например, если судить по данным переписи населения 1959 и 1989 гг., количество транспортных поселений сократилось за тридцать лет в Рязанской области с 390 до 53, в Воронежской — с 360 до 50, в Ставропольском крае — с 270 до 3 (!) и т. п. В этих же областях примерно в такой же пропорции сократилось и количество лесопромышленных поселений. Исчезла масса рыбопромысловых поселков на берегах северных морей (особенно в связи с резким сокращением прибрежного рыболовства) и даже в таких традиционных рыбодобывающих областях, как дельта Волги, где еще в 50-х гг. количество специализированных только на рыболовстве поселков измерялось многими десятками.

Во второй половине XX в. объединялись (иногда — сначала только «формально» — под одним названием, потом — по существу — слившись застройкой и инфраструктурой) в единые жилые образования многие сельские несельскохозяйственные поселки («спальни») при рудниках, шахтах, заводах.

В эти же годы наблюдается почти повсеместное (проявившееся в наибольшей степени в Центре, на Севере и на Урале, в наименьшей — на Северном Кавказе) административное преобразование крупных, а подчас и небольших сельских несельскохозяйственных по-

селений в городские. Название их статуса в разное время и в разных регионах звучит по-разному: поселки городского типа (обычно это смешанные, многофункциональные поселения), рабочие поселки (как правило фабрично-заводские, но среди них встречаются и транспортные, и военные, и поселения с функциями торгово-распределительных и заготовительных центров), курортные (обычно монофункциональные) и некоторые другие.

Укрепление несельскохозяйственной составляющей в системах сельского расселения, концентрация населения в наиболее крупных пунктах, превращение которых из сельских в городские было естественным следствием увеличения числа жителей и усложнения их функций — все это привело к тому, что если еще в 40–50-е годы во главе районных систем расселения стояли, как правило, сельские (преимущественно — несельскохозяйственные) поселения и местные, локальные системы несельскохозяйственного расселения также возглавлялись сельскими поселениями, то к концу XX в. на территории Европейской России только около $\frac{1}{3}$ сельских административных районов не имеют в своем составе городских поселений. В остальных же городах и, особенно, поселки городского типа играют существенную роль, значение которой меняется в зависимости от функциональной взаимосвязанности городского и сельского расселения, от количества горпоселений, их величины и особенностей размещения, хозяйственной и административной подчиненности и т. п.

Быстрое расширение (до 50–60-х годов) и последовавшее за этим сокращение сети несельскохозяйственных поселений существенно повлияло на изменение не только функционального «лица» сельского расселения, но и на его структуру по людности.

Общее, генерализованное по достаточно крупным территориям представление о заселенности базируется на трех основных показателях заселенности: плотности населения, густоте расселения (густоте поселений) и средней людности населенных пунктов. Влияние на величины этих показателей несельскохозяйственного расселения можно проиллюстрировать следующими примерами: такие области, как Новгородская, Псковская, Ярославская, Тверская и ряд других регионов северной и центральной России на протяжении всего XX века продолжали оставаться мелкоселенными. Однако слой наиболее мелких поселений в различные периоды XX в. существенно различался по определявшим его состав функциональным типам поселений. По крайней мере до конца 50-х годов среди мельчайших поселений даже в мелкоселенных регионах несельскохозяйственных поселения составляли: в группе поселений с числом жителей не больше 5 человек — около половины, с числом жителей 6–10 чел. — $\frac{1}{4}$ всех поселений, с населением 11–25 человек — $\frac{1}{10}$. Почти все — прижелезнодорожные поселения. Более крупных поселений единицы, да и среди них большинство — смешанные, со значительной долей сельскохозяйственного населения. Хотя в последующие годы доля мельчайших поселений практически не уменьшается, но это — уже совсем другие населенные пункты: не ликвидированные дома обходчиков, сторожек и т. п., а потерявшие значительную часть жителей бывшие сельскохозяйственные деревни, ставшие уже в 70–80-е годы почти повсеместно пристанищем сельских пенсионеров¹.

¹ Тем не менее их жители, хотя бы и преклонного возраста, как правило, занимаются именно сельскохозяйственной деятельностью на своих участках (см. главу 3.6). Поэтому отнесение таких поселений к несельскохозяйственным весьма условно.

Еще ярче «несельскохозяйственность» слоя мельчайших поселений и его функциональная трансформация проявились в средне- и, особенно, в крупноселенных регионах. Если в первых исчезнувшие в результате реконструкции всей системы несельскохозяйственного расселения мельчайшие поселения в некоторой степени были замещены потерявшими часть населения средними поселениями (в результате показатель «средней людности» почти не изменился), то во вторых исчезновение массы мелких служебных поселений не было компенсировано появлением других небольших пунктов и сеть населенных пунктов стала и реже, и крупноселеннее.

Так, в 1959 г. (и, по-видимому, задолго до этого) среди самых мелких пунктов (один-три двора — 1–10 человек) в Рязанской области несельскохозяйственные поселения составляли 75%, в Воронежской — почти 85% (среди них транспортных и лесохозяйственных было почти поровну). Среди несколько более крупных (11–25 чел.) доля несельскохозяйственных (с преобладанием транспортных) составляла в Рязанской области несколько более $\frac{1}{3}$, в Воронежской области — половину всех поселений, и с повышением людности эта доля резко падала — с примерно 10% для поселков, насчитывающих 26–50 человек, до нескольких процентов среди средних по величине поселений.

В крупноселенном Ставропольском крае среди массы мелких поселений $\frac{2}{3}$ составляли «филиалы» крупных колхозных и совхозных поселений (фермы, станы, гурты), населенные круглогодично, и около $\frac{1}{3}$ — транспортные. К настоящему времени и те, и другие «в списках не значатся», причем если для транспортных это свидетельство их действительного исчезновения, то для сельскохозяйственных — картина, вероятно, иная: это временно (сезонно) обитаемые поселения, зимой (на момент переписи) население в них не живет или числится «по другому адресу».

К концу 80-х гг. общее количество сельских несельскохозяйственных поселений в России было относительно невелико — около 10% всех сельских поселений. Примерно такова же и доля проживающего в них населения (около 8%). Специализация их была следующей²:

— промышленные, составлявшие к началу 90-х гг. около 45% всех несельскохозяйственных поселений; средняя людность в Европейской части России немногим выше 250 человек;

— транспортные — 27%, средняя людность около 100 человек;

— лесохозяйственные — примерно 20%, около 200 человек;

— прочие (в основном это поселения при рекреационных и санаторно-лечебных учреждениях) — 7–9%, средняя людность 270 человек.

Ниже приводятся региональные различия в людности сельских поселений разных типов (табл. 3.3.1).

² О структуре несельскохозяйственных занятий в сельской местности см. в главе 4.1.

Таблица 3.3.1. Средняя людность сельских поселений основных функциональных типов в некоторых регионах Европейской России

Регионы	Функциональные типы поселений							
	все поселения	центры		«рядовые»			в т. ч.	
		районов	сельсоветов	сельскохозяйственные	несельскохозяйственные	промышленные	транспортные	лесохозяйственные
Новгородская	65	2540	405	30	150	180	60	105
Рязанская	170	2700	550	75	170	270	55	65
Воронежская	530	7530	1350	205	180	550	60	35
Ставропольский край	1520	12800	2700	405	605	840	115	140
Республика Северная Осетия	1110	8400	1790	200	80	–	115	–
Республика Татарстан	315	4490	660	165	300	400	100	230
Оренбургская	435	5250	850	190	200	550	125	80
Свердловская	340	4050	920	150	175	225	125	140

Источники: рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг., опубликованных областными статуправлениями.

Доля несельскохозяйственных сельских поселений в Европейской части России варьирует в настоящее время от менее 2% (Орловская, Белгородская области) до $\frac{2}{3}$ (Мурманская обл.). Такие поселки образуют самые разные формы расселения — от одиночных населенных пунктов, практически не включенных в общую систему поселений, до очагов, пятен и линий разного размера, иногда, даже при своей относительной немногочисленности, определяющих функциональное лицо сельской местности³.

³ Подробнее особенности современной географии несельскохозяйственного сельского расселения изложены в специальной статье (Лухманов, 1989).

3.4. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Прошлый и нынешний облик основных типов местности В. П. Семенова-Тян-Шанского

Книгу В. П. Семенова-Тян-Шанского открывает глава о типах заселения территории в зависимости от природных и исторических условий. Эти типы выведены им из закономерностей русской колонизации, ее хозяйственных мотивов, транспортных путей и ландшафтных ориентиров. Их результатом В. П. считал само современное ему сельское расселение. Его суждения на этот счет в самой краткой форме таковы.

Водно-волоковые сообщения присущи ранним этапам колонизации, военно-экспедиционной и промыслово-торговой со «спорадическим земледелием на себя». Стремление в сторону наименьшего сопротивления — «к *мирным финским дикарям*» — вело к расселению славян у водоемов. Чем дальше на северо-восток, тем оно все более приобретало речной характер. Для Московской Руси, когда целью колонизации стало отыскание удобных почв, рамки таких сообщений уже тесны. С XV в. их заменяют грунтовые дороги (включая татарские шляхи), а поселения в междуречье Оки и Волги сгущаются на распахиваемых водоразделах. Борьба за плодородный чернозем двигала славян и к юго-востоку по естественным водным путям, заставляя их селиться по ним, ибо тут больше воды и безопасности от нападений кочевников вследствие лесистости долин и обрывистости их берегов.

По словам В. П., *русский человек в данном случае уподобился лесу, который на крайнем севере и на крайнем юге Восточно-Европейской равнины жметя к речным долинам, а в средней ее полосе занимает водоразделы*. Естественными препятствиями к сплошному равномерному заселению искони были: на севере — чрезмерная влажность водоразделов, на юге — чрезмерная их сухость. Отсюда автор выводит три основных старейших типа заселения Русской равнины (с. 13)¹:

1) Центральный нечерноземный и северо-западный, земледельческий по преимуществу, руководимый водораздельным положением наиболее удобных почв при равномерном увлажнении территории поверхностными и грунтовыми водами;

2) Северный по преимуществу промысловый и лишь в слабой степени земледельческий, руководимый течениями рек и берегами озер и почти не проникающий на болотистые торфяниковые водоразделы;

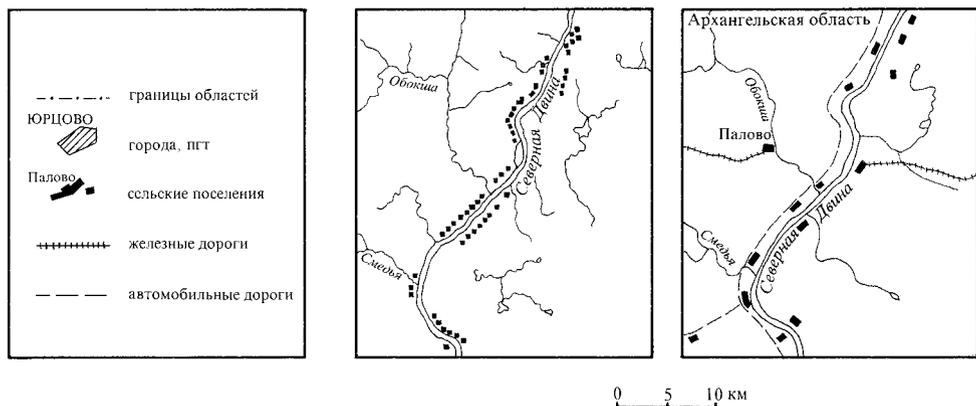
¹ См. также главу 1.1.

3) Южный черноземный, исключительно сельскохозяйственный, жмущийся к речным долинам как единственно надежным источникам питьевой воды.

В. П. иллюстрировал свои типы рядом картографических примеров, отражавших характер тогдашнего расселения в разных частях Русской равнины. Посмотрим, что произошло там за столетие, составив на основе топографических карт 1980–90-х гг. схемы расселения на те же самые районы и в том же масштабе².

Примером северного долинного типа у В. П. служила часть Холмогорского уезда Архангельской губернии. Гирлянда крошечных селений была нанизана исключительно на долину Северной Двины, и за век сам этот принцип изменился мало (рис. 3.4.1). В районе появились две узкоколейки, автодорога, но на них — лишь три новых поселения. Остальные по-прежнему вытянуты вдоль реки, только их сеть сильно разредилась.

Рис. 3.4.1. Северный долинный тип заселения: начало XX в. — конец XX в.

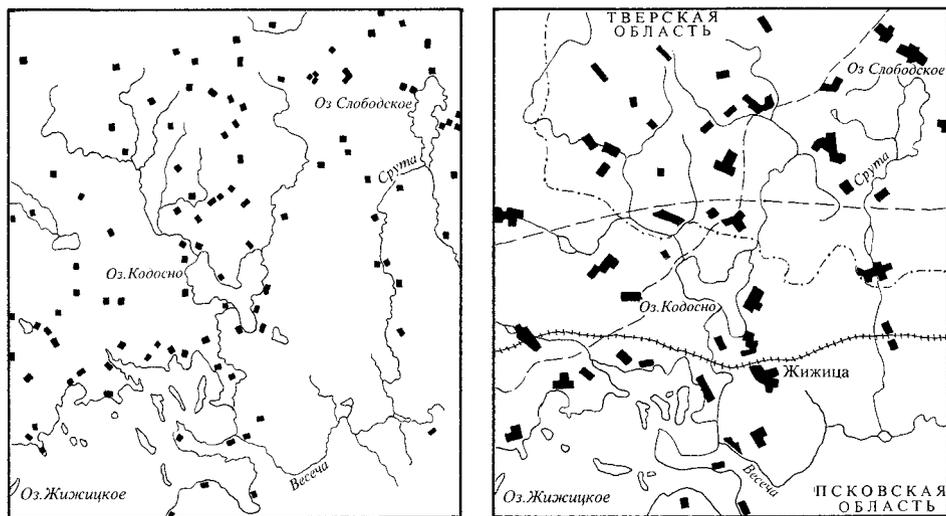

Центральный тип В. П. подразделил на Моренный, взяв в качестве примера часть Торопецкого уезда Псковской губернии, и Увалистый, примером которого служит район в прошлом рязанского, а ныне подмосковного Егорьевска.

Первый ареал теперь поделен между Псковской и Тверской областями. Это типичный глухой угол, сельская глубинка, с оттоком населения и «лежачим» почти натуральным сельским хозяйством. Сеть поселений сильно разредилась (на карте В. П. их более 120, на современной — около 50) и дифференцировалась по размерам. В начале века то были сплошь деревни-малодворки и хутора. Сейчас, помимо малых деревушек, частью фактически заброшенных, есть и крупные, особенно у дорог. Однако рисунок расселения и его привязка к водоразделам и здесь оказались весьма устойчивыми (рис. 3.4.2).

² Современные карты (кроме первой) составлены сначала в масштабе 1:200 000, а затем уменьшены до масштаба карт В. П. Для ориентации на них показаны основные дороги и границы областей, чего у В. П. нет. Размеры поселений на картах — чисто физические и лишь косвенно отражают различия в их людности.

Рис. 3.4.2. Водораздельный тип заселения. Моренный подтип: начало XX в. — конец XX в.

Еще меньше изменений в Егорьевском районе, экономически и демографически более удачливом (благодаря близости к Москве, а не принадлежности к увалистому подтипу). Таких поселенческих потерь, как в Псковской глубинке, тут не было. Некоторые пункты явно подросли, но в целом карты начала и конца века кажутся почти идентичными (рис. 3.4.3). Расселение в этой пригородной зоне, к востоку постепенно переходящей в периферийную, оказалось самым устойчивым, так как его постоянно подпитывал приток мигрантов.

Долинно-овражный подтип южно-долинного типа дан у В. П. на примере южных уездов Рязанской губернии в масштабе примерно 1:300 000. Ныне это Милославский, Скопинский и Ряжский районы на юге Рязанщины, чье расселение пострадало меньше, чем на северных нечерноземных окраинах области. Более того, при сравнении сети начала и конца века бросается в глаза ее укрепление и усиление общей линейности структур. Появилось несколько небольших пгт с населением от 600 до 5000 чел. Зато исчезли многие мелкие селения на южных и восточных водоразделах (рис. 3.4.4).

Граница между овражным и чисто долинным подтипами у В. П. весьма извилиста и принаравливается к степени развития овражной сети в каждой местности. Плавность перехода от одного подтипа к другому и нарушения строгой линейности расселения В. П. объяснял, например, действиями помещиков, выселявших часть своих крепостных поближе к большим полям на водоразделах. Для иллюстрации долинного подтипа он выбрал Новохоперский уезд Воронежской губернии. Сгущение поселений отмечалось

Рис. 3.4.3. Водораздельный тип заселения. Увалистый подтип: начало XX в. — конец XX в.

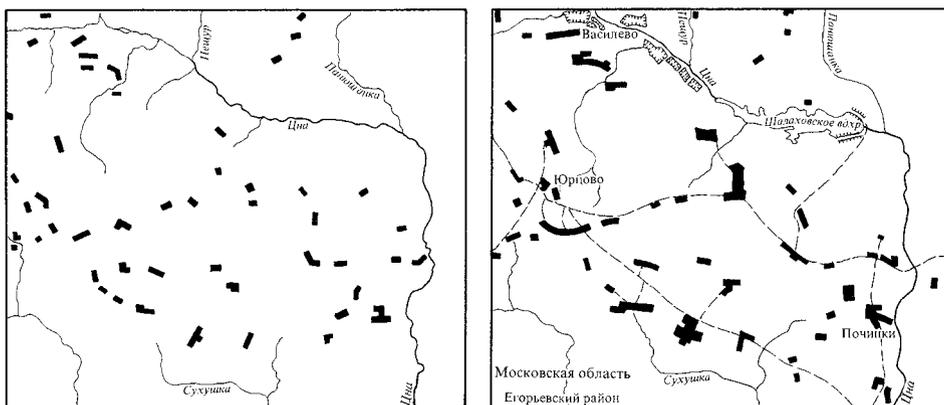
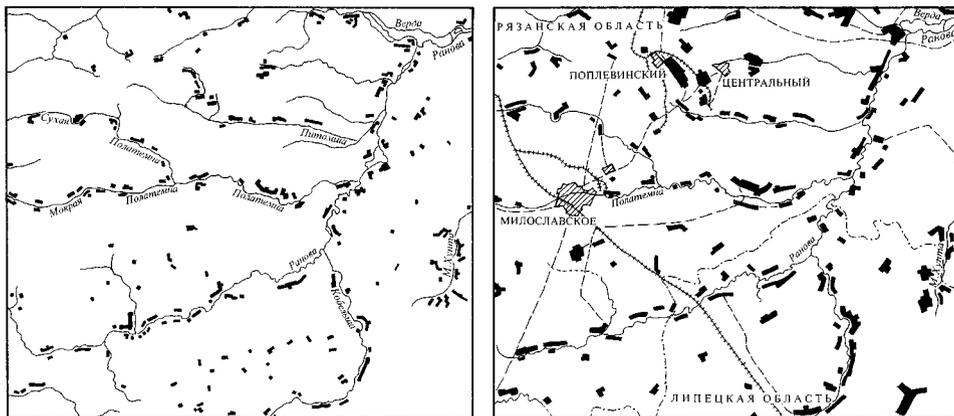

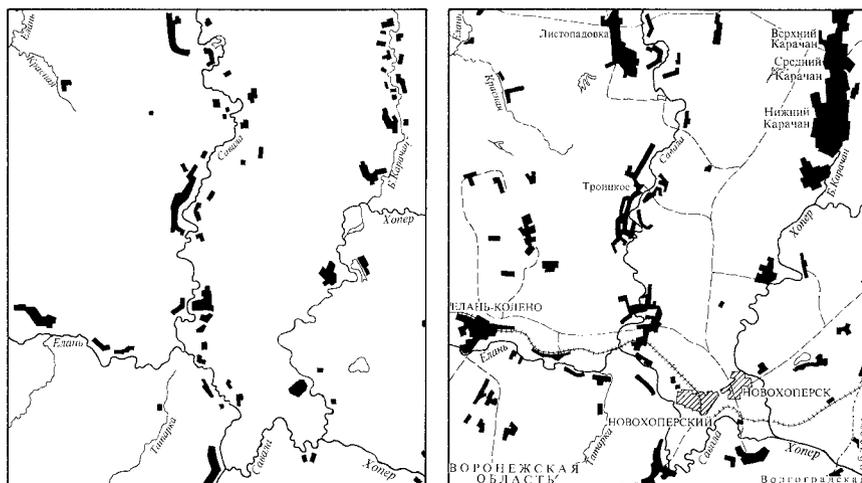
Рис. 3.4.4. Долинно-овражный подтип южно-долинного типа: начало XX в. — конец XX в.

там не по всей длине реки, а отдельными группами, как бы четками³. К концу века многие мелкие пункты слились в более крупные и просторные. Появились новые, включая пгт Новохоперский. Рядом с ним из старого села вырос г. Новохоперск (вместе это 16 тыс. жителей). Тем самым территория получила местный центр при слиянии рек Савала и Хопер, как бы заданный гидросетью и узлом дорог (рис. 3.4.5).

³ Такая картина могла иметь место и на севере Европейской России, но там полосы поселений разрывались заболоченными участками долин, а на юге причиной являлось летнее пересыхание части степных рек и ручьев и тяготение селений к пересыхающим «плесам».

Рис. 3.4.5. Чисто долинный подтип южного долинного типа: начало XX в. — конец XX в.

Помимо трех основных, В. П. выделяет еще один зональный, но не столь типичный для России тип — южный садоводческий, а также пять позднейших «вспомогательных» азональных: 1) рыболовный, 2) горнозаводской, 3) тракторный (особенно в восточных районах), 4) железнодорожный (к нему в начале века тяготели и дачные местности) и 5) курортный (Северо-Кавказские Минеральные Воды, окрестности Риги и др.).

С зональными типами расселения В. П. связывал господство ряда культур: ячменя, льна на волокно, овса, ржи, пшеницы (с. 27). Однако специализация земледелия оказалась менее устойчивой, чем сеть расселения. Так, зоны льноводства пришли в упадок, ибо оно основывалось на аграрном перенаселении и избытке ручного труда⁴. Унификация агропроизводства и стремление к самообеспечению областей привели к экспансии зерновых, особенно пшеницы и ячменя. Площади под рожью сократились более чем втрое.

⁴ К концу XIX века Россия сосредотачивала 81% мировых посевов льна и 70% его сборов (при низкой урожайности). Почти $\frac{2}{3}$ льна вывозилось за границу. Однако этот расцвет был временным: Россия заняла ту нишу, которая освободилась из-за сокращения посевов в Европе. Кроме того, лен был выгоден крестьянам ввиду своей трудоемкости, позволявшей занять лишние руки, и высокой доходности (см. гл. 3.5). Хлопок уже к началу века начал вытеснять лен — себестоимость хлопчатобумажных тканей была ниже, отходов меньше, технология проще. Цены на лен стали уменьшаться, производство пошло на убыль. После объединения крестьян создание крупных льносеющих предприятий позволило перейти к машинной обработке, но при этом качество волокна резко снизилось, уменьшилась и урожайность. Культура даже при машинной уборке оставалась очень трудоемкой. При сильном сокращении населения нечерноземных районов она оказалась большинству хозяйств просто не по силам. В целом по России площадь подо льном сократилась с 2 200 тыс. га в 1897 г. до 114 тыс. га в 1997, а производство, соответственно, с 567 до 23 тыс. тонн (Ваш выбор, 1994).

Современная организация внегородской территории

Вернемся к общим типам сельской местности, сложившимся к концу века и тесно связанным с характером расселения и хозяйства.

По современным представлениям, налицо *три уровня организации внегородской территории*: 1) природно-зональный, по-прежнему определяющий различия в структуре сельхозугодий, 2) региональный, влияющий на интенсивность землепользования и общий уровень экономического развития, и 3) фокусно-узловой, формирующийся под воздействием городов (Рунова и др., 1993). В связи с этим в Европейской части СССР можно выделялось пять макротипов регионов с характерными сочетаниями структуры, интенсивности землепользования, рисунка сельского расселения и набора характерных проблем.

1. Западный регион, где соотношение пашни, кормовых угодий и лесов составляло 2:1:2 и преобладало водораздельное мелкодисперсное расселение. При высокой освоенности, но не очень большой распаханности территории достигалась высокая продуктивность в результате концентрации основных фондов, мелиорации, химизации, механизации. Биоклиматический потенциал почв использовался почти полностью. К 1990 г. лишь в отношении этого макрорегиона, который Россия после распада СССР по существу потеряла, можно было говорить о высоком уровне интенсивности сельского хозяйства.

2. Центральный регион (Нечерноземье). Здесь, при такой же структуре угодий, на мозаику сельско-лесохозяйственного землепользования наложены резкие контрасты между центрами и периферией⁵. Лишь Подмоскowie, Ленинградская область и пригороды других крупных центров по интенсивности и продуктивности агропроизводства были сопоставимы с Западным регионом. В сельском расселении, также дисперсном, в течение века шла явная стратификация поселений по размерам и их концентрация у городов и дорог при отмирании массы деревень в глубинке. Ныне это самый «проблемный» агрорегион, где важно найти оптимальное сочетание интенсивно и экстенсивно используемых земель, общественных хозяйств и ЛПХ. Спонтанное движение к такому оптимуму происходило на фоне кризиса в последние годы.

Для северных и южных регионов, как весьма точно отмечал и В. П., главным фактором территориальной организации сельской местности становится речная сеть.

3. Южный регион, включавший юг России и Украину, освоен наиболее равномерно. Пропорции пашни, естественных кормовых угодий и лесов примерно таковы: 5:1:1. При этом поселения, леса, сенокосы и пастбища жмутся к рекам и балкам, а водоразделы почти полностью распаханы. Благодаря щедрой природе, регион оказался самым отзывчивым даже на небольшие вложения средств, выделяясь сравнительно высокой урожайностью. Интенсивность землепользования растет здесь с востока на запад, а монотонность ландшафта, доля пашни и экологические проблемы — с запада на восток из-за эрозии и дегумификации почв. Регион нуждается в увеличении площади лесонасаждений и лугов и прекращении распашки склонов с сильно смытыми почвами.

4. На Юго-Востоке Европейской России леса, луга и селения тоже жмутся к рекам, но, как и в Центре, сильны контрасты между центрами и периферией: на общем фоне экстенсивного и низкопродуктивного хозяйства выделяются крупные пригородные зоны. Соотношение пашни, естественных кормовых угодий и лесов составляет 15:5:1. Такой состав угодий и дефицит удобрений вызвали сильнейшее истощение почв. Можно сказать, что экстенсивное сельское хозяйство базируется здесь на безвозвратном расходовании гумуса. Позднесоветское увлечение орошением привело и к засолению почв. А ведь гораздо важнее улучшить саму структуру здешнего землепользования: уменьшить размеры полей, повысить долю пастбищ, наращивать лесополосы. Влияние кризиса 1990-х гг. в этом смысле противоречиво: забрасывание пашни снижало нагрузку на почву, но отказ обнищавших хозяйств от удобрений ускорял ее истощение. В итоге урожайность опустилась до уровня начала века — 4–10 ц зерновых с гектара.

5. На Севере, как и во времена В. П., все сельскохозяйственные угодья приурочены к заселенным долинам рек, оставляя водоразделы лесам и болотам. Пашня, кормовые угодья и леса распределены в пропорции 1:1:50. Вложения в агропроизводство в расчете на единицу угодий и одного занятого были здесь весьма велики, ибо власти упорно продвигали земледелие все дальше на север. Но при низком природном потенциале и редком населении поглощение затрат не было адекватным отдаче. Много земель было осушено, а теперь вновь заброшено, а в целом сельхозугодья за последние десятилетия сократились максимально. Ныне регион сам, спонтанно, переходит к животноводству на базе естественных кормов. Кроме того, давая к 1990 г. почти половину древесины, вырубаемой в Европейской России, он сосредоточил более 60% всех необлесившихся вырубок. Несмотря на высокую лесистость, коренные леса в зоне южной и средней тайги часто представлены островками среди малоценных мелколиственных вторичных лесов, что порождает особые вопросы с их возможным использованием.

В целом вся схема очень близка к схеме В. П., который верно уловил основные различия отношения человека и его поселений к основным аттрактивным и экстремальным (отталкивающим) элементам ландшафта. А они задают макротип природопользования и тем самым фоновую схему организации территории.

И все же азональные типы усилились, и вся ситуация выглядит менее зональной. Азональные факторы тоже стали фоновыми, превратившись из частных нарушений в мощные и повсеместно распространенные факторы.

Таким образом, территориальная организация сельской местности выглядит как прямая наследница ситуации начала века. Главные и почти повсеместные изменения связаны с разрежением и концентрацией сельских поселений, хотя и в разной мере в разных районах⁶. Это и неудивительно при тех крупных потерях демографического потенциала деревни, которые не могли не сказаться на хозяйстве российской деревни.

⁶ См. предыдущие главы 3.1 и 3.2.

3.5. ХОЗЯЙСТВО РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ И НАСЕЛЕНИЕ

В. П. Семенов-Тянь-Шанский практически ничего не пишет об экономической базе села, что резко контрастирует с его подходом к изучению городов. Тем не менее, мы сочли, что картина сельской России была бы неполной без понимания того, что в ней — результат многочисленных новаций, а что уходит корнями в деревню начала века, проявляясь с удивительным упорством вновь и вновь. Преемственность в сельской местности проявляется в пространстве и тесно связана с расселением.

За сто лет в сельском хозяйстве России сменились как минимум три уклада. Начало века застало сочетание мелкотоварного крестьянского хозяйства с помещичьим. Затем — колхозно-совхозная система с личным подсобным хозяйством населения, ключевым для его выживания. В 90-х гг. острый кризис коллективных хозяйств сопровождался усилением крестьянского подворья, куда более значимым, чем провозглашенная фермеризация. Переходы от уклада к укладу были быстрыми, революционными, что не могло не сказаться на всем обществе, в том числе и на расселении.

Аграрная Россия в начале XX века¹

Даниэл Торнер (1992) выделяет 5 критериев крестьянской аграрной экономики, которым Россия на рубеже XX в. вполне соответствовала.

По переписи населения 1897 г. 87% населения жило в деревне (Россия. Энциклопедический словарь., 1898, с. 106–127).

Три четверти трудоспособного населения было занято целиком или частично в сельскохозяйственном производстве.

Феодальное дворянское землевладение было уже ослаблено, а частнокапиталистический сектор еще не окреп: из 395 млн десятин в Европейской России общинные наделы составляли 138 млн, земли казны — 154 млн, а частные — всего 101 млн десятин, из них половина принадлежала крестьянам, а половина (13% всех сельскохозяйственных земель) — помещикам. При этом 83% их владений были невелики, до 500 десятин (Россия, 1995; Ленин, 1918).

¹ См. Ioffe, Nefedova, 1997.

Между городом и деревней были существенные различия, крестьяне представляли собой подчиненное сословие.

Основу агропроизводства составляли семейные крестьянские хозяйства, дававшие к началу века 80% зерна, подавляющую часть льна и картофеля. Лишь сахарную свеклу выращивали в относительно крупных помещичьих хозяйствах.

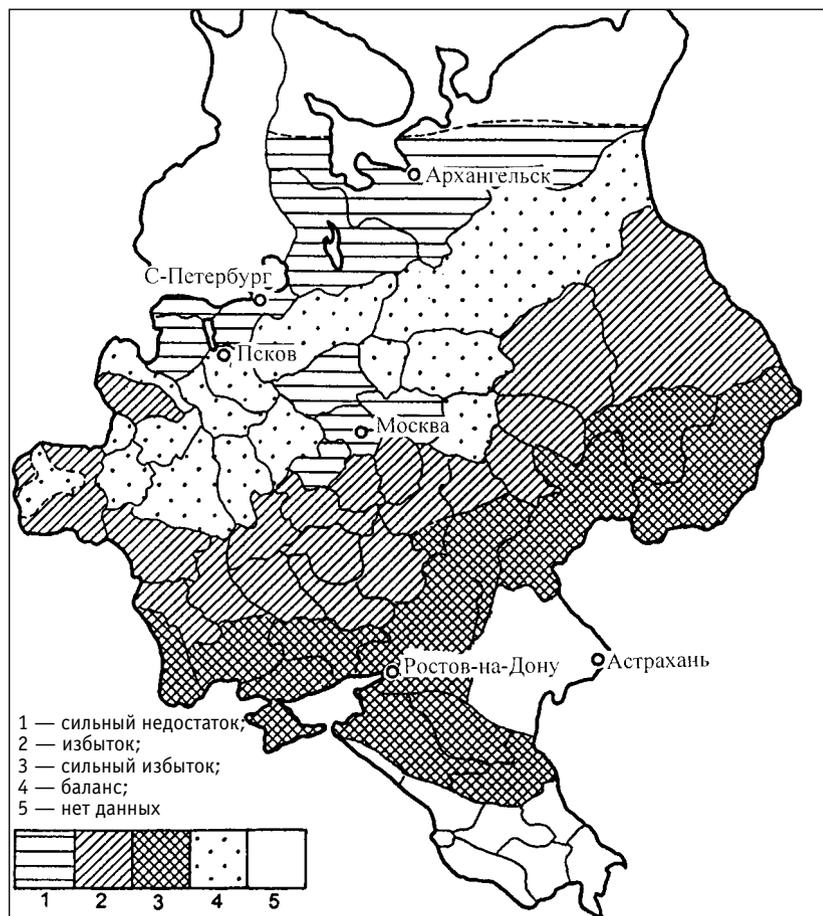
В России, по сравнению с другими северными странами (скандинавскими, Канадой) ядро заселения и сельскохозяйственного освоения сдвинуты на север страны в области с суровыми природными условиями, что обусловлено длительной монголо-татарской угрозой степным и лесостепным зонам, а также с «лесной осью» русской колонизации восточных земель (Стрелецкий, 1999). С этой географической особенностью связаны последствия и для аграрного производства: отсутствие вследствие капризов природы устойчивой корреляции между затратами труда и получаемым результатом. Некоторые авторы выводят отсюда черты русского характера и даже ход исторического развития (Ключевский, 1993, т. 1, с. 48–58; Милов, 1998, с. 385–482 и др.). Не втягиваясь в спор об истоках российского менталитета, отметим, что помимо тривиального утверждения, что природные условия породили сильную географическую дифференциацию сельской местности, они также сказывались если не на общем ходе развития, то на результатах, часто неожиданных, тех или иных решений властей.

При слабовыраженном разделении занятий на селе, в стране все же сложилось географическое разделение труда. Зерно сеяли всюду, но выделялись северный пояс с развивающейся промышленностью, где его не хватало, и южная товарная, в том числе хлебозэкспортная зона (**рис. 3.5.1**). Это не означало, что в России были большие излишки зерна. Товарный хлеб составлял всего 26%, т. е. три четверти зерна крестьяне потребляли сами. Его производство на душу населения составляло в конце XIX — начале XX века 400–700 кг, в то время как в импортирующих зерно европейских странах оно было ненамного меньше (300–500 кг). Второй крупный экспортер — США (4 млн тонн в 1909–1913 гг. против 10 млн тонн экспорта у России) — производил 900–1100 кг зерна на душу населения (Миронов, 1991, с. 150). Свою славу главного мирового экспортера зерна в начале века Россия завоевала за счет недоедания собственного населения и малого количества собственных городов, которые надо было кормить.

В то же время в России было аграрное перенаселение, причем в основном в староосвоенных районах (**рис. 3.5.2**). Там, по выборочным расчетам А. В. Чаянова о распределении времени и степени напряженности работы, треть деревни составляли по существу «лишние руки» (Чаянов, 1989, с. 237). Это способствовало развитию сельских кустарных промыслов и отходничества, особенно в Нечерноземье, где Москва и Петербург были самыми мощными притягательными центрами (**рис. 3.5.3**). Это постепенно готовило крестьян к переселению в города, хотя сословный строй его сдерживал.

Перенаселенность деревни влияла на психологию крестьян. А. В. Чаянов в монографии «Организация крестьянского хозяйства» (1924) вывел модель трудовой организации в российской деревне, резко отличную от западной. Для крестьян были важны не выработка (и заработок) каждого работника, а занятость всех членов семьи и ее общий

Рис. 3.5.1. Районы избытков и недостатков зерна в 1913 г.

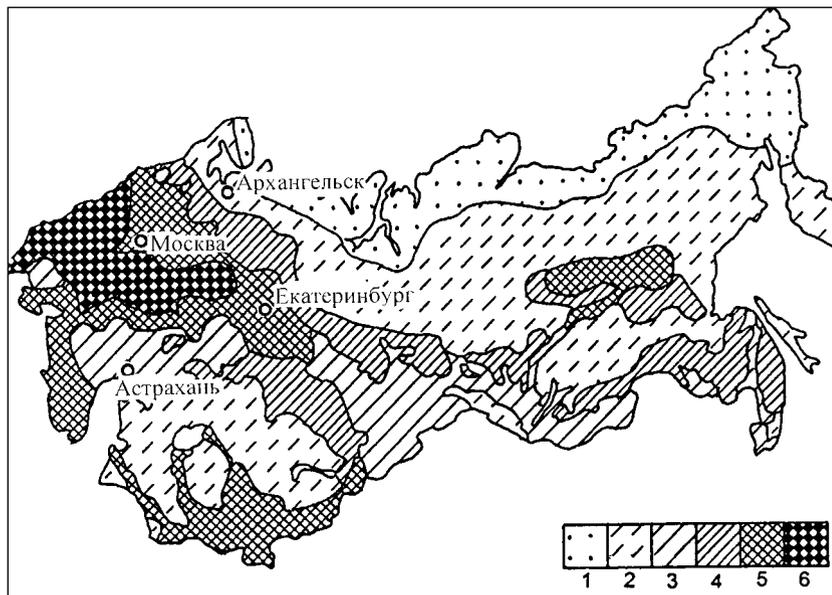

Источник: *Экономическая география, 1929, с. 359.*

доход². Вместе с общинными традициями такое пренебрежение к личной производительности труда и эффективности индивидуальной работы имело важные культурологические последствия для России в целом.

² Приведем простой пример из книги А. В. Чаянова (1989, с. 263–282). Производство овса на одной десятине в Волоколамском уезде требует 22 рабочих дня и дает 46 рублей дохода. Для выращивания льна нужно 83 дня, что дает доход 91 рубль. Замена овса льном повышает общую доходность хозяйства в два раза и позволяет занять всех работников, хотя производительность и оплата труда одного работника снижаются. То есть распространение льна и картофеля во многом были связаны с их трудоемкостью, позволявшей сократить безработицу.

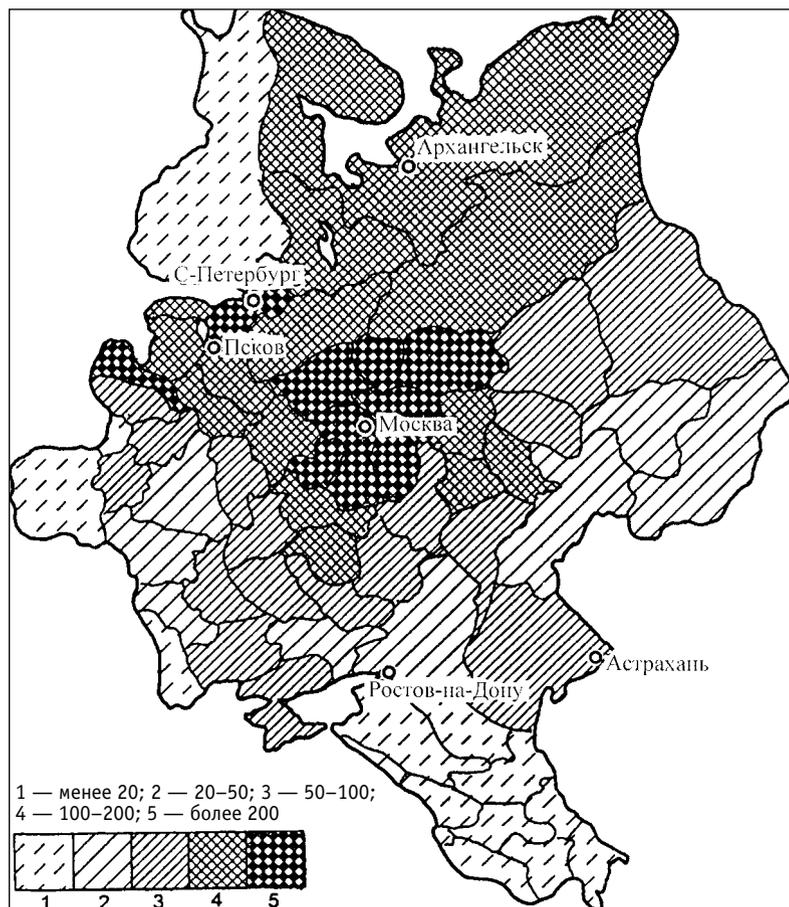
Рис. 3.5.2. Заселение в начале XX века

1 — отсутствие населения в тундре; 2 — промышленно-промысловое редкое заселение; 3 — обжитая зона с неплотным заселением; 4 — массовое заселение; 5 — сбалансированное заселение; 6 — избыточное заселение (источник: Рыбаков, 1928)

В многоземельной колонизируемой России в отличие от многих стран Запада, где «плотное» интенсивное, часто специализированное хозяйство рождало фермерское отношение к земле как к продукту труда, земля считалась даром Божиим, на который у всех, как на воздух, права равны. Отсюда — постоянные переделы земли, которые на рубеже веков происходили в среднем раз в 6 лет. Тем самым община обеспечивала всех крестьян землей в рамках прожиточного минимума, не допуская пауперизации. Отчасти это было связано и со слабостью городов. Разорение крестьян не всегда переключало их в другую сферу деятельности, а чаще ложилось бременем на все «общество». Общинный контроль вплоть до личной зависимости крестьян ограничивал трудовую мотивацию и хозяйственную инициативу. Установки типа «отнять и поделить» и отношение к земле как к дару свыше, но не товару, оказались настолько устойчивы, что всплывали все XX столетие вплоть до мощного сопротивления современной Государственной Думе РФ и значительной части населения введению частной собственности на землю и ее купли-продажи. Это и не удивительно. Общинный уклад охватывал треть всех земель дореволюционной Европейской России, а без учета северных казенных территорий — около половины. Прадеды, деды и отцы большинства современных горожан — выходцы из общин. Горожан в третьем поколении, по оценкам, набирается лишь около $\frac{1}{6}$, а потомков дореволюционных городских сословий — совсем мало, в т. ч. в Москве — около 3% (Алексеев, Симагин, 1996).

Рис. 3.5.3. Отхожие промыслы в начале XX века. Количество выданных краткосрочных паспортов за 1906–1910 гг. на 1000 человек сельского населения

Источник: Рыбаков, 1928.

Уравнилельная общинная психология в начале века была одним из факторов устойчиво низкого уровня производительности и доходов крестьян. Например, среднее германское хозяйство имело в два раза меньше посевов и в 2,5 раза большую урожайность, чем наше черноземное, где земля от природы куда плодороднее (табл. 3.5.1). Сильно отличались и надои молока: в России в 1913 году они составляли 850 кг на одну корову, а в США — 1413 кг (Миронов, 1991, с. 152).

Таблица 3.5.1. Плотность населения, продуктивность и годовой доход аграриев европейских стран и России

Страны	Сельское население (чел.) в расчете на кв. версту посевов	Урожайность в 1901–1910 гг., пудов/десятину		Доходы, в пересчете на рубли	
		пшеницы	ржи	1894	1913
Россия, в т. ч. районы:				67	101
Средне-Черноземный	69	50	52		
Малороссийский	76	53	55		
Средневолжский	43	41	50		
Англия				273	463
Германия	142	129	110	184	292
Франция	83	90	70	233	355
Бельгия	210	153	111		

Источники: Прокопович, 1918; Рыбников, 1928, с. 66.

Уже в начале века исследователи фиксируют западно-восточный градиент падения доходности сельского хозяйства. Так, доходность 1 десятины сельскохозяйственных угодий падала в черноземной зоне от 46 и 44 руб. в Курской губернии и на Кубани соответственно до 17 руб. в Оренбургской. В нечерноземных губерниях — от 46 руб. в Тверской до 15 руб. в Южно-Уральском округе (Челинцев, 1929, с. 444).

Это отражали и схемы районирования сельского хозяйства, делившие Европейскую Россию на ячейки в соответствии с физико-географическими особенностями и различиями в эффективности землепользования. Так, А. Геттнер (1907) выделял в пределах лесной зоны: 1) Прибалтийский край с более влажным климатом, более высокой культурой и лучшими условиями сбыта, прибыльным сельским хозяйством, 2) Западную Россию с благоприятными почвенно-климатическими условиями, но более отсталой культурой, недостатком капитала и недостатком хлеба, 3) Центральную Россию со сложными климатическими условиями, примитивным земледелием, малопродуктивным сельским хозяйством и 4) Восточную часть с суровым климатом и неразвитым сельским хозяйством. На западную (с более интенсивным хозяйством) и восточную (с пониженной урожайностью и отсталой культурой земледелия) части делит он и Черноземный край. У А. Н. Челинцева (1928, с. 438) сетка из 9 сельскохозяйственных районов на первый взгляд кажется более дробной, однако по сути отражает тот же принцип: выделение северных районов, черноземных и нечерноземных земель и их дробление по степени интенсивности хозяйства.

Этим схемам соответствует и комплексное сельско-городское районирование В. П. Выделяемые им северный долинный, центральный и северо-западный водораздельный и южный долинный типы он подразделяет на западные и восточные подтипы (Город и деревня..., с. 35). Поскольку наиболее подробно он рассматривал функционирование городов, выделенные им типы и подтипы описаны в главе 2.3. Здесь мы отметим, что принцип широтно-меридиональной дифференциации территории Европейской России оказался универсальным, выявляя очень характерные различия в организации местности и функционировании хозяйства. Более того, отдельные ячейки этого районирования не только отличались друг от друга, но и находились как бы на разных траекториях и стадиях развития.

Такое разнообразие сельской местности обязано своим существованием не только природным предпосылкам, но и социально-экономическим факторам. Например, характерно было повышение плотности сельского населения, интенсивности и доходности сельского хозяйства в зонах влияния крупнейших городов. Уже в начале века в Московской губернии на единицу угодий было вдвое больше населения, чем в соседних губерниях, доходность десятины сельскохозяйственных земель составляла 86 руб., доходность от животноводства была в 2,5 раза выше, чем у соседей (Челинцев, 1924, с. 444).

А. Л. Рыбников (1928) проследил региональные различия в степени кризисности сельского хозяйства и бедности населения Европейской России с 1890 до 1920 гг. Его основные выводы: *состояние хозяйства зависело не столько от климата и плодородия почв, сколько от положения относительно рынков сбыта и демографической ситуации*. Несмотря на политические бури, разыгравшиеся на русской сцене в начале века, выделяемые им 4 группы наиболее кризисных аграрных районов довольно устойчивы:

- юго-запад (западная Украина) — с малоземельем, безработицей, отсутствием крупных городов, слабым оттоком лишнего населения;
- центрально-черноземные и средневожские губернии — с дешевизной продукции и труда при дороговизне земли для крестьян;
- Псковская, Новгородская губернии и примыкающие к ним районы Белоруссии — с очень низкой оплатой труда;
- Казанская, Симбирская, Уфимская губернии — со слабо развитым товарным хозяйством.

Гораздо благополучнее аграрные районы Прибалтики, Промышленного Центра (в зоне влияния Москвы и Нижнего Новгорода), южно-кубанские и украинские степи. В каждом из них имелись свои факторы неблагополучия, включая засухи, заболоченность, низкие цены и т. д., но они не создавали такого длительного хозяйственного угнетения, как в кризисных районах.

В целом, доходность сельскохозяйственной деятельности в 1910 г. в нечерноземных губерниях составляла 147 руб. на занятого, а в черноземных — 132 руб. Наиболее

доходным был труд в Прибалтийском и Южно-степном районе. В пределах рассматриваемой нами территории Европейской России в ее современных границах наилучшие показатели имели Северо-западный и Центрально-промышленный районы, т. е. пригородное сельское хозяйство.

Аграрная реформа П. А. Столыпина, нацеленная на передачу крестьянам их земли из общинного владения в полную собственность, продажу им помещичьих земель и переселение на свободные окраины должна была поднять производительность труда и уменьшить перенаселенность деревни в Центральной и Черноземной России. Она давала шансы прежде всего сильным, которых было, по некоторым оценкам, 10—15% (Неуслышанные голоса, 1987), но не большинству.

Формально выход из общины был возможен уже после 1861 г., но к началу 1906 г. реально это смогли сделать всего 145 тыс. хозяйств, причем большинство — до 1890 г. (Корелин, Шаццлло, 1995, с. 23). Столыпинские же указы 1905–1906 гг., расчистившие практический путь к выходу из общины, по своему значению были самой настоящей «революцией сверху». За 1907–1915 гг. из общин вышло в общей сложности около 3 млн крестьянских хозяйств, то есть 22% общей численности домохозяев, владеющих землей на общинных основаниях (Корелин, Шаццлло, 1995; Россия, 1995). Правда, площади наделов земли, укрепленной в собственность, составляла меньшую долю (табл. 3.5.2). Тем не менее было образовано 1,6 млн обособленных крестьянских участковых хозяйств, из них около 0,3 млн хуторов и 1,3 млн отрубов. При этом большинство таких хозяйств пришлось на северо-запад, юг и юго-восток России, тогда как ее наиболее густозаселенная центральная часть, вопреки замыслу Столыпина, оказалась менее затронутой реформой.

Еще при жизни Столыпина реформы, на осуществление которых он просил у Бога и так и не получил 20 спокойных лет, пошли на спад. Община как архаическая форма

Таблица 3.5.2. Структура крестьянского землевладения Европейской России (без Прибалтики) в 1905–1915 гг., в %

Земли	1905	1915
Общин	62,9	50,4
Казачьи	9,1	9,2
Подворные	12,7	11,9
В собственности	–	8,2
Личное землевладение	8,2	10,1
Крестьянские общества и Товарищества	7,1	10,2
Всего	100,0	100,0

Источник: подсчитано по: Россия, 1995, с. 64.

организации крестьянской жизни в общем и целом устояла (суммарное количество общин в России сократилось всего-навсего с 135 до 110 тыс.) и, лишившись в лице «выделенцев» своих закоренелых внутренних врагов, качественно даже окрепла. Дальше всего и глубже всего столыпинские реформы зашли там, где общины не было или где она была исторически слаба, — например, в Сибири, в узкой полосе вдоль Транссибирской железной дороги, где действительно были достигнуты быстрые и впечатляющие результаты (Корелин, Шацилло, 1995, с. 30–32).

В целом, на общинных и частных основаниях крестьянам по сельскохозяйственной переписи 1916 г. принадлежало 89% посевной площади, они владели 95% крупного рогатого скота и свиней. Т. е. к революции Россия подошла с общинной организацией и мелкотоварным крестьянским хозяйством как резко доминирующим укладом.

Послереволюционные аграрные преобразования

Передача большевиками крестьянам сельскохозяйственных земель и их уравнилельное распределение в условиях войны и разрухи «затоптали» весьма робкие ростки расслоения, вновь вызвав осереднячивание деревни и ее натурализацию. Возрожденные общины к середине 20-х гг. контролировали 95% крестьянских земель (Данилов, 1987, с. 97, 106). Товарность резко упала, а недоступность и дороговизна промышленных товаров отбивали стимулы к ее увеличению.

Все это заставило ввести НЭП — мучительную попытку совмещения командной системы с рыночной. И тем не менее, за 1921–1928 гг. сельское хозяйство развивалось самыми быстрыми темпами, производство зерна возросло более чем в 2 раза (Никонов, 1995). При относительно равных стартовых возможностях укрепились хозяйства наиболее работоспособных крестьян. Вновь началось расслоение на богатых и бедных, стихийное расселение деревень на хутора и отруба³. Проникновение рыночных отношений в деревню в период НЭПа шло активнее за западе и северо-западе в районах с мелкими селениями и чересполосицей. Естественная изоляция и удаленность поселений друг от друга способствовали более активному выходу из общины.

Развивалась «вертикальная» кооперация, когда кооперативы брали на себя сбыт, обслуживание техникой, кредитами и т. п. при сохранении самобытности крестьянских хозяйств. Именно в такой вертикальной кооперации А. В. Чаянов и другие ученые знаменитой русской аграрной школы видели будущность российской деревни (Чаянов, 1991). Однако сильнейшая централизация политической власти, ее нежелание налаживать экономические отношения с крестьянством, частые кризисы в снабжении города хлебом и нужда в средствах для быстрой индустриализации (а их в аграрной стране можно было добыть только отобрав у крестьян) — все это толкало на иной путь — путь насильственной коллективизации, претворенной в жизнь в 1930-х гг. А, так сказать,

³ Дробление земель и создание новых хозяйств, о которых мечтал в свое время Столыпин, в 20-х гг. во многом были связаны с прогрессивным налогообложением. Благодаря делению семей в годы НЭПа освобождалось от налогов на землю все больше крестьян.

теоретическим ответом ученым аграрникам стала статья Сталина «Вести деревню, насаждая колхозы и совхозы» (Сталин, 1939). Их затем репрессировали, сам Чаянов был расстрелян в 1938 г.

Коллективизацию по-сталински облегчала отмена частной собственности на землю еще декретом о земле 1917 года, согласно которому «право частной собственности на землю отменяется навсегда. Земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо иным способом отчуждаема». Земельный кодекс 1922 г. закрепил полную и вечную отмену частной собственности на землю, но разрешил крестьянам арендовать ее. В 30-х гг. была полностью запрещена и трудовая аренда земли. Коллективизация жестоко расправилась с хуторской и отрубной системами, а самые лучшие и зажиточные крестьяне в большинстве были «раскулачены»⁴.

Эпоху колхозного строя можно разделить пополам: 1930–60 гг. и 1960–90 гг. (Трейвиш, 1999). В первой половине — стратегия выжимания соков из сельского хозяйства, пустых трудодней, но с личными подворьями, оставленными для самопрокорма. Во второй — попытка «подтянуть» крестьян до наемных рабочих.

Колхозы, призванные покончить с патриархальным крестьянством, создали некую новую общность и сельскую экономику, сочетающую общинные принципы с новым крепостничеством (до 1970-х гг. у колхозников не было даже паспортов). Коллективизация сопровождалась резким падением производства. По урожайности многих культур колхозы подошли к уровню 1913 г. только в 1940, но и тогда по зерновым (8,9 ц/га) она была вдвое ниже, чем в восточноевропейских странах, и втрое ниже, чем в Западной Европе. Производство зерна на душу населения в 1940 г. по сравнению с 1913 г. упало. Потеряв в производстве продукции, большевики ввели жесточайший контроль за ее распределением. Это не уберегло от продовольственных кризисов. Апофеозом был голод 1933 г., резко сокративший население самых плодородных районов и вызванный не недородом, а организованным государством, отобравшим у крестьян хлеб.

В 1928 г. 96% посевных площадей находилось в пользовании единоличных крестьянских хозяйств. В 1940 г. колхозы контролировали 86% посевных площадей, совхозы — 10%. Правда, мяса они давали мало — всего 30%. К 1958 году в личном пользовании крестьян оставалось менее 2% земель (Народное хозяйство РСФСР, 1959, с. 225). По расчетам А. А. Никонова, 83% своего рабочего времени крестьяне отдавали общественному хозяйству, от которого получали лишь 20% суммарного дохода, т. е. работали на колхоз, как на барина, а кормились от своих крохотных участков (Никонов, 1995).

Село вплоть до 60-х гг. испытывало последствия варварских методов коллективизации и ограбления деревни. Даже по данным официальной статистики валовая продукция сельского хозяйства с 1913 по 1960 года выросла лишь вдвое, при росте промышленной продукции в 40 раз (Народное хозяйство РСФСР, 1988, с. 7).

⁴ См. главу 1.2.

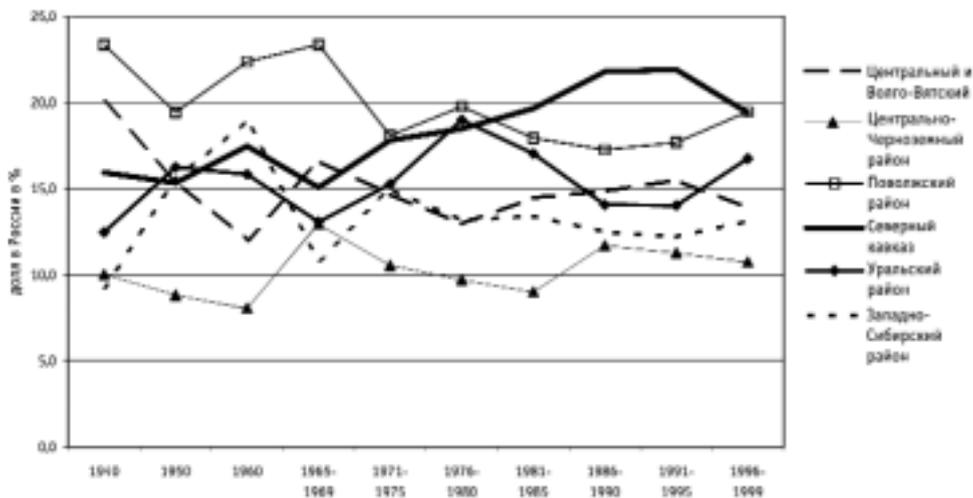
Коллективизация дала первый мощный толчок к сселению и забрасыванию мелких деревень, поскольку колхозному начальству было удобнее контролировать компактное, а не дисперсное расселение (Иоффе, 1990а). Так, еще до Отечественной войны был дан импульс запустению прежде перенаселенной российской глубинки. После войны многие не вернулись в свои села. Все это положило начало депопуляции села и углублению социальных контрастов в сельской местности⁵.

Сельскохозяйственная деятельность в середине века характеризовалась и сдвигом на восток. Удельный вес восточных районов резко повысился еще в период войны. А в 1953 г. началось массовое освоение целинных и залежных земель на южном Урале, в Казахстане и южной Сибири. Сюда приехало по меньшей мере 350 тыс. человек, в основном молодежи, мобилизованной по оргнабору и комсомольским путевкам. В 1954 г. целина дала почти половину валового сбора зерна в РСФСР. Но потом ее вклад резко упал: в 1960-х гг. до — 36% зерна, в конце 70-х — до 27% (Народное хозяйство РСФСР, 1988).

Одновременно усугублялось запустение староземледельческих районов. В 1954–59 гг. было освоено 45 млн га целины и заброшено 13 млн га в Европейской России (Никонов, 1995, с. 311).

На **рис. 3.5.4** видно, как быстро в 1950-х гг. увеличивалась доля Западной Сибири и Поволжья в производстве зерна в основном за счет центральных районов. Поволжье сохраняло лидерство до 1980 г., когда его опередил Северный Кавказ. А Западная

Рис. 3.5.4. Сдвиги в производстве зерна по экономическим районам

⁵ См. главы 3.1 и 3.2.

Сибирь вскоре стала сдавать позиции из-за падения урожайности. И только в 1990-х гг. экономический кризис, сильнее всего ударивший по старым товарным районам, вновь увеличил долю волжских и восточных районов (Нефедова, 2000)⁶.

Территориальные сдвиги в использовании земель, расселении и производстве сельскохозяйственной продукции в XX в. отражает перемещение демографического и экономического центра тяжести территории Российской Империи-СССР и России⁷. Центр тяжести сельского населения СССР за столетие передвинулся из Тамбовской области за реку Урал. Центр сбора зерновых с Волги, где он находился в начале века, сдвинулся в Оренбургскую область в годы освоения целины, затем повернул на запад (рис. 4.1.5).

Сельское хозяйство во второй половине века

Кроме кукурузы, Хрущевское время запомнилось сельскому населению и очередной кампанией против личного подсобного хозяйства (ЛПХ). За 1958–1963 гг. площади ЛПХ были сокращены на 19% (Денисова, 1996, с. 96). По мнению Ю. Г. Александрова (1993), в России была проведена не одна, а две коллективизации. Первая в 1930-е гг. ликвидировала крестьян-единоличников, вторая в 60-е гг. превратила крестьян в сельскохозяйственных рабочих, лишив значительной части собственного скота и обрезав огороды.

В середине 60-х соотношение доходов от личного и колхозного хозяйств у колхозника составляло 2:1 при некотором колебании по регионам (Денисова, 1996, с. 98). Затем роль ЛПХ начинает постепенно возрастать в связи с постоянным дефицитом продовольствия в стране и из-за тесных связей городских семей с сельской родней, снабжавшей их продуктами. Быстро расширяется привлечение самих горожан к сельскохозяйственному производству в подшефных хозяйствах, на садовых и огородных участках.

Низкая производительность труда и расслоение коллективных хозяйств на более и менее благополучные вызвали административно-управленческий зуд, приводивший к укрупнению хозяйств и преобразованию колхозов в совхозы. В 1963 г. колхозов насчитывалось уже 39 тыс. против 91 тыс. в 1955 (Денисова, 1996, с. 59). Все это шло в русле централизации управления, унификации деревни и выравнивания результатов путем присоединения бедных хозяйств к богатым. В планах землеустройства были выделены перспективные и неперспективные деревни. Подобная тактика наложилась на начавшийся объективный процесс депопуляции, став губительной для многих российских деревень. Особенно сильно это ударило по Нечерноземью с его мелкоселенностью и мозаичными угодьями. Только за 1959–1970 гг. число сельских поселений сократилось здесь более чем на 20%, в основном за счет деревушек с населением до 100 человек. Из них, неперспективных, люди чаще переезжали не в центральные усадьбы, а сразу в города или пригороды. К 1980-м гг. деревня начала испытывать острый дефицит

⁶ См. главу 3.6.

⁷ См. главу 4.1.

трудовых ресурсов, а производство — все больше сжиматься к городам, оставляя огромные массивы угодий в глубинке полузаброшенными.

В послевоенные годы добиться увеличения темпов роста сельского хозяйства в Европейской России так и не удалось. Это заставило изменить сельскохозяйственную политику. Робкая и недолгая так называемая Косыгинская реформа 1960-х с расширением хозрасчетных отношений чем-то напоминала реформы Бунге 1880-х гг. Однако стимулирования хозяйственной инициативы не получилось. Самым простым оказалось увеличение материально-технической оснащенного аграрного сектора, которое и начало выполняться по решениям Мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г.

За 1965–1990 гг. капитальные вложения, основные производственные фонды сельского хозяйства и количество вносимых удобрений увеличилось шестикратно, мощности тракторного парка — пятикратно. Фондовооруженность одного работника выросла за 1960–80 гг. с 3 до 16 тыс. руб., а в расчете на 100 гектар угодий — с 3 до 14 тыс. руб. При этом около половины всех вложений поглощали строительство мощных животноводческих комплексов и водная мелиорация. Все это обеспечило прирост продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении (без учета роста цен) в 1,7 раза, а в натуральном — всего на 35–45%, (зерна — на 50%) при общем росте населения на 35%. Таким образом, интенсификация сельского хозяйства шла с большим превышением затрат над результатами.

Географическая картина интенсификации была весьма выразительна. Больше всего вложений в сельское хозяйство получили западные республики СССР и Нечерноземные регионы России. Например объемом вносимых минеральных удобрений более 200 кг действующего вещества на гектар пашни отличались в 1980-х гг. Белоруссия, Эстония и Латвия, северные регионы и Московская область; 150–200 кг вносили северо-западные и многие центральные регионы, Украина. Поволжские и уральские регионы получали менее 100, а многие менее 50 кг (Иоффе и др., 1988). Плотность производственных фондов на гектар сельскохозяйственных угодий имела примерно такое же распространение.

Тем не менее, близкий уровень производственных вложений в разных регионах давал разные результаты. Более отзывчивыми оказались западные республики с неэрастченной культурой землепользования и южные регионы — Центрально-Черноземные и Северо-Кавказские — с лучшими природными предпосылками земледелия. В российской Нечерноземной зоне дополнительные затраты скоро натолкнулись на некоторый предел, за которым аккумуляция ресурсов не давала прироста продуктивности земель и скота. Этот предел прежде всего был связан с неизменным хозяйственным механизмом и технологией производства. Но существовал еще один фактор, лимитирующий отдачу вложений. Сельское население России в целом сократилось с 76 млн человек в 1926 году до 39 млн в 1990, а в Нечерноземной зоне — с 39 до 15 млн чел. На осушенных землях и животноводческих комплексах во многих местах уже некому было работать, так что значительные средства были затрачены по существу впустую.

Таким образом, во второй половине века фактор трудовых ресурсов на селе стал во многих регионах лимитирующим для колхозно-совхозного сельского хозяйства.

Сдвиги в землепользовании и заселении

После 1960 г. сильного расширения сельскохозяйственных земель уже не было. А их потери в Нечерноземье нарастали в связи с оттоком сельского населения в города и депопуляцией глубинки. Однако прямого соответствия между динамикой сельского населения и сельскохозяйственных угодий не наблюдается (табл. 3.5.3). Это связано с рядом факторов. Во-первых, перевод земель из одной категории землепользования в другую в официальных документах сильно отставая от реальных процессов их забрасывания и всячески тормозился властями. Особенно недопустимыми считались потери пашни. Во-вторых, чем южнее, тем в меньшей степени депопуляция сказывалась на официальной статистике уменьшения сельскохозяйственных земель: поля просто «отдыхали» или зарастали кустарником и лесом, числясь пашней лишь на бумаге. На севере небольшие перерывы в обработке земель приводили к их быстрому заболачиванию и закустариванию, несмотря на развернувшиеся работы по мелиорации. Пашня полностью выходила из строя, поэтому ее приходилось переводить в категорию естественных кормовых угодий или лесных земель. Поэтому наибольшие зафиксированные статистикой потери земель характерны именно для Северного района, а не Центрального, где потери угодий в результате депопуляции были не меньше.

Несовершенство статистического учета не дает возможности по этим показателям проследить реальные потери земель из-за вторичного, связанного с уменьшением сельского населения опустынивания территории в староосвоенных районах Европейской России. Однако это можно сделать иначе, опираясь на представленные в главах 3.1 и 3.2 карты Д. Н. Лухманова и его данные, отражающие плотность сельского населения по административным районам в 1897, 1959, 1989 гг. (табл. 3.5.4).

Незаселенные территории с плотностью населения менее 1 человека на кв. км представлены только на Севере. Эти территории за 90 лет уменьшились, но не сильно — 314 тыс. кв. км перешли из категории незаселенных в категорию очень слабо заселенных. Но поскольку шел и обратный процесс — прежде хотя и слабо, но освоенные территории забрасывались и переходили в категорию незаселенных, — то суммарное уменьшение таких территорий составило 174 тыс. кв. км, и занимают они сейчас чуть менее $\frac{1}{5}$ территории Европейской России.

Площади слабо заселенных сельских территорий (с плотностью от 1 до 10 человек на кв. км) за XX в. выросли более чем на один млн кв. км увеличившись в два раза. Но лишь в незначительной степени за счет освоения севера и юго-востока, а главным образом за счет потери сельского населения прежде заселенными территориями, то есть вторичного социального опустынивания. *К концу века почти 60% освоенной территории Европейской России оказалось слабо заселено. А вместе с Севером — это три чет-*

Таблица 3.5.3. Изменение площади угодий и сокращение сельского населения за 1960–1989 гг.

Районы и области	Сельскохозяйственные угодья 1989 к 1960, %	Пашня 1989 к 1960, %	Сельское население 1989 к 1959, %	Все население 1989 к 1959, %
Северный район	54	77	69	133
Северо-Западный район	77	95	63	132
в т. ч. Ленинградская область	96	120	95	141
Новгородская область	67	90	50	102
Центральный район	85	94	51	118
в т. ч. Московская область	90	98	66	139
Ивановская область	90	98	55	101
Калужская область	99	98	56	113
Тверская область	68	93	47	92
Ярославская область	75	95	46	105
Волго-Вятский	90	94	52	102
Центрально-Черноземный	97	95	54	97
Поволжье	102	102	67	130
Сев. Кавказ	93	101	108	144
Урал	97	100	69	116

Источники: рассчитано по Земельный фонд., 1961, 1990; Демографический ежегодник., 1996.

Таблица 3.5.4. Изменения долей и площади сельской местности разной степени заселенности на Европейской России с 1897 по 1989 гг.

Тип территории	Плотность населения, чел./кв. км	1897 %	1959 %	1989 %	1897–1989 тыс. кв. км
Незаселенная	Менее 1	22,6	17,9	18,2	-174
Очень слабо заселенная	1–5	17,4	22,6	34,3	+697
Слабо заселенная	5–10	11,3	19,2	23,2	+488
Средне заселенная	10–25	27,5	27,6	19,8	-319
Густо заселенная	25–50	20,5	11,4	3,9	-686
Очень густо заселенная	Более 50	0,7	1,3	0,6	-6
Всего		100	100	100	0

Источники: рассчитано путем суммирования площадей административных районов согласно типологии Д. Н. Лукманова (см. карты 3.1.2. и 3.2.2).

верти. Так что землебилие даже в Европейской России грандиозно и за XX век заметно увеличилось.

Значение плотности сельского населения в 10 человек на кв. км, как показывают исследования соотношений результатов сельскохозяйственной деятельности и обеспеченности трудовыми ресурсами в условиях российской колхозной деревни (Иоффе, 1990; Нефедова, 1997; Ioffe, Nefedova, 1997), является критическим порогом для успешного земледелия (но не экстенсивного скотоводства). При меньшей плотности и прежде, а особенно теперь, земледелие в широких масштабах оказывалось весьма социально рискованным, а попытки колхозов под нажимом партийных органов распахать большие территории приводили к невозможности получить достойный урожай и даже собрать его.

Современные сельские территории, на которых живет более 10 человек на кв. км, — это, в основном, юг и пригороды. Однако в начале века это было не так. Наиболее уплотненной оказывалась вся Центральная Россия, особенно Центрально-Черноземная. Площадь заселенной, реально жизнеспособной сельской территории за век сильно уменьшились. На самом деле уменьшения гораздо больше, поскольку одновременно происходил прирост подобных площадей и на юге. «Приобретения» таких новых заселенных территорий за век составили около 150 тыс. га, следовательно и потери в староосвоенной части на эту величину больше. Но особенно впечатляет сжатие наиболее густо заселенных территорий (25–50 чел): с 846 до 160 тыс. кв. км и их полная фрагментация (см. карты 3.1.1, 3.1.2, 3.2.1). *В целом заселенная освоенная сельская территория уменьшилась в два раза*. В начале века она составляла половину территории Европейской России, теперь — четверть. Общие потери таких территорий (переход их из категории заселенных и густо заселенных в слабо заселенные) составили 1 млн кв. км.

Запустение сельской местности, забрасывание домов, целых деревень, сельскохозяйственных угодий наиболее характерны для Нечерноземья⁸. Здесь заселенные ареалы с жизнеспособным сельским хозяйством сохранились лишь на 20% территории в пригородах крупных центров (**табл. 3.5.5**).

Активные потери населения в Центрально-Черноземной районе не привели к катастрофическому понижению освоенности, как в Нечерноземье. Большая часть района вместо густо заселенной стала средне заселенной.

Иное дело — восточная часть черноземной зоны в пределах Поволжского района и южного Урала, которая имеет показатели, близкие к средним по Европейской России. Ее заселенная зона сократилась с половины до четверти территории, а густо заселенная «разбилась» на массу мелких фрагментов. Таким образом зафиксированное статистикой небольшое увеличение пашни во второй половине века (табл. 3.5.3) за счет орошения происходило на фоне реального запустения огромных пространств с крайне низкими урожайностями культур.

⁸ Нечерноземье в данном случае рассматривалось в пределах Северо-Западного, Центрального, Волго-Вятского и северной части Уральского регионов без двух столичных регионов, но с Вологодской областью.

Таблица 3.5.5. Изменения долей и площади сельской местности разной степени заселенности по крупным частям Европейской России с 1897 по 1989 гг.

Тип территории	Плотность населения, чел./кв. км	1897 %	1959 %	1989 %	1897–1989 тыс. кв. км
Нечерноземье					
Незаселенная	Менее 1	1,9	2,2	6,9	+61
Очень слабо заселенная	1–5	14,6	17,4	41,3	+358
Слабо заселенная	5–10	18,3	24,8	30,6	+165
Средне заселенная	10–25	34,1	41,4	19,4	-194
Густо заселенная	25–50	30,5	13,7	1,8	-382
Очень густо заселенная	Более 50	0,6	0,5	0,3	-8
Всего		100	100	100	0
Центрально-Черноземный район					
Незаселенная	Менее 1	0	0	0	0
Очень слабо заселенная	1–5	0	0	0	0
Слабо заселенная	5–10	0	0	3,7	+6,2
Средне заселенная	10–25	0	17,8	85,0	+111,3
Густо заселенная	25–50	90,6	78,5	11,3	-111,6
Очень густо заселенная	Более 50	9,4	3,7	0	-6,2
Всего		100	100	100	0
Северный Кавказ					
Незаселенная	Менее 1	0	0	0	0
Очень слабо заселенная	1–5	3,0	7,4	7,6	-7
Слабо заселенная	5–10	28,4	21,3	22,6	-20
Средне заселенная	10–25	39,0	45,0	39,4	+1
Густо заселенная	25–50	22,9	26,3	24,8	+6
Очень густо заселенная	Более 50	0	3,0	5,6	+20
Всего		100	100	100	0
Поволжье и южный Урал					
Незаселенная	Менее 1	0	0	1,1	+11
Очень слабо заселенная	1–5	19,3	20,0	26,8	+72
Слабо заселенная	5–10	11,4	33,9	45,2	+327
Средне заселенная	10–25	51,0	38,9	25,8	-244
Густо заселенная	25–50	18,3	7,2	1,1	-166
Очень густо заселенная	Более 50	0	0	0	0
Всего		100	100	100	0

Источники: рассчитано путем суммирования площадей административных районов согласно типологии Д. Н. Лукманова (см. карты 3.1.1, 3.1.2. и 3.2.2).

Как уже отмечалось в главах 3.1 и 3.2, триумфатором столетия стал Северный Кавказ, его динамика населения диаметрально противоположна. Только здесь слабозаселенные территории уменьшились.

Региональный пример вековых изменений землепользования и заселения

Покажем, как менялись на протяжении века характер заселения и сельского хозяйства на примере одного из типичных нечерноземных регионов — Ярославской области.

В 1913 г. 85% всего населения было сельским, и его плотность была в 4 раза выше, чем сейчас (28 чел./кв. км), в то же время посевная площадь была на треть меньше. Средняя по области урожайность зерновых культур в начале века составляла 10 ц/га, через 70 лет после всех преобразований получали те же 10–12 ц/га. До 1970-х гг. урожайность все таки росла, однако в дальнейшем в связи с общим кризисом Нечерноземья стала падать, несмотря на все увеличивающиеся вложения средств.

Сельское хозяйство Ярославской губернии в начале века имело выраженную товарную направленность. Площади под картофелем составляли 10% посевных, здесь получалось больше картофеля, чем сейчас (Гуревич, 1915). И, конечно, важное значение имел лен, занимавший 14% посевных площадей (сейчас 2,5%).

Очагами развития товарного хозяйства были две полосы, прилегающие к железным дорогам. Первая — основная зона картофелеводства — пригородные территории Ярославля и зона вдоль меридиональной магистрали на Архангельск. Вторая — зона льноводства на северо-западе вдоль дороги Рыбинск — Тверь. Здесь лен занимал до 30% посевов. Весь этот район был льновывозящим, имел наивысшую плотность населения (39 чел./кв. км), наибольшую распаханность (до 34%), а земля стоила там вдвое дороже, чем в других районах.

Пригородный сельскохозяйственный район за век сохранил и даже улучшил свои позиции. А северо-западные окраины — полностью деградировали. Их упадок во многом связан с уменьшением плотности сельского населения, поскольку льноводство очень трудоемко. Типичные предстатель — Некоузский район — самый худший по показателям сельского хозяйства. Только за вторую половину века оттуда уехало $\frac{2}{3}$ населения, плотность его упала до 5 человек на кв. км, а урожайность зерновых культур к 1990-м гг. составляла 7–9 ц/га. Иной тип являли собой северо-восточные окраины губернии. Они и раньше явно отставали в своем развитии. Здесь применялась традиционная трехпольная система с большой долей паров (в районах товарного хозяйства ее уже не было в начале века), преобладали посевы ржи и натуральное хозяйство. Эти районы всегда считались самыми бедными и запущенными.

Таким образом, очевидно, что и в начале века разные части области находились как бы на разных стадиях развития. Пригороды были заметны и тогда, но они не выделялись

столь контрастно, как сейчас. Кроме того, у них были противовесы — ареалы товарного производства в других частях области. Классические «медвежьи углы» всегда составляли иной мир, развивающийся по своим законам. Ярославское северо-восточное Заволжье — и сейчас остается районом полунатурального отсталого низкопродуктивного хозяйства, район не только не догнал за век далеко ушедшие пригороды, но все больше отстает от них.

В результате этих преобразований современная плотность сельского населения близ Ярославля составляет 27 чел./кв. км, в соседних районах резко падает до 8–11, а на окраинах — до 4–5 человек на кв. км. Максимальная урожайность всех видов зерновых, картофеля, корнеплодов в Ярославском районе отличает его не только от окраинных, но практически всех районов области, при том, что природные предпосылки наилучшие на юге области (рис. 3.5.5–3.5.7). Выделяется повышенной урожайностью культур и полоса соседних с Ярославским районов вдоль железных дорог. То же с продуктивностью скота. Эти различия характерны не только для последних лет: они проявились уже к середине века и с тех пор все углубляются. Это только подтверждает, что плотность сельского населения 10 чел./кв. км в условиях сложившегося хозяйственно-

Рис. 3.5.5. Урожайность зерновых в Ярославской области, ц/га в 1993–98 гг.

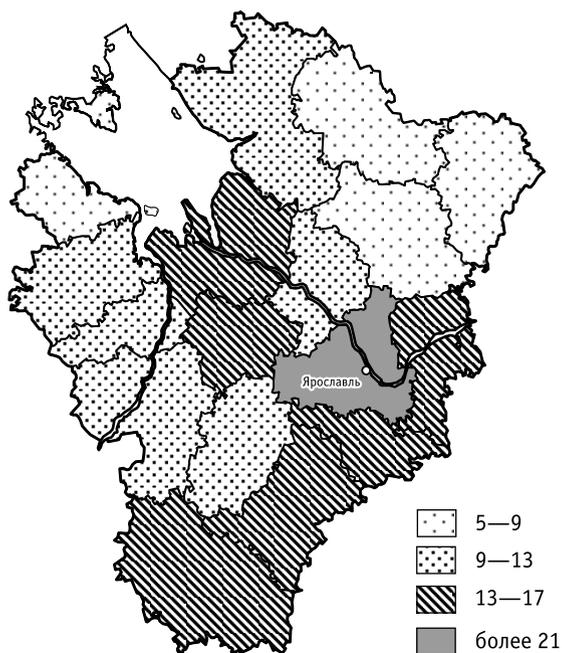

Рис. 3.5.6. Природные предпосылки сельского хозяйства в Ярославской области

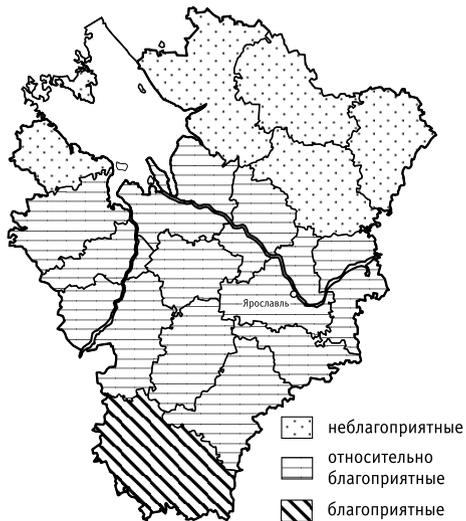
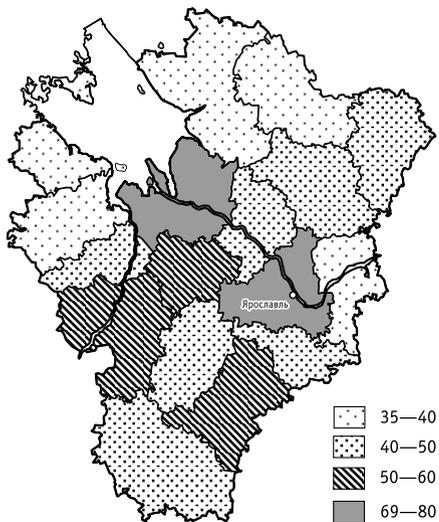

Рис. 3.5.7. Динамика сельского населения, 1991 г. в % к 1959 г.

го механизма и технологий Нечерноземья сплошь и рядом оказывается критическим порогом для успешного ведения коллективного хозяйственного производства (см. предыдущий раздел).

Таким образом, в течение десятилетий продуктивное общественное хозяйство подобно шагреновой коже постепенно сжималось, сохранив жизнеспособность и товарность лишь в небольшой группе районов, в основном вокруг областного центра, при сильной деградации на остальной территории области. Зато в окраинных районах области наиболее велика доля личных подсобных хозяйств в самообеспечении продукцией.

Основные итоги пространственного развития сельского хозяйства к 1990-м годам

Эти итоги можно свести к четырем основным тезисам:

1. Усиление западно-восточного градиента интенсивности и продуктивности сельского хозяйства.

2. Усиление центрально-периферийного градиента, заметного на всех уровнях: Московская область — по сравнению с окружающими, внутриобластные пригородные территории — на фоне периферийных.

3. Изменение регионального самочувствия сельской местности: различия между северными и южными районами.

4. Ослабление специализации и территориального разделения труда.

Рассмотрим их более подробно.

1. Западно-восточный градиент

В распределении показателей продуктивности сельского хозяйства Европейской части Российской империи — СССР (урожайности основных культур, надоя молока от 1 коровы, привеса скота и т. п.) по осям север—юг и запад—восток в течение XX в. прослеживаются заметные сдвиги (**табл. 3.5.6**). В начале века урожайность зерновых в западных и северо-западных районах была выше, чем на юге и востоке (Обухов, 1927; Народное хозяйство, 1985). В течение десятилетий после революции все стало иначе: наибольшей урожайностью выделялись южные территории с лучшим природным потенциалом (**рис. 3.5.8**). Видимо, социальные потрясения, связанные с войнами и коллективизацией, как бы отключили влияние социально-экономических факторов, выведя на первое место природные.

С ростом материально-технических вложений все сильнее стали проявляться меридиональные различия, связанные с величиной и эффективностью вложений (Иоффе и др., 1988), особенно заметные между Россией и западными республиками бывшего

Таблица 3.5.6. Изменение урожайности зерновых культур на территории Европейской части СССР с 1913 по 1985 гг., ц/га

Регионы	1913	1940	1965	1981–85
Градиент (перепад) север—юг	-0,2	3,4	7,8	5,8
Северные районы	9,0	6,8	8,7	16,0
Срединные районы	7,9	8,2	10,6	17,2
Южные районы	8,8	10,2	16,5	21,8
Градиент (перепад) запад—восток	1,6	3,0	11,0	13,4
Западные районы	9,3	10,8	18,7	26,0
Центральные районы	8,5	9,9	11,6	18,5
Восточные районы	7,7	7,8	7,7	12,6

СССР. Урожайность зерновых в Прибалтийских республиках превышала к 80-м гг. урожайность соседних с ними российских областей в 3 раза, в Белоруссии и на Украине она была в 2 раза выше, чем у российских соседей. Столь же сильно различались и другие показатели продуктивности. Те различия, которые Геттнер увидел между чисто российскими и западными нероссийскими губерниями еще в начале века, все более обострялись. Можно говорить об усилении западно-восточного градиента продуктивности сельского хозяйства бывшего СССР, хорошо видимом на рис. 3.5.9. Что же касается российских областей, то здесь, наоборот, произошло скорее нивелирование западно-восточного градиента («проседание», несмотря на интенсификацию, продуктивности в большинстве Нечерноземных областей почти сравняло их показатели с продуктивностью восточных районов с более экстенсивным хозяйством).

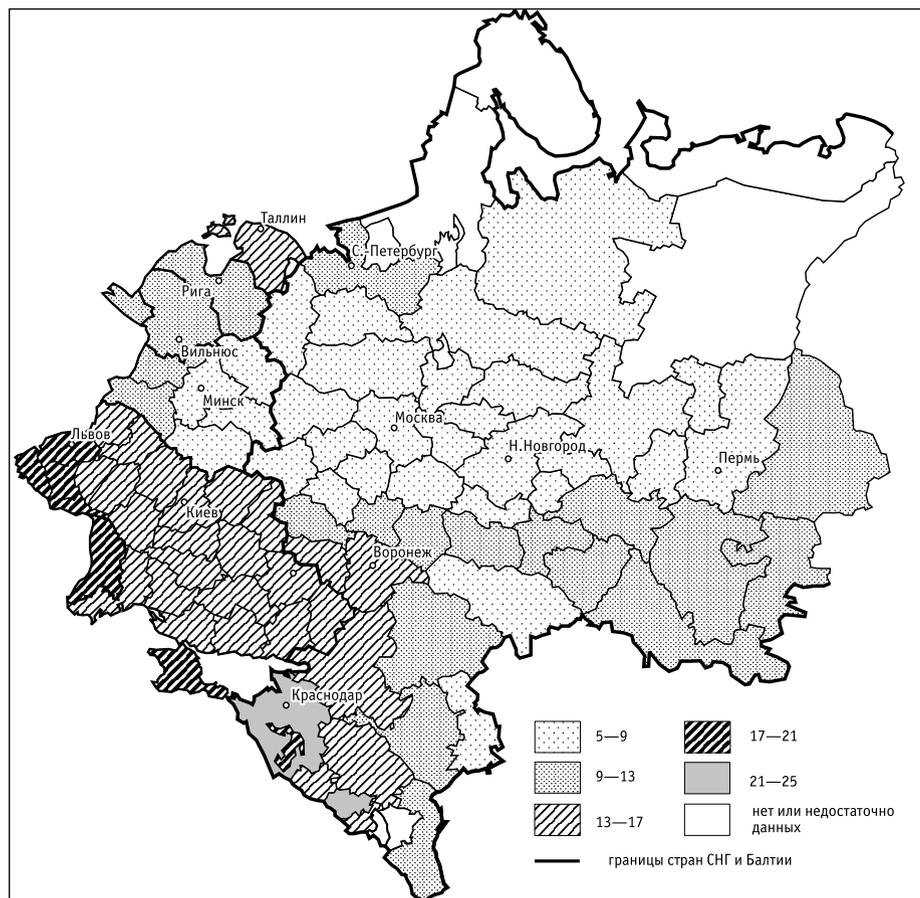
2. Пригород и периферия

Как мы уже отмечали, и в начале века было заметно влияние городов на сельскую местность. Но к концу века это влияние создало в обширных зонах контрасты небывалой глубины. При этом российская глубинка не просто отстает от центров, она, по меткому замечанию Б. Б. Родомана (1998), движется в обратную сторону.

Практически во всех областях России можно обнаружить более или менее выраженное падение интенсивности и продуктивности сельского хозяйства по мере удаления от крупных городов и, особенно, от областного центра. Однако степени этой выраженности сильно различаются и зависят от степени освоенности и специализации территории, а также от величины города.

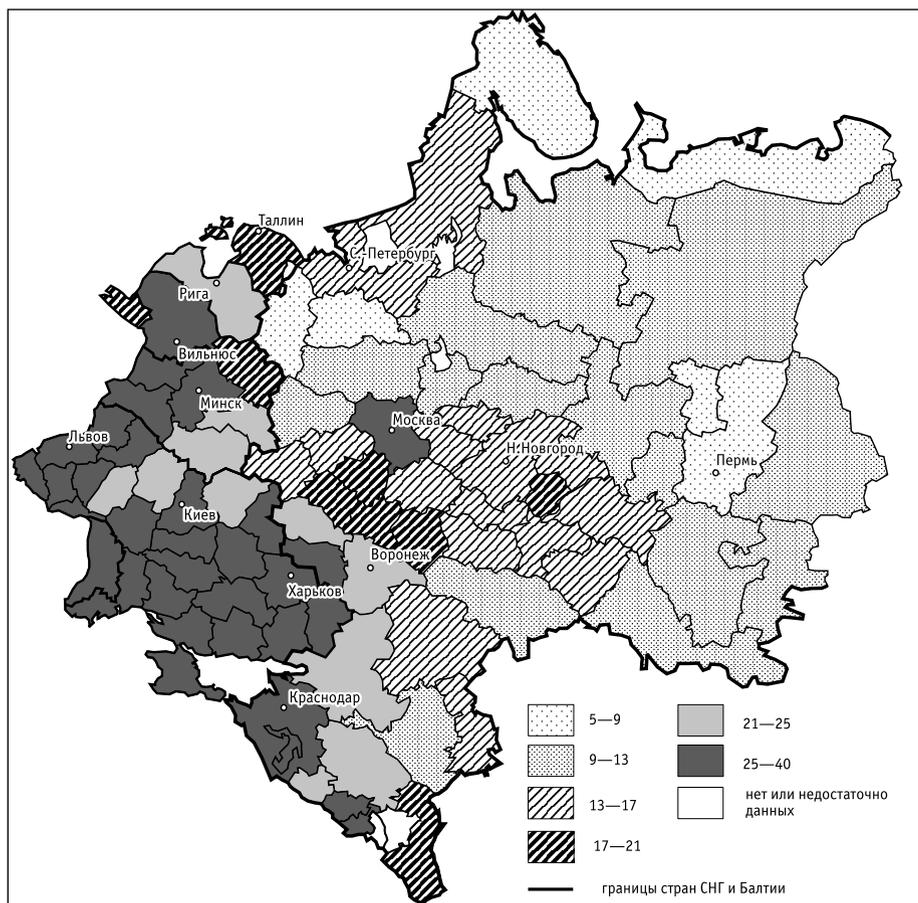
На менее освоенных северных пространствах России контрасты центр—периферия, как правило, очень велики. То же — в засушливых восточных районах Поволжья и Заволжья. К такой схеме организации все быстрее движутся и некоторые области

Рис. 3.5.8. Урожайность зерновых на Европейской территории СССР в 1960 г., ц/га

Центральной России из-за вторичного опустошения сельской местности. Например, расчеты по ряду областей Нечерноземной зоны показали, что если за единицу принять среднеобластные показатели, то в районах вокруг областных центров плотность сельского населения составляет в среднем 2,5, валовая продукция с 1 га сельскохозяйственных угодий — 2,0, урожайность зерновых и надой от одной коровы — 1,5. Для периферийных районов областей эти показатели не превышают 0,6–0,7. То есть продуктивность сельского хозяйства в пригородных районах в 3–4 раза выше, чем на периферии облас-

Рис. 3.5.9. Урожайность зерновых на Европейской территории СССР в 1986–1990 гг., ц/га

тей, часто при тех же природных предпосылках. В Черноземной зоне эти контрасты выражены слабее, чем в Нечерноземье, а вот в Краснодарском крае они практически отсутствуют.

Способностью формировать вокруг себя пригородные районы не только с иной специализацией, но и с иными результатами сельскохозяйственной деятельности обладают далеко не все города. Степень их влияния на окружающую территорию зависит от их размера и географических условий. На Севере практически каждый город имеет отчет-

ливую зону пригородного сельского хозяйства. Однако на уровне административных районов заметный рост продуктивности можно увидеть лишь при наличии центра с населением свыше 50 тыс. человек. В Центральной России один или несколько типично пригородных сельских административных районов формируют лишь большие города (свыше 100 тыс. жит.). Южнее подобной способностью обладают еще более крупные города. В целом же почти все региональные столицы формируют подобные пригородные зоны.

Влияние города на окружающую сельскую местность связано и с его возрастом. Новые города, возникающие в староземледельческом ареале при строительстве крупных предприятий и т. п., сначала не только не формируют пригородов, но и опустошают местность вокруг себя. И только достигнув определенного размера и возраста, они начинают формировать вокруг себя зону повышенной плотности населения и пригородного хозяйства. Примеры таких зон можно увидеть практически в любой области Нечерноземья. На рис. 3.5.5–3.5.7 видно, насколько заметнее результаты сельского хозяйства Ярославской области зависят от положения по отношению к центру и плотности сельского населения, чем от природных предпосылок.

Самое мощное пригородное сельское хозяйство имеет Москва, в чем видна определенная преемственность с ситуацией начала века. Разница только в том, что формирует ее уже не один город-гигант, а агломерация городов на фоне сильного упадка сельской местности Нечерноземья. В Московской области резко повышается плотность трудовых ресурсов и инфраструктуры, в частности автодорог (самая высокая в стране), велика концентрация крупных агропромышленных предприятий, а урожайность зерновых культур в 2–3 раза выше, чем в окружающих областях, даже южных, с лучшими природными условиями (рис. 3.5.9).

В пределах самого Подмосковья также прослеживается центрально-периферийный градиент. Так, плотность сельского населения падает с 65 чел. на кв. км в ближайших к столице районах до 17 чел. в отдаленных, уменьшаются по мере удаления от Москвы размеры хозяйств и продуктивность скота. Перепады между ближайшими к Москве и окраинными районами в выходе продукции на единицу угодий к 1990 году составляли 7–10 раз, а в результате кризиса последнего десятилетия возросли до 10–20 раз, так как при общем сильном падении производства лучше выдержали удары кризиса ближайшие к городу сильные хозяйства⁹.

Теоретически подобное распределение интенсивности сельского хозяйства вытекает из модели Тюнена (Тюнен, 1926). В Европе и Северной Америке начиная с 1960-х гг. в связи с совершенствованием средств транспорта и субурбанизацией центрально-периферийные различия в сельском хозяйстве стали размываться.

Почему же в России этот центрально-периферийный градиент так задержался? Специфические для России условия, определившие подобную пространственную организацию сельского хозяйства, подробно изложены в специальной статье (Иоффе, Нефедова, 2000). Здесь перечислим лишь основные причины. Прежде всего это тип заселения или освоения пространства, характерной чертой которого служит разреженность сети

⁹ См. следующую главу 3.6.

городов, способных оказывать цивилизующее воздействие на свое сельское окружение. Хозяйство развивалось как бы в разреженном социальном пространстве. До 1990 г. на 75% территории зоны сокращалась и суммарная численность населения, т. е. даже рост городов не перекрывал убыли сельского населения (Иоффе, Трейвиш, 1988). В то же время вокруг городов наряду с ростом населения наблюдался и ускоренный экономический рост. В результате центрально-периферийные градиенты плотности населения и продуктивности сельского хозяйства постоянно росли. Подобно тому как распалось единое поле сельского расселения, распалось и единое межгородское экономическое пространство. Все четче выявлялись депрессивные и развивающиеся ареалы, которые развивались по расходящимся траекториям.

Сказывается и общая *запущенность сельской местности*: селяне как бы добирают в городе то, чего они не могут получить на месте. Поэтому сельское население в пригородах стабильно росло. Важно учесть, что речь здесь идет не только о количестве людей, но и о качестве трудовых ресурсов. Ведь из глубинки в города и пригороды уезжали наиболее молодые, трудолюбивые, предприимчивые люди.

В пригородах, конечно, *лучше развита инфраструктура* — сеть дорог, наличие элементарных услуг и т. п. Но *и сама топология транспортной сети* (один, как правило, крупногородской центр в каждой области и расходящиеся от него транспортные лучи) дает неустрашимые преимущества именно пригородным территориям, так как там расстояния между основными магистралями гораздо меньше.

Эти особенности учитывали и власти, которые, с одной стороны, стягивали новые и технологически прогрессивные объекты сельского хозяйства в ближайшие пригороды, т. е. туда, где они давали наибольшую отдачу. С другой стороны, они постоянно поддерживали дотациями периферийные, безнадежно убыточные хозяйства. Все вместе это закрепляло иждивенчество глубинных хозяйств и только усиливало их отставание. Не могла не сказаться и *долговременная монополия городских пищевых предприятий*: один-два завода перехватывали основные потоки сельхозпродукции в областях, стягивая их опять же к центру.

Все это и способствовало тому, *что и сельское население, и инвестиции в сельское хозяйство стягивались поближе к городу*. Тем не менее в России речь идет скорее о квази-тюненовских ландшафтах, нежели о содержательном соответствии оригинальной модели, так как тюненовская модель основана на рыночных условиях. Тем не менее пространственный результат — тот же при сильном отличии исходных факторов. Дело, видимо, в том, что большинство факторов, о которых говорилось выше, находится именно в сфере топологии пространства, специфике его освоения и организации в России, нежели в сфере общей экономической системы (Иоффе, Нефедова, 2000).

Пригородная и периферийная деревня современной России — это разные миры.

В пригородных районах крупные общественные хозяйства кормили и, несмотря на кризис, продолжают кормить города. При более совершенной налоговой и маркетинговой системе они могут оказаться весьма жизнеспособными. Именно здесь сформиро-

вался новый социальный тип наемного работника на селе. У него есть личное подворье и зачастую товарное — со сбытом продукции на городском рынке или дачникам. Стремление заработать деньги постоянно стимулирует город, где их можно с толком потратить. Много селян занято, полностью или сезонно, в иных отраслях, в том числе и в городе, сдают дома внаем и т. п.

В периферийных районах доминируют черты натурального, почти общинного хозяйства, удаленность, отсталость, безденежье. Крайне низка продуктивность коллективных предприятий. Консервативное население глубинки отторгает приезжих и любые покушения на традиционный уклад жизни. Здесь не идут реформы, но происходит как бы прорастание индивидуального сектора сквозь общественный. Сегодня они существуют в тесном симбиозе. По сути средства, направляемые в сельское хозяйство, все равно во многом оседают в личном секторе. Люди часто сами уходят из колхоза и становятся официально безработными, а фактически живут продукцией своего ЛПХ.

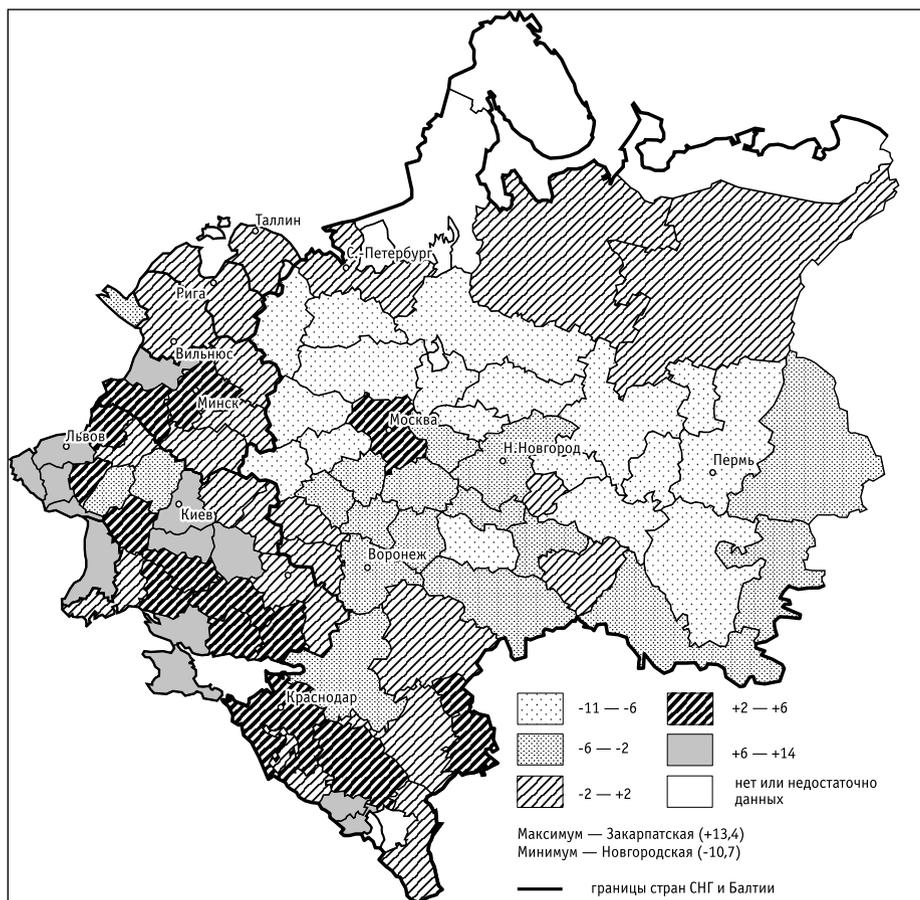
Полупериферия — переходная зона между пригородами и глубинкой. Она также потеряла много сельского населения, но зато активнее подвергается вторичному заселению. В то же время хозяйство здесь не так безнадежно, как на периферии. Сельское общество более открыто переменам. Лучшая доступность центров (в отличие от периферии) и наличие свободных земель (в отличие от пригорода) делают ее особенно привлекательной для фермеров, переселенцев и дачников. Все они, включая и последних, выполняют важную функцию — сохраняют деревню. И в этом — залог экономического возрождения. Беда полупериферии прежде всего в ее слабой инфраструктуре. Дефицит дорог, школ, магазинов сдерживает их развитие.

3. Изменение регионального самочувствия сельской местности. Различия между Севером и Югом Европейской России

Различие реакции северных и южных территорий Европейской России на преобразования деревни в XX в. видны не только при сравнении Архангельской области, скажем, со Ставропольским краем. Их можно показать на примере Нечерноземной и Черноземной зон в целом.

Сельское Нечерноземье (в рамках Центрального, Северо-Западного и Волго-Вятского районов с примыкающей к ним Вологодской областью) — пожалуй, самая контрастная зона. В районировании В. П. оно примерно соответствует центральному и северо-западному водораздельному типу местности. Здесь распаханность варьируется от 5 до 60%, а сельским поселением может быть и умирающая деревенька, где доживают свой век две старушки, и село с несколькими тысячами жителей. Общим местом стали ссылки на капризность природы и связанную с ней рискованность земледелия в этой зоне. Однако карта соотношения фактически полученной к 1990-м гг. урожайности зерновых и потенциальной урожайности на госсортучастках при естественном сочетании тепла и влаги показывает, что в большинстве нечерноземных регионов, кроме пригородных, биоклиматический потенциал даже не достигнут (**рис. 3.5.10**).

Рис. 3.5.10. Разница между фактической и потенциальной (при естественном сочетании тепла и влаги) урожайностью зерновых в ц/га, 1986–1990 гг.

Коллективизация и унификации землепользования особенно трагически отразились именно на этих районах, где сама природа мелкоконтурностью и чересполосицей вызывала особую тягу крестьян к индивидуализации приемов агротехники (Иоффе, 1990).

В 70-х гг. неблагополучие этой зоны было осознано на государственном уровне. По программе «Нечерноземье»¹⁰ объем капиталовложений в сельское хозяйство возрос

¹⁰ О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 г., 1975.

более чем в 5 раз. Урожайности культур и поголовье скота вначале возросли, но, достигнув в 70-х максимума за столетие, начали падать.

Таким образом, главными внешними факторами аграрной эволюции Нечерноземной зоны в XX веке были уменьшающаяся плотность сельского населения, быстро растущая доля городского и большие междугородние расстояния. В общем, *тип освоения пространства и депопуляция деревни оказались решающими при упадке сельской местности этого региона*. Правда, депопуляции можно было противопоставить переход на иные хозяйственные механизмы, способствующие росту индивидуальной производительности труда. Так было в Западных странах, где вслед за бурной урбанизацией рост производительности в сельском хозяйстве начал опережать ее рост в промышленности. У нас же огромные средства «размазывали» по территории, распределяя их по гектарам, независимо от отдачи, а дефицит рабочих рук восполняли мобилизацией на сельхозработы горожан, совсем не заинтересованных в результатах этого труда.

Черноземной зоной можно считать всю лесостепную и степную полосу России, протянувшуюся полосой от Курска и Орла до Уфы. В районировании Семенова-Тян-Шанского она относится в основном к долинно-овражному типу территорий. Пашня здесь составляет 60–70% территории. Исторически этот пояс отличался как от соседнего лесного — более развитого промышленно, так и от более свободного от крепостнических и общинных черт юга. Здесь дольше всего сохранялись помещичьи земли, слабо развивались промышленность и города. Район был не просто аграрным, но консервативным. В начале века это была явно депрессивная часть России. А в конце века — одна из относительно благополучных.

Территория уже к началу века была почти так же распахана, как и сейчас, и при пересеченном рельефе — сильно эродирована¹¹. Тем не менее она была сильно перенаселена. На рубеже веков средняя плотность составляла 48 чел. на кв. версту, что, по оценкам современников, превышало предел емкости для земледельческих областей с экстенсивной системой обработки земли (Россия. Полное географическое..., 1902). В. П. писал об этой территории: *«При оценке долинно-овражного подтипа территории не следует забывать, что это теперь самая хворая экономически и духовно часть России...»* (с. 36).

После революции черноземные крестьяне заметно выиграли от черного передела, сразу увеличив свои наделы за счет помещичьих земель более чем на треть. К 1936 г. тут происходит почти полное объединение крестьян в колхозы, растет товарность и спе-

¹¹ Вот как описывал ее известный немецкий путешественник-географ А. Геттнер: «Почва состоит из плодородного чернозема. Но культура отстала от западных областей. Одностороннее сельское хозяйство, носящее хищнический характер, имело плохие последствия. Поверхностно вспаханная, никогда не удобряемая почва истратила, несмотря на естественное плодородие, запас питательных своих солей. Урожай делается все незначительней, хлеб вырождается. Вся область, которая приспособлена к хлебопашеству, как немногие другие страны, и которую можно сравнить только с лучшими сельскохозяйственными областями Северной Америки, совершенно разорена. Правда, она и теперь вывозит хлеб, но только за счет пропитания местного населения» (Геттнер, 1907). Особенно нищими к XX веку стали районы на стыке Черноземной и Нечерноземной зоны: Орловская, Рязанская, Тамбовская губернии.

циализация производства (например, площадь под техническими культурами увеличилась в 6 раз). Заметно улучшилось техническое обеспечение. Сельское население тоже тянулось в города, уезжало на Север и Восток (ЦЧР долго имел резко отрицательное сальдо миграций), но большая удаленность региона от крупных центров и исходно большая плотность не привели к таким фатальным последствиям, как в Нечерноземье.

Повышенная плотность сельского населения и природный базис обеспечили эффект от вложений в сельское хозяйство. Можно возразить, что при иной экономической системе эффект мог быть и выше. Но очевидно, что *район заметно выиграл от социалистических преобразований на селе, превратившись из одного из самых отсталых в относительно благополучный. И... по-прежнему консервативный.*

Центрально-периферийные градиенты результативности сельского хозяйства здесь выражены слабее. Традиционно линейное сельское расселение по рекам и балкам мешает стягиванию населения, как в Нечерноземье, к городам и дорогам, проходящим в основном по водоразделам. В этой типично переходной зоне между лесным севером с ярко выраженными центрально-периферийными градиентами и прикубанским югом, где они сглажены, степень их проявления зависит, с одной стороны, от того, ближе к северной или южной границе находится конкретный район, а с другой — от размера и возраста города, влияющего на окружающую сельскую местность.

4. Слабое территориальное разделение труда в сельском хозяйстве кажется особенно парадоксальным при российских контрастах природы, разных результатах эволюции хозяйства в регионах и столь сильной дифференциации продуктивности. Тем не менее для России характерен низкий уровень специализации и товарности. Зерновые и в Нечерноземье, и в Черноземье к концу века занимали 40–60% посевных площадей (лишь в Московской области и на севере их доля падала ниже 30%). Максимального распространения к северу зерновые достигли в 1960–1970 гг., затем их посевы начали сдвигаться к югу. Картофель часто заставляли сеять против воли хозяйств — там, где это было убыточно. Это было связано с постоянным дефицитом продовольствия, низкой продуктивностью земель и стремлением региональных властей к самообеспечению¹².

Установки на такое самообеспечение регионов были взяты с первых лет коллективизации, хотя и шли в разрез с научными обоснованиями. Например, в 30-х гг. группа профессоров и студентов Политехнического института на основании пространственно-экономического анализа предложила увеличение производства зерновых в южных производящих районах при сокращении их выращивания в потребляющих районах и ограничение производства зерна в Сибири в рамках собственного потребления (по существу предлагался дореволюционный тип разделения труда в сельском хозяйстве).

¹² Например, в Кировской области доля зерновых (62% посевных площадей) превышала таковую в Воронежской (50%) и даже в Ростовской (58%) областях. Показываемая на сельскохозяйственных картах специализация районов обычно была сильно преувеличена. Например, в льносеющих районах Нечерноземья площади подо льном, до революции составлявшие 10–20% посевной, к 1970 г. уменьшились до 7–9%, а к 1990 — до 4–5%, земли под подсолнечником в районах его специализации также составляли 5–7%.

Тогда эти выводы были подвергнуты резкой критике (Константинов, 1957). В последующие годы экономисты часто возвращались к этой теме. Например, М. Я. Лемешев (1987) предлагал сконцентрировать земледелие на меньшей площади, сократив ее на 30% и уйдя из районов рискованного агропроизводства.

В целом можно констатировать заметное нивелирование агроспециализации во второй половине века по сравнению с его началом. Доля регионов в общероссийских площадях посева отдельных культур к 1990-м гг. соответствовала доле этих регионов в общероссийском сборе, что является индикатором низкого уровня товарности. Лишь вклад равнинных северо-кавказских и центрально-черноземных регионов (30% российского валового сбора зерна) в 1,5 раза превышал их долю в посевных площадях зерновых. К концу XX века страна подошла с неудачными попытками самообеспечения регионов и резким сужением зоны избытков хлеба.

Итак, в течение большей части XX века наблюдалось стремление к унификации организации сельского хозяйства. Это не уничтожило внутреннего разнообразия территории, прежде всего влияния на результаты культурологических факторов. Однако после отделения Прибалтики, Белоруссии, Украины с их более благополучным и продуктивным сельским хозяйством основными для России стали территориально изменчивые условия природной и социальной среды. Жизнеспособное колхозно-совхозное сельское хозяйство сформировалось по сути лишь в южных и пригородных районах. Предлагаемые в начале века широтно-меридиональные сетки сельскохозяйственного районирования к концу века несколько усложнились, влияние локальных факторов на сельскую местность, и прежде всего городов, усилилось. Новые пространственные реалии сказываются и на региональных различиях внедрения рыночных механизмов в конце века — нового пришествия капитализма в российскую деревню, о результатах которого — в следующей главе.

3.6. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО К КОНЦУ XX ВЕКА

Сельское население: феномен роста

Кризис и реформы 1990-х гг. привнесли столь существенные изменения в эволюционные тренды динамики сельского населения, что они требуют специального и подробного рассмотрения. С другой стороны, незавершенность процесса и наличие большого пласта литературы, посвященной этим вопросам, позволяют в этой книге ограничиться лишь констатацией наиболее значимых тенденций.

Как мы уже отмечали в части, посвященной городам, начало 1990-х гг. характеризуется прекращением роста городского населения и сменой знака динамики сельского с отрицательного на положительный (**табл. 3.6.1**). Сначала (в 1991–1992 гг.) ее породили возвраты сельского статуса поселениям, а в 1992–1994 гг. — активные миграции в село. Устойчивое высокое сальдо миграций связано с межрайонными (например, из Магадана в курское село) и международными (туда же из Ташкента) миграциями (Зайончковская, 1997, 1999; Население России, 1999). В среднем около 40% прибывающих в регионы направлялись в село, хотя его доля в населении регионов в 1,5–2 раза ниже, а большинство приезжих — выходцы из городов.

Почему же люди ехали в сельскую местность? Не только же из-за политики миграционных служб! Упрощенно общая ситуация сводилась к тому, что на селе легче с жильем, хотя труднее с работой и заработком. При сильном перепаде цен да еще в стрессовых обстоятельствах фактор пристанища часто перевешивал все другие. Плюс возможность получить землю, иногда кредит на постройку дома. Тем не менее для очень многих приезжающих в села горожан, особенно из бывших республик СССР, это лишь временная остановка на пути в город. Когда к середине 1990-х выяснилось, что и при кризисе заработать легче все же в городе, притом крупном, миграции снова канализовались в города¹.

Поскольку определяющим фактором изменения динамики сельского населения стали межрайонные и международные миграции, есть смысл проследить их региональные вариации. Как и городские, сельские мигранты развернулись с востока на запад. Если в предыдущем десятилетии (1979–1988 гг.) положительный миграционный прирост на селе в Европейской России был только в пригородных Московской и Ленинградской областях, а также на Ставрополье, то уже в 1990 г. число таких регионов достигло 11,

¹ См. об этом подробнее в главе 2.6.

Таблица 3.6.1. Прирост сельского населения и его составляющие (тыс. чел.) в 1959–1998 гг.

Год	Всего прирост/убыль	В том числе		
		естественный прирост	миграционный прирост	административные преобразования
1959	-607,9	1045,4	-1289,2	-364,1
1979	-557,1	121,8	-525,6	-153,3
1989	-207,4	143,7	-272,9	-78,2
1990	-58,0	88,0	-72,6	-73,4
1991	278,6	44,3	57,4	185,9
1992	721,2	-30,2	289,5	461,9
1993	150,9	-184,1	264,0	71,0
1994	64,9	-227,3	272,4	19,8
1995	-112,7	-219,3	96,2	10,4
1996	-146,6	-239,0	34,2	58,8
1997	-132,9	-233,0	56,4	43,7
1998	-194,8	-206,9	44,5	-32,4

Источники: Демографический ежегодник..., 1995; Численность и миграции..., 1997, 1998, 1999.

а к середине 1990-х население в села притягивали почти все регионы Европейской части, кроме северных². Но зона максимальной аттрактивности, как и для городов (см. главу 2.7), находится к югу и юго-западу от Москвы.

Апогеем притока населения стал 1994 г. Тогда в 23 регионах общее сальдо миграций в села даже превышало соответствующее сальдо в города. К 1998 г. таких регионов осталось только 10. Это прежде всего равнинное Предкавказье, а также некоторые республики: Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия. Из других регионов — Оренбургская, Курганская, а также Тамбовская и Ульяновская области (Численность и миграции, 1998).

В 1992 г. произошел еще один важный перелом — вековой устойчивый естественный прирост сельского населения сменился на убыль: смертность стала выше рождаемости. Поначалу миграции в села даже перекрывали естественную убыль, но с 1995 г. сельское население стало вновь сокращаться, как и до 1990-х, только уже по другим причинам (табл. 3.6.1).

Проследить, как сказываются новые реалии на изменении сельского расселения, довольно сложно, так как наиболее полную картину по поселениям дает только перепись населения. Попробуем это сделать косвенно — путем соотношения потерь и притока сельского населения в разных регионах и на разные даты (табл. 3.6.2).

² Особый случай стрессовых миграций из горячих точек Северного Кавказа здесь не рассматривается.

Таблица 3.6.2. Типология регионов Европейской России по соотношению естественного и миграционного прироста на селе в 1990, 1994 и 1998 гг.

Типы регионов	Число регионов			Доля типа в сельском населении Европейской России, в %		
	1990	1994	1998	1990	1994	1998
Регионы, где рождаемость выше смертности, в т. ч.						
Тип 1. С миграционным притоком	4	7	3	12,1	7,9	5,4
Тип 2. С миграционным оттоком	25	2	5	38,9	2,5	2,8
Регионы, где смертность выше рождаемости, в т. ч.						
Тип 3. С миграционным оттоком	20	8	12	26,2	10,2	17,8
Тип 4. С миграционным притоком, не превышающим естественную убыль	5	20	30	13,8	30,7	55,1
Тип 5. С миграционным притоком, превышающим естественную убыль	2	19	6	9,0	48,7	18,9
Итого	56	56	56	100	100	100

Расчитано автором по данным: Народное хозяйство., 1991; Демографический ежегодник, 1995; Численность и миграции населения., 1999.

Общее число регионов с положительным сальдо миграций в деревню увеличилось в Европейской части с 11 в 1990 г. до 46 в 1994 и снизилось к 1998 г. до 39. Тем не менее заметное изменение в сельском расселении можно ожидать в тех случаях, когда эти миграции перекрывают естественную убыль (Тип 5). В 1994 г. таких регионов было 19, и они концентрировали половину сельского населения – это почти вся южная часть Европейской России (Нефедова, 1997, с. 60; Ioffe, Nefedova, 1997, с. 186). Но за четыре последующих года их доля упала более чем вдвое. Из оставшихся к 1998 г. 6 регионов лишь один северо-кавказский – Ставрополье, остальные волжские (Самарская, Саратовская области и Татарстан) и южно-уральские (Челябинская и Оренбургская области).

Таким образом, и в 1990-х гг. в районах наибольшей депопуляции миграционный приток в села не смог перекрыть прогрессирующую убыль населения. Например, в Ярославской области наметившиеся были тенденции роста сельского населения переломились с 1997 г. И прежде эти тенденции обеспечивались не столько за счет притока населения в село, который был меньше естественной убыли, сколько за счет административных преобразований поселков городского типа и маленьких городков в села, что давало преимущества их жителям в получении большего надела земли в собственности. Тем не менее еле заметное кратковременное улучшение демографической ситуации все же произошло. За первую половину 1990-х доля сельского населения старше трудоспособного возраста на периферии уменьшилась на 1–2%, все равно оставаясь на уровне трети и даже более от всех селян (Демографические процессы., 1996). Естест-

венная убыль старого населения все увеличивалась, а динамика сельского населения к концу десятилетия почти вернулась на уровень 1990 г.

Более того, в той же Ярославской области, как и во многих среднерусских областях, уже к 1995 г. почти восстановилась и прежняя картина внутрирегиональных перемещений. Периферийные административные районы активно теряли сельское население, в то время как в пригородном Ярославском до $\frac{1}{5}$ всего миграционного прироста составляли внутренние переселенцы (Демографические процессы..., 1996, с. 175). Но есть и отличия. Если прежде сельское население области стягивали и некоторые другие города (Рыбинск, Ростов), то теперь оно концентрируется вокруг областного центра (не только в Ярославском, но и в соседних административных районах), а также на юге на границе с Московской областью, поскольку Переяславский район стал фактически пригородной дачной местностью Москвы³.

Таким образом, описанная в главе 3.2 картина концентрации населения и размыва среднего звена поселений, особенно характерная для мелкоселенных районов, так и не смогла измениться за 1990-е гг. К сожалению, нет данных для анализа изменения размеров поселений внутри регионов в 1990-х гг. Но сравнение внутриобластной поселенческой структуры Ярославской области за 1996 и 1959 гг. показывает, что и в самом конце века мы видим все ту же картину, что сложилась к 1980-м гг. Более того, распад сети на полюсные крупные и мелкие поселения и очень высокая доля последних наблюдаются как вблизи крупных городов, так и на периферии области, что иллюстрирует **табл. 3.6.3**. Даже в пригородном и полупригородных административных районах вдоль транспортных магистралей Москва—Ярославль—Рыбинск и Ярославль—Кострома 68% составляет доля поселений, в которых живет менее 25 человек, а почти половину — поселения, где менее 10 жителей. Число таких поселений увеличилось по сравнению

Таблица 3.6.3. Доля сельских поселений разного размера в их общем числе в пригородных и периферийных районах Ярославской области в 1959 и 1996 гг., в %

Размер поселений, чел.	Пригородные и примагистральные районы		Периферийные районы	
	1959	1996	1959	1996
Менее 10	10	45	11	46
10–25	14	23	20	26
25–50	23	13	30	15
50–100	29	7	27	6
100–200	17	4	10	4
Более 200	7	8	2	3

Расчитано автором по: Демографические процессы..., 1996, с. 50–51.

³ См. главу 4.2 о пригородах.

с 1959 г. в три раза, в то время как поселения среднего размера (25–100 человек) уменьшились за 1959–1996 гг. с 4,7 до 1 тыс.

Конечно, в пригородах доля крупных поселений чуть больше, и они концентрируют гораздо большую долю сельского населения. Но главное различие между пригородными и периферийными районами не в этом. Сохранение в пригородах столь большого числа мелких поселений с отмирающими сельскохозяйственными функциями в 1990-х гг. стало следствием не столько деградации, сколько устойчивости сельской местности, так как она сохраняется и используется горожанами, как местными, так и москвичами, давно уже скупившими сельские дома в транспортно доступных местах⁴. Иное дело — сельская глубинка, где доля дачников невелика. Там половина поселений с двумя-тремя семьями — это реальная деградация огромных пространств сельской России.

Хватает ли рабочих рук на селе?

При характеристике российской деревни в XX в., в том числе и в самом его конце, большое внимание уделяется сельскому хозяйству. Отчасти это оправдано тем, что даже в такой урбанизированной стране, какой стала Россия, ее село, в отличие от многих развитых стран, все еще остается сельскохозяйственным.

Официально в сельской местности США живет 26% населения — ровно столько, сколько и в России. Однако из них сельским хозяйством занимаются очень небольшая доля — только 7% селян (Residents..., 1993). Остальные заняты в «городских» отраслях, в основном в сервисе. Личное сельское хозяйство американские сельские жители практически не ведут. Так что сельская местность и сельское хозяйство в Америке отнюдь не одно и то же. Там при росте сельского населения в последние десятилетия количество фермеров постоянно снижалось. В России же наблюдалось почти параллельное сокращение сельского населения и занятых в сельском хозяйстве. В отличие от Запада, понятия сельской местности и сельского хозяйства у нас во многом идентичны. На предприятиях агросектора числится более половины занятых в сельской местности и 22% сельского населения, т. е. в три раза больше, чем в Америке (рассчитано по: Россия в цифрах, 2000). Плюс к этому около 10% трудоспособных сельских жителей официально заняты в своем приусадебном хозяйстве. Сельские пенсионеры тоже работают на личном подворье, и вообще крестьянским трудом занимается большинство жителей села. Выше всего эта доля в аграрных районах — Черноземье, Поволжье, на Северном Кавказе. Региональные различия велики и в Америке. На Среднем Западе, главной традиционной житнице страны, в сельском хозяйстве занято 13% сельского населения. А на Северо-Востоке — не больше 2% (Residents..., 1993).

Итак, сельская Россия конца века — это все еще крестьянский мир, сельская Америка — давно уже нет. Дело не в том, сколько людей занимается сельским хозяйством, дело в том, как они это делают. По американской статистике, 40% занятых в агропроизводстве — собственники, трудящиеся на своих фермах (там же). Остальные — рабочие

⁴ См. главу 4.2.

и члены фермерских семей. Нетрудно подсчитать, что в среднем на 1 ферму приходится полтора наемного работника. Не густо, если учесть средний размер ферм. В среднем 2–3 человека управляют там на 160 гектарах. В России на такой площади обычно занято несколько десятков человек. Да и производительность труда несопоставима. Если, например, американский фермер кормит 74 жителя США и 27 иностранцев, то наш крестьянин и в докризисных 80-х кормил от силы 8–15 россиян.

Таким образом, дело не в числе селян, которых в нашем селе больше, чем в развитых западных странах, а в производительности их труда, которая зависит от множества факторов: экономических, демографических, социальных. Даже приток населения в сельскую местность в 1990-х не изменил ситуацию кардинально. Ведь если на периферии нечерноземных областей доля населения старше трудоспособного возраста в сельской местности составляла в середине 90-х гг. 33–40% (Демографические процессы..., 1996), а само это население рассредоточено по поселкам менее 25 человек, то очевидно, что такая сельская местность не может служить базой для крупных товарных коллективных предприятий. Да и сам труд в сельскохозяйственных предприятиях в позднесоветское время стал самым непрестижным и самым непопулярным, даже при немалом росте зарплат, которые к 1990 г. достигли 95% среднероссийского уровня (Труд и занятость..., 1996, с. 97). Что же говорить о последующих годах, когда зарплата в сельском хозяйстве вновь упала до 50% среднероссийской!

Тем не менее, положительное сальдо миграций не могло не сказаться на занятости в агросекторе. Число работников сельскохозяйственных предприятий поначалу постепенно увеличивалось, максимально в 1992 г. — на 3,7% и в 1994 г. — на 1,7% (рассчитано по: Труд и занятость, 1996; Россия в цифрах, 2000). Частично этот прирост обеспечивали и бурно растущие в первой половине десятилетия фермерские хозяйства, но росла занятость и в колхозах (или их новых формах ТОО, АО и т. п.). Однако после спада волны максимальных миграций, начиная уже с 1995 г., занятость в агросекторе вновь начинает падать. К 2000 г. на сельскохозяйственных предприятиях было занято 89% от числа работников 1990 года. Здесь, конечно, сказались и описанные выше демографические процессы, прежде всего естественная убыль стареющего сельского населения, которую не смогли перекрыть внешние миграции в села. Но, кроме того, весьма характерен уход людей из коллективных хозяйств на свое подворье и превращение его в товарной без оформления юридического лица — т. е. *теневого фермеризация*, о сути которой будет подробнее рассказано в этой главе. Частное теневое предпринимательство в сельской местности получило гораздо более широкое развитие, чем даже в городской (см. главу 2.7), поскольку опиралось на главный вечный ресурс — землю, и во многих районах с полностью деградировавшими коллективными предприятиями стало единственным возможным способом выживания.

С этим отчасти связан и такой новый российский феномен, как сельская безработица. В некоторых областях Нечерноземья она достигает 15%, как и во многих автономиях. Однако вычленить собственно сельскую безработицу можно только в периферийных районах, удаленных от городских мест приложения труда. Именно там она особенно высока. Тем не менее это феномен во многом парадоксальный, поскольку безработные

часто специально уходят из колхозов и живут на доходы от своего товарного личного хозяйства, которые могут превышать и пособие по безработице, и былой заработок.

Аграрные реформы 90-х годов

Что же привнесли кризис и реформы конца XX века в сельскую местность?

Кризис сельского хозяйства нельзя трактовать только как часть общего экономического кризиса страны 1990-х гг. Это итог эволюции колхозно-совхозного сельского хозяйства с низкой производительностью коллективных хозяйств и привычкой к государственному протекционизму. В России нынешнему обвалу сельского хозяйства предшествовали замедление роста, стагнация, переходящая в 1980-х гг. кое-где в спад производства, нараставшее отставание продуктивности земель и скота от Запада, огромные структурные диспропорции. Таким образом, реформы начались на фоне разрастающегося внутреннего кризиса сельского хозяйства, который был резко усилен разрушением сложившейся системы сбыта и поставок продукции, либерализацией цен и уменьшением финансовой поддержки в большинстве своем убыточных предприятий.

В 1996–1998 гг. в России насчитывалось около 20% рентабельных коллективных хозяйств (Сельское хозяйство в России, 2000, с. 116). Большинство их — либо в южных зонах, либо в пригородах. Еще четверть бывших колхозов и совхозов в 1999–2000 гг. при улучшении экономической ситуации вышли из категории убыточных. А что делать с оставшейся половиной практически недееспособных хозяйств, не знает никто. Большая их часть находится в глубинке. Они практически перестали быть товарными производителями, но ведь за ними — люди, которым при неразвитости других сфер приложения труда в сельской местности негде работать и некуда ехать.

За 1991–1998 гг. объем сельскохозяйственной продукции сократился на треть, при этом коллективные хозяйства уменьшили производство более чем вдвое. Особенно пострадало техническое обеспечение. поголовье крупного рогатого скота упало в два раза, уменьшилась и его продуктивность.

Реорганизация колхозов и совхозов в 1992–1993 гг. превратила их в товарищества и ассоциации, но при тех же людях, тех же начальниках, методах функционирования и финансирования. Тем не менее появилась возможность выхода из бывшего колхоза со своим, хотя и очень небольшим, наделом земли. Только к концу века общество вернулось к прежним целям Столыпинской реформы — разрушению общины и стимулированию товарного крестьянского хозяйства. Однако случаев дробления коллективных хозяйств не так много. Да и надежды на фермеров не оправдались.

Возвращение к истокам?

Число фермеров начало бурно расти в начале 90-х гг., однако в середине десятилетия произошел перелом, и в последние годы их становится меньше и меньше. К 2000 г. их тем не менее осталось 261 тысяча. Занимают они около 6% сельскохозяйственных земель (Сельское хозяйство в России, 2000, с. 88). Средний размер участка в Европейской России составляет 10–20 га. Процесс активного формирования новых фермерских хозяйств приостановился в связи с тем, что 10–15% крестьян, которые, согласно опросам, хотели стать фермерами, к середине 1990-х вышли из колхозов и совхозов (Серова, 1999, с. 407). Уменьшился к этому времени и миграционный приток в села, а следовательно стало меньше переселенцев и беженцев, в том числе горожан, пробующих себя в целях выживания в фермерском труде. Кроме того, активная поддержка фермеров прекратилась, они были поставлены в те же условия, что и остальные сельскохозяйственные производители. В результате мелкие фермерские хозяйства оказались неконкурентноспособными по сравнению с крупными коллективными хозяйствами, но не в силу низкой эффективности (производительность у фермеров выше), а в смысле доступа к рыночной инфраструктуре.

Спонтанное преобразование сельского хозяйства России пошло по пути роста не фермерских, а личных подсобных крестьянских хозяйств, при этом большинство крестьян продолжают работать в коллективных хозяйствах. При возможности во многих регионах использовать для личного хозяйства до 1–2 га вовсе не нужно забирать из колхоза весь свой пай в частную собственность. Некоторые увольняются, оставаясь пайщиками коллективного хозяйства, и живут, подрабатывая продукцией, получаемой на своем небольшом участке земли. Более того, указ Президента 1996 г. «О конституционных правах граждан на землю», разрешающий крестьянам при выходе из коллективного хозяйства изъять свой участок земли в соответствии с размером пая, позволил расширить личное хозяйство до 5–7 га, не оформляя юридически новую хозяйственную единицу — фермера, облагаемого множеством налогов.

В результате к XXI веку Россия вновь подошла с большой долей натурального и мелкотоварного сельского хозяйства. По официальной статистике доля хозяйств населения к 2000 г. составляла 60% всей агропродукции, фермеры давали только 2% и коллективные предприятия — 38% (Россия в цифрах, 2000, с. 198). Доля земель населения, включая и дачно-садоводческие участки горожан, увеличилась до 10%. Т. е. по формальным статистическим показателям доля земель в собственности крестьян после реформ конца века вновь стала приближаться к показателям начала века (напомним, что после Столыпинских реформ в собственности крестьян было 8% земель, в личном владении вне наделных земель — 10% (табл. 3.5.2)). Однако официальные данные о личном землевладении в течении всего XX в. были явно занижены. Если учесть пашню, пастбища и луга, выделенные дополнительно ЛПХ, а также корма и зерно, полученные в виде натуральной оплаты, и аренду земельных долей, то общая площадь, используемая ЛПХ в 1990 г., составляла 16%, а в 1998 — 32% сельхозугодий (Пошкус, 1999).

Очевидно, что подобный переход на мелкотоварное и полунатуральное хозяйство для страны, где $\frac{3}{4}$ населения проживает в городах, а 36% — в крупных городах, — явление кризисное и временное. Основными поставщиками сельскохозяйственной продукции в города были и останутся коллективные хозяйства.

Большинство российских крестьян держится за бывшие колхозы, так как их личное хозяйство может существовать только в тесном симбиозе с коллективным. Столь высокая доля личного подсобного хозяйства, доходящая в некоторых периферийных районах до 80% общего производства, невозможна без скрытого подключения средств разваливающихся колхозов. Колхозы выполняют роль общины и даже помещика начала века, поддерживая, особенно в глубинке, население техникой, кормами, удобрениями, дешевыми продуктами. Да и продукция населения часто сдается через колхозы. Взаимное воровство (колхозы месяцами не платят крестьянам, а те несут домой все, что плохо лежит) тоже стало законом реальной жизни.

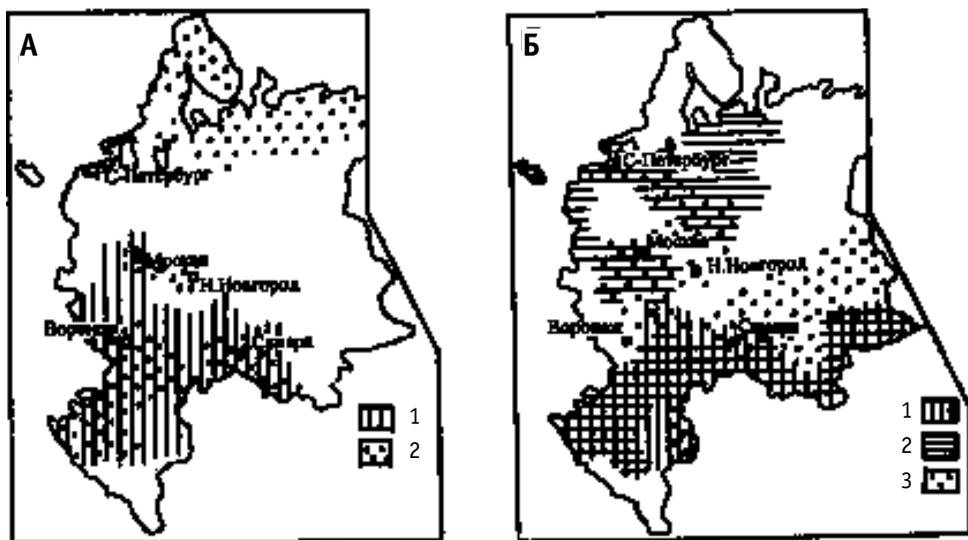
Таким образом, общинная психология, усиленная колхозно-совхозной уравниловкой, оказалась очень стойкой и влияла на развитие сельского хозяйства России в течение всего века. Очередная попытка ее разрушения на исходе века не сформировала частно-капиталистической фермерской психологии, а привела к расширению полунатурального и мелкотоварного крестьянского хозяйства, усилив аграрный характер менталитета не только сельского, но и городского населения.

В проникновении рыночных механизмов в село можно выделить территориальные закономерности. На **рис. 3.6.1** сделана попытка сопоставить некоторые индикаторы рыночного капиталистического развития сельского хозяйства в 1913 и 1994 гг. Для 1913 г. использовались показатели выхода на отруба и хутора из общины, уровень производительности труда и доходности в сельском хозяйстве. Найти аналогичные индикаторы для конца века трудно. Их заменили показатели соотношения фермерского и личного подсобного хозяйства населения, степени преобразования колхозов и совхозов и производительности труда одного занятого в сельском хозяйстве. Ввиду дефектности каждого из показателей о ростках капитализма судилось по их сочетанию. Карты начала и конца века во многом похожи: выделяются Северный Кавказ и Нижнее Поволжье, лидирующие по числу фермеров, а также пригороды Москвы и Петербурга, только диффузия нововведений в середине 1990-х гг. несколько шире.

Таким образом, только в конце XX в. после длительного вынужденного перерыва страна вернулась к аграрным преобразованиям начала века, причем масштаб «Ельцинских» реформ значительно уступает замаху и промежуточным результатам реформы «Сталыпинской».

Выживут ли коллективные предприятия?

Рис. 3.6.1. Отдельные индикаторы развития капитализма в сельском хозяйстве России в начале (А) и в конце (Б) века

А: 1 — территории, где более 20% домохозяйств взяли землю в собственность (от общего числа владеющих землей на общинной основе), 2 — территории с повышенной выработкой одного занятого и доходностью хозяйств.

Б: 1 — области, где доля земель, занятая фермерами превышает долю земель в личных хозяйствах населения; 2 — области, где более 70% колхозов и совхозов преобразовано в новые формы (АО, ТОО и до) или распались; 3 — области с повышенной выработкой продукции на одного занятого в сельском хозяйстве.

Выживут ли коллективные предприятия?

Уделим немного места судьбе российских колхозов и совхозов, ведь они являлись одним из символов XX столетия. Чтобы понять, что с ними происходит на рубеже веков, попробуем их показать, как бы поднимаясь по масштабной лесенке от предприятия к району, области и до страны в целом.

Ситуация в любом глубинном Нечерноземном районе кажется удручающей. Например, в Касимовском районе, расположенном на севере Рязанской области, из 23 коллективных предприятий только одно имело в 1999 г. урожайность зерновых выше 14 ц/га и лишь у восьми хозяйств надои молока от одной коровы получились хотя бы на среднероссийском уровне — около двух тонн в год. Половина хозяйств находится на стадии полного упадка, скот практически вырезан, люди не получают зарплату годами. Значительная часть земель заброшена, поля зарастают лесом.

В наилучшем положении оказываются те, кто смог превысить средние по району показатели и выбиться в лидеры главным образом благодаря удачному управлению и большим оборотам — это 5–6 хозяйств, которые производят здесь больше половины молока и около 80% картофеля. *По сути все общественное производство вытягивают единичные хозяйства-лидеры.*

Таким образом, возникший в 1990-х гг. «дикий рынок» выявил *переизбыток обрабатываемых сельскохозяйственных земель и коллективных сельхозпредприятий*, особенно на периферии областей при малой плотности населения и неразвитой инфраструктуре. Это, правда, не вяжется с долго существовавшим дефицитом продуктов. Но дефицит этот был связан с плановой системой распределения продовольствия, большими потерями продукции, достигавшими 40%, и низкой производительностью труда и земли. Произошедшая сегрегация показала, что *около четверти периферийных хозяйств, вписавшихся в новые условия, вполне способны обеспечить продовольствием население своих регионов, но не крупнейших городов.*

У слабых хозяйств есть разные перспективы. Они могут: а) быть присоединены к сильным, поскольку тем не хватает земель; б) быть приобретены переработчиками, хотя последние предпочитают иметь дело с сильными предприятиями; в) сдавать свои земли в аренду или продавать их в тех регионах, где на землю есть спрос; г) разделиться на мелкие и индивидуальные хозяйства; д) резко уменьшить или вообще прекратить обработку земель, создать кооперативы по заготовке сена, сбору грибов, ягод (особенно подходит для лесной глубинки). Кризис 1990-х по сути привел в соответствие возможности хозяйств по обработке земель и содержанию скота с их реальной деятельностью. Главное, не надо искусственно подталкивать хозяйства к распахке площади, большей, чем та, на которой они способны обеспечить приличную продуктивность, и требовать от них содержания поголовья скота большего, чем они способны достойно прокормить, — т. е. *не поддерживать дотациями нерациональную специализацию предприятий, как это делалось долгие годы при социализме.*

Поднимемся на ступеньку выше, перейдя на другой масштаб исследования, и посмотрим, есть ли объективные факторы, влияющие на выживание предприятий и не зависящие от личностных особенностей председателей и директоров?

Если сравнить общий объем потребления продуктов населением и собственное производство, то окажется, что сельское хозяйство большинства регионов России даже после сильного падения производства способно обеспечить свое население (но не население крупных городов) молоком, яйцами, картошкой и даже вывозить их (Нефедова, 2000, б). Где же эти предприятия, на которых все держится?

В той же Рязанской области, о которой только что говорилось, четверть административных районов-лидеров производят половину мяса, молока и картошки, более 90% яиц и овощей, т. е. концентрация производства довольно велика. Это административные районы двух типов: пригородные вокруг областного центра Рязани и южные, причем первые чувствуют себя даже лучше, несмотря на то, что уступают южным по плодо-

родию почв. Если сравнить урожайность зерновых культур двух лучших районов Рязанской области, расположенных рядом с областным центром, и двух худших на восточной периферии, то разница достигнет 2,5 раз, то же — по надоям молока от одной коровы. Перепады в валовой продукции на единицу угодий достигают 11 раз. При этом по сравнению с 1980-ми гг. эта разница только возросла.

Иными словами, и на уровне районов наблюдается то же, что видно было при анализе предприятий: производство, как и в прежние десятилетия, только гораздо активной, стягивается в наиболее жизнеспособные ареалы. Жизнеспособность имеет на региональном уровне вполне объективные причины и связана либо с наиболее благоприятными природными предпосылками, либо с влиянием городов. Кризис лучше выдержали хозяйства, расположенные ближе к областному центру. Это говорит о том, что *центрально-периферийный градиент сельскохозяйственного производства, характерный почти для всех регионов России, но особенно заметный в ее Нечерноземной части, в годы кризиса и реформ только усилился.*

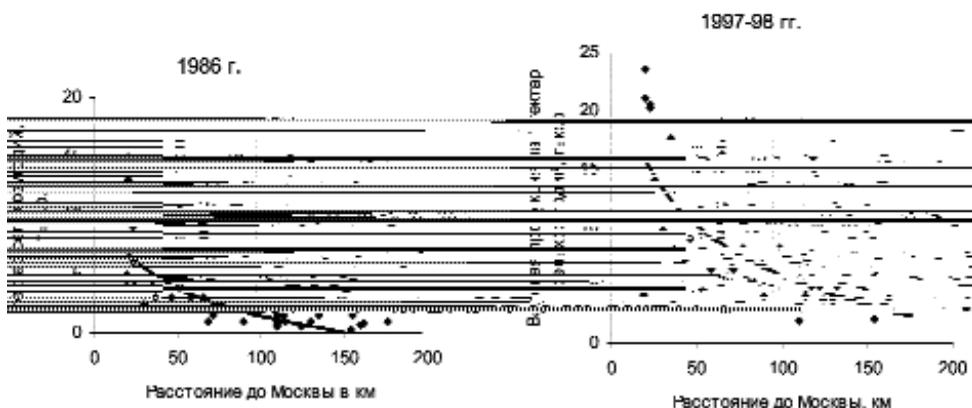
Это усиление заметно и в пригородном сельском хозяйстве Подмосковья. Конечно, Москва опирается на сельское хозяйство всей России, а не только Подмосковья. Прежде Россия могла обеспечить своими силами потребности Москвы лишь на треть, вторую треть давали союзные республики, остальное — импорт. Во второй половине 90-х гг. Москва зависела от импорта на те же две трети. Сельское хозяйство Московской области способно обеспечить свое население и население Москвы картофелем на две трети, овощами — на треть, молоком — на 20%, мясом — на 7% (Нефедова 2000, б). В Московской области в конце 90-х гг. максимальная отдача сельскохозяйственных земель была характерна для ближайших к Москве районов, а самые низкие значения для крайних запада и востока области. Перепады между ближайшими к Москве и окраинными районами в выходе валовой продукции сельского хозяйства на единицу угодий за 1990-е гг. возросли с 10 до 20 раз и даже больше, чем в Рязанской области (Иоффе, Нефедова, 2000).

Это видно на графиках распределения удельного выхода валовой продукции по мере удаления от Москвы (**рис. 3.6.2**). Примерно так же, только с меньшим наклоном кривой, выглядит и урожайность зерновых. Таким образом, и здесь происходит концентрация производства в ближайших к столице районах с наиболее сильными предприятиями.

Пригородные подмосковные предприятия на общероссийском фоне и на фоне кризиса 1990-х гг. выглядят относительно благополучными. Например, в подавляющем большинстве хозяйств области надои молока от одной коровы больше среднероссийских показателей, а во многих превышают 4 тонны в год. При этом коллективные монстры не только не желают делиться на более мелкие, но *существует явная тенденция к дальнейшему укрупнению — предприятиям явно не хватает земли.* Проблемы усиливаются изъятием сельскохозяйственных земель администрациями районов и наступлением городов.

В целом в Московской области, в отличие от глубинки, примерно две трети хозяйств адаптировались к новым условиям. Что касается тех предприятий, которые оказались

Рис. 3.6.2. Аппроксимирующая кривая выхода валовой продукции сельского хозяйства на единицу угодий Московской области в 1997–98 гг.

«за бортом», то они будут либо проглочены своими удачливыми соседями, либо вытеснены не без помощи администраций дачниками и «новыми русскими», активно застраивающими коттеджами окраины полей.

Еще одна ступенька вверх позволяет увидеть межрегиональные географические сдвиги в Европейской России в 1990-х гг., прежде всего по основным рассматриваемым в предыдущей главе осям: север — юг и запад — восток.

Растениеводство оказалось более мобильным в условиях кризиса, причем меньше пострадали северные — менее плодородные, не специализированные нетоварные регионы, т. е. те регионы, где был возможен быстрый переход к полунатуральному и мелкотоварному хозяйству. Отсюда — резкое «проседание» производства юга России (табл. 3.6.4). И их товарное хозяйство, лишившись госзаказа, поначалу пострадало сильнее. Но юго-запад страны от Белгородчины до Кубани и Ставрополья — это полнокровное, благоустроенное село, густая сеть дорог и относительно высокие (по российским меркам) урожаи. Их подъем несколько задерживается по сравнению с Нечерноземьем, но уже к рубежу веков его признаки заметны, и он будет гораздо более бурным и значительным при создании благоприятных условий.

Отмеченный в середине века сдвиг сельскохозяйственного производства на восток, затормозившийся и даже повернувшийся было назад к 1990-м гг. (см. главу 4.1), вновь четко обозначился в последнее десятилетие. Из-за кризиса упала роль не только северо-кавказских, но и центральных регионов (таблица 3.6.4). Та же тенденция прослеживается и в пищевой промышленности, только здесь заметно и увеличение роли Москвы и С.-Петербурга. В торговле именно Москва совершила резкий скачок, сконцентрировав

Выживут ли коллективные предприятия?

Таблица 3.6.4. Доля крупных экономических районов, Москвы и С.-Петербурга в численности населения и АПК России, в %

	Доля в населении		Доля в с/х продукции		Доля в продукции пищевой промышленности	
	1990	1998	1990	1997	1990	1997
Россия	100	100	100	100	100	100
Север	4,1	3,9	2,9	2,9	4,5	3,1
Северо-Запад с Калинингр. обл.	6,2	6,1	4,1	3,5	6,1	7,4
С.-Петербург	3,4	3,2			2,8	4,7
Центральный р-н	17,0	20,2	15,7	14,5	17,5	20,6
Москва	6,1	5,9			6,3	9,8
Волго-Вятский р-н	5,7	5,7	6,8	6,3	4,3	4,5
ЦЧР	5,2	5,3	7,7	8,0	6,6	5,6
Поволжье	11,2	11,5	13,5	14,3	9,9	9,6
Северный Кавказ	11,5	12,0	15,0	12,4	13,6	7,6
Урал	13,9	13,7	13,3	15,3	9,6	10,8
Западная Сибирь	10,2	10,3	10,5	11,3	7,0	7,7
Восточная Сибирь	6,2	6,2	5,8	7,2	3,7	4,0
Дальний Восток	5,4	5,0	4,8	4,2	9,8	7,2

Источники: *Народное хозяйство РСФСР, 1991; Сельское хозяйство в России, 1998; Социально-экономическое положение России, 1999.*

в 1998 г. более трети розничного торгового оборота пищевыми товарами взамен четверти в 1990 г.

Подобные «сдвиги» прослеживаются и в производстве отдельных продуктов. Например, доля Северного Кавказа в производстве мяса с 1990 по 1999 г. уменьшилась с 15,6 до 13,2%, яиц — с 11,9 до 9,7%, а доля Урала и Сибири возросла, например, по производству мяса соответственно с 13,3 до 16,3% и с 17,7 до 19,1%. Т. е. Европейская Россия, особенно ее западные части, заметно сдала свои позиции.

В 1990-х гг. выявляются два явных направления межрегиональных сдвигов АПК:

1 — уменьшение роли традиционных для сельского хозяйства факторов биоклиматического потенциала и сельских трудовых ресурсов и концентрация пищевой индустрии и даже сельхозпроизводства в крупногородских регионах;

2 — увеличение роли уральских и сибирских регионов в сельскохозяйственном производстве, переработке и торговле продуктами. Последнее отчасти связано с резким увеличением стоимости транспортных услуг и их доли в конечной цене продукта.

Увеличение роли десяти самых урбанизированных регионов хорошо видно в **табл. 3.6.5. А** в первой двадцатке (которая, естественно, включает и упомянутую выше десятку) этого уже нет. Т. е. «подтягивают» к себе сельскохозяйственное производство только самые мощные городские агломерации.

Региональные подвижки, в том числе и сдвиг на восток, можно проследить и по смене лидеров сельскохозяйственного производства (**табл. 3.6.6**). Устойчивое положение в ранжировке занимают только два региона: Краснодарский край — 1-е место в 1980, 1990 и 1997 гг., Ставрополье — 5-е место. При этом их доля в общем производстве до 1999 г. падала. Но на Кубани она была столь высока, что, несмотря на падение ее доли с 6,2 до 4,4%, лидерство сохранено. Но зато есть регионы, которые увеличили свой относительный вклад в «закрома Родины». Это регионы раннего старта, т. е. те, которые начали концентрировать производство уже к 1990 г. Прежде всего, Московская, Свердловская, Самарская, Нижегородская области — т. е. все урбанизированные регионы с мощными городами. Часть из них продолжали концентрировать производство и в 1990-х гг., а Московская и Нижегородская области несколько сдали. Вторая группа — регионы позднего старта — т. е. те, что лучше адаптировались уже к кризису 90-х гг. Это, прежде всего, Татарстан и Башкортостан (которые пытаются избежать реформ) и некоторые восточные агрорегионы (Красноярский край, Иркутская, Челябинская области).

Концентрация агропроизводства, которая в 1991 г. заметно уменьшилась по сравнению с 1980, к 1997 г. вновь возросла. 20 регионов-лидеров производили 52% продукции, а первая десятка — почти треть.

Таблица 3.6.5. Доля в агропродукции России регионов с наиболее благоприятными природными условиями, наиболее урбанизированных и с самой высокой плотностью сельского населения, в %.

	1980	1991	1997
10 регионов с наилучшим природным потенциалом	19,4	17,8	15,7
10 регионов с наивысшей плотностью городского населения	12,6	15,4	15,7
10 регионов с наивысшей плотностью сельского населения	17,2	16,7	13,4
20 регионов с наилучшим природным потенциалом	33,0	30,5	27,8
20 регионов с наивысшей плотностью городского населения	37,7	33,8	33,1
20 регионов с наивысшей плотностью сельского населения	31,4	31,4	30,6

Таблица 3.6.6. Лидеры сельскохозяйственного производства в 1980, 1990 и 1997 гг.

Регионы	Место в ранжировке			Доля в агропродукции России, в %		
	1997	1991	1980	1997	1991	1980
Краснодарский край	1	1	1	4,1	4,92	6,16
Респ. Башкортостан	2	4	3	4,0	3,04	3,75
Респ. Татарстан	3	7	6	4,02	2,69	2,95
Московская обл.	4	3	8	3,00	3,31	2,80
Ставропольский кр.	5	5	5	2,79	2,96	3,27
Ростовская обл.	6	2	2	2,71	3,46	4,21
Красноярский край	7	16	12	2,69	1,96	2,52
Саратовская обл.	8	8	9	2,53	2,42	2,64
Свердловская обл.	9	14	20	2,42	2,00	1,76
Алтайский край	10	6	4	2,36	2,77	3,56
Волгоградская обл.	11	9	13	2,33	2,38	2,47
Новосибирская обл.	12	12	10	2,26	2,08	2,63
Воронежская обл.	13	13	7	2,24	2,08	2,81
Омская обл.	14	22	11	2,23	1,65	2,60
Челябинская обл.	15	18	16	2,22	1,82	2,06
Самарская обл.	16	15	18	2,21	2,00	1,90
Оренбургская обл.	17	10	14	2,09	2,31	2,41
Иркутская обл.	18	33	37	2,07	1,38	1,21
Пермская обл.	19	19	26	1,84	1,69	1,48
Нижегородская обл.	20	11	17	1,83	2,23	1,93
Доля 10 лидеров				31,0	30,2	34,8
Доля 20 лидеров				52,3	49,7	56,5

В целом, произошедшая в годы кризиса поляризация хозяйств и регионов и концентрация производства в наиболее сильных при сохранении средних и бедствовании слабых говорят о том, что в коллективном сельскохозяйственном секторе есть полюса роста, на которые может опираться производство продовольствия в России. Становится все очевиднее, что Россия обречена сочетать разные формы ведения сельского хозяйства: коллективные хозяйства, фермерские, хозяйства населения.

Агропромышленная интеграция сверху и снизу

Одновременно на рубеже XX и XXI веков стала возрождаться вертикальная кооперация, о которой в начале века писал А. В. Чаянов. Теперь она иная и осуществляется двумя путями — сверху и снизу. Кооперация сверху, или новый тип агропромышленного комплекса (АПК), по существу идет от пищевой промышленности. Имея постоянный спрос и расплату живыми деньгами, она в годы кризиса занимала второе место по привлечению инвестиций, в том числе и иностранных, после топливного сектора. Но возрождение пищевой промышленности, будь то мощные комбинаты в крупных городах или отдельные цеха, возникающие на руинах провинциальных заводов, требует сырьевой базы. А в сельском хозяйстве производство так сильно упало, что спрос пищевиков уже упирается в дефицит сырья. Тогда они либо приобретают агропредприятия в собственность, налаживая на них производство по более продуктивным технологиям, либо инвестируют в сильные и устойчивые коллективные хозяйства, способные выдержать их требования, усиливая тем самым сегрегацию сельскохозяйственных предприятий (Нефедова, 2000 а).

Есть и другие модели агропромышленной «связки». Это создание агрофирм предприятиями, далекими от сельского хозяйства. Но это уже не бывшие агроцеха, где ученые и инженеры сажали картошку. Сегодня речь идет о промышленных конгломератах, обросших побочными производствами, включая мясомолочные, масложировые, а то и вино-водочные. Отсюда потребность в сырьевой базе, обзавестись которой нетрудно, когда кругом хватает бедствующих коллективных хозяйств.

Другой путь вертикальной интеграции «снизу» — это зачатки кооперации населения между собой и с фермерами. У последних есть предпринимательская хватка, порой свои перерабатывающие линии, но маловато земли, а значит сырья — молока, мяса и т. п. Вот это сырье они и находят у населения, которому трудно самому сбывать свою продукцию. Очевидно, что это ростки новых форм кооперации, идущей снизу и основанной на разделении труда при сохранении частной (личной) собственности.

Это та самая вертикальная кооперация, позволяющая сохранять индивидуальные хозяйства, но помогающая им вписаться в рынок при развитии товарно-денежных отношений, о которой писали ученые русской аграрной школы в начале века, в частности А. В. Чаянов, и за которую они заплатили жизнью, когда возобладала коллективизация.

Региональные пути выживания сельской местности

Пути выживания современного российского сельского хозяйства и сельской местности, тесно с ним связанной, могут оказаться многообразными, если не навязывать сверху голые схемы, а учитывать сложившиеся реалии, причем разные в разных районах. Недаром так различаются по отношению к реформам север и юг России. В Черноземной полосе, где село заметно выиграло от социалистических преобразований, население и руководство постоянно отвергало навязываемую из центра модель реформ. Куда ближе им элементы внутрихозяйственного хозрасчета 80-х гг. Это район с наименьшим и к тому же сокращающимся числом фермеров на 1000 сельских жителей. На юге ситуация сложнее. Притягательность территории для переселенцев, благоприятные природные условия, активность местных жителей — все это вывело Ставрополье и Краснодарский край в чемпионы по числу фермеров, высоко их число и в Поволжье. Однако колхозное крестьянство здесь весьма консервативно, показатели коллективных хозяйств оставляют желать лучшего, а сепаратистские действия региональных властей, запрещающие вывоз сельскохозяйственной продукции, подрывают экономические условия местных агропроизводителей. Поэтому лучшие хозяйства, как коллективные, так и фермерские, вынуждены отчаянно маневрировать.

В Нечерноземье — совсем иной букет проблем. Бегство населения в города и запустение села в историческом центре России, низкая продуктивность как результат видимой порочности экономической политики социализма, сподвигли власти на более активное проведение аграрных реформ. Но и здесь налицо разрыв между реформаторским настроем политической элиты и консерватизмом сельского населения, особенно в глубинке. Очень велики и экономические различия между пригородными, полупериферийными и периферийными районами областей.

Итак, деревня в конце XX века после постоянных преобразований так и не нашла себя и постоянно нуждается в помощи. Тем не менее история доказала, что развитие агропроизводства возможно только при опоре на сильные хозяйства и поддержке середнячков (будь то частные или коллективные предприятия). Слабым же нужна не столько поддержка производства, которое поглощает деньги без отдачи, сколько социальная помощь по выживанию сельских общин, непременным компонентом которых стали и колхозы.

Закончить можно словами Б. Б. Родомана (1996): «Избави нас боже от новых земельных реформ! Пусть эти два полюса сельской жизни, два монстра, колхоз и крестьянский двор, сплетаясь во внешне противоестественном акте то ли любви, то ли ненависти, поддерживают и душат, питают и грабят друг друга, и так они вместе что-то выработают при минимальном вмешательстве государства. Но только не надо никаких всероссийских программ, никакой единой реформы сверху, она будет новой катастрофой».

Часть четвертая

**Город и деревня:
перемены ролей
и отношений**

4.1. ГОРОД, СЕЛО И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Перестройка расселения в XX в. неотделима от мощных сдвигов, менявших город и деревню, общество и пространство страны. Обозревая их, придется расширять рамки анализа до масштабов РФ в целом, европейских частей Российской империи, СССР для сравнения со старыми сводными данными и схемами и ради лучшего понимания роли этих частей в прошлом и настоящем. Тут неизбежно сталкиваются два факта истории и географии России, страны форсированного догоняющего развития и страны расширяемой, колонизируемой. Как влияли эти рывки на наш «океан суши»¹ и как он влиял на них — ключевой вопрос главы.

Волны модернизации, пространство и расселение

Вот уже 300 лет Россия периодически мобилизуется, чтобы догнать Запад. Военно-технические модернизации ей удавались, но еще Е. Р. Дашкова сравнивала русское общество на рубеже XIX в. с западноевропейским XIV–XV вв. (см. Мионов, 1999, т. 2, с. 301–302). В средние века лаг достигал 400–600 лет, разделявших фазы подъема и расцвета серважа-крепостничества и трехпольного общинного земледелия. Зато у нас они проходили быстрее, не столько отмирали, сколько отменялись аграрными реформами. В масштабе индустриального времени разрыв изначально был на порядок меньшим, полувековым, повышая шансы догонявших и даже рождая иллюзию опережения (Трейвиш, 1999).

То, что гонка за лидерами обернулась игрой с ними в «кошки-мышки», явно связано с размерами России, с неравномерностью и асинхронностью регионального развития. Одни из обширных окраин, не уступая «метрополии» (как в Австро-Венгрии), сами ее торопили. До других, более многочисленных, и до русской сельской глубинки волны модернизации могли и не дойти. Отрыв элиты от масс, города от деревни, разноукладность и разновременность их бытия, разные скорости развития подготовили социальные взрывы XX века. Ленин хорошо знал о царящих на просторах слабого звена империализма «полудикости и самой настоящей дикости». Он же в самом начале века (до столыпинских переселений) писал о российской склонности подменять развитие «вглубь» экспансией и ростом «вширь» на новых землях.

¹ Этот образ эмигрантов-евразийцев, особенно И. А. Ильина, был близок В. П., предтече или даже одному из прямых основоположников данной геополитической школы.

Революции, обозначившие у нас неформальный старт XX в. (распад СССР — его финиш), начинались как городские и вдохновлялись западниками, сторонниками модернизации. Но, разливаясь по стране, они переливались в крестьянский бунт архаичных укладов. Теперь советскую модернизацию называют консервативной и фундаменталистской (например, Вишневский, 1999). Наша задача — проследить ее шаги географически, но надо уточнить, о каких ступенях развития идет речь, т. е. кратко коснуться самих его схем.

В СССР официально признавались марксовы *формации*: первобытно-общинная — рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм. На Западе способы производства часто сводят к трем макротипам: командно-принудительным (от рабства до планового социализма), свободным рыночным и смешанным. Бытует также схема смены *отраслей, типов труда*: традиционные доиндустриальные экономика и общество — индустриальные — постиндустриальные. Их базой служат, соответственно, первичный (аграрный), вторичный (индустриальный), третичный (сервисный), позже четвертичный (информационный) секторы². Схемы дополняют друг друга. Сервисный, индустриальный, аграрный капитализм различны, как и аграрные уклады: общинно-крестьянские, помещичьи, фермерские, колхозные.

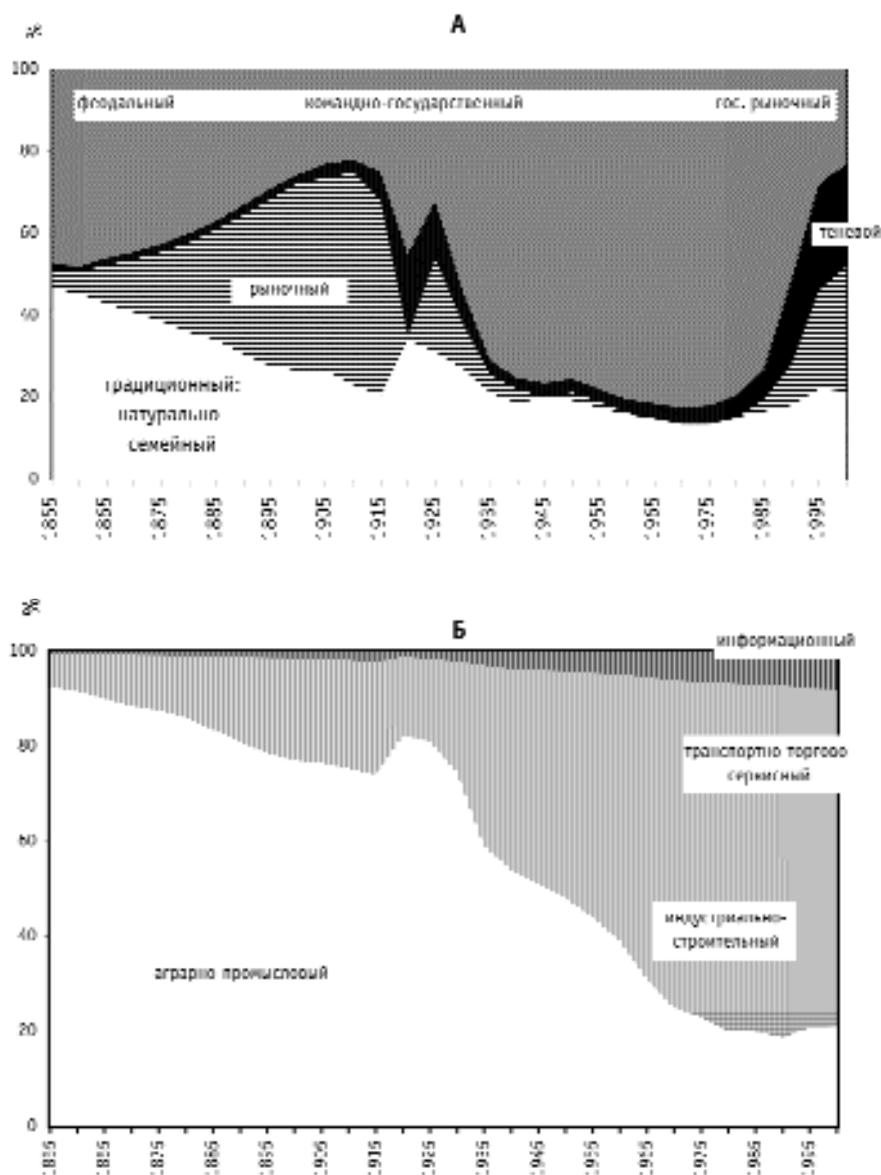
Киевская Русь в сущности была страной не аграрной, а промыслово-торговой. Русь Московская стала земледельческой, но ее экспорт был более первичным. При Иване Грозном вывозили те же «первобытные продукты»: меха, воск, рыбу. Только прорубившись в Европу в XVIII в., золотом веке дворян-крепостников, Россия (как ранее Пруссия, Польша, Венгрия) стала ее хлебным амбаром. Экспорт зерна за 1700–1914 гг. вырос в 2316 раз (Мионов, 1985, с. 114). За границу шло до 55% товарного хлеба, хотя на рынок вообще-то попадало 26% его сборов. Крестьянское хозяйство оставалось натуральным, по старинке замкнутым.

Перемены в бывшей империи за 140 лет показывают графики (рис. 4.1.1). На верхнем с условной шкалой (он есть в школьном учебнике: Ром, Дронов, 1997, с. 80) видны резкие колебания, борьба командной и рыночной систем. После 1861 г. рынок вклинился между натуральным крестьянским и казенно-феодальным укладами (такая волна была и в XVII в., когда формировался российский рынок и торговый капитал, но ее сбили крепостные латифундии и мануфактуры). Ответом на военный коммунизм было расширение натуральной и теневой экономики. Затем следуют краткий возврат рынка в годы нэпа и его долгий провал вплоть до горбачевской перестройки.

Нижний график отражает более последовательные сдвиги в макроструктуре занятий. Агросектор сокращался постоянно, кроме лет гражданской смуты, когда замерли заводы, а рабочие разошлись по деревням (в микромасштабе это имело место и в начале

² Еще Д. И. Менделеев (1907), старший современник В. П., работая с переписью 1897 г., разделил работников на добывателей, берущих сырой материал в природе, промышленников, перерабатывающих сырье, и лиц, дающих обществу что-то совершенно иное, чем хлеб насыщенный. Пионерами индустриализации и терциаризации, как великих ломок XX в., все же были страны Запада. Экономисты А. Фишер и К. Кларк заявили около 1940 г., что первичный сектор всюду уступает вторичному, а в самых развитых странах — третичному.

Рис. 4.1.1. Изменение пропорций основных общественных укладов (А) и секторов занятости населения (Б) в Российской империи — СССР — СНГ

1990-х гг.). Индустриализация с конца 20-х гг. повела небывалое наступление на первичный сектор. Его доля упала вдвое к концу 50-х гг. и еще вдвое к концу 70-х. Вторичный сектор в 30-х гг. стал вторым, в 60-х — первым. В России, Эстонии и Латвии это случилось даже раньше, в 1950-х гг. Страна стала промышленной. А вскоре вперед вышел сервисный третичный сектор, хотя терциаризация была «неуверенной» и идеологически не очень желанной.

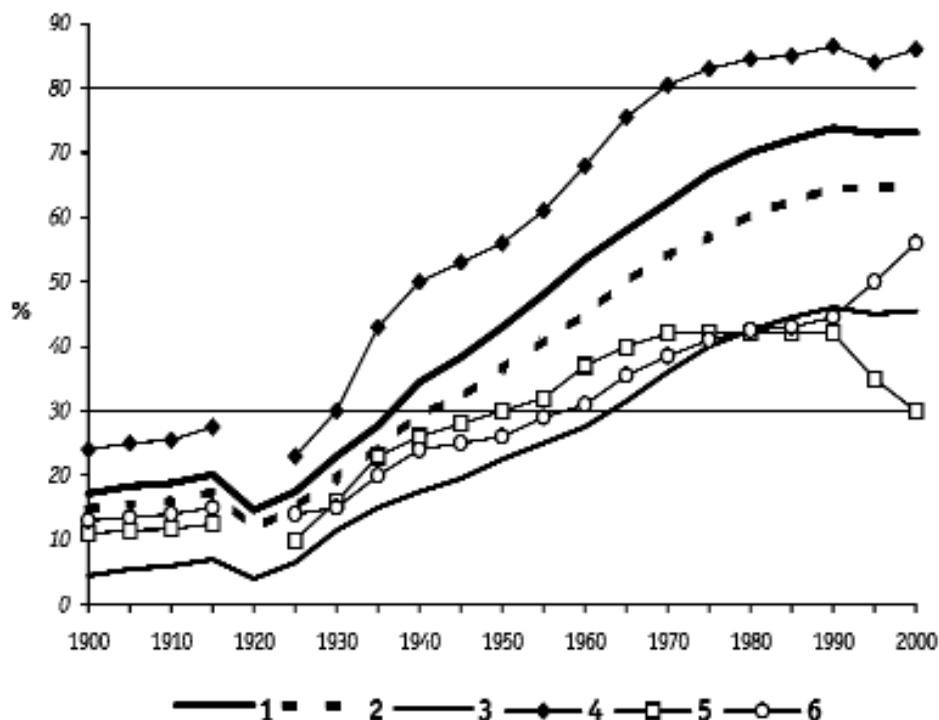
Без индустрии и урбанизация считалась ложной, не пролетарской. Но на юге самого СССР вторичный сектор так и не стал лидером: тамошние республики шли к сервисной экономике в обход крайностей индустриализации — не европейским путем, а американо-азиатским (подробнее см. Территориальная..., 1995, с. 24–31). Да и в России урбанизацию, помимо индустрии, продвигали транспорт, торговля, услуги. На **рис. 4.1.2** это хорошо видно по сближению доли занятых в третичном секторе и городов-стотысячников в населении. В 1970–90 гг. они почти совпадали, пока большие города не попали в некие ножницы между деиндустриализацией и бумом третичной сферы.

График также показал, что отставание доли номинальных горожан от доли условно городских (не аграрных) секторов в советское время было не менее сильным, чем до него, когда на этом основании говорили о заниженной формальной урбанизации, а ее «истинный» уровень оценивали в 25–30%. Но тогда и в 2000 г. он составит не 73%, а 85–90%. Вместе с тем росла прослойка полугорожан, жителей промежуточных типов поселений, что часто считают признаком псевдоурбанизации. Фактически их больше: к населению пгт нужно бы добавить изрядную долю мелко- и среднегородского, зависящего от подсобного (а то и полутоварного) личного хозяйства. Тогда доля россиян, тесно связанных с землей, может достичь трети, а в основном занятых на ней — вырасти вдвое против официальных 12–14%.

Прав А. Г. Вишневский (1998, с. 24): «Сколько ни пытайся добавить к серпу молот, превратить общество из аграрного в индустриальное, сколько ни строй городов, без кардинальной смены механизмов социального управления оно будет оставаться сельским и застойным». Только не надо путать социальные механизмы с управлением и управленцами, винить их во всех бедах или возлагать на них пустые надежды. Каждый народ имеет ту власть, какой заслуживает, а история, в том числе советская, подводит к выводу, что дело не столько в строе, сколько в стране с ее противоречиями, разломами, многоукладностью.

Хотя немалая доля этой истории сводится к борьбе правящей догмы с реальной жизнью, жизнь все равно сильнее. Посмотрим, как все это сказалось на географических пропорциях страны, на главных сдвигах века.

Рис. 4.1.2. Урбанизация России (РСФСР—РФ) и динамика доли «городских занятий» по пятилетним периодам, в %

Вековые географические сдвиги в экономике и населении России

Бывает, практика отстает от теории, бывает и наоборот. Тезис Ленина о размещении производства с точки зрения близости сырья и экономии труда при обработке поняли в 20-х гг. как приближение к сырью и понимали так полвека, когда уже не было транспортной разрухи и союзные ведомства создавали длинные цепочки производств, целые межрайонные «конвейеры». Индустриализацию связали с идеей подъема новых районов, но базы-дублеры строили не ради них самих. Сталин говорил, что мы отстали от передовых стран на 50–100 лет и должны пробежать это расстояние в де-

сять лет... Либо нас сомнут (Соч., т. 11, с. 248). Не так быстро, а лет за 25–30 индустрия стали, нефти, «фордовских» машин была создана. Такую же имел Запад, и значение советского рывка велико. Правда, армии безработных Гитлера и Рузвельта в годы депрессии строили автомагистрали, а эскиз сталинских пятилеток — даже не столько железные дороги, сколько архаичные каналы. Однако нас больше интересуют не это и не социальная цена индустриализации, а ее география.

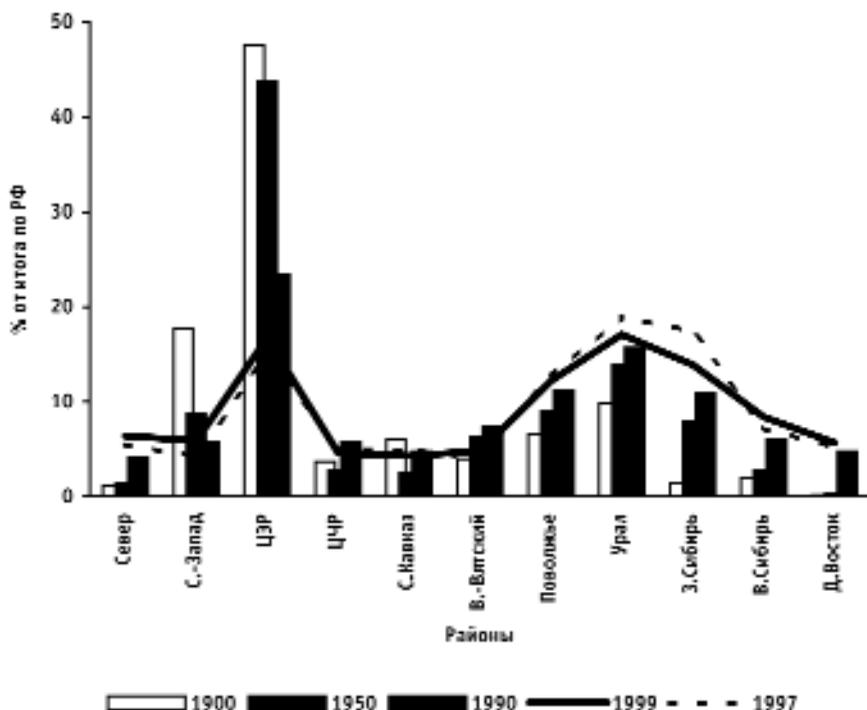
Ранний проект первой пятилетки исходил из скромных накоплений и делал ставку на старопромышленные районы (СПР): Центр, Донбасс, Урал. В итоге же им отдали менее 50% средств, добытых за счет села и уровня жизни граждан страны. Из 1,5 тыс. новостроек с карт середины 30-х гг. на СПР пришлось 48%, еще 15% — на десяток старых узлов в европейской части (Ленинградский, поволжские и др.), 17% — на новые в той же части и 21% — на восточные; 80% новых поселений тоже строились в обжитых зонах (Тяжелая индустрия..., 1936). В 1937 г., после двух пятилеток, СПР давали 68% продукции, как в 1925: новые районы запаздывали. Зато их потенциал очень помог и еще вырос во время войны, хотя и тут выделялись ближние зоны, особенно Урало-Волжская, где осели 58% эвакуированных заводов (Планирование..., 1985, с. 194).

Затем пошли в рост западные окраины СССР и глубинка, еще не затронутая большой индустрией. Там размещали филиалы крупных заводов, сохранявших в старых центрах свои лучшие кадры. Несмотря на то, что филиальные зоны, насыщались новыми (оборонным) отраслями, они получились «безголовыми» и не очень гибкими. Вклад Сибири в общее производство держался на уровне 19–21% вопреки всем вливаниям, так как цены на сырье и топливо повышали редко, а на готовые изделия они росли с каждым обновлением изделия. Зато в 90-х гг. доля азиатской России разом поднялась до 30%; лишь с 1998 г. промышленный профиль страны как бы попятился назад, к западу (рис. 4.1.3).

В конце концов западные СПР уступили состоящему из старых и новых ареалов срединному «хребту»: Таймыр — Ямал — Урал — Волга — Дон и Кубань с морскими портами. В 1990-х гг. он давал 45–50% продукции и экспорта РФ, ставших опять более первичными, топливно-сырьевыми. С другой стороны, примерно такая же доля кадров индустрии и несколько меньшая — производства приходится на массу центров и узлов, возникших в европейской России в ходе промышленной диффузии (табл. 4.1.1) и еще не сказавших своего слова. История подтверждает: территориальная структура хозяйства и расселения бывает весьма инерционной, если не консервативной, даже при мощном плановом давлении вкупе с идеологическим, подкрепленным тоже мощными и конструктивными мифами.

Одним из первых советских авторов, пытавшихся демифологизировать региональные процессы прошлого, был А. А. Минц (1974). В годы первых пятилеток, — писал он, — освоение необжитых и отсталых районов как некоей самоцели, механически понятая идея равномерного размещения, впечатляющие, но не столь весомые факты создания городов «на пустом месте» получали гипертрофированное изображение. Хозяйственная практика была более реалистичной и трезвой. Рост на востоке сырьевых отраслей сочетался с развитием обрабатывающих, тяготеющих к западным районам.

Рис. 4.1.3. Геостатистические профили промышленного производства по крупным экономическим районам России в ценах соответствующих лет

Равнодействующая от сложения разных тенденций обозначала сдвиг на восток, но он происходил скорее внутри европейской части. Центр тяжести производительных сил сдвигался к Волге и Уралу, хотя процесс не успел завершиться в довоенные годы.

Проверим этот тезис центрографическими расчетами по формулам Д. И. Менделеева — Б. П. Вейнберга (Вейнберг, 1915)³. Они показали, что сдвиги не вывели демоэкономические центры России за пределы ее европейской части. Правда, центр тяжести населения СССР еще в 1920-х гг. пересек Волгу, в 60-х — границу с Казахстаном, а в 80-х, притягиваемый Средней Азией, шагнул за р. Урал, словно выполняя наказ Менделеева: центр населенности будет двигаться в сторону «благодатного юга и обильного земель востока» (рис. 4.1.4).

³ Исходные единицы расчета — регионы либо города, а исходные точки первых — центры тяжести их внутренних «масс», отдельно исчисленные (для обширных регионов) или определенные «на глазок» (для малых).

Таблица 4.1.1. Динамика удельного веса трех групп промышленных ареалов России по числу работников и объему продукции, в %, округленно

Районы и узлы	Число работников					Продукция в текущих ценах				
	1900	1925	1950	1975	2000*	1900	1925	1950	1975	2000*
Старопромышленные**	64	61	42	40	33	50	65	68	42	32
Другие (новые) европейские	30	33	39	41	47	33	31	27	38	40
Восточные	6	6	19	19	20	17	4	5	20	28

* Предварительная оценка.

** Ленинград (Петербург) с окружением, Промышленный Центр с Нижегородской (Горьковской) областью и Средний Урал.

Рассчитано автором по данным промышленной статистики разных лет.

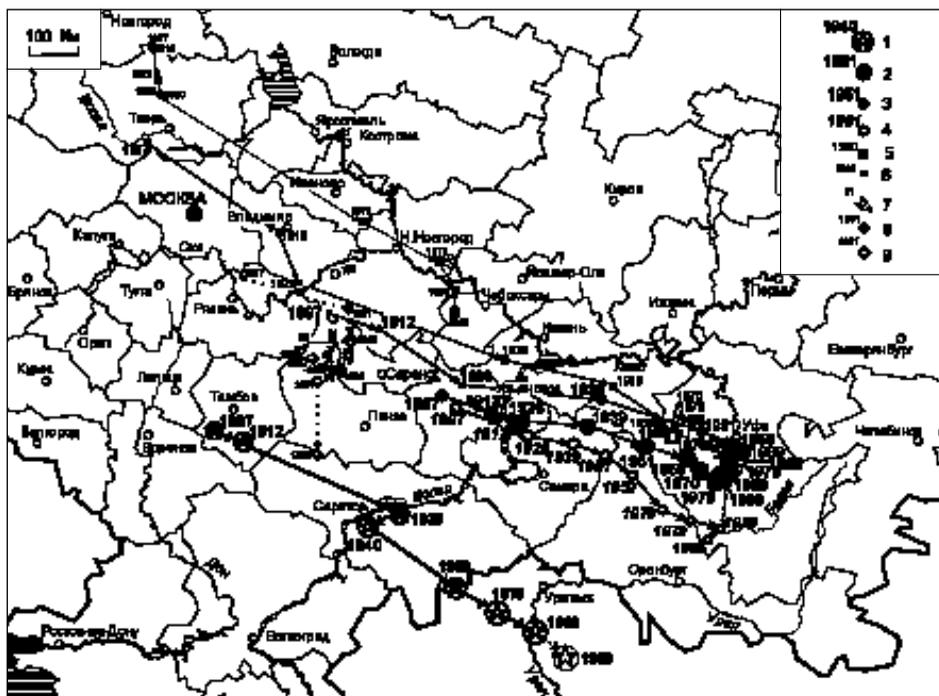
Демоцентр РФ, пройдя за сто лет на восток 600 км, остался на 2400 км западнее центра российской территории (на юге Эвенкии) и на 1200 км западнее центра обжитых земель (между Омском и Новосибирском). Центр горожан отставал, находясь в 1897 г. на юго-западе Нижегородской области, но еще до войны вырвался вперед. Делая по 22 км в год, он прошел до башкирской р. Белой почти 900 км, однако с 1959 г. кружит на одном месте, южнее Уфы, отражая стагнацию шахтерских городов Урала и Сибири, а потом и других.

Чем крупнее города, тем западнее центры. Пока у России было всего два миллиона, их общий центр оставался в Тверской области. В 60-х гг. добавились Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, и центр сместился на 455 км юго-восточнее. Потом он повернул к югу, в сторону Ростова и Волгограда. Центр стотысячников сперва тоже был у Твери; к 1915 г. эту группу успели пополнить 11 городов, от Ярославля до Иркутска, а ее центр перебрался к Владимиру. В итоге он оказался на западе Башкирии с максимальным вековым пробегом в 1300 км. Что касается сельского населения, то его центр, двигаясь более плавно, с середины столетия отклонился на юг, дойдя к 1989 г. до той же р. Белой. Ни одному из центров так и не удалось «форсировать» эту реку, а теперь они пятятся назад.

Внутри Европейской России сдвиги скромнее. Центр ее населения описал некую дугу на западе Мордовии. Все причудливые блуждания центров горожан и сельских жителей мы не показали, а ограничились тремя датами, чтобы отразить их основные направления: у городского центра — восточное, причем за счет первой половины столетия, а у сельского, пересекшего во второй его половине Пензенскую область, — южное.

Сдвиги ряда экономических «масс» отражает **рис. 4.1.5**. Эти шаги, как и натуральный рост, бывали гигантскими. Центр в сто раз увеличенной добычи угля перебрался

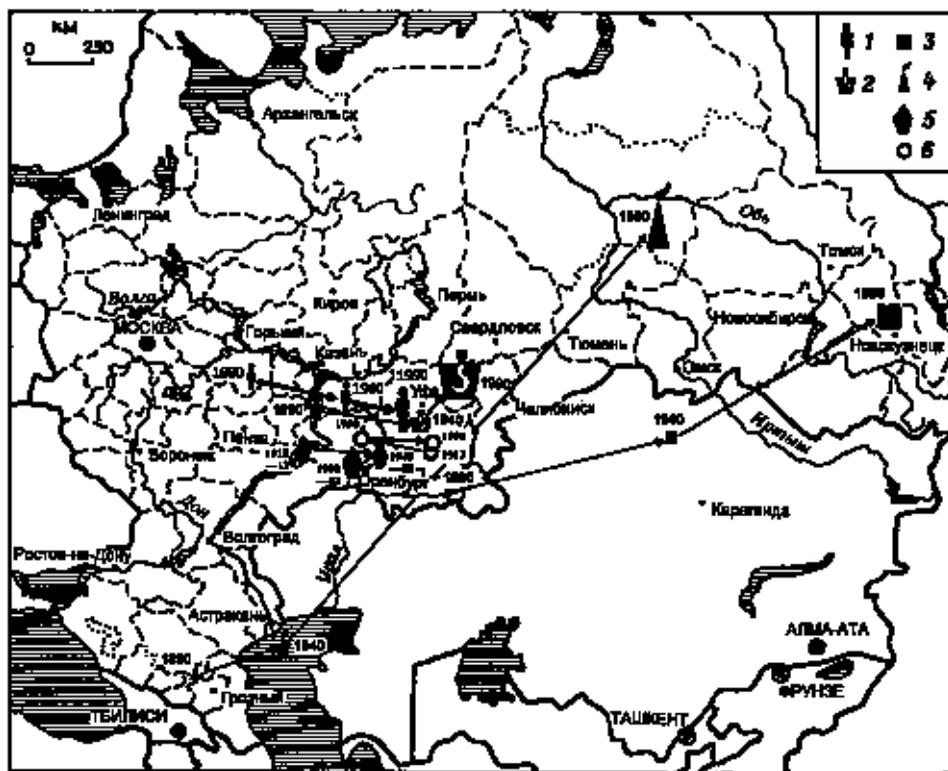
Рис. 4.1.4. Движение центров тяжести населения Российской империи (СССР) и России в XX в.

- 1 — Российская империя — СССР в границах на соответствующий год; все население
 Россия в современных границах:
 2 — все население; 3 — городское население; 4 — сельское население; 5 — население больших городов (свыше 100 тыс. жит.); 6 — население городов-миллионеров
 Европейская Россия (без Калининградской обл.):
 7 — все население; 8 — городское население; 9 — сельское население

с Южного Урала в Кузбасс, по пути попав в Казахстан (хотя его бассейны в расчет не брались). Центр нефтедобычи, выросшей тысячекратно, «перепрыгнул» с Кавказа в бассейн Оби. А вот центр занятых в промышленности по сути повторил трассу городского. Недалеко ушли и центры ряда отраслей. «Стальной» перебрался с Волги на Урал. Центр регистрируемого статистикой производства водки (на карте не показанный) в 1999 г. находился на западе Башкирии, в 50 км от центра населения России. Сдвиги центров посевных площадей и сбора зерновых ограничены все той же территорией между Волгой и Уралом. Недаром Урал, до войны чаще относимый к восточным районам, закрепился в составе европейской части.

Рис. 4.1.5. Движение центров тяжести некоторых сфер экономики России в XX в.

Центры некоторых экономических «масс»:

- 1 — занятых в промышленности; 2 — производства стали; 3 — добычи угля; 4 — добычи нефти;
- 5 — урожайности зерновых; 6 — посевных площадей

Примечание: административное деление и названия даны на 1990 г.

Все это — не основание для каких-то «оргвыводов». Центрография наглядно отражает освоенческие сдвиги, но те рано или поздно затухают. А. А. Минц (1974) считал, что ведущее место европейской части страны закономерно и говорит о действии не только и не столько унаследованной от прошлого территориальной структуры, сколько новых факторов. Разрыв по оси запад—восток между ресурсами и производством (населением) заставляет думать о транспорте, о ресурсоемкости экономики, но продолжение все тех же сдвигов несет ущерб сложным отраслям, лучшим по агропотенциалу и условиям жизни, самым развитым районам. Их притягательность для хозяйства и на-

селения растет, — писал Минц. И добавил, словно про Россию конца века, что это оправдано их дешевизной, эффективностью личного хозяйства. Во многих странах дистанция между центрами территории с ее ресурсами и населения с его деятельностью велика, но ее сокращают не путем «переброски» людских масс.

Все же сдвиг на восток, популярный весь век как тема дискуссий и реальная практика, в первом качестве не утратил актуальности. Ведь еще М. В. Ломоносов сулил приращение ее богатств Сибирью, а В. П. Семенов-Тян-Шанский (1915), как Д. И. Менделеев и многие другие, призывал ускорить развитие Срединной России, раскинувшейся между Волгой и Енисеем. Что в общем и делалось, насколько хватало людей и денег. Если бы век обошелся без их страшных потерь и растрат, то и сдвиг мог бы быть внушительней⁴. Однако, при всем природном богатстве страны, чисто сырьевая модель большинству ее регионов не подходит. Россия — не Кувейт и даже не Канада, 70 миллионов ее активных граждан не проживут на одном сырье, для добычи и переработки которого нужно не более 30% рабочей силы (Пчелинцев, 1997).

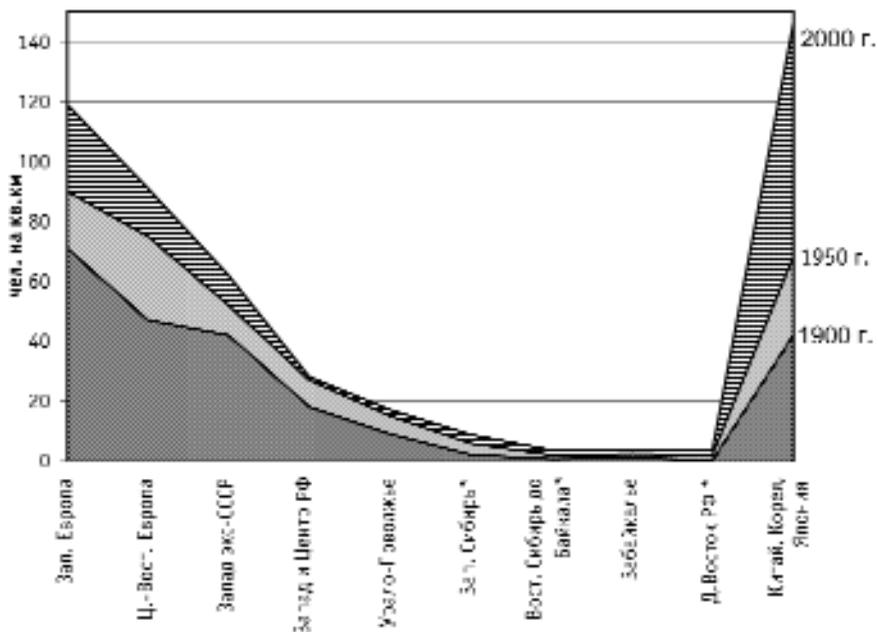
Кроме сырьевого, у России есть иной мотив сдвига на восток — демогеополитический. Взглянем на профиль населенности Евразии, трасса которого выгнута к северу, не заходя в самые высокие широты (рис. 4.1.6). В Европе плотность убывает плавно, в среднем на 5% каждые 200 км. На Дальнем Востоке перед нашими малолюдными и теряющими население регионами стоит «стена», ставшая за XX век круче: перепад на расстоянии в 200 км там 20—30-кратный. Отсюда проекты новых великих переселений россиян, жителей стран СНГ на юг Сибири. Таковы и наметки действующей Генсхемы расселения. Но простой расчет убеждает: даже еще раз удвоив население восточных окраин, на что у СССР ушло 40 лет (1950—90 гг.), мы сократим перепад по рубежу лишь до 1:12. Китай же растет, и южной Сибири, чтобы сравняться с ним плотностью, скоро понадобится до 500 млн чел. Это вся зарубежная Европа, но кому она оставит Париж и Лондон, Рим и Киев? Во всем СНГ живут 282 млн чел. Нет, так проблему не решить, нужны другие подходы.

Населенность российских районов и ее вариации

Равномерно ли заселена Россия? Ответ «нет» напрашивается, когда необжито столько территорий. Если точнее, то 55% (Дмитриев и др., 1988, с. 57), и это площадь целого Китая. Впрочем, желательны более корректные сравнения с крупными странами по близкому числу районов, дробность которых влияет на результат. Они показывают, что макрорайоны России резко разнятся по площади, но контрасты населения и его плотности не столь велики (табл. 4.1.2). Даже перекрой-

⁴ Хотя он сам сопровождался большими потерями. Все прямые и косвенные потери, накопленные Россией за чудовищно деморасточительную половину века, по оценкам, близки к 85 млн чел., а к 1995 г. превысили 121 млн (Вишневский, 1998, с. 125—126). Если бы не они, в РФ жили бы уже не 146, а 270 млн чел., как в США. И то была бы другая страна, хотя параметры ее расселения, пропорции и т. д. представить трудно. История и география не в ладах с сослагательным наклонением и не умеют толком моделировать варианты развития обществ.

Рис. 4.1.6. Широтные профили плотности населения северной Евразии в начале, середине и конце XX в.

* Без северных территорий

ка районов Сибири с выделением полярных пустынь «по-канадски» сближает РФ с США, но не с Китаем и Канадой, где перепады все равно сильнее. Значит, большие части России заселены равномернее, чем там. Ее жители не теснятся где-то в одном углу, а скорее рассеялись, расплылись по равнинному океану суши, где нет резких рубежей.

За счет каких направлений, осей получается такой результат? По широте уклон велик (см. рис. 4.1.6) и явно больше, чем в США и Канаде, имеющих демоэкономические полюса на берегах обоих океанов. А вот китайский профиль по линии Тибет — приморские равнины с 300-кратным перепадом плотности круче нашего 50-кратного (и еще меньше, если не выходить из Главной полосы расселения). Другое дело — ось меридиональная. Тут у нас как в Китае. Скачок плотности от Внутренней Монголии к южному Гуандуну (раз в 20) почти тот же, что от Архангельска к Краснодару, хотя все цифры даже на Западе России ниже. Зато ее Север на порядок многолюднее американского. Самые пустынные округа РФ не так пусты, как Северо-Западные территории Канады, где на 100 кв. км нет и пары человек. Наше расселение сильнее сдвинуто к Северу, меньше

Таблица 4.1.2. Некоторые показатели неравномерной заселенности ряда стран по 10–12 макрорайонам в конце 1980-х гг.

Показатели	Россия		Китай	США	Канада	
	Число районов		11*	12**	12***	10****
<i>Их площадь:</i>						
коэффициент вариации	13,3	8,1	8,7	4,6	9,4	
отношение максимума к минимуму, раз	37	29	20	13	56	
<i>Их население:</i>						
коэффициент вариации	2,5	3,6	4,6	3,4	15,9	
отношение максимума к минимуму, раз	5	15	115	27	353	
<i>Плотность населения:</i>						
отношение максимума к минимуму, раз	49	144	283	137	952	

* Крупные экономические районы (Калининградская область в составе Северо-Запада).

** С выделением на Востоке РФ четырех регионов по широтному принципу: Северная Сибирь, Северо-Восток, Южная Сибирь и Забайкалье.

*** «Районы кооперации».

**** Районы Бюро цензов, Аляска и Гавайи (вместе).

***** Провинции (Новая Шотландия вместе с о. Принца Эдуарда) и территории.

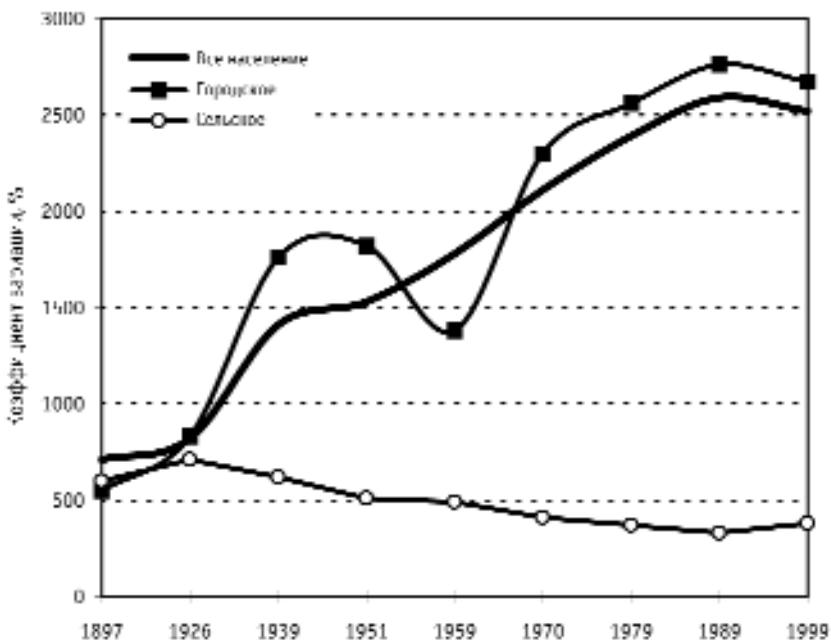
Расчеты автора.

его контраст с обжитой зоной. Это наследие ГУЛАГа, а шире — дешевизны и былого изобилия живого труда. Дискуссии о пере- или недонаселенности «северов» вяло велись в СССР лет двадцать, а города за Полярным кругом росли, пока не началось бегство от туда не только «лишних», но и самых нужных кадров.

Как менялись контрасты населения регионов-субъектов РФ? Коэффициенты вариации (**рис. 4.1.7**) показывают, что и во всем населении, и в городском они росли, а в сельском — наоборот — «сжимались»⁵. Видны и волны неравномерности размещения городских жителей. Первая – это индустриализация, так называемый 3-й кондратьевский цикл стали, нефти, тяжелых машин, взятый с боем и жертвами, но и с энтузиазмом и ускорением (Грицай и др., 1991, с. 46). Следующая волна — цикл 4-й, эра АЭС и ракет, хрущевской химизации 60-х гг. и модной синтетики, телевизоров, массового автостроения (АвтоВАЗ в г. Тольятти пущен в 1970 г.). В ту эпоху НТР наука, став «непосредственной производительной силой», показывала быстрый рост, в том числе кадровый. Отсюда советская инверсия четвертичной сферы, необходимой сверхдержаве хотя бы для военного паритета, и слабенькой собственно третичной (рядовых

⁵ Правда внутри регионов контрасты обычно усиливались: см. главы 3.1 и 3.2.

Рис. 4.1.7. Вариация людности 86 российских регионов стабильного состава

услуг). Интересно, что ложбину между двумя циклами легче обнаружить по региональной вариации горожан, чем по индексам роста экономики⁶.

Связь подобных волн с циклами развития универсальна. Развитие, вначале обычно не фронтальное, а выборочное, неотделимо от неравномерности. Она и усиливается в начале каждого цикла. Затем достижения «клонировются», географически тиражируются, и различия сглаживаются — до нового витка. Такие схемы рисуют разные теории диффузионистского толка. А советское догоняющее развитие мобилизационного типа, заставляя страну «сжиматься в кулаки», только усиливало различия: если не в разрезе запад—восток и север—юг, то по самой вездесущей, заметной в любом масштабе оси центр—периферия.

⁶ Видимо, слишком лукавым, хотя и статистика населения не без греха. Цифры по городам у нас меняют задним числом (будто подтверждая афоризм о непредсказуемом прошлом России), то в связи с изменением их состава и границ, то по иным мотивам. Явление в 90-х гг. из статистического небытия оборонных городов-ЗАТО вызвало пересчеты по другим, где жителей ЗАТО «прятали» раньше. Население больших городов РСФСР по переписи 1959 г. составило 31,7 млн чел., досчеты подняли его до 33,3 млн: Москве ее новые границы добавили 1 млн, в категорию вошли административно расширенные Копейск и Сочи. В 1989 г. в ней сначала числили 67,85 млн (68,4 с пунктами, подчиненными Ленгорсовету и недавно «растворившимися» в северной столице), а потом — 67,5 млн чел.

Наш в общем-то экстенсивный рост всегда сопровождался достройкой новых звеньев хозяйства и расселения, но редко — их свертыванием для высвобождения места и ресурсов. Прийти в город (промышленный парк), подключиться к резервным сетям и начать работу — об этом не было речи и в самых развитых регионах; зато, попав в крупный центр, рост которого лимитировался, предприятия и люди его уже не покидали. Головные заводы, плодя филиалы на периферии, сами не разгружались от трудоемких операций даже под нажимом плановых органов; их кадры держались за центры, боясь потерять прописку, налаженные соцкультбыт, снабжение. Отсюда центростремительные потоки, усугубившие разреженность периферии, в том числе в Европейской России.

Ранее мы выделили в Европе на сходных основаниях центральные, периферийные и полупериферийные ареалы (Грицай и др., 1991). Их пропорции и насыщенность менялись с запада на восток (**табл. 4.1.3**). Площади периферии нарастали, исчезали сплошные массивы полупериферии, особенно старой; главное исключение — сгусток близ Москвы. Но в России население сильнее стянуто к центрам, где плотность меньше отличается от западной. Эти центры при догоняющем развитии тянутся за внешними лидерами, «всасывая» ресурсы и население. Обратной стороной *конвергенции центров* становится *дивергенция периферий*.

У концентрации разных групп населения и деятельности есть фазовые варианты: а) исходная и весьма высокая — новых групп при их зарождении в немногих очагах, обладающих стартовыми условиями; б) остаточная — более зрелых при сочетании инерции, например, промышленного роста центра с широкой диффузией индустрии: различия сглаживаются; в) вторичная — «старых» видов, скажем, сельского населения и хозяйства, т. е. возвратная волна их сжатия к центрам (Московский..., 1988, с. 82).

Попробуем проследить эти процессы по занятости в основных секторах. Кстати, до выделения своих экономических центров В. П. в «Городе и деревне» (с. 57–64) анализирует тогдашнюю географию несельских занятий.

Таблица 4.1.3. Пропорции центральных (Ц), полупериферийных (ПП) и периферийных (П) районов в группах и регионах европейских стран

Группы стран (регионы)	Площадь в % к итогу по региону			Население, в % к итогу по региону, 1979 г.			Плотность населения, чел./кв. км		
	Ц	ПП	П	Ц	ПП	П	Ц	ПП	П
Шесть стран — основателей ЕС	11	38	51	28	45	27	432	200	87
Восточная Европа*	8	33	59	20	43	37	220	111	56
Европейская Россия	6	21	73	34	37	29	145	46	10

* Включая западные республики СССР.

Составлено по схеме из (Грицай и др., 1991, с. 75–83) и расчетам автора.

Динамика основных типов занятий по регионам европейской части страны

Сначала уточним методику. В. П. использовал данные по уездам, но в таком масштабе их потом не найти. Все цифры пришлось привести к современному региональному делению. Трудно вкратце описать, как к нему привязаны погубернские, частью поуездные и городские данные (работа с картой и т. п.). Ясно, что результаты порой только приблизительны, но есть надежда, что они не искажают основных различий.

Со временем менялись способы учета занятых. Перепись 1897 г. фиксировала занятия крестьян по дворам. Учет только их глав, самостоятельных хозяев, или «кормильцев», по Д. И. Менделееву, занижал долю агросектора до 55% всех кормильцев, завышая долю других отраслей. Аграрного же населения, включая «домочадцев», было $\frac{3}{4}$: 74% в империи и 76% в пределах РФ. Это ближе к истине. В крестьянской семье работали подростки, старики, и их лепта больше, чем, скажем, в домах ремесленников. Б. Н. Миронов (1999, т. 1, с. 297–99) для исчисления реально занятых в тогдашнем сельском хозяйстве предлагает удвоить число переписных кормильцев. Мы так и сделали, учтя региональные различия коэффициента семейности и умножая число кормильцев на его половину — 2,04 в среднем по стране⁷.

Это дает 38 млн чел. аграриев в империи, 20,5 млн в будущей РФ и 18,65 млн в ней без Сибири (71–73%). Для сопоставимости с дальнейшим учетом занятых пришлось также исключать из самостоятельного населения 1897 г. военных, обеспеченных людей (рантье, пенсионеров, стипендиатов) и живших неизвестными способами, всего 3,4 млн чел. Однако, имея капитал от поместья и т. п., служа офицером или учась в крупном городе (где как раз много таких лиц), можно было иметь другое занятие, обычно интеллектуальное, и доход⁸. Чтобы не терять эту часть третичной сферы, мы всюду условно добавили к ней и ко всем занятым $\frac{1}{8}$ численности данных групп. В итоге доля агросектора составила те самые $\frac{3}{4}$.

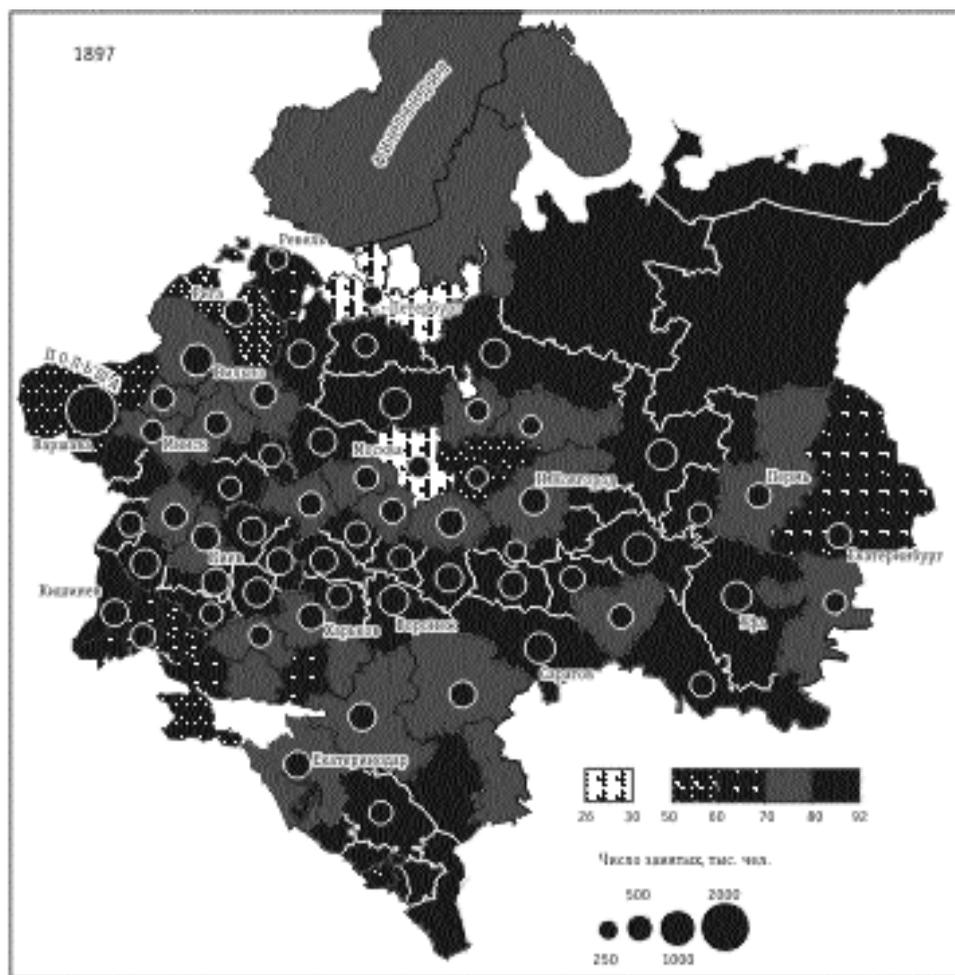
Данные на середину века дала перепись 1959 г., числившая солдат по допризывным занятиям, что как бы сдвигало все на 2–4 года назад, ведь смена занятий и жительства, в том числе с сельских на городские, после армии была типичным явлением. Учет переписью занятий по месту жительства, в отличие от текущего учета по месту работы, используемому для конца века, и ряд иных отличий методики не столь ощутимы, пока речь идет о регионах в целом. Правда, в разных — ненадежных — источниках и оценках по западным республикам экс-СССР на 1997 г. могут таиться многочисленные трудноустранимые ошибки.

Перейдем к географическим картинам (рис. 4.1.8 — 4.1.16).

⁷ От 2,6 до 1,4 по европейским регионам. Линейную закономерность нарушали малосемейные хозяйства Ливонии. Но от пары домочадцев кормильцу и там была реальная помощь, так что множитель остается выше 1.

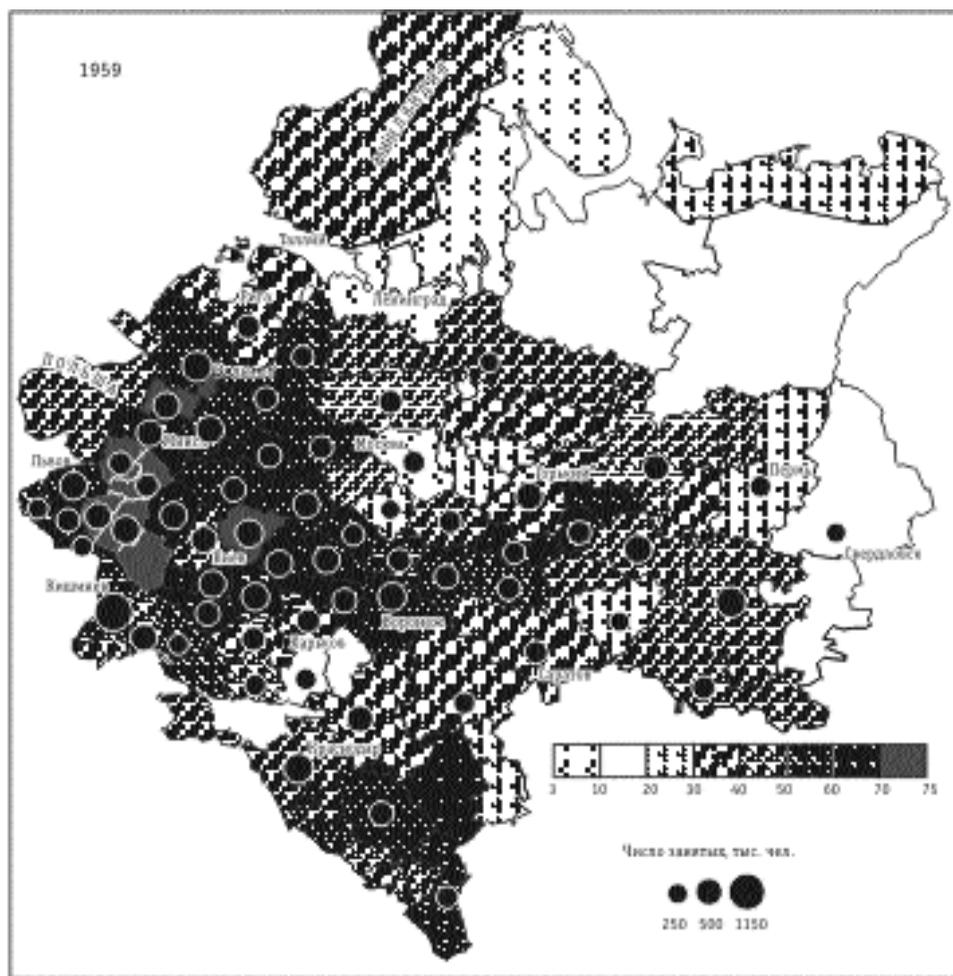
⁸ Куда отнести, скажем, Льва Толстого? Вторые и теневые занятия — ахиллесова пята любой статистики труда, причем в начале и в конце века более ощутимая, чем в его середине.

Рис. 4.1.8. Доля занятых (в %) в первичном секторе (сельское и лесное хозяйство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1897 г.

Агросектор в конце XIX в. доминировал почти везде (рис. 4.1.8). Исключения — столичные Петербургский и Московский регионы, «окна» крупногородской жизни и занятий на сплошном аграрном фоне. Только там и, понятно, за счет самих столиц доля занятых в секторе была ниже 30%. Их численность меньше, чем во многих регионах, но не минимальна (на картах ее нет, если она не выдерживает условного ценза в 250 тыс. чел.). Первичный фон чуть бледнел в Центре, особенно старотекстильным (бывшая Вла-

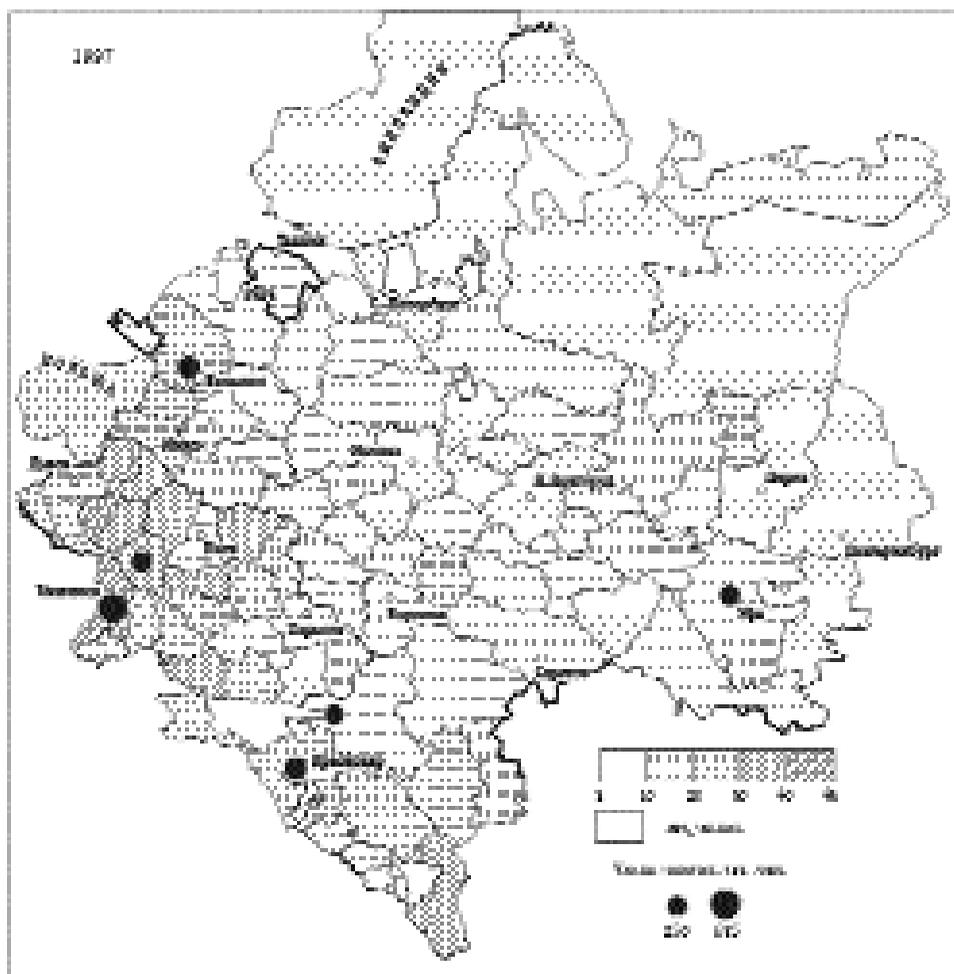
Рис. 4.1.9. Доля занятых (в %) в первичном секторе (сельское и лесное хозяйство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1957 г.

димирская губерния), на северо-западной и юго-западной окраинах и на Урале, но доля сектора нигде не опускалась ниже 50% от общего числа занятых.

В 1950-х гг. индустриализация сильно растянула вереницу регионов по остаточной доле агросектора, что видно даже по длине легенды (на рис. 4.1.9). Эта доля уже низка в СПР и в приморских регионах (Крым, северная Прибалтика, Мурманск, Астрахань).

Рис. 4.1.10. Доля занятых (в %) в первичном секторе (сельское и лесное хозяйство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1997 г.

Но она еще очень высока в среднерусской глубинке, окружающей Центр широким кольцом, хотя в северной его части ниже, чем в южной. Туда заходит широтный клин из западной зоны Союза, разорванной лишь Киевским «окном». Ее индустриально-городское отставание от ряда регионов России и от соседей на западе (Польши и др.) имеет глубокие корни.

Это и теперь главный полюс аграрного традиционного общества в европейской части бывшего СССР (рис. 4.1.10). Его восточное продолжение в РФ размыто («останец» виден на Тамбовщине) и как бы сдвинуто на юг, но и там доля агросектора официально не выше 40%. Правда, в жизни он весомее и в сельских регионах с учетом неформальных занятий может превзойти другие. Да и статистика 1990-х гг. местами отмечала некоторый рост его доли, вторичную аграризацию, подобную кризисной дезурбанизации⁹. С ней и с давностью выхода региона из «первичного быта» к промышленно-городскому коррелирует местный консерватизм. Вот из черноземного клина 1950-х гг. и получилась в 90-х особая политико-географическая зона — пресловутый Красный пояс России.

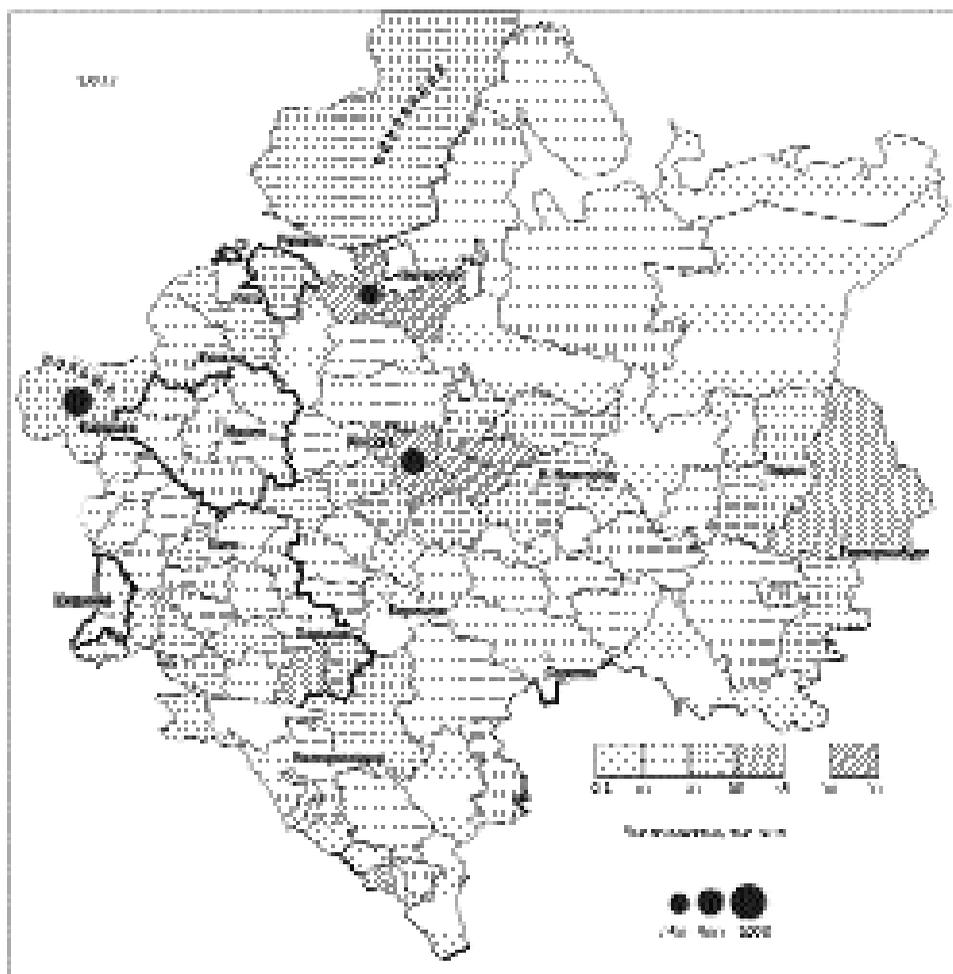
Главным очагом начальной концентрации индустриальных занятий в 1897 г. был Московский регион с его восточным продолжением (рис. 4.1.11). Он и Петербург с окружением — единственные ареалы, где доля сектора достигла 30–40%. На Урале, в Донбассе и русско-польской Силезии — $\frac{1}{4}$, а в большинстве регионов — едва $\frac{1}{10}$. И это спустя полвека после промышленного переворота (первых паровых машин, железных дорог) и через 36 лет после освобождения крестьян, два поколения которых могли бы стать рабочими. Велика же была сословная, расселенческая, пространственная инерция! Но ведь если «мужика не пускали на фабрику, фабрика шла к мужику». Шла, да не всюду, взяла на российских проселках. По данным Б. Н. Миронова (1999, т. 1, с. 306), сектор занимал 28% горожан и 7% селян. Земледельческое население преобладало в 493 из 506 уездов европейских губерний; самое яркое исключение — 2–3 подмосковных. Правда, «несельские» занятия в 11% уездов доставляли главные средства 30–55% крестьян, еще в 17% уездов — 20–29%, а в большинстве — 5–10% (там же, с. 307). Были еще вторые занятия, сезонно-отходные промыслы. Однако тот же автор показал, что конец XIX в. — время резкого экономического отделения города от деревни (доля аграрных занятий в статусных городах после реформ упала с 18 до 8%). А это сдерживало индустриализацию, учитывая дефицит городов, даже с учетом «истинных» по В. П. Ситуация была разной на севере и на юге, хотя по нашей карте этого еще не видно¹⁰.

В 50-х гг. разница уже заметна (рис. 4.1.12). Северо-восточная половина европейской части стала помышленной, причем у десятка гипериндустриальных регионов сектор занял свыше 50% работников (58% в Свердловском, но лидер по их числу — Московский). Северо-западные окраины обогнали по его доле Финляндию. На юго-западе она в 2–3 раза ниже. Негативом с карты 4.1.9 смотрится тот же клин, заходящий вглубь России. Главное исключение — Донбасс с Приднепровьем, связанные Волго-Донским коридором с Уралом. Это еще не апогей диффузии вторичного секто-

⁹ См. главу 2.6.

¹⁰ Русский Север и Нечерноземье давно стали зоной торговли и ремесел, уступив роль главных кормильцев южным окраинам. Это сыграло свою роль, хотя первый цикл российской машинной индустриализации, охватив с 1840 г. пищевые отрасли, рассеял сахарные и маслозаводики по многим селам южных губерний. Но из-за размеров, меньших, чем у фабрик Центра (не говоря об Урале и Донбассе), и общей специфики регионального развития они далеко не всегда могли сделать эти села городами.

Рис. 4.1.11. Доля занятых (в %) во вторичном секторе (промышленность и строительство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1897 г.

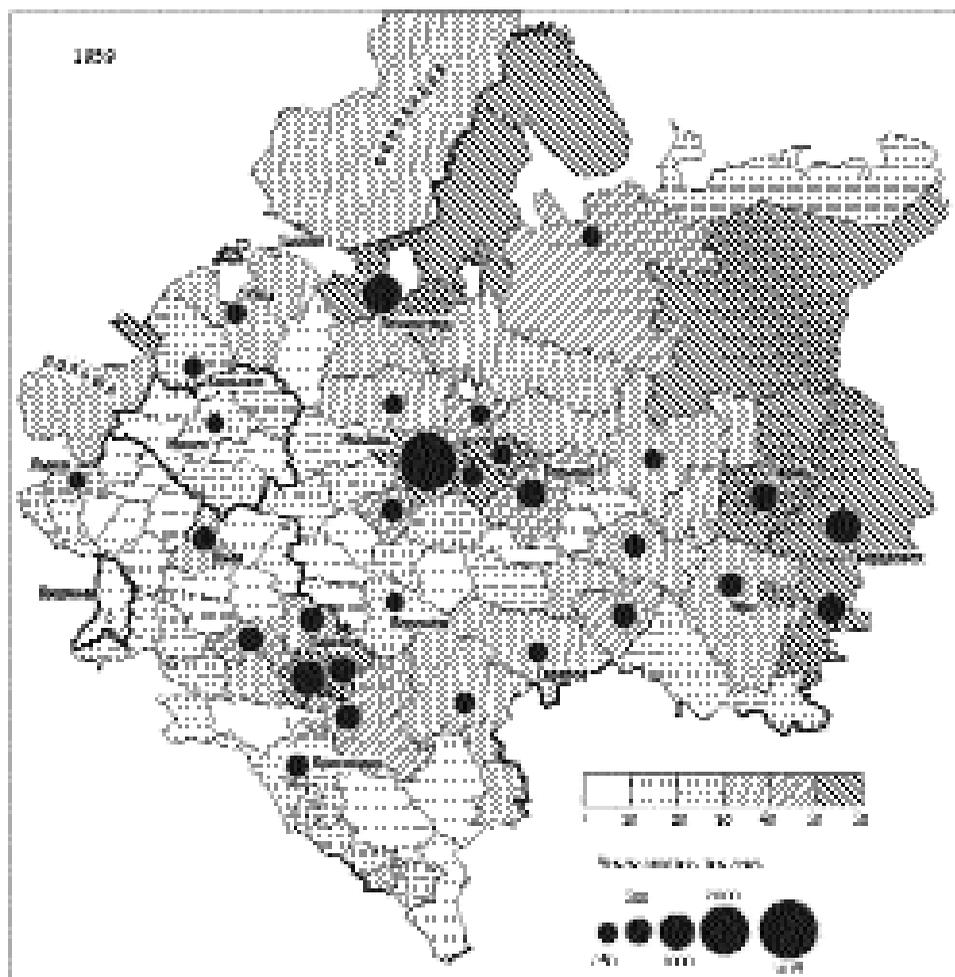

ра, хотя его старые очаги заметно расширяются, совпадая с растущими очагами урбанизации¹¹.

Дезиндустриализация к исходу века буквально стерла с карты гиперпромышленные очаги (рис. 4.1.13). Да и тех, где доля сектора выше 40%, осталось в 1997 г. всего пять:

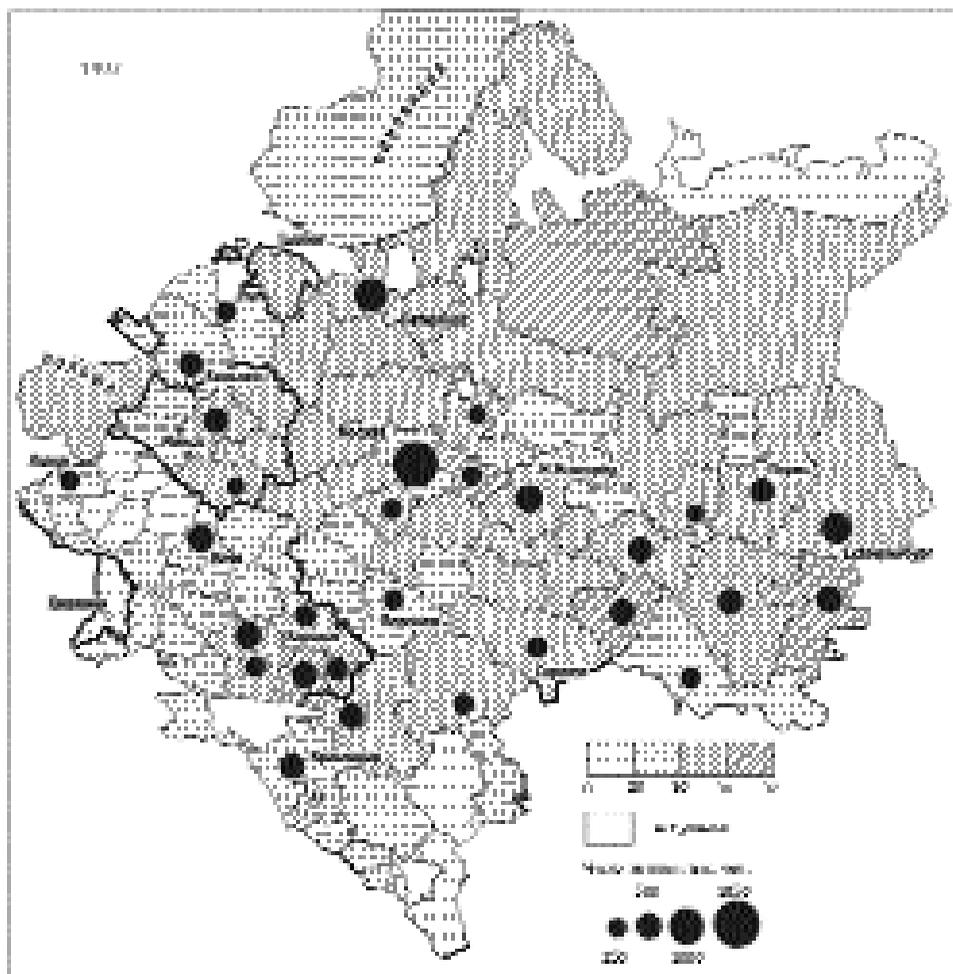
¹¹ См. главу 2.5. Отклонения от этого правила тоже приурочены к оси юго-запад — северо-восток. В Крыму горожан было около 65%, а занятых во вторичном секторе — менее 30%. Зато в ряде регионов Поволжья и Предуралья (Ульяновском, Башкирском, Кировском) эти доли почти равны: по 30–40%. Северная урбанизация по своей экономической базе уже заметно отличалась от южной.

Рис. 4.1.12. Доля занятых (в %) во вторичном секторе (промышленность и строительство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1959 г.

три СПР и пара «средневозрастных». В Центре это Владимирский, а не Московский регион. Последний — еще абсолютный лидер, но судя по доле — уже пробел на фоне окружения, застрявшего в промышленной эпохе, что относится даже ко второму столичному региону РФ. Былая экспансия индустрии оставила следы в обширных зонах: от Минска до Калуги, от Липецка до Чебоксар, где доля сектора выше, чем в 50-х гг. То же самое на Юге

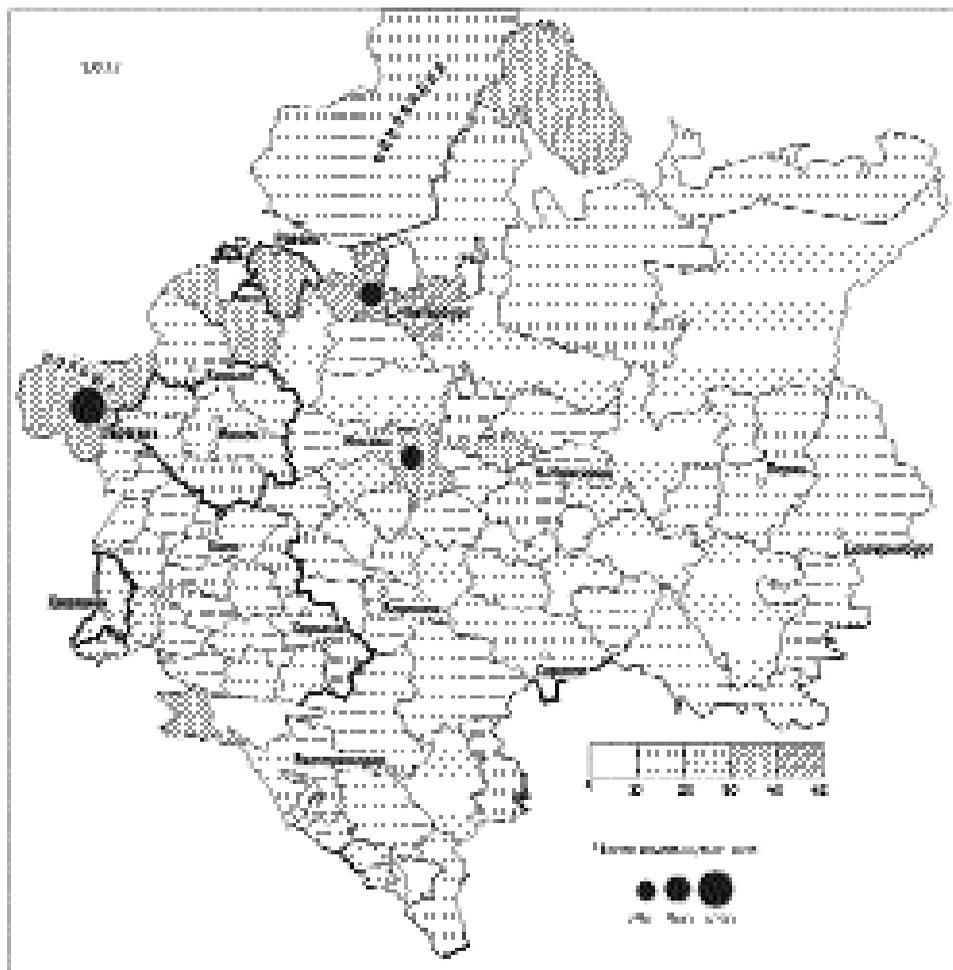
Рис. 4.1.13. Доля занятых (в %) во вторичном секторе (промышленность и строительство) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1997 г.

России и на западе экс-СССР: контрасты индустриализации (и урбанизации) сгладились, укоротилась шкала карты. Правда, виден знакомый клин, только без восточного острья. В Молдове, местами на западе Украины, в Калмыкии и Дагестане доля сектора ниже 20%.

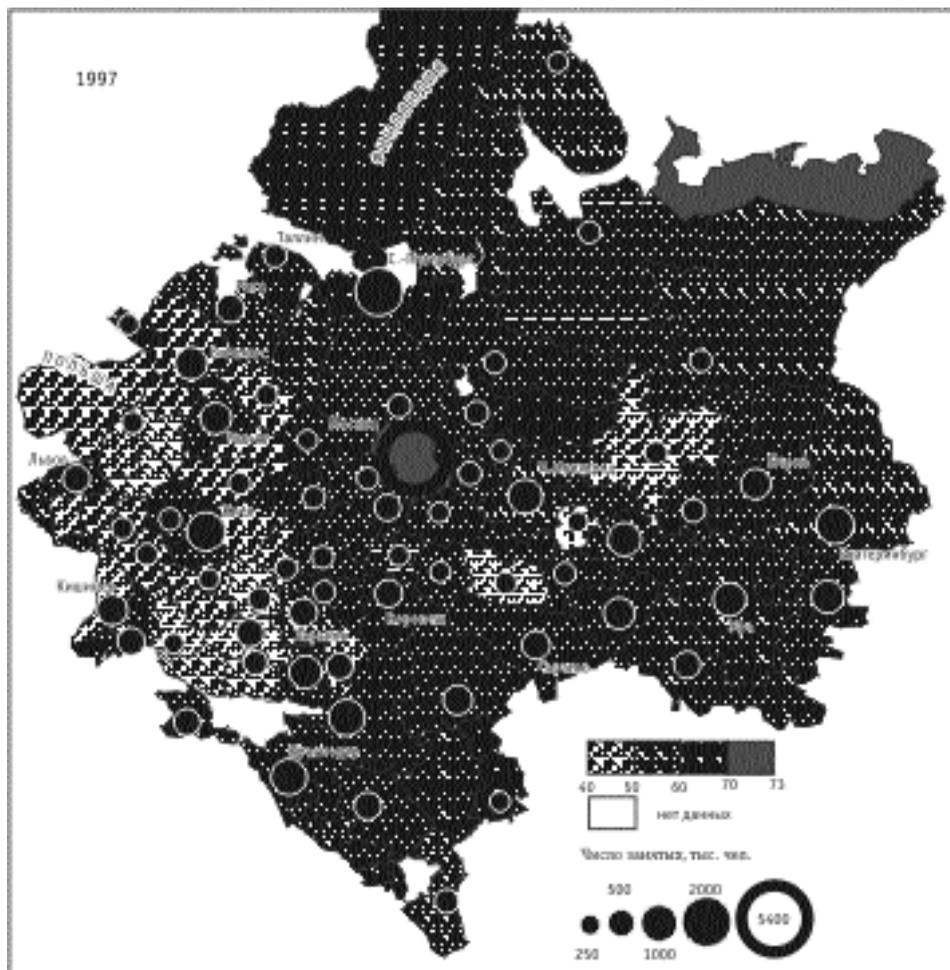
Уникальным третичным регионом XIX в., с долей соответствующего сектора за 40%, был столичный Петербургский (по числу занятых его опережала Польша, взятая цели-

Рис. 4.1.14. Доля занятых (в %) в третичном секторе (транспорт, торговля, администрация, услуги) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1897 г.

ком; Варшавская губерния была третьей). За ним шли Московский и «всеимперская здравница» Крым (рис. 4.1.14). В целом картина по сравнению с индустриальной на ту же дату обнаруживает смещение к западным окраинам империи, где доля выше, чем на современной территории РФ. Впрочем, менее 5% не было даже в самых аграрно-сельских регионах, не обходившихся без торговцев и чиновников, учителей и священ-

Рис. 4.1.16. Доля занятых (в %) в третичном секторе (транспорт, торговля, администрация, услуги) по современным странам и регионам европейской части России — СССР, 1997 г.

индустрии и строительству), но просто в силу слабости других секторов северного округа. На всем севере РСФСР занятых в третичном секторе меньше, чем в одной Москве (1,4 млн). В европейской части Союза его средняя доля — 25%, а ее вариация теперь сходна с различиями в уровне индустриализации — та явно влечет за собой урбанизацию и терциаризацию занятий. На западе, в отличие от 1897 г., виден все тот же «притупленный» клин.

В 1997 г. экспансия сектора, всюду теснящего вторичный, доводит его среднюю долю до 54% (без Польши и Финляндии; в первой она поменьше, как в смежных регионах экс-СССР, а во второй — больше). Мест, где эта доля ниже 40%, на карте уже нет, а в РФ почти нет и тех, где она ниже 50% (рис. 4.1.16). Однако концентрацию сервисного сектора в Московском регионе трудно назвать остаточной. В Москве его масштабы уникальны: 3,9 млн человек (77%). Украина и Беларусь вроде бы отстают. Но по пунсонам на картах (числу занятых там, где их больше 250 тыс.) можно проследить нечто вроде старинной Гардарики, гряды крупных третичных центров от Питера к Минску, Киеву, Одессе, агломерациям Восточной Украины.

Два столичных региона в 1897 г. концентрировали 15% занятых сектора в европейской части страны (без Польши и Финляндии), 18% в 1959 и 17,5% в 1997 г. Добавив Киевский и Минский регионы, получим: 18,7, 21,3 и 22%. Их доля по кадрам вторичного сектора сперва была выше (24,1%), но за столетие снизилась (16,4%). Вторичный сектор явно стал менее столичным по своей дислокации, а сервисный — сохранил и усилил это свойство.

Часто выделяемый из третичного элитный четвертичный сектор мы рассчитали так: занятые в науке, культуре, искусстве, информатике взяты целиком, а в здравоохранении, образовании, управлении — частично (по 25–40% в зависимости от отраслевой доли самых квалифицированных кадров и учреждений высшего разряда, например вузов). В 1897 г. их средняя доля составляла всего 2,2%, повышаясь до 8,3% в Питерском регионе (90 тыс. чел.) и 5,8% в Московском. Следом шли Варшавская губерния (4,5%), Киевская и Одесская области в их современном виде (по 3,8%). К концу века средняя доля сектора поднялась до 13%, в Москве — до 22% (а в ее регионе почти до 20), в Петербурге, Киеве и Минске — до 16–18%. Концентрация сектора в четырех столичных регионах изменилась мало: 23–24% в начале и конце, но в середине века она была еще выше (до 32%).

Позднесоветские сдвиги в структуре занятий регионов говорили об их сближении. Пионеры и аутсайдеры индустриализации как главного «разводящего» процесса полувека двигались разными путями, но к одной цели, к некоей структуре-аттрактору с долями секторов: III — 50–55%, II — 30–40%, I — 10–20% (Территориальная., 1995, с. 47; Трейвиш, 1997). Кризисная дезиндустриализация усилила не конвергенцию, а скорее дивергенцию регионов. Столичные, некоторые северные (Мурманский) и СПР (крупногородские) упрямо шли к сервисной структуре, перевыполняя прежние «планы» терциаризации. Многие южные, теряя свою слабую промышленность, поворачивали назад, к аграрной структуре. Все это явно связано с уровнем и возрастом урбанизации, с составом населения.

«Сельские» и «городские» занятия деревни и города

Соотношение основных категорий занятых и населения требует отдельного анализа. Соответствующая матрица корреляций представлена в **табл. 4.1.4**. Сразу заметим, что коэффициенты второй половины века для масс всего населения и всех занятых (в таблице не приведенные) достигают почти единицы. Это относится и к связи «городских секторов» с массой горожан. В 1959 г. виновником их тесного сближения был вторичный сектор (II), а в 1997 — сектор III¹². Таблица еще раз подтверждает значение истинных городов В. П., чье население в 1897 г. теснее официально городского коррелировало с занятыми в городских секторах и особенно в индустриальном, хотя разница видна у общесервисного и даже у четвертичного сектора IV. Неожиданным оказалось то, что размещение занятых в них не проявляет более сильной «тяги» к местам концентрации больших городов¹³, чем горожан вообще. Правда, она росла, а слабость начала только у индустрии, меньшая привязанность которой к главным полифункциональным центрам вполне объяснима.

Она меньше и у пары «большой город — сельские занятия», чем у последних со всеми городами. А постоянное и в итоге 2–4-кратное усиление их сопряженности выразительно отражает вторичное центростремительное сжатие сектора I и самого села, опи-

Таблица 4.1.4. Коэффициенты корреляции между размещением основных категорий населения и занятых в экономике по регионам европейской части РФ

Сектора занятий от I (первичного) до IV (четвертичного)	Категории населения и год									
	сельское			городское				большие города*		
	1897	1959	1997	истинное 1897	статусное (официальное) 1897	1959	1997	1897	1959	1997
I (сельские)	0,98	0,92	0,96	0,23	0,10	0,23	0,41	0,10	0,19	0,37
II+III (городские)	0,34	0,56	0,52	0,98	0,87	0,995	0,998	0,95	0,98	0,99
II	0,27	0,55	0,56	0,93	0,77	0,996	0,98	0,89	0,97	0,96
III	0,39	0,58	0,39	0,98	0,92	0,98	0,99	0,95	0,98	0,99
в т.ч. IV	0,35	0,50	0,46	0,98	0,94	0,95	0,98	0,96	0,96	0,98

* С населением: 40 тыс. чел. и более в 1897 г., 100 тыс. чел. и более в 1959 г., 150 тыс. чел. и более в 1997 г.

¹² Ведь отрасли третичной сферы неуклонно теснили вторичные; лишь в 1999 г. прекратилось сокращение числа занятых в промышленности РФ, но не в строительстве. Отсюда разная динамика гипериндустриальных и постиндустриальных городов (см. главу 2.3).

¹³ Переменного размера, как в главе 2.5.

санное в части 3 нашей книги. Правда, цифры в левых колонках таблицы говорят о том, что теснота связи сельского населения с агросектором в середине века слабеет, но к его концу опять растет. Тяготение же «городских занятий» к деревне сперва увеличилось, а потом уменьшилось. Этот цикл наиболее ярко выражен у третичного сектора, где уровень связи после подъема вернулся к исходному. В чем же дело?

Во-первых, в середине века было много сельских поселений несельскохозяйственного профиля. Потом масса мелких транспортных, лесопромышленных и промысловых селений исчезает, а более крупные и многопрофильные – получают статус городских¹⁴. Во-вторых, тот факт, что к 1989 г. 92% сельского населения России жило в пунктах аграрных по ведущей роли, связан с надзором властей за чистотой этой роли, с пресечением попыток председателей укрепить экономику хозяйств с помощью диверсификации, прибыльных, но «посторонних» земледелию занятий. В-третьих, противоречива в этом смысле рурбанизация (субурбанизация села). В пригородах вообще-то велико разнообразие функций и видов труда, однако обилие городов, их близость к селу как рынков сбыта, центров обслуживания, повышенная эффективность агросектора и т. п. ведут к более узкой специализации.

К исходу века (в отличие от начала и середины) корреляция сельского населения с размещением занятых в секторе IV оказалась выше, чем с «массой» третичного. Школа, клуб и сельская администрация нужнее или устойчивее почты, магазина, столовой, общественной бани, не говоря о каком-нибудь доме быта, занесенном городской модой 70-х гг.

Все это не заменяет анализа динамики структуры занятости в городе и деревне, но с ней много проблем информационного характера. Так, переписи регистрируют занятых в местах их жительства, а текущий учет — на рабочих местах, помещая в города сельских маятниковых мигрантов. Имеющиеся под рукой сводные данные не идентичны по охвату территории, а наиболее свежие с разделением на российские (но только российские) город и село относятся к 1993 г. Представим все же эволюцию этой структуры так, чтобы территория была сопоставима хотя бы в рамках одного «полупериода».

В табл. 4.1.5 динамика занятий города и села выглядит иначе, чем описано выше, ибо отражает мощный и всеобщий процесс их «урбанизации»¹⁵. Доля аграрных занятий резко упала и в городе, и на селе, где удельный вес «городских» секторов вырос примерно втрое. Еще в 1959 г. сельская структура перестала зеркально отражать городскую, хотя более 1/2 работников в российских селах и в 1993 г. числились за агросектором I (в европейской части — 56%, на Востоке РФ — 45,5%). Общей тенденцией второй половины века для города и деревни стал переход от индустриализации занятий к терциаризации, причем более быстрой на селе. Разрыв по доле занятых в сферах коммуникаций и торговли велик (3,5–2 раза), но в сфере обслуживания и в четвертичной так сократился, что их уже трудно назвать городскими даже в кавычках, несмотря на разницу в качественном составе.

¹⁴ См. главу 3.1.

¹⁵ Напомним, впрочем, что речь идет только об основных и официальных занятиях, без вторых и теневых.

Таблица 4.1.5. Сдвиги в структуре занятий городского и сельского населения, %

Сектора и отрасли занятий	Год, территория и категория поселений									
	1897		1959				1993			
	Европейская Россия*		Европейская часть СССР		РСФСР		РФ		Европейская часть РФ	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
Всего**	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельские (I)***	11,9	86,3	4,9	72,3	3,2	65,3	1,8	53,6	1,7	56,0
Городские (II+III)	88,1	13,7	95,1	27,7	96,8	34,7	98,2	46,4	98,3	44,0
в т. ч.: II	37,1	7,2	56,2	13,3	57,8	16,9	46,8	16,4	47,2	15,8
III	51,0	6,5	38,9	14,4	39,0	17,8	51,4	30,0	51,1	28,2
в т. ч.:										
Транспорт и связь	6,4	0,9	9,4	3,0	9,6	3,8	9,2	2,7	8,4	2,4
Торговля****	12,4	1,3	7,8	2,9	7,6	3,7	10,9	5,5	11,1	5,3
Прочие (услуги)	32,2	4,3	21,7	8,5	21,8	10,3	31,3	21,8	31,6	20,5
в т. ч. IV*****	7,9	1,1	12,8	5,0	13,1	7,0	17,4	14,8	17,9	14,0

* Европейские губернии без Польши и Финляндии; города – официальные (по статусу).

** Без учащихся, рантье, помощников-домочадцев, занятых только в домашнем и подсобном хозяйстве, военных и работников, не распределенных по отраслям.

*** Включая рыболовство и охоту в 1897 г.

**** Включая все виды оптовой и розничной торговли, снабжения, сбыта и общественного питания.

***** Все занятые в образовании, науке, культуре, искусстве, финансовой сфере и управлении.

Источники: Миронов, 1999, т. 1, с. 307; материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г.; баланс трудовых ресурсов за 1993, рассчитанный Госкомстатом России.

Если XIX век закончился резким отделением города от деревни по функциям и структуре занятий, то XX век повел деревню прямо в город, к нему поближе (в пригород) и за ним вдогонку в структурном отношении. По Б. Н. Миронову (1999, т. 1, с. 309), русский город XVIII в. был доиндустриальным, до середины XIX — прединдустриальным, к его концу — раннеиндустриальным. В XX в. он стал типично, а то и избыточно индустриальным. XXI век застает большинство городов где-то на переходе от позднего индустриального состояния к раннему постиндустриальному. Деревня, формально говоря, осталась аграрной, хотя уже в 1950-х гг. была иной на треть (в 1897 г. — лишь на 1/7); эта треть почти поровну состояла из секторов II и III. Затем третичный взял верх, и даже решительнее, чем в городе.

С общим (не завершенным) движением села от первичной структуры к третичной, видимо, связано уклонение аграрно-сельских стран и регионов от классической европейской схемы сдвигов с обязательной сильной индустриализацией, упомянутое в начале главы. Разным схемам обычно следуют Север и Юг, ведь массы и геоцентры горожан и сельских жителей со временем разошлись по меридиану (см. рис. 4.1.4). Подберем регионы на условном профиле, проведенном с севера на юг Европейской России, но мимо самых мощных крупногородских ареалов, чьи пригородные зоны могут исказить картину, из-за разницы в учете занятых по местам жительства и труда переписью 1959 г. и текущей статистикой (табл. 4.1.6).

Структуры города и села мало различались на севере, в Архангельской области, где первичные функции сельских поселений¹⁶ второстепенны. В 50-х гг. более 60% работников занимали в них «городские» сектора, в 90-х их доля достигла $\frac{3}{4}$. Сектор II, уступив третичному, остался самым весомым на нашем профиле. Отметим нетипичное для других мест ослабление транспортных функций сельских пунктов (разрежение низовой сети) и городов (упадок Архангельского порта, глубокая депрессия Северодвинска).

В старотекстильной Ивановской области занятия горожан — самые «городские», хотя в этом отношении регионы разнятся мало. Сектор II, несмотря на его ранний кризис, в 1993 г. преобладал над сервисным, все слагаемые которого, кроме сектора IV, скромны. Село (менее $\frac{1}{6}$ всех жителей) сохраняло аграрные функции даже в большей мере, чем на Тамбовщине. Низкая и падающая доля сельской индустрии нисколько не похожа на сельско-фабричный бум XIX в.: те села, став городами и пгт, отмежевались от «агродеревни». Зато у нее быстро росла сфера услуг, за счет которой доля всего сектора III более чем удвоилась.

Города Тамбовской области, представителя среднерусской глубинки, в 50-х гг. имели больший процент занятых в агросекторе, чем на севере, но меньший, чем на самом юге России. В 1993 г. их доля даже выше южной, но, как мы знаем, мелкогогородское население таких мест в реальной жизни вообще гораздо аграрнее, чем по статистике. И все же здесь, в отличие от промышленного севера, шла индустриализация деревни.

На аграрном Ставрополье в 50-х гг. сектор I занимал 7,5% горожан, затем его доля резко упала. А вот поздняя и изначально низкая индустриализация города продолжалась во второй половине века, и доля сектора II выросла (с услугами все наоборот: видно, это уже результат кризиса Минераловодских курортов в начале 90-х гг.). Росла его доля и на селе, но для сел и станиц, не уступающих размером иному городу, она маловата, недостает и сервисных отраслей. Аграрный характер сельской местности здесь наиболее очевиден.

Эти примеры опять заставляют скорректировать общее суждение. Оказывается, и на юге России терциаризация, причем как сельская, так и городская, не столь независима от индустриализации и не вполне ее заменяет. Правда, это все-таки относится к прошлому. Современное и будущее развитие могут быть уже иными.

¹⁶ В сектор I, кроме сельского хозяйства, входит лесное (функции ухода и контроля за лесом), но нужно учесть его ведомственную и статистическую отделенность от лесной промышленности, относимой к сектору II.

Таблица 4.1.6. Структура занятий городского и сельского населения избранных регионов Европейской России в 1959 и 1993 гг.

Регионы	Год		Сектора и отрасли занятий (в % к числу всех занятых в регионе)*							
			сель- ские: I	город- ские: II+III	в том числе					
					II	III	в том числе			В т. ч. IV
			трансп. и связь			тор- говля		прочие (услуги)		
Архангельская область**	1959	Город	3,0	97,0	53,5	43,5	16,0	8,0	19,5	10,5
		Село	37,5	62,5	37,6	24,9	8,6	4,8	11,5	7,0
	1993	Город	2,5	97,5	41,3	56,2	13,4	11,0	31,8	16,1
		Село	26,0	74,0	36,0	38,0	8,0	5,8	24,2	15,3
Ивановская область	1959	Город	2,6	97,4	68,5	28,9	5,1	6,9	16,9	9,2
		Село	60,5	39,5	26,3	13,2	2,1	2,7	8,4	5,1
	1993	Город	1,2	98,8	54,4	44,4	6,7	10,0	27,7	15,1
		Село	55,8	44,2	17,0	27,2	3,1	3,9	20,2	13,3
Тамбовская область	1959	Город	5,3	94,7	50,8	43,9	11,3	9,2	23,4	13,6
		Село	75,8	24,2	9,6	14,6	3,0	3,3	8,3	6,0
	1993	Город	2,8	97,2	42,6	54,6	11,1	12,5	31,0	16,2
		Село	55,3	44,7	20,9	23,8	1,7	5,3	16,8	11,9
Ставропольский край***	1959	Город	7,5	92,7	40,1	52,4	10,3	10,1	32,0	15,1
		Село	72,7	27,3	10,2	17,1	2,5	4,8	9,8	6,7
	1993	Город	1,3	98,7	44,2	54,5	10,2	13,0	31,3	13,8
		Село	58,2	41,8	15,5	26,3	11,1	7,2	16,9	11,2

* См. примечания относительно состава занятых к табл. 4.1.5.

** Включая Ненецкий АО.

***В современном составе, без Карачаево-Черкесии в 1959 г.

Общий географический вывод

В качестве такого вывода В. П., заключая свою книгу, предложил схему городских «сгущений» в Европейской России *«под влиянием физико-географических, исторических и экономических причин»* (с. 207). Эта схема-картоид (**рис. 4.1.17**) отражает распределение городской жизни по «принципу кольцеобразности вокруг главного центра»; смыканию внешнего кольца в северо-западном и юго-восточном «квадрантах» мешают природные условия. Сгущения городского населения на сухопутных гранях с Западной Европой и с Сибирью В. П. связал не с одними местными причинами (горной индустрией), но и с тем, что это *«точки соприкосновения „Среднего мира“, в пределах главной колонизационной оси, с более чем он культурными (европейскими) территориями на Западе и менее культурными, чем он (сибирскими) территориями на Востоке»* (с. 208).

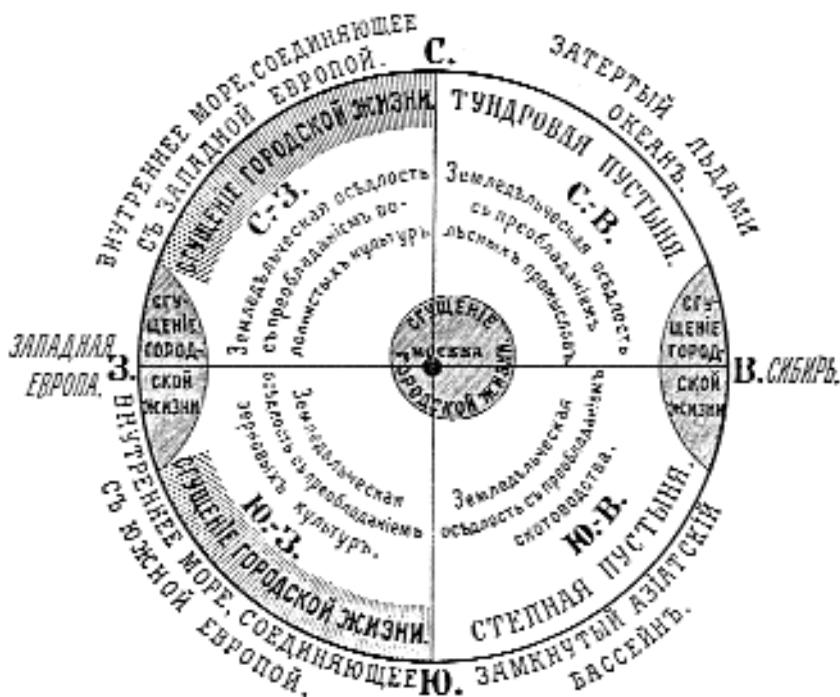
В. П. говорит о городском населении, городской жизни и «культурности», не делая между ними разницы (кстати, схема дана сразу после анализа «культурности» городов) и не уточняя критериев «сгущений». Впрочем, можно проверить схему по статистике населения. Разделим примерно ту же европейскую территорию (явно без Финляндии, но с Польшей) на примерно те же четыре сектора-квадранта, центральный круг, два кольца, внутреннее и периферийное, и два сегмента на западе и востоке. Их пересечение дает 11 элементов; 8 из них — части колец, зонно-секторные ячейки-фасеты по Б. Б. Родману (1999, с. 133)¹⁷. Отнесем число горожан к площади обжитой территории (с плотностью жителей от 1 чел. на кв. км) и примем простые градации, кратные средней по всем элементам густоте городского населения (с учетом «истинного» в конце XIX в.) на каждый момент времени.

Как показывает **рис. 4.1.18**, В. П. почти не ошибся — почти, потому что он все-таки упустил сгущение городов и горожан в середине юго-западного квадранта, хотя сам писал о склонности к несельским занятиям и городской жизни в широкой полосе вдоль главной колонизационной оси, шедшей с Днепра к Оке и Волге (с. 57–58) и близкой к линии раздела двух западных квадрантов. Южная половина полосы, задержавшись в развитии до и после «реконксты» Дикого Поля (аграрный придаток торгово-промышленного Центра, светлый клин на картах урбанизации и индустриализации 1950-х гг.), потом на «зерновом субстрате» все равно росла быстрее, чем северная половина — на «льняном». Этот срединный юго-запад теперь выделяется над средним уровнем еще заметнее¹⁸.

¹⁷ За точность привязки современных регионов (или их частей) к элементам картоида В. П. ручаться трудно. Не будем перечислять их полный состав; укажем только, что в центр мы поместили шесть старопромышленных регионов (от Москвы до Н. Новгорода и от Ярославля до Тулы), что восточный сегмент — это Средний Урал, а западный — Польша (с середины века вся современная) и Запад Украины (Галичина).

¹⁸ У нас он охватывает пространство от Орла до Харькова и от Киева до Рязани. Возможно, В. П. отнес бы Киев и Минск к западным окраинам, но для окраин это мало что меняет, а срединную юго-западную ячейку (рис. 4.1.18) выводит из числа элементов с плотностью выше средней лишь на время (в 50-х гг.).

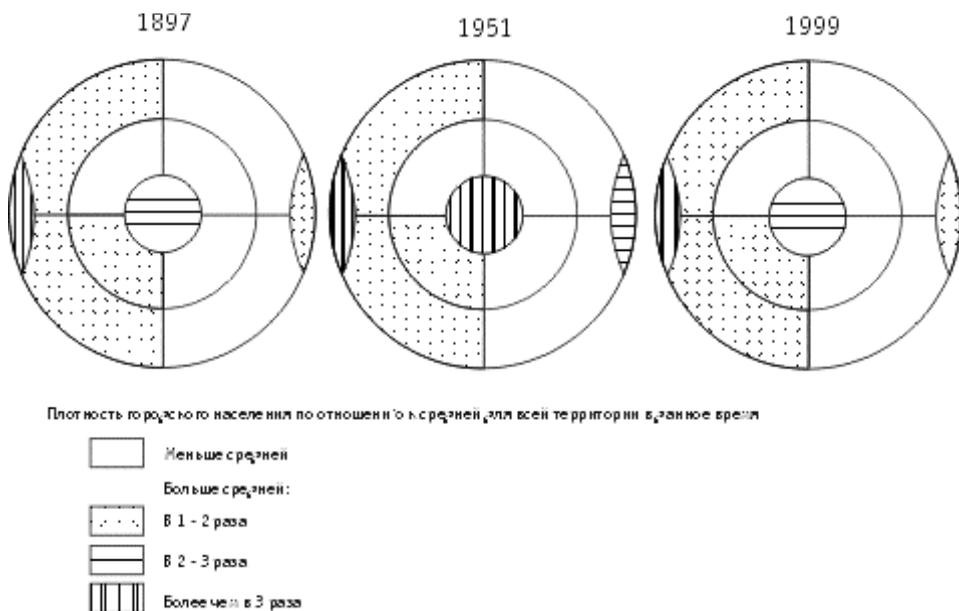
Рис. 4.1.17. Схема сгущения городской жизни в Европейской России по В. П. Семенову-Тянь-Шанскому

Вообще поражает устойчивость этой структуры, абсолютно идентичной в самом начале и в конце столетия. Его послевоенная середина только временно повысила градации относительной плотности горожан в Центре и на Урале. Правда, северо-западная приморско-приграничная дуга с фокусом городской жизни, «сосредоточенной мощной рукой Петра Великого у побережья Балтийского моря» (В. П., с. 181), уже почти не превосходит средний уровень плотности, уступая дуге юго-западной. Зато срединный юго-восточный элемент (Средняя Волга и Предуралье) близок к тому, чтобы пополнить число сгущений и сделать схему чуть более симметричной.

В. П., рисуя свою схему, конечно, хотел дать общую геополитическую, геокультурную, геоэкономическую характеристику городского развития Европейской России. И она почти совпала с чисто количественной (по нехитрому признаку) спустя почти столет! Налицо не только преемственность пространственного развития, несмотря на внушительный восточный сдвиг, смену столицы, распад страны и т. д., но и сходство внешней геоситуации, опять повысившей роль «окон» в мир. Теперь к ним, помимо Балтий-

Рис. 4.1.18. Динамика плотности городского населения по элементам схемы В. П. в XX веке

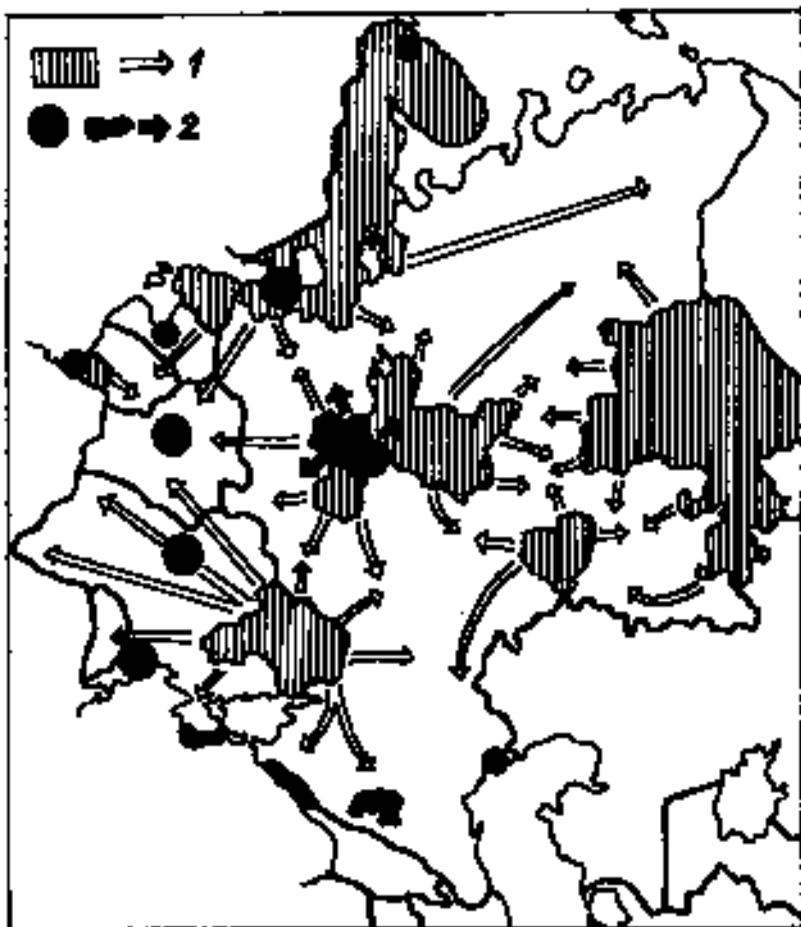

ского и Черноморского, и даже в первую очередь, нужно относить центральное — столичное «окно».

О преобладании и изменчивости внутренних качественных сдвигов можно судить хотя бы по составу занятых. Приведем еще одну — простую, читатель, последнюю — схему, которая вытекала из анализа этих сдвигов до 1985 г. (Территориальная..., 1995, с. 54). На ней совмещены очаги индустриальных и более поздних постиндустриальных сдвигов (рис. 4.1.19). Первые обширнее и «восточнее» вторых, представленных: а) цепочкой городов по западным окраинам экс-СССР, б) курортными ареалами на юге и в) Московским регионом, уникальным по насыщению третично-четвертичной деятельностью и ее самым мощным транслятором на окружение.

В любой схеме есть свои слабые места, в данном случае — хотя бы из-за временного горизонта, расширение которого назад, в прошлое, и вперед, пусть только в 90-е гг., внесло бы свои коррективы. Ведь если вернуться к рисункам 4.1.11–4.1.16, то станет ясно, что очаги индустриализации в XIX в. не были столь велики (резко возвышаются столичные, особенно Московский), не имели такого восточного эксцентриситета на периферии, как в середине XX в., и в общем похожи на очаги терциаризации. Ближе к XXI веку и она вы-

Рис. 4.1.19. Схема пространственной диффузии сдвигов в занятиях населения в европейской части бывшего СССР за 1959–85 гг.

- 1 — очаги и направления диффузии индустриальных сдвигов;
2 — начальные очаги и признаки диффузии постиндустриальных сдвигов

глядит несколько иначе: в меридиональной западной «гряде» за счет ее крупных центров велико число занятых в сервисном секторе, но их доля выше в России, и к схеме можно добавить ряд ее городов, от Ростова-на-Дону до Екатеринбурга.

Многие считают, что информационная революция и бум четвертичного сектора, нам по сути дела еще предстоящие, тоже имеют много общего с промышленным переворо-

Общий географический вывод

том; основная разница — в скорости. Бизнес-услуги, особенно зависящие от непосредственных контактов, культурные, туристические и иные функции по-прежнему концентрируются в крупнейших городах (Власова, 2000, с. 159). Урбанизация с ее функционально-структурными спутниками и моторами, индустрией и сервисом, весь век меняла пропорции между Западом и Востоком, Севером и Югом, центрами и периферией, а в итоге они оказались куда более постоянными, чем казалось энтузиастам разных реформ и сдвигов, хотя это не значит, что век вообще ничего не изменил, факт остается фактом: постиндустриальную эпоху Россия начинает почти с тех же самых исходных географических позиций, обозначенных ядрами «продвинутой» урбанизации, какие у нее были в начале эпохи индустриальной.

Крупные города — повторим тезис главы 2.7 — выходят за рамки «просто города», и не только в силу их инновативности, умения, постоянно меняясь, быть стабильными очагами и проводниками структурных и других сдвигов. В XX веке они даже физически стали чем-то большим, как бы переливаясь, расплываясь в свои пригородные и спутниковые зоны, в тот особый мир и среду города-села, центра-периферии, о которых речь еще впереди.

4.2. РОССИЙСКИЕ ПРИГОРОДЫ. ГОРОЖАНЕ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ¹

Город, так же как и сельскую местность, можно рассматривать в системе «центр—периферия», где центром служит культурно-историческая центральная часть города, а периферией — его окраины, переходящие в пригород. В этой моноцентрической схеме пригородная зона выступает как территория, сочетающая в себе функции как сельской, так и городской местности. При этом, аналогично схеме Тюнена для сельской местности (см. главу 3.3), убывает по мере удаления от центра интенсивность и концентрация городских видов деятельности. Пригород возникает в результате диффузии города, когда ему тесно в своих границах. При этом город, расширяясь, поглощает ближайшие пригороды, выбрасывая все новые протуберанцы.

Так возникал феодальный пригород с его ремесленными слободами, посадами, монастырями (как форпостами обороны и культурными форпостами центра). По той же схеме развивались буржуазные предместья: фабричные и спальные поселки, железнодорожные узлы, пристани, склады, пригородные усадьбы и дачи состоятельных горожан, пригородные рощи как «легкие» города и места прогулок. А рядом — карьеры вместе с производством строительного материала, свалки, кладбища. В новейшее время это еще и аэропорты, полигоны, экспериментальные заводы и т. п.

Таким образом, ландшафты пригородов крайне разнообразны, специфичны, часто неприглядны и мало управляемы.

Пригороды как зоны стягивания населения

Современные российские пригороды сформировались под влиянием двух противоположных процессов:

— *диффузии из центра городских видов деятельности и городских нововведений*, но постоянно проживающего городского населения, которое пребывает там лишь сезонно;

— *стягивания в пригород извне как сельского, так и городского населения*, желающего работать в крупном городе или рядом с ним и пользоваться его экономическим и культурным потенциалом.

¹ В главе использовались авторские результаты работы над проектами «Окружение российских городов» (координатор Г. Иоффе, Рэдфорд, США) и «Тенденции развития периферийных зон крупнейших городов мира» (координатор И. Браде, Лейпциг, Германия).

Проиллюстрируем роль крупных городов в формировании территориальной структуры расселения и их влияние на ближайшие территории на примере Московского столичного региона и Ярославской области.

Относительно равномерное распределение городов и сельского населения к XIX в. сменяется заметным увеличением их густоты в Центральном районе (**рис. 4.2.1**). В XVIII–XIX вв., когда столицей был Петербург, в Центре России на базе промысловых навыков его населения и концентрации капиталов, сохранившейся после переноса столицы, распространились мануфактуры и фабрики, породившие многие города. Они стали основой последующей сверхбыстрой индустриализации в первой половине XX в., после того как Москва вновь становится столицей. Центры-спутники заметно сгущаются вокруг Москвы, развитие осуществляется по новой схеме «от города» (Московский столичный..., 1988). При этом Москва и ее пригороды поглощали огромные массы населения, как из ближайших, так из дальних регионов. Стягивание сельского населения к столице и другим крупным городам привело к опустошению сельской местности в окружающих областях, хорошо видному на рис. 4.2.1. Советская власть, отменив экономические регуляторы, пыталась ограничить рост Москвы бюрократическими мерами (институт прописки, запреты на строительство). Но они усиливали аккумуляцию населения и деятельности за чертой города. А при распространении ограничений на другие города или на все Подмосковье это повторялось у их границ как у новых барьеров². Так шло разрастание пригородов и их множественная интерференция.

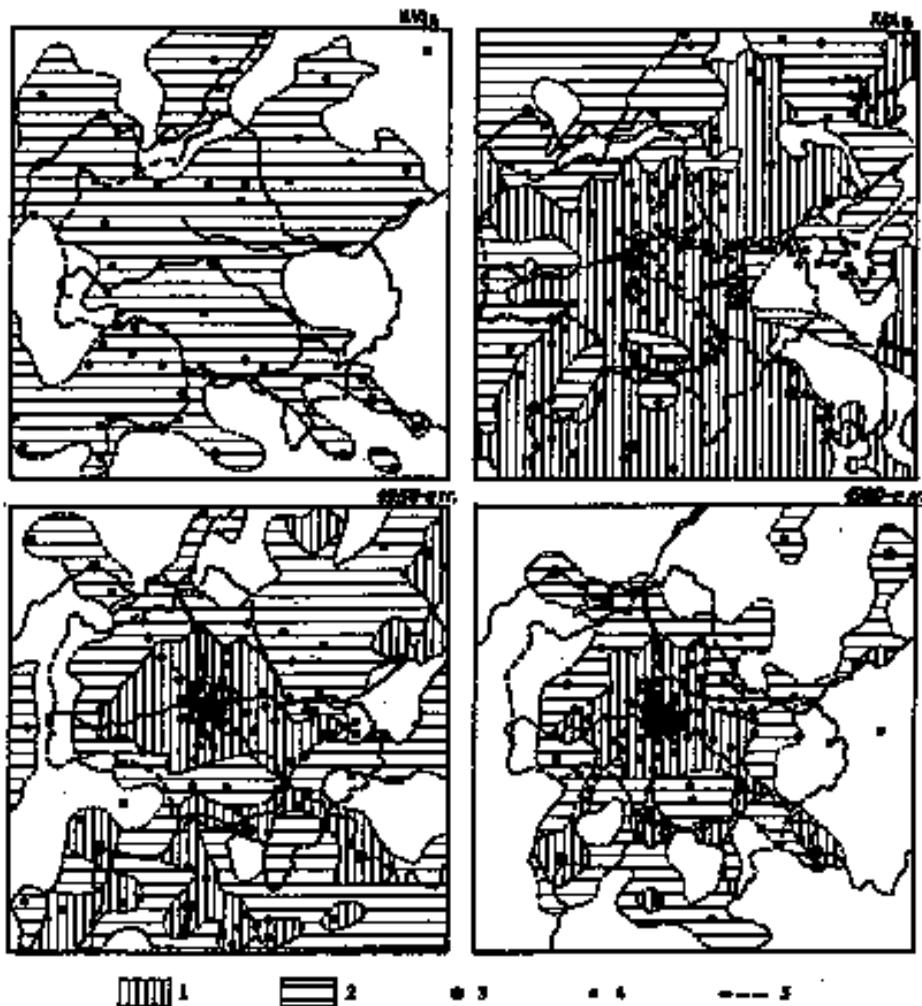
Барьерность границы Московской области, как типичное явление XX в., хорошо видна на меридиональном профиле (**рис. 4.2.2**), отражающем резкое «проседание» к концу века плотности сельского населения в Ярославской области. Лишь Ярославский пригородный район сопоставим по густоте сельского населения с окраинными районами Подмосковья.

Население Москвы и области весь век до 1990 г., за исключением отдельных периодов политических и социальных катастроф, росло быстрее, чем в среднем по России, в то время как в большинстве других центральных областей его численность колебалась, а сельское население сокращалось иной раз на четверть за десятилетие. Московская область обычно отставала по темпам от Москвы, но в отдельные периоды приближалась к ней. Эта динамика в значительной степени определялась особо высокой миграционной аттрактивностью столицы и ее пригородной зоны (**табл. 4.2.1**). Сельское Подмосковье также не теряло притягательности до 1990 г., в то время как у всех окружающих регионов сальдо миграций было резко отрицательным. В начале последнего десятилетия привычная картина нарушилась. Соседние с Подмосковьем регионы поглощали больше переселенцев с севера и востока России, а также из бывших республик СССР (на 10 000 населения). Однако абсолютные цифры сальдо миграций даже в села Подмосковья в то время почти в два раза превышали, например, приток в Тверскую область с ее более высокими относительными показателями.

Тем не менее, кратковременный миграционный спад в Подмосковьи, как и в столице, в начале 1990-х гг. был налицо. Помимо кризиса как такового, он был связан с не-

² См. главу 2.6.

Рис. 4.2.1. Специфика расселения Московского региона на исторических этапах его формирования

Ареалы с более высокой плотностью сельского населения

1 — более 50 чел./кв. км, 2 — 25–50 чел./кв. км

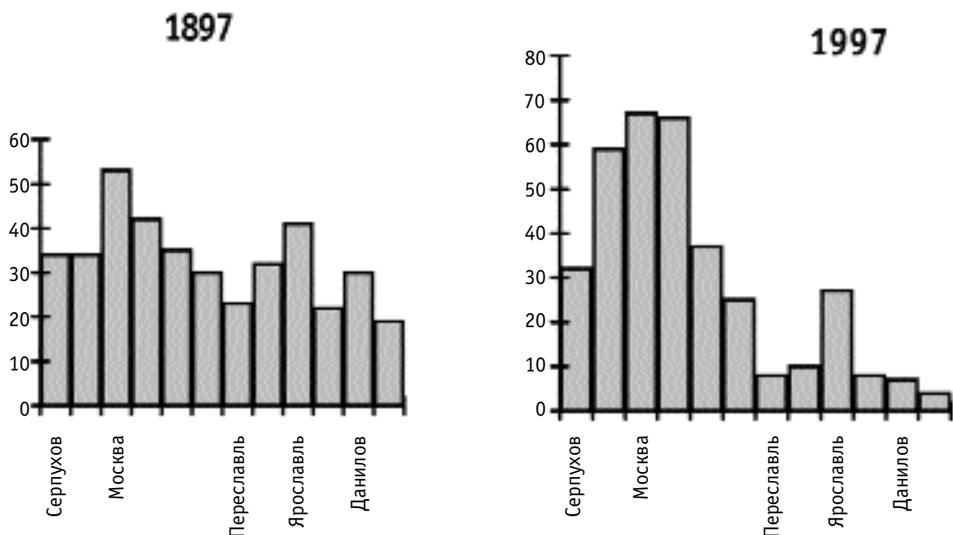
Центры сосредоточения ведущих функций каждого этапа (в XX веке — только городские, на предыдущих этапах — с разным поселенческим статусом):

3 — более крупные; 4 — мелкие

5 — современные границы Московской области.

Источники: Трейвиш А. Московский столичный., 1988, с. 77.

Рис. 4.2.2. Плотность сельского населения в 1897 и 1997 гг. на меридиональном профиле через Московскую и Ярославскую области

которым исчерпанием традиционных форм трудовой миграции в изменившихся условиях, а также со статистическим артефактом: из учета миграций были исключены военнослужащие (Моисеенко и др., 1999, с. 12). Экономические факторы сдерживания населения создали новую барьерность границ столицы и ее пригородной зоны за счет более высокой стоимости жизни, земли, жилья по сравнению с глубиной. Однако барьер Московской области оказался не столь высок, как столичный, и ее привлекательность в начале 1990-х оказалась выше. К 1998 г. былая привлекательность Москвы и ее пригорода практически восстановилась. Сильная запущенность сельской местности в глубинке и преимущества крупных городов и ближайших к ним территорий, которые дают возможность если не жить, то работать в столице, оказались сильнее всех барьеров. При этом положительное сальдо Подмосковья на 60% формируется выходцами из других регионов России (Миграции в Московской..., 1999), остальное — в основном внешние миграции.

После паузы (1991–1996 гг.) восстановилось и положительное сальдо миграций из Московской области в Москву, в 1998 г. оно составило 7 тыс. человек (см. таблицу 2.6.3). Все это говорит о том, что в России следует, по-видимому, говорить не о дезурбанизации и даже не о субурбанизации западного типа³, а скорее о российском варианте сезонной субурбанизации, специфика которого еще будет показана в этой главе более подробно.

³ См. главу 2.6.

Таблица 4.2.1. Динамика, плотность и миграционный прирост населения Москвы, Московской области и некоторых окружающих областей Центральной России

	Москва*	Московская	Владимирская	Смоленская	Рязанская	Тверская	Ярославская	Россия
Области								
Динамика населения, 1999 в % к 1959 г.								
Все население	141	136	116	100	90	90	102	125
Сельское население		63	52	44	40	42	48	70
Плотность населения, чел на кв. км.								
Всего	7906	142	42	24	34	20	40	9
Сельского		28	11	7	11	5	8	2
Миграционный прирост всего населения на 10 000 чел.								
1979–1988	80	50	15	16	-11	25	20	13
в среднем за 1989–1994	5	36	31	65	37	51	38	19
1996–1997	49	62	27	32	30	59	38	24
1998	69	57	38	13	21	34	30	19
Нетто-миграции в тыс. чел. в 1998	59,5	37,6	6,2	1,5	2,7	5,5	4,3	284,7
Миграционный прирост сельского населения на 10 000 чел.								
1979–1988		8	-100	-122	-126	-39	-71	-98
в средн. за 1989–1994		29	15	43	42	52	30	23
1996–1997		69	36	15	36	28	26	12
1998		52	41	-3	24	-5	14	11
Нетто-миграции сельского населения в тыс. чел. в 1998		6,9	1,3	-0,1	1,0	-0,2	0,4	44,5

* Данные за 1959 год в измененных границах 1961 года

Источники: Демографический ежегодник., 1995; Численность населения., 1999; Численность и миграции населения, 1997, 1998, 1999.

В других российских регионах пригородные зоны хотя и скромнее по размерам, но так же привлекательны для переселенцев. Например, в Ярославской области для динамике населения различия центр — периферия оказались решающими. Удаленные северо-восточные и северо-западные районы за три десятка лет потеряли до $\frac{2}{3}$ сельского населения, пострадал и Некрасовский район, расположенный между Костромой и Ярославлем, чье население «выкачали» областные центры. Больше половины жителей лишился и самый южный Переславский район, граничащий с Московской областью. А два пригородных района, Ярославский и Рыбинский, потеряли только 20 и 30% сельского населения. Теперь плотность сельских жителей близ Ярославля составляет 27 чел./кв. км, в соседних районах — сразу падает до 8–11, а на северо-востоке — до 4–5 человек на кв. км. В результате вокруг Ярославля (на 5% площади области) сосредоточена почти пятая часть сельского населения области и почти половина всего ее населения.

В 1990-х гг. сельские пригороды области по-прежнему были наиболее аттрактивны, наряду с восстановившим свою привлекательность пограничным с Московской областью Переславским районом. В основном это были мигранты извне (с севера или из республик бывшего СССР), но важно, что уже к 1996 г. до $\frac{1}{5}$ миграционного притока в пригороды составили внутренние переселенцы из других поселений области при сильном оттоке селян из удаленных районов⁴. Все это говорит о возобновлении внутри-областных перемещений населения от периферии к центру.

Помимо плотности и динамики населения, пригороды выделяет и относительно хорошая инфраструктурная обустроенность. Разрыв в освоенности и обустроенности Московской и Ярославской областей виден на **рис. 4.2.3**. В Ярославской области показаны железные и все реально проезжие автодороги с твердым покрытием, связанные с основной магистральной сетью. В Московской области показ всех автодорог с твердым покрытием при их большой густоте в таком мелком масштабе просто невозможен, поэтому были отобраны, особенно в ближнем Подмоскovie, лишь основные, организующие пространство линии⁵.

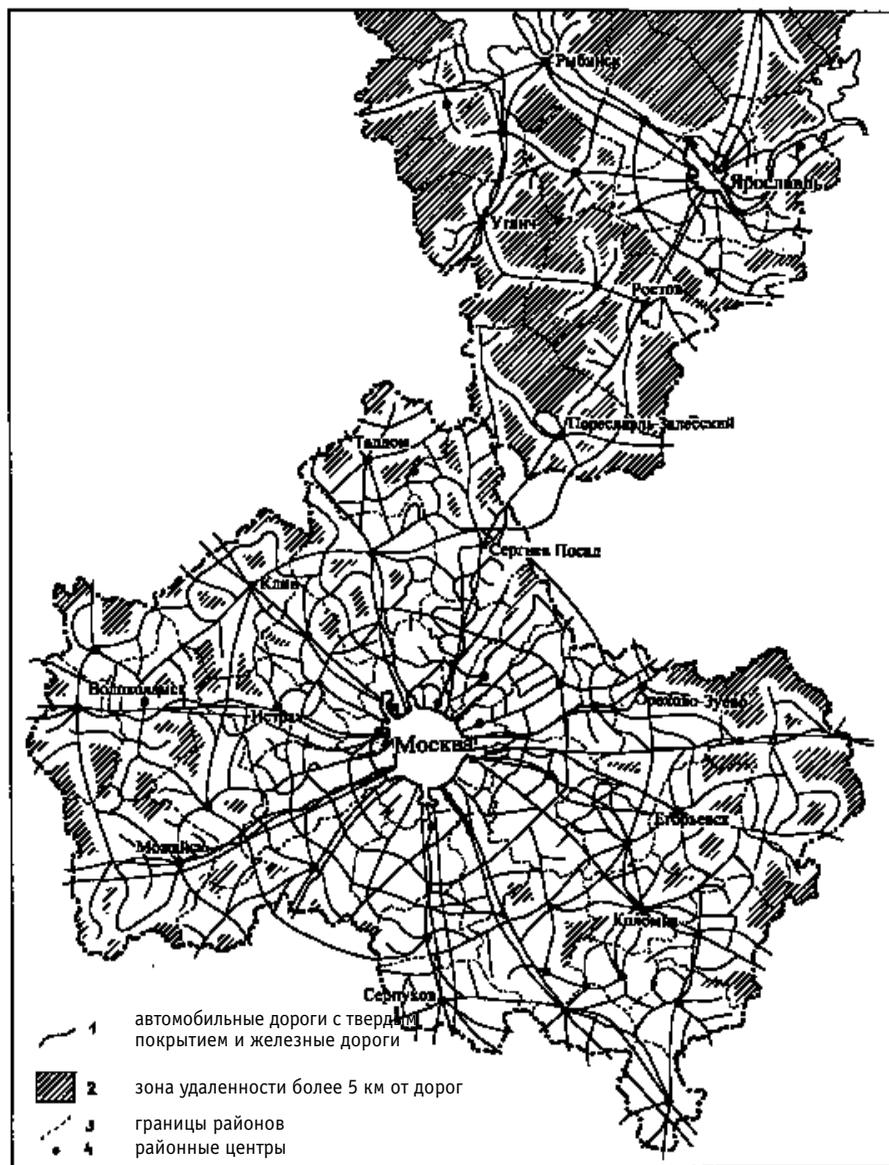
Сам характер транспортной сети — циклический в Подмоскovie и древовидный на Ярославщине — также говорит об их принципиальном различии. Подмоскovie практически все можно считать пригородной зоной. Относительно малодоступные ареалы можно найти здесь лишь на западных и восточных окраинах области. В основном это территории, где сходятся глухие углы разных районов⁶. Большая часть территории Ярославской области связана лишь редкой ненадежной сетью грунтовых дорог. В ней лишь Ярославский район приближается по транспортной обустроенности к Московской области. Это и есть реальная пригородная зона области.

⁴ См. начало главы 3.6.

⁵ Для выявления степени обеспеченности территории проезжей дорожной сетью было принято, что полосы удаленностью до 5 км от дорог с твердым покрытием определяют рамки транспортной доступности. Остальные пространства, по сути, малодоступны и как бы выпадают из поля основной социально-экономической активности.

⁶ Даже на столь плотно освоенной и заселенной территории ярко проявляется специфика местной дорожной сети России — ее обрывы (размыкание) на границах основных регионов, которые связываются только относительно крупными магистралями. Это позволяет определять административные границы даже из космоса.

Рис. 4.2.3. Транспортная доступность территории в Московской и Ярославской областях

Выделяет пригороды и система расселения, и сама организация деятельности. Несмотря на характерную для Нечерноземья в целом мелкоселенность, доля мелких сел и деревень в Подмоскovie гораздо меньше, чем в соседних областях. Да и коллективные предприятия (колхозы, совхозы, акционерные общества и т. п.) мощнее в 2–4 раза. Это особенно наглядно видно при сравнении соседних административных районов, разделенных областной границей.

Пригородные территории – это не крупный город и не сельская местность, а некий переходный между городом и деревней мир. И люди здесь живут иные, чем в центре и в глубинке. О различии сельских жителей в пригородах и на периферии, живущей до сих пор патриархальными традициями и натуральным хозяйством, уже говорилось (см. главу 3.5). Исследователями установлено, что урбанизация личности обгоняет по темпам урбанизацию сельской среды (Зайончковская, 1991, с. 14). Отчасти это связано с тем, что из глубинки в города и пригороды уезжали наиболее молодые и активные люди. Немаловажно и влияние на селян городских дачников, заполонивших пригороды. Но специфичны и городские жители в пригородах, что заметно в Подмоскovie: они и не столичные, и не провинциальные. Наряду с типом столичного горожанина, *москвича*, существует тип *подмосквича* как пригородника и маргинала, но не провинциала.

Нарастание влияния города по мере приближения к нему на тип населения видно, в частности, и по результатам выборов, например, президентских 1996 г., которые очень четко отражали политическое расслоение общества. Население в ближайших к Москве районах голосовало почти так же, как и москвичи (70–75% за Б. Ельцина при 77% в столице), районы-соседи второго порядка — показали 65–70% голосов за Ельцина, а удаленные окраины — 50–55% (Политический альманах..., 1997, с. 663–683).

От отходничества до маятниковых миграций

Говоря о взаимоотношении города и его окружения, В. П. подчеркивал условность ограничения города цепью укреплений или административными границами. Экономический, в его понимании, город *«в своем бесконечном свободном развитии, постепенно поглощая деревни, теоретически может охватить хоть площадь целого уезда и даже более, причем городская жизнь будет сгущаться по мере приближения к центру и расплываться незаметно в сельскую к окраинам уезда и даже далее»* (с. 85–86).

Бурная индустриализация и урбанизация XX века, проводимые за счет российской деревни, с одной стороны, увеличили разрыв между городом и деревней, а с другой — связали их множеством социальных и экономических связей. Попробуем показать, как менялось влияние городов на деревню и какие территории оказывались к этому влиянию наиболее восприимчивыми.

В начала века связь города и деревни ярко проявлялась в отходничестве (см. карту на рис. 3.5.3). Крестьянские хозяйства, особенно в зонах влияния крупных городов,

при аграрном перенаселении становились поставщиками временной рабочей силы в города. На севере число отходников превышало 10% сельских жителей, а в Центрально-Промышленном и Петербургском районах составляло пятую часть. Многие крестьяне месяцами и годами жили в городах, имея городские профессии, но формально относясь к крестьянскому сословию. При этом за ними числилась земля, и они платили за нее налоги. Таким образом, данные формальной приписки населения несколько завышали степень аграризации страны. И все же это были не постоянные городские жители. Отходничество зависело от положения в сельском хозяйстве: повышались цены на лен, расширялись посевные площади — сокращался отход, и наоборот, как только сеять лен становилось менее выгодно, отход усиливался. Вместе с тем именно отходники были первыми проводниками городского менталитета в деревню. Велики были и потоки крестьян, торговавших в городах.

Горожане, не обрубившие родственные и экономические связи с деревней, готовы были в нее вернуться во времена сильных политических и экономических потрясений, например, во время Гражданской войны, когда крупные города стремительно опустели, но почти так же быстро восстановили население.

Традиция отходничества при советской власти постепенно преобразовалась в потоки «лимитчиков», а также в маятниковые миграции из села в город, дополнявшие картину городской рурализации. В 1970–1980-х гг. примерно каждый десятый житель пригородных сел и поселков городского типа ездил на работу в город (Советский народ... , 1988, с. 76). Маятниковая миграция носила большей частью производственный характер. Использование в городах маятниковых мигрантов из окрестных сел в основном на неквалифицированных работах было одним из путей получения рабочей силы без экстенсивного расширения самих городов. За 1925–1975 гг. масштабы трудовой маятниковой миграции выросли в 27 раз, ежедневные поездки в город с культурно-бытовыми целями — в 16 раз (Денисова, 1998, с. 147).

Но даже если не было работы в городе, поездки туда сельских жителей были весьма регулярны. Для анализа кратковременных поездок из села в город в 1979 г. был проведен опрос сельских жителей, который показал, что треть опрошенных посещали город еженедельно, половина — раз в месяц, каждый шестой — один-три раза в год (Денисова, 1988, с. 147). Половина ездила в город за покупками, 40% — по делам, связанным с работой, 30% — к родственникам, примерно четверть опрошенных посещали город с культурно-развлекательными целями. Многие престарелые сельские жители переезжали к детям в города на зимнее время. В 1980-х гг. до 70% деревенских жителей имели родственников в городах (там же, с. 153). Так что влияние городов на деревню, а особенно на пригороды, было очень велико.

Связь пригорода с крупным городом в конце XX века можно проследить на примере маятниковых миграций между Москвой и Подмосковьем. Массовые трудовые поездки прекращаются примерно на уровне двухчасового пути от места проживания до работы (Моисеенко и др., 1999, с. 28). Численность комьютеров из пригородов, работающих в Москве, постоянно увеличивалась, превысив в середине 1980-х гг. 700 тыс. человек.

Обратный поток — поездки москвичей на работу в города области — составляли до $\frac{1}{4}$ от прямого потока в центр (Московский столичный..., 1988, с. 254).

Доля занятых, уезжающих ежедневно на работу в Москву из соседних со столицей районов, очень велика. В Химках и Одинцово более 70% всех работающих едут в Москву, в Балашихинском и Люберецком районах на востоке — более половины, в остальных районах — соседях Москвы первого и второго порядка — около трети⁷. То есть ближайшие пригороды стали во многом спальными территориями столицы. Из самых удаленных районов, таких как Серебряно-Прудский, ездят на работу в Москву 0,5% работающих, из Лотошинского или Волоколамского — 3–4%.

В качестве «компенсации» ближайшие пригороды часто притягивают работников из самой Москвы или из более удаленных пригородов. Наиболее привлекательным оказался Балашихинский район, в котором около 40% всех занятых на его предприятиях приезжают из других территорий. До трети «чужаков» работает в Химкинском и Одинцовском районах. Это, в основном, те, кто не смог пробиться в Москву, но работают у ее границ. Есть среди работников и москвичи, так как доехать в эти пригороды с окраин Москвы часто проще, чем до противоположных концов столицы⁸.

В целом за последние 20 лет существенно изменился состав маятниковых мигрантов из пригородов, значительно повысился их образовательный уровень. В то же время в Москву долгие годы приезжали «лимитчики» для работы в непрестижных отраслях экономики, замещенные в 1990-х временными и чаще иностранными рабочими. Казалось бы, тенденция аналогична тем, что имеют место в развитых странах: квалифицированные работники едут из пригородов на работу в столицу, а городские территории заселяются малоквалифицированной рабочей силой. Однако в России *маятниковые мигранты — это в подавляющем большинстве не выехавшие в пригород москвичи, а желающие пробиться в столицу подмосковичи.*

Горожане в сельской местности

В широком смысле слова внедрение городских условий и менталитета в сельскую местность — это рурбанизация. Но в России механизмами такой рурбанизации были, с одной стороны, проникновение горожан в деревню, а с другой — стягивание жизнеспособных сел к пригородам.

Отток горожан в села на постоянное место жительства для периода бурной урбанизации, каким был XX в., не характерен. Единственное исключение — времена больших смут. Призывы «помочь своим трудом деревне» в 1970–1980-х гг. не находили успеха. В деревню редко возвращались даже те сельские мигранты, которые годами не могли адаптироваться в городе. Только в 90-х гг. сельское население стало увеличиваться за счет горожан, да и то в основном переселенцев из республик бывшего СССР (Зайончко-

⁷ Рассчитано автором по данным Федеральной государственной службы занятости по Московской области за 1999 г.

⁸ К тому же в этих пригородах много мест приложения труда «столичного уровня».

вская, 1997). Присутствие горожан в деревне было преимущественно временным, но их влияние на сельскую жизнь оказалось очень сильным. Это присутствие можно условно разбить на два типа: *принудительное и добровольное*.

Принудительные отработки горожан связаны с попытками промышленных предприятий решить проблемы продовольственного обеспечения своих рабочих, создавая подсобные хозяйства или работая в колхозах и совхозах. Кроме того, по разнарядке партийных органов в помощь колхозам выделяли школьников, студентов и служащих городов. В 1989 г. отвлечение рабочих и служащих от их основной деятельности составило 86 млн человеко-дней. Это равносильно отсутствию на основном месте работы 300 тыс. человек ежедневно (Денисова, 1998, с. 46).

Добровольное присутствие горожан в деревне связано с агро-рекреационной составляющей городской жизни. Корни сельскохозяйственной деятельности горожан в России очень глубоки. Еще в XVI в. огородничеством занималась значительная часть горожан (Милов, 1998, с. 257). Во многих южных городах огороды, расположенные в городской черте, были основой пропитания их жителей и главным видом занятий. Во второй половине XX в. аграрные занятия горожан сильно расширяются. Вокруг городов растет зона их сельскохозяйственной деятельности, сопровождаемой бумом садового и дачного строительства.

Второе загородное жилье не является специфической особенностью России, но нигде в мире оно не получило такого распространения. Его образцы задавались элитой и воспроизводились по принципу эстафет. В предреволюционной России дворяне, жившие обычно зимой в городах, летом выезжали в сельские усадьбы, сочетая там отдых с управлением помещьем. Эту традицию наследовал сначала дореволюционный средний класс (разночинцы), а затем — советская номенклатура. С другой стороны, население России как страны быстрой и недавней урбанизации сохранило крестьянские корни. Но главное, что долгие годы поддерживало эту традицию, — постоянный дефицит продуктов, стимулирующий выращивание овощей, ягод и фруктов, а иногда и птицы на своих крошечных участках земли. В самом конце века дефицит продуктов сменился дефицитом денег, что еще больше способствовало расширению сельскохозяйственной деятельности горожан.

В ходе опроса, проведенного в начале 1990-х гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения в разных городах России, три четверти опрошенных заявили, что у них или их родственников есть земельный участок, которым они пользуются для выращивания сельскохозяйственной продукции. В крупных городах об этом заявили 60% опрошенных (Левинсон, 1993). При этом две трети ныне «безземельных» горожан хотели бы получить участок земли. По данным того же опроса, лишь 3% жителей крупных городов и 10% средних и малых имеют наделы 10–20 соток и более. Преобладают участки 5–10 соток, а до трети населения владеют клочком земли и менее 5 соток. Столь малые участки были результатом жестких административных ограничений, заменявших рыночную цену земли.

К настоящему времени сложилось *четыре вида «усадёб» горожан в сельской местности*.

Самый старый тип — это *дачи*. Они появились задолго до революции как место летнего отдыха служилого класса. Дачи были феноменом пригородов крупнейших городов, и прежде всего Москвы и Петербурга. В. П. показывал, как расширялась дачная зона вокруг Петербурга в XIX веке (с. 86). Еще в 1870 г. большая часть состоятельной интеллигенции довольствовалась Островами и Лесным как ближайшими к городу местностями. Петергоф, Ораниенбаум, Стрельна, Царское Село и Павловск считались отдаленными дачными пунктами. Во время написания книги (1910 г.) перечисленные пункты стали для дачников тем, чем были Острова и Лесной 40 лет назад, а их место заняли окрестности Нарвы, Луги, Выборга.

То же самое происходило под Москвой. К 1917 году здесь уже насчитывалось около 20 тысяч дач (Хауке, 1960, с. 15). В 1920-х гг. появились ведомственные и бесплатные дачи для трех основных типов советской элиты: партийной, хозяйственной и интеллектуальной. Эти государственные дачи благополучно просуществовали до 1990-х гг. Расширение частного дачевладения, но без собственности на землю продолжалось в 1930-х гг. и в первые десятилетия после войны. Дача долго оставалась привилегией элитных классов. По наличию дачи и машины в советском обществе определялся статус человека. Под дачи отводились значительные участки земли (от 12 до 50 соток), но их сельскохозяйственное использование начало развиваться лишь с середины века и не было интенсивным: немалые площади оставались под лесом и лужайками. В целом дачные поселки вокруг городов до сих пор довольно живописны. Во время второй (хрущевской) коллективизации дачевладельцы попали в немилость, их называли «новыми кулаками», предлагали резко сократить дачные участки (Хауке, 1960, с. 74, 78).

Тем не менее, потребность в дачах быстро росла и не удовлетворялась. Все более распространенным явлением в 1950–1960-х гг. становится аренда дач и обычных сельских домов (в обыденном языке это тоже дача) на лето, а стало быть, сезонное уплотнение населения в сельской местности. Как правило, это ограничивалось радиусом 50 км от городов. Аренда задохнулась из-за невозможности вести свое сельское хозяйство, которое становилось мощным фактором загородного времяпровождения горожан, а также из-за нараставшего стремления иметь свою «фазенду».

Классические дачи не удовлетворяли стремительно росший спрос горожан на второе жилье, и после войны появился новый, самый массовый тип агро-рекреационного землепользования — *коллективные сады и огороды*, существующий теперь вокруг всех значительных городов. В 1950 г. в садоводческих кооперативах числилось 40 тысяч членов, в 1970 — уже 3 млн, а к 1990 году садовые участки имели 8,5 млн семей, а коллективные огороды — 5,1 млн семей (Черкес, 1992, с. 75; Нефедова, 1993). В последней декаде века произошло наиболее резкое расширение агро-рекреационной деятельности горожан⁹. Площадь коллективных садов с 1990 по 1999 г. увеличилась с 576 тыс. га до 1262 тыс. га. Площадь огородов — возросла к 1995 г. с 379 до 602 тыс. га, но к 2000 г. упала до 437 тыс. га. Площади для индивидуального жилищного строи-

⁹ В 1990-х гг. отмечалась и социальная инерция сельскохозяйственной деятельности относительно обеспеченных горожан, ставшая при исчезнувшем дефиците продуктов экономически бессмысленной: выростить и привезти картошку из отдаленных районов часто обходится дороже, чем купить ее в городе.

тельства (новая категория в землепользовании) — расширились к середине 90-х гг. до 580 тыс. га¹⁰ (Государственный..., 1996, с. 87; Сельское хозяйство в России, 2000, с. 86). Это вполне сопоставимо с расширением за тот же период приусадебных участков сельских жителей — с 3,2 до 6,1 млн га.

Коллективные сады и огороды имеют два корня: 1) дача и 2) огороды, в том числе внутригородские, расширяющиеся в смутные времена. Семейный участок в коллективных садах поначалу не превышал 6 соток и должен был обязательно возделываться, ограничивались размеры и уровень обустройства сугубо летнего домика. Огороды — еще меньше, и на них вообще запрещались какие-либо жилые постройки. Переход в 1967–1969 гг. на двухдневный отдых в конце недели и необходимость ночевки за городом заставили власти несколько смягчить ограничения. По замечанию Б. Б. Родомана, вокруг городов возникли *трущобные свержорода* диаметром в сотни километров, без удобств, пожароопасные, антисанитарные, со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями (Родоман, 1993, с. 39). Например, общая площадь всех земель горожан в Московской области в три с лишним раза превышает территорию самой Москвы (Нефедова, 1998).

Покупка (наследование) сельских домов — третий тип проникновения горожан в деревню, развивающийся с 1970-х гг. Он стал прямым следствием депопуляции деревни. Местные власти всячески препятствовали наплыву дачников и продаже домов в деревнях, поэтому такие сделки поначалу имели полукриминальный, фиктивный характер: неофициальные договора или оформление на местного жителя. Только в 1989 г. вышло постановление, разрешающее горожанам куплю-продажу домов (но не земли) в деревнях. Вначале полуразвалившийся дом в полузаброшенной деревне можно было купить за 1–3 месячные зарплаты. По мере распространения этого рынка все близлежащие к крупным городам пустующие деревенские дома были скуплены, и зона этого типа второго жилья начала быстро расширяться. Спрос горожан все увеличивался, цены росли. Зоны летнего «расползания» Москвы и С.-Петербурга сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей на расстоянии более 300 км от каждого центра. Например, в Невельском районе Псковской области на семь с половиной тысяч местных жителей приходится летом 4 тысячи дачников, 70% которых — это москвичи и петербуржцы (Филиппович, Павлова, 1995). Это, пожалуй, наименее пригородная разновидность горожан в деревне. Тем не менее, по концентрации дачников в сельской местности можно судить о степени «связности» территории с главным городом. Например, упоминавшийся уже Переславский район Ярославской области вполне может быть отнесен к пригороду Москвы, так как в деревнях, относящихся к сельсоветам, пересекаемым автомагистралями, на одного местного сельского жителя приходится 1–2 дачника из Москвы и подмосковных городов¹¹.

И все же вторичное летнее заселение количественно не может быть вполне адекватным запустению сельской местности. По понятным причинам оно имеет определен-

¹⁰ Правда, в эту категорию входят как городские, так и сельские жители.

¹¹ Рассчитано автором по данным обследования на основании «Первичного списка плательщиков арендной платы (физических лиц) в границах земель, переданных в ведение сельских советов», полученного в г. Переславе и фиксирующего постоянные адреса прописки всех владельцев земли.

ные пределы. Для многих городских семей их задает доступность для посещения в выходные дни. Хотя неработающим иждивенцам, пенсионерам, а также лицам творческого, сезонного и вообще ненормированного труда подходят и более удаленные места. Для них ограничением часто служит почти полное отсутствие инфраструктуры, в т. ч. магазинов, медпунктов и т. п.

Четвертый тип горожан в сельской местности — это *владельцы коттеджей*. Они появились с конца 1980-х гг. и больше всего соответствуют представлению о западном single family house. Зона коттеджей тоже расширяется, но они остаются, в основном, феноменом пригородов. Деревянные дома с участком 8–10 соток, стоившие сравнительно недорого (около 10 тыс. долларов), с появлением прослойки «новых русских» стали сменяться каменными, а цены быстро росли. Стоимость некоторых каменных монстров, напоминающих средневековые замки, перевалила за 1 млн долларов. Они быстро возникали в дачных поселках, рядом с ними или на окраинах полей. Спрос на коттеджи этого типа был быстро удовлетворен и начал падать. По уровню обустройства они не уступают городскому жилью, однако фактически очень часто используются сезонно, как классические дачи. Новая волна — строительство двухэтажных коттеджей, сгруппированных в отдельные поселки. Такими коттеджами интересуются не столько отдельные граждане, сколько банки, крупные предприятия, ведомства для своих служащих.

Соотношение разных видов второго жилья горожан можно увидеть по структуре участков в России. К 1990 году 55% составляли садовые участки, 31% — огородные, 13% — приусадебные в сельской местности и 1% — дачные. Вокруг крупных городов, прежде всего Москвы и Петербурга, доля дач заметно выше, садов и огородов — меньше. А степень распространения горожан в деревне можно проследить на примере Петербурга, где 24% семей имели участок в коллективном саду, 15% — дома в деревнях, 6% участвуют в коллективном огородничестве и 2% владеют дачами (Жихаревич, 1990, с. 83). То есть почти половина всех городских семей так или иначе обрабатывала небольшой участок земли в основном в пригороде. Интересно бесспорное преимущество агро-рекреационного отдыха — почти 90% опрошенных горожан хотели бы иметь второе жилье в сельской местности, а лишь треть респондентов отдала предпочтение домам отдыха, санаториям, семейным домикам на базах отдыха (там же).

Тяга горожан к земле паразитична. Как только ни называют они свои крошечные клочки и преимущественно жалкие строения: поместьями, виллами, фазендами. Но в целом «дача» как собирательное понятие, воплощение «русской мечты» не есть результат какой-то особой руральной ментальности, а результат вписывания естественной для всех народов тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в конкретно-исторические и географические условия России.

Так сложилась *специфическая советская субурбия* — пригороды крупных городов, отличие которых от западных пригородов состояло, прежде всего, в том, что они *формировались не выезжающими из метрополиси на постоянное место жительства горожанами, а сезонно присутствующими там дачниками*. Постоянное население, наоборот, стягивалось к центру из периферийных и полупериферийных районов.

Концентрация летнего городского населения в пригородах очень велика. Наши обследования некоторых районов Подмоскovie показали, что на 10 местных домовладельцев в селах приходится от 4 до 10 домов, купленных горожанами. В целом, в Подмоскovie земли горожан соотносятся с сельскохозяйственными землями как 1:10, в пригороде Ярославля — 1:20 (Нефедова, 1998).

Очевидно наличие, по крайней мере, пяти факторов, тормозящих субурбанизацию западного типа: 1) бедность большинства населения; 2) бедность местных администраций, мешающая улучшению пригородной инфраструктуры; 3) суровый климат, удорожающий жилье для круглогодичного проживания; 4) сохранение института прописки (регистрации) в крупнейших городах, что удерживает горожан от официального переезда в пригороды; 5) консерватизм пригородных властей, по традиции больше озабоченных состоянием производства, хотя пригород уже становится, прежде всего, *функцией жизни*, и не меньший доход в бюджет может дать жилищное и сервисное строительство. Однако что-то общее с западными пригородами начинает появляться в последние годы, о чем мы уже говорили в главе 2.6. Некий ручеек субурбанизации формируют те пенсионеры и трудоспособные горожане, которые, используя в качестве основного источника дохода сдачу в наем городских квартир, сами переезжают в пригороды. Рост особняков означает выплескивание из города если не населения, то капиталов. Наконец, к середине 90-х гг. заметнее становится развитие в пригородах некоторых сервисных отраслей: магазинов, автозаправок, складов. Их возникновение, однако, связано не столько с ростом потребительского спроса дачников (что будет показано в конце этой главы), сколько с более низкими арендными и налоговыми платежами по сравнению с крупными городами. Это все тот же феномен стремления в города, а не из города, сдерживаемого теперь экономическими барьерами.

Изменение землепользования в пригородах и рынок земли

К началу XX в. частные земли составляли около четверти всех российских земель (Комов и др., 1995). Вслед за Декретом 1917 г. об отмене помещичьей собственности на землю Земельный кодекс 1922 г. отменил и само право частной собственности на нее, причем «навсегда» (Земельный кодекс..., 1922, с. 901). К вопросам частной собственности на землю и ее купли-продажи вернулись лишь в последнее десятилетие века. Только с 1992 по 1996 г. земли граждан по всей России выросли с 1 до 17% сельскохозяйственных земель (Государственный доклад..., 1996), хотя и составляли чуть более 2% территории России. При этом парадокс заключается в том, что *формирование реального рынка земли в сельской местности связано именно с горожанами, с бумом пригородного второго жилья.*

Для упорядочения движения земель правительство РФ в начале 1990-х гг. ввело цену на землю, равную 200-кратной ставке земельного налога, и определило методы расчета этого налога в зависимости от качества и местоположения (Закон «О плате...», 1991, 1994; О порядке..., 1994). Ставки определяли законодатели субъектов РФ,

а с 1997 г. и местные власти низовых административных районов. Это задало дифференциацию нормативной цены сельскохозяйственной земли и коэффициенты удорожания городских и сельских земель, используемых населением и несельскохозяйственными предприятиями. Ежегодно она растет, но остается очень низкой. Разброс этих нормативных цен в среднем по регионам России не очень велик — около 6 раз, самые низкие цены в Архангельской области, самые высокие — в Краснодарском крае (Плата за землю..., 1996).

Нормативные цены, в том числе и для дачников, по идее, должны были создать регулируемый рынок земли. Однако в пригородах его опрокинула мощная волна стихийного рынка, особенно после приватизации населением крошечных личных участков. Здесь реальную цену определяет только соотношение спроса и предложения, и она отличается от нормативной в десятки и сотни раз. При этом в ценах на землю фиксируется четкий центрально-периферийный градиент (рис. 4.2.4) с перепадами между ближайшими к городу и удаленными районами в десятки и сотни раз.

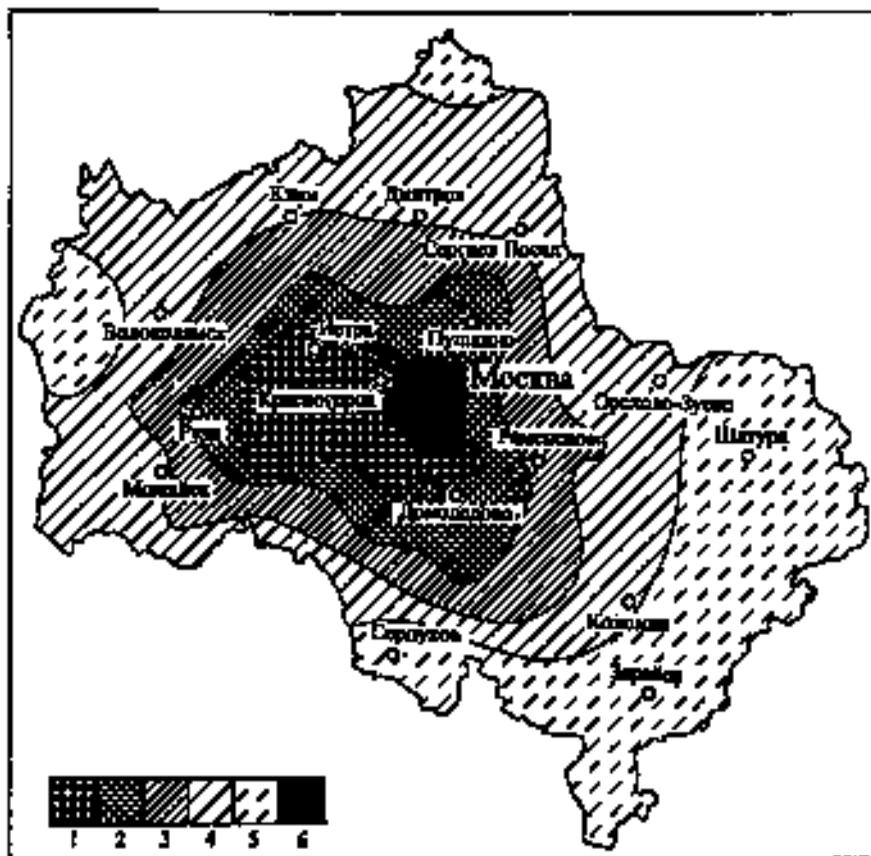
Таким образом, первичный рынок земли в России пока что выглядит как административный и часто таковым является. Реальную цену земля получает в основном на рынке второго жилья горожан и соответствующих участков. Отсутствие четкого земельного законодательства и механизма официальной купли-продажи земель, в том числе и сельскохозяйственных, по реальным рыночным ценам вовсе не спасает ценные пригородные земли от разбазаривания. Отсутствие законодательства выгодно только чиновникам, которые обогащаются за счет «разрешительности» акта выделения земель, перевода их из одной категории в другую и разницы между нормативной (на бумаге) и реальной ценой ее продажи.

Огромный спрос горожан на землю, казалось, должен был бы размыть центрально-периферийный градиент сельского хозяйства, как это случилось в США и развитых Европейской стран. Например, эрозия Тюненовских колец уже намечается в Подмосковье и некоторых, особенно крупногородских, регионах, где происходит и заметное сокращение земель коллективных сельскохозяйственных предприятий в ближайших административных районах.

В Московской области сельскохозяйственные угодья уменьшались и раньше, но за последнее десятилетие особенно резко (табл. 4.2.2). Их общие потери составили одну шестую часть былой площади. Уступив площади лесов, они все же занимают около 38% всей территории. Однако сокращение угодий происходило неравномерно — $\frac{2}{3}$ всех изъятий приходится на ближайшие и ближние к Москве районы. Меньше всего пострадали дальние, особенно южные аграрные районы. А в Красногорском и Люберецком районах угодья агропредприятий сократились наполовину.

Спецификой России стало вытеснение коллективных сельскохозяйственных производителей из пригородов не столько экспансией горожан как таковой, сколько сельскими и городскими администрациями. Получив в 1990-х права на манипуляцию с землей, они активно распределяют, продают и перепродают ее местному населению и горожанам, а также всевозможным юридическим лицам. Недаром все чаще районные админи-

Рис. 4.2.4. Рыночная цена земли в Московской области в сентябре 1995 г. в долларах США за 1 сотку

1 — более 1000; 2 — 500–1000; 3 — 300–500; 4 — 100–300; 5 — менее 100;
6 — территория Москвы

Источники: Бармина, 1995.

страции стали забирать у муниципальных права на манипуляции с землей, желая канализовать доходы в свои бюджеты (и карманы).

В провинциальных пригородах идут те же процессы, но они гораздо скромнее. Например, тот же Ярославский пригород сохранил традиционный аграрный профиль. Земли сельхозпредприятий занимают 65% его территории. Их нормативные цены здесь сопоставимы разве что с самым дальним Подмосковьем. Роскошных особняков, конечно,

Таблица 4.2.2. Динамика землепользования в Московской области за 1985–2000 гг.

	Доля в % на разные сроки				Изменения, тыс. га		
	1.01.85	1.11.90	1.01.95	1.01.2000	1985–90	1990–95	1995–2000
Сельскохозяйств. землепользователи	45,9	44,7	39,2	38,7	-13,1	-339,6	-24,5
Городские Советы	2,3	4,7	3,5	4,0	+110,9	-57,5	+21,4
Сельские Советы	2,6	1,1	6,3	6,8	-76,5	+241,1	+22,3
Населенные пункты, всего	4,9	5,8	9,8	10,8	+34,4	+183,6	+43,7
Пром., транспорт, оборона	8,0	8,6	7,1	5,9	+20,0	-38,9	-54,1
Лесохозяйств. пользователи	39,7	39,5	40,2	40,0	-9,2	-7,8	-11,8
Заповедники, нац. парки, рекреационные предприят.	0,8	0,8	1,2	1,4	+0,3	+13,1	+11,7
Земли запаса	0,6	0,6	2,1	2,6	-1,1	+65,0	+25,5
Прочие	0,1	0,1	0,5	0,6	+0,8	+18,8	+4,2
Итого	100	100	100		0	-101,9	-7,2

Источники: данные Комитета по земельным ресурсам и землеустройству Московской области за соответствующие годы.

тоже меньше. Городские садоводы и огородники вокруг Ярославля втрое превышают местное сельское население. Плюс наследственные дома горожан в деревнях. Нормативная цена сотки личных земельных участков, включая садовые, крайне низка, однако рыночная цена одной сотки вблизи Ярославля составила в середине 1990-х около \$ 500, что сопоставимо с рыночными ценами Подмоскovie (рис. 4.2.4).

Заявки на выделение земли в пригороде поступают и от множества частных фирм, желающих строить бензоколонки, платные автостоянки, мотели для транзитного транспорта. Для них рыночная цена у Ярославля достигла 1500–2000 долларов, как в ближнем Подмоскovie. С удалением от города к границе района цены падают, но не ниже сотен долларов. Администрация Ярославского района так же забрала у сельсоветов право на продажу земли, как это уже сделали многие районы Московской области. И по той же причине (как бы завуалированно ни звучали официальные мотивировки): уж очень она здесь дорога.

Тем не менее, значимость именно пригородного сельского хозяйства в России к концу века лишь усилилась (см. главу 3.5). В последнее кризисное десятилетие в действие вступили факторы выживания. Исследования отдельных хозяйств Подмоскovie и соседних областей показали, что не столько расстояние до столицы, сколько состояние хозяйств оказывается сегодня решающим фактором для сбыта продукции. Но сильных хозяйств, как правило, больше именно ближе к крупному городу. Да и дефицит отечест-

венного продовольствия в стране сохраняется. Значит, *усиливается и объективная значимость наиболее устойчивых пригородных коллективных хозяйств.*

Таким образом, общеотраслевые факторы входят в противоречие с территориальными. С одной стороны — локальные предпочтения рекреации, с другой — соображения продовольственной безопасности страны в целом и крупных городов в частности. С позиции местного взгляда на вещи крупные животноводческие комплексы у Москвы не нужны. Но многолетний опыт показал, что вкладывание средств в глубинку не дает результатов. В Подмосковье наиболее продуктивная сельскохозяйственная зона расположена в 20–60 км от столицы, т. е. в радиусе, наиболее удобном для рекреации.

Природопользование в пригородах крупных городов

Помимо сельскохозяйственных предприятий, спецификой российских пригородов является сохранение лесов. Даже Московская область более облесена, чем многие соседние лесные территории. Значимость пригородных лесов тем заметнее, чем крупнее и старше город и чем менее облесена (и вообще лесодефицитна) окружающая территория. Примером может служить Центрально-Черноземный район, где на фоне преобладающей распашки относительно большие массивы лесов сохранились рядом с крупными городами. В разное время они имели разное назначение: служили элементами оборонительных засечных линий, снабжали горожан дровами, затем стали играть важные рекреационную, санирующую и даже заповедную функции.

Помимо дачно-агро-рекреационной деятельности горожан пригороды, как правило, сосредотачивают и традиционные рекреационные предприятия. Например, до 1990 г. огромное рекреационное значение Московской области было связано как с потребностями самой Москвы в рекреационных учреждениях, так и с ее притягательностью, которая приводила к тому, что в подмосковные дома отдыха и санатории ехали отдыхать не только москвичи, но и люди со всей страны, и не только ради собственно отдыха или лечения, но и ради возможностей регулярных поездок в столицу из пригорода.

В результате в Подмосковье была создана самая плотная в России рекреационная сеть. Она и сейчас по общей вместимости учреждений составляет почти четверть общероссийской рекреационной сети (Атлас рекреационных..., 1998, с. 10) и превосходит даже наиболее известный и популярный у отдыхающих Северный Кавказ.

Пригородное лесное и заповедное хозяйства также реально существуют, как и пригородное сельское и рекреационное. Анализ дислокации 150 заповедников бывшего СССР показал, что 73, или почти половина, удалены от ближайшего большого города менее чем на 60 км, т. е. находятся в зоне потенциальной или реальной городской агломерации (Нефедова, Трейвиш, 1988).

Тем не менее общая закономерность увеличения интенсивности землепользования при приближении к городу остается справедливой: увеличивается плотность застройки, плотность населения и активность его деятельности. Новые прогрессивные формы и ме-

тоды хозяйствования также имеют больше шансов появиться и окрепнуть вблизи центров — генераторов различных новшеств. На этой центробежной закономерности основан ряд схем функционального зонирования, например, схема поляризованного ландшафта Б. Б. Родомана (Родоман, 1974). Однако реальная жизнь вносит асимметрию, деформируя классические кольца и звезды. Эта асимметрия является не индивидуальным отклонением, а скорее общим правилом пригородного землепользования. Наиболее ярко она проявляется в тех городах, которые совмещают различные функции: курортную и портовую, административную и промышленную, а также там, где промышленно-городские агломерации имеют специализированные промышленные города-спутники. В результате формируются четкие функциональные «крылья» пригородного землепользования.

Все это говорит о том, что города, особенно крупные, обычно тяготеющие к местам стыка разных природных ландшафтов, в процессе их использования *не только не сглаживают природное разнообразие, но порой даже усиливают его*. Такое разнообразие природно-антропогенного окружения необходимо городу для удовлетворения его многочисленных потребностей. Кроме того, оно, несомненно, повышает демографическую и хозяйственную емкость территории. Емкость, как известно, связана с устойчивостью природных систем, которая в пригородах повышается (Владимиров, 1986; Географическое обоснование...., 1985). Например, устойчивость ландшафтов пригородных территорий с их парками, огородами, прудами, т. е. территорий, разнообразных по структуре и генезису, теперь выше, чем она была раньше, когда на их месте господствовали поля.

Градиенты, пороги, барьеры в пригородах на примере Москвы и Подмосковья

И все же главными практически в любом пригороде крупного города являются перепады очень многих показателей по мере удаления от центра. Это можно наглядно показать на примере Москвы и Московской области, при этом важно «увидеть» не только административную границу, как пороговую между городом и не городом, но выявить и другие пороги и барьеры, как внутри города, так и в его пригороде. Правда, характер имеющейся статистики вынуждает нас опираться на административные территориальные единицы: в Москве — 10 округов, в Московской области — 39 районов.

Центральный округ столицы, примерно совпадающий с территорией, ограниченной вторым автомобильным кольцом, но имеющий более ломаные границы, — самый маленький (не считая г. Зеленограда). Его площадь около 6% территории столицы. Он и был принят за ядро региона. Остальные округа формируют первое кольцо или зону 0.

Сгруппировав административные районы Московской области по критерию соседства, мы получаем еще четыре кольца (аналогично тому, как это делалось в главе 2.6). Зона 1 — ближайшие соседи Москвы — до 20 км от границы Москвы, примерно в рамках ЛПЗП¹²; исключение составляет сильно выдающийся на запад Одинцовский район. Соседи второго порядка — зона 2, радиусом 20–60 км. Поскольку форма области дале-

¹² Лесо-парковый защитный пояс.

ка от окружности, эта зона на северо-востоке и юго-западе выходит к ее границам. Соседи третьего порядка — зона 3, удаленная от Москвы на 60–100 км. Соседи четвертого порядка — зона 4 — это дальние западные и восточные окраины области.

Плотность занятых, отражающая концентрацию деятельности, имеет значительно более крутой перепад на границе между Москвой и соседями 1-го порядка, чем плотность населения (33 и 13 раз соответственно). Это показывает, как сильно столица «перехватывает» рабочие места у ближайших территорий. Но еще большую активность в перехвате функций развивает центр столицы. Разница в плотности населения между центральным и остальными округами незначительна, а по числу рабочих мест она достигает пяти раз (**табл. 4.2.3**). Здесь граница между центром и остальной территорией Москвы оказывается не менее существенной, чем внешняя граница столицы.

О распределении сальдо миграций по мере удаления от Москвы уже говорилось в главе 2.6. Наиболее широко применяемый показатель миграций на 10 000 жителей имеет два выраженных пика, которые четко отражают приграничный барьерный эффект. Первый пик — в ближайшем московском пригороде: люди концентрируются у границ Москвы, если не в силах проникнуть в столицу. Второй пик — у внешней границы Московской области. Он имеет продолжение в соседних областях и имеет по сути ту же природу миграционного фильтра, что и первый (**рис. 4.2.5**).

Однако описанный выше феномен связан не столько с тем, что в Москву ежегодно прибывает меньше мигрантов, чем в ближайшее Подмосковье, сколько с очень высокой плотностью населения в ней, занижающей относительный показатель. Если рассчитать, сколько оседает людей на кв. км территории, то тут столица оказывается вне всякой конкуренции, при этом значительных различий внутри Москвы не видно, в то время как перепад показателя на границе Москвы достигает 11 раз. Однако градиент между городом и пригородом оказывается гораздо более плавным, если посчитать показатель плотности мигрантов в городах Московской области, который более корректно сравнивать с московским. При этом зона ближайшего соседства оказывается столь же аттрактивной, что и столица.

Один из главных факторов, привлекающих людей в столицу, — возможность получить работу. Уровень официальной безработицы составлял в 1998–1999 гг. в центре столицы 0,76%, постепенно увеличиваясь к окраинам. В ближайшем пригороде он достигал 2,3%, а в отдаленном — 5% (Паспорт социально-экономического..., 1999, данные комитетов труда и занятости Москвы и Московской области). Но больше всего поражает не столько низкая безработица, сколько большие возможности получения работы. В центральном округе каждый официальный безработный мог выбирать в среднем из 8 вакансий. Этот показатель резко падал уже в других районах столицы, в ближайшем пригороде на одного безработного приходилась примерно одна вакансия, а на окраинах области на одно свободное место претендовали уже 10 безработных.

И все же наиболее выразительными в Московском регионе оказываются пороги и перепады экономических показателей (**рис. 4.2.6**). Плотность промышленного производства на единицу городской территории падает от центра к ближайшим пригоро-

Таблица 4.2.3. Пороги значений показателей между концентрическими зонами по мере удаления от центра Москвы

	Перепады значений между зонами, число раз				
	Централь- ный и про- чие округа Москвы	Округа Москвы и зона 1 в МО	Зона 1 и 2 в МО	Зона 2 и 3 в МО	Зона 3 и 4 в МО
Плотность постоянного населения	1,1	13,3	3,2	2,1	1,2
Плотность занятых на единицу терри- тории	4,9	32,8	2,9	2,0	1,0
Сальдо миграций в города, чел./кв. км	1,1	1,0	2,2	1,8	1,0
Число рабочих мест (без вакансий) на 1000 жит.	4,4	2,5	0,9	0,9	0,9
Отношение числа вакансий к числу безработных	4,0	2,8	3,5	1,0	2,0
Промышленная продукция на кв. км городов	3,6	1,7	0,8	0,9	1,9
Инвестиции на кв. км городов	41,5	0,9	1,8	1,1	1,4
Розничный товароборот на кв. км поселений	6,4	16,1	1,8	1,6	1,0
Инвестиции на одного занятого	8,6	0,4	1,5	1,0	1,3
Инвестиции на одного жителя	36,3	1,0	1,3	1,0	1,1
Розничный товароборот на одного жителя	5,7	6,6	0,9	1,0	0,9
Число малых предприятий на кв. км городов	6,7	2,4	1,3	1,5	1,4
Число малых предприятий на 1000 занятых	6,7	1,0	1,1	1,3	1,3
Ставки земельного налога на город- ские земли, 1998 г.	8,0	3,3	1,2	1,1	0,9

* Земли в пределах МКАД

дам и вновь возрастает во второй и третьей зонах. Инвестиции концентрируются преимущественно в центральном округе. Перепад значений между ним и остальными округами Москвы достигает 40 раз. Здесь, конечно, сказывается то, что в центре столицы расположены штабы многих компаний. Тем не менее даже в ближайшем пригороде инвестиции на единицу городской территории несколько выше, чем на окраинах столицы. Правда, затем — по мере удаления от Москвы — они вновь падают. А перепад плотности торгового оборота наиболее существен именно на границе Москвы и области (табл. 4.2.3). По статистике Москва буквально опустошает пригородную торговлю, стягивая все на себя.

Рис. 4.2.5. Миграции, занятость и безработица по зонам удаленности от центра столицы в Москве и Московской области

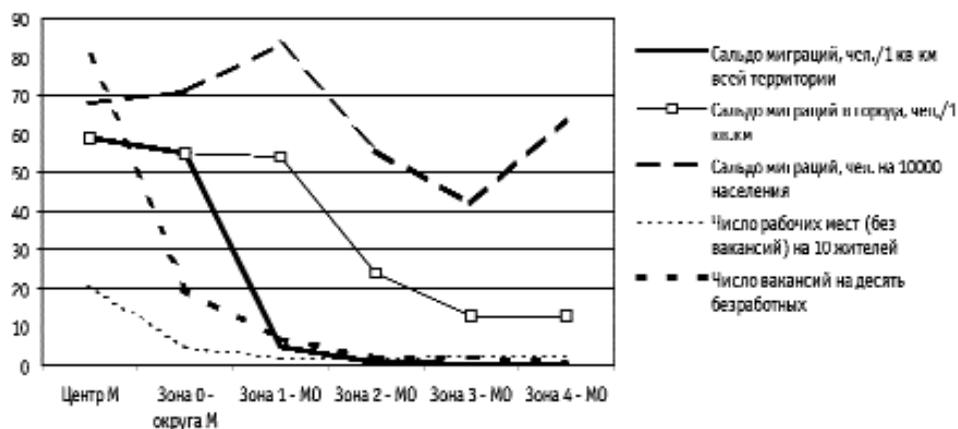
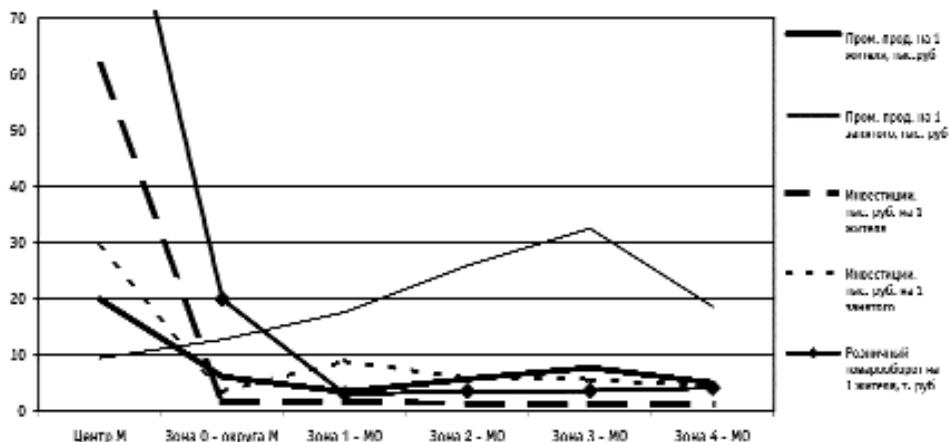

Рис. 4.2.6. Удельные показатели промышленной продукции, инвестиций и торговли на одного жителя или занятого в Москве и Московской области

Картина не сильно меняется, если рассчитать не плотностные (на городскую территорию), а удельные (на одного жителя или занятого) показатели. Только промышленная продукция на одного занятого несколько выше на периферии региона, чем в центре столицы, в связи с его иными функциями.

В табл. 4.2.3 мы видим, что пороговые перепады между центром и периферией в пределах Москвы порой гораздо больше, чем между городом и ближайшим пригородом. По 11 из 14 рассмотренным показателям Центральный округ превышал остальные более чем в 3 раза, а по инвестициям — в 30–40 раз. Даже если сделать скидки на возможные статистические несоответствия с реальностью, все равно очевидно, что граница между центром и остальной территорией столицы оказывается чаще всего более значимой, чем внешняя граница города.

При переходе от города к пригороду наиболее существенными оказываются показатели плотности населения и занятых, а также торговая активность столицы. Следующая заметная граница — внутри Московской области между соседями 1-го и 2-го порядка. Здесь перепады в плотности населения, занятости и возможностях найти работу достигают 3 раз, плотность нетто-миграций выше у ближайших соседей в 2 раза. Существование такой границы связано с тем, что к Москве примыкают 11 городов, где долгие годы концентрировалось все то, что хотело и не могло проникнуть в Москву. Эти ближайшие к Москве города мало чем отличаются от районов-выплесков типа Митино, Косино, Жулебино и т. п. По замечанию Б. Б. Родомана, «территориальный рост Москвы прекратился или надолго задержался на самой неудобной стадии: в Москву уже вошли спальные районы за МКАД, но остались обойденными тесно примыкающие к ней города» (Родоман, 2000).

Следующая граница видна, главным образом, по плотности населения и занятости. А последняя граница, отделяющая наиболее удаленную зону, наиболее явно отстает по возможностям трудоустройства.

И Москва, и Подмосковье сохранили традиционную мозаичную основу и асимметрию «зеленый рекреационный запад — дымный промышленный восток». Исторически сложившаяся асимметрия промышленного развития весьма выгодна в экологическом отношении (Московский столичный..., 1988, с. 78, 265 и др.). Западный сектор в 70–80-х гг. привлекал филиалы элитарных московских предприятий, особенно оборонных, и подвергался ускоренной диффузной индустриализации, беспокоившей защитников природы. Полудепрессивный старопромышленный восток оставался опорой области в традиционном смысле (население, ресурсы, производство, экспорт).

Если территорию Москвы и Подмосковья дополнительно к выделенным зонам разбить на 4 сектора: север, юг, запад, восток, то получится 20 ячеек-фасет, плюс центр столицы. Конкурентов востоку Москвы по абсолютным показателям промышленного производства в Подмосковье нет, хотя его вторая и третья зона (с Электросталью и Воскресенском) производят на кв. км территории и на одного занятого больше, чем в восточных районах столицы. По инвестициям выделяется западный сектор. Кроме того, повышена инвестиционная привлекательность севера столицы и южного Подмосковья. В то же время промышленный восток — как в самой столице, так и в пригороде — не привлекает инвестиций.

Относительная миграционная аттрактивность на 10 000 жителей в ближайшем северном и южном Подмоскowie даже выше московской, в которой выделяется не столько центр, сколько восточный сектор. А дачных и садовых товариществ в Подмоскowie больше всего на западе (30% всех земель, занимаемых садовыми товариществами, и 34% всех дачных участков). Однако по садовым товариществам не отстает от него и восток (26%), хотя для дач этот район менее привлекателен (9%). Зато на севере концентрируется четверть всех садоводческих земель и почти треть дач. При этом, если на западе подобные рекреационные зоны рассредоточены на относительно большой территории, то к северу и востоку от Москвы они формируют огромные компактные массивы.

Итак, восток Московского региона, концентрируя промышленное производство, остается и в 1990-х очень неперспективным для инвестиций, но, как ни парадоксально, привлекательным для мигрантов, ориентирующихся на стабильные рабочие места и более дешевое жилье. Он также служит зоной отдыха москвичей преимущественно среднего достатка. Инвестиции и новые виды деятельности больше тяготеют к западному сектору, более элитному и в рекреационном плане. Южные ближние к столице сектора Подмоскovia при значительных промышленных объемах оказываются способными привлечь и новые инвестиции, и малые предприятия. Они весьма привлекательны и для мигрантов, но менее освоены дачниками. Северный сектор имеет скорее средние экономические показатели, только ближайшие к столице города и дачная местность весьма аттрактивны. В целом новейшие процессы укладываются в старые схемы секторального развития.

Сильный перепад статистических показателей между центром и остальной территорией Москвы не совсем верно отражает существующую действительность, в которой этот градиент все же более плавен за счет переходных зон, не «подхватываемых» статистикой. В столице это полупериферийная зона, которая лучше всего выделяется по ставкам земельного налога (Стоимостная оценка..., 1999) или по стоимости жилья в столице (Предложение жилья..., 1999). В новом Генеральном плане Москвы (Архитектура..., 1999) основной упор делается именно на развитие этой срединной зоны столицы за пределами Центрального округа, которая в будущем может способствовать разгрузке в центре. Планировщики выделяют ее по критериям комфортной транспортной доступности основных объектов столицы: торговли, питания, театров, жилья и т. д. Но как бы она ни выделялась, на севере ее внешняя граница в значительной степени совпадает с новым третьим транспортным кольцом, на юге она выдвигается гораздо дальше этого кольца, деля московский радиус примерно пополам.

Но главное в этой полупериферийной зоне — ключевые ядра и линии развития, которые реально формируются. Это территория вдоль третьего транспортного кольца, а также отдельные лучи, прежде всего вдоль Ленинского, Кутузовского и Ленинградского проспектов, т. е. в наиболее перспективных для инвесторов, элитных торговли и жилья направлениях. Таким образом происходят как бы «выплески» центра в срединную зону столицы.

Переход Москвы в пригород тоже оказывается не столь резким. Развитие идет по некоторым перспективным направлениям — выплескам столицы. Пороги в стоимости земли и арендных плат, а также некоторые льготы, которые дает область, делают бли-

жайшие города весьма привлекательными для инвесторов. Планировщики считают наиболее перспективным для новых видов деятельности северо-западное направление от Химок через Зеленоград почти до Солнечногорска как продолжение Ленинградского проспекта в Москве. Немаловажную роль в развитии этого направления сыграл и международный аэропорт Шереметьево. Здесь уже создано множество транспортно-складских и торговых центров, ориентирующихся на Москву с большим участием западных инвесторов. А западный и юго-западный московские сектора элитной торгово-деловой активности не имеют столь явного продолжения за границами столицы (несмотря на наличие аэропорта Внуково), отчасти из-за природо-охранных функций западного сектора Подмоскovia и повышенной его значимости для элитарного жилья. В этих направлениях не сложилось столь мощных деловых связей ближайшего Подмоскovia со столицей, как на северо-западе. Гораздо активнее развивается южное направление от Бутово через Подольск на Серпухов, что вполне согласуется и с формальными статистическими расчетами, приведенными выше.

В целом в пригороде, как и в Москве, в 1990-х гг. все больше набирает силу неразвитый прежде третичный сектор, происходит первичная концентрация инновационных форм торговли и бизнес-услуг. При этом в пригороде наиболее активно развиваются функции, которые непосредственно связаны с обслуживанием столицы, в том числе пищевая промышленность, транспортно-обслуживающие, торговые центры. То есть, несмотря на накопленный собственный потенциал, в том числе и промышленный, Московская область, как и прежде, способна динамично развиваться только при тесном взаимодействии с Москвой.

Однако зоны концентрации населения (московские жилые районы, подмосковные города, дачно-садово-коттеджная рекреация) и инновационной торгово-деловой активности, как правило, территориально не совпадают. Население и новый бизнес живут каждый своей жизнью, мало пересекаясь. Элитные и полуэлитные торговля и услуги как бы имплантируются в ткань города и пригорода, но не вживаются в них, оставаясь чужеродными. Более того, очень часто они задают такие специализацию и уровень цен, которые сильно осложняют жизнь местного населения. Тем самым они усиливают сегрегацию пространства.

Несовпадение мест концентрации дач и коттеджей с концентрацией деловой активности еще раз подтверждает, что российский вариант сезонной дачной субурбанизации не является субурбанизацией в западном смысле слова. Она не сопровождается комплексным развитием территорий, появлением новых рабочих мест и т. п. В целом можно сделать вывод, что *развитие Москвы как инновационного центра заметно опережает ее развитие как города-гиганта*. Последнее отчасти тормозится неповоротливостью и консерватизмом как городских, так и областных властей.

4.3. БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ. ДЕРЕВНЯ В ГОРОДЕ

В последнем разделе «Города и деревни» В. П. обращается к благоустройству и «культурности» городов начала века. Из признаков первого он использует те, что относятся к жилищам и обустроенности территории между ними (с. 195): среднюю людность жилого дома, его материал (камень, дерево, глина), тип крыш (железные, деревянные, черепичные, соломенные), процент мощеных улиц. В. П. сразу сводит информацию к группам городов по людности с разбивкой на выделенные им физико-географические полосы¹, что осложняет сравнение его данных с современными. Да сейчас те же самые показатели и не найти. Это типичный случай сдвига критериев: благоустройство городов за XX век так изменилось, что для его характеристики нужны совсем иные индикаторы.

Благоустройство городов разного размера в начале и в конце века

Несопоставимость критериев и самого уровня благоустройства городов, а также отсутствие достаточных временных рядов показателей не позволяют проследить сдвиги за XX век. Однако различия, связанные с размерами и расположением городов, по-прежнему выступают достаточно явно.

В начале века 62% всех городских домов Европейской России (без Польши и Кавказа) были деревянными и 20% — каменными (Россия, 1913, с. 376). Из 862 городов Европейской России 1910 года водопровод имели 168, канализацию — 40, газ — 88 (там же, с. 377). Больше всего каменных домов было в крупных городах. Опираясь на таблицу из «Города и деревни», отражающую городское благоустройство (с. 195–202), можно идентифицировать хотя бы крупные (более 100 тыс. жит.) и большие (от 40 до 100 тыс.) города, входящие в физико-географические зоны и районы В. П. (табл. 4.3.1).

Очевидно, что ситуация на востоке в целом для больших и крупных городов хуже, чем в центре и на северо-западе. К югу несколько возростала доля каменных домов. Особенно это заметно в Ростове-на-Дону, имевшем даже более каменный облик, чем столица. Для средних и малых городов была характерна та же закономерность уменьшения благоустроенности по оси «запад—восток». Исключение составляли лишь малые

¹ См. главы 1.1 и 2.3.

Благоустройство городов разного размера в начале и в конце века

Таблица 4.3.1. Некоторые показатели благоустройства крупных и больших городов в начале XX века (по В. П. Семенову-Тян-Шанскому)

Столицы и типы местности по В. П.	Число жителей, тыс. чел	Средняя людность дома	Доля каменных домов, %	Доля деревянных домов, %	Процент мощеных улиц	Города в современных границах РФ
С.-Петербург	1264	41	41	59	98	С.-Петербург
Москва	1039	49	34	65	93	Москва
Центральный и Северо-Западный водораздельный тип						
<i>Моренный подтип</i>	40–100	14	23	77	55	Кронштадт
<i>Увалистый подтип</i>						
Московская часть	>100	29	32	68	68	Тула
	40–100	14	21	79	50	Н. Новгород, Ярославль, Иваново, Тверь, Калуга, Орехово-Зуево, Рязань, Кострома
Вятская часть	40–100	9	1	99	1	Ижевск
Белорусско-полесская часть	40–100	10	24	76	43	Смоленск
Южный долинный тип						
<i>Долинно-овражный подтип</i>						
Центральная часть	40–100	12	34	66	38	Воронеж, Курск, Орел, Тамбов, Елец
Восточная часть	>100	11	17	83	50	Саратов, Казань
	40–100	10	12	88	54	Ульяновск, Уфа, Пенза, Самара
<i>Чисто долинный подтип</i>						
Западная часть	>100	10	66	24	61	Ростов-на-Дону
	40–100	6	32	45	38	Таганрог
Восточная часть	>100	7	11	89	49	Астрахань
	40–100	7	21	79	15	Оренбург, Волгоград
Южная часть	40–100	6	32	67	25	Краснодар, Владикавказ, Ставрополь
Горнозаводской тип						
Уральская часть	40–100	10	29	71	31	Екатеринбург, Пермь

Таблица 4.3.2. Уровень благоустройства в городах разной людности
(по В. П. Семенову-Тянь-Шанскому)

Число жителей в городах, тыс. чел.	Среднее число жителей 1 дома	Доля каменных домов, %	Доля деревянных домов, %	Процент мощеных улиц
Столичные (более 1000)	43	38	61	95
100–1000	15	45	48	61
40–100	10	28	68	33
10–40	8	22	73	23
5–10	8	14	79	23
1–5	6	10	88	17

деревянные неблагоустроенные города и городки на крайнем западе и юго-западе, проигрывавшие центральным районам.

Однако главным признаком, определявшим уровень благоустройства, была людность городов (табл. 4.3.2).

К концу века доля деревянных домов во многих городах все еще велика. Но этажность и вместимость каменных домов настолько различны, что их сравнение с числом деревянных становится неактуальным. Для выявления уровня относительной благоустроенности можно использовать другие индикаторы. Прежде всего — долю жилой площади, оснащенной канализацией. Этот показатель в известной мере отражает и долю деревянного жилого фонда в северных и центральных районах России, так как там за годы советской власти каменные дома стали в основном многоэтажными и оборудованными канализацией. В южных районах, где камня было больше в силу дефицита леса, этот показатель не отражает материал жилой застройки, но зато тоже коррелирует с долей горожан, чье жилье неблагоустроено (в российских условиях это значит, что оно близко к сельскому).

В конце XX века в Европейской России насчитывалось около сотни городов, где более двух третей жилого фонда не имело канализации, и более 200 городов, где ею обустроено менее половины жилфонда. Если учесть, что дома с канализацией — это обычно компактные по занимаемой территории многоэтажки, то можно сказать, что почти каждый третий город к концу века имел преимущественно сельский облик. Да и там, где по статистике уровень благоустройства поднимается до 70% (например, Переяславль-Залесский с 45 тыс. жителей), доля сельской застройки по площади больше городской. Что же говорить о г. Чермоз Пермской области (5,8 тыс. жителей), где только 1% жилфонда имел канализацию! И таких примеров много: Чекалин (Тульская обл.) — 2%, Высоцк (Ленинградская) — 3%, Холм (Новгородская) — 5% и т. д.

Как и в начале века, благоустройство зависит от населения города (табл. 4.3.3). В крошечных городах (менее 10 тыс. жителей) неблагоустроено более половины жил-

Таблица 4.3.3. Уровень благоустройства в городах разной людности в конце XX века

Число жителей в городах, тыс. чел.	Доля жилой площади, обеспеченной канализацией, %	Доля жилой площади, обеспеченной горячим водоснабжением, %	Количество телефонных аппаратов на 1000 жителей
Столичные (Москва и С-Петербург)	99	93	350
Более 1000	89	82	138
500–1000	90	83	138
250–500	88	80	130
100–250	86	75	136
50–100	79	68	127
20–50	68	53	111
10–20	56	40	104
Менее 10	46	28	130

Источник: Паспорта городов России на 1996 г.; ВЦ Госкомстата России, 1998.

фонда. По мере укрупнения городов этот показатель заметно растет. Определенным рубежом служит людность в 100 тыс. жителей, когда он поднимается до 85% и далее прогрессирует уже незначительно (у городов-миллионеров — 89%). Следующий скачок делают Москва и С.-Петербург. Правда, встречаются средние и даже большие «полусельские» города. В основном они расположены на юге Европейской России. Так, оборудованного канализацией жилфонда в г. Борисоглебске Воронежской области (65 тыс. жителей) — всего 44%, в Михайловске (Волгоградской обл.) — 46%, Новошахтинске (Ростовской обл.) с населением в 103 тыс. жителей — 49%. Даже город Шахты, где живет 225 тыс. человек, обустроен канализацией всего на 59%.

Хорошим благоустройством, помимо столиц и крупных городов, отличаются новые города, строившиеся часто «с нуля» и потому с соблюдением всех норм и правил. Типичные примеры — атомграды и наукограды. Помимо привилегированных градообразующих отраслей с хорошей зарплатой и благополучной социальной средой, благоустройство этих городов служило дополнительным фактором их привлекательности, «раздвывая» население многих таких городов, например атомградов, вопреки нормам безопасности.

В начале века телефон, хотя бы один или несколько, по официальным данным, имелся примерно в четверти российских городов (Россия, 1913..., с. 377; Миронов, 1999, с. 310). Теперь трудно представить, чтобы город был совсем отрезан от связи с миром. Однако менее 100 телефонных аппаратов на весь город, такой как Юрюзань в Челябинской области и даже подмосковная Яхрома с их 16-тысячным населением (6 домашних аппаратов на 1000 жителей), — индикатор определенной неблагоустроенности. Контрасты в телефонизации городов очень велики даже в пределах одного региона. В пригородной

Московской области, кроме Яхромы, есть города рядом со столицей (Балашиха, Лыткарино, Видное и др.), где число телефонных аппаратов на 1000 жителей приближается к 300, немногим уступая Москве. Тем не менее, для Подмоскovie в советское время были характерны огромные очереди на установку телефона, сменившиеся в 1990-х гг. заоблачными ценами, недоступными подавляющему большинству населения.

Как и с уровнем канализации, в целом характерно постепенное снижение показателя коммуникационных возможностей города по мере уменьшения его людности (таблица 4.3.3). И лишь совсем крошечные города (менее 10 тыс. жителей) дают неожиданный всплеск индивидуальной телефонизации, возможно, отчасти объясняемой слишком малым населением при стандартном для этого типа городов числе аппаратов от 500 до 1500.

Обеспеченность горожан домашними телефонами прежде удваивалась за десятилетие, но теперь растет медленнее (табл. 4.3.4). В начале XXI века скачок может быть сделан скорее за счет беспроводных (сотовых и т. п.) систем, которые в статистике не отражены.

В целом ситуация в городах Центра и на севере лучше, чем на юге. Правда, выделяются Калмыкия (видно, по принципу компенсации бездорожья) и примкнувшее к ней Ставрополье. Там телефоны имеют от половины до 75% городских семей. Контрасты между городами и сельской местностью по коммуникационным возможностям довольно велики, достигая в целом по России 2–3 раз. Однако средние по регионам показатели почти ничего не говорят о реальной изолированности многих сельских районов, в том числе и в центре Европейской России, так как телефонизированы, в основном, пригороды и крупные поселения вдоль дорог.

Уровень оборудования канализацией как индикатор городского образа жизни

Если в западных странах сельские поселения благодаря благоустроенным каменным домам зачастую неотличимы от городов, то в России весь XX век образ жизни во многих городах, особенно в малых, незначительно отличался от сельского.

К концу века неблагоустроенные деревянные дома, лишённые, как правило, элементарных удобств, все еще остаются важным элементом многих городов, а в сельской местности составляют подавляющее большинство жилого фонда. Единственное, чего смогла добиться Россия за век, это электрификации и газификации. Площади, оборудованные газом, незначительно отличаются в городах и в селах Европейской России — 81% жилого фонда и 73% (Сравнительные показатели..., 1995, с. 320–330). А по средним показателям обеспеченности водопроводом, канализацией, центральным отоплением города и деревни отличаются разительно. В Европейской России к концу века водопроводом было оборудовано 79% жилого фонда в городах и 32% — в сельской местности. С канализацией еще хуже: в городах 76%, в селах — 23%. Это неудобство по сути оказывается «крайним» и замыкает обустройство россиян.

4.3.4. Обеспеченность городского и сельского населения Европейской России домашними телефонами в расчете на 100 семей

	В городах и поселках				В сельской местности			
	1970	1980	1990	1995	1970	1980	1990	1995
Российская Федерация	8,2	18,1	35,7	46,0	1,3	5,3	13,9	18,8
По районам:								
Северный	5,4	12,6	32,0	44,5	2,1	9,1	20,1	27,2
Северо-Западный	15,5	31,5	64,0	75,0	1,6	7,6	16,3	22,3
в т. ч. С.-Петербург	19,4	38,9	76,6	87,1	–	–	–	–
Центральный	15,9	32,6	52,1	62,2	0,8	4,7	11,9	16,6
в т. ч. Москва	36,3	65,9	92,0	102,8	–	–	–	–
Волго-Вятский	4,5	13,0	28,8	41,3	0,6	3,1	9,2	14,1
Центрально-Черноземный	4,6	12,2	32,8	44,6	0,5	3,2	12,7	18,5
Поволжский	5,0	11,0	25,1	34,1	0,9	4,1	12,5	17,0
Северо-Кавказский	4,9	12,9	29,4	38,2	0,8	3,6	13,7	17,9
Уральский	4,3	11,1	27,0	37,8	0,8	4,8	14,1	18,7
Калининградская область	6,0	14,2	26,5	30,1	1,1	4,3	11,4	14,6

Показатели обеспеченности водопроводом и особенно канализацией являются важными индикаторами городских условий жизни, принятых в цивилизованном мире, и могут служить косвенными показателями реального уровня урбанизированности населения. Тот 21% городского жилищного фонда без канализации — это и есть деревянные дома с палисадниками и с хозяевами, ведущими полусельский и сельский образ жизни. И наоборот, 23% благоустроенных домов в сельской местности — это в основном многоэтажки. Правда, на самом излете XX века стали появляться благоустроенные коттеджи, однако их доля по сравнению с сельскими домами еще невелика.

В пределах Европейской России различия в благоустроенности городов и сел весьма велики. Наилучшая ситуация, естественно, в Москве и в Петербурге. Помимо них, хорошо благоустроены новые и крупные города на севере и в центральных районах² (табл. 4.3.5). Если же перейти от анализа по экономическим районам к региональному разрезу, то становится видна сильная дифференциация территории (рис. 4.3.1). «Провалов» обустроенности несколько: это три очага российской глубинки, где многие города, по существу, являются полуселами. Первый — к северо-западу от Москвы от Псковской до Брянской области, второй — к северо-востоку от Москвы от Ивановской

² Как и в районах недавнего освоения за Уралом. Однако нужно учесть, что северная, восточная и «столичная» зависимость от коммунальных служб и удобств в условиях России при их обветшании или кризисе становится фактором риска для горожан.

Таблица 4.3.5. Благоустройство жилого фонда в городах и сельской местности (оборудованная площадь в % в 1990-х гг.)

Экономические районы	Город			Сельская местность		
	водо-провод	канали-зация	газ	водо-провод	канали-зация	газ
Россия в целом	84	81	68	33	22	72
Европейская Россия	79	76	81	32	23	73
Север	86	84	61	20	16	48
Северо-Запад	92	91	81	34	31	70
Центр	89	87	78	39	31	79
Волго-Вятский район	83	79	85	32	17	76
Центрально-Черноземный	77	75	79	28	22	82
Северный Кавказ	77	73	78	43	24	74
Поволжье	80	78	81	30	18	82
Урал	84	81	77	31	17	73
Калининградская обл.	97	99	91	57	40	94

Источник: *Сравнительные показатели...*, 1995.

до Кировской области, и, наконец, третий очаг недоурбанизированных городов — к юго-востоку от столицы (Тамбов, Пенза, Саратов). На юге в равнинных краях и областях Северного Кавказа ситуация в городах хуже, чем в национальных республиках (кроме Калмыкии). В некоторых регионах и до половины городского населения ведет по существу полусельский образ жизни.

В сельской местности наихудшая ситуация характерна в целом для северной и восточной и юго-восточной периферии Европейской России (**рис. 4.3.2**). Но самые тяжелые условия жизни сложились в периферийных сельских районах областей. Там уровень канализации составляет всего 4–10%, сочетаясь с отсутствием проезжих дорог, магазинов, школ, больниц и прочих элементарных социальных элементов жизнедеятельности. Важно, что подобную разреженность обустроенности территории и жилья можно встретить в двух-трех часах езды от столицы где-нибудь в глубинке Ярославской или Рязанской областей (см. рис. 4.2.3 в предыдущей главе).

Если исключить сельские дома городов и пересчитать, какая доля всего населения живет в городских благоустроенных жилищах, то получится *уровень бытовой урбанизации или доля населения городов, живущих в типично городских условиях быта* (**табл. 4.3.6**). При доле городского населения 73%, в городских бытовых условиях в Европейской России живет только 59% населения. В некоторых районах, например в Центрально-Черноземном или на Северном Кавказе, этот показатель составляет менее поло-

Рис. 4.3.2. Обеспеченность сел канализацией, в % от жилого фонда

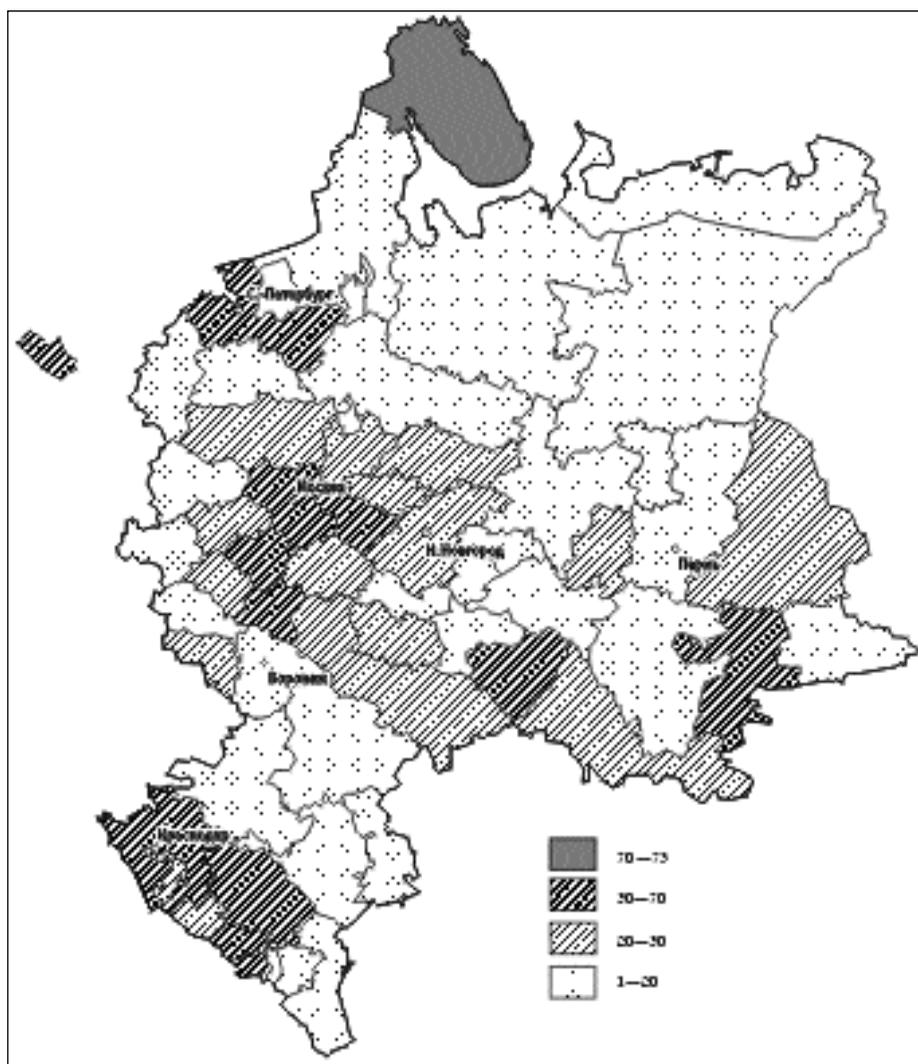

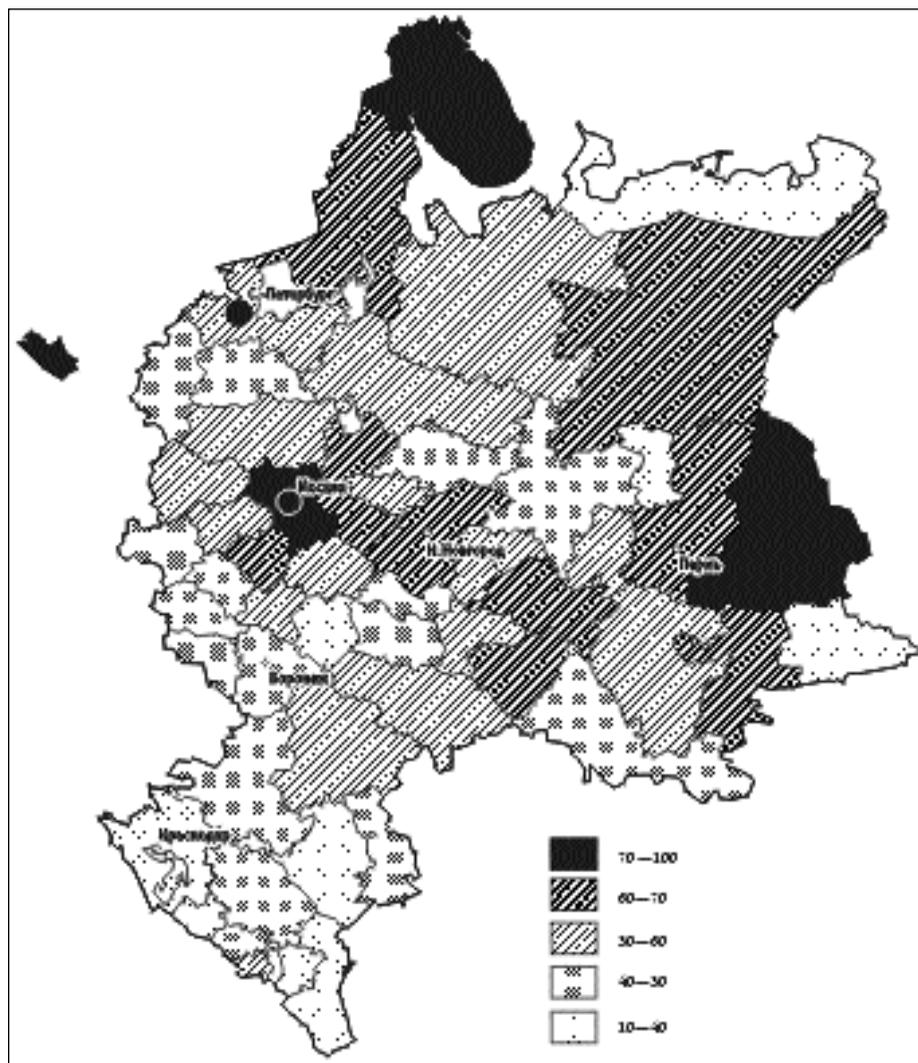
Таблица 4.3.6. Реальная (бытовая) урбанизация и рурбанизация в России в конце XX века (в % от всего населения)

Экономические районы	Доля городского населения, %	Города		Сельская местность	
		Доля населения с городскими условиями, %	Доля населения с сельскими условиями, %	Доля населения в благоустроенных домах, %	Доля населения в неблагоустроенных домах, %
Россия в целом	73	59	14	6	21
Европейская Россия	73	60	13	6	27
Север	76	64	12	4	24
Северо-Запад	87	79	8	4	13
Центр	83	72	11	5	17
Волго-Вятский район	70	56	15	6	29
Центрально-Черноземный	62	47	16	8	38
Северный Кавказ	55	40	15	11	45
Поволжье	73	57	16	15	27
Урал	74	60	14	4	26
Калининградская обл.	77	73	5	9	23

вины населения (рис. 4.3.3). Соответственно доля тех сельских жителей, которые благоустроили свои жилища, может служить одним из показателей рурбанизации. В России он крайне низок — 6% всего сельского населения, в то время как 21% проживает в деревнях и селах без элементарных удобств, принятых в цивилизованном обществе. На Северном Кавказе доля последнего поднимается до 45%.

Конечно, понятия урбанизации и рурбанизации шире и не могут быть сведены к одному показателю, отражающему бытовые условия. Однако в процессе смещения акцентов с простого анализа роста городского населения к изучению его концентрации, агломерирования, городского образа жизни и т. п. (Пивоваров, 1994 и др.) поиск индикаторов реальной урбанизации становится весьма актуальным. За уровнем оборудованности жилых домов канализацией (не газом и даже не водопроводом, а именно канализацией) стоит не только бытовая обустроенность, но и сам тип жилищ и, шире, тип городской среды и, отчасти, занятий горожан (наличие подобного типа жилища в городе предполагает, как правило, небольшой земельный участок, а значит и огородничество, а порой и наличие птицы и скота). На наш взгляд, показатель доли городского населения, с учетом уровня благоустроенности жилья, вполне может использоваться как один из индикаторов реальной урбанизации. В отличие от показателя доли населения, проживающего в агломерациях, завышающего уровень урбанизации (за счет включения сельского и полусельского населения пригородов), он снижает урбанизованность, исключая деревню из городов.

Рис. 4.3.3. Уровень урбанизации с учетом бытовых условий жизни населения, в % от всего населения регионов

Деревня в городе

Сельское хозяйство в России всегда было важной частью городской экономики. В 1830-е годы в Петербурге под огородами находилось 14,3% площади города, к 1860-м эта доля поднялась до 19,4% ввиду увеличения его территории за счет окрестных сел и деревень (Миронов, 1999, с. 303). К началу XX века огородничеством в обеих столицах занималось по 2% самодеятельного населения (там же). Доля сельскохозяйственной составляющей в отраслевой структуре занятости городского населения рассматривалась в главе 4.1. Здесь остановимся на анализе структуры городского землепользования и выявлении в нем доли территорий, внешний облик и функции которых позволяют относить их скорее к деревне, чем к типичному городу.

Развитие городского огородничества в XX веке имело пульсирующий характер и было связано со стабильностью обстановки в стране и степенью дефицита продовольствия, давая всплески в годы революций, войн, кризисов. Тем не менее и в относительно спокойные годы XX века значение сельскохозяйственной составляющей в пределах городской черты было велико. Расчеты, проведенные в 1960–1970-х гг., показали, что в СССР примерно треть общей городской территории и 15% территории в пределах городской застройки представляли собой обрабатываемые сельскохозяйственные земли, которые по площади значительно превышали леса, лесопарки, зоны отдыха (Кудрявцев, 1971; Черкес, 1992). Во многом это связано с традиционной одноэтажной застройкой малых городов, когда при домах есть небольшой участок. Обзавестись им стремились (легальным путем или самозахватом) и жители городских многоэтажек.

К концу XX века не вовлеченные в градостроительную деятельность территории в пределах городской черты составляли в среднем для городов России около 30% (Государственный доклад, 1996). Это не только сельскохозяйственные земли, но и неудобья, резервные территории, большие площади которых были характерны для городов России при отсутствии цены земли и постоянном расширении городской черты. И прежде значительная их часть активно использовалась горожанами под несанкционированные огороды. В последние десятилетия эти территории официально отдавались властями под сады и огороды граждан.

Находятся в городах и крупные сельхозпредприятия. Их существование возможно благодаря крайне низким ставкам налогов и арендной платы за землю для сельскохозяйственных пользователей. Например, на рубеже XXI века в городах Московской области более трети земель в пределах черты населенных пунктов — это классическая сельская местность с индивидуальными жилыми домами, огородами, полями (табл. 4.3.7), причем пятая часть городской территории за 1990-е годы была приватизирована жителями.

Наиболее парадоксальный пример — это сельскохозяйственная деятельность в Москве. В столице к концу XX века находилось 30 коллективных предприятий общей площадью около 5 тыс. гектаров или 4,5% от городской площади (Доклад о состоянии, 1998). Самые крупные из них расположены все-таки за пределами кольцевой автодоро-

Таблица 4.3.7. Доля земель индивидуального и сельскохозяйственного пользования в пределах городской черты в городах Московской области на 1.01.2000, в %

Землепользователи	Доля от территории городов	В т. ч. в собственности граждан
Сельскохозяйственные пользователи	17,3	4,7
Индивидуальная жилая застройка	9,6	6,4
Коллективные сады и огороды	5,4	2,0
Личные подсобные хозяйства	2,9	2,7
Дачи	0,6	0,4
Всего сельская местность	35,8	19,8

Источник: Рассчитано по данным Московского обл. комитета по земельным ресурсам: Сведения о распределении общих площадей земель городов по формам собственности, 2000.

ги в «протуберанцах» — территориях, присоединенных к Москве для массового жилищного строительства. Эти сельскохозяйственные территории обречены на постепенное ссоедание массовой городской застройкой столицы. Но и внутри кольцевой дороги сохранились сельскохозяйственные предприятия. Например, Тепличный комбинат «Горьковец» на юго-востоке столицы занимает до сих пор более 100 га земли. Даже подмосковная «Белая дача» — мощнейшее предприятие России — имеет в Москве участок в 50 га с теплицами. То же — тепличный комбинат «Московский» к югу от столицы.

Один из самых поразительных контрастов — это соседство на западе столицы элитного жилого района Крылатское и тепличного комбината «Матвеевский», окруженного убогими полуразрушенными деревеньками Терехово и Нижние Мневники. Земли бывшего совхоза город сильно «обкусал», но до сих пор совхоз использует 175 га земли на пойме Москвы-реки (прежде было 420). Судьба его не ясна, хотя в нем все еще числится 300 человек. За эти земли ведется ожесточенная борьба.

Существование сельхозпредприятий в столице возможно только благодаря льготам по плате за землю³. Земли сельскохозяйственных предприятий в подавляющем большинстве освобождены от арендных платежей, а ставки налога за землю для них минимальны. Из 4,8 тыс. гектаров сельскохозяйственных земель столицы арендная плата взимается только со 151 гектара (Доклад о состоянии..., 1998). Главным оружием Московской администрации по выдавливанию сельскохозяйственных предприятий, особенно расположенных так близко к элитным жилым районам, становится перевод его в категорию пользователей, которые должны вносить 100-процентные арендные платежи.

³ Земля в Москве муниципальная, причем за нее существуют три вида платы: налог, который стараются брать со всех пользователей, арендные платежи для тех, с кем заключен договор аренды (многие стараются его избежать), и покупка права на аренду (исключительное изобретение Московской администрации для новых пользователей). В центре Москвы покупка права долгосрочной (на 49 лет) аренды обходится покупателю в 8–10 млн долларов за га в центре столицы и около 1 млн долларов за его пределами (после этого он должен ежегодно платить еще и арендную плату).

Деревня в городе

Кроме сельскохозяйственных предприятий, в столице почти 100 га занимают земли подсобных хозяйств населения таких же деревень, как Терехово. Есть в столице и дачи на 282 гектаров и садоводческие участки — 120 гектаров. Так что около 500 га занимает сельскохозяйственная деятельность горожан. Для них также снижена арендная плата.

* * *

Таким образом, нормативная и налоговая база долгие годы всячески поддерживала рудименты деревни в городах, что усиливало присущие России сельские черты урбанизации. Особенно это характерно для малых городов, многие из которых имеют лишь одну-две улицы каменных домов и на большей части территории мало чем отличаются от большого села. С другой стороны, значительная часть горожан, особенно в неблагополучных, не вписавшихся в новые условия городах, не получая зарплаты, вынуждена перейти на самообеспечение картофелем, овощами и т. п. как в пределах городской черты, так и на садоводческих участках в пригородах, увеличив тем самым сельскохозяйственную составляющую своих занятий. Это лишний раз указывает на некоторую расплывчатость грани между городами, особенно небольшими, пгт и сельской местностью. Недаром фактор наделения жителей землей зачастую становился в 1990-е годы решающим при смене статуса пгт и даже города на сельское поселение.

4.4. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОРОДА И СЕЛА В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ XX ВЕКА

В политическом разделе книги приходится отчитываться и за сегодняшний день, и за время В. П. Семенова-Тян-Шанского. Политическая жизнь начала века не могла его не волновать, но вряд ли вызвала у него профессиональный интерес. В. П. даже не включал политическую географию в круг географических наук (Полян, 1989, сс. 48–51), а ее предметом видел в основном геополитические сюжеты¹. При этом следует стремиться к тому, чтобы восстановить тогдашнюю политико-географическую реальность, как она виделась В. П. и его современникам. Она для нас куда важнее построений нынешних исследователей, которые, на сто лет опоздав пережить и почувствовать то время, тем не менее самонадеянно определяют бы, «как было на самом деле», опираясь на сухую статистику и обрывки текстов того времени, показавшиеся почему-то наиболее подходящими и правдоподобными.

При описании давно прошедших политических явлений, которые уже «не переиграть», легче оторваться от собственных политических пристрастий, не «подгонять» свои выводы, пусть неосознанно, в пользу нравящегося политического течения. Чтобы картина не получилась плоской и однобокой, ее следует рассматривать с точки зрения разных политических сил, сравнивать соперничающие интерпретации. К тому же призывает объект наиболее адекватно, его нужно описывать во взаимоотноисключающих, дополнительных системах описания — тогда «недостаток информации компенсируется ее стереоскопичностью, возможностью получить совершенно иную проекцию той же реальности, перевод ее на совершенно другой язык» (Лотман, 1992, с. 45).

Другие разделы книги касаются тех сторон жизни общества, развитие которых можно описывать как эволюционную линию, пусть не гладкую, с крутыми изгибами и переломами, но все-таки непрерывную. Здесь мы имеем дело с традицией, оборванной на семь десятилетий и возобновившееся уже в совершенно других условиях. Значит, придется сначала описывать два отдельных явления (даже три, ведь политическая система после Февральской революции 1917 г. резко отличается от дореволюционной) и лишь затем искать пути их сравнения. Впрочем, как раз сопоставление первых двух десятилетий века с нашим, последним, выглядит подходящим и поучительным: они близки друг

¹ Географов, профессионально интересовавшихся политикой, выборами и партиями, в то время вообще практически не было. Исключение составил разве что известный работами по хозяйственному районированию А. Скворцов, который попытался оценить партийную борьбу по аграрному вопросу, тогда важнейшему для общества, с географической точки зрения. В основном политико-географические темы развивались, иногда удачно, политическими публицистами.

другу как периоды политического структурирования общества, становления партийной системы. Оба раза можно наблюдать, как нарождающийся партийный спектр «накладывается» на географическую структуру, как проявляются и закрепляются политические предпочтения разных частей страны.

Выборы в Государственную Думу 1906–1912 гг.

Возможности изучения выборов в Думу во многом определяются действовавшей тогда избирательной системой. Выборы в Думу были организованы по цензовым (т. е. зависящим от характера собственности и рода занятий) разрядам, обычно называемым куриями — землевладельцев, крестьян, горожан, фабрично-заводских рабочих (**табл. 4.4.1**). Выборы проходили в несколько ступеней, они были отдельными для избирателей разных курий вплоть до последней стадии — губернских избирательных собраний, на которых представительство каждой курии заранее устанавливалось избирательным законом. После быстрого роспуска первых двух Дум, оказавшихся слишком оппозиционными, в июне 1907 г. было принято новое положение о выборах. Оно в основном сохранило состав курий (только городская была разделена на два разряда), но изменило их представительство в губернских собраниях в пользу более зажиточных и лояльных — землевладельцев и первого городского разряда.

При том, что такая система выборов никак не отвечает сегодняшним представлениям о демократии², для изучения политических предпочтений по отдельным социальным группам, «в разрезе», она предоставляет даже лучшие возможности, чем современные избирательные системы. Другое дело — ограничения из-за невысокой сохранности результатов выборов, особенно их первых, низовых, стадий: только по выборам в третью Думу был выпущен подробный отчет МВД, в остальных приходится пользоваться разрозненными газетными и журнальными данными.

Чтобы убедиться в существовании географических закономерностей в поддержке основных политических сил на думских выборах, достаточно увидеть положенные на карту самые общие результаты — партийную принадлежность депутатов по губерниям (**рис. 4.4.1, 4.4.2**). Применение нового избирательного закона в 1907 г., которое привело к существенному изменению партийного состава депутатов, показало одновременно устойчивую политико-географическую структуру, упорядоченных широтных и меридиональных изменений в политических предпочтениях.

Применительно к Европейской России начала века уместнее говорить именно о широтно-меридиональных градиентах, а не о районировании. Для авторов того времени ячейками пространства служили скорее не регионы с яркими индивидуальными чертами, а «клетки» на пересечении широтных и меридиональных полос, особенности которых определялись как раз наложением «поясных» характеристик. Топологически очень похожую схему рисует и В. П. Семенов-Тянь-Шанский в «Городе и деревне».

² Сама по себе архаичность избирательного закона не означает, что он был плохим для своего времени. Возможно, «четырёххвостка», всеобщее равное, прямое и тайное голосование, для того уровня политического и экономического развития страны была еще преждевременной. Заметим только, что думский избирательный закон не был новым и оригинальным, в основном он повторял порядок земских выборов, проводившихся с 1864 г.

Рис. 4.4.1. Партийный состав депутатов II Государственной Думы по губерниям

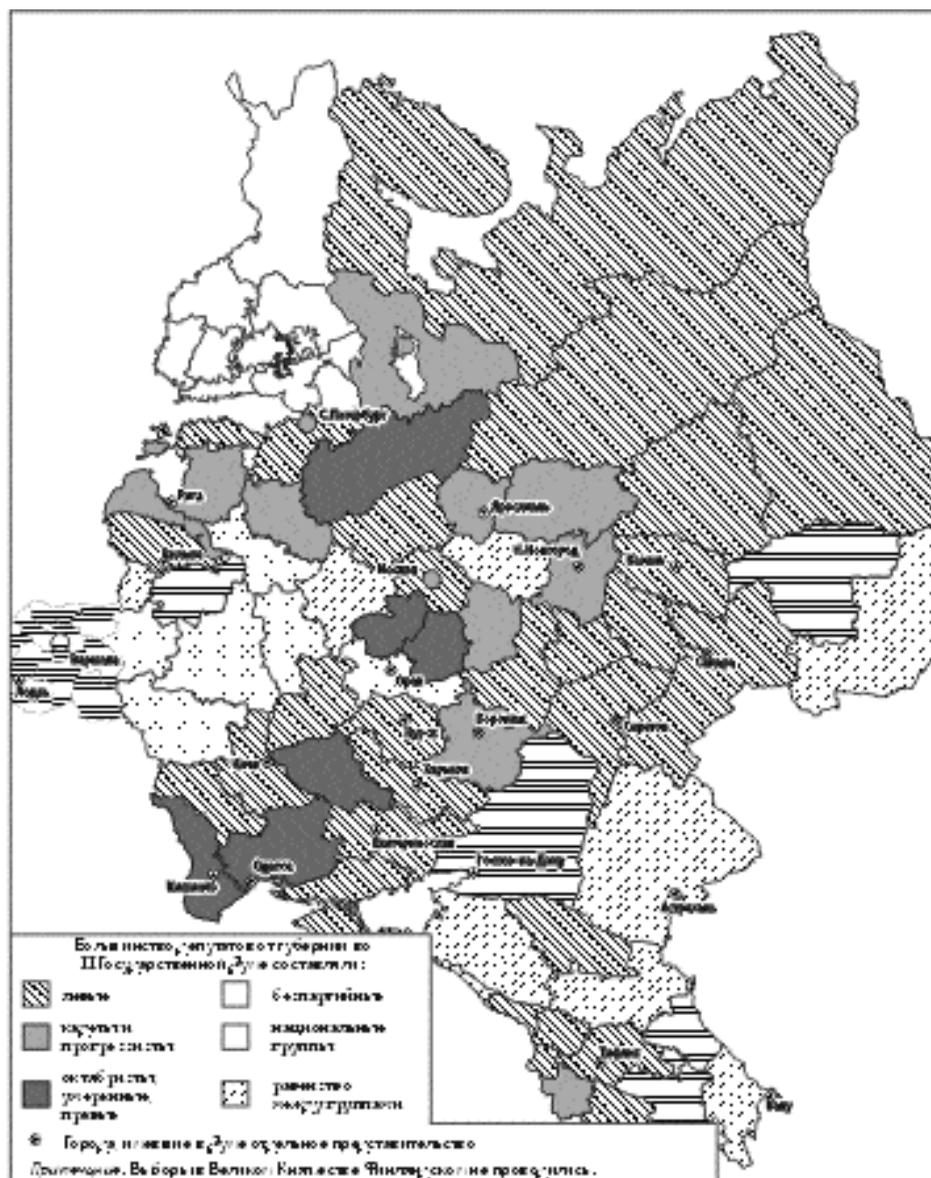

Рис. 4.4.2. Партийный состав депутатов III Государственной Думы по губерниям

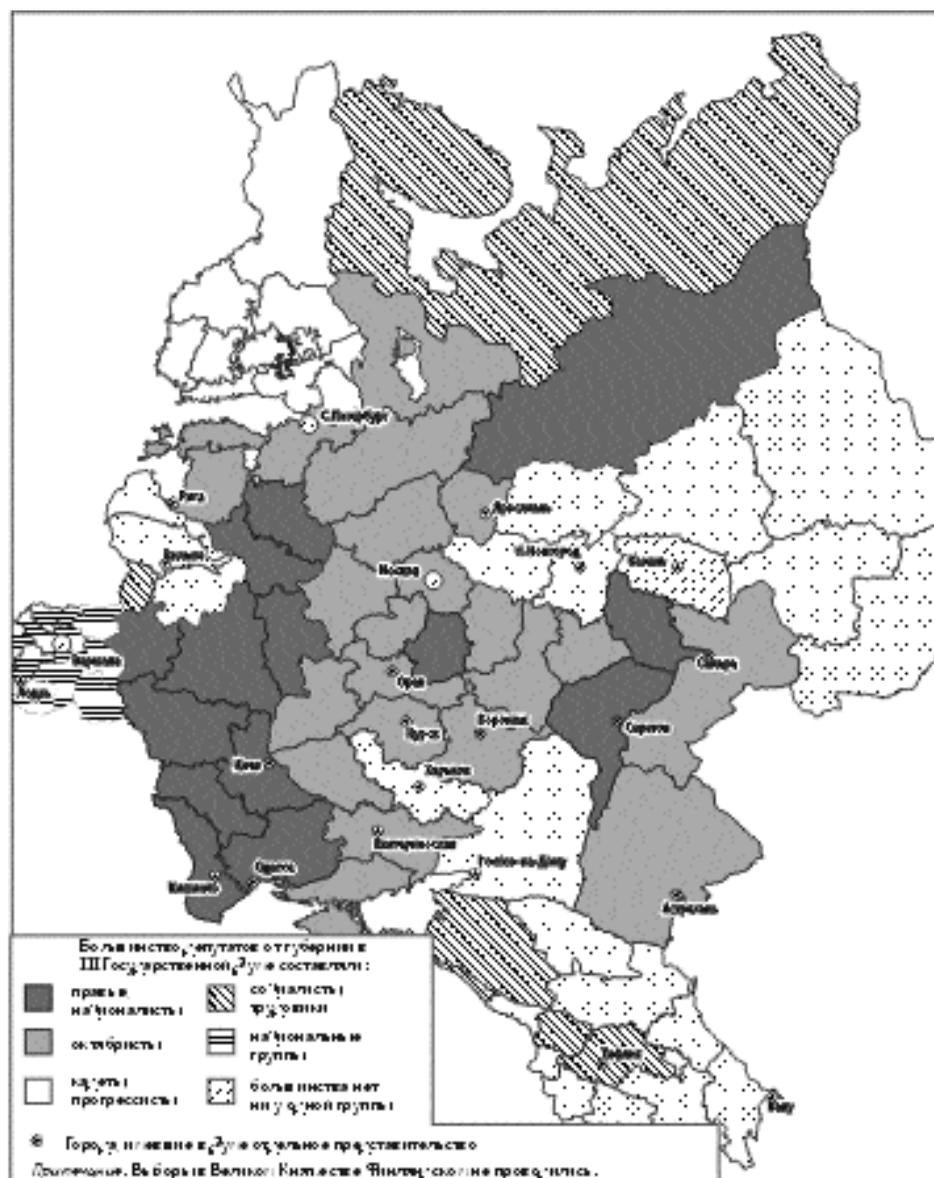

Таблица 4.4.1. Партийный состав выборщиков по куриям, 1906–1912 гг., в %

Тип городов	Социалисты-революционеры	Социал-демократы (меньшевики)	Социал-демократы (большевики)	Социалистический блок	Конституционные демократы	Национальные группы	Внепартийные группы
Губернские	18,3	6,4	6,8	38,5	14,3	3,7	12
Уездные	7,5	6	1,2	23,9	5,5	5,7	50,2

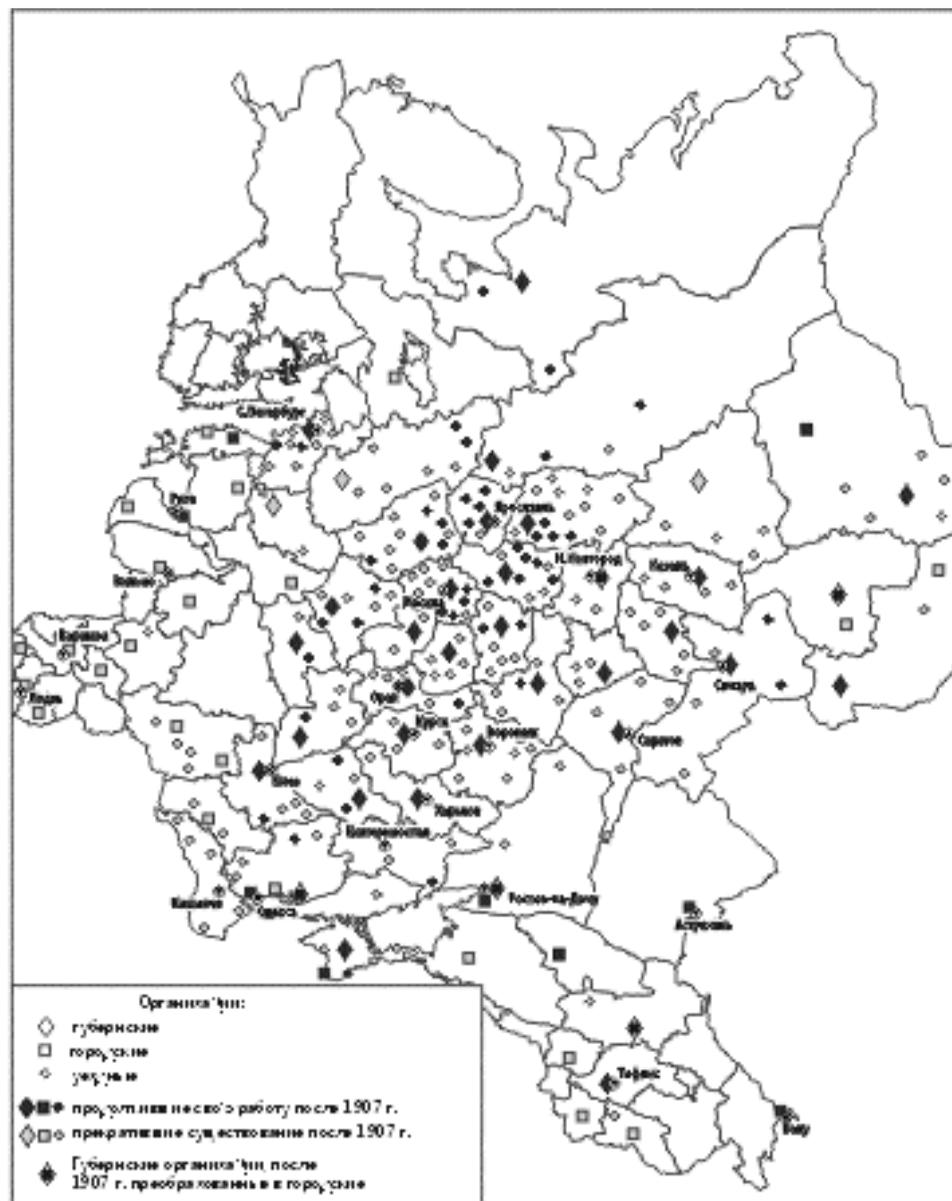
В стране с преобладанием сельскохозяйственных занятий, упорядоченных в соответствии с природной, а затем социально-культурной зональностью, выраженность зонально-поясных структур понятна и ожидаема. Широтный и меридиональный градиенты отражают с севера на юг различия между нечерноземной и черноземной полосами (с выделением на самом юге степного пояса нового освоения); с запада на восток — сменяющие друг друга полосу Западного края (большая его часть — в прошлом польские владения), центральной, «коренной» России и восточной, заволжской полосы более позднего хозяйственного освоения. Для политико-географического взгляда разница «север—юг» — это прежде всего различия между более *промышленной* и *аграрной* частями страны, «запад—восток» — различия, во-первых, между губерниями с частным, *подворным* и с *общинным* землевладением и, во-вторых, между и западными окраинами с сильным польско-еврейским влиянием и почти однородно русскими центром и востоком.

С запада на восток мы наблюдаем переход от преобладающей поддержки правых и русских националистов³ к более умеренным в центре и к самым левым на востоке. Влияние смены избирательного закона сказалось в том, что если на выборах по первоначальному положению роль умеренной силы, представляющей центральную полосу губерний, принадлежала кадетам, то по новому положению их место заняли более правые октябристы, а кадеты оказались оттесненными в восточную полосу, где они, в свою очередь, потеснили социалистов (еще восточнее, в сибирских губерниях, социалистические партии сохранили прежние позиции, оспаривая первенство с кадетами).

Линия раздела «восток—запад» проходила и внутри партий, что видно на примере кадетов и октябристов. Расхождения в кадетской партии по «проклятому» аграрному вопросу одинаково четко проявились на втором и третьем съездах партии в январе и апреле 1906 г. При разных действующих лицах оба раза повторялась та же картина: делегаты от великорусских губерний, прежде всего поволжских, черноземных и сибирских, критиковали аграрную программу партии как недостаточно радикальную, а представители западных губерний, наоборот, выступали против отчуждения земли у крупных

³ На ход выборов в Западном крае существенно влияли административное давление и использование приемов — как сказали бы теперь, административных технологий, в пользу русских (точнее, белорусских и украинских) избирателей против евреев и поляков (подробнее см. Титков, 1995), но для нашей задачи — проследить градиент изменения политических предпочтений — такие «вымученные» итоги выборов даже более показательны, так как позволяют не учитывать влияние национальных и культурных особенностей. Сама «несправедливость» результатов выборов в Западном крае тоже относительна, поскольку поляки и евреи составляли здесь все-таки явное меньшинство, хотя и более зажиточное, что давало им преимущество при ценовой системе выборов.

Рис. 4.4.3. Территориальные структуры Конституционно-демократической партии

собственников (противники отчуждения и национализации из Петербурга и Москвы тоже ссылались на настроения в Малороссии и Северо-Западном крае)⁴.

Тогда же на Первом съезде Союза 17 октября в феврале 1906 г. представители великорусских губерний (Тверской, Вологодской, Пензенской) требовали разрешения аграрного вопроса как первоочередного, но осторожное большинство съезда, прислушавшись к резким возражениям делегатов из Западного края, решило отложить детальную проработку аграрной программы на будущее, после обсуждения в местных отделах союза.

Другой причиной раздела стал «окраинный вопрос»: делегаты Западного края предлагали на выборах в Думу ввести квоты для русских депутатов, а когда большинство съезда решило, что такой порядок не отвечает принципу равноправия, вскоре отпали от партии (Партия «Союз 17 октября», 1996, с. 107–162; Шелохаев, 1987, с. 88).

Положенные на карту списки местных партийных структур кадетов и октябристов (собранные В. Шелохаевым) показывают, как со временем сеть партийных организаций у обоих сжималась, сохраняясь лишь в ядре их наибольшей поддержки (рис. 4.4.3). Обе партии к концу первого десятилетия одинаково лишились почти всех своих организаций в Западном крае. У кадетов сеть уездных отделений, тоже поредевшая, сохранилась только в нечерноземных губерниях, в Черноземье деятельность партии оказалась ограниченной губернскими городами. Октябристы в отличие от них выглядят «нечувствительными» к разделению на черноземный и нечерноземный пояса, что вполне объясняется их более умеренной и расплывчатой аграрной программой.

Широтные и меридиональные закономерности хорошо прослеживаются и при рассмотрении выборов по отдельным разрядам⁵. «Послойное» изучение выборов позволяет, с одной стороны, выделить особенности, свойственные каждой курии городских и сельских избирателей, с другой — ближе рассмотреть причины географических закономерностей смены политических предпочтений.

Землевладельцы

Землевладельческий класс имел самый длительный, не меньше полутора веков, опыт политической деятельности. Пространственные политические различия среди дворян-землевладельцев тоже проявились задолго до думских выборов, по крайней мере, со времени великих реформ 1860-х гг.: за освобождение крестьян были в основном средние землевладельцы нечерноземной полосы, против — крупные землевладельцы Черноземья.

В деятельности земств, по своему составу в основном дворянско-землевладельческих, прослеживались похожие закономерности: «носителями либеральной оппозиции и долгое время потом являлись земцы нечерноземных губерний (Тверская, Новгород-

⁴ Съезды и конференции..., 1997, с. 128–149, 281–334.

⁵ Выборы по рабочей курии как «зональные», т. е. проводившиеся только в губерниях с относительно развитой промышленностью, не выявили сколько-нибудь существенных пространственных различий — практически везде избирались выборщики крайне левых взглядов, поэтому они отдельно рассматриваться не будут.

ская, Московская и др.). Наоборот, земства черноземных губерний (до 90-х гг.) идут, как правило, в хвосте не только оппозиционного, но и чисто культурного движения» (Веселовский, 1909, с. 293).

На думских выборах различия «север—юг» проявились не менее отчетливо. На выборах во вторую Думу получалось, что «в то время как в промышленных губерниях более $\frac{6}{10}$ оппозиционных выборщиков и только $\frac{1}{3}$ правых, в губерниях землевладельческого центра черных выборщиков $\frac{8}{10}$ и оппозиционных только 18%»; причина различий виделась в том, что «землевладельцы северных и промышленных губерний далеко не те, что помещики нашего земледельческого центра. Первые в большинстве случаев если и ведут хозяйство, то не живут в имениях. Большинство или значительная часть помещиков этих губерний, не получая со своих экономий достаточных средств, вынуждены служить или становиться адвокатами, врачами, профессорами и т. п. Две души живут в их груди и аграрная душа часто пасует перед душой интеллигента. Понятно, что здесь-то мы и должны встретиться с помещиками кадетами, тем более, что слабое развитие крупного хозяйства и не особенно высокие арендные цены делают принудительное отчуждение не так уж убыточным» (Горн, 1907, с. 14–15).

Не менее, даже более заметным был раздел «запад—восток». Выборщики и депутаты западной полосы были существенно правее в аграрном вопросе — против отчуждения земель, за свободный выход из общины, и в национальном — против равноправия евреев, за национальные курии при выборах. Группа русских националистов из Западного края, включавшая и землевладельцев, и крестьян, была опорой правительства А. Столыпина в Думе.

Крестьяне

При переходе от землевладельцев к крестьянам, обнаруживаются те же основные линии раздела — «запад—восток» и «север—юг».

В первой Думе, куда большинство депутатов-крестьян прошло без партийных различий, с общими, казалось бы, настроениями «земли и воли», размежевание среди них шло прямо на глазах. Наглядное его описание оставил участник и затем историк Трудовой группы Л. Брамсон, адвокат и публицист из Ковно: «раньше всего различие сказалося на земельном вопросе. Крестьянским депутатам центральной и восточной России не трудно было столкнуться по этому пункту: мысль о необходимости коренным образом разрешить вопрос путем принудительного отчуждения всех видов поземельной собственности и образования народного земельного фонда для предоставления земли в пользование лично обрабатывающих землю была для них не новою <...> Но в аудитории находилась часть депутатов, которая не сразу сдавалась на такое универсальное решение вопроса⁶. То были, прежде всего, крестьяне западных губерний: в виду слабо-

⁶ Показательны убежденность Л. Брамсона в существовании универсального решения аграрной проблемы и подразумеваемая им «недоразвитость» крестьян Западного края, оставивших общинные отношения в далеком прошлом.

го развития общинного быта и распространенности подворного владения, их смущал целый ряд соображений: и опасение перед возможностью уничтожения крестьянской частной собственности, и непривычный для местного крестьянства институт общинного пользования землей, незнакомство с практикой общинных переделов и многое другое <...> Полного единодушия по земельному пункту так и не удалось достигнуть, и после принятия этого пункта многие депутаты (часть крестьян западной полосы, литовские ксендзы, остзейцы) перестали посещать собрания группы. Другим спорным пунктом, на котором часть примыкавших сначала депутатов опять разошлась с организаторами группы, был вопрос *национальный* <...> Из среды «еропкинских» крестьян, до того продолжавших усердно посещать собрания, поднялось несколько человек и указывало, что <...> «нельзя же жидов во всем равнять с нами» <...> Кончилось тем, что пропасть между группой и настоящими еропкинами после этого еще более углубилась. На дальнейших собраниях уже не досчитывались человек 20–30, прочно засевших впоследствии в правый угол думского зала» (Брамсон, 1917, с. 15–17). Сравнение с проходившим тогда же на съездах кадетов и октябристов заставляет только удивляться, насколько сходным образом географические различия, «власть земли», проявлялись в настолько разных слоях общества.

По всем наблюдениям современников, «правое крестьянство концентрируется в определенном районе северо-запада и Новороссии, спорадически встречаясь и в других местностях. По-видимому, сложившийся строй подворного и частного землевладения позволяет не только отслоиться группе «крепкого» крестьянства, но и облегчает ей приобретения влияния над массой. Община, как то признал депутат социал-демократии Алексинский во второй Думе, не только способствует организации массовых экономических движений, но и объединению масс при политических выборах» (Горн, 1907, с. 21), а «клич „земли и воли“, столько раз повторявшийся в Думе представителями крестьян центральной и восточной России, ни разу, кажется, не был произнесен депутатами от западных крестьян и даже вообще от западных областей» (Скворцов, 1906, с. 23).

Советский историк «школы Покровского», неплохо знавший дореволюционную политическую публицистику, замечал, что «если же мы проследим борьбу в зависимости от процесса распада общины, то окажется, что левые пользовались успехом в двух крайних районах: трудовики — там, где община еще жива, с.-д. — там, где она уже разрушена, т. е. где имеется сельскохозяйственный пролетариат. Что же касается районов крупной земельной собственности, то они дали значительный процент правых» (Томсинский, 1924, с. 17). Различия «север—юг» проявлялись в большем влиянии на юге крайних левых течений (и крайне правых — тоже), а на севере — более умеренные настроения, большее влияние кадетов. По воспоминаниям П. Милюкова, в кадетскую фракцию из крестьян входили «все солидные, дельные люди из северных губерний» (Милюков, 1991, с. 245).

Дополнительные штрихи к географическим различиям в политическом поведении крестьян дают массовые крестьянские выступления, особенно сильные в 1905–1907 гг. В них опять отчетливо проявилась разница между западными и великорусскими губерниями, между черноземными и нечерноземными (рис. 4.4.4, 4.4.5).

По свидетельству А. Скворцова, «аграрные беспорядки в той или иной форме были за последнее время в очень многих областях, но выражались они весьма различно. Если всмотреться в то, что происходило в Польше и вообще в западных губерниях (исключая прибалтийского края, где борьба протекала на иной почве), то мы заметим, что аграрные беспорядки этой полосы носят характер недовольства батраков и наемных рабочих вообще и, по существу выдвигаемых демонстрантами требований, эти беспорядки совершенно тождественны с рабочим движением в городах: речь идет ни больше, ни меньше, как об увеличении вознаграждения и об улучшении обстановки рабочих, но *никакого требования увеличения площади землевладения со стороны крестьян совсем не замечается* <...> Но и в юго-западных и вообще малорусской области, — требования, предъявляемые крестьянами, сводились чаще к увеличению рабочей платы или к сохранению всей работы, предлагающейся крупным хозяйством, за местным населением, вместо призыва рабочих со стороны; требование о передаче земли являлось исключением» (Скворцов, 1908, с. 3–5). Забастовки вскоре, уже в 1906 г., переходят и на центральные губернии, но «распространившись на восток, на центрально-земледельческие губернии, забастовочное движение изменило свой характер, поставив себе целью прямую борьбу за землю» (Прокопович, 1912, с. 82).

С другой стороны, «массовые потравы, увоз сена с лугов и хлеба с полей, а также разборка экономий преобладали в черноземной полосе. Причина подобного влияния черной земли кроется, по-видимому, в особенностях сельского хозяйства в этой полосе России. В черноземных губерниях, за исключением юго-западных и малороссийских, у нас собственно не ведется правильного хозяйства: и помещики, и крестьяне ограничиваются эксплуатацией земли в буквальном смысле этого слова, расхищением ее природных сил <...> При подобном строе хозяйственных отношений у крестьян нет особого уважения к собственности помещиков. Там земля родит сама, — не труд дает доход, а земля; кто владеет землей, тот сыт и богат, у кого нет земли, тот нищ и голоден. Получаемый землевладельцами доход не соответствует сделанным затратам капитала и труда; поэтому, в глазах крестьян, право собственности помещика на землю не имеет оправдания <...> Отсюда известная предрасположенность к нарушению прав собственности, отсутствующая в нечерноземной полосе» (Прокопович, 1912, с. 65). В полосе нового освоения, южных и юго-восточных губерниях, «где не так давно земля была еще вольной», особенно распространены запашки и захваты частновладельческой земли (там же, с. 65).

Выступления крестьян черноземной полосы, гораздо более острые и разрушительные, намного чаще приводили к столкновениям с полицией и войсками (рис. 4.4.5). Примечательно, что еще в 1903–1904 гг., до всплеска крестьянских выступлений, именно в губерниях черноземной полосы раньше других была введена полицейская стража для подавления возможных беспорядков (Веселовский, 1909, с. 37) — взрыв, очевидно, предвидели, к нему готовились.

В отличие от черноземной полосы, в центрально-промышленных губерниях более распространенными оказались выступления с отказом от уплаты податей — чисто политическая форма протеста (Прокопович, 1912, с. 65). Кроме того, нечерноземные губернии

Рис. 4.4.4. Сельские забастовки в 1905 г.

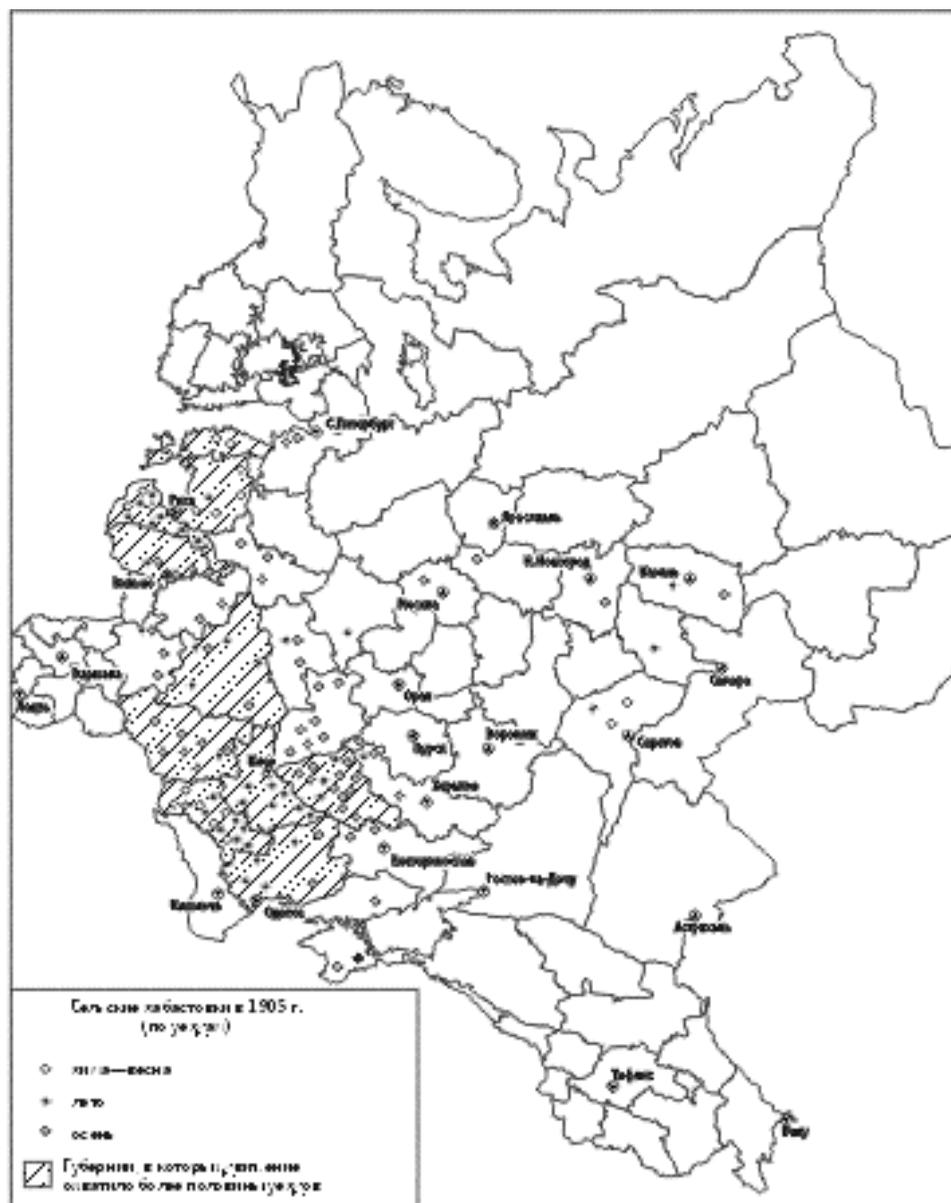

Рис. 4.4.5. Сельские забастовки в 1906 г.

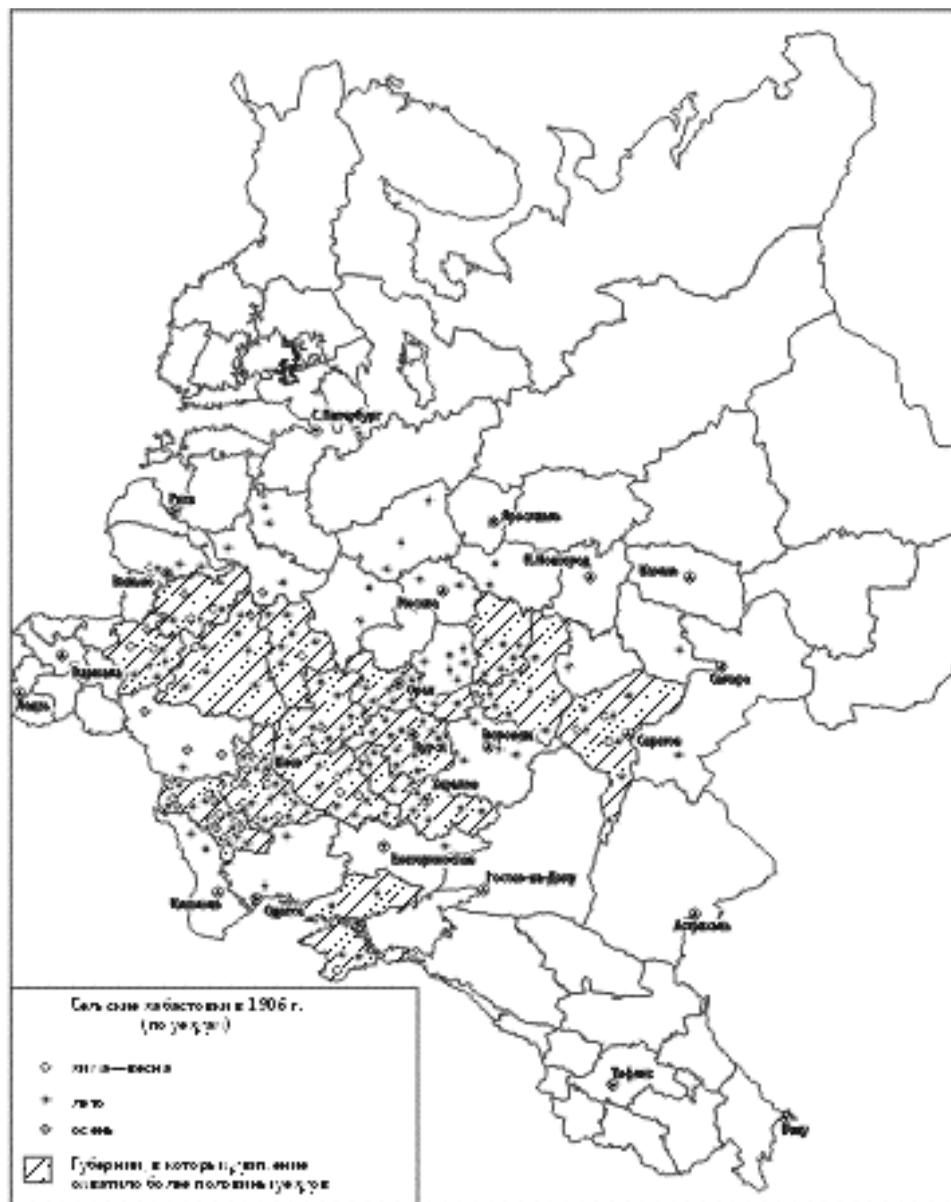
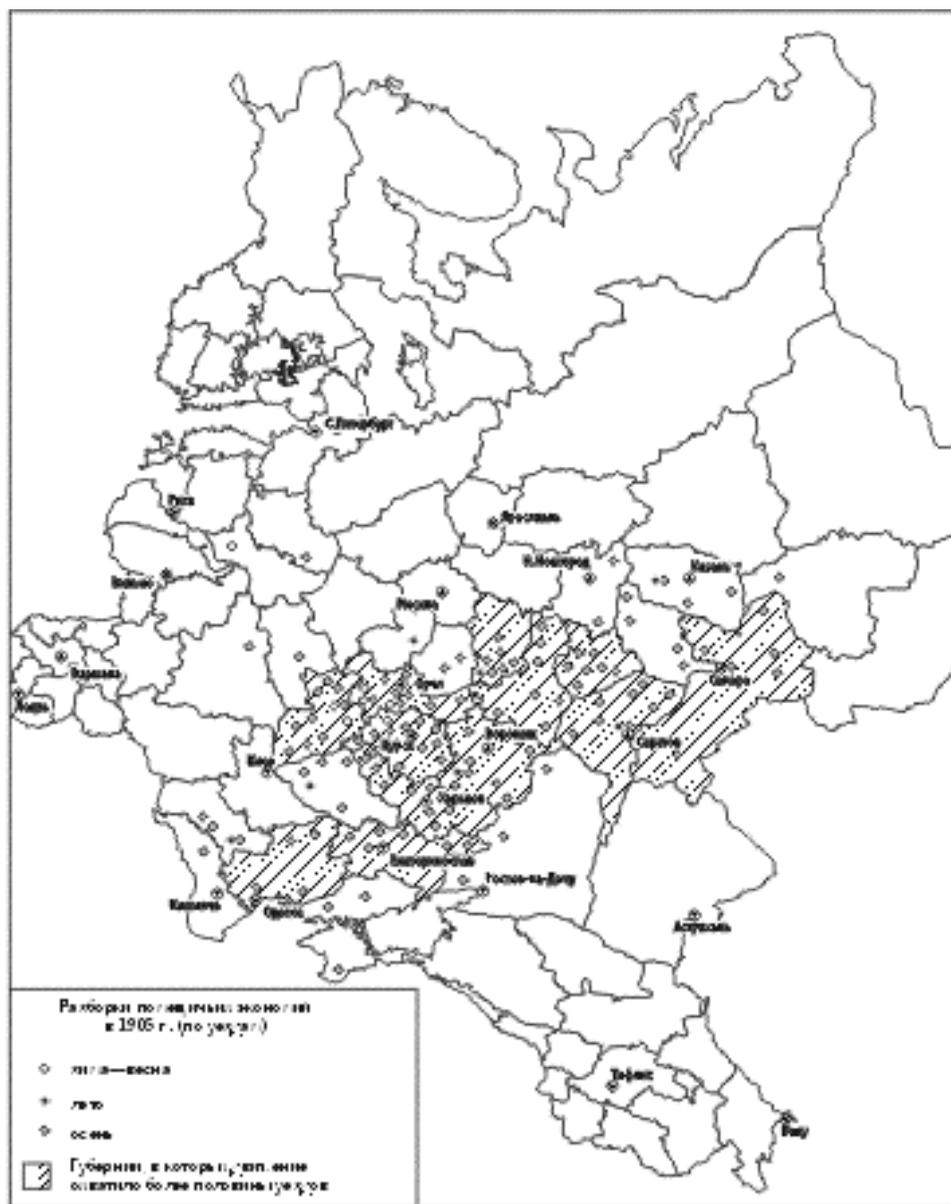

Рис. 4.4.6. Разборки и разрушения помещичьих экономий в 1905 г.

дали больше заявлений и ходатайств к Думе, принятых на сельских сходах. При этом северные губернии отличались более умеренным, мирным характером таких заявлений, большей нацеленностью на местные нужды, а в районах, сильнее охваченных аграрной борьбой, заявления принимались более резкие, чаще составлялись в форме требований, а не ходатайств, чаще выдвигались общеполитические требования (Першин, 1966, с. 244).

Горожане

Города воспринимались как носители всего передового, прогрессивного, представители «прогрессивных» партий боролись за право считаться выразителями мнения горожан и упрекали правые, «реакционные» партии за недостаточную поддержку в городах — примером тому памфлет в кадетской газете «Речь»: «Когда летом где-нибудь в Новгородской губернии выходишь на полотно железной дороги — встречаешь обыкновенно каких-то оборванцев, которые уныло считают шпалы и бредут из Петербурга неизвестно куда. Это столичные отбросы, люди, «лишенные столицы». Крестьяне их называют «стрелками». В таких лишенных столицы стрелков обратились и народные представители, принадлежащие к правому большинству. Столицы с отвращением от них отвернулись. Отвернулись столь демонстративно, что сторонним людям даже как-то неловко» (Философов, 1912).

Борьба за влияние на городских избирателей шла между кадетами и социалистами, прежде всего социал-демократами. И те, и другие старались доказать, что более достойны представлять горожан, и разными путями пытались представить свои городские победы более значительными, а успехи соперников принизить и преуменьшить, что вело к «конфликту интерпретаций» результатов голосований⁷.

Городские выборы заслуживают отдельного рассказа, но здесь заметим только, что для них характерны те же зональные изменения с запада на восток и с севера на юг, что

⁷ По кадетским оценкам, «решительно повсюду, везде, где мы знаем, кандидаты левых проходили только там, где не было соперничества к-д.: преимущественно в небольших городах, с скудным запасом интеллигентных сил: в Кеми Арахангельской губернии, Енотаевске — Астраханской, Сороках — Бессарабской и т. д.» (Смирнов 1907, с. 204). При том сам А. Смирнов перечисляет победы левых в Нижнем Новгороде, Саратове («но Саратов — особый город, совсем не похожий на другие города»), Екатеринодаре, Ставрополе, Благовещенске, Омске, Владивостоке, но делает их как бы не значимым замечанием, что там выборы «не носят на себе следов партийной борьбы прогрессивных партий» — т. е. там кадеты не могли серьезно противостоять социалистам.

Похожие приемы объяснений использовали левые: «случаи поражения социал-демократии относятся главным образом к небольшим городам, причем в трех из них к-д. поддерживались довольно сильными еврейскими группами. Семь других городов, где социал-демократия одержала победу — все сравнительно крупные города с значительным процентом участия избирателей в выборах, с оживленной предвыборной агитацией. Города эти следующие: Новороссийск, Харьков, Феодосия, Керчь, Екатеринбург, Нижний Новгород и Иркутск» (Левицкий, 1912, с. 92). Очевидный перевес кадетов в больших городах, особенно столицах они объясняли «форой», полученной кадетами на первых выборах, которые бойкотировали социалистические партии, и приходили к выводу, что «кадетская победа в крупных городах далеко не бесспорна. Московские и петербургские приказчики могут и должны дорасти в своей массе до того понимания своей принадлежности к пролетариату, которое в 1907 г. проявили их рижские и одесские коллеги» (Мартов, 1912, с. 10).

для сельских курий. В том, что городские предпочтения тоже подстраиваются под природно-сельскохозяйственные градиенты, мало удивительного при общем аграрном характере страны, определявшем существенную «аграрность» политической жизни: «выборы в первую Думу везде проходили при лозунге: земли и свободы, земли и прав, земли, земли! Так было не только в деревнях, но и в городах, в самой Москве <...> И правы были московские избиратели, которые на вопрос, за кого они подают голос, отвечали: за крестьян, за землю, и шли подавать голос за партию народной свободы» (Якушкин, 1907, с. XII). Забегая вперед — и в нынешней «городской» России зональные градиенты просматриваются отчетливо.

Политико-географические особенности послереволюционного периода

После марта 1917 г. получилась совершенно новая расстановка сил, совсем иные, «как в другой стране», проблемы. Голосования 1917–1918 гг., их географические особенности приходится описывать как отдельное самостоятельное явление. Дело не в том, что люди вдруг стали «думать по-другому»: чтобы обнаружить преемственность с результатами думских выборов, достаточно партийный состав выборщиков по куриям пересчитать с учетом их численности или без такого пересчета просто вспомнить левый состав второй Думы. Но партийная система по сути создавалась заново: социалистические партии, при цензовых выборах занимавшие нишу крайней левой оппозиции («вся сволочь левее кадетов», по известному выражению В. Шульгина), в новых условиях должны были занять и поделить большую часть политического спектра. Одни из недавних врагов власти сами становились государственниками и оборонцами, примеряя роль правых и умеренных (прежде всего кадеты, вскоре ставшие «оппозицией справа», затем основная часть эсеров и меньшевиков), другие, как большевики, оставались непримиримыми «якобинцами».

Полнее всего послереволюционная система проявилась на выборах в Учредительное собрание, результаты которых, пусть до сих пор неполные, служат главным источником для изучения политических предпочтений того времени.

В советской традиции осмысление итогов выборов, в том числе их географической составляющей, ограничилось известной полемикой В. Ленина с эсером Н. Святыцким. Цель Н. Святыцкого — показать, что «народ российский вверил свою судьбу социалистам-революционерам» — вполне достигалась простой демонстрацией итогов выборов. Географическая часть исчерпывалась обзором по крупным регионам, который тоже подтверждал первенство эсеров (Святыцкий, 1918). Статья В. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» получилась заметно более «географичной». Наверно, можно вообще вывести общим правилом, что более четкая и подробная географическая картина строится именно стороной, проигравшей выборы. Географический способ объяснения лучше других дает возможность «возместить» проигрыш в голосах доказательством качественного превосходства своих сторонников над про-

тивниками — описать с положительной знаковой оценкой территории, где «свои» получили большинство, и с отрицательной — где они оказались в меньшинстве. С таким же пришлось столкнуться, например, при изучении интерпретаций итогов апрельского референдума 1993 г. (Титков, 1999). Основные выводы ленинской статьи стали лозунгами и афоризмами: «город обязательно ведет за собой деревню, деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из „городских“ классов сумеет вести за собой деревню», «решающий перевес сил в решающем месте в решающее время» (Ленин, т. 40, с. 5). Города, особенно столицы, определялись как место наиболее острой классовой борьбы, как главные бастионы и пролетариата, и буржуазии.

Из зарубежной литературы выделяется работа О. Радки, который сравнивал результаты голосования по губерниям-«ключам», представлявшим разные районы страны. Созданная О. Радки объяснительная модель проста: результаты выборов определялись соотношением городского и сельского населения, развитостью промышленности, близостью фронта и величиной военного гарнизона; отклоняющее влияние оказывал только национальный состав населения⁸: «редко когда можно обнаружить столь полное соответствие между политическими, географическими и экономическими факторами» (Radkey, 1956, p. 25).

В Петрограде и Москве замечено, вслед за В. Лениным, «парадоксальное совпадение бастионов влияния большевиков и кадетов» (Radkey, 1956, p. 35). Проведенные позднее подсчеты результатов выборов по разным типам городских поселений подчеркивают «крупногородской» характер кадетов, чья поддержка падала от столиц к мелким городским поселениям; обратное распределение прослеживалось у эсеров и меньшевиков, особый тип распределения с минимумом в городах получился у большевиков (Протасов, 1997, с. 216).

Несмотря на короткий, меньше года, срок жизни «Первой республики», ее можно не только изучать как одномоментный срез, но и анализировать в динамике. Дополнительный материал дают местные выборы апреля-августа 1917 г.: выборы в городские думы, уездные и волостные земства. Борьба на этих выборах была в основном общеполитической, местные хозяйственные вопросы занимали на них второстепенное место (табл. 4.4.2).

Зависимость результатов тех выборов от типов городов описал их современник В. Гремяченский, располагавший результатами из полусотни городов⁹. В маленьких уездных городах «бросается в глаза преобладание цензовых элементов», «промежуточные демократические группы собрали вокруг себя пролетарские элементы», роль политических партий невелика (1997, с. 160–161). В «средних городах», в основном губернских центрах, отмечается «ослабление цензовых элементов и усиление пролетарских,

⁸ Соотношение голосов между большевиками и эсерами последовательно изменялось в пользу последних от центрально-промышленной Владимирской губернии к «озерной» Новгородской — сельской, но близкой к столице, затем к черноземной Курской, где поддержку большевикам давали в основном солдаты, и, наконец, Томской, которую практически не затрагивало влияние промышленных центров и фронта. Другие «ключи», Витебская, Казанская, Полтавская, Естлянская губернии, различались прежде всего разной степенью влияния национальных движений.

⁹ Списки, принимавшие участие в выборах, он разделил на «цензовую», «демократическую» и «пролетарскую» группы: первые две позже назвали бы «буржуазной» и «мелкобуржуазной», в третью вошли списки партий эсеров, большевиков и меньшевиков и Советов рабочих и солдатских депутатов.

Таблица 4.4.2. Общие результаты выборов по 267 городам
(по: Руднев, 1918, с. 138)

	Состав выборщиков губернаторских собраний от основных курий на выборах в I–III Думы									
	От волостей			От землевладельцев			От горожан			
	I	II	III	I	II	III	I	II	III (1)	III (2)
Левые	–	25,1	18,0	–	4,7	1,3	–	24,9	4,3	17,9
Конст.-дем.	3,7	4,7	4,3	11,6	8,8	5,3	38,5	37,5	27,5	39,3
Прогрессивные	10,5	25,4	15,1	14,6	10,7	8,8	14,7	21,2	13,8	18,5
Умеренные	–	7,1	8,8	–	5,7	5,0	–	0,8	4,3	3,9
Союз 17 октября	8,0	1,9	1,2	9,1	18,2	17,9	9,5	4,2	15,9	3,7
Правые	5,1	24,5	32,9	16,7	47,3	55,1	6,8	9,3	31,2	12,7
Беспартийные, нет сведений	79,9	11,2	19,9	48,0	4,6	6,6	30,5	2,1	2,9	4,1

Составлена по данным журнала «Вестник Партии народной свободы».

обладающих в думах большинством», энергичное участие партий: объединение «цензовых элементов» вокруг кадетов, перевес эсеров над социал-демократами там, где не было единого социалистического блока; большевики стояли почти везде обособленно, собирая по 5–10% голосов (там же, с. 163–164). Торговые города отличались в основном слабым влиянием кадетов, «надо думать, вследствие меньшего культурного уровня этих городов» (с. 165), промышленные города — еще большим преобладанием пролетарских партий, в основном большевиков и меньшевиков, между которыми и шла основная борьба (с. 166).

Последние выборы перед установлением однопартийной системы прошли на Пятом съезде Советов в июле 1918 г., где с большевиками (66% депутатских мест) соперничали левые эсеры (31%). По оценке советского историка, «левые эсеры преобладают в уездах Воронежской, Орловской, Пензенской, Тамбовской губерний (центрально-черноземный район), в некоторых губерниях нечерноземного центра: Костромской, Калужской, Рязанской, Тверской, Ярославской, а также в Смоленской, Псковской и Новгородской губерниях. Это были слабо развитые в промышленном отношении губернии с сильной кулацкой прослойкой» (Егорова, 1968, с. 8). Тогда жесткое столкновение на съезде, мятежи в Москве и Ярославле положили конец двухпартийной коалиции, вскоре многопартийность затухла совсем. На местных выборах 1920 г. в крупных рабочих городах (Харьков, Ярославль, Москва и др.) в последний раз прошли в депутаты меньшевики (Карр, 1990, с. 149).

Позже на выборах в Советы, уже без партийной борьбы, разница между городскими и сельскими избирателями продолжала проявляться в уровне явки, причем участие горожан было выше: с 36,2% против 22,3% в 1922 г. до 91,6% против 83,3% в 1934 г. На-

чиная с 1937 г. стерлись и эти различия: общим правилом стали отчеты об участии свыше 99% и такой же единодушной, свыше 99%, поддержкой кандидатов (White, McAlister, Rose, 1997, p. 8–11).

Политические предпочтения города и села в голосованиях 90-х годов

Современные голосования, к счастью, не нуждаются в подробном описании правил, участников, результатов — они и так на виду и в памяти, им посвящены многочисленные публикации. Здесь достаточно рассмотреть подходы современной политической географии к кругу вопросов, интересовавших В. П. Семенова: различия между городом и селом, между разными типами поселений, соотношение зональных и а зональных факторов.

Соотношение городского и сельского населения с самых первых исследований по географии современных российских выборов виделось самым важным показателем, объясняющим результаты голосований.

Доклад Центра политико-географических исследований в 1992 г., оценивая контрасты «город—село» как чрезвычайно сильные, считает, что доля городского населения как интегральный показатель объясняет до $\frac{2}{3}$ всех различий в поведении регионов на выборах (Петров и др., с. 50). О еще большей значимости этого показателя заявляли А. Собянин и В. Суховольский: «основным показателем, определявшим в течение 1991–1993 гг. характер голосования отдельного региона, является такой параметр, как доля городского населения в регионе. В значительной степени верна гипотеза, согласно которой результаты голосования определяются «медленными» параметрами, такими, как тип культуры избирателей (городской или сельский). Возможное воздействие на результаты голосования «быстрых» переменных, таких, например, как уровень доходов избирателей, значительно менее сильно», они объясняют не более чем 10–15% результата (Собянин, Суховольский, 1995, с. 144–145).

Позднее, после президентских выборов 1996 г., появились выводы об уменьшении, «смазывании» объяснительного значения фактора «город—село» на фоне растущих межрегиональных различий¹⁰. Тем не менее соотношение между городским и сельским населением по-прежнему считалось главным объяснением, что подтверждалось в основном результатами корреляционного анализа (Анализ тенденций, 1997; Петров, 1998; Туровский, 1996 и др.).

Зональные различия, прежде всего «север—юг» («эффект 55-й параллели») и в гораздо меньшей степени «запад—восток», тоже наблюдались и описывались. Уже выборы союзных депутатов 1989 г. показали разницу в политическом поведении севера

¹⁰ Особым явлением стала серия губернаторских выборов 1996 г., когда в целой группе областей проявилась инверсия «левый город — правое село», причем она носила тоже зональный характер, будучи приурочена к северному, нечерноземному поясу областей от Пскова до Магадана — в черноземных областях «красного пояса» оставалась «нормальное» соотношение левых и правых, города и села.

и юга, заметную тогда в выступлении первых секретарей обкомов, на севере гораздо менее успешном, в преимущественном выборе северян в пользу «простых», не из начальства, кандидатов, в повышенном на севере доле не участвующих в выборах и голосящих «против всех» (Весна-89, 1990). Вместе с красочными электронными картами «Меркатора» на президентских выборах 1996 г. в массовое сознание прочно вошел образ России, разделенной на «красную» южную часть и «синюю» северную (рис. 4.4.7).

Тем не менее большинство авторов заявляет о «вторичности» региональных и зональных различий. По Н. Петрову, «горизонтальная, географическая вариация на уровне регионов оказывается лишь проявлением более фундаментальной и всеобъемлющей вертикальной, иерархической вариации по основанию «город—село». Каждый регион характеризуется своим соотношением сельского и городского населения (а внутри городского — еще и крупногородского), что в конечном счете и определяет значительную часть вариации политических предпочтений» (Петров, 1996, с. 39). Для Р. Туровского «весь „секрет“ доминирования реформаторского голосования на севере и востоке страны и традиционалистского голосования на юге и западе заключается в том, что в определенных районах урбанизация выше и население моложе, а не в существовании неких „северных“ и „южных“ политических культур» (Туровский, 1996, с. 52). Такое соотношение объявлялось даже само собой разумеющимся: «макрорегиональная география вторична, что, впрочем, и понятно: вряд ли кому-то придет в голову напрямую объяснять электоральную зональность климатической, лежащей в основе природно-ландшафтных зон¹¹» (Петров, 1998, с. 352).

Вопрос о «вторичности» или «первичности» зональных различий имеет смысл решать не как выяснение «что первее» с причинно-следственной точки зрения — так он слишком напоминает задачу о курице и яйце, а как сравнение внутрирегиональной («город—село», «центр—периферия») и межрегиональной вариации результатов.

Сравнение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации, определенных через дисперсии электоральных показателей по регионам и по административным районам, приводится Н. Петровым. Из сравнения аналогичных показателей за 90-е годы выходит, что «контрастность поддержки и демократов, и коммунистов на уровне регионов растет, что свидетельствует об усиливающейся пространственно-политической поляризации». На уровне районов и городов контрастность заметно сократилась по сравнению с 1991 г. и хотя в среднем остается выше, чем на уровне регионов, но разрыв между ними невелик, а в массиве «русских» краев, областей и городов федерального подчинения значения дисперсии практически сравнялись (Петров, 1998, с. 347–350). Увеличение роли региональных различий наглядно видно из «электоральных профилей» по линии Архангельск — Москва — Краснодар по результатам президентских выборов 1991 и 1996 гг. (рис. 4.4.8, 4.4.9). Из сравнения профилей заметно, что «внутрирегиональные различия существенно сгладились, а межрегиональные возросли. На севере село поднялось до города, на юге город опустился до села. Про-

¹¹ Собственно, связь между природной зональностью и соотношением городского и сельского населения очевидна любому географу: климат, растительность и характер почв определяют условия для сельского хозяйства, которые в северной, нечерноземной полосе менее благоприятны, что привело здесь к более раннему переходу к занятиям промышленностью и торговлей, отсюда и большее развитие городской жизни.

Рис. 4.4.7. Типы политических предпочтений на выборах 1995–2000 гг. по избирательным округам

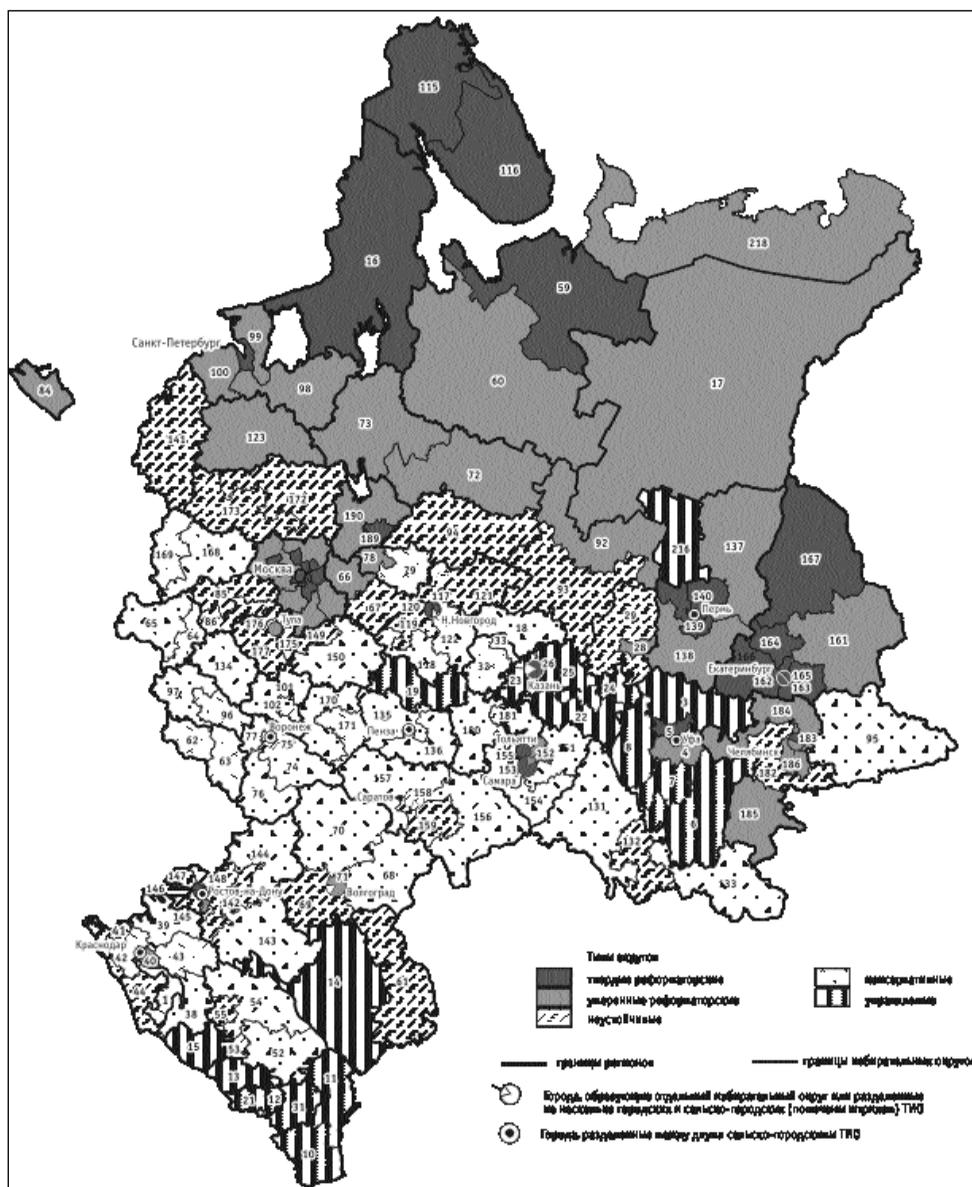
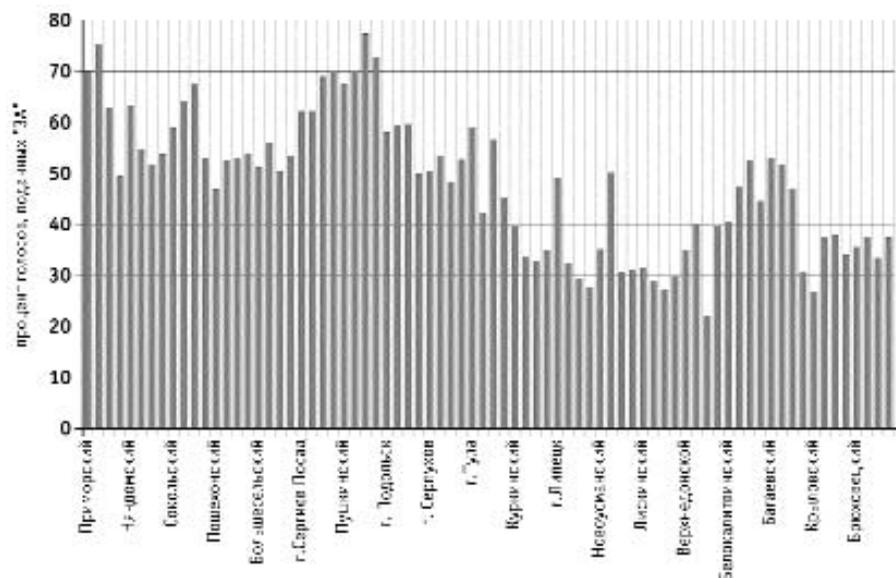

Рис. 4.4.9. Голосование за Б. Ельцина 3 июля 1996 г.
Профиль по линии Архангельск — Москва — Краснодар

«в некоторых случаях можно говорить о кристаллизации с усиленным консерватизмом или с усиленными консервативными тенденциями. Процесс такой кристаллизации, вероятно, продолжится» (Туровский, 1996, с. 52)¹³.

Таким образом, виден постепенный отрыв региональных отличий от фактора («город—село»): «подтягивание» села к городу в «реформаторских» регионах и города к селу в «консервативных». Его основные механизмы — «эффект соседства» (neighbourhood effect), ориентация неустойчивых избирателей на преобладающие политические настроения и «политическая память» общества, заставляющая с большей и меньшей точностью воспроизводить на последующих выборах результаты предыдущих. Кроме того, влияет разная политическая история последнего десятилетия, разница в сложившихся политических режимах и институтах (Титков, 1999). Все это свидетельствует о превращении политическо-географической системы в самостоятельную, с собствен-

¹³ Позднее Р. Туровский, признавая деление на сельскую и городскую электоральные культуры «лишь первым и очень грубым приближением», попытается выделить в их рамках более дробные типы (Туровский, 1998, с. 360–367). Приводимые им типы культур, «только самые очевидные типы голосований», шесть городских и четыре сельских, при желании легко делятся на «зональные» — северный и южный типы в городской и сельской культурах и «азональные»: в городской культуре — столичный, полупериферийный, «интеллигентский» и «военный», в сельской — пригородный и республиканский.

ными закономерностями развития, перестает быть просто отражением социально-культурной или экономической структуры.

Сравнение прошлого и настоящего: устойчивость политико-географической структуры

В любом историческом описании никуда не уйти от сопоставления временных срезов, от проблемы преемственности. В нашем случае пути и способы сравнения подобрать не так просто. Прямые аналогии между политическими силами начала и конца века затруднены — в наше время сложилась другая система политических координат и идеологических разломов. Из всех партий прямую преемственность с началом века сохраняет только КПРФ, заявляющая себя продолжателем большевистского крыла социал-демократии.

Сравнение голосования за КПРФ и за большевиков начала века однозначно говорит о резких подвижках географической базы, отмеченных всеми, кто хотя бы поверхностно интересовался этой темой: «за 74 года, после всего, что случилось с Россией и россиянами за это время, в 1991 г. круг „замкнулся“, и уровень поддержки коммунистов практически совпал с показателем их поддержки в 1917 г. Но при этом ситуация в регионах России „перевернулась“ <...> Коммунисты сумели увеличить уровень своей поддержки в сельскохозяйственных регионах — но потеряли избирателей в промышленных городах и регионах <...> Можно рассматривать как парадокс истории тот факт, что коммунисты, на заре своей „электоральной истории“ поддерживавшиеся главным образом населением крупных городов, кончили тем, что из партии диктатуры пролетариата превратились в партию аграрной номенклатуры» (Собянин, Суховольский, 1995, с. 134–136).

«Сползание» избирательной базы коммунистов из крупных городов в аграрный пояс хорошо описывается моделью диффузии инноваций с центра на периферию. Контраст пространственных рисунков голосования за большевиков и за КПРФ служит географическим подтверждением предсказания А. Герцена, что «социализм разовьется во всех фазах до крайних последствий, до нелепостей <...> и снова начнется смертельная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией» (по: Лосский, 1991, с. 82). Консерватизм и традиционализм идеологических установок КПРФ очевидны и для политологов, и для избирателей, и для самой партии¹⁴.

Сходный опыт возвращения к свободным многопартийным выборам после полувекового перерыва пережили страны бывшего социалистического лагеря в Восточной Евро-

¹⁴ Сами коммунисты осознают произошедший сдвиг, о чем свидетельствует выступление Г. Зюганова на партийном пленуме в мае 1993 г.: «Мы однозначно проиграли там, где согласно всем теоретическим представлениям сосредоточена главная база коммунистической партии. Как ни горько признавать, но это промышленные области Центральной России и Урала, в которых проживает львиная доля населения, сосредоточен огромный отряд индустриального рабочего класса, крупнейшие культурные и научные центры» (Зюганов, 1993). При этом коммунисты по-прежнему определяют себя «передовым отрядом», носителями прогрессивной идеологии.

пе. Там оказалось, что сходная с российской расстановка, когда коммунистов и их наследников поддерживает село, а крупные города — праволиберальные партии, характерна для православных стран (Сербии, Болгарии, Румынии), а в странах западно-христианской культуры (Словения, Чехия, Польша) воспроизводится привычная европейская структура, в которой левые партии, как и либералы, получают поддержку в городах, а правоконсервативные партии — в основном в глубинке (Туровский, 1999, с. 299).

«Центр—периферия»

Пример географического подхода к сравнению дает В. Колосов: «Ряд особенностей географии выборов 1989–1991 гг. очень сходны с распределением голосов на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. Два почти слившихся ядра регионов с инновативным поведением вокруг Москвы и Петрограда, вытянутые в северо-восточном направлении, полностью сохранились, изменилась лишь их периферия. Некоторые области Центра с обезлюдившей сельской местностью стали относительно более консервативными, в то время как районы Севера и Сибири, «плавильный котел» российской миграции, приобрели радикально-инновативные черты (ранее инновативность выражалась в высокой доле голосов за большевиков и в целом за партии социалистического толка, в 1989–1991 гг. — в голосовании за оппозицию КПСС). Такая стабильность, безусловно, связана с фундаментальными условиями геопространства — исторически сложившейся географией процесса урбанизации, агресурсов и сельского хозяйства» (Колосов, 1992, с. 38).

В. Колосова можно упрекнуть в тавтологичности: в обоих временных срезах за очаги инноваций принимаются одни и те же географические ареалы, причем в обоих случаях политические силы, имеющие поддержку в заданных центрах инновации, объявляются поэтому «инновативными» — и на основании этого делается вывод: «к всё то же самое», инновативные центры как были источником инноваций, так и остаются. Политологу такое игнорирование политического, идеологического содержания должно показаться просто возмутительным. Между тем географ вправе заметить, что, если сравнение «от партий к географической структуре» не получается из-за несравнимости или, по крайней мере, изменчивости, «ползучести» партий разных периодов, более надежным будет обратный взгляд — «от географической структуры к партиям».

Географический подход, связывающий результаты выборов с пространственными социально-экономическими и культурными различиями и, в частности, с использованием модели «центр—периферия», обоснован прежде всего при изучении голосований, на которых происходит становление политической структуры, переход ее к новому состоянию — как раз такие, как взятые В. Колосовым за точки отсчета голосования 1917 и 1991–1993 гг.¹⁵

¹⁵ Показательно, что классические работы А. Зигфрида, которые выявили существование устойчивых политико-географических структур, появились во Франции — стране, отличающейся в Новое время революциями и частыми сменами политических режимов. В исследованиях по географии выборов США особое внимание уделяется изучению поворотных «критических выборов», на которых нарушается инерционность партийно-политической системы: за двести лет американской государственности насчитывают шесть таких поворотов, от разделения на республиканцев и федералистов на рубеже XVIII–XIX вв. до победы неоконсерваторов Р. Рейгана).

В промежутках между «критическими», переломными голосованиями политические предпочтения отличаются большой инерционностью. При количественном анализе самым сильным фактором, объясняющим результат какой-нибудь партии или политика, оказываются, как правило, голоса, полученные ими на предыдущих голосованиях. «Политическая память», традиции голосования за одно и то же политическое направление оказываются мощной силой, которая закрепляет сложившийся «на переломе» географический рисунок влияния партий и препятствует, хотя и не отменяя полностью, процессам пространственной диффузии — насколько последние могут быть действенными при отключении механизмов «политической памяти», мы видели на примере коммунистов¹⁶.

Модель «диффузии инноваций» в стабильных партийных системах можно применять скорее к новым политическим силам, которым удастся вклиниться в уже сложившийся спектр, найти себе нишу — это, скажем, «зеленые» и «новые правые» в Европе последних десятилетий, — но очагом таких инноваций вовсе не обязательно должны служить центры и ареалы экономической, технической, научной инновативности. Больше того, находит подтверждение модель, что инновации возникают не в ядре прежней системы, а на ее периферии, где она встречает меньше препятствий¹⁷.

На российских выборах последних лет самой «инновативной» частью страны можно считать «Севера», от Дальнего Востока до Европейского Севера, которые оказываются областью протестного голосования с пониженной, маргинальной поддержкой и «коммунистов», и «демократов». Здесь получали наибольшую поддержку новые партии и лица, которые вторгались в размеренное противостояние «левых» и «правых», играя роль «третьей силы»: в 1993 г. — ЛДПР (не полностью, но в немалой степени¹⁸) и «Женщины России», в 1996 г. — А. Лебедь, в 1999 г. — блок «Единство».

С точки зрения классической, в духе Э. Валерстайна, теории «центр—периферия» такая территория очевидно подходит под определение полупериферии, самой динамичной и нестабильной части системы. Пусть так, — нам важно показать, что на «инновативность» могут претендовать разные типы территорий, что создает основу для «конфликта интерпретаций» в общественном сознании.

¹⁶ Разумеется, сами партии, сохраняя идеологические «копознавательные знаки» для избирателей, меняются, учитывая изменение настроений своих сторонников, удачные находки конкурентов; говоря по-гераклитовски, «нельзя дважды выбрать одну и ту же партию». Изучение диффузии идей, лозунгов, программ от партии к партии (известный пример из нашей истории — как пришедшие к власти большевики взяли на вооружение аграрную программу эсеров) должно быть темой «чистой» политологии, а не политической географии, но результаты подобного исследования были бы очевидно интересны и для географов, способных внести вклад в их интерпретацию.

¹⁷ Иллюстрацией, близкой к нашей теме и при том хрестоматийно известной, может служить ленинская идея о более свободном, по «американскому» пути, развитии аграрного капитализма на окраинах, в отличие от «прусского», с феодальными пережитками, пути в историческом ядре страны. Адекватность самой модели, предложенной в «Развитии капитализма в России», — она вызвала немало возражений у современников — отдельная тема, обсуждение которой уело бы нас в сторону.

¹⁸ Представление о голосовании за ЛДПР в 1993 г. как об исключительно «консервативном» неточно и неполно. Наглядное представление о его характере дает график поддержки ЛДПР — он оказывается «двугорбым», причем один максимум приходится на консервативные регионы, другой — на реформаторские (Боксер и др., 1995, с. 105–106).

В социальном, культурном развитии гораздо труднее, чем в научно-технических процессах, прочертить прямую линию прогресса, здесь скорее встречаются пучки разнонаправленных путей развития, на каждом по-своему происходят изменения и обновление. Скажем, в Европе XVI–XVII вв. и Реформация, и Контрреформация вели от прежнего средневекового уклада к Новому времени.

Политический опыт не дает однозначного подтверждения тезису, который отождествляет города, «городские» классы и политические силы с прогрессом и переменами, отводя глубинке роль пассивного получателя нововведений, которые оно принимает с большим или меньшим сопротивлением. Как быть, например, с Великобританией 80-х гг., когда лейбористы сохраняли за собой поддержку крупных городов, но инициатива, «инновативность» явно были на стороне консерваторов, правительства М. Тэтчер, с Германией того же времени? У нас в стране В. Ленин, гордо объявивший, что «город всегда ведет за собой деревню», оказался последним на долгие десятилетия руководителем страны — выходцем из большого города, вслед за которым во главе государства один за другим пребывали выходцы из сел и рабочих поселков, обустроившие Россию по своему деревенскому или местечковому разумению.

С привычным делением на «революционное, прогрессивное» и «реакционное, консервативное» тоже все непросто. Политическое развитие традиционно описывается как борьба «левых» и «правых», «верхов» и «низов» — и кто решится утверждать, что, к примеру, «левое» или «верхнее» должно быть «прогрессивнее» и «инновативнее», чем «правое» или «нижнее»; что новое должно происходить обязательно «справа» и «сверху» — или наоборот? На российском примере мы видим, как соперничающие политические силы легко приходят к соглашению, кто из них «левый» и «правый»¹⁹, но готовы до последнего спорить за возможность называться «передовым» и «прогрессивным» — таковы установки европейской культуры Нового времени с ее представлениями о линейном необратимом развитии, о прогрессе как переходе от худшего к лучшему.

Любой автор, описывающий политико-географическую действительность, имеет все основания называть «инновативными» и «прогрессивными» именно те регионы, в которых побеждают идеи и партии, отвечающие его предпочтениям. Примером того служат оценки результатов апрельского референдума в аграрном «красном поясе» (к слову, именно тогда это обозначение вошло в политический оборот применительно к России), где большинство голосовало против доверия Б. Ельцину и его политике. С точки зрения «демократов» — «это российская Вандея, которая воспримет реформу *со временем*, но воспримет их, наверно, *последней* среди российских регионов» (Березкин, Смирнягин, 1993), с противоположной — «предстоит еще детально проанализировать, какие факторы способствовали *более быстрому* прозрению населения», но ясно, что «деревня и национальные регионы опережают страну в целом на 2–3 года по степени напряженности противоречий» и «причину следует искать в том, что сельскохо-

¹⁹ Поучительно вспомнить, что еще в 1989–1990 гг. «левыми» назывались демократы, сторонники более решительных, чем намечала союзная власть, преобразований, а «правыми» — коммунисты-консерваторы, но за следующие год-два «левые» и «правые» без споров, плавно и бесшумно, как партнеры в вальсе, поменялись местами, взяв себе обозначения противников.

зайственное производство, а вместе с ним весь строй жизни земледельческого класса *первыми* уперлись в тупик насильственной, дикой капитализации <...> Если рабочие захвачены *до сих пор* своими цеховыми интересами, то крестьяне в большинстве своем уже поднимаются до интересов общенародных» (Фролов, 1993).

Пространственным выражением «конфликта интерпретаций» за право считаться «положительной», «правильной» политической силой служат взаимоисключающие концентрические («центр, ядро — окраины, периферия») модели страны. И «демократы», и «коммунисты» применяют одновременно как концентрические, так и диаметральные («север—юг») модели описания, которые часто не различаются и переходят одна в другую. При этом, если диаметральные модели согласованно отдают север страны «демократам», а юг — «коммунистам», то в концентрических моделях каждая из политических сил приписывает себе центральное положение, вытесняя противников на периферию. Для «демократов» центром служат столицы и вообще крупные города, отличающиеся от «глубинки» более реформаторскими предпочтениями, у «коммунистов» выделяется историческое ядро, коренные центральные области²⁰, противостоящие реформам, и «ориентированные на внешний мир» сырьевые, приморские и пограничные окраины (подробнее см.: Титков, 1999). Здесь отчетливо проявляется одна из черт мифологического восприятия — «наш мир всегда в центре», а окраины заполнены мраком, хаосом и чудищами (Элиаде, 1994, с. 36).

Попробуем оценить «прогрессивность» и «инновативность» партий, рассматривая их базу поддержки в двух привычных масштабах. Более крупный — Россия как страна «отстающая» и «догоняющая» по отношению к Европе, из которой приходят импульсы к нововведениям: градиент «запад—восток», который прослеживается и во «внешней» Европе, и внутри России. Внутренний — столицы и крупные города как источник нововведений, из которого они распространяются в остальную страну, сельскую и мелкогородскую.

Партия конституционных демократов, с одной стороны, пользовалась наибольшей поддержкой в столицах, крупнейших городах среди наиболее образованных избирателей, что соотносится с выдвигавшимися кадетами требованиями конституционного устройства, гражданских и политических свобод, намечавшими переход от самодержавия к европейским парламентским демократиям. С другой, в самом остром вопросе социально-экономической жизни — в земельном — кадеты выступали резко против перехода к подворной земельной собственности и разрушению общины — института, который с эволюционной точки зрения был очевидным пережитком, уже отмершим в Европе и в наиболее развитой части России — Польше, Западном крае. Как следствие, за пределами городов оплотом кадетов оказался восточный, самый отсталый, пояс губерний Европейской России.

Сами кадеты, видимо, соглашались с пространственно-временной моделью, по которой с востока на запад представлены стадии жизненного цикла общины от зарождения

²⁰ Своеобразная переключка с публицистикой начала века об «оскудении центра», в которой центром страны тоже принималось Черноземье, вообще-то не бывшее историческим ядром ни Киевской, ни Московской Руси.

до разложения и исчезновения²¹ и, значит, могли предполагать, что, выступая против разрушения общины, они защищают скорее прошлое, чем будущее. Приходить к такому выводу им, конечно, не хотелось, так что неудивительно, что мои поиски кадетских самоописаний их пространственной базы пока были малоуспешными: попадались в основном рассуждения о «всеобщей» и «всенародной» поддержке.

Если додумать и достроить за кадетов картину мира, в которой одинаково прогрессивными оценивались бы и демократические реформы, и сохранение общины — то мы получаем позицию кадетских «друго-врагов» слева — социалистов-народников с их идеей особого пути России к социализму. Таково географическое выражение «непоследовательности», «нерешительности» кадетов, в которой их упрекали социалисты.

Противоположное соотношение представляют собой умеренные правые и националисты — представители Западного края, на которых опирался в Думе А. Столыпин: поддержка «европейской», рыночной аграрной реформы и одновременно защита самодержавного строя и национального неравноправия.

По географической базе напрашивается аналогия кадетов с демократами-реформаторами 1990-х гг.: тоже «городские», «северные» (что во многом равнозначно «городскому») и одновременно «восточные». Их северо-восточный бастион описывается ими как с более «живой», с более высокой социальной мобильностью, в частности, миграционной активностью (см., например: Березкин, Смирнягин, 1993), — но одновременно справедливы и описания их противников: сырьевые районы, представляющие отсталый первичный сектор хозяйства (лыко в строку в обвинениях вроде: «стремятся превратить Россию в отсталый сырьевой придаток, разрушают промышленность и распродают национальные богатства»).

Противопоставление «западников» — марксистов и «почвенников» — эсеров тоже не совсем справедливо. Хотя социал-демократические идеи раньше всего распространились в Западном крае среди евреев и поляков (Скворцов, 1900, с. 10), а общероссийская социал-демократическая партия появилась позже, чем польская (1893), литовская (1896) и еврейский Бунд (1897), и ведет свою историю от съезда в Минске²², все же была скорее великорусской по составу и направлению, особенно большевистское крыло, и противники нередко называли эсдеков, как и эсеров, наследниками русского бунта, разинщины и пугачевщины²³. С другой стороны, партия эсеров ведет историю и от существовавшей

²¹ Показательна речь А. Шингарева во второй Думе, где он сообщает, ссылаясь на исследования народника Р. Качоровского, что «общины на востоке Сибири еще нет, что она начинает складываться на ближнем Востоке, в центре Сибири, она живет на Урале и на востоке России; она хиреет в центре России, она начинает хворать и распадаться и распадается совсем на западе и юго-западе», — и при том безусловно порицает закон о выходе из общины (цит. по: Герье, 1907, с. 248).

²² Минск оказался местом Первого съезда РСДРП не потому, что был одним из центров марксистского движения. Помог «отбор» полиции, разгромившей марксистские организации в Петербурге и Москве, а потом создавшей невозможные условия для проведения съезда в Киеве.

²³ «Нельзя не признать в этих мнимо передовых рассуждениях волжских марксистов отголоска дикой старины! То, что лет сто с лишним назад подразумевалось на Волге под лозунгом «Сарынь на кичку!», то облечено теперь в научные термины «соотношение общественных сил» (Герье, 1907, с. 240).

в Западном крае в 1897–1900 гг. Рабочей партии политического освобождения России, давшей таких известных деятелей, как Г. Гершуни и Е. Брешко-Брешковская²⁴.

У русских социал-демократов при всем «равнении на Европу» с самого начала прослеживаются нотки особого «обгоняющего» пути страны: достаточно вспомнить манифест РСДРП, принятый на первом съезде: при том, что «Россия все это время оставалась, по-видимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения» — «чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата» (цит. по: КПСС в резолюциях..., 1954, с. 12–13). Позднее похожие идеи были взяты на вооружение большевиками — вспомним ленинский тезис о «самом слабом звене в цепи».

Опять трудно удержаться от скачка в наше время, к последним думским выборам 1999 г., где неожиданно похожие мысли проявились в одном из манифестов СПС, нынешних «западников»: «Россия не может и не должна повторять печального опыта западных стран, в которых установилась двухпартийная система: левые — правые. Потому что эта система основана на определенной недосказанности, недовершенности того пути, по которому левые влекут свои страны и народы все дальше и дальше. Проще говоря: на Западе существуют левые партии, потому что на Западе не было социалистической революции. То будущее, куда направлен вектор западного развития, для нас уже преодоленное прошлое» (Улюкаев, 1999) — опять отсталость вдруг оборачивается преимуществом.

Раз начавшись, рассуждения об особом пути России в мире — или, наоборот, совсем не особом, типичном для стран догоняющей модернизации — могут продолжаться сколь угодно долго, все дальше уходя от темы сравнительной географии политических предпочтений. Лучше остановиться.

²⁴ Другие группы — Союз социалистов-революционеров, который был основан в Саратове, но скоро перенес штаб-квартиру в Москву (так называемые «северные» эсеры), и объявленная на съезде в Воронеже в 1897 г. Партия социалистов-революционеров («южные» эсеры). Со слияния в 1901 г. «северных» и «южных» эсеров ведется отсчет общероссийской партии эсеров.

4.5. КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ XX ВЕКА

Пуская в силу ряда причин некоторые аспекты «культурности» городов, представленной в книге В. П. лишь показателями обслуженности жителей учебными заведениями, периодическими изданиями, полиграфическими заведениями, книгохранилищами¹, авторы и редакторы решили восполнить пробел подробным анализом особой религиозной сферы духовной жизни. Тем более, что как начало, так и конец XX в. характеризуются краткими периодами «религиозного возрождения», разделенными советской эпохой, ассоциирующей с беспрецедентным наступлением на религиозную жизнь.

В начале столетия, за шесть неполных лет между принятием в 1905 г. высочайшего манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» и убийством в 1911 г. премьер-министра П. Столыпина, право легального существования получили ряд религиозных меньшинств, среди которых баптисты и евангельские христиане, адвентисты; значительно улучшилось положение старообрядцев. Логическим завершением этого процесса, прерванного первой мировой войной, стал Поместный собор Русской православной церкви (РПЦ) 1917–1918 гг. Его значение не исчерпывается лишь восстановлением патриаршества. Собор принял важные, но не реализованные решения по демократизации внутрицерковной жизни и более широкому вовлечению мирян в управление епархиями.

С юбилейного Собора 1988 г., посвященного 1000-летию крещения Руси, принято начинать отсчет нового, постсоветского этапа в религиозной жизни России. Интенсивность воссоздания структур ведущих конфессий и живейший интерес, вспыхнувший в обществе в отношении религии, на некоторое время даже породили иллюзию того, что Россия вновь, как и семьдесят лет назад, может стать верующей страной. Представители традиционных конфессий, в первую очередь православия, обращаясь к дореволюционному опыту, нередко пытаются провести прямую аналогию между религиозной ситуацией в начале и конце XX в. Однако происходящие сегодня в этой сфере изменения не вполне соответствуют тому, что принято называть религиозным возрождением. Дискуссионным остается вопрос, может ли религиозная жизнь возрождаться «отдельно» от остальной части общества, находящегося в состоянии кризиса. А потому не ясно, кто должен возрождаться и как в новых условиях будут строиться отношения между конфессиями и государством.

¹ См. главу 4.3.

К концу XX века, по социологическим опросам, «абсолютно нерелигиозных» людей в России насчитывалось не более 13,5% (Тульский, 2000). Однако верующих в традиционном понимании, т. е. хотя бы раз в месяц посещающих религиозную службу, так же немного — лишь от 6 до 17% населения. Большинство людей, даже не соблюдая обрядов, тем не менее причисляет себя к определенной культурно-религиозной группе.

Преемственность распространения конфессий в начале и конце века

В противоречивых процессах возрождения религиозной жизни территория Европейской России занимает ключевые позиции. Здесь сосредоточена большая часть населения, которое является носителем живой религиозной традиции, и расположены центры подавляющего большинства современных российских конфессий. История их появления и развития в пределах Русского государства так же тесно связана с европейской частью страны.

В течение последнего столетия конфессиональное пространство России в целом сохранило свой рисунок. На фоне заметных изменений в географии религиозных меньшинств сферы влияния наиболее многочисленных конфессий коренных сдвигов не претерпели. В то же время вес и значение разных частей ареалов их распространения постепенно меняется. Таким образом, в современной религиозной сфере можно выделить как унаследованные, так и новые черты.

Преемственность между религиозным пространством начала и конца XX в. обеспечивают, в первую очередь, представленные в России мировые религии. Ареалы расселения этносов, традиционно исповедующих христианство в форме православия, ислам и буддизм, существенно не изменились. Судьбы этих вероисповеданий переплелись с историей страны и региональными традициями. В течение столетий каждая конфессия формировала свою систему религиозных центров, адаптировалась к местным условиям. При всех оговорках, дореволюционный уровень религиозной жизни пока остается для традиционных российских религий количественным и качественным ориентиром.

В то же время современное религиозное пространство не копия дореволюционного и обладает рядом *новых* особенностей. Прежде всего, это — мировоззренческие сдвиги в сознании населения: пройдя через советский период, который ударил прежде всего по традиционным конфессиям, игравшим наибольшую роль в дореволюционный период, Россия в значительной степени стала секулярной страной. Изменилось само понятие веры в Бога. Она перестала быть основой образа жизни для большей части населения. В современном обществе религия скорее призвана обеспечивать стабильность, передачу от поколения к поколению этических и нравственных норм. Одновременно, после восстановления свободы совести и «возвращения» религии в культуру и образование, конфессиональная принадлежность, наряду с этнической, вновь становится важной частью самоидентификации населения.

Конечно, степень активности потенциальной паствы разных конфессий неодинакова. Среди этнических мусульман доля активных верующих значительно больше, чем среди православных. Однако и там в 1990-х гг. наблюдались схожие тенденции — многие новые мечети пустовали. За годы советской власти был нарушен баланс между двумя слоями ислама — интеллектуальным и бытовым. Выжил последний, тесно связанный с обрядовой стороной вероучения, местными традициями и обычным правом, адатом (Малашенко, 1997). Поэтому потребность регулярно посещать общую молитву в храме, изучать основы ислама приходится формировать в значительной степени заново.

В конце XX столетия в религиозной жизни России значительно усилилась роль *организационных и управленческих структур* конфессиональных объединений. Многие из них благодаря приобретению статуса юридического лица, вовлечению в разные виды внекультовой деятельности, открывшимся возможностям по владению и распоряжению недвижимостью постепенно превращаются в относительно самостоятельные организации. С начала 1990-х гг., когда *религиозная сфера стала развиваться относительно свободно*, количество таких структур, как и перечень действующих в стране религиозных направлений, резко выросло. Если в начале века число последних не превышало двух десятков, то к концу века — перевалило за семьдесят (Религиозные объединения., 1996).

Наибольшее число конфессий действует в городских поселениях. Для традиционных российских вероисповеданий, в первую очередь ислама и иудаизма, религиозные организации в крупных городах играют особую роль. Они имеют непосредственный выход на политиков и предпринимателей разного уровня, могут наиболее эффективно отстаивать интересы религиозного меньшинства. Как правило, такие объединения тесно связаны с этническими общинами, для которых религия в условиях инокультурного окружения выступает важным консолидирующим фактором. Росту мусульманских и иудаистских общин в крупных городах в XX в. способствовали интенсивная урбанизация и значительные по масштабам межрегиональные миграции населения. Новые для России вероисповедания также начинают «осваивать» территорию страны с городов, где сосредоточена значительная часть потенциальных приверженцев и необходимая инфраструктура и, как следствие, выше эффективность миссионерской работы.

В течение XX в. резко возросла *подвижность населения и скорость передачи информации*, а значит, и облегчилось проникновение новых религий в пределы России. Новые конфессии, особенно заинтересованные в расширении своего жизненного пространства, быстро преодолевали расстояния и проявляли необыкновенную гибкость даже в самые тяжелые годы. Постепенно менялись и способы *распространения* новых конфессий по стране. Наряду с этническими миграциями широкое распространение получила собственно миссионерская деятельность новых вероисповеданий. Многие из них со своей проповедью обращаются к конкретному человеку, а не к представителям определенной национальности.

Основные конфессии России

Современные российские конфессии, в зависимости от того, на какую часть населения они ориентируются, можно разделить на три группы.

Первая — религии, тесно связанные с этническим составом населения, география которых отражает картину расселения народов, традиционно придерживающихся этих вероисповеданий. Наиболее крупные — православие, представленное, в первую очередь, РПЦ, а также ислам и буддизм, имеющие несколько сопоставимых по влиятельности религиозных объединений. Эти религии лежат в основе наиболее распространенных религиозно-культурных традиций, которые, взятые вместе, полностью охватывают территорию страны.

Подавляющее большинство православных Европейской России, около 95%, — это представители трех этносов, входящих согласно лингвистической классификации в славянскую группу индоевропейской семьи (русские, украинцы и белорусы). Их предки приняли христианство восточного обряда в X–XI вв.

Еще 3% православных составляют народы финно-угорской группы уральской семьи, подвергшиеся в XIV–XVII вв. наибольшей христианизации. Благодаря подвижнической деятельности Стефана Пермского первыми из них православие в 1370–1380 гг. приняли коми-зыряне. В XV в. за ними последовали коми-пермяки, саамы; в XVIII–XIX вв. — мордва, удмурты, марийцы. Однако полностью вытеснить языческий элемент из духовной жизни не удалось. В 1990-х гг. у народов Поволжья, для которых характерен более высокий, по сравнению с русскими, уровень религиозности, параллельно с православием возрождаются и дохристианские верования. Этому способствует меньшая степень урбанизированности и большее значение традиционной сельской культуры. У марийцев процесс христианизации оказался наименее глубоким, и их часто называют «последним языческим народом Европы». Среди представителей двух субэтнических групп, луговых и восточных марийцев, широко распространена «марийская вера», претендующая на роль марийской национальной религии (Религиозные организации..., 1996).

К православным причисляют — также в значительной степени формально — ненцев, небольшой народ самодийской группы уральской языковой семьи, часть этнической территории которого расположена на севере Европейской России. Однако традиционный образ жизни большей части ненцев, проживающих в сельской местности, неразрывно связан с системой дохристианских верований — поклонением силам природы, культом предков.

Среди православных этносов Европейской России есть по одному представителю тюркской и иранской языковых групп — чуваш и осетины. Последним удалось сохранить христианство благодаря тесным связям с Грузией, хотя часть осетин, проживающих в Дигорском и Ирафском районах, в XVII–XVIII вв. приняли мусульманство.

В России *ислам* традиционно исповедуют народы, относящиеся к трем языковым группам — тюркской (75% всех мусульман Европейской России), нахско-дагестанской (18%) и абхазо-адыгской (около 6%). В первой выделяются татары и башкиры, которые соответственно составляют 49% и 12% этнических мусульман Европейской России. Они составляют костяк поволжско-уральского ареала российского ислама, где это вероисповедание впервые появилось в X в.; в 922 г. оно было официально принято Волжской Булгарией, а в XIV в. стало официальной религией Золотой Орды.

Народы Северного Кавказа, среди которых есть представители всех трех этнических групп, стали частью исламского мира не сразу. Первое знакомство жителей Кавказа с этим вероисповеданием состоялось еще в VII в., после того как южный Дагестан был завоеван арабами. В X–XII вв. на Кавказе усилились позиции христианства, которое приняли древние адыги, предки современных адыгейцев, черкесов, кабардинцев. Однако с XIV в. ислам вновь доминирует как в восточной, так и в западной части Северного Кавказа. К моменту вхождения в состав России в XVII–XVIII вв. почти все народы этого региона приняли ислам.

Единственный европейский этнос, исповедующий буддизм, — калмыки, принадлежит к монгольской группе алтайской языковой семьи. В пределах Европейской России он оказался в результате длительной миграции. Предки современных калмыков, ойраты, к моменту начала откочевки из степей Джунгарии уже познакомились с буддизмом. С конца XVI в. до 1644 г. район их кочевок смещался с востока на запад из степей юга Западной Сибири в бассейны рек Урала, Волги и Дона. В середине XVII в. в Европе появился «островок» буддизма. Его изолированное географическое положение было причиной того, что в течение своей относительно небольшой истории калмыцкие буддисты несколько раз оказывались оторванными от остальной части буддийского мира, а само вероисповедание развивалось автономно. Впервые это произошло в 1771 г. после ликвидации автономного Калмыцкого ханства. Движение за обновление местного буддизма, охватившее Калмыкию в конце XIX–начале XX в., было прервано депортацией калмыков и уничтожением всех культовых сооружений на территории республики².

К «этнически обусловленным» можно отнести и относительно скромно представленные в пределах России вероисповедания — лютеранство, католицизм, Армянскую апостольскую церковь. Ареалы этих вероисповеданий непосредственно связаны с районами расселения соответственно финнов, эстонцев (лютеранство), немцев³, латышей и поляков (католицизм), армян. Эти ареалы, с одной стороны, тяготеют к границам со странами, где основное население составляют соответствующие этносы, а с другой стороны, к «вторичным районам», сформировавшимся в результате добровольных или принудительных этнических миграций. Лютеранские общины в Европейской России наиболее распространены на Северо-Западе (Ленинградская область и Карелия), в Среднем и Нижнем Поволжье (Саратовская, Волгоградская области⁴), где расселены

² Вплоть до 1980-х гг. в республике не действовало ни одной буддийской общины.

³ Примерно одна треть верующих российских немцев исповедует католицизм.

⁴ По мнению Ю. А. Веденина, «феномен» Волгоградской области, выделяющейся повышенным числом лютеранских и католических общин, связан с «серьезными препятствиями, возникшими в начале 1990-х гг. в местах традиционного немецкого расселения в Саратовской области и стремлением российских немцев поселиться как можно ближе к своим родным местам» (Веденин, 1990).

потомки немецких колонистов. Юг Урала является частью более обширного «нового» ареала, распространяющегося в Западную и Восточную Сибирь и сформировавшегося в советский период в результате депортации немцев во время Второй мировой войны.

Важнейшими в Европейской России ареалами распространения католицизма являются Поволжье, Северный Кавказ и Калининградская область. Бывшая Восточная Пруссия вошла в состав России после Второй мировой войны, однако одним из лидеров по числу католических общин она стала лишь в постсоветский период, после начала массового переезда сюда российских немцев. Еще одна примечательная особенность российского католицизма — крупные общины обеих столиц, Москвы и С.-Петербурга. Их костяк составляют этнические поляки, имеющие более широкий ареал расселения в Азиатской части страны.

Проживающие в РФ армяне в основном принадлежат к Армянской апостольской церкви. Образование ряда ареалов их плотного расселения на юге страны (Мясниковский район Ростовской области, а также несколько районов Краснодарского и Ставропольского краев и Адыгеи) связано с этническими миграциями XVIII–XIX вв.⁵

Особый случай представляет иудаизм. В пределах современной России на западе Брянской области частично сохранились «осколки» прежнего обширного ареала распространения этого вероисповедания, судьба которого в XX в. оказалась трагической. Сначала он оказался раздробленным — значительная его часть, ограниченная чертой оседлости, осталась за пределами РФ. Потом серьезный урон нанесла Вторая мировая война, а во второй половине века черту подвела еврейская эмиграция из СССР. Сегодня иудаизм в России — это пример городской конфессии. Сельский иудаизм отдельными очагами сохранился в Дагестане у небольших кавказских народов — татов и горских евреев.

Особой разновидностью конфессий первой группы являются *этноконфессиональные общности*, члены которых отождествляют этническую и религиозную принадлежность и, как правило, придерживаются более строгой внутриобщинной дисциплины. Большинство из них в разное время отделились от более крупных конфессий. В Европейской России к их числу прежде всего относятся старообрядцы и меннониты. Первые отошли от православия в середине XVII в., вторые представляют одно из старейших, возникших еще в эпоху Реформации, протестантских направлений (Пучков, 2000).

География старообрядческих и меннонитских общин связана с расселением этносов, исповедующих, соответственно, православие и протестантизм, однако распространены в пределах этих ареалов отнюдь не повсеместно. Очаги старообрядчества чаще всего формировались в наиболее удаленных, мало контролируемых властью районах или ближайшем приграничье (Стародубье и Вятка, Поморье, Урал, Забайкалье). Общины в центре страны стали складываться постепенно, по мере развития товарно-денежных

⁵ На территорию современной Ростовской области армяне переселились в 1778 г. из Крымского ханства, находившегося в зависимости от Османской империи, по приглашению Екатерины II; на Северном Кавказе армянские поселения начали появляться после Каспийского похода Петра I. Самая крупная волна армянской иммиграции в Россию была связана с вытеснением в 1830-х гг. из горных районов горских армян, черкесо-гаев, в связи с русско-кавказскими войнами и распространением ислама среди адыгов.

отношений. Меннонитские общины в Европейской России образуют отдельные «вкрапления» в ареалах наиболее распространенных среди российских немцев лютеранства и баптизма.

Вторая группа — вероисповедания, которые хотя и имеют вполне определенные «этнические корни», но в настоящее время ориентируются уже не только на этническую самоидентификацию населения. Это относительно более поздние (по сравнению, например, с лютеранством) протестантские деноминации, проникшие на территорию современной России в конце XIX – первой половине XX в.

Первые ростки баптизма и адвентизма появились в среде немецких колонистов на территории Малороссии и лишь затем стали популярны в среде русского крестьянства, вытесняя при этом русское сектантство⁶. Евангельские христиане ведут свое начало от проповеди английского миссионера лорда Редстока, который дал начало распространению этого близкого баптизму течения на северо-западе России. Таким образом, ареал распространения этих направлений включает как районы расселения этносов, традиционно их исповедовавших, в первую очередь российских немцев, так и районы «русского протестантизма» (Krindatch, 1997). Они, в свою очередь, примыкают к очагу, откуда вероисповедание начало распространяться⁷. У баптистов это южные регионы Европейской России, Северный Кавказ, у адвентистов — Северный Кавказ, у евангельских христиан — Запад и Северо-Запад Европейской России.

В 1920-е гг. к упомянутым протестантским направлениям добавилось пятидесятничество, пришедшее в Россию также через территорию Украины⁸. Особенно оно усилилось после присоединения к СССР территории Западной Украины и Белоруссии. Гонения и высылки пятидесятников способствовали распространению этого вероисповедания на восток страны. В европейской России, кроме Ростовской области и Краснодарского края, они многочисленны также на Урале.

Третья группа — вероисповедания, не имеющие традиционных, этнически обусловленных ареалов распространения. Внеэтничность этих вероисповеданий обеспечивает им более широкий круг потенциальных приверженцев. К ним относятся религиозные направления, относительно недавно (1940–1980-е гг.) появившиеся в России (например, Свидетели Иеговы, Общество Сознания Кришны, Новоапостольская церковь).

⁶ Министерство внутренних дел некоторое время даже обозначало все протестантские и близкие к ним сектантские течения одним термином — «штундизм».

⁷ В значительной степени отмеченный Ю. А. Ведениным «эффект западной и южной границ» объясняется тем, что сектантский протестантизм (баптизм, адвентизм, пятидесятничество) в пределах территории современной России до недавнего времени представлял собой периферию ареала, центр которого располагался на Украине. И конечно, прежде всего протестантские миссионеры «осваивали» ближайшие, достаточно плотно заселенные территории.

⁸ Основателем наиболее распространенного в СССР направления пятидесятничества, христиан евангельской веры, был И. Е. Воропаев. Он принял эту религию в США в эмиграции. Вернувшись в 1920-е гг. на Украину, основал сначала Одесский, а потом Украинский союз ХЕВ (Религиозные объединения... 1996).

Пока число их сторонников невелико, но они берут не числом, а активностью. Свою миссионерскую работу они строят на основе отлаженной «технологии», ориентируются вначале на крупные города, среди жителей которых всегда можно найти людей, по тем или иным причинам склонных к принятию новой религии. Потом такие вероисповедания обычно основывают общины в районных центрах, постепенно начинают «работать» в пригородах и сельской местности.

Конфессии второй и третьей групп наименее укоренены, слабо связаны с окружающей территорией, ее историей и традициями. Это территориальное «безразличие», с одной стороны, заложено в преимущественно индивидуалистическом вероучении, нацеленном на воспроизводство одной и той же внутриконфессиональной среды в любых условиях. С другой стороны, это — следствие относительной молодости этих вероисповеданий и непродолжительного периода деятельности в пределах России. Отсюда внутренняя структура таких религиозных объединений. Конфессии третьей группы можно определить как организации с сектантским типом организации, для которых характерен активный прозелитизм⁹. Конфессии второй группы, возникнув и долгое время развиваясь как секты, сделали значительный шаг вперед по пути превращения в более широкие и открытые религиозные течения.

В настоящее время на территории Европейской России из 61 субъекта РФ ислам имеет максимальное число общин в семи национальных республиках со значительной долей этнических мусульман, буддизм в одной (Калмыкия), протестантизм — в трех регионах. Православие уверенно лидирует лишь в Центральном районе. В преимущественно русскоязычных регионах Среднего и Нижнего Поволжья, на Северном Кавказе его позиции заметно потеснены исламом и протестантизмом.

Элементы конфессионального пространства

В пределах Европейской России к концу XX в. сложилась уникальная по разнообразию и географическим особенностям религиозная картина. При выделении ее основных структур удобно воспользоваться геологической терминологией.

Сферы влияния мировых религий (христианства, представленного православием, ислама и буддизма), опирающиеся на религиозную самоидентификацию и традиции крупных этносов, представляют собой своего рода крупные *конфессиональные плиты*. Они довольно четко идентифицируются по этнорелигиозному составу населения, определяемому на основе данных об этническом составе населения в разрезе достаточно мелких административных единиц (**рис. 4.5.1, 4.5.2**). Существование иных конфессиональных групп в составе этноса, преимущественно исповедующего то или иное вероисповедание, принципиально картину не меняет, хотя в отдельных случаях может ее уточнить¹⁰.

⁹ В настоящее время наиболее крупные объединения общин этих вероисповеданий называют себя церквями. Тем не менее функционирование первичных общин (прием, членство, материальная и иная поддержка со стороны прихожан), заметно отличает их, например, от православных приходов.

¹⁰ Например в Нагайбацком, Чебаркульском районах Челябинской области, где проживают нагайбаки, этнографическая группа крещеных татар, не выделенная переписью 1989 г. в качестве отдельного этноса; в некоторых районах Татарии, где проживают кряшены; в Северной Осетии, где титульный этнос исповедует как христианство, так и ислам; на востоке Марийской Республики, где местные жители придерживаются традиционных верований.

Рис. 4.5.1. Религиозный состав населения Европейской России в 1897 г.

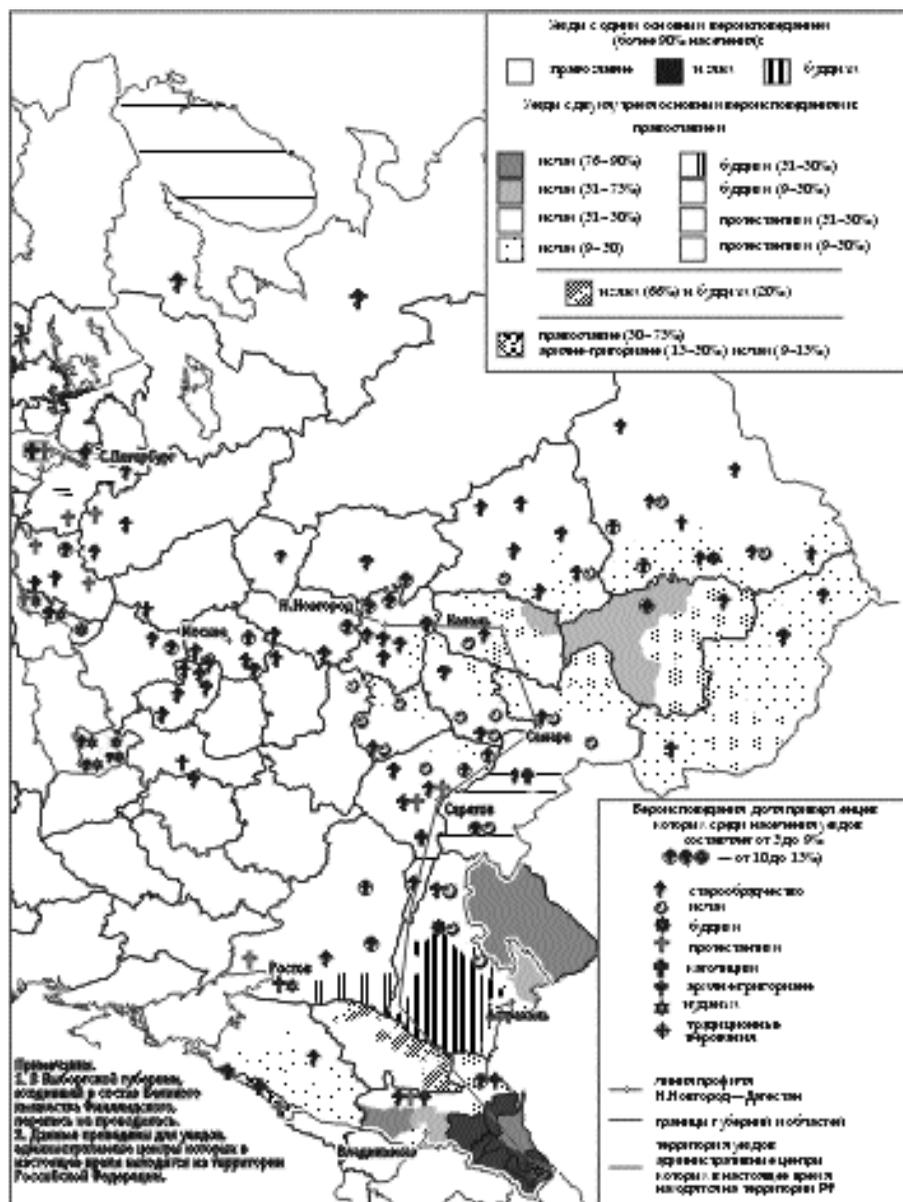
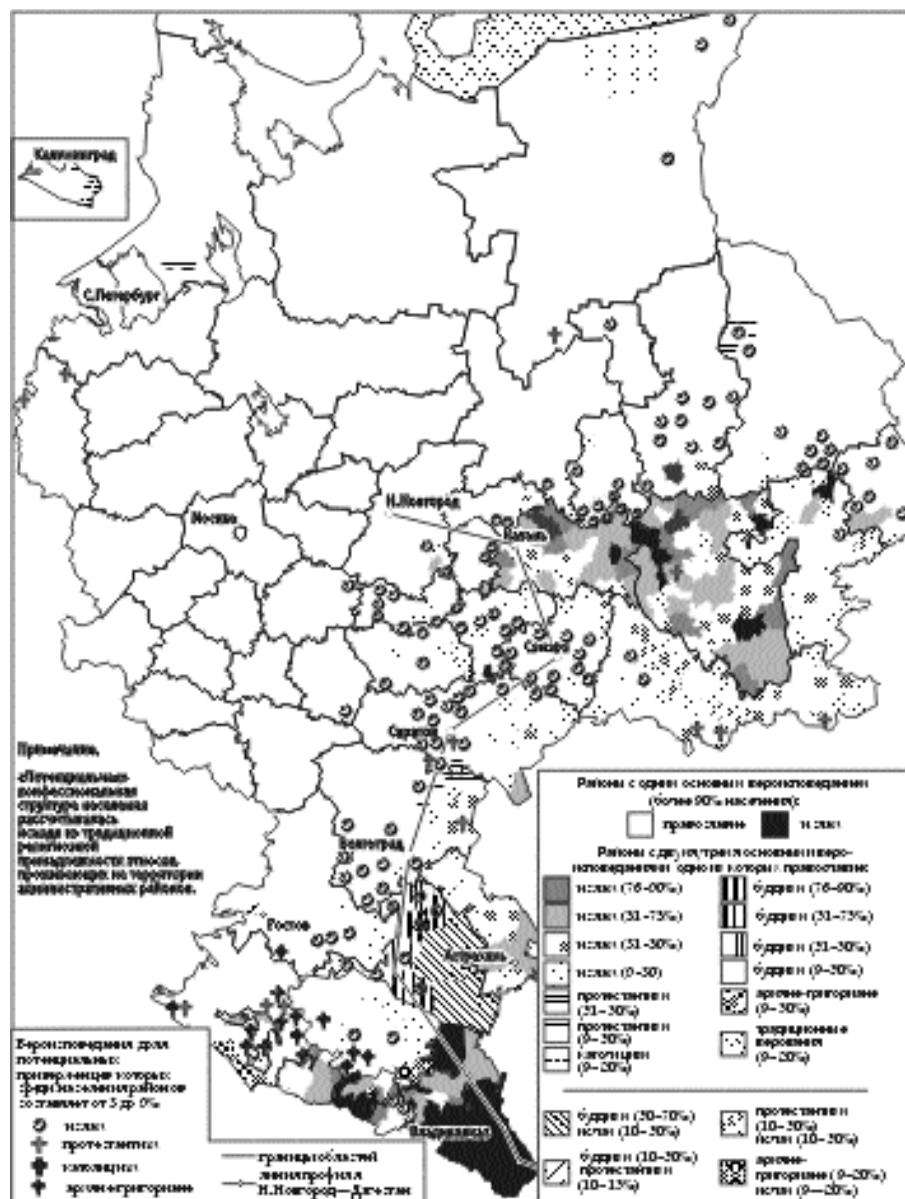

Рис. 4.5.2. Потенциальный религиозный состав населения Европейской России в 1989 г.

«Ядро» каждой плиты — территории, население которых преимущественно (более 50%) исповедует ту или иную мировую религию. Размеры ядра сильно варьируют: для РПЦ это почти вся Европейская часть России; для поволжско-уральского ислама — территория Башкирии, северного и восточного Татарстана; для кавказского ислама — территории Дагестана, Чечни, Кабардино-Балкарии; для бурятского, калмыцкого и тувинского буддизма — территории соответствующих регионов.

При сравнении двух исламских «ядер» видно, что сплоченность поволжско-уральского ядра значительно уступает кавказскому, которое является фактически северной периферией, «выступом» исламского мира, его интрузией на территорию России. Выступом, который Россия так и не смогла переварить (Малашенко, 1997). В то же время поволжско-уральское ядро — это «остров», окруженный менее исламизированными территориями.

В местах соприкосновения конфессиональных плит возникают *контактные*, своего рода *геосинклинальные*, зоны — территории, где сталкиваются интересы двух или более мировых религий. В пределах некоторых из таких зон взаимоотношения разных конфессий строятся на принципах уважения и терпимости (Волго-Уральский регион), в других нередко возникают конфликты, а противостояние приобретает довольно жесткие формы. Межконфессиональных конфликтов на территории современной России нет: религиозный аспект скорее накладывается на существующие социально-экономические, этнополитические противоречия, как это происходит на Северном Кавказе. По словам А. В. Малашенко, на российском «исламо-христианском пограничье, с одной стороны, происходит социокультурное и этнокультурное взаимопроникновение обеих общин, а с другой — консервация собственных традиций, что в конечном счете обуславливает их отчужденность друг от друга» (Малашенко, 1998).

Часть контактных зон, например пограничье Русского православия и католицизма, сегодня оказалась на территории стран нового зарубежья. Там можно найти и пример серьезного межконфессионального конфликта, длящегося уже с XV в., — противостояние греко-католиков и православных на Западной Украине.

При всех оговорках, конфессиональные плиты — наиболее древние части религиозного пространства страны. Их границы с конца прошлого века изменились незначительно (рис. 4.5.2). Однако современные этнополитические процессы, обострившие самосознание большинства этносов и этических групп, и значительный миграционный приток на территорию России могут привести к некоторым подвижкам границ конфессиональных плит.

В контактных зонах наблюдаются колебательные движения. Динамика границ Русского государства сильно сказалась на динамике сферы влияния Русской православной церкви. В период расширения границ России, а затем Российской империи, РПЦ всеми силами раздвигала свои границы, пыталась «освоить» новые территории: административными методами (упразднение унии, ограничение прав в России римско-католической церкви, включение в свою юрисдикцию епархий других Поместных церквей) и это удавалось, благодаря активной миссионерской деятельности (Алтай, Якутия, Аляска, Китай).

Сегодня период пространственной экспансии русского православия сменяется откатом. РПЦ все больше волнуют отношения с конкурентами на своей традиционной территории. Своего рода «экзогенные» процессы, уход потенциальной православной паствы к протестантам, рост влияния новых религиозных направлений, объединяемых на Западе общим именем «Нью Эйдж» — «Новый век», нерелигиозность населения страны — серьезная проблема не только для РПЦ, но и для волжско-уральского ислама.

Сдвиги в пропорциях разных конфессий

Сдвиги в пропорциях прослеживаются прежде всего в ареале распространения православия. Их можно анализировать как по изменению в расселении потенциальных верующих, так и по доле действующих общин, которые косвенно свидетельствуют о реальной религиозности населения. Хотя данные не идеальны и погрешность может быть велика, но основные тенденции они все же иллюстрируют. Сопоставление этих двух показателей обнаруживает всю противоречивость современной ситуации. С одной стороны, сдвиги в весе различных частей ареала распространения конфессии следуют за сдвигами в расселении населения, которое является основным носителем этого вероисповедания. В то же время, в условиях секулярного общества сдвиги в расселении населения и в интенсивности религиозной жизни не тождественны (табл. 4.5.1 и 4.5.2).

Зона с максимальной плотностью приходов в Европейской России сместилась за последние сто лет на юго-запад, протянулась в настоящее время от Псковской области через Тверскую и Ярославскую на юг — к Рязанской области и Мордовии (Сафронов, 1997).

Сдвиги в расселении православной паствы на юг и на восток не могли не сказаться на пространственных пропорциях в первую очередь Русской церкви (исторически сложившиеся ареалы распространения старообрядчества в течение XX в. продолжали лишь сокращаться). Структура РПЦ сдвигается вслед за потенциальной паствой, но не поспевает. Причин несколько — различия в религиозности населения, которые определяют как уровень урбанизации, так и степень сохранности традиционных начал в образе жизни населения, инерционность православной инфраструктуры, разная плотность сельских поселений на юге и на севере.

Доли Северного Кавказа и Урала выросли и по первому, и по второму показателю. Плотно заселенный Центр и Черноземье Европейской части, в количественном отношении потерявшие за годы советской власти наибольшее число приходов, уменьшили свою долю. В то же время Москва, где хотя и было уничтожено до половины церквей, даже укрепила свои позиции. И дело не в особой религиозности населения, а в количестве храмов, сосредоточенных в ее историческом центре, и в темпах передачи их РПЦ. Кроме того, Москва город богатый и приходы имеют естественную материальную базу.

В относительно меньшем масштабе такая же тенденция наблюдается и на Северо-Западе, хотя в доле приходов он потерял меньше, чем по населению. Сказываются обилие храмов — исторических памятников и давняя история заселения района.

По числу приходов значительно упал вес Европейского Севера, но в то же время он вырос по доле потенциальных православных. Причин тому, по-видимому, две. Во-первых, кардинальные изменения в системе расселения: исчезновение мелких сельских населенных пунктов (в том числе со специфически религиозными функциями — погостов, скитов, поселков при монастырях), имевших свои церкви и часовни, сопровождавшееся концентрацией населения в новых городах, рабочих поселках и спецпоселениях, где о храмах никто и никогда не слышал. И, во-вторых, особая ранимость быстро исчезающей деревянной культовой архитектуры Русского Севера.

До сих пор полностью не выправлена ситуация, возникшая еще в начале 1990-х гг. Процент использования культовых зданий по назначению на Севере Европейской части был ниже, чем в Центре и тем более на юге, где большинство храмов было уже принято религиозными общинами (Веденин, 1990), а возведение новых церквей перестало быть редкостью. На севере значительная часть храмов еще пустует — их пока некому передать. Слабые общины далеко не всегда могут содержать храм. Несколько новых храмов были возведены с нуля в крупных поселках при финансовой поддержке предприятий-монополистов и местных властей.

В промежуточном положении находится Поволжье, включающее в широком смысле и Среднюю и Нижнюю Волгу. В сумме и по доле православного населения и по доле приходов оно сохранило свои позиции. Правда, произошло относительное перераспределение числа приходов в пользу северной его части. Возможно, это связано с относительной мелкоселенностью и большим числом населенных пунктов в этой части района по сравнению с южной. Кроме того, степень урбанизации там несколько меньше, а уровень религиозности населения, особенно сельского, выше. Не исключено, что определенное влияние на религиозность населения оказывает и тот кризис, в котором оказалась сельская местность. Кроме того, сказываются и более сильные традиционные начала в образе жизни населения национальных республик Среднего Поволжья, что также объясняет повышенную религиозность населения.

Произошедший сдвиг в географии приходов создал для РПЦ определенную проблему. Возник разрыв между историческим ядром с развитой православной «инфраструктурой» (монастыри, учебные заведения и святыни) и плотно заселенными южными епархиями РПЦ. Одновременно в южных районах, где православные традиции слабее и беднее, чем на севере, давление иных вероисповеданий сильнее.

Сдвиги в пропорциях в мусульманском пространстве Европейской России не так очевидны, тем более что нет возможности сравнить дореволюционную и современную ситуацию. В традиционных ареалах сосредоточена основная часть мусульман Европейской России. Однако кавказский ареал значительно более монолитен, а его вес в течение прошедшего века вырос. Его главная слабость — раздробленность.

Другая менее яркая, но не менее важная тенденция — рост числа мусульман, расселенных «в диаспоре», за пределами ареалов традиционного распространения ислама. Сплоченность и активность даже относительно небольших общин делает их весьма заметными субъектами религиозной жизни в преимущественно православных регионах Евро-

Таблица 4.5.1. Расселение традиционных приверженцев основных конфессий, в % от их общей численности в Европейской России

Регионы и сто- личные города	Все население		Православные и старообрядцы		Мусульмане		Протестанты		Иудаисты		Армяне-григо- риане						
	1897	1989*	1897	1989**	1897	1989	1897	1989	1897	1989	1897	1989					
Север	3,7	5,55	5,32	4,1	5,48	5,80	0,0	0,66	0,68	5,46	12,21	0,6	1,28	1,07	0,0	1,29	1,00
Северо-Запад	6,3	2,9	2,9	6,2	3,1	3,1	0,1	0,16	0,20	33,7	1,1	6,15	18,2	1,2	1,1	1,2	0,6
Санкт-Петербург	1,9	4,4	4,2	1,8	4,7	4,50	0,1	0,61	0,65	11,1	1,1	3,90	7,5	22,2	17,03	1,1	2,5
Центр	25,2	18,9	18,5	27,4	21,0	20,4	0,5	1,49	1,80	5,3	5,6	6,93	38,5	9,9	9,8	2,2	4,4
Москва	7,2	7,9	7,9	7,7	8,4	8,4	1,6	1,87	2,41	3,9	1,4	2,36	6,2	36,6	37,6	2,1	9,2
Волго-Вятка	8,5	7,41	7,49	8,9	8,09	8,08	5,0	2,51	2,58	0,2	1,04	1,36	1,4	3,04	3,12	0,1	0,88
Черноземье	11,1	6,84	6,84	12,2	7,66	7,57	0,1	0,17	0,34	0,7	1,09	1,15	4,1	1,98	2,10	0,3	1,31
Поволжье	14,8	14,31	14,31	13,1	13,21	13,44	31,7	27,06	27,06	35,6	19,87	16,99	4,6	7,88	7,73	5,7	5,02
Северный Кавказ	9,3	14,33	14,24	7,9	12,11	12,30	26,9	30,85	30,60	7,3	19,23	14,35	16,2	7,00	10,12	87,3	71,93
Урал	12,1	17,52	17,88	10,7	16,07	16,41	33,9	34,60	33,69	1,6	43,99	34,59	2,8	8,86	10,34	0,1	2,88

* Во время переписи 1989 г. и микропереписи 1994 г. вопрос о религиозной принадлежности не задавался. «Потенциальный» религиозный состав населения рассчитан на основе этнического состава, исходя из традиционной конфессиональной принадлежности этносов.

** В ходе микропереписи 1994 г. было обследовано около 5% населения.

Таблица 4.5.2. Размещение православных и старообрядческих общин в Европейской России

	Число православных общин		Число старообрядческих общин		Число мусульманских общин	Число протестантских общин (в сумме)	Число иудаистских общин	Православные и старообрядческие общины (в сумме), в % от их общего числа		Число мусульманских общин, в % от их общего числа	Число протестантских общин (в сумме), в % от их общего числа	Число иудаистских общин, в % от их общего числа
	1912	1999	1912	1999				1999	1999			
Север	2094	314	6	7	5	185	1	7,2	4,1	0,2	7,5	1,1
Северо-Запад*	2154	531	78	9	2	255	11	7,6	6,9	0,1	10,3	12,2
Центр	12660	2437	185	39	25	471	17	17	31,6	0,8	19,1	18,9
Москва	443	443	16	12	16	209	12	1,6	3,6	0,5	8,5	13,3
Волго-Вятка	2182	884	127	23	92	108	2	2	11,6	2,8	4,4	4,4
Черноземье	3366	757	19	19	19	129	3	11,6	9,8	0,1	5,2	3,3
Поволжье	4290	896	212	20	1021	1021	12	15,4	11,7	30,8	11,0	13,3
Северный Кавказ	1771	679	87	11	1463	494	17	6,3	8,8	8,8	20,0	20,0
Урал	1420	901	143	35	687	350	350	5,3	11,9	20,7	14,2	16,7
Всего	30380	7671	873	163	3313	2472	90	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Включая Санкт-Петербург.

Источники: Россия: Географическое..., 1913.

пейской России. В советский период мусульмане часто переселялись в сельскую местность, особенно расположенную на хороших дорогах, где возможно было заниматься торговлей, совмещая торговлю и перепродажу леса в свои республики. Это было нередким явлением в российском Нечерноземье в 1970—1980 гг. Некоторые общины в городах Поволжья, например в Ярославле, Тутаеве, выросли в период индустриализации, когда татар привлекали в качестве разнорабочих на строительство промышленных предприятий.

Например, в Москве мусульманская община выросла с 4,5 тыс. человек в 1897 г. до более чем 150 тыс. чел. в 1989 г. и ее вес стремительно растет. Многие мусульмане, авторитетные люди в бизнесе, науке, культуре, политике. Значение московской мусульманской общины особенно ярко проявилось в последнее десятилетие, во время соперничества двух мусульманских религиозных центров: Уфы и Москвы.

У протестантов изменения в пропорциях их пространства произошли принципиальные. Фактически сожмнулись два ареала — этнических протестантов, представленных прежде всего лютеранами (немцы, финны), и протестантов из числа потенциальных приверженцев православия. Традиционные ареалы — Северо-Запад, Северный Кавказ, Поволжье, которое пострадало больше всего в результате ликвидации Республики немцев Поволжья. И относительно новые, появившиеся в советский период, в связи с вынужденными миграциями немцев — Урал, Север Европейской части. В то же время этнические ареалы протестантизма весьма динамичны из-за быстрой эмиграции российских немцев или их перемещения в более западные районы страны — Калининградскую область, в Москву и Центр.

По расселению евреев главный удар нанесла война. Фактически исчез ареал на западе Брянской области, четыре уезда, которые ранее находились за чертой оседлости, и три (Себежский, Невельский и Велижский на Северо-Западе), входившие в Витебскую губернию; резко вырос вес Москвы и Санкт-Петербурга. За советский период иудаизм в России превратился в преимущественно городскую религию, а его география была тесно связана с процессом урбанизации. Поэтому так вырос вес Поволжья и Урала. Однако сегодня эти ареалы сильно пострадали от еврейской эмиграции, что особенно заметно по падению доли евреев в Санкт-Петербурге.

Сдвиги в сторону все более равномерного размещения армян происходят прямо на глазах. Их выезд в Россию усилился во время армяно-азербайджанского конфликта. Однако главным регионом остается Северный Кавказ. Особенно подскочила доля Центра и Москвы.

По профилю на **рис. 4.5.3** видно, что конфигурация основных плит не очень изменилась, хотя ряд конфессий и вымывается.

Меняются *пространственные пропорции* религиозной подсистемы. Во-первых, за счет различий в *реальной религиозности* и *активности* верующих ведущих вероисповеданий. В мусульманских регионах России она намного выше, чем в православных. Определить точное число мечетей невозможно. В Дагестане, например, «сегодня, как и в далекие времена, мечеть существует в каждом квартале, в каждой деревне, не считая городских „кафедральных“ мечетей» (Малашенко, 1996). Нормы «ислама народно-го, опирающегося на ...обычное право — адат», и в советские времена оставались частью образа жизни мусульманских народов.

Во-вторых, в результате *изменений в системе расселения* обезлюдели многие традиционно православные территории. Особенно ощутимо падение относительного веса по населению, а значит и верующим, Европейского Севера, Верхнего Поволжья—Прикамья. Сдвиги в расселении на юг и восток существенно подняли значение для РПЦ Северного Кавказа и Урала.

Резкое повышение доли городского населения, политика ликвидации «неперспективных» поселений привели к закрытию многих храмов в мелких сельских населенных пунктах, в том числе со специфически религиозными функциями (погостов, скитов, поселков при монастырях). В слабоосвоенных регионах население концентрировалось в новых городах, поселках и спецпоселениях, где о храмах никто никогда не вспоминал.

Значительно расширилась сфера интересов и деятельности современных конфессий. Участие религиозных объединений как самостоятельных субъектов в общественно-политической и экономической жизни было не свойственно религиозной жизни начала века. В первую очередь это относится к православию, исламу и буддизму, за которыми стоят крупные народы, имеющие национально-территориальные образования.

Общины, монастыри воссоздаются сегодня прежде всего на месте своих дореволюционных предшественников. Восстановление религиозной традиции во всем ее многообразии, возвращение в церковный обиход святынь и реликвий прошлого — необходимое условие движения вперед.

Однако простого копирования, реставрации не происходит. Формируется несколько иная и в количественном, и в качественном отношении система. Центральное место в ней заняли оргструктуры традиционных конфессий. Религиозные лидеры полагают, что количественное возрождение рано или поздно перейдет в качественное — туда придут люди.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непросто подвести общий итог коллективного труда, еще не остыв от его создания и понимая, что не нам его оценивать. Вот все же кое-что в порядке самокритики.

Отталкиваясь от классической монографии предшественника, мы хотели набросать панораму вековых городских и сельских сдвигов в России. По ходу дела задача разбухла, и все равно историки найдут в книге свои изъяны, демографы — другие, коллеги-географы — третьи. Таковы уж работы «на стыках», а наш стык (научный жанр), как минимум, тройной: историческая география населения. И он не исчерпан. Недостает микрогеографии города и деревни, анализа планировочных идей, транспортных и многих, многих других процессов и проблем, важных для расселения.

А то, что есть, не ставит точки в старых спорах, да мы и не ставили такой задачи, как и никакой специально прикладной. Но теперь попробуем уточнить некие позиции и извлечь уроки. Хотя бы для самих себя как профессионалов и как граждан России, а тем самым «для народа» и его «слуг», если захотят услышать.

Сначала о периодизации развития и расселения в XX веке, хотя это не совсем наше дело. Пожалуй, основных эпох тут четыре: досоветская, раннесоветская, позднесоветская и постсоветская. Названия говорят о центральной роли «царства социализма» в этом столетии, да и пролог с эпилогом симметрично несвободны от его влияния: напомним о революциях-мятежах 1905 и 1993 гг., о Думах, столыпинских и «возвратных» миграциях 90-х гг. Но главное тут — тотально советское, безрыночно-командное время, время государственной общины или общака (кому как ближе). Оно заняло примерно 60 лет с 1925–1930 по 1985–1990 гг. и, в свою очередь, делится на две 30-летки.

Первая, с коллективизацией и индустриализацией, войнами и голодовками, страхом и единомыслием, энтузиазмом и репрессиями, ускорила мобильность экономики и населения. Огромная опустошительно-созидательная работа лишь к концу этого периода или в начале следующего выразилась в крупных переменах и сдвигах. Страна стала по преимуществу промышленно-городской, наемно-рабочей сверхдержавой, стал расти уровень жизни, в том числе в скудевшей людьми и стягивавшейся к центрам сельской местности, пополнялись ряды городов-миллионеров, агломераций и периферийных промузлов и т. д.

Тем не менее более мирный зажиточный позднесоветский период, по всем опросам любимый россиянами за эти качества, отмечен нарастанием кризиса режима. Его лидеры из великих, мудрых и страшных становились смешными. Борьба населения с государ-

ством за блага и накопления начала складываться едва ли не в пользу первого, в том числе за счет повального и почти легального воровства. Многие, в том числе в расселении, шло по инерции. Попытки сочетать старые стратегии (сдвиг на восток, вплоть до БАМа) с новыми (военный паритет и космос, массовое жилье, автомобилизация и др.) и с исправлением замеченных изъянов (программа подъема Нечерноземья) были не очень удачными, несмотря на все затраты. Становились все более заметными социальные, идеологические и географические контрасты, нарастало ощущение разноликости и разновекторности.

Теперь посмотрим на все это с другой стороны, давая комментарии к ряду вопросов о судьбах страны — из тех, что сто лет назад называли проклятыми.

Вперед или по кругу? Век могучих рывков и резких срывов России не изменил ее скромного полупериферийного места в мире по уровню развития, цивилизованности и благосостояния. Хуже того, начав на подъеме и с радужными надеждами, она завершает столетие едва ли не у разбитого корыта. Но те давние надежды разбились о грядущие бедствия, разбивших и старую, «первую» Россию века. А кризис, сломавший «вторую», может и должен вывести «третью» к новому взлету. Поиски его духовной опоры давно не велись так активно¹.

Эти циклы — не бесплодные и порочные круги. Россия — не триумфатор, но и не жалкая жертва жестокого века. Сто лет перемен сделали ее иной. Помимо прочего, сдвинули на восток, к Уралу, ее демоэкономические центры, заметно выровняли заселение и освоение крупных частей; одно время их развитие даже казалось весьма однородным. Но главные перемены связаны с демографическим переходом и урбанизацией. Их никак нельзя считать только следствиями или средствами индустриализации и военно-технической гонки, хотя ясно, что страна крестьянской утопии (по А. В. Чаянову) просто не могла делать ракеты. Мы отмечали, что урбанизацию дважды или трижды прерывали большие кризисы и смуты, что реакцией на них бывало бегство из городов. И, кажется, забыли, что она же помогала людям вынести другую напасть — слишком крутые перемены, взлеты, и не только пережить их, но приспособиться к ним².

Урбанизация — необходимое, но недостаточное условие современной самоорганизации общества, новой стабильности. Да, ее отличали молодость и спешность. Многие города еще станут городами, а не фабричными деревнями, столь распространенными при В. П. Они еще научатся жить по-городскому, а не выживать на подножном корме, начнут развиваться и развивать свое сельское окружение, более зависимое от городов, чем

¹ Историки, например А. С. Панарин (Реформы..., 1996, с. 252), находят поразительное сходство нашего кризисного времени с эпохой сложения Московского царства: то же чувство одиночества и страстное искание своей евразийской идентичности, места между «латинским» Западом и исламским Востоком.

² По данным Б. Н. Миронова (1999, т. 2, сс. 335–356), «физиологический статус» как часть качества жизни падал в эпохи реформ и кризисов — петровских, 1850–70-х гг., столыпинских, большевистских. Но советское время в этом смысле не худшее. Причины автор видит в демопереходе и женской эмансипации, снизивших затраты на семью и воспроизводство человека, в равномерном распределении благ, что компенсировало скудость среднего уровня, в мобильности и смешивании населения (гетерозисе). Все это стало возможным благодаря урбанизации.

100 лет назад. Такова сегодня России. Она разочаровывает идеалистов всех мастей, но это их проблема: не надо было очаровываться.

Потери или обретения? Всякое развитие есть путь обретений и потерь, в том числе безвозвратных. Путь от традиционной общины к гражданскому обществу усеян утратами прежней гармонии и стабильности, упадком морали, ростом преступности и т. п. Но еще Д. И. Менделеев (1907, с. 64) назвал полуребяческим плач по «первичному патриархальному быту», характерный даже для таких «передовиков», как Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстой.

Среди приобретений и утрат были географические: внешние (расширения и сжатия территории страны) и внутренние, менявшие пропорции обжитых (освоенных) и пустынных земель. Расширение зон освоения на север, на восток и на юг, потери населения и его откочка в города сделали «прорехи» в староевропейском ядре, где расселение превратилось из равномерного в «пятнистое». Став городским, это ядро потеряло деревню и с ней большие массивы сравнительно густонаселенной территории³. Есть утраты в системе городов, и не только в ходе «естественного отбора». Увеличив число городов-миллионеров с двух до дюжины, Россия по существу потеряла былую двустолпичность. Ну а потеря многих миллионов жизней, которыми оплачены наши эксперименты, победы и поражения, невосполнима даже чисто количественно (демографический переход позади).

Вывод: нет человекорасточительству и прожектам великих сдвигов! Между прочим, становясь горожанами, мы теряем старосельскую независимость от сложной техники жизнеобеспечения. Что бывает с городом без света, тепла, воды и внешнего снабжения, показал блокадный Ленинград. Ныне на нас надвигается (Север и Восток местами захватила) «проблема 2003 года», когда из-за выплат по внешнему долгу и длительного недоинвестирования ожидается череда техногенных катастроф. Кроме того, начавшийся экономический рост может упереться в нехватку рабочих рук во многих местах и секторах хозяйства. Разрывать круг придется и путем технической модернизации, и с помощью миграций, снова растущих. Не мы одни, весь «мировой город» испытывает демографический натиск «глобальной деревни». С этим бременем нашей близости к развитому миру тоже надо учиться жить не поддаваясь этнофобиям и расизму, выдерживая и этот тест на цивилизованность.

Быстрее или медленнее? То, что страна великих реформ и реформаторов как бы топталась на месте, нажив комплекс вечного студента, связывают с внешней и верхушечной модернизацией, с ускоренным бегом вдогонку за лидерами. По В. О. Ключевскому, это ведет к перенесению чужого наскоро. А вздергивание на дыбы, «просвещение с кровопролитием» рождает раскол; новые, но чужие порядки воюют со старыми и родными (чей срок, быть может, не вышел), верхи с низами, западники со славянофилами. Вопрос о скорости вбирает в себя и такие, как: все или по-своему; добровольно или принудительно?

³ Напомним, что по нашим расчетам зоны с плотностью 10–50 чел./кв. км уменьшились за век вдвое, на 1 млн кв. км. В Европе, даже в северных странах и Англии (аграрный переворот и искоренение крестьянства с XVI в.), такому вторичному запустению мешала густая сеть городов. А в США и Канаде, где масштабы потерь тоже велики, им не придали особого значения, поскольку они не сказывались на продовольственном положении.

У нас конфликт скоростей, экономических укладов и социальных слоев — это также конфликт территорий: Запада и Востока, Севера и Юга, центра и провинций, русского ядра и нерусских окраин. Если реформаторы как-то обманывали время, то взяли в пространстве, и взяли тем глубже, чем меньше с ним считались. Во времена В. П. рецепт ускоренного развития был ясен, и промышленно-городские очаги уже имелись от Варшавы до Уфы, от Архангельска до Баку. Казалось, чем их больше, тем крепче разделение труда, связи городов друг с другом и с селом... Но вот всюду насадили однотипные заводы-НИИ, повязали их «шефской» помощью ближним совхозам, не думая о том, где это привьется, а где превратится в откровенную профанацию, и чем закончится.

Мораль очевидна: перескакивать в пространстве так же опасно, как во времени, а в сущности это одно и то же. Меняться лучше часто и помалу, чем редко и круто, но и тогда поспешать осторожно, «стоять за ценной» реформ, понимая, как трудно жить у нас (а не только в Китае) в пору перемен и как важно, чтобы они были вняты и нужны низам «на местах», от Москвы до окраин. Потому что только все вместе мы, москвичи и магаданцы, крестьяне и президенты, либералы и коммунисты, русские и башкиры, — Россия. Кстати, напомним, что центр ее населенности давно находится именно в Башкирии и в силу изложенных в этой книге обстоятельств, видимо, останется там надолго.

Земля и люди — два наших главных богатства и две главных боли. Как показывают история с географией, в обоих случаях количество само не переходит в качество. Давно известно, что богатство измеряется не изобилием природы, не размерами территории и населения и не числом заводов, а состоянием людей, качеством их жизни. Люди и земля у нас в основном бедны, сильно запущены. Это и есть наша основная проблема.

Любая нация мечтает об экономике, дающей всем шанс на достойную жизнь. Но экономика упрямо не желает расти равномерно, а выбирает некие точки, особенно если рост стартует сызнова, после суровой встряски. Тут необходимы подвижность, переток капитала и работников из одних сфер и районов в другие, т. е. развитые рынки. В России создать их нелегко, в том числе из-за расстояний и различий между регионами, влияющих на цены. Хотя на то и XXI век, чтобы преодолеть замкнутость и застой в любом месте, чтобы люди с помощью информационных систем, как минимум, знали, что, где и как, и могли свободно, сознательно выбирать, где им жить и работать.

Выбирая же стратегию развития, следует помнить, что это, прямо или косвенно, — выбор между теми же Западом и Востоком, Севером и Югом, центрами и периферией (в частности, между городом и селом), этнически русскими регионами и автономиями РФ.

Первая альтернатива у нас лишена киплинговского этнокультурного контекста. Как же им не сойтись, если наш Восток (Азия) — та же, попозже и пореже освоенная Россия, а доля русских в Сибири выше средней по стране? Но пусть и в европейской части этого не забудут, особенно при смене экономической модели, скачках цен на нефть и т. п.

Север — Юг — ось отчасти культурно-политическая, этническая и субэтническая. Север — это надежный тыл, природный резерв, но притом и огромная, суровая пустыня. Юг у нас невелик и небогат, зато гуще населен, притягателен для мигрантов, хотя вместе с тем пестр и беспокоен. И, при всей их важности, опорнее и важнее Средняя Россия, Главная полоса расселения (как массовый средний класс важнее и опорнее нуворишей и люмпенов).

Третья дилемма — самая повсеместная и социально значимая, затрагивающая больше всего россиян. Но тут свои барьеры, а в пространстве так же рискованно перескакивать через зону, тип местности, как во времени — через стадию, цикл. Если Россия — архипелаг центров-островов в море периферии (при дефиците полупериферии европейского типа) и если море потому запущено, что хилы острова, то реанимация пойдет от островов и не в открытое море, а сперва в прибрежные воды — пригороды с их особой средой, бойким земельным рынком и т. п. Вторичное сезонно-дачное заселение зон сельской депопуляции давно идет дальше. Эту народную волну нужно стимулировать и использовать для поддержания инфраструктуры, социального контроля за территорией, для того, чтобы средние капиталы не бежали из страны. Можно пустить ее на самотек, но вот бороться с ней — право, себе дороже.

Четвертая пара кажется наиболее актуальной для сохранения единства страны, хотя нынешний регионализм («регионализация») и пресловутая асимметрия РФ по сути своей шире, чем проблема автономий. В момент, когда пишутся эти строки, весьма злободневной стала такая альтернатива: *реинтеграция или новая централизация?*

Советский опыт говорит о том, что первую в принципе можно то ли заменить второй, то ли навязать с ее помощью. Но тогда придется идти дальше назад: закручивать гайки некой идеологии, вешать замки на границах, восстанавливать Госплан и Госснаб (на которых, по словам А. Г. Вишневого, сломал зубы раннесоветский федерализм). И мы опять влезем в большой цикл регионализации, которая будет ставить страну на грань распада при любом ослаблении верховной власти⁴. Ведь связи, навязанные сверху, прочны до тех пор, пока прочен сам «верх». Нет, пусть уж маятник регионализма-централизма (и ему подобные) раскачивается почаще, но зато с меньшей амплитудой.

Это не значит, что не нужны противовесы регионализму субъектов РФ сверху и снизу. Все проекты надстройки верхнего «этажа», будь то 11 районов, 8 межрегиональных ассоциаций или 7 президентских округов, исходят из того, что 89 субъектов — слишком много, что их рамки узки для формирования рынков. Но по единицам такого типоразмера, по крупным плитам страну вообще-то и расколоть легче. Представим хотя бы Исламскую Горскую Конфедерацию вместо одной Чечни.

Противовес снизу — местное самоуправление, хотя в регионах оно сочетается с вертикальным, по сути унитарным делением, роль которого особенно велика в бюджет-

⁴ Напомним, что в СССР дважды пытались заменить отраслевой принцип руководства территориальным — в конце 20-х гг. и на рубеже 60-х. Но плановая индустриальная экономика не вписывалась в рамки регионов, и управление ею возвращали в руки наркоматов (министерств), забывая о лозунге комплексного, гармоничного развития территорий. Еще 30 лет такого управления подвели республики и регионы к «бунту» на рубеже 90-х гг. и, наряду с другими факторами, к распаду СССР.

Заключение

ных делах. Между тем, из всемирной истории известно, что с удельной (феодальной) системой трудно покончить без прав и свобод муниципий, прежде всего городов. Потому что это фокусы и базы внутри- и межрайонных связей, широкой экономической и социальной интеграции. Первый постсоветский Кремль пытался дружить с союзами городов «против» губернаторов. Второй — нет, и, может быть, напрасно.

Однако непреложным остается следующее: если в каждом отдельном случае допустимо тянуть за одно ключевое звено, то в каждом общем — лучше забыть об этом: цепь на то и цепь, что целая. Значит, не «или-или» (город или деревня, регион или город), а только «и»!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылхожаев и др., 1989

Абылхожаев Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахская трагедия // ВИ. № 7, с. 53–71.

Агропромышленный., 1999

Агропромышленный комплекс за январь–декабрь 1998 года. М.: Московский обл. комитет гос. статистики.

Адибеков Г.М., 1994

Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации» // ИА. № 4, с. 145–180.

Административные., 1999

Административные округа Москвы в 1998 г. М.: Москомгостат.

Александров Ю.Г., 1993

Будущее колхозно-совхозного строя в России // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, с. 13–55.

Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., 1999

Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграции и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ.

Алексеев А.И., Симагин Ю.А., 1999

Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях. М: ИГ РАН., Междунар. академия регион. развития и сотрудничества, с. 120–126.

Анализ тенденций., 1997

Анализ тенденций развития регионов России в 1991–1996 гг.: Политические ориентации населения регионов России. М.: Tacis-Россия.

Андреев и др., 1990

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. История населения СССР. 1920–1959 гг. // Экспресс-информация. Сер. История статистики. Вып. 3–5 (часть I). М.: Госкомстат СССР.

Анимица и др., 1997

Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Силин Я.П., Кочкина Е.М. Крупнейший город: концептуальные подходы к проблемам занятости населения. Екатеринбург: Уральский гос. экономический университет.

Список литературы

Архитектура.., 1999

Архитектура, строительство, дизайн. — М. № 4.

Атлас рекреационных.., 1998

Атлас рекреационных ресурсов Подмосковья. Часть 1. Культурное наследие. М.: Российская Академия естеств. наук, Российская междунар. академия туризма.

Ахиезер А., 1994

Прошлое и настоящее эмиграции из России // Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. М.: Программа по исследованию миграций. Вып. IV, с. 44–45.

Бадов и др., 1998

Бадов А.Д., Каберты Н.Г., Ларская Н.В. Численность и структура населения Северной Осетии // Народонаселение. Владикавказ: ПроектПресс, с. 7–51.

Бармина И., 1995

Сотка за сотку // Аргументы и факты, 16–22 сентября.

Белозеров В., 1997

Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного района. М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997.

Березкин А., Смирнягин Л., 1993

За что голосовала Россия // Деловой мир, 4 мая.

Бине В., 1997

Репатриация сокращается // Иностранец. № 8. 16 июля, с. 4.

Блюм А., Захаров С., 1997

Демографическая история СССР и России в зеркале поколений // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохоз. прогнозирования РАН. Февраль. № 17, с. 4.

Боксер и др., 1995

Боксер В., Макфол М., Осташев В. Российский электорат на парламентских выборах и референдуме 12 декабря 1993 // Анализ электората политических сил России. М.: Комтех, с. 92–110.

Браде и др., 1999

Браде И., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Изменение в системе городов России в 1990-х // Изв. РАН. Сер. Геогр. № 4, с. 64–73.

Брамсон М.Л., 1917

К истории Трудовой группы // Трудовая группа Первой Государственной Думы. Пг.: Единение.

Брук С.И., 1994

Миграции населения. Российское зарубежье // Народы России. Энциклопедия. М., с. 55.

Бугай Н.Ф., 1992

Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов.

Список литературы

Бугай Н.Ф., Гонов А.М., 1998

Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М: Инсан.

Ваш Выбор, 1994

Выпуск, посвященный Костромской области. № 2.

Ваш Выбор, 1995

Выпуск, посвященный Белгородской области. № 2.

Ваш Выбор, 1996

Выпуск, посвященный Ленинградской области. № 1.

Веденин Ю.А., 1990

Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучение // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. № 1.

Вейнберг Б.П., 1915

Положения центра поверхности России от начал княжества Московского до настоящего времени. Положения центра населенности России с 1613 по 1913 г. // Известия Импер. Русского Геогр. Общества. Т. LI. Вып. VI, с. 365–408.

Веселовский Б., 1906

Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906 гг.). СПб.

Веселовский Б., 1909

Движение землевладельцев // Общественное движение в России в начале XX века. Т. I. Предвестники и основные причины движения. СПб.: Общественная польза, с. 291–312.

Весна 89, 1990

Весна 89: География и анатомия парламентских выборов. М.: Прогресс.

Вишневский А., 1998

Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: О.Г.И.

Вишневский А., Школьников В., 1997

Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действия // Московский центр Карнеги. Научные доклады. Вып. 19. М.

Владимиров и др., 1986

Владимиров В.В., Микулина Е.М., Яргина З.Н. Город и ландшафт. М.: Мысль.

Власова Н.Ю., 2000

Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. Екатеринбург: Мин. Образов. РФ, Уральский гос. эконом. университет.

Водарский В.Я., 1974

Города и городское население России XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по истории географии. М.

Возрождение.., 1986

Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., с. 7

Список литературы

Воейков А.И., 1906

Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека // Изв. ИРГО. Вып. 2/3, с. 649–782.

Воейков А.И., 1909

Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. ИРГО. Вып. 1/3, с. 73–120.

Волков Е.З., 1980

Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.-Л.

Захаров С.В., 1994

Российской федерации народонаселение // Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., с. 397–416.

Время средневековых., 1996

Время средневековых замков прошло // Финансовые известия, 1 марта.

Географическое., 1985

Географическое обоснование экологических экспертиз / Под ред. Звонковой Т.В. М.: Изд-во МГУ.

География населения., 1962

География населения СССР // Вопросы географии. № 56. М.: Географгиз.

География России, 1998

География России. Энциклопедический словарь / Под ред. Горкина А.П. М.: Большая Российская энциклопедия.

Герасименко Г.А., 1990

Земское самоуправление в России. М.: Наука.

Герье В., 1907

Вторая Государственная Дума. М.: Печатня С.П. Яковлева.

Геттнер А., 1909а

Европейская Россия (Антропогеографический этюд). М.: Изд. журнала «Землеведение».

Геттнер А., 1909б

Россия. Культурно-политическая география. М.

Гительман Ц., 1995

Русские евреи на трех континентах // Иностранец, № 23. 26 июля, с. 18.

Глезер О.Б., Полян П.М., 1986

К 75-летию выхода в свет книги «Город и деревня в Европейской России»
В. П. Семенова-Тян-Шанского // Изв. ВГО. № 5, с. 448–451.

Горн В., 1907

Избирательный закон 3 июня и вероятный состав третьей Думы: политико-статистический этюд // Современный мир. Август. № 7–8, с. 1–34.

Горностаева Г.А., 1989

Особенности современной урбанизации в СССР // Мировая урбанизация: географические проблемы. М., с. 39–51.

Список литературы

Город, где голодают.., 1997

Город, где голодают старики и дети // Известия, 20 февраля.

Города в России, 1906

Города в России в 1904 г. СПб.

Города России, 1994

Города России: Энциклопедия / Под ред. Лаппо Г.М. М.: Большая Российская энциклопедия.

Города Союза ССР, 1927

Города Союза ССР. М., 1927.

Городские поселения.., 1860

Городские поселения в Российской Империи, т. 1.

Горяченко Е.Е., 1984

Опыт разработки дифференцированных региональных программ территориального устройства сельской местности // Изв. АН СССР. Сер.: экон. и прикл. социологии. № 1, с. 56–53.

Государственный доклад.., 1996

Государственный доклад о состоянии и использовании земель Российской Федерации за 1995 г. М.: Комитет РФ по земельным ресурсам и землеустройству.

Гремяченский Д., 1917

Хроника городских управлений в России. Выборы // Известия Московской городской думы. М. № 7–8, с. 154–173.

Гриф секретности снят, 1973

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Ред. Г.Ф. Кривошеев. М.: Воениздат.

Грицай и др., 1991

Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука.

Гуревич М.Б., 1915

Дифференциация типов крестьянского хозяйства в Ярославской области. Зем. и прав. Стат. отдел Ярославской губернии, вып. 117. Ярославль.

Данилов В.П., 1987

Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.

Данилов В.П., Красильников С.А., 1993

Предисловие. Красильников С.А., В.Л.Кузнецова и др. Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 — начало 1933 года. Новосибирск: Экор, с. 3–9.

Демографические процессы.., 1996

Демографические процессы в Ярославской области за 60 лет. Ярославль: Яросл. обл. комитет гос. статистики.

Демографический ежегодник, 1996

Демографический ежегодник России. М.: Госкомстат России.

Список литературы

Демографический энциклопедический.., 1985

Демографический энциклопедический словарь. М., с. 98-99

Дэн В.Э., 1916

Рец. на: Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб, 1910 // Сборник отчетов о премиях и наградах за 1911 г. (Премия им. М.Н. Ахматова). Пг., с. 100–123.

Денисова Л.Н., 1996

Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: Институт Российской истории РАН.

Дмитриев и др., 1988

Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. Где живет советский человек. М.: Мысль.

Доклад о состоянии.., 1998

Доклад о состоянии и использовании земель города Москвы. М.: Правительство Москвы, Моск. земельный комитет.

Долгих и др., 1974

Долгих В.М., Левада Ю.А., Левинсон А.Г. Урбанизация как социокультурный процесс // Вопросы географии. Сб. 96. М.

Дугин А.Н., 1999а

Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты. М., с. 8–9.

Дугин А.Н., 1999б

Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея.

Егорова Л.И., 1968

V Всероссийский съезд советов и местные органы советской власти (ноябрь 1917 — ноябрь 1918) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина.

Жихаревич Б.С., 1990

Роль аглорекреационной деятельности в формировании интегральной сельско-городской среды // Развитие городских и сельских ареалов Великобритании и СССР. М.: Ин-т географии АН СССР, с. 79–88.

Загоровский В.П., 1969

Белгородская черта. Воронеж: Воронежский университет.

Зайончковская Ж.А., 1985

Некоторые направления развития расселения // Региональное развитие и управление. Достижения и перспективы. М.

Зайончковская Ж.А., 1991

Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука.

Зайончковская Ж.А., 1997

Миграции населения России: новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. Россия 90-х: проблемы регионального развития. М., с. 30–38.

Список литературы

Зайончковская Ж.А., 1999

Россия: миграция в разном масштабе времени. М.

Закон «0 плате...», 1994

Закон «0 плате за землю» // Ведомости народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, Ст. 1424. Собрание законов РФ. № 16. Ст. 1860.

Зеленин И.Е., 1989

О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. № 2, с. 3–19.

Зеленин И.Е., 1998

Целинная эпопея: разработка, принятие решения и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» // Вопросы истории. № 4, с. 109–122.

Земельный кодекс., 1922

Земельный кодекс РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. № 68, с. 901.

Земельный фонд., 1961

Земельный фонд РСФСР. Приложение к статистическому бюллетеню ЦСУ РСФСР, 19(171). М.

Земельный фонд., 1990

Земельный фонд РСФСР на 1 ноября 1989 года. М.: Госкомстат РСФСР.

Земсков В.Н., 1991

Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // СИ. № 2, с. 74–75.

Земсков В.Н., 1994

Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научн. трудов. М., с. 145–194.

Зима В.Ф., 1996

Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М.: Ин-т российской истории РАН.

Зюганов Г., 1993

Весна иллюзий: из доклада на пленуме ЦИК КП РФ // Советская Россия. 1 июня.

Ивницкий Н.А., 1997

Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х гг. М.: Магист.

Иофа Л.Е., 1951

Города Урала. М.

Иоффе Г.В., 1990а

Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. М.: Наука.

Иоффе Г.В., 1990б

Освоенность территории и сельское хозяйство в Европейской части СССР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 2, с. 63–70.

Список литературы

Иоффе и др., 1988

Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г., Рунова Т.Г. Интенсификация сельского хозяйства на Европейской территории СССР // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. № 5, с. 5–15.

Иоффе Г.В., Трейвиш А.И., 1988

Районы старого освоения на этапе интенсификации экономики // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М.: ИГ АН. СССР, с. 9–18.

Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г., 2001

Квази-тюненовский ландшафт в регионах России // Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве. М.: ИГРАН, Межд. Академия рег. развития и сотруду., с. 104–114.

Итоги Всесоюзной.., 1962

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, СССР. М.: Центр. стат. управление при Совете Министров СССР.

Итоги хозяйственного.., 1991

Итоги хозяйственного и культурного строительства СССР за 30 лет // Доклад Госплана СССР [1947].

К 50-летию победы.., 1995

К 50-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сб. М.: Межгос. стат. комитет СНГ.

Каганский В.Л., 1997

Вторые города больших регионов современной России (к проблеме приватизации пространства) // Проблемы регионального развития. Модели и эксперименты. М.: Институт географии РАН, Междунар. академия рег. развития и сотруду., с. 23–29.

Карр Э., 1990

Большевистская революция. 1917–1923 // История Советской России. Кн. 1. Т. 1 и 2. М.: Прогресс.

Кваша А.Я., Поляков Ю.А., 1994

Военная демография // Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.

Киреевский И.В., 1911

Полное собр. соч. в 2-х тт. Т. 2. М.

Кирхман П., 1867

История общественного и частного быта. Чтение в школе и дома. Дополнено В. Ключевским. М.

Клокова Г.В., 1995

История холокоста на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.

Ключеский В.О., 1991

Сказания иностранцев о московском государстве. М.

Ключевский В.О., 1993

Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль.

Список литературы

Ковалев и др., 1986

Ковалев С.А., Мигачева Л.В., Степанова Л.В. Региональные различия сельского расселения в СССР // Вопросы географии. № 129. М.: Мысль, с. 157–167.

Кокурин А.И., Петров Н.В., 1997

(Сост.). Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1960. Справочник / Сер.: Россия. XX век. Документы. М.: Междунар. фонд «Демократия».

Колосов В.А., 1992

Территориально-политическая организация общества // Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. М.: Институт географии РАН.

Комов и др., 1995

Комов М., Родин А., Аланов В. Земельные отношения и землеустройство в России. М.: Руслит.

Константинов О.А., 1957

Экономическая география в Географическом обществе за 40 лет советской власти // Географический сборник. Т. 11, с. 136–140.

Константинов О.А., 1958

Современное состояние деления населенных пунктов СССР на городские и сельские // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. № 6, с. 69–78.

Константинов О.А., 1963

О сети городов на территориях, вошедших в состав СССР с 1939 г. // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. № 4, с. 23–34.

КПСС в резолюциях..., 1954

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. 1989–1924. М.: Госполитиздат.

Корелин А.П., Шаццло П.Ф., 1995

П. А. Столыпин: попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: РГГУ, с. 6–42.

Красильников и др., 1994

Красильников С.А., Кузнецова В.Л., Осташко Т.Н., Павлова Т.Ф., Пашенко Л.С., Суханова Р.К. (Сост.). Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938. Новосибирск: Экор.

Кригер В.В., 1997

В начале пути. Часть 3: Демографические и миграционные процессы среди немецкого населения СССР (СНГ) // Восточный экспресс (Ален). № 8, с. 5.

Кроль М., 1906

Как прошли выборы в Государственную думу. СПб.

Круглов А.К., 1998

Штаб Атомпрома. М.

Крючков В.Г., 1962

Расселение рыболовецкого населения в дельте Волги // Вопросы географии. № 56. М.: Географгиз, с. 162–177.

Список литературы

Кудрявцев А.О., 1971

Рациональное использование территорий при планировке и застройке городов СССР. М.

Кудрявцев О.К., 1985

Расселение и планировочная структура крупных городов-агломераций. М.: Стройиздат.

Кулаков И.С., Манаков А.Г., 1994

Историческая география Псковщины. М.: ЛА «Варяг».

Куманев Г.А., 1991

В огне тяжелых испытаний (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг. // История СССР. № 2, с. 16.

Курбанова Ш.И., 1993

Переселение: как это было. Душанбе: Ирфон.

Куповецкий М., 1995

Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. № 2(9), с. 134–155.

Кюммель Т., 1987

Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М.: Институт географии АН СССР, с. 82–100.

Лаппо Г.М., 1978

Развитие городских агломераций в СССР. М: Наука.

Лаппо Г.М., 1997

География городов. М.: Владос.

Лаппо Г.М., Полян П.М., 1996

Новые тенденции в изменении георбанистической ситуации в России // Изв. РАН. Сер. Геогр. № 6, с. 7–19.

Латынина Ю., 1998

Бюджетный феодализм // Эксперт. № 1, с. 14–18.

Левинсон А., 1993

Города и огороды // Известия. 29 мая.

Левицкий В., 1912

Социалдемократия во второй городской курии // Наша заря. № 9–10, с. 87–102.

Ленин В.И., 1918

Аграрный вопрос в России к концу XX века. М.

Ленин В.И., ПСС

Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Полное собрание сочинений. Т. 40, с. 1–24.

Ленин В.И., 1951

Развитие капитализма в России. М.

Лемешев М.Я., 1987

Знание — сила. № 11.

Список литературы

Лихачев Д.С., 1991

Культурное одичание грозит нашей стране из ближайшего будущего // Известия. 29 мая.

Личное подсобное., 1991

Личное подсобное хозяйство населения РСФСР. М.: Респ. инф.-издат. центр.

Лосский Н.О., 1991

История русской философии. М.: Высшая школа.

Лотман Ю.М., 1992

Феномен культуры // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, с. 34–45.

Лубны-Герцык Л.И., 1926

Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.

Лухманов Д.Н., 1988

Динамика и устойчивость структур сельского расселения // Вопросы географии. № 132.
М.: Мысль, с. 122–135.

Лухманов Д.Н., 1989

Несельскохозяйственное сельское расселение в РСФСР — современная структура и динамика // Эволюция расселения в СССР. Ч. II. М.: Академия наук СССР — Польская Академия наук, с. 60–79.

Лухманов Д.Н., Солдатова Н.В., 1997

Генезис систем местных центров // Изв. РАН. Сер. Геогр. № 2, с. 100–108.

Маковский С., 1999

Силуэты русских художников. М.

Максудов С., 1989

Потери населения СССР. Бенсон.

Макшеев В.Н., 1997

(Сост.). Нарымская хроника. / Сер.: Исследования новейшей русской истории. Т. 3.
М.: Русский путь.

Малашенко А.В., 1998

Исламское возрождение в Современной России. М.: Московский Центр Карнеги.

Малое предпринимательство., 1999

Малое предпринимательство г. Москвы. М: Мос. гор. комитет гос. статистики.

Мартов Л., 1912

Самостоятельные кандидатуры // Наша заря. № 7–8, с. 3–16.

Марианьский А., 1966

Современные миграции населения. М.

Маслов П., 1907

Крестьянское движение в XIX веке // Образование. № 10, с. 141–164.

Махнова Г.П., 1970

Ход и результаты административно-территориальной реформы 1775–1785 гг. в России // Историческая география России. Вопросы географии. Сб. 83. М.

Список литературы

Медведев Р., 1998

Народ и власть // Свободная мысль. № 4.

Менделеев Д., 1907

К познанию России. СПб: Издание А, с. Суворина.

Миграции.., 1999

Миграции в Московской области 1998. М: Мособлстат.

Миграции и урбанизация.., 1999

Миграции и урбанизация в СНГ и странах Балтии в 1990-е годы / Ред. Зайончковская Ж.А.
М.: CIS Research Centre of Forced Migration.

Милов Л.В., 1998

Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.

Милюков П.Н., 1991

Воспоминания. М.: Политиздат.

Миц А.А., 1974

Прогнозная гипотеза развития народного хозяйства Европейской части СССР // Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, с. 20–54.

Миронов В.Н., 1991

История в цифрах. Л.: Наука, Ленингр. отд.

Миронов В.Н., 1999

Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб: Дмитрий Буланин.
Т. 1, Т. 2.

Моисеенко и др., 1999

Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика. М.: Московский центр Карнеги. № 3.

Монопрофильные.., 2000

Монопрофильные города и градообразующие предприятия. Т. 1. Обзорный доклад. Т. IV, Конъюнктура рынков сбыта продукции градообразующих предприятий моногородов России. М.: Экспертный институт.

Мордвинова Н.С., 1945

О мерах улучшения государственных доходов // Избранные произведения. М.

Московский.., 1988

Московский столичный регион : территориальная структура и природная среда / Ред. Лаппо Г.М. и др. М.: ИГ АН СССР.

Народное хозяйство РСФСР, 1959

Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: Статистический ежегодник ЦСУ при Совете Министров РСФСР. М.

Народное хозяйство РСФСР, 1988

Народное хозяйство РСФСР в 1987 году: Статистический сборник. М.: Госкомстат РСФСР.

Список литературы

Народное хозяйство РСФСР, 1991

Народное хозяйство РСФСР в 1990 году: Статистический сборник. М.: Госкомстат РСФСР.

Народное хозяйство СССР, 1987

Народное хозяйство СССР за 70 лет: Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР.

Народонаселение, 1994

Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.

Население России за 100 лет, 1998

Население России за 100 лет, 1897–1997. М.: Госкомстат России.

Население России., 2000

Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад.
М.: КД «Университет».

Население России в XX веке, 2000

Население России в XX веке (Исторические очерки): В 3-х т. / Т. 1. 1900–1939 гг. /
Отв. ред.: Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН.

Национальный состав, 1961

Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения
на 15 января 1959. М.

Национальный состав, 1990

Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1959. М.

Неволин К.А., 1859

Общий список русских городов // Полн. собр. соч. Т. 6. СПб.

Нелипович С.Г., 1996

Репрессии против поданных «центральных держав» // ВИЖ. 1996. № 6, с. 32–42.

Неуслышанные голоса., 1987

Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Кулаки и партийцы,
книга первая, 1929 / Сост. С. Максудов. Ardis., Ann arbor.

Нефедова Т.Г., 1997а

Внутриобластные различия в сельском хозяйстве Нечерноземья // Изв. РАН. Сер. Геогр. № 2,
с. 89–98.

Нефедова Т.Г., 1997б

Сельское хозяйство России: социально-инфраструктурный и другие факторы риска //
Проблемы расселения: история и современность. Россия 90-х: проблемы регионального
развития. М.: ИГ РАН, с. 54–63.

Нефедова Т.Г., 1998

Российские пригороды: специфика расселения и становления жилищно-земельного рынка //
Изв. РАН. Сер. Геогр. № 3, с. 69–84.

Нефедова Т.Г., 2000а

Новые тенденции в АПК России // Изв. РАН. Сер. Геогр. № 4, с. 45–56.

Нефедова Т.Г., 2006

Продовольственное самообеспечение России: региональные сдвиги // География. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». № 5.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., 1988

Некоторые особенности природопользования в пригородных и агломерационных зонах // Проблемы изучения городских агломераций. М.: ИГ АН. СССР, с. 123–139.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., 1994

Районы России и других европейских стран с переходной экономикой. Россия 90-х: проблемы регионального развития. М.: ИГ РАН, «Ваш Выбор» ЦИРЗ.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., 1999

Новые тенденции урбанизации в России // Вопросы прогнозирования. М.: МАИК «Наука». № 5, с. 158–167.

Никонов А., 1995

Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.

Нифонтов А.С., 1954

Население капиталистической Москвы // История Москвы. Т. IV. Цит. по кн. Ю. Г. Саушкина. Указ. соч, с. 79.

Новейший энциклопедический., 1926–27

Новейший энциклопедический словарь. Л.: П. П. Сойкин.

Новосельский С.Н., 1923

Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. Пг.

О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 г., 1975. М.: Политиздат.

О порядке., 1994

О порядке определения нормативной цены земли. Постановление Правительства РФ № 1204 от 3 ноября 1994 г. // Собрание законодательств РФ. № 29. Ст. 303.

Обухов В.М., 1927

Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М.: РАНИОН. Ч. 1, с. 28–40.

Огарев Н.П., 1859

Комиссия для составления положений о крестьянах // Колокол. Вып. II, с. 417.

Оккупация., 1993

1993. Оккупация: I. Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. / Публ. В.Козлова, С.Сомоновой и Н.Тепцова; II. Документы штаб-квартиры фюрера и немецкого командования о положении в оккупированных восточных областях / Публ. А. Пономарева // Неизвестная Россия. XX век. М.: Мосгорархив, 1993. Вып. IV. с. 231–365.

Список литературы

Осколков Е.Н., 1991

Голод 1932/1933: хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону.

Осокина Е.А., 1991

Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. № 5. с.18–26.

Островский А.Н., 1960

Собр. соч. Т. X. М.

Павленко Н.Г., 1989

На первом этапе войны // Страницы истории советского общества. М.

Палибин Н.В., 1988

Записки советского адвоката. 20-е–30-е годы // Всероссийская мемуарная библиотека. Сер.: Наше недавнее. Т. 9. Париж: YMCA-Press.

Партия «Союз 17 октября», 1996

Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905–1907. М.: РОССПЭН.

Паспорт., 1999

Паспорт социально-экономического развития городов и районов Московской области. М.: Адм. МО, Моск. обл. комитет гос. статистики.

Першин П.Н., 1966

Аграрная революция в России. Кн. I. От реформы к революции. М.: Наука.

Петров Н.В. и др., 1992

Российские регионы в период кризиса и реформ // Политический мониторинг России. № 3. Июль–сентябрь.

Петров Н.В., 1996

Анализ результатов выборов 1995 г. в Государственную думу России по округам и регионам // Парламентские выборы 1995 года в России. М., с. 7–57.

Петров Н.В., 1998

Голосования 1989–1997 гг.: общие закономерности // Политический альманах России 1997. М., с. 302–365.

Пивоваров Ю.Л., 1991

Пространственная эволюция урбанизации: некоторые рубежи развития // Пространственное развитие урбанизации. М.: ИГ РАН, с. 5–25.

Пивоваров Ю.Л., 1994

Современная урбанизация: Курс лекций. М.: Ин-т географии РАН, Росс. открытый университет.

Планировка., 1961

Планировка и застройка больших городов. М: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам.

Плата за землю, 1996

Плата за землю: Сборник нормативных актов. М: ФБК.

Список литературы

Покшишевский В.В., 1942

Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Вместо некролога // Изв. ВГО. Т. 74, с. 59.

Покшишевский В.В. Озерова Г.Н., 1981

География мирового процесса урбанизации. М.

Политический альманах., 1997

Политический альманах России. Т. 2. Кн. 2. М.: Центр Карнеги.

Поляков Л.Я., 1985

Цена войны. М., с. 37.

Поляков Ю.А., 1986

Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.

Полян П.М., 1980

Урбанизированность и ее оценка // Известия АН СССР. Сер. Геогр. № 5, с. 63–77.

Полян П.М., 1987

Сельское население городских агломераций СССР // Доклады на VI советско-польский семинар по урбанизации: Препринт. М., с. 54–64.

Полян П.М., 1988

Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. М.: ИГ РАН СССР.

Полян П.М., 1989

Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942). М.: Наука.

Полян П.М., 1996

Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: «Ваш выбор» ЦИРЗ.

Полян П.М., 2001

Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И.

Полян П.М., Трейвиш А.И., 1990

Центрографический метод исследования территориальных структур: проблемы развития и применения // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. № 2, с. 92–105.

Поспелов Е.М., 1993

Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). М.: Русские словари, 1993.

Постановление., 1991

Постановление Совета министров РСФСР от 18 января 1991 г., № 30 // Собрание постановлений Правительства РСФСР. № 10, с. 134.

Пошкус Б.И., 1999

Место ЛПХ в сельской экономике // Развитие личных подсобных хозяйств как один из механизмов повышения доходов населения М.: Министерство сельского хозяйства и продовольствия РФ, ВИАПИ.

Предложения жилья., 1999

Предложения жилья на продажу: стоимость // Мониторинг рынка недвижимости. № 1, с. 19.

Список литературы

Прокопович С.Р., 1912

Аграрный кризис и мероприятия правительства. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.

Прокопович С.Н., 1918

Опыт исчисления народного дохода. СПб.

Протасов Л.Г., 1997

Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели.
М.: РОССПЭН.

Пучков П.И., Казьмина О.Е., 1998

Религии современного мира. М.: Институт росс. академии образования.

Пчелинцев О.С., 1997

Уроки «шоковой терапии» // Экономические реформы в России: итоги первых лет (1991–1996). М.: Наука, с. 8–32.

Пятецкий Л., 1993

Погромы? Это уже было // Аргументы и факты. № 2.

Расселение в СССР

Вопросы географии. № 129. М.: Мысль, 1986.

Рашин А.Г., 1956

Население России за 100 лет. М.: Госстатиздат, 1956.

Региональные исследования.., 1990

Региональные исследования и территориальное планирование в Польше. Итоги науки и техники // География зарубежных стран. Т. 16.

Регулирование.., 1996

Регулирование земельных отношений на территории Московской области: Сборник нормативных актов. М: Комитет по земельным ресурсам и землеустройству Московской области, с. 158–173.

Рекомендации.., 1988

Рекомендации по районированию территории СССР для целей расселения и районной планировки. М.: Стройиздат.

Религиозные объединения.., 1996

Религиозные объединения Российской Федерации: Справочник. М.: Республика.

Реформы и контрреформы.., 1996

Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В. В. Ильина. М.: Изд-во МГУ.

Решения партии.., 1968

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., с. 295.

Родоман Б.Б., 1966

Земельные реформы и ландшафт // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС.

Список литературы

Родоман Б.Б., 1974

Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов // Ресурсы, среда, расселение. М.: Наука, с. 150–162.

Родоман Б.Б., 1993

Проблема сохранения экологических функций пригородной зоны Москвы // Проблемы землепользования в связи с развитием малоэтажного жилищного строительства в Московском регионе. М: Моск. обл. Совет народных депутатов, с. 37–42.

Родоман Б.Б., 1998

Новая поляризация российского пространства // Полюса и центры роста в региональном развитии. М.: ИГ РАН, с. 31–36.

Родоман Б.Б., 1999

Территориальные ареалы и сети. М.: Ойкумена, 1999.

Родоман Б.Б., 2000

Московская область сегодня. Портрет без прикрас // География. № 1, с. 7–10.

Ром В.Я., Дронов В.П., 1997

География России: Население и хозяйство: Учебник для общеобраз. уч. зав. 3-е изд. М.: Дрофа.

Российские регионы.., 1992

Российские регионы в период кризиса и реформ: Доклад Правительству РФ. М.: Центр политико-геогр. исследований, 1992.

Российский статистический.., 1999

Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России.

Россия: географическое описание.., 1913

Россия: географическое описание Российской империи по губерниям и областям / Под ред. А. Рябченко. Т. I. СПб.: Министерство юстиции РФ.

Россия: полное географическое.., 1899, 1902

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для путешествующих русских людей / Ред. Семенов-Тянь-Шанский В.П. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена.

Россия. Энциклопедический.., 1898

Россия. Энциклопедический словарь. СПб: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон (издат.).

Россия, 1995

Россия. 1913 год: Стат.-докум. справочник. Институт российской истории РАН. СПб.: БЛИЦ.

Россия в локальных войнах.., 2000

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах XX века / Ред. В. А. Золотарев. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы.

Россия в цифрах, 2000

Россия в цифрах. М.: Госкомстат России.

Список литературы

Руднев В., 1918

Земское и городское самоуправление в 1917 году // Год русской революции (1917–1918). М., с. 120–149.

Рунова и др., 1993

Рунова Т.Г., Волкова И.Н., Нефедова Т.Г. Территориальная организация природопользования. М.: Наука.

Рыбников А.А., 1928

Основные вопросы плана сельского хозяйства. М.

Саушкин Ю.Г., 1964

Москва: Географическая характеристика. М.

Сафронов С.Г., 1997

Структура и особенности современного религиозного ландшафта России // Проблемы расселения. История и современность. М.: «Ваш Выбор» ЦИРЗ.

Свяцицкий Н., 1918

Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции (1917–1918). М., с. 104–119.

Сельское хозяйство СССР, 1988

Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР.

Сельское хозяйство в России, 1998

М: Госкомстат России.

Сельское хозяйство в России, 2000

М: Госкомстат России.

Семенов П.П., 1880

Мураевенская область Данковского уезда Рязанской губернии // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб.

Семенов П.П., 1892

Значение России в колонизационном движении европейских народов // Изв. ИРГО. Т. 28, с. 349–369.

Семенов-Тянь-Шанский В.П., 1906

Рецензия на книгу Д. И. Менделеева «К познанию России» // Изв. РГО. Т. 42. Вып. 4, с. 912–915.

Семенов-Тянь-Шанский В.П., 1910

Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб: Типогр. Киршбаума.

Семенов-Тянь-Шанский В.П., 1909–1911

(ред). Торговля и промышленность Европейской России. Мин-во торговли и промышленности. Вып. 1–12. СПб, Тип. В.Ф. Киршбаума.

Семенов-Тянь-Шанский В.П., 1915

О могущественном территориальном владении применительно к России. СПб: Известия РГО. Т. 51. Вып. 8.

Список литературы

Семенов-Тянь-Шанский В.П., 1928

Район и страна: Пособие для высш. шк. М.-Л.

Серова Е.В., 1999

Аграрная экономика // М.: Гос. университет, Высш. школа экономики, проект Taxis.

Симагин Ю.А., 1997

Современный этап субурбанизации в Московском столичном регионе.

М.: НИЦ «Геовектор».

Скворцов А.И., 1906

Аграрный вопрос и Государственная Дума. СПб.: Тип. Н. И. Скороходова.

Смирнов А.А., 1907

Как прошли выборы во 2 Государственную думу. СПб.

Собянин А.А., Суховольский В.Г., 1995

Демократия, ограниченная фальсификациями: выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. М.: Проектная группа по правам человека.

Советский народ.., 1988

Советский народ: социальная структура. М.

Современное село.., 1988

Современное село: пути развития // Вопросы географии. № 132. М.: Мысль.

Социально-экономическое.., 1999

Социально-экономическое положение России 1998. М.: Госкомстат России.

Сравнительные показатели.., 1995

Сравнительные показатели социально-экономического положения населения регионов Российской Федерации. М.: Госкомстат России.

Сталин И.В., 1939

Вести деревню, насаждая колхозы и совхозы // Вопросы ленинизма. М., с. 233, 277–281.

Стариков В.Н., 1971

Формирование сети поселений в пригородной зоне Москвы // Вопросы географии. № 87. М.: Мысль, с. 71–77.

Статистический ежегодник, 1916

Статистический ежегодник России, 1915. Изд-е ЦСК МВД, 1916. Отд. VI.

Степанов С.И., 1998

Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., с. 474–484.

Стоимостная оценка.., 1999

Стоимостная оценка городских земель // Москва-850, компл. атлас. М., с. 18–19.

Стрелецкий В.Н., 1999

Этнические общности в геокультурном пространстве России // Вестник исторической географии. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета. № 1, с. 31–54.

Список литературы

Строев Е., 1997

Регион и предприятие: взаимодействие в условиях становления рыночной экономики // Федерализм. М. № 2, с. 71–88.

Студенский Г.А., 1925

Состав и рыночность сельскохозяйственного дохода в 50 губерниях России // Очерки сельскохозяйственной экономики. М.

Съезды и конференции., 1907

Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН.

Территориальная структура., 1995

Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов. М.: Наука.

Титков А.С., 1995

Избирательная система России начала XX века // Ваш выбор. № 3–4, с. 41–47.

Титков А.С., 1999

О географических представлениях в современном политическом сознании // Полис.

Томсинский С.Г., 1924

Борьба классов и партий во 2-й Государственной Думе. М.: Красная новь, Главпросветполитиздат.

Топоров В.Н., 1995

Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.

Торнер Д., 1992

Крестьянская экономика как социальная категория // Великий незнакомец / Ред. Шанин Т. М.: Прогресс, с. 75–84.

Трейвиш А.И., 1987

Освоение территории и территориальная концентрация производительных сил: взаимосвязь и роль в процессе интенсификации // Территориальная организация хозяйства как фактор экономического развития. Сборник научных трудов М.: ИГ АН СССР, с. 56–71.

Трейвиш А.И., 1997

Производство и расселение до и после перехода к рынку: размышления о траекториях развития // Проблемы расселения: история и современность. Сер. «Россия 90-х: проблемы регионального развития». М.: ИГ РАН и др., с. 43–53.

Трейвиш А.И., 1999а

География российского кризиса // Изв. РАН. Сер. Геогр. № 2, с. 7–16.

Трейвиш А.И., 1999б

Экономические волны и лаги в исторической географии Восточной Европы // Вестник исторической географии. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та. № 1, с. 9–30.

Троцкий Л., 1927

Радио, наука, техника и общество // Красная Новь. № 2.

Труд и занятость., 1996

Труд и занятость в России. М.: Госкомстат России.

Список литературы

Тулский М., 2000

Роль церкви в жизни российского общества // НГ-религии. № 5.

Туровский Р.Ф., 1996

Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Вып. 3 (17), с. 37–52.

Туровский Р.Ф., 1999

Политическая география. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет.

Тюнел И., 1926

Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике. Исследование о влиянии хлебных цен, богатства почвы и накладных расходов на земледелие. М.

Тяжелая индустрия, 1936

Тяжелая индустрия. Список предприятий НКТП, нанесенных на карты Европейской и Азиатской частей СССР. М.: Всесоюзный картографический трест.

Урланис Б.Ц., 1960

Война и народонаселение Европы. М.

Уэруэй Дж., 1965

Пригородная зона. География городов / Пер. с англ. М.

Филиппович Л., 1994

Горожане за городом // Ваш Выбор. № 3, с. 24–26.

Филиппович Л., Павлова И., 1995

Кто будет жить в опухликах // Ваш Выбор. № 5, с. 22–24.

Философов Д., 1912

Лишенные столицы // Речь, 28 октября (11 ноября).

Фролов А., 1993

Крестьянский ответ // Советская Россия, 6 мая.

Хаггет П., 1968

Пространственный анализ в экономической географии. М: Прогресс.

Харитонов В.М., 1983

Урбанизация в США. М.: Изд-во МГУ.

Хауке М.О., 1960

Пригородная зона большого города. М: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам.

Хольмквист П., 1998

Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте. Тотальная мобилизация и «политика населения» // Russia. Vol. XXI. №. 11/12, с. 26–54.

Список литературы

Хорев Б.С., 1965

Исследование функциональной структуры городских поселений СССР (в связи с задачами их экономико-географической типологии) // Вопросы географии. Сб. 66. Города мира. М., с. 34–58.

Хорев Б.С., 1968

Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение): Очерки географии расселения. М.: Мысль.

Чаянов А.В., 1924

Организация крестьянского хозяйства. М.

Чаянов А.В., 1991

Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука.

Челинцев А.Н., 1928

Русское сельское хозяйство перед революцией. М.

Челинцев А.Н., 1929

Сельскохозяйственные районы РСФСР. Экономическая география / Ред. Баранский Н.Н. Т. II. СССР. М.: Изд-во коммун. ун-та им. Свердлова, с. 438–465.

Черкес Б.С., 1992

Город и аграрная Среда. Львов: Свит.

Численность и миграции..., 1999

Численность и миграции населения РФ в 1998 г. М.: Госкомстат России.

Численность..., 1990, 1996, 1998, 1999, 2000

Численность населения РФ по городам, поселкам городского типа и районам на 1.01.1990; 1996; 1998; 1999, 2000. М.: Госкомстат России.

Щелохаев В.В., 1983

Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука.

Щелохаев В.В., 1987

Партия октябристов в период первой русской революции. М.: Наука.

Щелохаев В.В., 1991

Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М.: Наука.

Шупер В.А., 1983

Использование теории центральных мест при разработке прогнозов развития городов в Московском столичном регионе // Изв. Всесоюзного Геогр. Общества. Т. 115. Вып. 3, с. 203–208.

Эволюция расселения..., 1989

Эволюция расселения в СССР / Ред. Лаппо Г.М. М.: АН СССР, Польская Академия наук. Т. 1–2.

Экономическая география..., 1929

Экономическая география. Т. 2. СССР / Ред. Баранский Н.Н. М.: Изд-во коммунистич. ун-та им. Свердлова. М.

Список литературы

Элиаде М., 1994

Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ.

Якушкин В., 1907

Работы М.Я. Герценштейна в Государственной Думе по аграрному вопросу // Аграрный вопрос: Сб. статей. Т. II. М.: Беседа, с. 7–12.

Berry V.J.L., 1976

(ed.). Urbanization and Counterurbanization. Beverly Hills, CA: Sage Publications.

Bourne L., Korecelli P. and Wärnerid O., 1983

Emerging Spatial Configuration of Urban Systems: a Review of Comparative Experience // Geografia Polonica. 47, s. 23–30.

Europa., 1943

Europa Arbeitet in Deutschland. S. 18.

Fielding A.J., 1989

Migration and Urbanization in Western Europe since 1950 // The Geographical Journal. 155. № 1, p. 60–69.

Friedmann J., 1966

Regional Development Policy. A Case Study of Venezuela // Cambridge: Mass. Inst. Tech.

Geyer H.S., Kontuly T. A., 1993

Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // International Regional Science Review. 15. 3, p. 157–177.

Gibbs J., 1963

The Evolution of Population Concentration // Economic Geography. 39, p. 119–129.

Hall P., Hay D., 1980

Growth Centres in the European Urban System. London: Heinemann.

Harris Ch. D., 1970

Cities of the Soviet Union: Studies in their Functions, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally.

Heinkel R., 1994

Binnenintegration als Factor für die Eingliederung Russlanddeutscher Aussiedler in die Bundesrepublik Deutschland — das Beispiel zweier Gemeinden in Rheinhessen // Festschrift für Erdmann Gormsen zum 65. Geburtstag. Mainzer Geographische Studien. H. 40, Mainz. S. 445–458.

Heitman S., 1987

The Third Soviet Emigration: Jewish, German and Armenian Emigration from the USSR since World War II // Berichte Des Bundesinstituts fuer ostwissenschaftliche und internationale Studien. № 21.

Ioffe G., Nefedova T., 1997

Continuity & Change in Rural Russia. A Geographical Perspective. Westview Press.

Ioffe G., Nefedova T., 2000

Environs of Russian Cities. The Edwin Mellen Press.

Список литературы

Klaassen L.H. et al., 1981

Dynamics of Urban Development. London: Aldershot.

Kontuly Th., Dearden B., 2001

Using the Differential Urbanization Model to Characterize Spatial Urban Development in Western Germany // *Differential Urbanization in Practice: Theory and Reality*.

Krindatch A.D., 1996

Geography of Religions in Russia. Decetur.

Kupovetsky M., 1994

Estimation of Jewish Losses in the USSR during World War II. // *Jews in Eastern Europe*. № 2(24), p. 25–35.

Martin, 1998

p. 946–847, со ссылкой на: РГБА, ф. 9, оп. 36, д. 613, л. 6, 46.

Medvedkov Yu., Medvedkov O., 1999

Turning Points and Trends in Russia's Urbanization // *Population under Duress: The Geodemography of Post-Soviet Russia* / G. Demko et al. (eds.). Westview Press. p. 201–230.

Muller R.-D., 1991

Die Rekrutierung sowjetischer Zwangsarbeiter fuer die deutsche Kriegswirtschaft // U. Herbert (Hg.). *Europa und der «Reicheinsatz»*. Auslaendische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Hatlinge in Deutschland 1938–1945. Essen. S. 234–250.

Northman R.M., 1975

Urban Geography. New York: Wiley.

Novikov A., 1998

Risk Factors Associated with Russian Regions and Municipalities. Moscow: Institute for Urban Economics.

Ofer G., 1977

Industrial Structure, Urbanization and the Growth Strategy of Socialist Countries // *Quarterly Journal of Economics*. № 90. May, p. 219–244.

Perevedentsev V., 1999

The Demographic Situation in Post-Soviet Russia // *Population under Duress: The Geodemography of Post-Soviet Russia* / G. Demko et al. (eds.). Westview Press, p. 17–40.

Radkey O.H., 1950

The Elections to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Residents., 1993

Residents of Farms and Rural Areas: 1991 // *Current Population Reports, US Department of Agriculture, US Department of Commerce, Washington*.

Richardson H.W., 1980

Polarization Reversal in Developing Countries // *Papers of the Regional Science Association*. № 45, p. 67–85.

Список литературы

Rowland R.H., 1980

Declining and Stagnant Towns of the USSR // Soviet Geography: Review and Translation. № 21, p. 195–218.

Rowland R.H., 1992

Urban Settlement Size Trends in the Former USSR // Post-Soviet Geography. № 33, p. 34–8.

Rowland R.H., 1994

Declining Towns in the Former USSR // Post-Soviet Geography. № 25, p. 352–365.

Rowland R.H., 1996

Russia's Disappearing Towns: New Evidence of Urban Decline, 1979–94 // Post-Soviet Geography. № 37, p. 63–87.

Shaw J.B. 1999

Russia in the Modern World // A new Geography. Oxford: Blackwell.

Sidorov D.A., 1997

Ortodoxy, Differences and Scale: the Evolution Geopolitics of Russian Ortodox Church in the 20-th Century // Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy, Minnesota.

Treivish et al., 1999

Treivish A., Brade I., Nefedova T. Russian Cities at a Crossroads // GeoJournal. № 49, p. 117–29.

White S., Rose R., 1997

McAlister I. How Russia Votes. Chatham, № J.

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
2	АПАТИТЫ	СД							1935	70,6	3,8	
2	МОНЧЕГОРСК	СД							1937	59,8	55,9	
2	КИРОВСК (Хибиногорск)	СД							1931	35,4	51,3	
2	ОЛЕНЕГОРСК	СД							1957	29,3	21,3	
2	КОВДОР	СД							1965	24,2		
3	КАНДАЛАКША	СД	0,4		с				1938	46,9	19,9	
4	ЗАПОЛЯРНЫЙ	СД							1963	20,1		
4	ПОЛЯРНЫЕ ЗОРИ	СД							1991	17,7	65,7	
5	ОСТРОВНОЙ	СД								10,8		
РЕСП. КАРЕЛИЯ												
6	ПЕТРОЗАВОДСК	СД	12,5	12,2	цг	ИГ	222	33		282,4	16,2	33,8
6	КОНДОПОГА	СД			пос.				1937	36,6	35,0	
7	КОСТМУКША	СД			с				1983	32,2	28,0	
7	СОРТАВАЛА (Сердоболь)	ВНЕ	1,6	1,6	уг	ИГ				20,8	6,0	
7	ПИТКЯРАНТА	ВНЕ			прист.				1940	14,7	15,0	
7	ОЛОНЕЦ	СД	1,3	1,2	уг	ИГ	213	1		11,5	7,0	
7	ЛАХДЕНПОХЬЯ	ВНЕ			пос.				1945	10,4		
8	МЕДВЕЖЬЕГОРСК	СД							1938	18,5		
8	ПУДОЖ	СД	1,5	1,4	уг	ИГ	151	3		11,4	7,0	
8	Повенец	СД	1,4	1,3	уг	ИГ	250	1		3,0		
9	СУОЯРВИ	ВНЕ			с				1940	10,8	10,0	
10	СЕГЕЖА	СД							1943	34,9	25,0	
10	БЕЛОМОРСК (Сороки, Сорока Поморская)	СД	0,6	1,3	с	ИГ	583	82	1938	15,2	15,0	
10	<i>Шуя Поморская</i>	СД		1	с	ИГ	245	1				
10	<i>Сума (Сумский посад)</i>	СД		1,3	пос.	ИГ	110	1				
11	КЕМЬ	СД	1,8	2,5	уг	ИГ	135	1		16,3	15,0	
РЕСП. КОМИ												
12	СЫКТЫВКАР (Усть-Сысольск)	СД	4,5	4,4	уг	ИГ	150	1		230,4	18,6	57,5
12	МИКУНЬ	СД							1937	12,1	2,9	20,2
13	ПЕЧОРА	СД							1949	61,8	20,6	74,4
13	УСИНСК	СД							1984	49,8	43,0	84,2

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
14	ИНТА	СД							1954	55,4	23,7	77,5
15	ВОРКУТА	СД							1943	96,2	42,2	86,4
16	ВУКТЫЛ	СД							1984	19,1	11,0	28,9
17	ЕМВА (Железнодорожный)	СД							1985	16,5	8,6	57,7
18	УХТА (Чибыю)	СД							1943	103,7	26,6	67,0
18	СОСНОГОРСК (Ижма)	СД							1955	31,4	15,5	57,4
19	—	СД										
20	<i>Ижма</i>	СД		2,1	пос.	ИГ	154	1				
21	—	СД										
22	—	СД										
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.												
23	АРХАНГЕЛЬСК	СД	20,9	20,9	цг	ИГ	636	23		368,9	16,6	51,5
23	СЕВЕРОВДИНСК (Судострой)	СД							1938	239,0	14,4	60,8
23	НОВОДВИНСК (Первомайский)	СД							1977	48,7	47,5	88,4
23	<i>Холмогоры</i>	СД	1,1	1,1	уг	ИГ	190	1				
24	КОТЛАС	СД	0,2		ж.ст.	бг			1917	66,8	8,8	38,1
24	КОРЯЖМА	СД							1985	44,5	36,0	90,0
24	СОЛЬВЫЧЕГОДСК	СД	1,7		уг	ап				3,5	4,5	22,3
24	<i>Яренск</i>	СД	1,0	0,9	уг	ИГ	108	1				
25	<i>Красноборск</i>	СД	0,7		г	ап						
25	ВЕЛЬСК	СД	2,0	1,9	уг	ИГ	268	1		26,5	13,6	41,4
25	ШЕНКУРСК	СД	1,5	1,5	уг	ИГ	154	2		7,1	6,9	55,5
26	НЯНДОМА	СД			пос.	бг			1939	25,7	5,9	48,4
26	КАРГОПОЛЬ	СД	3,0	3	уг	ИГ	214	11		12,2	5,7	43,5
27	МИРНЫЙ	СД							1957*	31,7		
27	ОНЕГА	СД	2,7	2,5	уг	ИГ	547	70		25,1	15,0	73,1
28	МЕЗЕНЬ	СД	2,0	1,8	уг	ИГ	264	1		4,7	4,8	30,1
28	<i>Пинега</i>	СД	1,0	1	уг	ИГ	813	28				
29	НАРЬЯН-МАР (Белощелье)	СД							1935	18,5	10,1	43,1

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛ.												
30	ВОЛОГДА	СД	27,8	27,7	цг	ИГ	479	11		300,1	12,5	47,1
30	СОКОЛ	СД							1932	45,9	11,3	67,4
30	ГРЯЗОВЕЦ	СД	3,2	3,2	уг	ИГ	385	1		16,0	13,0	46,9
30	КАДНИКОВ	СД	2,4	2,4	уг	ИГ	368	2		5,6	4,3	44,6
30	<i>Кубенское</i>	СД		1	с	ИГ	403	1				
31	ВЕЛИКИЙ УСТЮГ	СД	11,3	11,1	уг	ИГ	458	13		35,8	10,9	32,8
31	НИКОЛЬСК	СД	2,6		уг					8,9	8,8	26,4
31	КРАСАВИНО	СД							1947	8,9	6,9	65,4
32	ТОТЬМА	СД	4,6	4,9	уг	ИГ	177	1		10,6	12,1	25,5
33	ХАРОВСК	СД							1954	12,6	14,4	71,9
34	ВЫТЕГРА	СД	4,5	4,5	уг	ИГ	211	25		12,5	4,8	32,7
34	БЕЛОЗЕРСК	СД	6,0	5	уг	ИГ	165	4		11,7	6,7	42,5
34	КИРИЛЛОВ	СД	4,3	4,3	уг	ИГ	167	13		8,7	9,0	9,3
35	ЧЕРЕПОВЕЦ	СД	6,9	6,9	уг	ИГ	168	12		322,0	53,2	87,2
35	БАБАЕВО	СД			пос.				1925	13,1	9,6	47,9
35	УСТЮЖНА	СД	5,1	5,1	уг	ИГ	195	13		9,6	9,7	34,0
36	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	В-м	1267,0	1264,9	столица	ИГ	985	30		4163,3	14,0	39,5
36	[ЗЕЛЕНОГОРСК (Териоки)]*	ВНЕ		10	курорт	ИГ			1946	11,6		
36	[КОЛПИНО]*	В-м	8,5	12,2	пос.	ИГ	873	77	1912	142,5	12,9	97,1
36	[КРОНШТАДТ]*	В-м	59,5	59,5	г	ИГ	226	33		45,9	0,6	44,8
36	[ЛОМОНОСОВ (Ораниенбаум)]*	В-м	5,3	5,4	г	ИГ	282	24		41,6	1,8	94,3
36	[ПАВЛОВСК]*	В-м	4,9	5,1	г	ИГ	284	5		24,1		
36	[ПЕТРОДВОРЕЦ]*	В-м	11,3	11,3	уг	ИГ	219	18		80,4	1,4	65,1
36	[ПУШКИН (Царское Село)]*	В-м	22,4	22,5	уг	ИГ	354	11		92,3	2,1	56,3
36	[СЕСТРОРЕЦК]*	В-м		8,7	курорт	ИГ	322	79	1917	32,7	5,2	34,2
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛ.												
36	[Красное Село]	В-м	3,0	3,1	с	ИГ	953	52		часть С.-Петербурга		
36	[Шувалово]	В-м		3,3	с	ИГ	185	4		часть С.-Петербурга		
36	[Стрельна]	В-м		1,4	ж.ст.	ИГ	490	21		часть С.-Петербурга		
36	ГАТЧИНА	В-м	14,8	14,8	г	ИГ	229	17		82,0	5,2	48,7

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
36	СОСНОВЫЙ БОР	В-м			с				1973	61,8	39,4	87,6
36	ВСЕВОЛОЖСК	В-м			ж.ст.				1963	39,1	5,2	4,7
36	ТОСНО	В-м	2,4	2,8	сл.	ИГ	129	17	1963	35,4	3,6	22,6
36	КИРОВСК	В-м							1953	23,6	4,8	31,4
36	ОТРАДНОЕ	В-м			пос.				1970	22,9	4,2	54,9
36	КОММУНАР	В-м							1996	17,2		
36	ШЛИССЕЛЬБУРГ	В-м	5,3	5,3	уг	ИГ	1382	87		12,1	4,4	64,4
36	Парголово	В-м		1,4	с	ИГ	254	1		8,0		
36	ЛЮБАНЬ	В-м	1,0		ж.ст.				1912	4,2	7,1	63,8
36	Усть-Ижора	В-м		2,9	с	ИГ	694	82		1,3		
36	<i>Путилово</i>	В-м		2,2	с	ИГ	252	42		0,0		
37	ВЫБОРГ	ВНЕ	23,5	23,5	цг	ИГ				80,9	10,7	30,7
37	ПРИОЗЕРСК (Кексгольм)	ВНЕ	1,3	1,4	мест.	ИГ				20,1	8,6	53,1
37	СВЕТОГОРСК (Энсо)	ВНЕ			ж.ст.				1940	15,5	40,4	94,0
37	ПРИМОРСК (Койвисто)	ВНЕ		4,5	мест.					6,4	4,9	44,1
37	КАМЕННОГОРСК (Антреа)	ВНЕ			ж.ст.				1940	6,3	14,4	95,8
37	ВЫСОЦК (Тронгзунд)	ВНЕ			укр.				1940	1,2	1,2	0,0
38	КИНГИСЕПП (Ямбург)	В-м	4,2	4,2	уг	ИГ	134	38		50,8	12,7	67,1
38	СЛАНЦЫ	В-м							1949	39,8	9,2	79,0
38	ИВАНГОРОД	В-м			укр.				1954	11,9	3,1	34,3
39	ЛУГА	В-м	5,7	5,6	уг	ИГ	375	11		40,4	12,4	52,1
39	<i>Торковичи</i>	В-м		1	с	ИГ	957	89		0,0		
40	КИРИШИ	СД			с				1965	56,3	61,8	89,8
40	ВОЛХОВ (Званка)	СД			ж.ст.	бг			1933	49,5	5,7	38,1
40	СЯСЬСТРОЙ (Сясские Рядки)	СД	0,8	1,2	прист.	ИГ	157	1	1992	14,4		
40	НОВАЯ ЛАДОГА	СД	4,1	3,9	уг	ИГ	218	3		10,9	8,2	54,5
41	ТИХВИН	СД	6,6	6,6	уг	ИГ	260	10		68,3	9,3	64,2
41	ПИКАЛЕВО	СД							1954	25,5	29,1	87,6
41	БОКСИТОГОРСК	СД							1950	20,4	15,1	86,2
41	<i>Сомино</i>	СД		1,1	с	ИГ	124	1		0,0		
42	ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ	СД	1,4	1,4	уг	ИГ	213	3		24,9	5,6	27,5
42	ПОДПОРОЖЬЕ	СД			с				1956	21,5	4,7	51,6

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
42	НИКОЛЬСКОЕ	СД		2,5	пос.	ИГ	126	4	1990	17,7		
42	Вознесенье	СД		1,1	с	ИГ	486	3		3,1		
НОВГОРОДСКАЯ ОБЛ.												
43	НОВГОРОД	СД	26,1	25,7	цг	ИГ	219	14		231,3	22,5	55,1
43	ЧУДОВО	СД	1,0	1,3	ж.ст.	ИГ	601	58	1937	17,6	14,5	62,4
43	<i>Волхов Мост (Волхов, -во)</i>	СД	1,5	3,5	ж.ст.	ИГ	526	51				
43	МАЛАЯ ВИШЕРА	СД	5,8	4,8	пос.	ИГ	225	58	1921	14,8	6,1	45,6
43	СОЛЬЦЫ	СД	5,5	4,6	пос.-г	ИГ	306	25	1914	12,9	5,7	25,5
43	Бронницы + Пролетарий (Бронницы Новгородские)	СД	1,0	1,1	с	ИГ	113	7		5,3		
43	Грузино + Краснофарфорный	СД	0,3	1,5	с	ИГ	558	59		1,9		
43	<i>Медведь</i>	СД	1,5	1,8	с	ИГ	365	13				
44	СТАРАЯ РУССА	СД	15,2	15,2	уг	ИГ	244	5		39,9	9,6	49,6
44	ХОЛМ	СД	5,9	5,9	уг	ИГ	98	7		4,7	7,8	16,2
45	БОРОВИЧИ	В-м	9,4	9,4	уг	ИГ	318	28		61,5	13,5	59,8
45	ОКУЛОВКА	В-м			пос.				1965	15,9	7,3	50,6
46	ВАЛДАЙ	В-м	3,5	2,9	уг	ИГ	352	6		19,7	6,0	28,5
46	Крестцы	В-м	2,6	2,6	уг	ИГ	115	40		10,6		
46	Демянск	В-м	1,6	1,6	уг	ИГ	152	1		6,1		
47	ПЕСТОВО	В-м							1965	16,3	6,8	45,3
ПСКОВСКАЯ ОБЛ.												
48	ПСКОВ	В-м	30,4	30,5	цг	ИГ	438	10		203,9	10,8	41,4
48	ОСТРОВ	В-м	6,3	7,2	уг	ИГ	953	1		29,8	4,8	41,2
48	ПЕЧОРЫ	В-м	1,4	1,3	приг.	ИГ	378	1		14,1	5,4	27,1
48	ПОРХОВ	В-м	5,6	5,8	уг	ИГ	359	21		13,7	6,0	36,9
48	ДНО	В-м		0,8	с	бг			1925	11,7	4,8	23,2
48	ПЫТАЛОВО	В-м			с				1933	7,1	3,2	20,5
48	<i>Изборск</i>	В-м	0,5	0,9	с	ИГ	384	41				
49	ГДОВ	В-м	2,2	2,1	уг	ИГ	153	2		5,8	7,1	25,1
50	ОПОЧКА	В-м	5,7	5,7	уг	ИГ	255	20		15,4	5,6	37,2
50	НОВОРЖЕВ	В-м	2,8	2,8	уг	ИГ	241	1		4,8	8,1	43,9
51	ВЕЛИКИЕ ЛУКИ	В-м	8,5	8,5	уг	ИГ	162	16		117,2	11,6	68,2

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
51	НЕВЕЛЬ	В-м	10,0	9,8	уг	ИГ	184	6		21,1	5,3	52,1
51	НОВОСОКОЛЬНИКИ	В-м			с	бг			1925	10,2	6,6	32,0
51	СЕБЕЖ	В-м	4,3	4,3	уг	ИГ	211	1		6,6	6,8	41,2
51	ПУСТОШКА	В-м			с				1925	6,1	6,1	13,0
БРЯНСКАЯ ОБЛ.												
52	БРЯНСК	В-умос	23,5	24,8	уг	ИГ	197	21		459,0	13,0	45,9
52	[Радица-Бежица]	В-умос		26,5	с	ИГ	567	98		часть Брянска		
52	ДЯТЬКОВО	В-умос		5	с	ИГ	141	63	1938	34,7	7,8	45,0
52	КАРАЧЕВ	В-умос	15,6	15,5	уг	ИГ	249	31		21,6	5,5	46,6
52	ЖУКОВКА	В-умос		1,6	завод	ИГ	350	27	1962	20,1	5,7	30,7
52	СЕЛЬЦО	В-умос			с				1990	19,8	4,0	37,2
52	ПОЧЕП	В-умос	8,3	9,7	пос.	ИГ	164	16	1919	18,0	5,9	44,9
52	ТРУБЧЕВСК	В-умос	6,9	7,4	уг	ИГ	303	37		17,6	4,8	37,4
52	ФОКИНО (Цементный)	В-умос			пос.				1964	15,5	24,3	90,1
52	Рогнедино	В-умос		1,7	с	ИГ	170	21		3,4		
55	СЕВСК	В-умос	9,2	9,2	уг	ИГ	229	19		7,9	5,4	35,3
53	КЛИНЦЫ	В-убел	11,9	13	пос.	ИГ	402	77	1925	69,0	8,8	44,1
53	НОВОЗЫБКОВ	В-убел	15,5	15	уг	ИГ	182	47		43,4	5,4	12,4
53	ЗЛЫНКА	В-убел		5	пос.	ИГ	189	67	1925	5,4	3,2	31,6
53	<i>Новое Место</i>	В-убел	1,5		г	ап						
54	УНЕЧА	В-убел			ж.ст.				1940	30,6	6,1	40,8
54	СТАРОДУБ	В-убел	12,2	12	уг	ИГ	110	14		19,3	6,0	49,2
54	СУРАЖ	В-убел	4,0	4	уг	ИГ	195	55		13,1	6,3	71,2
54	Погар	В-убел	5,0		г	ап				12,0		
54	МГЛИН	В-убел	7,6		уг	ап				8,7	5,0	30,1
54	<i>Воронок</i>	В-убел	5,8	3,7	г	ИГ	140	41				
54	<i>Еленка</i>	В-убел		1,9	с	ИГ	252	82				
54	<i>Баклань</i>	В-убел		1,6	с	ИГ	117	57				
55	—	В-убел										
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛ.												
56	ВЛАДИМИР	В-умос	28,3	29,5	цг	ИГ	334	10		336,1	17,8	65,9
56	СОБИНКА (Собино)	В-умос		3,7	пос.	ИГ	1547	99	1939	22,7	5,1	52,6

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
56	ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКИЙ	В-умос	5,6	5,7	уг	ИГ	535	70		21,5	10,7	60,3
56	ЛАКИНСК (Ундо́л)	В-умос		3,8	с	ИГ	1547	97	1969	18,6		
56	ПЕТУШКИ	В-умос		1,2	пос.	ИГ	391	44	1965	18,6	7,2	56,4
56	ПОКРОВ	В-умос	2,9	2,8	уг	ИГ	472	6		16,5	6,5	49,4
56	КАМЕШКОВО	В-умос							1951	15,0	4,3	63,2
56	СУДОГДА	В-умос	3,4	3,2	уг	ИГ	447	71		14,5	11,4	75,8
56	СУЗДАЛЬ	В-умос	8,0	6,4	уг	ИГ	248	1		11,9	8,8	46,3
56	КОСТЕРЕВО	В-умос			пос.				1981	10,6	4,5	45,0
56	РАДУЖНЫЙ	В-умос							1991	17,9		
56	Ставрово	В-умос		1,7		ИГ	466	53		8,5		
56	Боголюбово	В-умос		1,4	с	ИГ	108	32		4,2		
56	<i>Черкутино</i>	В-умос		0,9	с	ИГ	209	1				
56	<i>Второво</i>	В-умос		0,9	ж.ст.	ИГ	130	1				
56	<i>Мошок</i>	В-умос		1,8	с	ИГ	111	5				
56	<i>Филипповское</i>	В-умос		0,9	с	ИГ	253	56				
57	АЛЕКСАНДРОВ	В-умос	6,8	6,8	уг	ИГ	304	21		66,1	7,9	38,6
57	КОЛЬЧУГИНО (Келлерово)	В-умос		1,8	пос.	ИГ	3452	98	1931	45,9	18,2	72,2
57	КИРЖАЧ	В-умос	5,0	4,8	г	ИГ	768	83		25,3	6,7	37,9
57	СТРУНИНО (Бараново + Соколово)	В-умос		13,9	пос.	ИГ	351	99	1938	17,2		
57	КАРАБАНОВО	В-умос		0,9	пос.	бг			1938	17,0		
58	КОВРОВ	В-умос	14,6	14,6	уг	ИГ	417	62		162,4	10,8	71,6
58	ВЯЗНИКИ	В-умос	7,4	8,8	уг	ИГ	567	45		42,9	15,7	53,8
58	ГОРОХОВЕЦ	В-умос	2,8	2,3	уг	ИГ	212	22		16,1	7,5	56,3
58	Никологоры	В-умос		1,1		ИГ	1074	80		6,5		
58	Мстера	В-умос	4,0	4,1	сл.	ИГ	208	32		6,1		
58	Оргтруд (Лемешок)	В-умос		2	сл.	ИГ	765	94		4,7		
58	<i>Фоминка</i>	В-умос		1,2	с	ИГ	297	1				
59	МУРОМ	В-умос	12,6	17	уг	ИГ	366	42		142,2	16,6	73,0
59	МЕЛЕНКИ	В-умос	8,9	8,9	уг	ИГ	294	66		17,9	8,7	54,7
60	ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ (Гусь Мальцевский)	В-умос		12	пос.	ИГ	646	94	1931	74,0	9,5	63,1

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	ИВАНОВСКАЯ ОБЛ.											
61	ИВАНОВО (Иваново-Вознесенск)	В-у-мос	54,0	54,2	г	ИГ	1304	82		463,8	12,9	59,5
61	ШУЯ	В-у-мос	19,0	19,6	уг	ИГ	941	76		67,6	8,2	49,2
61	ФУРМАНОВ (Середа)	В-у-мос		7,4	пос.	ИГ	1251	94	1918	42,2	8,4	65,3
61	ТЕЙКОВО	В-у-мос		5,8	пос.	ИГ	383	93	1918	39,5	3,6	61,6
61	РОДНИКИ	В-у-мос		3,2	пос.	ИГ	1621	90	1918	31,0	7,0	53,8
61	КОХМА	В-у-мос		3,3	с	ИГ	1848	93	1925	27,4	7,8	49,9
61	ПРИВОЛЖСК (Яковлевское)	В-у-мос		2,8	с	ИГ	1073	94	1938	19,9	7,6	77,6
61	КОМСОМОЛЬСК	В-у-мос							1950	10,7	7,6	34,5
61	Лежнево	В-у-мос		2,7	ж.ст.	ИГ	1543	81		8,5		
61	Палех	В-у-мос		1,4	с	ИГ	293	56		6,1		
61	Писцово	В-у-мос		3,8	с	ИГ	486	89		3,9		
61	Лух	В-у-мос	1,9	1,9	г	ИГ	213	10		3,4		
61	ПЛЕС	В-у-мос	2,2	2,2	г	ИГ	370	39		3,1	3,5	
61	<i>Васильевское</i>	В-у-мос		1,1	с	ИГ	466	28				
62	КИНЕШМА	В-у-мос	7,5	10	уг	ИГ	530	29		99,9	8,7	53,1
62	ВИЧУГА	В-у-мос		4,2	пос.	ИГ	2740	90	1925	46,4	5,7	39,3
62	[Тезино]	В-у-мос		2,5	с	ИГ	236	97		часть Вичуги		
62	ЗАВОЛЖСК	В-у-мос			пос.				1934	15,0	5,3	57,5
62	НАВОЛОКИ	В-у-мос			пос.				1938	12,2	7,7	90,4
63	ЮЖА	В-у-мос		4	с	ИГ	1192	98	1925	19,0	3,1	47,6
63	ЮРЬЕВЕЦ	В-у-мос	4,8	4,8	уг	ИГ	418	36		14,8	4,2	17,1
63	ПУЧЕЖ	В-у-мос	3,0	2,5	г	ИГ	877	55		11,9	8,8	34,3
63	Холуй	В-у-мос	3,5	2,2	сл.	ИГ	100	26		1,2		
63	<i>Пестяки</i>	В-у-мос		1,5	с	ИГ	394	3				
64	ГАВРИЛОВ ПОСАД	В-у-мос	1,2	2,1	г	ИГ	681	49		8,0	9,7	24,7
64	Ильинское-Хованское	В-у-мос	1,0	1,3	с	ИГ	488	8		4,3		
64	<i>Аньково</i>	В-у-мос		1,5	с	ИГ	311	10				
	КАЛУЖСКАЯ ОБЛ.											
				107,1								
65	КАЛУГА	В-у-мос	49,7	49,5	цг	ИГ	186	15		345,0	13,7	50,8
65	ОБНИНСК	В-у-мос							1956	109,9	12,8	32,2

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
65	МАЛОЯРОСЛАВЕЦ	В-у-мос	2,5	2,5	уг	ИГ	228	4		29,3	10,3	36,0
65	БАЛАБАНОВО	В-у-мос			ж.ст.				1972	20,3	8,2	84,7
65	КОНДРОВО	В-у-мос		3	с	бг			1938	17,8	20,5	71,0
65	БОРОВСК	В-у-мос	8,4	8,4	уг	ИГ	152	29		14,1	5,0	33,6
65	ТАРУСА	В-у-мос	2,0	2	уг	ИГ	131	8		10,2	5,0	29,9
65	МЕДЫНЬ	В-у-мос	4,4	4,4	уг	ИГ	149	36		8,1	9,6	65,9
65	Полотняный Завод	В-у-мос		3,7	пос.	ИГ	281	40		5,8		
65	ЮХНОВ	В-у-мос	2,3	2,2	уг	ИГ	260	1		5,4	9,1	16,8
65	Мятлево	В-у-мос		0,8		ИГ	1379	24		1,9		
65	Дугна	В-у-мос		1,4		ИГ	181	71		0,9		
65	<i>Перемышль</i>	В-у-мос	3,6	1,7	уг	ИГ	191	7				
65	<i>Воротынский</i>	В-у-мос		0,8	г	ап						
65	ЖУКОВ (Жуково + Протва)	В-у-мос			с				1996	13,4		
66	КОЗЕЛЬСК	В-у-мос	5,9	5,6	уг	ИГ	190	14		20,8	4,0	47,7
66	СУХИНИЧИ	В-у-мос	5,5	5,4	г	ИГ	333	9		17,0	8,3	36,9
66	СОСЕНСКИЙ	В-у-мос							1992	14,8	5,9	78,6
66	МЕЩОВСК	В-у-мос	3,6	3,6	уг	ИГ	281	40		5,1	3,2	17,8
66	МОСАЛЬСК	В-у-мос	2,7	2,6	уг	ИГ	297	9		4,7	5,8	27,2
66	<i>Щелканово</i>	В-у-мос		1	с	ИГ	115	1				
66	<i>Серпейск</i>	В-у-мос		1,0	г	ап						
67	ЛЮДИНОВО	В-у-мос	12,0	8	завод	бг			1938	44,2	8,9	64,7
67	КИРОВ (Песочня)	В-у-мос	5,0	5,2	с	бг			1936	40,5	9,5	64,4
67	Думиничи	В-у-мос		2,3	пос.	ИГ	648	73		7,4		
67	ЖИЗДРА	В-у-мос	6,0	6	уг	ИГ	126	3		6,1	4,9	37,6
67	СПАС-ДЕМЕНСК	В-у-мос		1	мест.	ИГ	523	6	1917	6,0	6,4	15,6
67	Плохино	В-у-мос		3	с	ИГ	205	1				
	КОСТРОМСКАЯ ОБЛ.		18,9	29,5								
68	КОСТРОМА	В-у-мос	41,3	43,7	цг	ИГ	599	48		288,5	13,4	53,1
68	ВОЛГОРЕЧЕНСК	В-у-мос							1994	20,9		
68	НЕРЕХТА	В-у-мос	3,0	3,1	уг	ИГ	486	43		12,2	6,6	68,6
68	Красное-на-Волге	В-у-мос	2,0	2,6	с	ИГ	141	1		8,2		
68	Судиславль	В-у-мос	1,4	1,4	г	ИГ	544	11		5,6		

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
69	ЧУХЛОМА	В-у-мос	2,2	2,2	уг	ИГ	319	3		26,1	4,0	23,6
69	БУЙ	В-у-мос	2,6	2,6	уг	ИГ	201	7		18,1	7,8	69,8
69	СОЛИГАЛИЧ	В-у-мос	3,4	3,4	уг	ИГ	216	12		5,5	9,0	72,2
69	ГАЛИЧ	В-у-мос	6,2	6,2	уг	ИГ	252	10		4,0	33,9	92,6
69	<i>Молвитино</i>	В-у-мос		1,4	с	ИГ	346	10				
70	ШАРЬЯ	СД			с				1938	28,4	6,9	52,8
71	МАНТУРОВО	СД			с				1958	28,3	6,5	78,8
71	МАКАРЬЕВ	СД	6,1	6	уг	ИГ	146	6		20,9	4,0	31,4
71	КОЛОГРИВ	СД	2,6	2,5	уг	ИГ	91	32		8,4	3,7	47,2
71	НЕЯ	СД			пос.				1958	7,2	5,2	84,6
71	Кадый	СД		1,1	г	ап				3,9		
71	<i>Унжа</i>	СД		1,3	г	ап						
71	<i>Парфеньево (Парфентьев)</i>	СД	0,9	1,2	пос.	ИГ	144	8				
72	МОСКВА	В-у-мос	1035,6	1038,6	СТО- лица	ИГ	1146	27		8298,9	37,7	26,1
72	ЗЕЛЕНОГРАД (Крюково)	В-у-мос			ж.ст.				1963	205,8		
МОСКОВСКАЯ ОБЛ.												
72	[Всехсвятское]	В-у-мос		1,4	с	ИГ	431	67		часть Москвы		
72	ПОДОЛЬСК	В-у-мос	3,8	3,8	уг	ИГ	532	19		195,4	9,1	83,8
72	ЛЮБЕРЦЫ	В-у-мос			с				1925	165,6	3,4	63,2
72	МЫТИЩИ	В-у-мос	1,0		ж.ст.				1925	155,4	10,6	68,7
72	ЭЛЕКТРОСТАЛЬ (Затишье)	В-у-мос			с				1938	148,0	24,1	87,6
72	СЕРПУХОВ	В-у-мос	24,5	31,2	уг	ИГ	687	70		136,9	6,3	73,1
72	ХИМКИ	В-у-мос			ж.ст.				1939	134,5	6,5	40,4
72	КОРОЛЕВ (Подлипки, Калининград)	В-у-мос			пос. + ж.ст.				1938	134,0	8,4	59,6
72	ЮБИЛЕЙНЫЙ (часть Калининграда)	В-у-мос							1992	27,1		
72	БАЛАШИХА	В-у-мос			пос.				1939	133,4	3,8	51,0
72	ОДИНЦОВО	В-у-мос			с				1957	128,7	3,4	56,4
72	НОГИНСК (Богородск)	В-у-мос	11,2	20,4	уг	ИГ	988	85		118,0	7,2	58,6
72	СЕРГИЕВ ПОСАД	В-у-мос	25,0	15,1	пос.	ИГ	122	15	1919	112,2	10,3	75,7
72	ЩЕЛКОВО	В-у-мос		4,6	пос.	ИГ	2215	95	1925	105,8	8,7	75,6
72	ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ (Обираловка)	В-у-мос			пос.				1952	101,1	3,3	100,0

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
72	ЖУКОВСКИЙ (Отдых)	В-у-мос			пос.				1957	97,4	4,8	22,4
72	КЛИН	В-у-мос	5,1	5,2	уг	ИГ	408	22		90,8	16,5	73,7
72	КРАСНОГОРСК (Баньки)	В-у-мос			с				1940	90,1	10,3	34,8
72	РАМЕНСКОЕ	В-у-мос		8,5	пос.	ИГ	844	86	1926	85,4	8,5	42,5
72	ВОСКРЕСЕНСК	В-у-мос		1	ж.ст.	бг			1938	80,5	22,2	76,8
72	ПУШКИНО	В-у-мос	2,0	3,1	ж.ст.	ИГ	356	71	1925	71,1	4,0	41,3
72	РЕУТОВ	В-у-мос			с				1940	70,7	4,0	28,2
72	ДОЛГОПРУДНЫЙ	В-у-мос			пос.				1957	67,4	5,7	67,5
72	ПАВЛОВСКИЙ ПОСАД	В-у-мос	1	10	пос.-г	ИГ	742	69		66,8	5,8	41,1
72	ДМИТРОВ	В-у-мос	4,6	4,5	уг	ИГ	243	9		64,1	12,0	44,3
72	ЛОБНЯ	В-у-мос			пос.				1961	60,4	3,0	29,5
72	ЧЕХОВ (Лопасня)	В-у-мос		1,2	с	ИГ	483	7	1954	59,0	8,7	84,0
72	НАРО-ФОМИНСК	В-у-мос		4,6	пос.	ИГ	823	95	1926	57,9	8,3	40,9
72	ДОМОДЕДОВО	В-у-мос			пос.				1947	56,7	5,6	37,5
72	КЛИМОВСК	В-у-мос			пос.				1940	56,7	2,0	63,2
72	СОЛНЕЧНОГОРСК (Солнечная Гора, Подсолнечная)	В-у-мос		1,5	с + ж.ст.	ИГ	651	74	1938	56,5	6,6	62,5
72	ВИДНОЕ	В-у-мос			с + ж.ст.				1949	54,3	9,2	81,3
72	ФРЯЗИНО	В-у-мос			с				1951	53,4	3,2	23,0
72	ЛЫТКАРИНО	В-у-мос			пос.				1957	50,5	3,8	38,6
72	ИВАНТЕЕВКА	В-у-мос			пос.				1936	50,2	5,5	50,8
72	ДЗЕРЖИНСКИЙ	В-у-мос			монаст.				1981	37,1	41,6	89,7
72	ПРОТВИНО	В-у-мос							1960	37,0	2,6	32,3
72	ИСТРА (Воскресенск)	В-у-мос		2,9	г	ИГ				32,3		
72	ТРОИЦК	В-у-мос			с				1977	30,9	5,5	14,4
72	КРАСНОЗАВОДСК	В-у-мос							1940	30,1	5,7	84,3
72	ЩЕРБИНКА	В-у-мос			ж.ст.				1975	29,3	4,3	88,1
72	ДЕДОВСК	В-у-мос			с				1940	28,7	7,7	73,9
72	КРАСНОАРМЕЙСК (Муромцево)	В-у-мос			пос.				1946	26,8	1,8	2,1
72	КРАСНОЗНАМЕНСК	В-у-мос								27,2		
72	ХОТЬКОВО	В-у-мос			с				1949	21,9	2,3	19,1
72	ЛОСИНО-ПЕТРОВСКИЙ	В-у-мос			пос.				1951	21,3	1,0	

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
72	ПУЩИНО	В-умос							1966	20,7	1,1	21,0
72	АПРЕЛЕВКА	В-умос			ж.ст.				1961	20,1	1,9	37,9
72	ЭЛЕКТРОГОРСК	В-умос							1946	19,2	32,4	91,0
72	СХОДНЯ	В-умос			ж.ст.				1961	19,0	28,1	27,3
72	ЭЛЕКТРОУГЛИ	В-умос			ж.ст.				1956	17,4	5,5	78,0
72	БРОННИЦЫ	В-умос	3,8	3,9	уг	ИГ	406	4		17,1	9,8	41,0
72	РУЗА	В-умос	2,5	2,8	уг	ИГ	357	3		16,1	5,2	9,2
72	ЯХРОМА	В-умос			пос.				1940	16,0	7,1	61,0
72	ЗВЕНИГОРОД	В-умос	2,1	2,4	уг	ИГ	152	1		13,7	7,3	54,4
72	ВЫСОКОВСК	В-умос			пос.				1940	11,8	1,4	
72	Обухово (Обуховская)	В-умос		4,2	сл.	ИГ	1069	88		10,8		
72	Купавна	В-умос		3,2	с	ИГ	1036	97		23,1		
72	Кубинка	В-умос		1,1		ИГ	312	62		10,1		
72	Быково	В-умос		0,8	ж.ст.	ИГ	572	1		9,6		
72	ВЕРЕЯ	В-умос	3,7	3,7	уг	ИГ	143	11		5,1	1,3	29,2
72	<i>Мячково</i>	В-умос		2,1	с	ИГ	140	27				
72	<i>Розачево</i>	В-умос		1,5	с	ИГ	309	7				
72	<i>Караваево ([Клюев Завод?])</i>	В-умос		2,5	пос.	ИГ	447	85				
72	<i>Хатунь</i>	В-умос		1,4	с	ИГ	146	35				
72	<i>Петровское</i>	В-умос		1,3	с	ИГ	108	23				
72	<i>Игнатьево</i>	В-умос		1,2	с	ИГ	412	50				
72	<i>Кудиново</i>	В-умос		1	с	ИГ	419	62				
72	<i>Конобеево</i>	В-умос		1	с	ИГ	263	1				
72	<i>Фаустово</i>	В-умос		0,9	с	ИГ	161	1				
72	[Глинки]	В-умос		1	с	ИГ	2973	92			санаторий «Монино»	
73	ВОЛОКОЛАМСК	В-умос	2,9	3,1	уг	ИГ	273	23		17,6	9,7	38,3
74	МОЖАЙСК	В-умос	4,8	3,9	уг	ИГ	347	2		30,4	11,3	54,6
75	СТУПИНО	В-умос			пос.				1938	66,8	16,1	63,7
75	КАШИРА	В-умос	4,0	4	уг	ИГ	257	7		42,2	33,2	84,8
75	ОЖЕРЕЛЬЕ	В-умос			с				1958	12,9	1,3	
76	КОЛОМНА	В-умос	21,0	25,4	уг	ИГ	798	58		151,9	7,1	62,5
76	ЛУХОВИЦЫ	В-умос	1,7	2,2	ж.ст.	бг			1957	32,7	6,1	21,9

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
76	ОЗЕРЫ	В-умос		11,2	пос.	ИГ	833	84	1925	28,1	6,8	65,5
76	ЗАРАЙСК	В-умос	8,1	8	уг	ИГ	506	26		26,1		
76	Белоомут	В-умос	5,7	5,8	с	ИГ	140	42		7,7		
76	<i>Малино</i>	В-умос		1,3	с	ИГ	151	1				
77	ОРЕХОВО-ЗУЕВО	В-умос	49,0	49	села	ИГ	621	89	1917	125,5	7,9	58,5
77	ЕГОРЬЕВСК	В-умос	19,4	19,2	уг	ИГ	812	62		72,8	8,5	54,1
77	ЛИКИНО-ДУЛЕВО	В-умос			пос.				1930	33,1	6,9	83,7
77	ШАТУРА	В-умос							1936	31,1	29,3	90,9
77	РОШАЛЬ	В-умос			пос.				1940	22,7	3,2	70,6
77	КУРОВСКОЕ	В-умос			пос.				1952	20,6	7,1	56,4
77	ДРЕЗНА	В-умос			ж.ст.				1940	12,5	1,8	41,0
77	<i>Дмитров Погост</i>	В-умос		1,5	с	ИГ	214	12				
78	ДУБНА	В-умос			с				1956	67,0	3,3	53,7
78	ТАЛДОМ	В-умос	1,2	1,3	с	ИГ	319	2	1918	14,1	6,2	28,2
ОРЛОВСКАЯ ОБЛ.												
79	ОРЕЛ	ЮД-о-ц	69,8	69,7	цг	ИГ	237	10		343,1	10,9	34,6
79	МЦЕНСК	ЮД-о-ц	9,4	9,8	уг	ИГ	203	26		51,1	10,3	53,4
79	БОЛХОВ	ЮД-о-ц	20,7	21,4	уг	ИГ	163	32		13,3	2,9	82,9
79	Кромы	ЮД-о-ц	5,4	5,5	уг	ИГ	204	1		7,8		
80	ДМИТРОВСК-ОРЛОВСКИЙ	В-умос	5,3	5,3	уг	ИГ	200	11		6,7	2,6	62,3
81	НОВОСИЛЬ	ЮД-о-ц	2,9	2,9	уг	ИГ	168	11		4,6	1,5	47,2
82	ЛИВНЫ	ЮД-о-ц	20,5	20,4	уг	ИГ	178	19		53,7	19,8	59,8
82	МАЛОАРХАНГЕЛЬСК	ЮД-о-ц	7,8	7,7	уг	ИГ	311	12		4,2	1,4	41,6
РЯЗАНСКАЯ ОБЛ.												
83	РЯЗАНЬ	В-умос	44,6	46,1	цг	ИГ	275	25		530,6	12,5	51,6
83	РЫБНОЕ	В-умос			ж.ст.				1961	18,7	2,6	42,7
83	МИХАЙЛОВ	В-умос	9,1	9,1	уг	ИГ	222	7		14,3	8,2	36,2
83	СПАССК-РЯЗАНСКИЙ	В-умос	4,7	4,7	уг	ИГ	178	8		9,4	5,4	23,1
83	СПАС-КЛЕПИКИ	В-умос		1,3	с	ИГ	700	3	1920	6,8	7,7	8,5
83	<i>Масолово</i>	В-умос		1,5	с	ИГ	143	78				
84	КАСИМОВ	В-умос	13,5	13,5	уг	ИГ	384	40		38,1	9,7	54,6
84	Тума	В-умос		0,9		ИГ	162	31		7,0		

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
84	Елатьма	В-умос		4,5	уг	ап				3,8		
84	Гусь-Железный (Баташов)	В-умос		4,8		ИГ	101	56		2,6		
85	САСОВО	ЮД-о-ц		5,8	с	ИГ	174	25	1926	33,1	7,4	68,6
85	ШАЦК	ЮД-о-ц		13,9	уг	ап				7,3	12,3	18,4
86	СКОПИН	ЮД-о-ц	14,7	13,2	уг	ИГ	233	8		28,0	8,2	31,4
86	Кадом	ЮД-о-ц	6,3		г	ап				7,0		
86	<i>Горлово</i>	ЮД-о-ц		3,9		ИГ	152	1				
87	РЯЖСК	ЮД-о-ц	13,0	14,8	уг	ИГ	148	5		25,4	5,1	40,2
87	НОВОМИЧУРИНСК	ЮД-о-ц							1981	21,9	99,0	97,0
87	КОРАБЛИНО	ЮД-о-ц			с				1965	16,2	13,6	75,0
87	Сараи	ЮД-о-ц		5,6	с	ИГ	173	58		8,0		
87	Ухолово	ЮД-о-ц		3,5	с	ИГ	369	1		5,9		
87	Пронск	ЮД-о-ц	7,8		уг	ап				5,0		
87	Сапозок	ЮД-о-ц	8,5		уг	ап				4,9		
87	Александроневский (Якимец)	ЮД-о-ц	2,0	2	с	ИГ	639	8		4,4		
СМОЛЕНСКАЯ ОБЛ.												
88	СМОЛЕНСК	В-убел	46,9	46,7	цг	ИГ	274	20		352,9	11,4	49,0
89	ЯРЦЕВО	В-убел		6,4	ж.ст.	ИГ	722	93	1926	58,0	6,2	31,7
88	ЕЛЬНЯ	В-убел	2,4	2,4	уг	ИГ	276	1		11,5	6,3	10,8
88	ПОЧИНОК	В-убел		0,8	ж.ст.	бг			1926	10,7	5,5	20,5
88	РУДНЯ	В-убел		2,9	с	ИГ	100	7	1926	10,7	12,9	63,4
88	ДЕМИДОВ (Поречье)	В-убел	5,7	5,7	уг	ИГ	138	2		9,7	6,1	5,4
88	ВЕЛИЖ	В-убел	12,2	12,2	уг	ИГ	106	1		9,1	3,5	13,8
88	ДУХОВЩИНА	В-убел	3,1	3,1	уг	ИГ	183	3		5,3	6,0	10,5
88	Красный	В-убел	2,7	2,7	уг	ИГ	169	1		5,3		
88	<i>Татарск</i>	В-убел		1,5	с	ИГ	146	7				
88	<i>Кадино</i>	В-убел		1,4	с	ИГ	103	10				
89	САФОНОВО	В-убел			ж.ст.				1952	54,5	10,3	48,3
89	ДОРОГОбУЖ	В-убел	6,6	6,5	уг	ИГ	208	3		13,4	8,7	1
90	РОСЛАВЛЬ	В-убел	17,8	17,7	уг	ИГ	227	34		59,8	12,8	62,7
90	ДЕСНОГОРСК	В-убел							1974	34,8	42,8	86,6
90	<i>Петровичи</i>	В-убел		1,4	с	ИГ	115	18				

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
91	ВЯЗЬМА	В-убел	15,7	15,6	уг	ИГ	607	39		60,4	13,3	55,1
91	ГАГАРИН (Гжатск)	В-убел	6,3	6,3	уг	ИГ	579	5		30,8	8,9	42,4
91	СЫЧЕВКА	В-убел	4,8	4,8	уг	ИГ	772	4		8,7	1	44,2
ТВЕРСКАЯ ОБЛ.												
92	ТВЕРЬ	В-умос	53,5	53,5	цг	ИГ	663	68		451,8	12,4	53,3
92	ТОРЖОК	В-умос	12,7	12,7	уг	ИГ	373	25		50,5	12,2	70,7
92	КОНАКОВО (Кузнецово)	В-умос		2,6	с	бг			1937	44,5	28,8	73,4
92	ЛИХОСЛАВЛЬ	В-умос		0,9	с	бг			1925	13,6	11,5	55,8
92	КУВШИНОВО	В-умос			с				1938	12,4	15,2	71,6
92	СТАРИЦА	В-умос	5,4	6,4	уг	ИГ	318	1		10,0	11,7	19,8
93	КИМРЫ	В-умос	6,0	7	с	ИГ	453	8	1917	59,7	7,4	45,0
93	КАШИН	В-умос	7,5	7,5	уг	ИГ	669	7		19,9	10,6	41,1
93	КАЛЯЗИН	В-умос	5,5	5,5	уг	ИГ	338	21		15,7	7,4	23,6
93	Кесова Гора	В-умос	1,1	1,1	с	ИГ	195	1		4,3		
93	<i>Нерль (Троица-Нерль, Троицкая)</i>	В-умос		0,9	сл.	ИГ	506	1				
93	[Корчева]	В-умос	2,4	2,4	уг	ИГ	245	1		затоплен		
94	БЕЖЕЦК	В-умос	9,1	9,4	уг	ИГ	837	13		30,6	10,6	54,5
94	ВЕСЬЕГОНСК	В-умос	3,5	3,4	уг	ИГ	214	1		9,4	9,5	37,2
94	КРАСНЫЙ ХОЛМ	В-умос	2,6	2,5	г	ИГ	611	2		7,8	8,9	28,3
95	РЖЕВ	В-умос	21,4	21,2	уг	ИГ	413	19		69,2	7,1	57,0
95	ЗУБЦОВ	В-умос	3,0	2,9	уг	ИГ	377	2		8,1	13,6	16,0
95	<i>Ельцы</i>	В-умос		1	с	ИГ	149	1				
95	<i>Погорелое</i>	В-умос	2,5	1,6	пос.	ИГ	147	19				
96	НЕЛИДОВО	В-умос			ж.ст.				1949	29,0	8,7	60,9
96	ЗАПАДНАЯ ДВИНА	В-умос			ж.ст.				1937	11,0	9,6	43,2
96	БЕЛЫЙ	В-умос	7,0		уг					5,3	6,1	23,6
96	<i>Ильино</i>	В-умос		1,4	с	ИГ	120	1				
97	ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК	В-м	16,7	18,4	уг	ИГ	338	40		61,4	10,5	52,5
97	[Борозда + Долгих]	В-м		1,7	с	ИГ	176	33		часть В.Волочка и затоплений		
97	УДОМЛЯ	В-м			ж.ст.				1981	34,1	33,0	86,4
97	БОЛОГОЕ	В-м	1	5,8	ж.ст.	ИГ	158	12	1926	31,6	6,2	37,7
98	ОСТАШКОВ	В-м	10,5	10,4	уг	ИГ	229	46		22,3	6,9	45,1

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
98	Селижарово	В-м	1,6	1,3	пос.	ИГ	320	1		7,7		
99	ТОРОПЕЦ	В-м	7,5	7,4	уг	ИГ	178	11		17,4	11,2	29,6
99	АНДРЕАПОЛЬ	В-м			с				1967	10,6	8,5	14,7
ТУЛЬСКАЯ ОБЛ.												
100	ТУЛА	В-умос	111,0	114,7	цг	ИГ	309	46		515,5	15,0	63,2
100	АЛЕКСИН	В-умос	2,3	3,4	уг	ИГ	251	12		70,6	11,1	64,1
100	ЩЕКИНО	В-умос			пос.				1938	65,3	15,3	62,9
100	КИРЕЕВСК	В-умос			пос.				1956	29,0	2,0	52,5
100	ЯСНОГОРСК (Лаптево)	В-умос			с				1958	20,5	11,4	57,2
100	БОЛОХОВО	В-умос			с				1943	11,9	2,2	74,1
100	ЛИПКИ	В-умос			с				1955	10,3	1,6	49,8
100	СОВЕТСК	В-умос							1954	9,4	42,4	98,6
100	Одоев	В-умос	4,4	4,3	уг	ИГ	136	3		7,0		
100	<i>Крапивна</i>	В-умос	6,8	6,1	уг	ИГ	157	43				
101	СУВОРОВ	В-умос			с				1954	21,4	42,9	88,1
101	БЕЛЕВ	В-умос	9,5	9,5	уг	ИГ	235	11		17,6	5,9	51,5
101	Чернь	В-умос	2,6	3,6	уг	ИГ	109	3		6,8		
101	Ханино	В-умос		1,1	с	ИГ	219	73		1,4		
101	ЧЕКАЛИН (Лихвин)	В-умос	1,8	1,6	уг	ИГ	116	3		1,2	1,7	43,5
102	ЕФРЕМОВ	ЮД-о-ц	9,0	9	уг	ИГ	564	14		54,9	17,3	68,9
103	НОВОМОСКОВСК (Бобрики)	ЮД-о-ц			с				1930	140,4	21,0	70,1
103	УЗЛОВАЯ	ЮД-о-ц	2,0	2	ж.ст.	бг			1938	60,9	11,7	57,8
103	КИМОВСК (Михайловка)	ЮД-о-ц		3,5	ж.ст.	бг			1952	36,1	6,7	51,1
103	ДОНСКОЙ	ЮД-о-ц			пос.				1939	35,1	4,4	52,2
103	БОГОРОДИЦК	ЮД-о-ц	4,8	4,7	уг	ИГ	401	22		33,2	9,1	35,7
103	СЕВЕРО-ЗАДОНСК	ЮД-о-ц							1950	19,2	3,4	65,5
103	ПЛАВСК (Сергиевское)	ЮД-о-ц		3,8	ж.ст.	ИГ	1341	29	1949	15,9	5,2	51,3
103	ВЕНЕВ	ЮД-о-ц	5,2	5,1	уг	ИГ	221	8		15,3	3,1	55,6
103	СОКОЛЬНИКИ	ЮД-о-ц							1958	11,5	3,8	46,1
103	Епифань	ЮД-о-ц	4,2	4,1	уг	ИГ	158	21		2,4		
ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛ.												
104	ЯРОСЛАВЛЬ	В-умос	70,6	71,6	цг	ИГ	718	52		618,8	24,0	68,5

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
104	[Норский Посад]	В-умос	4,0	4,2	пос.	ИГ	671	93				часть Ярославля	
104	ТУТАЕВ (Романов-Борисоглебск)	В-умос	6,5	6,7	уг	ИГ	435	49			45,7	11,2	70,2
104	ГАВРИЛОВ-ЯМ	В-умос		2,1	пос.	ИГ	934	93	1938	20,1	8,7	49,4	
104	<i>Курба</i>	В-умос	1,2	1	с	ИГ	156	1					
104	<i>Давыдково</i>	В-умос		1		ИГ	181	11					
104	<i>Великое</i>	В-умос	4,0	4,5	с	ИГ	208	13					
104	<i>Б.Соли</i>	В-умос	1,5	1,5	пос.	ИГ	410	11					
105	РЫБИНСК	В-умос	25,2	25,3	уг	ИГ	771	9		244,4	13,3	59,6	
105	[Абакумово]	В-умос		2,1		ИГ	817	92				часть Рыбинска	
105	МЫШКИН	В-умос	2,2	2,3	уг	ИГ	311	1		6,6	3,6		
105	<i>Некоуз</i>	В-умос		0,8		ИГ	1164	2					
105	<i>Молога</i>	В-умос	4,2	4,2	уг	ИГ	364	5					
106	ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ	В-умос	8,6	10,6	уг	ИГ	909	68		44,9	11,8	52,5	
106	РОСТОВ	В-умос	13,0	13,7	уг	ИГ	649	35		36,3	11,8	48,0	
106	Борисоглебский (-кая, -кие)	В-умос		1,4	сл.	ИГ	432	4				6,3	
106	Петровск	В-умос	1,6	1,5	г	ИГ	545	17			5,9		
106	Поречье Ярославское	В-умос		2,2		ИГ	119	20			2,3		
106	<i>Воцажниково</i>	В-умос	1,0	0,8	с	ИГ	314	4					
107	ДАНИЛОВ	В-умос	4,3	4,5	уг	ИГ	286	6		17,5	9,6	23,2	
107	ЛЮБИМ	В-умос	3,0	3	уг	ИГ	132	2		6,4	6,8	30,1	
107	<i>Вятское</i>	В-умос		0,8		ИГ	312	1					
108	УГЛИЧ	В-умос	9,7	9,7	уг	ИГ	325	26		38,4	13,6	61,4	
108	<i>Заозерье</i>	В-умос		2,1		ИГ	246	18					
109	ПОШЕХОНЬЕ	СД	4,0	4	уг	ИГ	327	26		7,4	5,5	6,9	
РЕСП. МАРИЙ-ЭЛ													
110	ЙОШКАР-ОЛА (Царевококшайск)	В-увят	1,6	1,6	уг	ИГ	153	23		250,6	13,4	5	
111	ВОЛЖСК (Лопатино)	В-увят			пос.				1940	61,8	8,4	6	
111	ЗВЕНИГОВО	В-увят							1974	14,4	6,3	38,6	
112	КОЗЬМОДЕМЬЯНСК	В-увят	5,2	5,3	уг	ИГ	235	15		24,4	5,0	31,7	
112	Юрино	В-увят	2,2	2,2	пос.	ИГ	219	68		4,8			

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
РЕСП. МОРДОВИЯ												
113	САРАНСК	ЮД-ов	13,7	14,5	уг	ИГ	275	26		318,1	14,0	65,6
113	РУЗАЕВКА	ЮД-ов		1	с	бг			1937	50,8	9,8	62,3
113	Шишкеево (Шешкеев)	ЮД-ов	3,8		г	ап						
114	КОВЫЛКИНО (Лашма)	ЮД-ов			с				1960	23,2	6,0	49,2
114	КРАСНОСЛОБОДСК	ЮД-ов	7,4		уг	ап				11,9	4,5	25,4
114	Троицк-Пензенский	ЮД-ов	4,1		г	ап						
114	ИНСАР	ЮД-ов	4,2	4,2	уг	ИГ	139	1		9,7	5,7	25,8
115	ТЕМНИКОВ	В-умос	5,7	5,4	уг	ИГ	143	15		9,6	2,0	32,8
116	АРДАТОВ (А. Симбирский)	ЮД-ов	4,8	4,8	уг	ИГ	155	1		10,1	11,9	81,2
РЕСП. ЧУВАШИЯ												
117	ЧЕБОКСАРЫ	В-увят	4,6	4,7	уг	ИГ	379	26		456,3	15,9	49,5
117	НОВОЧЕБОКСАРСК	В-увят							1960	124,3	15,9	73,9
117	КОЗЛОВКА	В-увят			прист.				1967	13,0	3,1	74,1
117	МАРИИНСКИЙ ПОСАД	В-увят	5,0	3,3	г	ИГ	156	1		11,1	5,6	53,9
117	ЦИВИЛЬСК	В-увят	2,3	2,3	уг	ИГ	285	1		11,1	3,1	34,3
117	ЯДРИН	В-увят	2,5	2,4	уг	ИГ	312	84		10,9	9,3	60,7
118	КАНАШ (Шихраны)	В-увят			ж.ст.				1925	55,0	9,7	65,5
119	ШУМЕРЛЯ	В-увят							1937	40,6	6,6	55,9
120	АЛАТЫРЬ	ЮД-ов	11,1	12,2	уг	ИГ	152	40		47,1	4,7	56,5
КИРОВСКАЯ ОБЛ.												
121	КИРОВ (Вятка)	В-увят	24,8	25	цг	ИГ	324	25		465,4	20,5	53,9
121	КИРОВО-ЧЕПЕЦК	В-увят	3,2	3,2	уг	ИГ	283	3		10,7	4,4	37,7
121	<i>Истобенское</i>	В-увят		1,3	с	ИГ	123	1				
122	КОТЕЛЬНИЧ	В-увят	4,2	4,2	уг	ИГ	533	3		31,4	7,8	25,8
123	СОВЕТСК (Кукарка)	В-увят		5,2	пос.	ИГ	540	1	1937	19,8	5,4	41,0
123	ЯРАНСК	В-увят	4,8	4,8	уг	ИГ	623	3		21,4	12,2	66,7
123	Санчурск (Царевосанчурск)	В-увят	1,4	1,3	г	ИГ	1371	10		5,8		
124	НОЛИНСК	В-увят	4,8	4,8	уг	ИГ	582	13		10,7	8,7	10,5
124	УРЖУМ	В-увят	4,4	4,4	уг	ИГ	303	10		12,1	11,9	36,4
124	<i>Турек</i>	В-увят		1,9	с	ИГ	119	60				
124	<i>Шурма</i>	В-увят		1,4	с	ИГ	117	12				

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
125	ВЯТСКИЕ ПОЛЯНЫ	ЮД-ов			с	бг			1938	42,5	10,5	52,4
125	СОСНОВКА	В-увят		3,6	с	бг			1962	14,4	2,5	37,0
125	МАЛМЫЖ	В-увят	3,5	3,1	уг	ИГ	391	21		10,1	5,1	39,6
126	ЗУЕВКА	В-увят			ж.ст.				1944	14,8	4,2	22,7
127	ОМУТНИНСК (Омутная, Омутнинский Завод)	СД		4,7	завод	ИГ	129	37	1921	28,9	0,5	
127	КИРС (Кирсинский Завод)	СД		4	пос.	ИГ	150	83	1965	13,7	26,4	89,2
128	ЛУЗА	СД			ж.ст.				1944	13,0	11,3	56,3
128	МУРАШИ	СД			ж.ст.				1944	8,7	6,0	27,6
128	Лальск	СД	1,2	1,1	г	ИГ	195	1		5,2		
129	СЛОБОДСКОЙ	СД	1	10	уг	ИГ	338	48		35,1	13,3	70,9
129	БЕЛАЯ ХОЛУНИЦА (Белохолуницкий (Главный) Завод)	СД		6	завод	ИГ	211	79	1965	12,5	1	30,8
129	Черная Холуница (Чернохолуницкий Завод)	СД		2,3	завод	ИГ	311	57		2,0		
129	Климковка (Климковский)	СД		2	завод	ИГ	170	90				
129	Нижний погост	СД		1,6	с	ИГ	100	1				
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛ.												
130	НИЖНИЙ НОВГОРОД	В-умос	95,1	96,3	цг	ИГ	836	20		1364,2	15,8	63,7
130	[Сормово]	В-умос		14	сл.	ИГ	1311	86		часть Н. Новгорода		
130	[Молитовка]	В-умос		1,4		ИГ	346	10		часть Н. Новгорода		
130	ДЗЕРЖИНСК (Черное + Растяпино)	В-умос			с + ж.ст.				1930	280,7	3,5	
130	КСТОВО	В-умос			с				1957	69,4	33,1	91,5
130	БОР	В-умос		1,8	прист.	ИГ	323	10	1938	64,4	16,1	76,1
130	БАЛАХНА	В-умос	5,1	5,1	уг	ИГ	91	45		63,2	22,6	81,8
130	ЗАВОЛЖЬЕ (Пестово)	В-умос			с				1950	46,1	5,0	
130	БОГОРОДСК (Богородское)	В-умос	9,0	12,3	с	ИГ	262	60	1923	36,8	8,0	38,9
130	ГОРОДЕЦ	В-умос	7,0	6,3	с	ИГ	472	30		33,8	7,7	
130	СЕМЕНОВ	В-умос	3,7	3,7	уг	ИГ	246	53		26,0	7,1	65,2
130	ЧКАЛОВСК (Василево, Василева слобода)	В-умос		1	с	ИГ	178	1	1955	14,9	6,8	62,1
130	ВОЛОДАРСК (Сейма)	В-умос			с + ж.ст.				1956	10,7	3,5	
130	Катунки	В-умос		1,3	с	ИГ	97	21		1,0		
130	Безводное	В-умос		3,3	с	ИГ	206	45				

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
130	<i>Пурех</i>	В-умос		0,9	с	ИГ	162	31				
131	ПАВЛОВО	В-умос	12,0	12,4	с	ИГ	411	11	1929	71,1	17,2	73,1
131	ВОРСМА	В-умос	6,0	4,7	с	ИГ	167	64	1955	13,0	4,8	78,4
131	ГОРБАТОВ	В-умос	3,9	4,6	уг	ИГ	201	52		3,1	6,9	46,1
132	ВЫКСА	В-умос	8,2	2,6	с	ИГ	1227	88	1934	63,6	32,9	83,7
132	КУЛЕБАКИ	В-умос		6,8	с	ИГ	465	82	1932	45,0	1,7	
132	НАВАШИНО	В-умос			пос.				1957	18,7	8,0	42,3
132	Ардатов (А. Нижегородский)	В-умос	3,5	3,5	уг	ИГ	137	2		10,3		
132	Досчатое (Досчатый Завод)	В-умос		1,2	с	ИГ	353	56		5,1		
132	<i>Новоселки</i>	В-умос		1,1	с	ИГ	190	44				
132	<i>Озябликово</i>	В-умос		1,8	с	ИГ	233	11				
133	АРЗАМАС	В-умос	10,6	13,8	уг	ИГ	217	20		111,4	11,7	68,9
133	ПЕРВОМАЙСК (Ташино)	В-умос			пос.				1951	16,9	8,2	73,3
133	Вознесенское (-кий)	В-умос		3,5	завод	ИГ	392	93		7,8		
133	<i>Илев (Илевский завод)</i>	В-умос		3,6	с	ИГ	147	85				
134	ЛЫСКОВО	ЮД-ов	7,8	8,4	прист.	ИГ	225	16	1925	25,4	9,1	46,2
134	Перевоз (Пьянский Перевоз)	ЮД-ов	0,8		г	ап				9,3		
134	Большое Мурашкино	ЮД-ов	4,0	5,3	с	ИГ	128	62		6,8		
134	Воскресенское	ЮД-ов	1,5	1,8	с	ИГ	259	1		6,8		
134	КНЯГИНИНО (Княгинин)	ЮД-ов	3,0		уг	ап				6,7		
134	Васильсурск	ЮД-ов	3,7	3,8	уг	ИГ	178	48		1,4		
134	Макарьев	ЮД-ов	1,4		уг	ап				0,5		
134	<i>Курмыш</i>	ЮД-ов	3,5	3,1	уг	ИГ	95	1				
134	<i>Спасское</i>	ЮД-ов	4,5	1,7	с	ИГ	198	42				
135	СЕРГАЧ	ЮД-ов	1,7		уг	ап				24,7	3,7	
136	ЛУКОЯНОВ	ЮД-ов	2,1	2,1	уг	ИГ	343	1		11,6	8,3	17,7
136	<i>Починки</i>	ЮД-ов	9,9	9,8	г	ИГ	118	8				
136	САРОВ	ЮД-ов			монаст.				1939*	83,1		
137	ВЕТЛУГА	СД	5,2	6	уг	ИГ	175	14		10,5	4,7	38,0
137	Красные Баки (Баки)	СД		1,3	с	ИГ	128	41		8,6		
137	Варнавино (Варнавин)	СД	1,4	1,4	уг	ИГ	181	1		4,0		
137	Коверино	СД		1,1	с	ИГ	481	1				

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
138	ШАХУНЬЯ	СД			ж.ст.				1943	23,1	9,3	24,3
138	УРЕНЬ	СД		0,5	пос.	бг			1973	13,2	5,5	34,4
БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛ.												
139	БЕЛГОРОД	ЮД-о-ц	21,9	26,5	уг	ИГ	224	20		332,8	13,9	43,1
139	ШЕБЕКИНО	ЮД-о-ц			сл.				1938	46,1	9,3	41,6
139	Хотмыжск	ЮД-о-ц	1,8		г	ап				13,8		
139	Ивня (Богатый)	ЮД-о-ц	0,5		г	ап				7,9		
139	КОРОЧА	ЮД-о-ц	14,4	10,2	уг	ИГ	145	9		6,1	16,7	19,0
139	ГРАЙВОРОН	ЮД-о-ц	7,7		уг	ап				5,7	10,7	23,6
140	СТАРЫЙ ОСКОЛ	ЮД-о-ц	16,7	15,6	уг	ИГ	188	29		208,2	29,2	74,9
140	ГУБКИН (Коробково)	ЮД-о-ц			с				1955	85,1	32,0	79,4
140	НОВЫЙ ОСКОЛ	ЮД-о-ц	2,8	8,3	г	ИГ	111	3		20,7	9,0	20,5
140	Чернянка	ЮД-о-ц		5,8	с	ИГ	153	72		15,1		
140	<i>Красногвардейское (Бирюч)</i>	ЮД-о-ц	13,1		уг	ап						
141	АЛЕКСЕЕВКА	ЮД-о-ц	13,6	12,3	сл.	ИГ	113	49	1916	38,5	15,3	59,5
141	ВАЛУЙКИ	ЮД-о-ц	7,1	6,7	уг	ИГ	162	37		35,1	9,2	45,5
141	Уразово	ЮД-о-ц	10,1	12,9	сл.	ИГ	112	6		6,9		
ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛ.												
142	ВОРОНЕЖ	ЮД-о-ц	84,1	80,6	цг	ИГ	453	21		903,7	13,7	54,8
142	СЕМИЛУКИ	ЮД-о-ц			с				1954	23,0	17,0	85,1
142	Анна	ЮД-о-ц		2,2	с	ИГ	134	20		18,9		
142	<i>Землянск</i>	ЮД-о-ц	6,1		уг	ап						
142	<i>Нижнедевицк</i>	ЮД-о-ц	2,4	2,4	уг	ИГ	248	27				
143	ЛИСКИ	ЮД-о-ц	12,0	12	ж.ст.	бг			1937	55,7	7,3	79,0
143	НОВОВОРОНЕЖ	ЮД-о-ц							1987	40,2	21,8	87,3
143	ОСТРОГОЖСК	ЮД-о-ц	21,9	20,9	уг	ИГ	165	30		34,5	3,7	56,9
143	БОБРОВ	ЮД-о-ц	3,9	3,8	уг	ИГ	348	24		21,9	8,6	
143	<i>Коротояк</i>	ЮД-о-ц	9,4	9,3	уг	ИГ	116	87				
144	БОРИСОГЛЕБСК	ЮД-о-ц	22,4	22,3	уг	ИГ	448	23		65,7	8,6	51,7
144	ПОВОРИНО	ЮД-о-ц	8,9		с				1954	19,0	2,0	
144	НОВОХОПЕРСК	ЮД-о-ц	6,1	5,9	уг	ИГ	138	6		8,1	5,5	50,2
145	ЭРТИЛЬ	ЮД-о-ц			г					14,0	5,3	54,0

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
46	БУТУРЛИНОВКА	ЮД-дз	23,4	23,4	сл.	ИГ	119	74	1917	28,3	5,2	80,5
146	ПАВЛОВСК	ЮД-дз	7,2	7,3	уг	ИГ	211	6		27,5	10,3	60,4
146	КАЛАЧ	ЮД-дз	15,5	17,7	сл.	бг			1945	22,6	6,0	30,8
146	Кантемировка	ЮД-дз		8,7	сл.	ИГ	94	1		14,0		
146	БОГУЧАР	ЮД-дз	6,8	6,6	уг	ИГ	116	2		12,9	7,5	34,9
147	РОССОШЬ	ЮД-дз	11,0		сл.				1923	63,4	13,0	71,0
147	Ольховатка	ЮД-дз	8,4	7,9	сл.	ИГ	147	67		4,3		
147	<i>Сагуны</i>	ЮД-дз	3,4	5,7	сл.	ИГ	145	1				
КУРСКАЯ ОБЛ.												
148	КУРСК	ЮД-о-ц	75,7	75,7	цг	ИГ	231	18		441,3	12,5	46,0
148	КУРЧАТОВ	ЮД-о-ц							1983	48,0	27,8	81,0
148	ЩИГРЫ	ЮД-о-ц	3,3	6	уг	ИГ	244	9		20,9	5,2	4
148	ОБОЯНЬ	ЮД-о-ц	11,9	11,8	уг	ИГ	96	1		15,9	12,2	55,0
148	ФАТЕЖ	ЮД-о-ц	5,0	7,8	уг	ИГ	196	12		5,9	9,3	5
149	ЖЕЛЕЗНОГОРСК	ЮД-о-ц							1957	96,3	18,8	79,0
149	ДМИТРИЕВ-ЛЬГОВСКИЙ	ЮД-о-ц	7,3	6	уг	ИГ	175	14		11,0	10,8	52,0
149	<i>Михайловка</i>	ЮД-о-ц		4,4	с	ИГ	153	37				
150	ЛЬГОВ	ЮД-о-ц	5,4	4,3	уг	ИГ	160	24		24,1	8,3	45,0
150	РЫЛЬСК	ЮД-о-ц	11,4	10,2	уг	ИГ	145	7		19,7	12,4	45,0
150	СУДЖА	ЮД-о-ц	12,8	7,4	уг	ИГ	294	15		8,2	15,6	52,0
150	Коренево	ЮД-о-ц		4,5	с	ИГ	289	21		7,1		
151	Тим	ЮД-о-ц	7,4	7,4	уг	ап				4,5		
151	Касторное	ЮД-о-ц		2,1	с	ИГ	362	23		4,5		
ЛИПЕЦКАЯ ОБЛ.												
152	ЛИПЕЦК	ЮД-о-ц	20,3	20,5	уг	ИГ	205	25		475,4	43,2	80,4
152	ГРЯЗИ	ЮД-о-ц	1,7	4,2	ж.ст.	ИГ	596	71	1938	48,0	10,8	51,9
152	УСМАНЬ	ЮД-о-ц	9,8	9,9	уг	ИГ	221	11		20,4	13,0	50,1
152	Добринка	ЮД-о-ц		3,1	с	ИГ	380	1		10,3		
153	ЕЛЕЦ	ЮД-о-ц	37,5	46,9	уг	ИГ	314	31		120,0	11,3	56,0
153	<i>Чернава</i>	ЮД-о-ц		3	с	ИГ	163	89				
154	ДАНКОВ	ЮД-о-ц	9,1	9,1	уг	ИГ	183	4		24,7	14,7	68,3
154	ЛЕБЕДЯНЬ	ЮД-о-ц	13,3	12,7	уг	ИГ	145	6		22,3	14,2	56,8

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
154	ЧАПЛЫГИН (Раненбург)	ЮД-о-ц	15,3	15,3	уг	ИГ	98	4		14,2	8,3	4
153	ЗАДОНСК	ЮД-о-ц	8,3	7,5	уг	ИГ	104	1		11,3	9,7	22,0
ТАМБОВСКАЯ ОБЛ.												
155	ТАМБОВ	ЮД-о-ц	48,1	48	цг	ИГ	255	37		315,9	12,0	38,6
155	РАССКАЗОВО	ЮД-о-ц		10,9	с	ИГ	344	78	1926	48,9	6,9	45,3
155	КОТОВСК (Пороховой завод)	ЮД-о-ц							1940	38,6	18,2	79,5
155	Токаревка	ЮД-о-ц		2,5	с	ИГ	422	1		8,1		
156	МИЧУРИНСК (Козлов)	ЮД-о-ц	40,4	40,5	уг	ИГ	313	16		120,0	9,6	48,4
157	МОРШАНСК	ЮД-о-ц	27,7	26,4	уг	ИГ	278	33		49,3	1	45,5
158	КИРСАНОВ	ЮД-о-ц	10,7	9,3	уг	ИГ	994	9		20,2	13,0	39,3
158	Инжавино (Инжавинье)	ЮД-о-ц		3,5	с	ИГ	186	4		12,6		
158	Ржакса	ЮД-о-ц		3	с	ИГ	153	1		6,1		
159	УВАРОВО	ЮД-о-ц		10,2	с	ИГ	128	26	1966	33,8	4,6	33,3
160	ЖЕРДЕВКА	ЮД-о-ц			пос.				1954	19,4	8,0	46,2
160	<i>Бурнак</i>	ЮД-о-ц		4,5	с	ИГ	257	1				
160	<i>Бондари</i>	ЮД-о-ц		5,4	с	ИГ	150	80				
РЕСП. ТАТАРСТАН												
161	КАЗАНЬ	ЮД-о-в	131,5	129	цг	ИГ	598	23		1078,2	14,5	57,2
161	ЗЕЛЕНОДОЛЬСК	ЮД-о-в			с				1932	101,8	11,0	
161	Лаишево (Лаишев)	ЮД-о-в	3,7	3,7	уг	ап				7,5		
161	[Киркуль]	ЮД-о-в	3,8		пос.	ИГ	126	2				затоплен
161	<i>Арск</i>	ЮД-о-в	1,2	1,2	г	ИГ	190	1		15,6		
161	<i>Свияжск</i>	ЮД-о-в	2,4		уг	ап						
162	НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ	ЮД-о-в	1,0	5,7	прист.	ИГ	387	1	1930	525,1	17,9	67,3
162	НИЖНЕКАМСК (Соболеково)	ЮД-о-в			с				1966	220,9	54,0	89,1
162	ЕЛАБУГА	ЮД-о-в	9,8	9,7	уг	ИГ	523	17		67,8		
162	ЗАИНСК	ЮД-о-в		4	пос.	ИГ	95	1	1978	42,5		
162	МЕНДЕЛЕЕВСК (Бондюжский)	ЮД-о-в			пос.				1967	21,2	25,0	
162	АГРЫЗ	ЮД-о-в			пос.				1938	19,0		
162	<i>Кукмор</i>	ЮД-о-в	2,7	2,6	пос.	ИГ	250	87		16,8		
162	МЕНЗЕЛИНСК	ЮД-о-в	7,5	7,5	уг	ИГ	129	2		15,7		

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
162	МАМАДЫШ	ЮД-ов	4,2	4,2	уг	ИГ	290	22		13,4		
162	<i>Шуган</i>	ЮД-ов		2,4	с	ИГ	110	1		0		
162	<i>Ижбобья</i>	ЮД-ов		1,2	с	ИГ	154	1		0		
163	АЛЬМЕТЬЕВСК	ЮД-ов		2,6	с	бг			1953	141,8	69,5	93,3
163	БУГУЛЬМА	ЮД-ов	7,6	7,5	уг	ИГ	155	3		94,5	15,0	
163	ЛЕНИНОГОРСК (Новая Письмянка)	ЮД-ов			с				1955	67,7	2	
163	АЗНАКАЕВО	ЮД-ов			с				1987	36,6	3	
164	ЧИСТОПОЛЬ	ЮД-ов	20,1	20,1	уг	ИГ	359	6		66,9	9,0	
164	НУРЛАТ	ЮД-ов							1961	27,9		
164	БОЛГАР (Спасск Казанский)	ЮД-ов	2,8	2,7	уг	ИГ	363	10		8,1		
165	БУИНСК	ЮД-ов	4,2	4,2	уг	ИГ	150	1		18,5		
165	ТЕТЮШИ	ЮД-ов	4,8	4,7	уг	ИГ	292	8		12,0		
	АСТРАХАНСКАЯ ОБЛ.		127	142,1								
166	АСТРАХАНЬ	ЮД-дв	113,1	112,9	цг	ИГ	589	11		485,0	8,0	
166	ЗНАМЕНСК	ЮД-дв								35,6		
166	КАМЫЗЯК	ЮД-дв			с				1973	16,0		
166	НАРИМАНОВ (Нижеволжск)	ЮД-дв							1984	12,3		
166	Ильинка (Атаманская)	ЮД-дв	2,0	3,9	ст-ца	ИГ	1758	34		4,7		
166	<i>Красный яр</i>	ЮД-дв	6,4	5,6	уг	ИГ	110	1				
166	<i>Тишков</i>	ЮД-дв		3	с	ИГ	104	1				
167	АХТУБИНСК (Владимировка)	ЮД-дв	7,0	6,9	сл.	ИГ	161	34	1959	50,1		
167	ХАРАБАЛИ	ЮД-дв			укр.				1974	18,9		
167	<i>Черный яр</i>	ЮД-дв	5,1	4,2	уг	ИГ	98	1				
167	<i>Кормовое</i>	ЮД-дв		2,8	ст-ца	ИГ	100	1				
167	<i>Енотаевка (Енотаевск)</i>	ЮД-дв	2,8	2,8	уг	ИГ	105	1				
	ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛ.											
168	ВОЛГОГРАД (Царицын)	ЮД-дв	56,0	55,2	уг	ИГ	574	35		998,8	15,5	69,3
168	Сарепта	ЮД-дв		1,7	пос.	ИГ	301	69		часть Волгограда		
168	ВОЛЖСКИЙ	ЮД-дв							1954	288,4	20,9	79,9
168	КАЛАЧ-НА-ДОНУ	ЮД-дв		6,6	сл.	ИГ	107	14	1951	25,3	6,9	32,3

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
168	ДУБОВКА	ЮД-дв	16,5	16,2	пос.-г	ИГ	121	36	1922	14,8	6,3	27,0
168	ЛЕНИНСК (Пришиб)	ЮД-дв			с				1963	14,1	8,3	69,2
168	КРАСНОСЛОБОДСК (Красная Слобода)	ЮД-дв			сл.				1955	13,4	1,3	55,9
168	<i>Царев</i>	ЮД-дв	8,9	7,5	уг	ап						
169	КАМЫШИН	ЮД-дв	15,9	16,2	уг	ИГ	515	30		128,8	6,5	53,6
169	КОТОВО	ЮД-дв							1966	28,5	26,8	84,0
169	ЖИРНОВСК	ЮД-дв			с				1958	19,3	46,2	81,2
169	ПЕТРОВ ВАЛ	ЮД-дв							1988	15,3	0,7	
169	Рудня	ЮД-дв	4,1	6,4	сл.	ИГ	192	2		9,4		
169	Елань	ЮД-дв		12,5	с	ИГ	190	1		15,8		
170	УРЮПИНСК	ЮД-дв	9,6	11,8	ст-ца	ИГ	219	5	1929	43,7	6,8	38,5
170	НОВОАННИНСКИЙ	ЮД-дв			ж.ст.				1956	19,9	5,2	32,7
171	МИХАЙЛОВКА (Себряково)	ЮД-дв	17,0	8,8	ж.ст.	ИГ	346	65	1948	58,0	14,5	62,0
171	ФРОЛОВО (Арчада)	ЮД-дв		2,5	ж.ст.	ИГ	215	1	1936	43,0	8,5	66,1
171	СЕРАФИМОВИЧ (Усть- Медведицкая)	ЮД-дв	14,5	5,8	ст-ца	ИГ	108	1	1933	10,5	5,3	24,6
172	СУРОВИКИНО	ЮД-дв			ж.ст.				1966	19,6	5,1	59,0
172	КОТЕЛЬНИКОВО	ЮД-дв							1955	20,7	3,1	10,5
172	Нижний Чир (Н.-Чирская)		15,2		ст. ацц	ап				4,8		
173	НИКОЛАЕВСК(ая)	ЮД-дв		20,7	сл.	ИГ	104	3		16,3	2,1	40,7
173	ПАЛЛАСОВКА	ЮД-дв							1967	17,9	4,1	14,8
ПЕНЗЕНСКАЯ ОБЛ.												
174	ПЕНЗА	ЮД-ов	61,9	59	цг	ИГ	208	24		529,0	13,1	55,8
174	НИКОЛЬСК(ое)	ЮД-ов		2,1	с	бг			1954	26,2	7,5	43,0
174	СУРСК (Никольский хутор)	ЮД-ов			с				1953	9,7	2,9	72,3
174	ГОРОДИЩЕ (Г. Пензенское)	ЮД-ов	4,0		уг	ап			8,6	2,1	45,6	
174	Мокшан(ы)	ЮД-ов	10,1		уг	ап			11,5			
174	Лунино	ЮД-ов	2,4	2,4	с	ИГ	272	9		9,1		
175	КУЗНЕЦК	ЮД-ов	20,6	20,4	уг	ИГ	218	19		99,2	8,0	48,5
175	<i>Пенделка</i>	ЮД-ов		4	с	ИГ	155	92				
176	ЗАРЕЧНЫЙ	ЮД-ов							1954*	63,2		
176	СЕРДОБСК	ЮД-ов	12,7	12,7	уг	ИГ	115	11		45,0	5,3	39,6

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
176	Беково	ЮД-ов		2,7	с	ИГ	151	19		7,3		
176	<i>Поим</i>	ЮД-ов	8,2	7,7	с	ИГ	109	4				
177	КАМЕНКА (Воейково)	ЮД-ов		3,4	ж.ст.	ИГ	569	29	1951	45,2	6,4	51,7
177	НИЖНИЙ ЛОМОВ	ЮД-ов	1	9,9	уг	ИГ	170	55		26,7	9,1	35,4
177	<i>Верхний Ломов</i>	ЮД-ов	6,0		г	ап						
177	Земетчино	ЮД-ов		4	с	ИГ	316	80		12,5		
177	БЕДНОДЕМЬЯНОВСК (Спасск Тамбовский)	ЮД-ов	6,4	6,4	уг	ИГ	210	16		8,4	2,4	25,6
177	БЕЛИНСКИЙ (Чембар)	ЮД-ов	5,3	5,3	уг	ИГ	139	1		9,6	5,1	67,2
177	<i>Наровчат</i>	ЮД-ов	4,7	4,7	уг	ИГ	161	1				
177	<i>Вадинск (Керенск)</i>	ЮД-ов	4,0		уг	ап						
177	<i>Головинщино(-а)</i>	ЮД-ов	2,9	2,9	с	ИГ	105	2				
САМАРСКАЯ ОБЛ.												
178	САМАРА	ЮД-ов	91,7	89	цг	ИГ	483	30		1164,8	22,6	60,9
178	ТОЛЬЯТТИ (Ставрополь)	ЮД-ов	6,0	5,9	уг	ИГ	226	1		715,1	56,7	66,4
178	СЫЗРАНЬ	ЮД-ов	32,4	32,3	уг	ИГ	307	31		187,2	17,7	70,7ы
178	НОВОКУЙБЫШЕВСК (Липяги Русские + др.)	ЮД-ов			с				1952	115,8	20,5	86,3
178	ЧАПАЕВСК (Иващенко)	ЮД-ов							1927	83,5	8,7	78,4
178	ЖИГУЛЕВСК	ЮД-ов			с				1952	47,8	17,4	77,3
178	КИНЕЛЬ	ЮД-ов		14,4	ж.ст.	бг			1944	33,3	4,9	36,3
178	ОКТЯБРЬСК (Батраки)	ЮД-ов		9	пос. +	бг			1956	27,1	5,7	36,5
178	<i>Екатериновка</i>	ЮД-ов		3,2		ИГ	197	31				
178	<i>Сергиевск</i>	ЮД-ов	1,7		уг	ап						
179	ОТРАДНЫЙ	ЮД-ов							1956	53,9	7,4	42,3
179	ПОХВИСТНЕВО	ЮД-ов			ж.ст.				1947	27,3	5,6	3
179	Борское	ЮД-ов		6,9		ИГ	166	1				
179	Богатое (Павловка)	ЮД-ов		1,2		ИГ	1748	89				
180	—	ЮД-ов										
181	НЕФТЕГОРСК	ЮД-ов							1960	21,5	10,6	97,4
САРАТОВСКАЯ ОБЛ.												
182	САРАТОВ	ЮД-ов	137,1	137,1	цг	ИГ	476	44		883,9	11,5	55,6
182	ЭНГЕЛЬС (Покровская слобода, Покровка)	ЮД-ов	2	21,6	сл.	ИГ	200	13	1914	188,6	13,5	60,8

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
182	ВОЛЬСК	ЮД-ов	27,0	27	уг	ИГ	240	56		66,7	9,1	65,4
182	КРАСНОАРМЕЙСК (Панцер, Панцырь, Голый Карамыш)	ЮД-ов		7,2	пос.	ИГ	215	76	1918	25,8	4,4	56,0
183	АТКАРСК	ЮД-ов	9,8	10,8	уг	ИГ	228	13		27,3	3,5	3
183	ПЕТРОВСК	ЮД-ов	13,2	13,3	уг	ИГ	383	33		34,9	4,1	58,5
183	КАЛИНИНСК (Баланда)	ЮД-ов	7,2	8,4	сл.	ИГ	194	7	1962	19,8	9,3	67,4
184	РТИЩЕВО	ЮД-ов		2,8	пос.	ИГ	138	1	1920	43,4	5,6	36,3
184	АРКАДАК	ЮД-ов		3,1	с	ИГ	315	39	1963	14,6	6,0	37,9
185	БАЛАШОВ	ЮД-ов	12,2	10,3	уг	ИГ	606	35		95,7	9,3	61,7
185	Самойловка	ЮД-ов		11,5	с	ИГ	149	1		9,1		
185	Турки	ЮД-ов		7,3		ИГ	213	30		7,3		
185	Романовка	ЮД-ов		7	с	ИГ	144	20		8,0		
186	БАЛАКОВО	ЮД-дв	16,0	18,6	с	ИГ	655	8	1913	207,7	24,8	81,6
186	МАРКС (Екатериненштадт)	ЮД-дв	6,0	10,3	КОЛО- НИЯ	ИГ	659	10		32,8	5,1	55,0
186	ПУГАЧЕВ (Николаевск Самарский)	ЮД-дв	12,5	12,5	уг	ИГ	370	10		42,1	8,0	72,2
186	ХВАЛЫНСК	ЮД-дв	15,5	15,1	уг	ИГ	127	1		14,4	5,3	20,1
186	Ровное (Ровная, Зельман)	ЮД-дв	3,0	6,8	с	ИГ	178	3		5,8		
187	ЕРШОВ	ЮД-дв			ж.ст.	бг			1963	25,2	12,7	77,8
188	КРАСНЫЙ КУТ	ЮД-дв		3,5	с	бг			1966	17,0	5,4	43,7
188	НОВОУЗЕНСК	ЮД-дв	13,5	15	уг	ап				17,6	5,7	40,7
УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛ.												
189	УЛЬЯНОВСК (Симбирск)	ЮД-ов	43,3	41,6	цг	ИГ	207	14		674,1	17,8	63,0
189	НОВОУЛЬЯНОВСК (Кременки)	ЮД-ов			с				1967	18,1	33,6	81,9
189	СЕНГИЛЕЙ	ЮД-ов	5,7	5,7	уг	ИГ	299	64		9,0	6,2	22,6
190	ДИМИТРОВГРАД (Мелекес)	ЮД-ов	6,8	8,4	пос.	ИГ	432	40	1919	136,7	18,7	65,2
190	Майна (Старая Майна)	ЮД-ов		4,3	с	ИГ	437	3		8,9		
190	Муловка	ЮД-ов		3,1	с	ИГ	265	90		6,7		
191	ИНЗА	ЮД-ов			ж.ст.	бг			1946	22,9	7,7	46,3
191	БАРЫШ	ЮД-ов			с ± ж.ст.				1954	21,5	10,1	36,5
191	Карсун (Корсунь)	ЮД-ов	4,1	3,8	уг	ИГ	126	2		8,5		
191	Сурское (Промзино Городище)	ЮД-ов	4,9	1,1	с	ИГ	104	2		8,4		
191	Жадовка	ЮД-ов		2,9	с	ИГ	124	1		2,4		

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
192	Канадей (?)	ЮД-ов	(4,5)		с	ап	(?)				2,3	
РЕСП. КАЛМЫКИЯ												
193	ЭЛИСТА	ЮД-дв			с				1930	99,9		
193	ГОРОВОКОВСК(Башанта)	ЮД-дв			с				1971	10,6		
194	ЛАГАНЬ	ЮД-дв							1963	15,4		
195	—	ЮД-дв										
РЕСП. АДЫГЕЯ												
196	МАЙКОП	ЮД-дно	34,2	31,3	уг	ИГ	91	20		166,2	7,3	38,4
196	АДЫГЕЙСК	ЮД-дно							1976	12,5	1,3	
РЕСП. ДАГЕСТАН												
197	МАХАЧКАЛА (Петровск-Порт)	ЮД-дно	9,8		уг					334,5	4,4	17,2
197	КАСПИЙСК	ЮД-дно							1932	67,9		
197	БУЙНАКСК (Темир-Хан-Шура)	ЮД-дно	9,2		г					58,2		
197	ИЗБЕРБАШ	ЮД-дно							1932	35,7		
197	КИЗИЛЮРТ (Чирюрт и др.)	ЮД-дно			ж.ст.				1963	28,4		
198	ХАСАВЮРТ	ЮД-дно		5,3	сл ац	ИГ	97	1	1931	83,8		
199	ДЕРБЕНТ	ЮД-дно	14,6		уг					90,1		
199	ДАГЕСТАНСКИЕ ОГНИ	ЮД-дно							1990	25,6		
200	КИЗЛЯР	ЮД-дно	7,3	7,3	уг	ИГ	134	3		44,3		
200	ЮЖНО-СУХОКУМСК	ЮД-дно							1988	9,2		
200	<i>Александровская (-ое)</i>	ЮД-дно		1,9		ИГ	106	1				
200	<i>Брянск (Брянское)</i>	ЮД-дно		1		ИГ	401	1				
201	—	ЮД-дно										
202	—	ЮД-дно										
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСП.												
203	НАЛЬЧИК	ЮД-дно	2,6	5,9	сл ац	ап			1921	231,8	6,5	55,2
203	БАКСАН	ЮД-дно			укр.				1967	31,7		
203	НАРТКАЛА	ЮД-дно							1955	28,7		
203	ТЫРНЫАУЗ (Кирхожан)	ЮД-дно			с				1955	26,7	2,4	
204	ПРОХЛАДНЫЙ	ЮД-дно		6,1	ст-ца	ИГ	145	1	1937	59,7	9,6	65,7
204	МАЙСКИЙ (Котляревская)	ЮД-дно		1,8	ст-ца	ИГ	149	16	1965	25,2		

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
204	ТЕРЕК	ЮД-дно			с				1967	18,5		
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСП.												
205	ЧЕРКЕССК (Баталпашинск, -ая)	ЮД-дно	8,1	12	ст-ца, ацо	ап			1931	120,5	10,9	50,2
205	УСТЬ-ДЖЕГУТА	ЮД-дно			ст-ца				1975	31,5	8,8	90,2
206	КАРАЧАЕВСК (Георгиевское)	ЮД-дно			с				1929	15,5	4,3	28,0
206	ТЕБЕРДА	ЮД-дно			курорт				1971	7,3		
РЕСП. СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ												
207	ВЛАДИКАВКАЗ	ЮД-дно	43,8	43,7	цг	ИГ	185	23		309,8	8,5	34,7
207	МОЗДОК	ЮД-дно	14,6	9,5	г	ИГ	169	1		39,1	5,5	50,3
207	БЕСЛАН	ЮД-дно			с ± ж.ст.				1950	33,6	5,8	79,6
207	АЛАГИР	ЮД-дно			с				1938	23,6	2,0	31,0
207	АРДОН (-ское)	ЮД-дно			с				1964	16,1	2,4	36,4
207	ДИГОРА (Христиановское)	ЮД-дно			с				1964	11,9	4,5	58,5
ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСП.												
208	ГРОЗНЫЙ	ЮД-дно	15,5	15,5	уг	ИГ	250	7				
208	Грозненская	ЮД-дно		3,7	ст-ца	ИГ	194	63			часть Грозного	
208	АРГУН	ЮД-дно			с				1967			
208	УРУС-МАРТАН	ЮД-дно			с				1990			
208	ШАЛИ	ЮД-дно			с				1990			
209	МАЛГОБЕК (Малгобек- Балка + Чечен-Балка)	ЮД-дно			с				1933	35,7		
209	НАЗРАНЬ	ЮД-дно			с	бг			1967	76,2		
210	ГУДЕРМЕС	ЮД-дно			с				1941			
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ												
211	КРАСНОДАР (Екатеринодар)	ЮД-дно	65,7	65,6	цг	ИГ	381	32		646,2	14,5	44,9
211	ТИМАШЕВСК(ая)	ЮД-дно			ст-ца				1966	52,8	18,1	77,0
211	УСТЬ-ЛАБИНСК(ая)	ЮД-дно	5,0	9,9	ст-ца	ИГ	117	19	1958	43,7	13,7	54,8
211	КОРЕНОВСК(ая)	ЮД-дно	7,0	12	ст-ца	бг			1961	40,7	10,1	64,2
211	АБИНСК(ая)	ЮД-дно			ст-ца				1963	34,5	2,7	17,2
211	ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ	ЮД-дно			пос.				1956	28,1	6,9	14,4
211	Ахтырский (-кая)	ЮД-дно		5,8	ст-ца	ИГ	452	1		20,4		
212	ЕЙСК	ЮД-дно	35,4	35,4	уг	ИГ	370	2		85,4	6,5	35,4

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
212	ПРИМОРСКО-АХТАРСК(ая)	ЮД-дно			ст-ца				1949	33,9	7,5	45,1
212	Кущевская	ЮД-дно		7,8	ст-ца	ИГ	169	1				
213	ТИХОРЕЦК	ЮД-дно	5,0	2	ст-ца	ИГ	130	1	1926	66,1	12,7	54,6
213	Павловская	ЮД-дно		6,4	ст-ца	ИГ	121	1				
214	ЛАБИНСК(ая)	ЮД-дно	14,0	19,8	ст-ца	ИГ	157	23		63,1	6,3	67,8
215	АРМАВИР	ЮД-дно	6,1	18	с, ацо	ИГ	1045	16		165,4	9,8	52,1
215	КРОПОТКИН + Кавказская (Кавказская + Романовский)	ЮД-дно	3,0	19	ст-ца + с	ИГ	101	6	1921	81,0	6,9	41,0
215	КУРГАНИНСК(ая)	ЮД-дно	4,0		ст-ца				1961	48,8	9,1	46,7
215	ГУЛЬКЕВИЧИ	ЮД-дно			ст-ца	бг			1961	35,0	5,2	64,6
215	НОВОКУБАНСК	ЮД-дно	6,0		пос.				1966	30,7	5,0	68,2
216	БЕЛОРЕЧЕНСК	ЮД-дно			ст-ца				1958	54,8	8,3	27,5
216	АПШЕРОНСК	ЮД-дно			ст-ца				1947	37,1	8,8	38,8
216	ХАДЫЖЕНСК	ЮД-дно							1949	20,2	5,5	39,6
217	СЛАВЯНСК-НА-КУБАНИ (Славянская)	ЮД-дно	17,7		ст-ца					62,4	6,5	55,8
218	НОВОРОССИЙСК	Ю-сад	16,2	16,9	цг	ИГ	1443	17		205,1	10,9	64,3
218	КРЫМСК(ая)	Ю-сад	14	10	ст-ца	бг			1958	57,9	4,9	43,3
218	АНАПА	Ю-сад	6,8		г	ап				49,5	18,5	8,9
218	ГЕЛЕНДЖИК	Ю-сад		3,1	ст-ца	ИГ	256	76	1915	49,5	14,1	12,0
218	ТЕМРЮК	Ю-сад	14,5	14,7	уг	ИГ	127	2		37,0	5,7	49,9
219	СОЧИ (Даховский)	Ю-сад	0,4	1,8	пос-ацо	ИГ	164	1		334,7	8,7	11,3
219	ТУАПСЕ	Ю-сад	0,4	5,4	пос.	ИГ	185	1	1916	65,9	12,2	34,0
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ												
220	СТАВРОПОЛЬ	ЮД-дно	41,6	41,6	цг	ИГ	155	7		342,6	9,5	21,5
220	НЕВИННОМЫССК(ая)	ЮД-дно		8,5	ст-ца	ИГ	432	74	1939	132,4	26,4	72,0
220	МИХАЙЛОВСК (Шпаковское)	ЮД-дно							1999	49,9 (1999)		
220	ИЗОБИЛЬНЫЙ (Изобильно-Тищенский)	ЮД-дно		1	с	ИГ	1002	1	1965	38,3	9,9	52,0
220	НОВОАЛЕКСАНДРОВСК (Медвежа, Медвежье)	ЮД-дно	4,0	15	ацо.с	ап			1971	29,1	6,5	19,1
220	Курсавка + Куршава	ЮД-дно		4,6	ст-ца	ИГ	173	1				
221	СВЕТЛОГРАД (Петровское)	ЮД-дно		7,1	с	ИГ	115	2	1965	40,2	5,2	22,8
221	БЛАГОДАРНЫЙ (-ное)	ЮД-дно	5,4	14,2	с, ацо	ап			1971	34,1	2,8	34,3

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
221	ИПАТОВО (Винодельное)	ЮД-дню			с				1979	29,1	8,7	47,5
222	БУДЕННОВСК (Город Святого Креста)	ЮД-дню	6,5	7,5	г	ап				62,3	13,8	47,6
222	ЗЕЛЕНКУМСК (Воронцово-Александровское + Ново-Григорьевское)	ЮД-дню		6,7	с	ИГ	200	3	1965	39,7	4,4	48,6
222	<i>Прасковья</i>	ЮД-дню		13	ст-ца	ап						
222	<i>Александровское</i>	ЮД-дню	8,7	12	с, ацо	ап						
223	ПЯТИГОРСК	ЮД-дню	18,0	18,4	уг	ИГ	168	6		128,8	17,7	15,3
223	КИСЛОВОДСК (+ Кисловодская)	ЮД-дню	1,8	4,6	г+ ст-ца	ИГ	111	4		112,7	8,3	13,5
223	ЕССЕНТУКИ	ЮД-дню	4,4	12,4	ст-ца	бг			1917	89,4	9,8	9,4
223	МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ	ЮД-дню		0,8	пос.	бг			1920	73,4	15,7	31,4
223	ГЕОРГИЕВСК	ЮД-дню	11,5	12,1	г	ИГ	174	3		66,3	12,9	55,6
223	ЖЕЛЕЗНОВОДСК	ЮД-дню		1	ст-ца	ИГ	93	1	1917	25,9	8,5	31,1
223	ЛЕРМОНТОВ	ЮД-дню							1953	23,0	8,7	42,9
223	НОВОПАВЛОВСК(-ая)	ЮД-дню			ст-ца				1981	22,8	4,4	24,2
223	<i>Незлобная</i>	ЮД-дню		3,3	ст-ца	ИГ	111	85				
224	НЕФТЕКУМСК	ЮД-дню							1968	25,0	19,6	82,9
РОСТОВСКАЯ ОБЛ.												
225	РОСТОВ-НА-ДОНУ	ЮД-дз	119,9	147,3	уг	ИГ	911	22		1008,5	9,7	39,7
225	ТАГАНРОГ	ЮД-дз	52,0	51,4	уг	ИГ	835	27		288,6	12,4	62,3
225	НОВОЧЕРКАССК	ЮД-дз	52,0	51,9	цг	ИГ	158	24		186,1	18,0	71,8
225	БАТАЙСК	ЮД-дз			сл.				1938	97,4	4,8	42,9
225	АЗОВ	ЮД-дз	27,5	17	пос.-г	ИГ	203	1	1926	81,4	7,1	48,6
225	АКСАЙ	ЮД-дз			ст-ца				1957	35,8	12,1	14,4
225	<i>[Гниловская]</i>	ЮД-дз		7,4	ст-ца	ИГ	194	69		часть Ростова-на-Д.		
226	МИЛЛЕРОВО	ЮД-дз	0,7	0,8	пос.	бг			1926	39,9	9,5	57,2
227	САЛЬСК (Воронцовская)	ЮД-дню		8,8	ст-ца	ИГ	157	1	1926	64,4	7,3	30,1
227	ЗЕРНОГРАД (Верблюд)	ЮД-дз							1951	30,1	8,4	14,8
227	ПРОЛЕТАРСК (Великокняжеская)	ЮД-дз	2,8	5,6	ст-ца	ИГ	104	1	1970	19,7	5,9	10,3
227	<i>Песчанокопское</i>	ЮД-дню		10,6	с	ИГ	101	1				
227	<i>Раздорская</i>	ЮД-дз		4	ст-ца	ИГ	103	89				
228	МОРОЗОВСК	ЮД-дз			ж.ст.					29,6	7,6	32,2

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
228	Тарасовский (Тарасовка)	ЮД-дз		0,9	ж.ст.	ИГ	844	1		8,9		
228	Мальчевская	ЮД-дз		1	ж.ст.	ИГ	444	1				
228	Обливская	ЮД-дз		1,2	ст-ца	ИГ	103	1				
229	ВОЛГОДОНСК	ЮД-дз							1956	181,2	11,3	44,0
229	СЕМИКАРАКОРСК	ЮД-дв		5,5	ст-ца	ИГ	307	1	1972	24,0	11,7	39,7
229	КОНСТАНТИНОВСК(ая)	ЮД-дз		9,2	ст-ца	ИГ	266	2	1967	18,5	5,1	9,9
229	ЦИМЛЯНСК(ая)	ЮД-дв		5,5	ст-ца	ИГ	427	2	1950	16,0	8,7	10,1
229	Романовская	ЮД-дв		4,8	ст-ца	ИГ	490	1				
229	Николаевская	ЮД-дв		4,4	ст-ца	ИГ	104	1				
229	Краснодонская (Екатерининская)	ЮД-дв		2,4	ст-ца	ИГ	144	33				
230	—	ЮД-дв										
231	ШАХТЫ (Александровск- Грушевский)	ГЗ-дон	16,2	16,5	г	ИГ	466	70		225,1	10,8	66,6
231	НОВОШАХТИНСК	ГЗ-дон							1939	103,3	13,8	82,1
231	КАМЕНСК-ШАХТИНСКИЙ (Каменская)	ЮД-дв	23,6	12,2	ст-ца	ИГ	259	6	1927	72,9	14,2	57,5
231	ГУКОВО	ГЗ-дон		1,8	пос.	ИГ	331	90	1955	67,6	21,1	83,0
231	ДОНЕЦК (Гундоровка)	ГЗ-дон			пос.				1951	49,9	11,8	51,9
231	БЕЛАЯ КАЛИТВА	ГЗ-дон		2,4	ст-ца	ИГ	118	24	1958	48,5	18,5	78,1
231	КРАСНЫЙ СУЛИН (Сулин)	ГЗ-дон		8	пос.	ИГ	740	91	1926	44,3	18,6	69,1
231	ЗВЕРЕВО	ГЗ-дон			ж.ст.				1989			
РЕСП. БАШКОРТОСТАН												
232	УФА	ЮД-ов	5	50	цг	ИГ	367	9		1084,0	20,2	68,6
232	БИРСК	ЮД-ов	8,6	8,5	уг	ИГ	218	1		38,8	9,5	31,2
232	БЛАГОВЕЩЕНСК(ий)	ЮД-ов		6	завод	бг			1941	30,3	12,8	60,5
232	ДАВЛЕКАНОВО	ЮД-ов			ж.ст.				1942	23,8	23,9	76,2
232	АГИДЕЛЬ	ЮД-ов							1991	20,2		
232	Байки	ЮД-ов		2,4	с	ИГ	99	5				
232	Архангельское (-кий)	ГЗ-ур		2,6	завод	ИГ	289	78				
233	ОКТЯБРЬСКИЙ	ЮД-ов							1946	111,4	12,8	63,1
233	ТУЙМАЗЫ	ЮД-ов							1960	64,2	21,3	60,3
234	БЕЛЕБЕЙ	ЮД-ов	5,8	5,8	уг	ИГ	135	1		58,4	26,2	68,8
235	СТЕРЛИТАМАК	ЮД-ов	15,5	15,6	уг	ИГ	143	15		261,9	22,9	80,4

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
235	САЛАВАТ	ЮД-ов							1954	156,8	30,9	85,2
235	ИШИМБАЙ	ЮД-ов							1940	71,1	10,1	63,2
235	КУМЕРТАУ	ЮД-ов							1953	69,7	7,9	51,1
235	МЕЛЕУЗ	ЮД-ов			с				1958	61,9	15,1	15,1
236	СИБАЙ	ЮД-ов							1955	56,5	11,0	65,0
236	БАЙМАК	ЮД-ов							1938	17,3	4,2	37,9
236	<i>Темясово (Темясова)</i>	ЮД-ов		1,3	пос.	ИГ	133	2				
236	<i>Зилаир (Преображенский, ое)</i>	ЮД-ов		2,8	завод	ИГ	150	33				
237	НЕФТЕКАМСК (Касево)	ЮД-ов			с				1963	118,3	26,0	77,2
237	ДЮРТЮЛИ	ЮД-ов		1,5	с	бг			1989	30,2		
237	ЯНАУЛ	ЮД-ов			с				1991	27,4		
238	БЕЛОРЕЦК(ий)	ГЗ-ур	8,3	12,8	завод	ИГ	136	43	1923	73,1	17,6	68,3
238	УЧАЛЫ (Дмитриево)	ГЗ-ур			с				1963	37,6	19,3	80,2
238	Тирлянский	ГЗ-ур		8	завод	ИГ	138	67		7,7		
238	Инзер (-ский)	ГЗ-ур		1,6	завод	ИГ	884	87		4,9		
238	<i>Кага (Казинский)</i>	ГЗ-ур		5,8	завод	ИГ	158	79				
238	<i>Зигаза (Зигазинский)</i>	ГЗ-ур		1,3	завод	ИГ	479	79				
239	—	ГЗ-ур										
УДМУРТСКАЯ РЕСП.												
240	ИЖЕВСК(ий)	В-увят	21,5	41,1	завод	ИГ	143	63	1918	654,1	14,5	49,7
240	ВОТКИНСК(ий)	В-увят	21,0	21,6	завод	ИГ	176	55	1935	102,6	7,9	43,5
241	ГЛАЗОВ	В-увят	3,4	3,5	уг	ИГ	418	1		106,2	17,2	59,0
242	МОЖГА (Сюгинский)	В-увят			пос.				1926	48,4	14,5	44,1
243	САРАПУЛ	В-увят	21,4	21,4	уг	ИГ	293	29		106,8	9,6	57,0
243	<i>Каракулино</i>	В-увят		2,3	с	ИГ	227	1				
243	<i>Дебесы</i>	В-увят		1,9	с	ИГ	152	1				
243	<i>Шаркан</i>	В-увят		0,9	с	ИГ	141	13				
243	КАМБАРКА (Камбарский)	В-увят			завод	бг			1945	13,5	12,3	55,5
244	—	В-увят										
ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛ.												
245	ОРЕНБУРГ	ЮД-дв	72,7	72,4	цг	ИГ	412	21		527,0	25,8	72,6
245	Каргала	ЮД-дв								2,9		

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
245	Татарская Каргала (Сеитовский)	ЮД-дв	6,8	8,7	пос.	ИГ	131	30				
245	Покровка (Покровское)	ЮД-дв		2,1	с	ИГ	317	1				
245	Илек (Илек Уральский, Илецк, Илецкий городок)	ЮД-дв	7,3	8,6	г	ап						
246	БУЗУЛУК	ЮД-дв	14,5	14,5	уг	ИГ	229	1		86,0	6,6	28,5
247	СОРОЧИНСК (Сорока Самарская)	ЮД-дв		9,9	с	ИГ	319	49	1945	29,5	2,8	37,2
248	ЯСНЫЙ	ВНЕ							1979	19,9	12,9	74,7
249	СОЛЬ-ИЛЕЦК (Илецкая защита)	ЮД-дв	11,8	11,7	г	ИГ	144	23		23,2	7,6	64,0
250	ОРСК	ЮД-дв	14,0	14	уг	ИГ	172	3		274,7	13,7	68,5
250	НОВОТРОИЦК	ЮД-дв							1945	109,8	35,8	9
250	ГАЙ	ЮД-дв							1979	45,2	18,2	80,1
250	МЕДНОГОРСК	ЮД-дв							1939	32,8	9,1	76,3
250	КУВАНДЫК	ЮД-дв							1953	30,4	8,3	62,6
253	БУГУРУСЛАН	ЮД-дв	12,1	12,1	уг	ИГ	153	5		54,4	12,3	68,8
253	АБДУЛИНО	ЮД-дв		3,7	ж.ст.	ИГ	136	9	1923	22,8	6,6	43,0
251	—	ЮД-дв										
252	—	ЮД-дв										
ПЕРМСКАЯ ОБЛ.												
254	ПЕРМЬ	ГЗ-ур	45,4	45,9	цг	ИГ	493	17		1022,7	19,6	52,3
254	[Мотовилиха]	ГЗ-ур		16,3	пос.	ИГ	224	80			часть Перми	
254	КРАСНОКАМСК	ГЗ-ур							1938	56,6	26,1	59,3
254	ДОБРЯНКА (Добрянский)	ГЗ-ур		7,5	завод	ИГ	272	75	1943	38,4	29,5	78,5
254	НЫТВА (Нытвенский)	ГЗ-ур		4,8	завод	ИГ	540	90	1942	23,2	23,9	70,3
254	Полазна (Полазнинский)	ГЗ-ур		2,1	завод	ИГ	336	81		13,4		
254	ОХАНСК	ГЗ-ур	1,9	1,9	уг	ИГ	133	1		8,9	9,6	3,3
254	Юго-Камский	ГЗ-ур		3,5	завод	ИГ	330	82		8,5		
254	Ильинский (-ское)	ГЗ-ур		2,2	с	ИГ	331	9		7,3		
254	ЧЕРМОЗ (-ский)	ГЗ-ур		5,8	завод	ИГ	272	78	1943	5,8	5,8	25,3
254	Черновское	ГЗ-ур		1,3	с	ИГ	304	1				
255	ГУБАХА	ГЗ-ур			пос.				1941	32,9	22,7	75,8
255	КИЗЕЛ	ГЗ-ур		5,6	пос.	ИГ	412	76	1926	30,7	7,6	47,5

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
255	АЛЕКСАНДРОВСК(-ий)+ (Копи)	ГЗ-ур		2,7	завод + ж.ст.	ИГ	148	84	1951	19,1	12,9	6
255	ГРЕМЯЧИНСК (Баская)	ГЗ-ур			ж.ст.				1949	17,1	8,5	37,6
255	Всеволодо-Вильва	ГЗ-ур		1,5	пос.	ИГ	195	73		4,5		
255	Луньевка	ГЗ-ур		1,7	пос.	ИГ	182	85		0,5		
256	ЛЫСЬВА (Лысьвенский)	ГЗ-ур		5,2	завод	ИГ	293	58	1926	75,9	15,6	47,0
256	ЧУСОВОЙ (Чусовской Завод)	ГЗ-ур		4,5	завод	ИГ	393	59	1933	54,7	25,7	70,6
256	ГОРНОЗАВОДСК (Пашийские заводы)	ГЗ-ур		5	завод	бг			1965	15,1	33,9	70,6
256	Верхнечусовские Городки	ГЗ-ур		1,2	с	ИГ	252	34		3,2		
256	Кусье-Александровский	ГЗ-ур		2,1	завод	ИГ	336	81		2,2		
256	Бисер	ГЗ-ур		2,5	с	ИГ	234	74		1,5		
256	<i>Крестовоздвиженское</i>	ГЗ-ур		1,1	с	ИГ	537	66				
256	<i>Кын (Кыновский)</i>	ГЗ-ур		4,1	завод	ИГ	190	56				
257	ЧЕРНУШКА	ГЗ-ур							1966	36,3	31,9	79,2
258	ВЕРЕЩАГИНО (Вознесенская)	ГЗ-ур			ж.ст.				1942	24,2	21,7	61,7
258	ОЧЕР(-ский)	ГЗ-ур		5,2	завод	ИГ	116	3	1950	14,7	11,3	41,8
258	Павловский (Павлов)	ГЗ-ур		2,6	завод	ИГ	337	95		3,6		
259	БЕРЕЗНИКИ (Ленва, Солеварни)	ГЗ-ур		3,6	заводы + ж.ст.	ИГ	118	78	1932	183,0	25,6	74,0
259	[Дедюхин]	ГЗ-ур	3,3	3,3	г	ИГ	126	82			часть г.Березники	
259	СОЛИКАМСК	ГЗ-ур	4,1	4	уг	ИГ	158	73		106,6	28,5	72,3
259	УСОЛЬЕ (Новое Усолье)	ГЗ-ур		7,1	пос.	ИГ	167	41	1940	5,7	10,8	22,7
260	КРАСНОВИШЕРСК	ГЗ-ур			пос.				1942	19,5	20,5	63,5
260	ЧЕРДЫНЬ	ГЗ-ур	3,7	3,6	уг	ИГ	427	9		6,5	20,1	5,8
260	<i>Покча</i>	ГЗ-ур		1,8	с	ИГ	174	1				
261	КУДЫМКАР	ГЗ-ур			с				1938	34,2	4,8	30,4
261	Пожва (Пожевский)	ГЗ-ур		3,2	завод	ИГ	200	78		4,8		
261	Майкор (Никитинский завод)	ГЗ-ур		3	завод	ИГ	362	81		4,2		
261	<i>Кува (Кувинский)</i>	ГЗ-ур		1,6	завод	ИГ	336	66				
262	КУНГУР	ГЗ-ур	14,3	14,3	уг	ИГ	418	22		76,0	13,8	50,6
262	Суксун (-ский)	ГЗ-ур		4,4	завод	ИГ	102	23		9,1		
263	ЧАЙКОВСКИЙ (Сайгатка)	В-увяг			с				1962	89,8	18,0	54,8

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
263	ОСА	В-увяг	5,2	5	уг	ИГ	195	10		26,3	33,7	76,7
263	<i>Бикбарда</i> (<i>Бикбардинский</i>)	В-увяг		0,9	завод	ИГ	130	50				
263	<i>Елово</i>	В-увяг		0,9	с	ИГ	219	14				
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛ.												
264	ЕКАТЕРИНБУРГ	ГЗ-ур	55,5	56	уг	ИГ	599	17		1272,2	15,7	43,1
264	[Шарташский (Шорташ)]	ГЗ-ур		1,3	пос.	ИГ	105	84		часть Екатеринбурга		
264	ПЕРВОУРАЛЬСК (Шайтанский)	ГЗ-ур		6,7	завод	ИГ	183	72	1933	135,7	24,0	74,3
264	АСБЕСТ (Куделька)	ГЗ-ур			пос.				1933	81,7	15,7	74,9
264	ПОЛЕВСКОЙ (Северский + Полевский)	ГЗ-ур		7	заво- ды	ИГ+ бг	118	46	1942	70,7	27,6	86,3
264	РЕВДА (Ревдинский)	ГЗ-ур		9	завод	бг			1935	65,2	22,6	75,8
264	ВЕРХНЯЯ ПЫШМА	ГЗ-ур			пос.				1946	54,7	24,0	78,9
264	БЕРЕЗОВСКИЙ	ГЗ-ур		12	завод	бг			1938	47,9	9,5	64,1
264	НЕВЬЯНСК(ий)	ГЗ-ур	16,0	13,6	завод	ИГ	153	31	1917	27,0	13,2	81,7
264	КИРОВГРАД (Калата)	ГЗ-ур							1932	24,6	14,9	75,7
264	СЫСЕРТЬ (Сысертский)	ГЗ-ур		10,4	завод	ИГ	153	64	1946	22,8	8,4	60,1
264	СРЕДНЕУРАЛЬСК	ГЗ-ур							1966	18,5		
264	ДЕГТЯРСК	ГЗ-ур							1954	16,9		
264	АРАМИЛЬ	ГЗ-ур		3	с	ИГ	395	91	1966	14,2	12,9	85,8
264	НИЖНИЕ СЕРГИ (Н.-Сергинский)	ГЗ-ур	10	12	завод	бг			1943	13,7	2	81,4
264	ВЕРХНИЙ ТАГИЛ (В.-Тагильский)	ГЗ-ур		5,3	завод	бг			1966	13,4		
264	МИХАЙЛОВСК(-ий)	ГЗ-ур		8,6	завод	ИГ	170	79	1961	12,2	13,1	59,7
264	НОВОУРАЛЬСК	ГЗ-ур							1954	92,5		
264	Новоуткинск (Уткинский)	ГЗ-ур		2,5	завод	ИГ	236	53		6,4		
264	Верх-Нейвинский	ГЗ-ур		4,8	завод	ИГ	162	84		6,1		
264	Бобровский (Бобровское)	ГЗ-ур		3,9	с	ИГ	126	85		5,4		
264	<i>Камышевское</i>	ГЗ-ур		1,3	с	ИГ	481	92				
264	<i>Сылвинский Завод</i>	ГЗ-ур		4,9	завод	ИГ	169	73				
265	НИЖНИЙ ТАГИЛ (Н.-Тагильский)	ГЗ-ур	30,0	31,4	завод	ИГ	284	36	1917	399,2	27,5	86,9
265	ЛЕСНОЙ	ВНЕ							1954	54,5		
265	ВЕРХНЯЯ САЛДА (В.-Салдинский)	ГЗ-ур		6,2	завод	ИГ	195	82	1938	53,3	21,8	88,5

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
265	КАЧКАНАР	ГЗ-ур							1968	48,9	36,2	88,1
265	КУШВА (Кушвинский)	ГЗ-ур		10	завод	ИГ	18	15	1925	40,7	19,3	75,8
265	КРАСНОУРАЛЬСК (Богомолстрой, Уралмедь)	ГЗ-ур			пос.				1932	32,6	22,8	84,3
265	ЗАРЕЧНЫЙ	ГЗ-ур								30,1		
265	НИЖНЯЯ ТУРА	ГЗ-ур		5,7	завод	ИГ	246	35	1949	26,4	1	68,8
265	НИЖНЯЯ САЛДА	ГЗ-ур		13	завод	ИГ	218	63	1938	19,1		
265	Баранчинск(ий)	ГЗ-ур		4,1	завод	ИГ	158	73		12,7		
265	ВЕРХНЯЯ ТУРА (В.-Туринский)	ГЗ-ур		7	завод	бг			1941	12,2		
265	Верхняя Синячиха (В.-Синячихинский)	ГЗ-ур		1,7	завод	ИГ	230	79		11,7		
265	Черно-Источинск(ий)	ГЗ-ур		5,9	завод	ИГ	233	64		4,4		
265	Висимо-Уткинск(ий)	ГЗ-ур		4,1	завод	ИГ	365	78		1,2		
265	<i>Петрокаменское (-кий)</i>	ГЗ-ур		2,4	завод	ИГ	188	68				
266	АЛАПАЕВСК	ГЗ-ур	8,6	8,6	г	ИГ	288	75		48,0	8,2	72,2
267	АРТЕМОВСКИЙ (Егоршино)	ГЗ-ур			с				1938	41,3	12,5	48,0
267	РЕЖ(евский)	ГЗ-ур		6	завод	ИГ	142	68	1943	41,8	8,3	66,2
267	Красногвардейский (Ирбитский)	ГЗ-ур		2,6	завод	ИГ	219	86		5,6		
268	КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ	ГЗ-ур		6,3	завод	ИГ	282	25	1935	192,1	20,5	80,4
268	СУХОЙ ЛОГ	ГЗ-ур			с				1943	36,5	27,8	81,2
268	БОГДАНОВИЧ	ГЗ-ур			ж.ст.				1947	35,3	23,7	70,3
269	КАМЫШЛОВ	ВНЕ	8,0	8	уг	ИГ			31,0	8,3	69,0	
269	ТАЛИЦА (Талицкое)	ВНЕ			пос.	ИГ			1942	19,1	5,6	46,2
270	ИРБИТ	ВНЕ	20,1	20	уг	ИГ				48,3	8,0	63,8
270	ТУРИНСК	ВНЕ	2,9	3	г	ИГ*				22,1	8,9	66,8
271	КРАСНОУФИМСК	ГЗ-ур	6,4	6,2	уг	ИГ	136			45,1	7,2	34,4
272	СЕРОВ (Надеждинский)	ГЗ-ур		5,3	завод	ИГ	644	85	1926	100,0	18,1	69,7
272	КРАСНОТУРЬИНСК (Турь- инский, -кие Рудники)	ГЗ-ур	1	8	пос.	бг			1944	65,5	40,9	87,5
272	КАРПИНСК (Богословский)	ГЗ-ур	4,5	4,6	завод	ИГ	344	75	1941	34,6	13,9	74,6
272	СЕВЕРОУРАЛЬСК (Петропавловское)	ГЗ-ур			пос.				1944	35,3	21,9	76,8
272	НОВАЯ ЛЯЛЯ (Ляля)	ГЗ-ур			пос.				1938	14,5	10,7	64,0
272	ВОЛЧАНСК (Волчанка)	ГЗ-ур			с				1956	13,1		

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
272	ВЕРХОТУРЬЕ	ГЗ-ур	3,2	3,2	уг	ИГ	117	1		8,5	2,8	21,6
272	Сосьва (Сосьвинский)	ГЗ-ур		1,7	завод	ИГ	483	83		9,2		
273	ИВДЕЛЬ (Никито-Ивдельское)	ГЗ-ур		1	с	ИГ	131	1	1943	17,3	11,0	81,1
274	ТАВДА	ВНЕ							1937	44,2	10,2	60,7
275	—	ВНЕ										
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛ.												
276	ЧЕЛЯБИНСК	ВНЕ	19,9	20	уг	ИГ	115	10		1084,1	27,3	72,7
276	КОПЕЙСК	ВНЕ			ст-ца				1933	72,9	18,5	78,4
276	ЧЕБАРКУЛЬ	ВНЕ							1951	50,1	9,0	50,7
276	КОРКИНО	ВНЕ							1942	42,2	30,5	73,6
276	ЕМАНЖЕЛИНСК	ВНЕ							1951	29,5	11,1	61,4
277	КЫШТЫМ	ГЗ-ур		14,7	пос.	ИГ	111	52	1934	40,1	30,3	88,2
277	ВЕРХНИЙ УФАЛЕЙ (В.-Уфалейский + Уфалей)	ГЗ-ур		9	завод +ж.ст.	бг			1940	37,1	17,9	81,4
277	КАСЛИ (Каслинский)	ГЗ-ур		14,8	завод	ИГ	141	47	1942	19,4	12,7	63,5
277	НЯЗЕПЕТРОВСК(-ий)	ГЗ-ур			завод	бг			1944	15,1	3,7	21,1
277	КАРАБАШ (Сомановский)	ГЗ-ур			завод				1933	14,6	3,0	35,8
278	ОЗЕРСК	ГЗ-ур							1948*	87,8		
278	СНЕЖИНСК	ГЗ-ур								47,9		
278	ЗЛАТОУСТ	ГЗ-ур	20,5	20,5	уг	ИГ	112	25		199,6	11,2	65,2
278	МИАСС (Миясский)	ГЗ-ур	16,1	17,6	пос.	ИГ	219	30	1926	166,2	16,5	69,0
278	САТКА	ГЗ-ур	6,0	10,4	с+пос.	бг			1937	49,7	37,1	85,9
278	БАКАЛ	ГЗ-ур			пос.				1951	22,3	11,9	89,9
278	КУСА (Кусинский)	ГЗ-ур		10	завод	бг			1943	21,6	10,3	71,6
279	ТРЕХГОРНЫЙ	ГЗ-ур							1954*	30,9		
279	АША	ГЗ-ур				пос.			1933	36,3	18,3	77,4
279	УСТЬ-КАТАВ(-ский)	ГЗ-ур		4,5	завод	ИГ	158	50	1942	28,2	10,3	68,7
279	КАТАВ-ИВАНОВСК(-ий)	ГЗ-ур		8,6	завод	ИГ	163	72	1937	22,2	10,9	75,9
279	СИМ(-ский)	ГЗ-ур		4,9	завод	ИГ	182	67	1942	18,3	5,1	62,5
279	ЮРЮЗАНЬ (Ю.-Ивановский)	ГЗ-ур		7,5	завод	ИГ	108	73	1943	16,1	3,2	62,8
279	МИНЬЯР(-ский)	ГЗ-ур		4,8	завод	ИГ	246	80	1943	12,3	9,3	92,1
279	Илек (Илек Уфимский)	ГЗ-ур		2,5	с	ИГ	152	85				

Приложение 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
280	МАГНИТОГОРСК (Магнитная)	ГЗ-ур		3,6	ст-ца	бг			1929	425,0	32,9	84,3
280	ВЕРХНЕУРАЛЬСК	ГЗ-ур	11,2	12,8	уг	ИГ	182	13		9,9	7,0	14,8
281	КАРТАЛЫ	ГЗ-ур							1944	3	5,7	15,3
282	ТРОИЦК (Т. Оренбургский)	ВНЕ	23,1	23	уг	ИГ	117	15		85,1	13,1	69,3
282	ЮЖНОУРАЛЬСК	ВНЕ							1961	40,3	12,2	49,8
282	ПЛАСТ (Качкар + др.)	ГЗ-ур		2,4	пос.	ИГ	258	1	1940	18,5	5,6	59,2

¹ Сеть микрорайонов согласно руководству по районной планировке (Рекомендации..., 1988); см. карту к Приложению 2.

² Современные города, официальные города 1897 г. и истинные города В. П. Семенова-Тян-Шанского, сгруппированные в границах крупных экономических районов, республик, краев, областей и их микрорайонов. В случаях неоднократной смены названия города обычно приводится старейшее за рассматриваемый период. Шрифт указывает на современный статус поселения: ЛУГА — город, Мстера — пгт, Аньково — сельский населенный пункт. [Стрельна] — названия исчезнувших поселений. [ЗЕЛЕНОГОРСК (Териоки)]* — города, подчиненные администрации С.-Петербурга и включенные в его черту в 1998 г. Знак — означает отсутствие городов в микрорайоне. Знак + означает, что цифры, приводимые в других столбцах, относятся к двум (смежным) поселениям.

³ Типы местности по В. П. Семенову: СД — северный долинный тип; В — центральный и северо-западный водораздельный тип, в т. ч.: В-м — моренный подтип, В-у — увалистый подтип: В-у-мос — московская часть, В-у-вят — вятская часть, В-у-бел — белорусско-полесская часть; ЮД — южно-долинный тип, в т. ч.: ЮД-о — овражный подтип: ЮД-о-ц — центральная часть, ЮД-о-в — восточная часть, ЮД-д — чисто долинный подтип: ЮД-д-з — западная часть, ЮД-д-в — восточная часть, ЮД-д-ю — южная часть; Ю-сад — южный тип садоводческих поселений; ГЗ — горно-заводской тип: ГЗ-дон — донецкая часть, ГЗ-ур — уральская часть; ВНЕ — вне пределов районизируемой В. П. территории.

⁴ В основном по данным: Россия. Энциклопедический..., 1898, с. 115–128; курсивом — оценки по другим источникам.

⁵ Для будущих городов — оценки В. П. на более позднюю дату (около 1910 г.). Курсивом — оценки по другим источникам для городов, не включенных в списки В. П., но показанных как истинные на его карте.

⁶ Сокращения: цг — центр губернии; уг — уездный город; г — безуездный и заштатный город; пос. — посад, поселок (фабричный, приисковый, станционный, строительный); пос.-г — посад с городскими правами и (или) управлением; приг. — пригород, сл. — слобода; мест. — местечко; ж. ст. — железнодорожная станция; прист. — пристань; укр. — крепость, укрепление; монаст. — монастырь; ст-ца — станица; ацо — административный центр округа; с — село, деревня, хутор, погост, аул и др.

⁷ Сокращения: ИГ — истинный город (ИГ — то же на карте В. П. Семенова, но вне списков в его книге по ошибке или в силу положения в Финляндии и восточнее уральской части горно-заводского типа, т. е. вне районированной территории; ИГ* — вероятный ИГ вне карты В. П. Семенова); бг — будущий город; ап — административный пункт.

⁸ Обычно указан год получения городского статуса (иногда вторичного). 1939* — дата основания поселения (известная для некоторых городов-ЗАТО).

⁹ По данным: Численность населения..., 1998.

¹⁰ Расчеты в основном по данным из «Паспортов городов России» и региональных статистических изданий; курсивом — приблизительные оценки.

Пробелы в таблице означают отсутствие явления или сведений о нем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Население (тыс. человек) и иерархия 50 крупнейших городов за 100 лет (1897–1997)

	1997	Ранг	1979	Ранг	1959	Ранг	1939	Ранг	1926	Ранг	1897	Ранг
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
МОСКВА	8405	1	8142	1	6133	1	4609	1	2080	1	1039	2
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	4216	2	4073	2	3003	2	3119	2	1689	2	1265	1
НИЖНИЙ НОВГОРОД	1371	3	1344	3	941	3	644	3	222	4	90	7
ЕКАТЕРИНБУРГ	1275	4	1211	4	779	5	423	6	140	11	43	29
САМАРА	1170	5	1198	5	806	4	390	8	176	7	90	8
КАЗАНЬ	1085	6	993	8	667	7	406	7	179	6	130	4
ЧЕЛЯБИНСК	1084	7	1030	6	689	6	273	15	59	34	20	48
УФА	1082	8	978	9	547	12	258	16	99	18	49	22
ПЕРМЬ	1025	9	999	7	629	8	306	12	121	14	45	27
РОСТОВ-НА-ДОНУ	1023	10	934	10	600	9	510	4	308	3	119	5
ВОЛГОГРАД (Царицын)	1005	11	928	11	591	10	445	5	151	10	55	16
ВОРОНЕЖ	910	12	783	13	447	13	344	10	122	13	81	9
САРАТОВ	892	13	856	12	579	11	372	9	220	5	137	3
ТОЛЬЯТТИ (Ставрополь-на-В.)	712	14	502	18	72				6		6	
УЛЬЯНОВСК (Симбирск)	679	15	464	21	206	29	98	37	66	29	42	30
ИЖЕВСК	654	16	549	16	285	20	176	21	63	30		
КРАСНОДАР (Екатеринодар)	650	17	560	15	313	18	193	19	153	9	66	14
ЯРОСЛАВЛЬ	625	18	597	14	407	14	309	11	116	15	72	12
РЯЗАНЬ	535	19	453	23	214	27	95	38	51	40	46	26
ПЕНЗА	534	20	483	19	255	24	160	25	92	19	60	15

Приложение 2

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ОРЕНБУРГ	531	21	458	22	267	21	172	23	123	12	72	11
ТУЛА	525	22	514	17	351	15	285	13	155	8	115	6
НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ	522	23	301	35	16		9	63	4	63		
ЛИПЕЦК	477	24	396	28	157	38	67	49	21	54	21	47
ИВАНОВО (Иваново-Вознес.)	469	25	465	20	335	17	285	14	111	16	54	17
КИРОВ (Вятка)	465	26	421	24	252	25	144	28	62	31	25	43
БРЯНСК	462	27	394	29	207	28	174	22	86	21	25	42
ТВЕРЬ	458	28	412	25	261	22	216	18	108	17	54	18
ЧЕБОКСАРЫ	454	29	308	33	104		31		9		5	
КУРСК	444	30	375	32	205	30	120	32	82	22	76	10
МАГНИТОГОРСК (Магнитная)	424	31	406	26	311	19	146	27				
НИЖНИЙ ТАГИЛ	402	32	398	27	338	16	160	24	39	46		
МУРМАНСК (Романов-на-М.)	394	33	381	31	222	26	119	33	9			
АРХАНГЕЛЬСК	371	34	385	30	258	23	251	17	77	25	21	45
СОЧИ (Даховский)	359	35	287	38	127	47	71	47	13		1	
СМОЛЕНСК	356	36	299	36	147	42	157	26	79	23	47	24
ОРЕЛ	348	37	305	34	150	40	111	34	76	26	70	13
КАЛУГА	347	38	265	43	134	46	89	41	52	39	50	21
СТАВРОПОЛЬ	345	39	258	45	141	43	85	43	59	35	42	31
ВЛАДИМИР	340	40	292	37	154	39	67	50	40	45	28	39
МАХАЧКАЛА (Петровск-Порт)	338	41	241	49	119	49	87	42	34	47	10	
БЕЛГОРОД	331	42	240	50	72		34		31	49	27	40
ЧЕРЕПОВЕЦ	321	43	266	42	92		32		22		7	
САРАНСК	319	44	263	44	91		41		15		15	50
ТАМБОВ	318	45	270	41	172	34	106	35	72	28	48	23
ВЛАДИКАВКАЗ	314	46	279	39	164	36	131	30	78	24	44	28
ВОЛОГДА	302	47	237		139	44	95	39	58	36	28	38
ТАГАНРОГ	291	48	276	40	202	31	189	20	86	20	51	20
ВОЛЖСКИЙ	291	49	209		67							
КОСТРОМА	286	50	255	47	172	35	121	31	74	27	41	32
Стерлитамак	259		220		112	50	39		25		16	49

Приложение 2

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Рыбинск	245		239		182	32	144	29	60	33	25	44
Новгород	232		186		61		40		33	48	26	41
Псков	206		176		81		60		43	43	30	37
Новочеркасск	188		183		123	48	81	45	62	32	52	19
Сызрань	179		166		148	41	83	44	50	41	32	35
Майкоп	166		128		82		56		53	38	34	34
Серпухов	138		140		106		91	40	56	37	31	36
Мичуринск (Козлов)	128		116		81		72	46	50	42	40	33
Елец	122		112		78		51		43	44	47	25
Сарапул	108		108		69		42		25		21	46

Примечание. Города в таблице ранжированы по их людности в 1997 г. Прописными буквами набраны названия 50 крупнейших городов в 1997 г., строчными — названия городов, входивших в число 50 крупнейших городов в 1897 г.

Источник: Население России за 100 лет, 1998, с. 58–63.

Приложение 3

Население и ТПО городов по микрорайонам в 1897 и 1996–98 гг.

№№ микрорайонов	Внутриобластные микрорайоны*	Год													
		единица измерения													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
	Территория, обслуживаемая одним официальным городом	Территория, обслуживаемая одним экономическим городом	Территория, обслуживаемая одним городом	Абсолютный ТПО в % от Москвы	Население всех городов, включая экономические в % от Москвы	Абсолютный ТПО в % от Москвы	Население городов в % от Москвы	ТПО на 1 городского жителя	ТПО на 1 городского жителя	Плотность ТПО от средней по Европейской России	Плотность ТПО от средней по Европейской России	Доля промышленности в ТПО	Доля промышленности в ТПО		
	тыс. кв. км	тыс. кв. км	тыс. кв. км	%	%	%	%	руб.	тыс. руб.	%	%	%	%		
Мурманская обл.															
1 Мурманский	29,0	0	7,3	0	0,06	1,29	5,79	0	8	0	41,2	0	50		
2 Апатито-Мончегорский	0	0	3,2	0	0	2,42	2,64	0	35	0	139,5	0	80		
3 Кандалакшский	0	0	14,0	0	0	0,50	0,57	0	33	0	32,8	0	60		
4 Печенгский	0	0	6,0	0	0	0,41	0,46	0	34	0	31,8	0	90		
5 Кольский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Республика Карелия															
6 Петрозаводский	20,0	20,0	10,0	0,23	1,17	1,87	3,84	222	19	8,3	86,0	33	34		
7 Сортавальский	7,0	7,0	2,8	0,06	0,27	0,16	1,08	264	9	0,0	11,0	3	...		
8 Медвежьегорск	14,5	14,5	14,5	0,05	0,26	0,10	0,36	199	9	1,1	3,0	6	...		
9 Западно-карельский	0	0	33,0	0	0	0,03	0,13	0	10	0	1,0	0	...		

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
10 Сеgezжский	0	8,7	13,0	0,10	0,35	0,35	0,60	318	20	2,7	12,0	55	...
11 Северо-карельский	50,0	50,0	50,0	0,03	0,24	0,34	0,20	135	20	0,4	6,0	1	...
Республика Коми													
12 Сыктывкарский	39,0	39,0	19,5	0,06	0,42	1,38	2,92	150	18	1,0	32,8	1	57
13 Печорский	0	0	31,0	0	0	1,09	1,34	0	31	0	16,3	0	81
14 Интинский	0	0	30,0	0	0	0,42	0,67	0	24	0	12,9	0	77
15 Воркутинский	0	0	26,0	0	0	1,30	1,16	0	42	0	46,1	0	86
16 Вуктыльский	0	0	40,0	0	0	0,07	0,23	0	11	0	1,5	0	29
17 Княжпогостинский	0	0	25,0	0	0	0,05	0,20	0	9	0	1,7	0	58
18 Ухтинский	0	49,0	24,5	0,03	0,20	1,04	1,63	154	24	0,4	19,5	1	66
19 Удорский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
20 Усть-Цилемский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
21 Юго-западный	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
22 Усть-Куломский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Архангельская обл.													
23 Архангельский	83,0	41,5	27,7	1,13	2,12	3,79	7,91	614	18	9,9	42,2	23	61
24 Котласский	26,0	52,0	17,3	0,01	0,25	0,70	1,38	37	19	0,1	12,5	1	76
25 Вельский	20,5	20,5	20,5	0,06	0,33	0,13	0,40	218	12	1,1	3,0	1	43
26 Няндомский	45,0	45,0	22,5	0,05	0,29	0,07	0,46	214	6	0,9	1,5	11	47
27 Онежский	25,0	25,0	25,0	0,11	0,24	0,12	0,30	547	15	3,3	4,4	70	73
28 Мезенский	31,0	31,0	62,0	0,11	0,29	0,01	0,06	429	5	1,3	0,0	18	30
29 Ненецкий	0	0	177,0	0	0	0,06	0,22	0	10	0	0,3	0	43
Вологодская обл.													
30 Вологодский	7,0	5,3	5,3	1,33	3,30	1,44	4,43	460	12	45,9	63,4	9	49
31 Великоустюг	16,0	32,0	10,7	0,44	1,32	0,17	0,65	386	10	10,1	4,9	13	36
32 Тотемский	16,0	16,0	16,0	0,07	0,47	0,04	0,13	177	12	3,3	2,4	1	26
33 Харовский	0	0	17,0	0,0	0,0	0,06	0,15	0	14	0	3,2	0	72
34 Пришекснинский	9,3	9,3	9,3	0,21	1,33	0,07	0,40	181	7	5,4	2,3	15	28
35 Череповецкий	15,5	15,5	10,3	0,18	1,15	5,54	4,15	179	50	4,2	165,1	12	87
Ленинградская обл.													
36 Петербургский**	2,8	1,3	1,3	5,18	16,54	1,89	9,27	358	8	171,1	79,2	44	78
37 Выборгский	4,7	14,0	2,3	0,09	0,34	0,57	1,57	300	14	5,0	37,7	30	59
38 Сланцевский	5,0	5,0	1,7	0,05	0,40	0,33	1,24	133	10	7,0	61,7	38	70

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
39 Лужский	6,0	3,0	6,0	0,26	0,64	0,16	0,49	463	12	31,1	24,7	35	52
40 Волховский	13,0	4,3	3,3	0,24	0,83	1,23	1,58	335	29	13,5	87,5	34	85
41 Тихвинский	14,0	7,0	4,7	0,16	0,74	0,54	1,38	242	15	8,1	35,5	9	79
42 Свирский	12,0	4,0	4,0	0,10	0,48	0,08	0,77	230	4	5,9	5,9	3	38
Новгородская обл.													
43 Новгородский	14,0	2,0	3,5	0,88	3,97	1,80	3,33	255	20	45,9	118,6	27	55
44 Старорусский	7,0	7,0	7,0	0,36	2,03	0,13	0,54	203	9	18,7	8,8	5	47
45 Боровичский	13,0	13,0	6,5	0,25	0,90	0,30	0,93	318	12	14,1	21,4	28	59
46 Валдайский	3,0	3,0	9,0	0,13	0,68	0,04	0,24	225	6	10,9	3,9	11	28
47 Пестовский	0	0	5,0	0,0	0,0	0,04	0,20	0	7	0	6,5	0	45
Псковская обл.													
48 Псковский	8,0	4,8	4,0	1,94	4,40	0,83	3,38	506	9	58,9	31,8	9	40
49 Гдовский	3,0	3,0	3,0	0,03	0,20	0,01	0,07	153	7	6,5	4,0	2	25
50 Опоческий	5,0	5,0	5,0	0,18	0,82	0,04	0,24	250	6	13,0	3,7	14	39
51 Великолукский	6,0	6,0	3,6	0,34	2,18	0,52	1,94	181	10	13,9	26,7	11	64
Брянская обл.													
52 Брянский	6,0	2,6	2,0	2,43	8,71	2,27	7,31	319	12	98,0	116,3	64	48
53 Клинцовский	7,0	2,3	2,3	0,77	3,26	0,27	1,42	269	7	80,0	36,2	67	35
54 Унечский	1,5	1,5	1,5	0,24	2,65	0,14	0,86	102	6	52,0	21,1	40	48
55 Севский	4,0	4,0	4,0	0,18	0,89	0,01	0,10	229	5	32,2	3,1	19	35
Владимирская обл.													
56 Владимирский	2,0	0,7	1,0	2,61	6,16	2,22	5,86	485	14	189,6	205,2	53	65
57 Александровский	2,0	1,0	0,8	0,89	2,45	0,49	2,07	417	9	162,5	112,2	78	57
58 Ковровский	2,0	0,9	2,0	1,30	3,33	0,81	2,67	448	11	157,9	125,0	57	66
59 Муромский	2,5	2,5	2,5	0,74	2,49	0,80	1,93	341	16	108,1	148,2	49	72
60 Гусь-Хрустальный	0	4,0	4,0	0,65	1,15	0,22	0,89	646	9	118,5	51,7	94	63
Ивановская обл.													
61 Ивановский	2,3	0,7	1,0	10,33	10,53	2,47	8,50	1124	11	835,4	253,0	83	59
62 Кинешемский	4,0	1,3	1,0	1,46	1,61	0,42	2,09	1042	8	265,9	96,6	72	53
63 Юрьевский	4,5	1,8	3,0	0,82	1,44	0,07	0,55	653	5	66,6	7,4	68	33
64 Нерльский	2,0	0,7	2,0	0,21	0,47	0,02	0,10	510	10	76,0	11,5	32	25
Калужская обл.													
65 Калужский	1,6	1,3	1,4	1,28	7,39	2,31	6,75	199	13	71,8	163,9	19	48

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
66 Козельский	1,0	1,0	1,0	0,40	1,87	0,11	0,52	245	8	58,2	21,0	17	48
67 Людиновский	12,0	3,0	4,0	0,28	1,18	0,27	1,17	275	9	17,2	20,9	34	61
Костромская обл.													
68 Костромской	3,3	2,5	3,3	2,42	4,89	1,26	3,88	567	12	176,0	116,6	46	53
69 Буйский	3,0	2,4	3,0	0,34	1,52	0,14	0,65	254	8	20,4	10,6	9	66
70 Шарьинский	0	0	5,8	0	0	0,06	0,34	0	7	0	2,5	0	53
71 Мантуровский	3,8	5,0	15,0	0,11	1,16	0,11	0,78	106	5	5,2	6,6	10	65
Московская обл.													
72 Московский**	2,5	0,8	0,3	8,33	14,51	10,26	45,95	657	8	242,3	342,2	72	67
73 Волоколамский	5,0	5,0	5,0	0,07	0,30	0,05	0,21	273	10	10,3	10,0	23	38
74 Можайский	3,0	3,0	3,0	0,11	0,38	0,11	0,37	347	11	27,6	33,4	2	56
75 Ступинский	3,0	3,0	1,0	0,09	0,38	0,80	1,47	257	20	20,9	244,8	7	75
76 Коломенский	2,0	0,8	1,0	2,91	5,14	0,47	2,88	649	6	529,6	108,4	61	57
77 Орехово-Зуевский	5,0	1,7	0,7	3,89	6,71	1,16	3,84	665	11	566,5	213,6	79	41
78 Талдомский	0	2,0	1,0	0,03	0,13	0,10	0,98	319	4	12,7	45,7	2	42
Орловская обл.													
79 Орловский	3,3	3,3	4,3	1,85	10,24	1,38	4,91	207	11	103,4	97,9	15	37
80 Дмитроворловский	1,0	1,0	1,0	0,09	0,51	0,01	0,08	200	3	64,8	5,1	11	62
81 Новосильский	4,0	4,0	4,0	0,04	0,28	0,00	0,06	168	1	7,4	0,5	11	47
82 Ливненский	3,5	3,5	3,5	0,51	2,70	0,34	0,70	214	18	52,6	45,1	16	60
Рязанская обл.													
83 Рязанский	5,7	3,4	3,4	1,40	6,03	2,21	6,99	266	12	59,9	120,2	21	51
84 Касимовский	2,0	1,3	4,0	0,49	2,31	0,12	0,46	242	10	88,9	27,3	41	55
85 Сасовский	7,0	7,0	3,5	0,08	2,70	0,11	0,49	36	8	8,8	14,2	25	55
86 Скопинский	2,5	2,5	5,0	0,31	1,65	0,07	0,34	215	8	44,8	13,5	7	31
87 Ряжский	2,3	1,8	2,3	0,48	4,06	0,80	0,77	135	40	49,8	106,1	14	92
Смоленская обл.													
88 Смоленский	4,2	3,1	3,1	1,81	7,90	1,53	5,64	262	10	52,6	56,5	32	46
89 Сафоновский	6,0	6,0	3,0	0,11	0,63	0,22	0,82	208	10	13,8	33,5	3	42
90 Рославльский	5,0	5,0	2,5	0,34	1,70	0,72	1,14	227	24	49,1	132,9	34	78
91 Вязьменский	4,7	4,7	7,0	1,41	2,57	0,37	1,20	630	12	73,4	24,5	24	51
Тверская обл.													
92 Тверской	6,3	6,3	3,2	3,55	6,99	2,55	7,02	582	14	135,9	124,0	60	58

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
93 Кимрский	2,3	1,2	2,3	0,86	2,57	0,25	1,15	382	8	89,1	32,4	17	41
94 Бежецкий	4,7	4,7	4,7	0,85	1,47	0,15	0,58	662	10	44,2	10,2	10	48
95 Ржевский	8,0	2,7	4,0	0,86	2,57	0,19	0,93	383	8	78,2	22,2	17	50
96 Нелидовский	9,0	9,0	3,0	0,01	0,81	0,12	0,55	20	9	0,0	12,8	0	53
97 Вышневолоцкий	12,0	4,0	4,0	0,65	2,49	0,63	1,53	299	15	39,4	48,4	36	70
98 Осташковский	8,0	4,0	8,0	0,24	1,13	0,05	0,27	239	7	21,4	5,6	39	45
99 Торопецкий	7,0	7,0	3,5	0,11	0,71	0,09	0,34	178	10	11,5	12,0	11	25
Тульская обл.													
100 Тульский	2,5	2,5	1,3	3,18	12,37	3,28	8,83	295	14	231,4	302,7	45	64
101 Суворовский	2,0	1,5	2,0	0,22	1,52	0,33	0,48	168	25	27,1	50,3	16	84
102 Ефремовский	5,0	5,0	5,0	0,43	0,87	0,30	0,66	564	17	62,1	56,0	14	69
103 Новомосковский	2,5	1,7	0,6	0,74	1,70	1,47	4,43	495	12	107,1	270,8	24	64
Ярославская обл.													
104 Ярославский	4,0	1,0	2,7	5,13	8,91	4,97	8,25	659	23	466,1	574,0	54	68
105 Рыбинский	3,3	2,0	5,0	2,05	3,34	1,05	3,02	703	13	149,1	96,8	16	59
106 Переславский	1,8	1,2	3,5	1,72	2,91	0,31	0,98	679	12	179,0	40,5	48	50
107 Даниловский	2,5	1,7	2,5	0,16	0,80	0,07	0,29	233	9	23,6	12,4	5	25
108 Угличский	3,0	1,5	3,0	0,31	1,14	0,17	0,46	311	14	74,8	51,4	25	61
109 Пошехонский	3,0	3,0	3,0	0,11	0,38	0,01	0,09	327	6	26,7	4,0	26	7
Республика Мари-Эл													
110 Йошкар-Олинский	5,0	5,0	5,0	0,02	0,15	1,07	3,02	153	13	3,0	197,5	23	50
111 Волжский	0	0	3,0	0	0	0,20	0,92	0	8	0	30,1	0	57
112 Козмодемьянский	7,0	3,5	7,0	0,15	0,72	0,04	0,29	231	5	15,1	5,2	30	32
Мордовская респ.													
113 Саранский	4,5	9,0	4,5	0,34	1,76	1,58	4,45	218	13	27,1	162,2	26	65
114 Ковылкинский	2,0	6,0	2,0	0,05	1,51	0,08	0,54	37	6	5,9	12,1	1	39
115 Западно-мордовский	7,0	7,0	7,0	0,06	0,55	0,01	0,12	135	2	6,7	0,8	14	33
116 Ардатовский	4,0	4,0	4,0	0,06	0,46	0,04	0,12	155	12	11,4	8,9	1	81
Чувашская респ.													
117 Чебоксарский	1,5	1,5	1,0	0,31	1,22	3,02	7,55	291	15	37,7	464,7	30	55
118 Канашский	0	0	7,0	0	0	0,17	0,66	0	10	0	22,6	0	66
119 Шумерлинский	0	0	3,0	0	0	0,09	0,49	0	7	0	26,2	0	56
120 Алатырский	2,0	2,0	2,0	0,16	1,17	0,07	0,57	152	5	56,5	32,4	40	57

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Кировская обл.													
121 Кировский	18,0	6,0	6,0	0,77	2,84	3,61	6,86	311	20	31,1	185,1	22	58
122 Котельничский	14,0	14,0	14,0	0,19	0,40	0,08	0,38	533	8	9,8	5,1	3	26
123 Советско-Яранский	6,0	4,0	12,0	0,64	1,09	0,12	0,50	671	9	38,6	9,1	4	59
124 Нолинско-Уржумский	5,0	2,5	10,0	0,38	1,20	0,08	0,27	361	10	27,6	7,0	14	26
125 Вятско-Полянский	6,0	6,0	2,0	0,10	0,30	0,17	0,81	391	8	12,3	26,4	21	50
126 Зуевский	0	0	9,0	0	0	0,02	0,18	0	4	0	2,0	0	23
127 Омутинский	0	10,5	10,5	0,10	0,84	0,22	0,51	139	16	0,0	9,7	60	84
128 Мурашкинско-Лузский	19,0	19,0	9,5	0,02	0,11	0,06	0,26		9	0,0	3,1		49
129 Белохолуницкий	12,0	2,4	6,0	0,50	2,11	0,19	0,57	269	12	30,1	14,5	57	62
Нижегородская обл.													
130 Нижегородский	6,3	1,6	1,7	9,13	14,19	9,06	24,22	737	14	349,4	440,2	33	64
131 Павловский	3,0	1,0	1,0	0,30	2,09	0,42	1,05	165	15	73,1	128,1	43	73
132 Выксунский	5,0	0,8	1,7	0,66	1,64	0,74	1,53	464	18	96,3	136,8	73	78
133 Арзамасский	9,0	3,0	4,5	0,41	2,01	0,46	1,55	234	11	33,2	47,4	48	69
134 Лысковский	1,0	0,8	5,0	0,36	2,82	0,07	0,31	147	9	52,6	13,6	28	46
135 Сергачский	7,0	0	7,0	0	0,43	0,03	0,30	0	4	0	3,8	0	0
136 Лукояновский	3,0	3,0	6,0	0,16	1,15	0,03	0,14	158	8	19,1	4,7	5	18
137 Ветлужский	5,5	2,8	11,0	0,17	0,94	0,02	0,13	204	5	11,1	1,3	12	38
138 Шахунский	0	0	5,0	0	0	0,09	0,44	0	8	0	8,5	0	27
Белгородская обл.													
139 Белгородский	2,2	3,7	2,8	0,62	4,49	1,67	4,71	159	13	41,2	139,9	18	42
140 Старооскольский	2,0	2,0	2,0	0,40	4,12	2,87	3,78	111	29	48,3	442,2	32	75
141 Алексеевско-Валуйский	10,0	3,3	5,0	0,33	3,07	0,29	0,89	123	12	24,0	26,8	30	55
Воронежская обл.													
142 Воронежский	3,7	3,7	3,7	3,14	9,12	4,07	11,17	395	14	207,9	341,4	21	56
143 Лисский	2,3	2,3	2,3	0,49	3,27	0,51	1,84	173	11	51,3	67,5	39	77
144 Борисоглебский	4,0	4,0	2,7	0,91	3,57	0,21	1,12	291	7	82,5	23,9	21	49
145 Эртильский	7,0	0	7,0	0	0	0,02	0,17	0	5	0	3,1	0	54
146 Бутурлиновский	6,0	3,0	3,0	0,50	5,91	0,21	1,10	96	7	30,1	16,3	37	55
147 Россошанский	7,0	0	7,0	0	1,06	0,26	0,76	0	13	0	34,8	0	71
Курская обл.													
148 Курский	2,8	2,8	2,2	1,82	9,75	2,30	6,41	213	25	120,1	193,0	16	...

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
149 Железногорский	4,0	2,0	2,0	0,14	1,00	0,60	1,29	166	30	26,3	140,0	23	...
150 Льговский	4,0	2,7	2,7	0,47	2,54	0,18	0,63	214	25	43,1	22,0	15	...
151 Восточный	7,0	7,0	0	0,07	0,91	0	0	84	0	0	0	21	...
Липецкая обл.													
152 Липецкий	4,5	2,3	3,0	0,85	3,63	6,81	6,55	267	39	68,4	698,4	31	79
153 Елецкий	4,5	3,0	4,5	1,34	5,52	0,47	1,58	279	11	108,6	48,1	31	54
154 Данковский	2,0	2,0	2,0	0,42	3,57	0,25	0,74	135	13	50,9	39,2	4	60
Тамбовская обл.													
155 Тамбовский	10,0	3,3	3,3	1,43	5,29	1,55	4,86	310	12	104,2	142,8	44	45
156 Мичуринский	6,0	6,0	6,0	1,07	3,90	0,37	1,45	313	10	129,1	56,4	16	48
157 Моршанский	4,0	4,0	4,0	0,62	2,54	0,16	0,59	278	10	112,2	36,3	33	46
158 Кирсановский	6,0	2,0	6,0	0,87	1,52	0,08	0,24	655	13	105,5	12,9	8	39
159 Уваровский	0	4,0	4,0	0,11	0,98	0,05	0,41	128	5	20,0	11,5	26	33
160 Жердеевский	0	2,0	4,0	0,17	1,57	0,05	0,23	121	8	30,1	11,5	38	46
Республика Татарстан													
161 Казанский	5,7	5,7	8,5	6,48	13,25	5,40	14,22	560	14	277,4	271,0	23	57
162 Набережночелнинский	6,3	2,1	2,4	0,90	3,47	7,30	11,15	298	24	34,6	331,4	16	79
163 Альметьевский	10,0	10,0	2,5	0,10	0,72	4,40	4,10	155	40	7,1	290,5	3	93
164 Чистопольский	8,0	16,0	5,3	0,69	2,19	0,24	1,24	359	7	31,3	14,0	6	...
165 Буинский	3,0	3,0	3,0	0,17	0,86	0,05	0,37	225	5	20,4	7,0	6	...
Астраханская обл.													
166 Астраханский	10,5	5,3	7,0	6,24	12,07	1,30	6,19	592	8	216,2	...	13	...
167 Ахтубинский	11,5	5,8	11,5	0,18	1,61	0,03	0,83	126	...	5,6	...	18	...
Волгоградская обл.													
168 Волгоградский	12,0	6,0	4,0	2,93	8,60	7,00	16,33	390	16	88,9	269,5	35	72
169 Камышинский	17,0	8,5	4,3	1,00	3,38	0,80	2,31	340	13	43,0	43,6	21	72
170 Урюпинский	0	16,0	8,0	0,22	1,14	0,13	0,77	219	6	9,9	7,4	5	37
171 Михайловский	0	5,7	5,7	0,35	1,65	0,40	1,34	246	11	15,1	21,9	47	62
172 Суровикинский	0	0	9,0	0	0	0,05	0,49	0	4	0	2,7	0	40
173 Палласовский	0	22,0	22,0	0,18	1,99	0,03	0,41	104	3	6,0	1,4	3	23
Пензенская обл.													
174 Пензенский	5,3	8,0	4,0	1,09	7,55	2,29	6,91	165	12	49,5	132,2	25	55
175 Кузнецкий	6,0	3,0	6,0	0,43	2,35	0,25	1,20	208	8	51,6	39,2	28	48

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
176 Сердобский	7,0	2,3	7,0	0,23	2,22	0,08	0,54	117	5	23,6	10,0	10	40
177 Каменский	2,3	2,0	3,5	0,67	4,46	0,19	1,08	173	7	34,9	12,7	34	46
Самарская обл.													
178 Самарский	5,0	5,0	2,5	4,61	12,97	23,79	28,61	421	31	167,8	167,8	30	65
179 Отрадененский	0	4,5	4,5	0,27	0,78	0,18	0,98	400	7	0	18,1	59	39
180 Северо-Самарский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
181 Южно-Самарский	0	0	13,0	0	0	0,07	0,26	0	10	0	5,2	0	97
Саратовская обл.													
182 Саратовский	11,0	5,5	5,5	6,52	18,57	4,29	14,04	402	12	215,6	180,2	44	57
183 Аткарский	12,0	8,0	8,0	0,77	3,13	0,13	0,99	283	5	23,4	5,2	23	56
184 Ртищевский	0	4,5	4,5	0,11	0,57	0,11	0,70	231	6	9,3	10,8	28	37
185 Балашовский	7,0	1,8	7,0	0,88	3,47	0,29	1,15	291	9	91,8	37,7	27	62
186 Балаковский	12,0	4,8	6,0	2,25	7,30	1,83	3,58	353	19	68,1	70,5	8	80
187 Ершовский	0	0	16,0	0	0	0,10	0,30	0	13	0	5,9	0	78
188 Краснокутский	12,0	0	6,0	0	1,73	0,06	0,42	0	6	0	4,7	0	42
Ульяновская обл.													
189 Ульяновский	18,0	9,0	6,0	0,87	4,55	4,05	8,45	218	18	35,0	207,6	22	64
190 Димитровградский	0	1,7	5,0	0,53	1,52	0,82	1,65	401	19	0	150,6	36	65
191 Инзенский	7,0	2,3	3,5	0,08	0,75	0,13	0,54	119	9	0	16,6	1	41
192 Южно-Ульяновский	7,0	0	0	0	0,43	0	0	0	0	0	0	0	0
Республика Калмыкия													
193 Элистинский	0	0	8,5	0	0	...	1,33	0	...	0	...	0	...
194 Черноземельский	0	0	32,0	0	0	...	0,19	0	...	0	...	0	...
195 Сарпинский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Республика Адыгея													
196 Адыгейский	8,0	8,0	2,7	0,24	3,01	0,39	2,15	91	7	21,8	45,3	20	38
Республика Дагестан													
197 Махачкалинский	3,5	3,5	1,4	0,00	1,83	0,47	6,32	0	3	0,0	62,6	0	17
198 Хасавюртовский	0	5,0	5,0	0,04	0,51	...	1,01	97	...	6,3	...	1	...
199 Дербентский	10,0	10,0	5,0	0	1,41	...	1,39	0	...	0	...	0	...
200 Кизлярский	15,0	5,0	7,5	0,13	0,98	...	0,64	155	...	6,4	...	2	...
201 Аварский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
202 Лакский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Кабардино-Балкария														
203	Нальчикский	0	0	2,5	0	0,48	0,50	3,84	0	5	0,0	46,2	0	53
204	Прохладненский	0	1,5	1,0	0,10	0,76	0,18	1,25	146	6	23,5	56,4	4	66
Карачаево-Черкесия														
205	Черкесский	0	0	2,0	0	1,15	0,51	1,83	0	10	0	117,0	0	57
206	Карачаевский	0	0	5,0	0	0	0,02	0,27	0	3	0	2,0	0	28
Северная Осетия														
207	Владикавказский	4,0	4,0	1,3	0,81	5,12	1,02	5,23	182	7	74,0	117,7	19	39
Чеченская респ.														
208	Грозненский	9,0	4,5	2,3	0,39	1,85	...	0,00	239	...	31,2	...	16	...
209	Малгобекский	0	0	2,5	0	0	...	1,35	0	...	0	...	0	...
210	Гудермесский	0	0	5,0	0	0	...	0,00	0	...	0	...	0	...
Краснодарский край														
211	Краснодарский	13,0	6,5	2,2	2,20	7,94	3,72	10,19	317	14	123,0	264,0	31	48
212	Ейский	10,0	3,3	5,0	1,43	4,72	0,26	1,44	348	7	104,1	23,8	2	38
213	Тихорецкий	0	6,5	13,0	0,09	0,81	0,27	0,80	123	13	4,9	19,0	1	55
214	Лабинский	0	5,0	5,0	0,26	1,91	0,13	0,76	157	6	38,0	23,6	23	68
215	Армавирский	0	5,5	2,2	1,74	3,56	0,95	4,35	560	8	115,2	79,7	15	51
216	Белореченский	0	0	1,7	0	0	0,28	1,35	0	8	0	52,4	0	33
217	Славянский	0	0	5,0	0	1,70	0,13	0,75	0	7	0	24,0	0	56
218	Новороссийский	2,3	2,3	1,4	2,27	4,01	1,39	4,81	649	11	236,2	182,7	18	42
219	Сочинский	0,0	3,0	3,0	0,11	0,79	1,19	4,83	158	9	13,2	183,6	1	16
Ставропольский край														
220	Ставропольский	17,0	4,3	4,3	1,00	6,61	2,34	6,54	173	14	42,9	127,2	27	47
221	Светлоградский	0	16,0	5,3	0,07	2,03	0,18	1,25	39	5	3,1	10,3	2	36
222	Буденовский	12,0	12,0	6,0	0,11	3,34	0,33	1,23	39	10	6,8	25,3	3	48
223	Минераловодский	3,5	1,4	0,9	0,52	4,24	2,11	6,53	140	12	53,8	278,8	9	24
224	Нефтекумский	0	0	14,0	0	0	0,16	0,30	0	20	0	10,3	0	83
Ростовская обл.														
225	Ростовский	4,7	2,3	2,8	15,98	26,47	5,80	20,46	692	11	830,4	382,4	23	50
226	Миллеровский	0	0	19,0	0	0	0,12	0,48	0	10	0	5,9	0	57
227	Сальский	0	4,0	5,3	0,29	2,79	0,27	1,38	117	7	13,0	15,5	11	23
228	Морозовский	0	3,3	10,0	0,00	0,00	0,07	0,36	0	8	0	6,6	0	32

Приложение 3

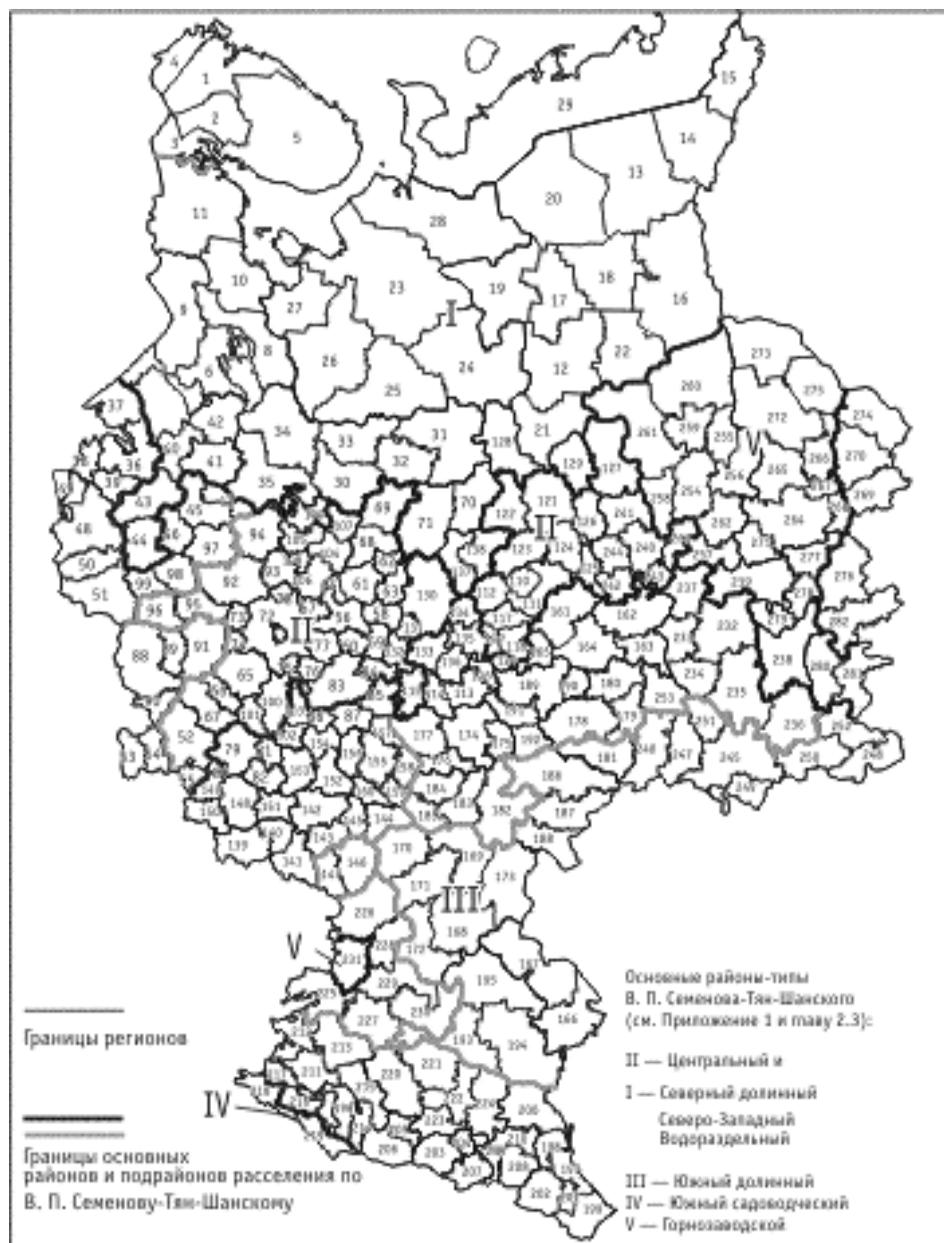
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
229 Волгодонский	0	2,3	7,0	0,21	0,89	0,68	2,41	266	11	10,7	45,0	2	43
230 Зимовниковский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
231 Шахтинский	11,0	2,2	1,4	1,48	3,94	2,75	7,73	430	13	97,8	231,2	66	71
Республика Башкортостан													
232 Уфимский	11,5	7,7	4,6	1,72	5,86	7,40	14,42	336	19	54,3	297,3	8	68
233 Туймазинский	0	0	4,5	0	0	0,89	2,12	0	16	0,0	91,7	0	62
234 Белебеевский	10,0	10,0	10,0	0,07	0,56	0,49	0,70	135	26	4,8	45,1	1	69
235 Стерлитамакский	24,0	24,0	4,8	0,19	1,50	4,17	7,49	143	21	5,7	160,3	15	79
236 Сибайский	0	9,5	19,0	0,05	0,39	0,22	0,89	0	9	0	10,8	23	62
237 Нефтекамский	0	0	4,0	0	0	0,98	2,12	0	17	0	75,5	0	77
238 Белорецкий	0	5,2	13,0	0,39	2,84	0,64	1,33	159	18	11,0	22,8	68	73
239 Северо-Башкирский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Республика Удмуртия													
240 Ижевский	0	6,0	6,0	0,81	6,03	3,28	9,12	154	14	49,3	252,5	60	49
241 Глазовский	12,0	12,0	12,0	0,12	0,34	0,58	1,28	418	17	7,5	44,9	1	59
242 Можганский	0	0	6,0	0	0	0,22	0,58	0	14	0	34,5	0	44
243 Сарапульский	4,0	1,0	2,0	0,60	2,55	0,38	1,45	272	10	110,0	87,5	26	57
244 Зап.-Удмуртский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	v
Оренбургская обл.													
245 Оренбургский	13,5	9,0	27,0	2,66	8,71	4,34	6,35	350	26	71,6	148,5	21	73
246 Бузулукский	17,0	17,0	17,0	0,28	1,40	0,18	1,04	229	7	11,9	9,8	1	29
247 Сорочинский	0	14,0	14,0	0,27	0,95	0,03	0,36	319	3	13,8	1,8	49	37
248 Ясененский	0	0	12,0	0	0	0,08	0,24	0	13	0	6,3	0	75
249 Соль-Илецкий	10,0	10,0	10,0	0,14	1,13	0,06	0,28	144	8	10,3	5,2	23	64
250 Орский	13,0	13,0	3,3	0,22	1,35	2,90	5,94	184	18	12,1	206,0	3	79
251 Адамовский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
252 Шарлыкский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
253 Бугурусланский	11,0	5,5	5,5	0,20	1,52	0,26	0,93	149	11	13,1	22,0	6	64
Пермская обл.													
254 Пермский	8,5	1,7	2,8	2,94	8,79	7,44	13,92	383	20	125,8	404,1	37	54
255 Кизеловский	0	4,5	2,3	0,23	0,80	0,44	1,20	326	14	18,4	45,0	77	64
256 Лысьевский	0	2,0	4,7	0,52	1,99	0,99	1,76	300	21	27,1	65,5	63	62
257 Чернушенский	0	0	10,0	0	0	0,37	0,44	0	32	0	34,1	0	79

Приложение 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
258 Верещагинский	0	5,0	5,0	0,13	0,75	0,22	0,47	192	18	9,2	20,4	1	57
259 Березниковский	5,5	1,8	3,7	0,25	2,04	2,49	3,56	142	26	16,7	208,9	63	73
260 Красновишерский	36,0	18,0	18,0	0,16	0,52	0,17	0,31	343	20	3,1	4,3	8	49
261 Кудымкарский	12,0	4,0	12,0	0,19	0,75	0,05	0,41	0	5	0	4,1	74	30
262 Кунгурский	11,0	5,5	11,0	0,54	1,80	0,34	0,92	344	14	35,7	28,2	22	51
263 Чайковский	10,0	3,3	5,0	0,11	0,65	0,80	1,40	190	22	7,9	73,9	14	63
Свердловская обл.													
264 Екатеринбургский	26,0	2,0	1,6	3,77	11,58	10,20	22,79	373	17	105,6	362,0	28	87
265 Нижнетагильский	0	1,7	1,9	1,59	8,13	5,02	7,98	224	24	68,0	272,5	51	86
266 Алапаевский	11,0	11,0	11,0	0,21	0,83	0,13	0,58	288	8	13,8	10,5	75	72
267 Артемовский	0	2,0	2,0	0,12	0,83	0,28	1,00	165	10	21,7	63,5	75	55
268 Каменск-Уральский	0	6,0	2,0	0,15	0,61	1,85	3,18	282	22	18,1	284,6	25	79
269 Камышловский	12,0	0,0	6,0	0	0,77	0,12	0,60	0	7	0	8,9	0	62
270 Ирбитский	17,0	17,0	8,5	0,05	0,53	0,19	0,85	104	8	2,0	10,1	86	65
271 Красноуфимский	8,0	8,0	8,0	0,07	0,60	0,10	0,54	136	7	6,4	12,0	0	34
272 Серовский	33,0	8,3	4,7	0,52	2,39	1,89	3,27	250	22	11,5	52,9	77	79
273 Ивдельский	0	26,0	26,0	0,01	0,10	0,06	0,21	0	11	0	2,2	0	81
274 Тавдинский	0	0	18,0	0	0	0,14	0,53	0	10	0	7,4	0	61
275 Гаринский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Челябинская обл.													
276 Челябинский	0	0	3,8	0,20	1,85	10,55	15,41	115	26	0	512,6	0	73
277 Кыштымский	0	5,0	2,0	0,31	2,84	0,71	1,52	126	18	22,7	65,6	49	81
278 Златоустовский	7,0	3,5	1,4	0,52	4,24	2,34	5,54	139	16	53,7	308,1	28	73
279 Ашинский	0	1,2	1,2	0,45	3,16	0,47	1,61	165	11	47,2	61,4	52	75
280 Магнитогорский	14,0	14,0	7,0	0,20	1,23	4,49	5,24	182	32	10,2	295,9	13	84
281 Карталинский	0	0	13,0	0	0	0,05	0,36	0	6	0	3,9	0	15
282 Троицкий	0	0	6,0	0,28	2,22	0,55	1,73	131	12	0	28,0	0	63
С.-Петербург	-	-	-	104,70	121,80	18,60	55,00	985	14	-	-	30	40
Москва	-	-	-	100	100	100	100	1146	38	-	-	27	26

* Границы микрорайонов выделены согласно Руководству по районным планировкам (Рекомендации..., 1988), см. карту к приложению 3.

** На картах в главе 2.3 приводятся данные по Петербургскому району без С.-Петербурга и Московскому району без Москвы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Городское население по регионам Европейской России
(в современных границах) в 1897, 1951 и 2000 гг.,
тыс. человек

	Население официальных городов	Население «истинных» и официальных городов	Доля городского населения (официальные города), в %	Население городов более 100 тыс. жит.	Городское население	Доля городского населения, в %	Население городов более 100 тыс. жит.	Городское население (постоянное)	Доля городского населения, в %	Население городов более 100 тыс. жит.
	1897	1897	1897	1897	1951	1951	1951	2000	2000	2000
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Европейская Россия	7204,4	9181,1	11,9	2918	36718	44,2	20027	82236,2	73,0	52474
Северный район										
Республика Карелия	20	24	7,0	0	271	56,2	101	565	73,8	282,2
Республика Коми	4,5	6,5	3,0	0	187	40,7	0	846,5	74,5	329,5
Арханг. обл. без АО	37	37	6,3	0	480	48,9	230	1058,1	74,8	597,2
Ненецкий АО	0	0	0	0	14	42,4	0	27,3	60,4	0
Вологодская обл.	78,7	80	5,8	0	335	27,3	115	900,7	68,3	623,0
Мурманская обл.	0,6	1	6,7	0	294	87,2	150	917,7	91,7	375,4
Северо-Западный										
СПб. и Ленингр. обл.	1415	1475	62,9	1265	3330	85,4	2600	5760,1	91,0	4660,8
Новгородская обл.	58,3	78,8	6,7	0	224	30,4	0	511,8	70,4	228,4
Псковская обл.	75,8	78,9	5,6	0	208	19,9	0	528,9	66,1	317,1

Приложение 4

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Центральный район										
Брянская обл.	100	164,9	7,9	0	417	27,3	160	986,5	68,6	453,3
Владимирская обл.	107	164	11,4	0	635	47,7	105	1289,2	80,4	635,2
Ивановская обл.	92	146	12,0	0	763	59,7	305	1003,8	82,4	456,4
Калужская обл.	99	108	9,2	0	249	27,9	108	801,1	74,3	445,2
Костромская обл.	70	79	8,0	0	290	31,4	140	514,8	65,9	287,2
Москва и Моск. обл.	1160	1323	41,6	1039	7268	76,7	5260	13715,6	91,4	10533,9
Орловская обл.	142	143	11,8	0	130	14,0	102	562,6	62,7	340,8
Рязанская обл.	134	165	8,4	0	279	19,4	115	877,6	68,3	527,4
Смоленская обл.	124	133	7,9	0	268	22,0	112	793,5	70,3	350,4
Тверская обл.	168	192	8,5	0	635	33,6	220	1170,1	73,4	449,7
Тульская обл.	162	171	12,9	115	856	49,4	402	1416,9	81,4	640,1
Ярославская обл.	153	182	13,3	0	680	49,9	485	1133,3	80,2	852,4
Волго-Вятский район										
Республика Марий Эл	6,8	9,1	2,0	0	131	22,8	0	469,7	61,9	249,2
Республика Мордовия	44	45	5,1	0	118	12,0	0	553,2	59,5	315,2
Чувашская Республика	25	25	4,2	0	195	19,0	0	828,4	61,0	584,2
Кировская обл.	62	92	3,4	0	518	27,0	185	1123,6	70,6	465,7
Нижегородская обл.	154	260	7,9	0	1465	43,9	870	2859,3	78,1	1741,2
Центр.-Черноземный										
Белгородская обл.	86	121	6,7	0	130	9,8	0	980,2	65,6	553,0
Воронежская обл.	170	238	8,4	0	568	25,9	340	1519,6	61,9	902,6
Курская обл.	140	148	9,8	0	224	15,8	135	803,6	61,3	439,3
Липецкая обл.	114	132	9,7	0	228	19,4	100	797,1	64,3	637,3
Тамбовская обл.	127	164	8,2	0	311	20,4	125	735,5	57,9	429,0
Поволжский район										
Республика Калмыкия	0	0	0	0	24	19,5	0	128,5	40,8	102,8
Республика Татарстан	197	216	9,1	130	838	31,2	500	2792,7	73,8	2079,0
Астраханская обл.	125	142	25,7	113	277	48,9	263	672,8	66,2	481,2
Волгоградская обл.	81	174	5,8	0	628	43,5	445	1977,7	73,9	1398,7
Пензенская обл.	146	172	9,3	0	380	26,2	207	984,2	64,3	527,5
Самарская обл.	132	143	10,9	0	922	51,0	795	2650,6	80,5	2182,1
Саратовская обл.	241	346	11,2	137	948	48,4	490	1975,9	72,9	1269,3

Приложение 4

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ульяновская обл.	53	75	4,9	0	310	28,0	155	1068,6	73,0	802,4
Северо-Кавказский										
Республика Адыгея	34,2	34	16,5	0	70	24,1	0	241,5	53,9	167,0
Республика Дагестан	41	49	5,8	0	227	27,2	0	860,3	40,2	329,6
Чеченская респ.	245,1	31,9	...
Респ. Ингушетия	133,2	42,3	0,0
Чечено-Ингушетия	16	16	4,5	0	213	46,4	195
Кабардино-Балкарская респ.	0	13	0,0	0	129	37,5	0	448,0	57,0	229,5
Карачаево-Черкесск. респ.	0	12	0,0	0	46	20,2	0	189,7	44,0	120,7
Респ. Сев. Осетия	58	58	33,7	0	188	49,1	150	452,2	67,5	308,6
Краснодарский край	139	246	8,5	0	918	30,1	230	2663,9	53,2	1338,5
Ставропольский край	78	115	7,8	0	366	27,9	105	1468,4	55,2	714,1
Ростовская обл.	240	380	13,5	119	1327	48,1	840	2930,5	67,5	1968,1
Уральский район										
Респ. Башкортостан	80	114	3,7	0	779	28,1	375	2678,1	65,2	1740,7
Удмуртская Респ.	25	93	3,1	0	442	37,4	217	1131,1	69,4	956,1
Оренбургская обл.	132	156	10,2	0	624	38,0	330	1263,5	56,9	905,2
Пермская без АО	80	180	6,3	0	1280	55,7	460	2189,0	78,0	1299,4
Коми-Пермяцкий АО	0	7,8	0,0	0	26	13,3	0	34,5	22,9	0,0
Свердловская обл.	105	294	7,8	0	2341	71,6	925	4024,5	87,4	1979,7
Челябинская обл.	71	159	8,4	0	1714	74,1	880	2980,4	81,3	1871,8

Приложение 5

Основные городские агломерации Европейской части России

№ ГА	Агломерация и ее главный город	Население тыс. человек					Ежегодный прирост в %			
		1959	1970	1979	1989	1999	1959-70	1970-79	1979-89	1989-99
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Архангельская		524,9	634,9	691,1	651,7		2,1	0,8	-0,6
	г. Архангельск		342,6	385	388	366,2		1,3	0,1	-0,6
2	Астраханская			499,6	547,3	527,6			0,9	-0,4
	г. Астрахань			461	509,2	488			1,0	-0,4
3	Брянская		505,6	616,6	691,9	696,3		2,2	1,2	0,1
	г. Брянск		317,5	394,2	452,2	461,1		2,4	1,4	0,2
4	Владикавказская			385,2	417	505,1			0,8	1,9
	г. Владикавказ			278,9	300,2	310,6			0,7	0,3
5	Владимирская			667,7	765,1	751,2			1,4	-0,2
	г. Владимир			296,4	349,7	339,2			1,6	-0,3
6	Волгоградская	707	1038,5	1237,3	1371,9	1407,9	3,5	1,9	1,0	0,3
	г. Волгоград	591,2	817,6	928,7	998,9	1000	2,9	1,4	0,7	0,0
7	Воронежская	500,4	752,4	946,5	1068,3	1097,9	3,7	2,5	1,2	0,3
	г. Воронеж	447,2	660,2	782,9	886,8	908,9	3,5	1,9	1,2	0,2
8	Грозненская		394,7	441,3	476,6			1,2	0,8	
	г. Грозный		341,3	375,3	399,7			1,1	0,6	
9	Ивановская	642	753,1	795,2	823,9	764,8	1,4	0,6	0,4	-0,7
	г. Иваново	335,2	419,6	464,5	481	463,4	2,0	1,1	0,3	-0,4
10	Ижевская	442,8	623	770,6	874	883,3	3,1	2,4	1,3	0,1
	г. Ижевск	285,3	424,4	548,7	635,1	655,3	3,6	2,8	1,5	0,3
11	Кавминводская			522,3	589,9	623,9		1,8	1,2	0,6
	г. Пятигорск			109,9	129,5	133,1		1,8	1,6	0,3

Приложение 5.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
г. Кисловодск			100,9	114,4	120,8		1,3	1,3	0,5
г. Ессентуки			77,7	85,1	97,9		2,0	0,9	1,4
г. Минеральные Воды			67,4	71	75		2,2	0,5	0,5
12 Казанская	783,1	1016,1	1167,4	1288,1	1302,4	2,4	1,5	1,0	0,1
г. Казань	667,2	868,5	992,7	1094,4	1100,8	2,4	1,5	1,0	0,1
13 Калининградская		411,3	482,1	543,8	584,2		1,8	1,2	0,7
г. Калининград		296,7	354,8	401,3	427,2		2,0	1,2	0,6
14 Калужская			471,5	588,7	624,8			2,2	0,6
г. Калуга			265	311,4	342,4			1,6	0,9
15 Кировская	373,5	507,9	605,8	699,1	673	2,8	2,0	1,4	-0,4
г. Киров	252,4	332,5	389,5	440,2	466,1	2,5	1,8	1,2	0,6
16 Краснодарская	407,8	580	700,3	767	795,2	3,2	2,1	0,9	0,4
г. Краснодар	313,1	464,1	560,4	620,5	643,4	3,5	2,1	1,0	0,4
17 Курская	224,3	325,8	454	526,5	555,9	3,4	3,7	1,5	0,5
г. Курск	204,7	284,2	375,3	424,2	445,4	3,0	3,1	1,2	0,5
18 Ленинградская	3650,5	4421,5	5072	5557,4	5332,8	1,7	1,5	0,9	-0,4
г. С.-Петербург	2984,8	3513	4072,5	4460,4	4728,2	1,5	1,6	0,9	0,6
19 Липецкая		438,9	565,4	650,8	690,9		2,8	1,4	0,6
г. Липецк		289,1	395,6	449,6	521,6		3,5	1,3	1,5
20 Махачкалинская			476	586,1	633,9			2,1	0,8
г. Махачкала			251,4	317,5	334,9			2,3	0,5
21 Московская	8258,3	10630,4	12601,7	13804,9	13617,4	2,7	1,6	1,1	-0,1
г. Москва	5785,2	6942	7830,5	8687,8	8389,7	1,7	1,3	1,0	-0,3
22 Мурманская		386,6	474,7	619,7	514,3		2,3	2,6	-1,9
г. Мурманск		308,6	380,8	468,1	382,7		2,3	2,1	-2,0
23 Набережно-Челнинская			532,2	814,5	886,8			4,2	0,8
г. Набережные Челны			301,4	500,3	518,3			5,0	0,4
24 Нижегородская	1398,9	1863,7	2127	2252,7	2165,6	2,6	1,5	0,6	-0,4
г. Н.Новгород	940,8	1170,1	1344,5	1438,1	1364,9	2,0	1,5	0,7	-0,5
25 Нижнетагильская	487,2	530	563,9	591,8	554,6	0,8	0,7	0,5	-0,6
г. Нижний Тагил	337,7	378,4	398,1	424	395,8	1,0	0,6	0,6	-0,7
26 Пензенская			522,2	583,7	575,1			1,1	-0,1
г. Пенза			482,9	542,6	533,3			1,2	-0,2

Приложение 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
27 Пермская	725,4	980,3	1131,1	1247,9	1171,2	2,7	1,6	1,0	-0,6
г. Пермь	629,1	850,3	999,2	1090	1017,1	2,7	1,8	0,9	-0,7
28 Ростовско-Таганрогская	1387,6	1744,1	1984	2122,8	2104,5	2,1	1,4		-0,1
г. Ростов-на-Дону	599,5	778,8	934,1	1019,3	1017,3	2,4	2,0	0,9	-0,02
29 Рязанская		561,8	688,2	783,5	792,1		2,2	1,3	0,1
г. Рязань		350,2	453,3	515,1	531,3		2,9	1,3	0,3
30 Самаро-Тольят.	1147,3	1663,2	2097	2270,1	2272,2	3,3	2,6	0,8	0,0
г. Самара	806	1038	1206	1257	1168	2,3	1,7	0,3	-0,7
31 Саратовская	694,6	930,4	1068	1138,3	1115,4	2,6	1,5	0,6	-0,2
г. Саратов	579,1	757,3	855,7	904,7	881	2,4	1,4	0,6	-0,3
32 Свердловская	1157,3	1515,4	1734,1	1935,6	1857,1	2,4	1,5	1,1	-0,4
г. Екатеринбург	778,6	1025	1211,2	1364,6	1272,9	2,5	1,9	1,2	-0,7
33 Смоленская			359,6	425,7	444			1,7	0,4
г. Смоленск			276,4	342,6	355,7			2,1	0,4
34 Ставропольская			393,5	478,9	524,2			2,0	0,9
г. Ставрополь			258,2	318,3	345,1			2,1	0,8
35 Тамбовская			486,7	540,4	549,1			1,0	0,2
г. Тамбов			270,1	304,6	315,1			1,2	0,3
36 Тверская	406,5	541,9	629,5	674	675,3	2,6	1,7	0,7	0,0
г. Тверь	261	345,1	411,5	450,9	457,1	2,5	2,0	0,9	0,1
37 Тульская	1112	1362,2	1476,3	1522,2	1485,1	1,8	0,9	0,3	-0,2
г. Тула	351	462	514	540,6	513,1	2,5	1,2	0,5	-0,5
38 Ульяновская		491,6	650	835,6	827,9		3,1	2,5	-0,1
г. Ульяновск		351,1	464	625,2	671,7		3,1	3,0	0,7
39 Уфимская	574,8	829,7	1032,7	1188,2	1162,1	3,3	2,4	1,4	-0,2
г. Уфа	546,9	770,9	969,3	1082,1	1088,9	3,1	2,5	1,1	0,1
40 Чебоксарская			416,7	565,5	616,1			3,0	0,9
г. Чебоксары			307,6	419,6	458			3,1	0,9
41 Челябинская			1508,5	1596,6	1519,6			0,6	-0,5
г. Челябинск			1029,5	1141,8	1086,3			1,0	-0,5
42 Ярославская	896,6	1113,7	1296,7	1423,7	1402,8	2,0	1,7	0,9	-0,1
г. Ярославль	407,1	517,3	597	639,1	620,6	2,2	1,6	0,7	-0,3
В с е г о :	24208	37113	52086	56932	559273	1,5	1,4	1,1	-0,1

The Town and the Country in European Russia: One Hundred Years of Change

Editors: T. Nefedova, P. Polian, A. Treivish

ANNOTATION-ACKNOWLEDGEMENT

The book “The Town and the Country in European Russia” written by V. P. Semenov-Tian-Shanskii and published in 1910 summed up the results of rural and urban settling on the eve of the 20th century. One hundred years have passed.

This book attempts to follow and understand the urban and rural development trends of the last 100 years and to sum them up, this time on the eve of the 21st century. The item implies not only collation and comparison of data concerning the early and late century, and not only verification of information and forecasting suggested by V. P. Semenov-Tian-Shanskii, but it also requires a radical revision of the very concept and method which would correspond to changing criteria. Empirically, the book examines major demo-geographical results of the century that has gone, stages of population change, urbanisation and industrialisation, stability of settlement network, preconditions and results of urban economic development, rural continuity and change, expansion of urbanities into the countryside and rustic features inherited by cities, and political and religious specifics of the town and country. Numerous maps, tables and statistical appendices allow to compare the state of urban and rural settlements in the early and late century.

The book is addressed to researches, teachers, students, politicians and decision makers.

CONTENTS

About this book (P. Polian, T. Nefedova, and A. Treivish)

Part one. THE COUNTRY AND THE TOWN: COMMON DESTINIES

1.1. "The Town and the Country in European Russia" by V.P.Semenov-Tian-Shanskii in the Eyes of Contemporaries and Progeny
(P. Polian)

1.2. The twentieth century: by the way of demographic catastrophes
(P. Polian)

Russia: territorial limits. Russia's population dynamics and demographic catastrophes: a division into periods. Early in the century: the Stolypin reform and emigration boom. The first demographic catastrophe (1915–1922). The second demographic catastrophe (1930–1936). The third demographic catastrophe (1941–1948). Russian population in the second half of the 20th century. Tendencies of the late eighties and nineties. Veniamin Petrovich Semenov-Tian-Shanskii in the century's demographic context

Part two. THE TOWN

2.1. European Russian Cities in the late 19th century (G. Lappo)
Urban development and network by the end of the 19th century. Basic features of the urban situation in the late 19th century

2.2. The True Towns by V. P. Semenov-Tian-Shanskii Today (G. Lappo)
The criteria of a "true town". The true towns which already had urban status. The true towns which had no urban status. Future cities. Administrative centres

2.3. Cities as Economic Centres: through the Century
(T. Nefedova and A. Treivish)
Once again on V.P. Semenov-Tian-Shanskii's "economic town". Changing hierarchy of most populous European Russian cities.

Change of economic leadership. Economic centres and regions. Unofficial regional leaders. What mapping can contribute. Major types of economic centres and their evolution

2.4. Urbanisation in European Russia: The Process and its Results (G. Lappo)

The rapidity of urbanisation. Establishment and creation of new cities. Industry as the major factor of urbanisation in European Russia. Quality of the Russian urbanisation. Growing number and importance of large cities. Urban agglomerations and population basic framework (written by P. Polian). 'Naukogrady' (R & D cities). Urban development in space. The newest trends in settlement systems (1989–1998). Incompleteness of urbanisation in European Russia

2.5. Quantitative Characteristics of Urbanisation during 100 Years by European Russian Region (R. Popov)

Major phases and results of urbanisation. Urbanisation typology of European Russian regions

2.6. Russian Urban Systems through the Lens of Evolutionary Urbanisation Theories (T. Nefedova and A. Treivish)

The Soviet and post-Soviet challenges to the theories of urbanisation. Stages of Russia's urbanisation in terms of population change and migration attraction by urban size class. Geographical disparities in differential urbanisation. Major economic regions: urban net-migration. Regions and urban agglomerations: population dynamics. Differential urbanisation inside urban agglomerations

2.7. Urban Dynamics and Wealth in the Late 20th Century (T. Nefedova and A. Treivish)

Urban population dynamic and migration. Digressive and growing cities at the end of the century. An estimation of urban relative well-being. Healthy and sore: how many cities and what jobs? Healthy and sore: where located? Counterbalances to official leaders. What local statistics and personal observations contribute

Part three. THE COUNTRYSIDE

3.1. Evolution of Rural Population in the First Half of the 20th Century (D. Likhmanov)

Rural population density in the early 20th century. Regional settlement variety in the early century. Change in settlement systems during the first half of the 20th century. Rural population density by the year 1959

- 3.2. Evolution of Rural Population in 1959–1989 (*D. Lukhmanov*)
Contemporary results of the rural settlement evolution. Density of rural population and settlement size and density by the year 1989. Change in rural settlement systems by time period. Regional settlement structures. Consequences of structural change on the eve of the 1990s.
- 3.3. Non-Agricultural Rural Settlements: Transformation during the Century (*D. Lukhmanov*)
- 3.4. Geographical Typology of the Countryside (*T. Nefedova*)
The former and present state of the V.P. Semenov-Tian-Shanskii's rural areas. Contemporary organisation of ex-urban space
- 3.5. Economy of the Russian Countryside and its Population (*T. Nefedova*)
The agrarian Russia in the early 20th century. The then reforms. Post-revolutionary agrarian transformations. Agriculture in the second half of the century. Shifts in land-use and settling. A region case study of long-term change. A summary of agricultural spatial development by the 1990s.
- 3.6. Rural Population and Agriculture at the End of the 20th Century (*T. Nefedova*)
Rural population: the phenomenon of growth. Does the countryside have enough labour force? Reforming of agriculture in the 1990s. Back to the roots. Would collective enterprises survive? Agro-industrial integration from above and from below. Regional methods of survival for countryside
- Part four. THE CITY AND COUNTRY: CHANGE OF ROLES AND RELATIONSHIPS
- 4.1. The City, Countryside, and Regional Developments (*A. Treivish*)
Modernization waves, space and population. Geographical shifts in Russian economy and settlement system. Regional variety of Russian population strengths and densities. Major employment sectors by European Russian region in dynamics. "Rural" and "urban" occupations of the countryside and town
- 4.2. The Russia's Suburbs. Urbanities in the Countryside (*T. Nefedova*)
Suburbs as zones of centripetal concentration of population. From 'otkhodnichestvo' (seasonal peasant work in cities) to shuttle migration. Urbanities in the Countryside. Change in suburban land-use and the land markets. Environmental management in the environs of large cities. Gradients, gaps and barriers in Moscow urban and suburban areas

4.3. Utilities in Cities and in the Countryside. The Country in the Town (T. Nefedova)

Utilities and services in cities of various size classes in the early and late century. Sewerage as an indicator of urban lifestyle. The rustic countryside inside the cities

4.4. Political Behaviour of the Town and Countryside in the Early and Late 20th Century through the Lens of the Duma Electoral Campaigns (A. Titkov)

Elections to the State Duma in 1906-1912. Peculiarities of political geography in the post-revolutionary period. Political preferences of the town and countryside in the 1990s votings. A comparison of the past and present: stability of the political-geographical structure. "Centre—periphery"

4.5. Religious Space of Russia in the Early and Late 20th Century (S. Safronov)

Continuity of confessions' distribution in the early and late century. Major confessions of Russia. Elements of a confession space. Changing proportions of different confessions.

Conclusion (A. Treivish)

List of References

Appendices:

Appendix 1

Official and True (by V.P.Semenov-Tian-Shanskii) Cities of the European Part of Russia in the Late 19th Century and Contemporary Cities: Types, Population and Trade-Industrial Turnover (T. Nefedova and A. Treivish, G.M. Lappo/consultant)

Appendix 2

Population and Hierarchy of 50 Largest Cities During 100 Years (T. Nefedova)

Appendix 3

Characteristics of European Russian Cities by Micro-Region in the Early and Late 20th Century (T. Nefedova)

Appendix 4

Urban and Rural Population by European Russian Region in the Years 1897, 1851 and 2000 (A. Treivish)

Appendix 5

Urban Agglomerations in the European Part of Russia, 1959–1999 (P. Polian)

Художник: *С. Митурич*

Изготовление оригинал-макета: *Т. Донскова*

Редактор: *Е. Вагина*

Производство: *Е. Кострикина*

Объединенное гуманитарное издательство

103001, Москва, Средний Кисловский пер., 3, строение 3

Тел./факс: 229-5548; e-mail: perm@ogi.ru

для заказов: e-mail: tirazh@zhurnal.ru

Главный редактор *Е. В. Пермяков*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, код 953000

ЛР № 065416 от 22.09.97

Сдано в набор 17.10.2000. Подписано в печать 18.06.2001.

Формат 70×100/16. Объем 45,16 усл. печ. л.

Гарнитура OffісіпаSans

Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ №

В 1910 году В.П. Семенов-Тянь-Шанский выпустил классический труд «Город и деревня в Европейской России». То было подведением итогов расселения россиян на ключевой части империи на исходе XIX века. Эта книга – попытка сделать то же самое, но на рубеже XX столетия, с его политическими и демографическими катастрофами. Что же сделали эти бурные сто лет с городом и деревней? Сбылись ли прогнозы петербургского классика, чья собственная жизнь так легко растаяла в Ленинграде, в первую же блокадную зиму? И да, и нет. Само столетие стало веком разогнавшегося вскачь города, топтавшего деревню и тащившего его повсюду за собой, а под конец уставшего и перешедшего на трясцу. В итоге же век сплотил и город, и деревню в единое силовое поле, в котором мы и дальше – «предполагаем жить».

